

И.В. МОЖАЙСКОВА

Ирина Владимировна Можайскова – доктор экономических наук, профессор. Окончила Московский финансовый институт. После окончания института работала в Министерстве финансов СССР, затем в Институте экономики Российской академии наук. Автор более пятидесяти работ. Область научных интересов – микро- и макроэкономика, распределение национального дохода, финансы и кредит предприятия, а в постсоветское время – русская цивилизация, что нашло отражение в крупной монографии «Духовный образ русской цивилизации и судьба России (Опыт метаисторического исследования)» в четырех частях (М., 2001).

И.В. Можайскова

**РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ
И ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В МНОГОВЕКОВЫХ ЦИКЛАХ
ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

РЕТРОСПЕКТИВА

В ДВУХ КНИГАХ

АНО «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ»

**МОСКВА
2013**

И.В. Можайскова

**РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ
И ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В МНОГОВЕКОВЫХ ЦИКЛАХ
ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ
РЕТРОСПЕКТИВА**

Книга первая

**РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ И ДЕНЬГИ
В МНОГОВЕКОВЫХ
ЦИКЛАХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
И ИХ РАЗВИТИЕ
В ЗАПАДНОМ ОБЩЕСТВЕ**

АНО «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ»

МОСКВА
2013

УДК 008;336;930
ББК 63.3; 65.261; 65.262.6;71.05
М74

Можайскова И.В.

Рыночные связи и денежные отношения в многовековых циклах Западной и Русской цивилизаций: Ретроспектива. В 2-х кн. М.: АНО «Экономическая летопись», 2013. – ISBN 978-5-903388-26-4

Кн. 1. Рыночные связи и деньги в многовековых циклах цивилизаций и их развитие в Западном обществе: Ретроспектива. – М.: АНО «Экономическая летопись», 2013. – 583 с. – ISBN 978-5-903388-26-4

В монографии, состоящей из двух книг, исследуются две цивилизации, возникшие в рамках христианства и оказывающие большое влияние на ход мировой истории. Одна из них возникла в западной части Европы в рамках католически-протестантской ветви христианства. Два тысячелетия исторической эволюции этих цивилизаций, зародившихся примерно в одно и то же время (разница в несколько столетий): Западная цивилизация – VI–VIII вв., Русская – VIII–IX вв., нашли свое отражение в особенностях многовековых циклов развития, в которых по-разному складывалась вся система общественных отношений, включая экономические и их важнейшую часть – рыночные связи и денежные отношения.

Книга представляет интерес для обществоведов всех специальностей (научных и практических работников, преподавателей), а также широкого круга творческой интеллигенции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Методологическое введение	16

РАЗДЕЛ I

В поисках ответа на загадочную природу денег и товарного хозяйства в контексте материальных и религиозно-духовных потребностей человечества	23
--	-----------

Глава 1

«Квадратура круга»: политэкономия на пути к постижению загадочной сущности денег и рыночных отношений в рамках евроцентристского мировосприятия	25
1.1. Гимн золоту в меркантилизме и первые политэкономические доктрины трактовки функциональной природы денег рыночного хозяйства	25
1.2. Через классическую политэкономю к стоимостной природе денег	31
1.3. Неоклассическая политэкономия и функционально-количественные теории денег	37
1.4. Функционально-декретная природа денег: от Дж. Ло и номинализма к Кейнсу и кейнсианству	42
1.5. Монетаризм как идеологический и научный оппонент кейнсианству	51
1.6. Денежные теории «открытой» экономики: процентная ставка, валютные курсы, бюджетно-налоговая политика	61
1.7. К.Маркс: стоимостная природа денег капиталистического хозяйства, золото как материализованное воплощение абстрактного труда	71
1.8. Советская политэкономия: творческий марксизм в разработке товарного хозяйства и денег (информация к размышлению)	84
1.9. Эвристическая ограниченность политэкономической мысли в постижении сущности денег и рыночных связей	100

Глава 2

Рыночные связи в контексте материальных основ и духовных начал в эволюции человечества	111
2.1. Диалог формационной и цивилизационной школ с их противостоянием евроцентризму	111
2.2. Новые подходы к постижению сущности рыночных связей: от их трактовки как стороны способа производства в рамках формационной школы к цивилизационной парадигме исследования	122

Глава 3

Материальные и религиозно-духовные потребности в космической судьбе человечества как «детей Божьих» в их цивилизационном многообразии	131
3.1. В борьбе за физическое выживание: «хлеб насущный» в судьбе человечества	131
3.2. Религия в духовной жизни людей; слово (письменность) и камень (зодчество) в религиозном творчестве	140

3.3. Религиозные установления в жизни людей разных цивилизаций: градостроение, быт, питание	151
3.4. Социальное проклятие: излишнее (роскошь) вместо необходимого – древнее противоречие экономического бытия человечества	162

Глава 4

Рыночные связи и деньги в процессе цивилизационной эволюции человечества	173
4.1. Основные формы пространственного бытия рыночных связей: малые рыночные миры и миры-экономики	173
4.2. У истоков мирового рынка и денежных систем цивилизаций: тандем роскоши и золота	184
4.3. Монетарные и кредитные деньги миров-экономик. Товарная форма денег малых рыночных миров	193
4.4. Рыночные связи и денежные отношения в империях Древнего мира (Мидо-Персидской, Греко-Македонской, Римской)	202
4.5. Пространственные формы рыночных связей и денежных отношений во временных ритмах цивилизаций: к постановке проблемы	220

Глава 5

Тысячелетние и многовековые циклы в истории человечества; христианство и Новая эра как рубежная дата в его духовной эволюции	225
5.1. Религиозно-философское Знание в постижении временных циклов и ритмов Вселенной	225
5.2. Циклическая жизнь цивилизаций, их тысячелетние и многовековые временные ритмы	236
5.3. Духовные томления человечества накануне Новой эры: тенденции к единобожию древних цивилизаций, идеалистическая философия и иудаизм	250
5.4. Христианство: основы вероучения, конфессиональные ветви, противостояние Римско-католической и Греко-православной Церквей	268
5.5. Идеологи раннего христианства о торговле и деньгах (кратко в рамках социологии)	280

РАЗДЕЛ II

Религиозные основы многовековых циклов развития Западного общества; их роль в формировании современных мировых рыночных связей и валютно-денежной системы	287
---	-----

Глава 6

Первый многовековой цикл Западной цивилизации: крест и меч в ее образовании (VI–X вв.)	289
6.1. Месторазвитие и фаустовские начала метаисторической идеи Западной цивилизации	289
6.2. Светская власть и феодализм в религиозной ауре папства	296
6.3. Скромное бытие торговли и денег в феодальной Европе	303

Глава 7

Второй многовековой цикл Западной цивилизации: рыночные связи и деньги под покровом Святого Престола (XI–XIV вв.)	309
---	-----

7.1. Святой Престол на пике своего могущества и его роль в регулировании торговых и денежных отношений	309
7.2. Мир-экономика Западной Европы: его двухполюсная структура, города-государства и космос средневекового города	320
7.3. Дефицит благородных металлов и обесценение монет, борьба за «denarius perpetus» («вечную монету»). Фунт стерлингов и флорин как первые «мировые» деньги Западной Европы	331
7.4. У истоков коммерческих кредитных отношений европейского мира-экономики	344
7.5. Начало падения папства под натиском «золотого тельца»	347

Глава 8

Третий многовековой цикл Западной цивилизации: духовный кризис и его проявление в революционных потрясениях религиозного, политического, культурного и социально-экономического характера (XV–XIX вв.)	351
8.1. Изменение духовного климата Европы под воздействием Реформации и ее разнообразных протестных течений	351
8.1.1. Европа «умытая кровью»: реформация, религиозные войны и восстания в жестоком католически-протестантском климате Западной Европы	351
8.1.2. Наука в разрушении католически-протестантского мировосприятия Западной цивилизации	363
8.1.3. Эпоха Возрождения: искусство и литература в изменении духовного климата Европы	371
8.1.4. Век Просвещения: торжество Разума над Верой	375
8.2. Отражение религиозно-духовных потрясений и эпохи Просвещения в Европейских революциях XIX в.	383
8.2.5. Отражение реформационных потрясений в Нидерландской и Английской революциях	383
8.2.6. Кризис союза «трона и алтаря» в условиях глубоких противоречий феодализма: Великая французская революция, революционные войны и их социально-политические последствия (XVIII в.)	389
8.2.7. Социальная справедливость как идеологическая доминанта революций XIX в.	399
8.3. Рождение идеологий, социальных религий и масонства – результат религиозно-духовных и социально-экономических потрясений трех столетий	405

Глава 9

Рыночные связи и деньги в условиях духовного кризиса Западной цивилизации (XV–XIX вв.)	415
9.1. Европейцы в «броске» на материальные и людские ресурсы планеты: военизированный характер международной торговли, колониальные империи и разрушение миров-экономик стран не-Запада	415
9.1.1. Начальный этап в формировании торгово-денежного механизма европейских государств и его духовно-идеологические предпосылки	415
9.1.2. Торгово-денежный механизм европейских государств в разграблении древних цивилизаций Америки и проникновении в миры-экономики стран Евразии	420
9.1.3. Военизированные торговые компании в наступлении на миры-экономики Востока	427

9.1.4. Гибель колосса: от мощного мира-экономики Индии к колониальной структуре Британии (XVII–XIX вв.)	431
9.1.5. Колониальные империи в образовании долгосрочных глобальных социально-экономических и геополитических противоречий человечества	449
9.2. Рыночные связи и деньги Западной Европы на базе колониализма: национальные рынки, закрытые денежные системы, золотой стандарт, фунт стерлингов в качестве мировых денег (XV–XIX вв.)	455
9.2.6. Внутренние рынки территориальных государств Западной Европы: политические предпосылки, материальные основы, сущность, капитализм	455
9.2.7. «Закрытые» денежно-кредитные системы европейских государств; формы денег и знаков денег, ими порожденные. Лидерство Нидерландов и столичных городов	467
9.2.8. Динамика движения драгоценных металлов Европы в контексте их мирового оборота. Основные виды золотых и серебряных монет	479
9.2.9. Первые финансовые потрясения: разрушительные последствия акционерного ажиотажа и неограниченной казначейской эмиссии бумажных денег. Инфляция	488
9.2.10. «Европейское процветание» под лидерством Британии: эра золотого стандарта и фунта стерлингов, первые мировые кризисы, империализм	501

Глава 10

Начало четвертого многовекового цикла Западной цивилизации: США – модернизированный вариант европейского общества. Особенности идеологии и социально-экономической структуры, доллар как монетарное оружие (XIX в. – 70-е годы XX в.)	513
10.1. «Американская идея» в контексте «воинствующего монетаризма» как социальной религии и власти олигархического капитала США	513
10.1.1. Религиозная доминанта в столетиях становления США: от протестантизма к воинствующему монетаризму	513
10.1.2. «Американская идея»: стратегия государственного развития США в свете доктрины Монро и Нового курса Рузвельта, их социальные аспекты	522
10.1.3. Власть немногих: олигархический капитал США, его идеология и практика реализации «американских идей» в исторических реалиях конца XIX – начала XX вв.	534
10.2. Путь доллара США к пьедесталу мировых денег	546
10.2.4. Доллар США и особенности денежно-кредитной системы США: от бумажных инфляционных денег к золотой основе и ее сохранению в кризисных катаклизмах начала XX в.	546
10.2.5. Доллар на фоне ослабления основных европейских валют (фунта стерлингов и марки) в 20–40-е годы XX в.	556
10.2.6. Доллар на вершине денежного Олимпа: распад стерлинговой зоны, образование Международного валютного фонда и конец эры золотого стандарта (40–70-е годы XX в.)	564
Коротко о главном: монетарный механизм Запада в разрушении цивилизационной структуры мирового сообщества и формировании противоречий апокалиптического характера	573

Книга посвящается всем соотечественникам, духовно сопричастным к деяниям многих поколений людей русской цивилизации прошлого и, дай Бог, будущего, для которых благоденствие и сбережение земли Русской, ее народа, Великой культуры являются неотъемлемой частью их самореализации и личностных ценностей, не затеняемых повседневными делами и бытовыми заботами в их короткой земной жизни. Следует помнить завет легендарного Г.К. Жукова: «Великому, большому народу всегда нужны великие идеи и большие имена, чтобы было во что верить и за кем идти!»¹.

ПРЕДИСЛОВИЕ

XX век на фоне предыдущих столетий и даже начала XXI века в духовном отношении родился максималистом. Его не устраивали многие христианские истины, которые Просвещение, разрушив католическую и протестантскую теологию, превратило в нравственные протезы. Век поставил общую для всей мировой культуры задачу – создать новую Библию, новый нравственный кодекс и как следствие – новую личность. Этот крестовый поход против старого мира возглавили русские революции начала века, которые нужно воспринимать именно как духовный взрыв. Ввиду их грандиозной, так и не возведенной, Вавилонской башни духа, подвижники начала века с легкостью расставались с банальными, как им казалось, добродетелями XIX в. – гуманизмом, свободой, демократией. Их беспокоила не только общественная несправедливость, вещизм, буржуазная бескрылость, но и бессмысленность разобщенного человечества. Они пытались вступить в будущее с фантастическими планами и фанатической верой в возможность преобразования мира. Отсюда идеи одушевления космоса, воскрешения мертвых, наделения разумом всего сущего – от звезд до минералов. Отсюда фраппирующая сознание поэзия с разными «измами» (включая «Облако в штанах» В. Маяковского и «Хулио Хуренито» И. Эренбурга), отсюда все послереволюционное искусство и архитектура, отрицающие завоевания классики,

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 139.

но оплодотворившие своей творческой силой все достижения мировой культуры прошедшего столетия. Отсюда переосмысление революционных лозунгов прошлого – свободы, равенства, братства – в советский коммунизм. Отсюда восстание против власти «золотого тельца» – этого Кощея Бессмертного, тысячелетиями властвующего над родом людским. Россия проиграла это сражение. Не получилось. Слишком рано и неумело были начаты эти битвы с мировым злом и не на том витке истории. Россия надорвалась в этом противостоянии. Погибла самая творческая и пассионарная часть народа в кровавых бойнях минувшего столетия, включая битву с фашизмом и сталинский тоталитаризм.

Именно деньги, обернутые в общие рассуждения о свободе и демократии, уже почти четверть века глумливо стали править страной. Победили доллар, нажива, гламур, все сопутствующие им пороки пышно расцвели на российской необъятной земле. Почему? Автор попытался ответить на этот вопрос в предыдущей своей работе: «Духовный образ русской цивилизации и судьба России»². В данной книге автор продолжает эту тему, но в другом ключе, связывая религиозно-духовную ипостась цивилизационной эволюции мира и России с особой ролью в ней рыночных отношений и денег. Автор сознает, что поставил перед собой сложную задачу – провести исследование проблем, с которыми каждый неизбежно сталкивается (деньги, рынки, торговля), – но поставленную в связь с некими общими религиозно-социологическими факторами, не только весьма далекими от бытовой жизни, но и вообще отсутствующими в сознании рядового человека.

Решение этой непростой задачи основывалось на том научном заделе, который сложился в профессиональном прошлом автора: по образованию – финансист-экономист, годы работы в Министерстве финансов СССР и почти сорок лет в Институте экономики АН СССР, доктор экономических наук, профессор политэкономии. Интеллектуальная среда, в которой формировалось мировоззрение, была связана с более чем критическим отношением к советским реалиям. Она включала в себя все темы «кухонных застолий» с обсуждением публикаций «самиздата» и «тамиздата», всех первых книг А. Солженицына, поздних – В. Гроссмана, «Большого террора» Р. Конквеста, правозащитной деятельности А. Сахарова, форм третьей волны эмиграции и т.д. Постоянно обсуж-

² См.: *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации и судьба России: Опыт метаисторического исследования. В 4 ч. М., 2001.

далась хрущевская «оттепель», ее последствия и сусловско-брежневский мертвящий духовный режим, уничтоживший одно из самых творческих направлений советской политекономики, к которому семья автора непосредственно была причастна. И тем не менее автор в этой работе выступает как представитель той части интеллигенции, которая не приняла ни горбачевско-перестроечный, ни ельцинско-либеральный варианты постсоветского развития.

В целом предлагаемая читателю книга близка к тому направлению российской общественной мысли, о которой В. Рязанов писал (применительно к славянофилам): «...Ими впервые методологически четко сформулирована и обоснована потребность выработки “русской точки зрения” на происходящие процессы в мире и, конечно же, в собственной стране. Перестав смотреть на мир и свою страну через “западные очки”, с позиции признания цивилизационного преимущества Запада, они смогли преодолеть внутри себя подражательную зависимость от Запада, как некоего эталона, высшей и единственно возможной цивилизации»³. В последнее десятилетие в этом аспекте работают многие социологи, политологи и экономисты. При минимальном желании Россию можно воспринять как «неправильный Запад» и приступить к исправлению ошибок. Проблема, однако, в том, что исправить «ошибки, вытекающие из цивилизационной парадигмы, практически невозможно: за каждым исправлением будет вырастать новая задача... При любых операциях с русским социумом будут восстанавливаться его ментальность и трансцендентный характер его сущности»⁴, — отмечают социологи, занимающиеся проблемами цивилизационного развития мирового сообщества. «Всякий раз, как Россия некритически заимствовала западный опыт просто потому, что он казался более “прогрессивным” и подлежащим неременному заимствованию, всякий раз это кончалось плохо. К сожалению, традиция совершенно некритически заимствовать чужой опыт сохраняется», — констатируют современные политологи.

³ Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 198–199.

⁴ Переслегин С. Послесловие. О спектроскопии цивилизаций или Россия на геополитической карте мира // Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 579–585.

Хотя в книге освещаются цивилизационные особенности рыночных и денежных отношений мирового сообщества и России в достаточно отдаленной ретроспективе, особый акцент сделан на характере этих процессов в постсоветское время, в период включения страны в процесс глобализации и очередной попытки имплантации в российскую структуру западной системы ценностей. В какой мере этот опыт окажется положительным? В книге дается отрицательный ответ на этот вопрос, поскольку рыночные связи и денежные отношения, скалькированные с западного опыта, не отвечают глубинным особенностям Русской цивилизации. Пока же власть предержавные постсоветской России всеми силами пытаются «встроить» страну в процесс глобализации, проводимой западными странами, одновременно позиционируя Россию как великую державу, хотя страна находится в полной зависимости от нефтегазового экспорта и доллара, что наглядно продемонстрировал мировой кризис.

Это неразрешимое противоречие может быть устранено только после преодоления идеологии глобализма. Весь механизм глобализации, «воинствующего монетаризма» с всевластьем доллара как мощного денежного оружия разрушительно воздействовал и воздействует поныне на экономику, политику, духовно-нравственные основы российского социума, на ментальность основной массы ее населения. Он снижает пассионарность нации, без которой невозможно реализовать никакие проекты в области возрождения России в ее любой ипостаси, включая ее цивилизационную миссию как синтезатор многих культур Запада и Востока. И не случайно в конце XX – начале XXI вв. много писали о гибели русской цивилизации и России как недоброжелатели, так и истинные патриоты, среди которых писатель и философ с мировым именем, один из самых известных диссидентов Александр Александрович Зиновьев, кровью сердца которого, написана книга «Русская трагедия. Гибель утопии». Нельзя не согласиться с ним в том, что СССР и Россия были разрушены в результате войны нового типа, хотя ее называют «холодной войной», где в полной мере было использовано не только денежное оружие в форме доллара, но и идеологическое.

Вывод, который он сделал, звучит так: «Нас убили как народ, как страну, как общество, как носителей коммунизма – в этом суть дела. Не просто победили, *не просто разгромили, а именно убили*». И далее он приводит данные, которые свидетельствуют

о моральной и физиологической деградации бывшего советского народа, и в первую очередь русских⁵. Да, все приведенные им факты верны. В рамках атеистического, материалистического, эконометрического, глобалистского подходов такой вывод писателя и философа закономерен. Но нам в работе над данной книгой ориентиром были, скорее, мысли другого страстного патриота, публициста и политического деятеля Юрия Петровича Власова, который писал еще в 1995 г.: «Время авантюры и авантюризма уходит в прошлое. С точки зрения формальной логики, то есть рационалистического мышления, мы проиграли и разбиты, надежд нет. С точки зрения истории и духа народа – борьба только-только начинается»⁶.

Это было сказано более двадцати лет тому назад. Но пока еще, к сожалению, можно говорить только о некоторых зачатках этой борьбы, так как духовный разгром народа был почти катастрофическим. Страна сейчас больна и в экономическом, и в духовном отношении, на дворе смутное время, рожденное господством идеологий социальных групп, пришедших к власти после либерального переворота 90-х годов. Идеология индивидуализма, вещизма, глобализма разъела и разъедает российский социум в текущей жизни, обрекая на нищенское прозябание большую часть населения. Более того, она отнимает у народа его прошлое, делая многих манкуртами, которые живут с головой, повернутой в западные страны, где жизненный уровень населения высок, и связывают процветание с благотворной ролью индивидуализма и денег как стимулов материального достатка. Среди большинства людей царит практика «выживания» в жестко-монетизированной среде. А у так называемой интеллектуальной элиты мысль вращается в кругу пережевывания старых концепций западных обществоведов с калькированием их исторического опыта или оценки российского исторического прошлого, включая советское время, с житейски-бытовых или упрощенно-либеральных позиций. Именно они формируют идеологию высших властных структур страны, хотя после (или, точнее, во время) мирового кризиса появились некоторые признаки переосмысливания этой идеологической парадигмы. Современные культуртрегеры «западного образца», лишенные веры, нравственности, социальной ответственности, вносят свой вклад в этот общий удушающий климат. Массовые

⁵ Зиновьев А.А. Русская трагедия. Гибель утопии. М., 2003. С. 213–214.

⁶ Власов Ю.П. Русь без вождя. Воронеж, 1995. С. 96.

СМИ целиком ориентированы на оглушение и обездушевление народа, что достигло своего наивысшего апогея в телевизионной их ипостаси. Зрелищная сторона ее целиком основана на культуре насилия, разврата, денег. Этот же духовный спид проник и в элитарные сферы культуры. Скандальность, эпатажность, «неистовая» развлекательность – лозунги новых «инженеров душ» нашего смутного безвременья. Они насаждаются в литературе, кино, театре, включая академические и даже Большой театр. Поразительно, но именно там глубокие национально-знаковые произведения русской классики (А. Пушкина, М. Глинки, М. Мусоргского, П. Чайковского и др.) превращаются в порнографические зрелища с торжеством зла над добром, предательства над верностью, глумления над патриотизмом, бескорыстием, храбростью.

Читателю предложен жанр многотомного исследования, не модного в реалиях и ритмах не только бытовой, но и духовной суеТЫ начала XXI в., когда, по выражению Н. Рериха, «все заспешили, как перед закрытием базара». Сейчас книг, тем более многотомных, не читают (для этого есть Интернет, телевидение и другие СМИ); концептуально думать разучились (энергетика мысли характерна для произведений прошлого, эмпирика частностей является доминирующей в научных исследованиях). Слово обесценено, его девальвация по сравнению с советским периодом, не говоря о российском дореволюционном прошлом, не выдерживает никакой критики (самые возвышенные поэтические сравнения и определения используются в рекламно-торгашеских целях). И тем не менее автор убежден в том, что все возвращается на круги своя. Почему? Потому, что при всей лавине информации, которая доступна практически всем благодаря Интернету, она разрознена применительно ко всем отраслям знания, где частности не дают возможности понять некие общие тенденции развития общества, утеряны социологически-значимые духовные и культурологические критерии, скрепы и связи, что в полной мере относится к рыночным и денежным отношениям. В книге сделана попытка свести разрозненные знания в некую единую систему на основе методологии, предложенной в предыдущей работе. Такая научная задача требовала привлечения большого исторического материала, отсюда – объемность работы.

Эта книга о деньгах, рыночных и социально-экономических отношениях противостоит громадной массе работ той же проблематики, рожденной в прошлом политэкономией (разными ее

школами) и специализированными дисциплинами по финансам, кредиту, возникшими в ее рамках. Книга отличается от других работ на эту многоаспектную тему прежде всего методологией. В ней отвергаются в качестве мирозренческой основы экономический детерминизм, монетаризм, глобализм, включая его современный метатехнологический и информационно-финансовый вариант. Читателю представлен принципиально новый подход к анализу рыночных связей и денежных отношений, предлагающий отступление от общепринятого их исследования в рамках экономики как саморазвивающейся структуры и евроцентризма, где *цивилизационные факторы не были включены в ткань исследования*. А это обстоятельство не позволяло в полной мере выявить глубинную природу рыночных связей и денежных отношений, которые остались ускользающим от постижения феноменом даже в XXI в.

* * *

На обложке этой книги стоит имя одного автора, что в данном случае не совсем отвечает реальному положению дел, поскольку книга не могла быть написана без деятельного участия моего брата *Олега Владимировича Можайского*, известного специалиста в области валютно-финансовых отношений, более 40 лет проработавшего в банковской системе Советского Союза и Российской Федерации. Он помогал в «создании» книги, обеспечивая исследование необходимыми материалами, советами, профессиональной консультацией, не говоря уже о том, что поместил меня в «кокон материального и духовного благополучия», давший возможность в течение многих лет заниматься исследованием.

Искренняя благодарность библиотеке Госбанка РФ за предоставленную ею книжную и журнальную литературу, а также Медицинскому центру Госбанка РФ за постоянную и квалифицированную помощь в течение долгих лет, что позволяло мне сохранять работоспособность, несмотря на возрастные и благоприобретенные недуги.

Добрые слова признательности *Сергею Петровичу Шапталю*, который в течение ряда лет помогал мне, обеспечивая компьютерное исполнение текста.

И. Можайского

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

«Человек – это существо, которому в принципе не дается окончательное решение проблем бытия... Периодическое возвращение к старым проблемам на новом уровне характеризует все ветви человечества, все общества и цивилизации».

А.С. Панарин¹

Когда речь идет о методологии любой *новой* концепции, первым возникает вопрос, о тех научных заделах, которые сложились в прошлом. Марксизм, например, сразу же заявил, что в своей доктрине он опирается на три «кита» европейской обществоведческой мысли: в философском плане на идеалистическую диалектику Гегеля и материализм Фейербаха, а в экономическом – на классическую буржуазную политэкономия². Концепция, о которой пойдет речь в этой книге, конечно, не претендуя на свою значимость по сравнению с классикой, тем не менее тоже имеет корни в трех завоеваниях обществоведческой мысли прошлого. К ним надо отнести:

русскую религиозно-философскую мысль, а также некоторые социологические школы, посвященные духовному своеобразие русско́й цивилизации. Именно религиозно-философская мысль служит связующим звеном между религией, которая опирается на духовную ипостась человечества, и всеми формами рационального знания в области обществоведения³. Философская мысль, являющаяся основой социологии как более конкретной науки в

¹ Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 111.

² Ленин В.И. Три источника и три составные части марксизма // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40–43.

³ Однако современная историко-социологическая мысль чрезвычайно разбросана в этом отношении. Отсюда некая кустарность выдвигаемых социологических гипотез. Для объяснения произошедшей в России цивилизационной катастрофы и поисками ее будущего у современных социологов в научном арсенале смесь из самых разнообразных религиозных течений: от брахманизма, буддизма, ламаизма, верований африканских колдунов и магов до масонства и постулатов Каббалы. Этому посвящаются статьи, передачи, об этом говорится в СМИ. Единственно чего нет в сознании социологов (за очень редким исключением) – духовного базиса, на котором должны строиться все социологические гипотезы. Речь идет о русской религиозно-философской мысли.

изучении общественных связей, всегда несла и несет в себе Знания той религии, в рамках которой и на базе которой сложилась данная цивилизация. Для России это восточно-православная ветвь христианства, нашедшая свое отражение в ее философии, включая и мыслителей нашего времени, у которых тема духовного своеобразия русской цивилизации одна из главных.

Она проходит красной нитью в трудах Н.О. Лосского – последнего яркого представителя русского религиозного Ренессанса начала XX в. Именно Лосский создал законченную философскую систему, связав воедино три ветви философского знания – теорию бытия (онтологию), теорию знания (гносеологию), теорию нравственного действия (этику). В своей системе он развивает и синтезирует многие постановки философов прошлого, которые основой мира считают не материальное, а идеальное бытие (Платон, Плотин, Иоганн Готлиб, Фихте, Фридрих Вильгельм, Шеллинг, Вл. Соловьев)⁴. Такие вопросы широко освещены в нашей предыдущей книге «Духовный образ русской цивилизации и судьба России...», изданной более десяти лет тому назад. Основная задача тогда состояла в попытке выявления цивилизационного своеобразия России в ряду других цивилизаций современности на основе *метаисторического метода*⁵. Эта дефиниция

⁴ Философская система Н.О. Лосского достаточно содержательно раскрывается нами в предыдущей работе. См.: Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России: Опыт метаисторического исследования. В 4 ч. Ч. I. Религиозные начала цивилизационной структуры человечества и духовные истоки русской цивилизации. М., 2001. С. 15–33.

⁵ Именно в той книге была сделана попытка найти подходы к формированию новой мировоззренческой парадигмы в понимании закономерностей цивилизационного развития мирового сообщества. При общем положительном отношении прессы к работе, один из ее рецензентов писал: «Непосредственное применение предложенного И.В. Можайской оригинального и весьма интересного подхода на данном этапе является весьма затруднительным. По-видимому, как это часто бывает при выдвижении новых гипотез, в настоящее время речь идет лишь о начале разработки новой методологии. Переход к той стадии, когда эта методология может быть применена другими исследователями, требует, видимо, дальнейшей работы» (Курдина С.Г. Экономический аспект метаисторического анализа цивилизаций. Материалы «Круглого стола» от 15 января 2003 г. М., 2003. С. 89). Можно полностью согласиться с мнением критика о том, что имеющиеся в работе положения требуют дальнейшей разработки и самим автором, и другими исследователями. Здесь автор попытался учесть эту критику, развивая общие положения метаисторического метода применительно к рыночным связям и денежным отношениям цивилизаций с особым акцентом на русскую цивилизацию, уже более четверти

была заимствована из работы С.Н. Булгакова. За этим термином скрывалась необходимость рассмотрения цивилизационных особенностей тех или иных структур, сложившихся в мировой истории, исходя из их религиозно-духовных основ, в рамках которых складываются все остальные общественные отношения. Вопросы рыночных связей и денежных отношений там специально не исследовались и рассмотрены только в качестве одной из сторон формационного развития Русской цивилизации в отличие от Западной. Теперь исследование имеет другие цели – выявление рыночных связей и денежных отношений в реалиях современного мира, исходя из особенностей цивилизационной эволюции человечества в прошлом. И поэтому здесь задействован ранее накопленный научный багаж, но уже для понимания религиозно-духовных начал в их влиянии *на материальную сторону жизни человечества, важнейшей из которых являются рыночные связи и деньги*;

цивилизационную школу истории в ее постановках о цивилизациях как главных структурах эволюции человечества, о ритмах в развитии цивилизационной структуры с «выходом» на основные цивилизации третьего тысячелетия. В рамках этой школы появилась возможность глубже понять закономерности развития рыночных связей и денег, сочетая их как с материальными (в единстве насущных и излишних), так и с религиозно-духовными потребностями людей как «детей Божьих». Именно в рамках этой школы был поставлен, но не решен вопрос о циклическом развитии рыночных связей и денежных отношений, органически вписанных в цивилизационную поступь истории;

советскую неофициализированную и недогматизированную политэкономия в ее разработках имманентности товарно-денежных отношений обществу, основанному на общенародной (общегосударственной) собственности. Они касаются вопросов характера обобществления производства и труда (формального и реального); природы товарного производства и социальной неоднородности

века после гибели советского строя включенной в процесс глобализации, инициируемый странами Запада. Тем более, что выдвинутые в предыдущей работе идеи пока живы в современной социологической мысли. «Уникальный труд по метаисторическому развитию мировых цивилизаций и Русской цивилизации написан доктором экономических наук И.В. Можайсковой... Опираясь на идеи русского космизма и метаисторию Даниила Андреева, обрисовывает основные черты Русской идеи, впитавшей в себя черты отдельных народов, этносов (Шелейкова Н.И. Диалоги на вечные темы. М., 2011. С. 576).

труда. Важное эвристическое значение для понимания сущности денег имеют исследования масштаба цен и связи рубля с национальным процессом воспроизводства и мировыми деньгами (золотом); натурально-вещественного и стоимостного оборота фондов и особой роли в них финансовых и кредитных форм распределения и перераспределения валового продукта и национального дохода, плана и рынка. Эти проблемы, изгнанные из теоретических разработок в постсоветское время, должны быть возвращены в научный оборот экономической науки, питающейся сейчас устаревшими либеральными постулатами и прагматическим монетаризмом глобализма. Тем более, что мировой кризис наглядно выявил необходимость государственного вмешательства в организацию экономической жизни даже лидеров западного мира, где проблема национализации возникла как одна из действенных форм преодоления кризисных процессов в условиях глобализации.

Кроме того, при рассмотрении тех или иных частных проблем к анализу привлекались исследования представителей разных школ и направлений, отраженные в философской, социологической, политэкономической и сугубо специальной литературе. Современные проблемы глобализма и глобализации, денежно-валютных, финансовых и кредитных отношений включали в себя анализ конкретных материалов (отечественных и западных), аналитические обзоры финансовых и кредитно-банковских учреждений, в том числе Международного валютного фонда.

Книга написана по принципу исторического «расследования» загадочной природы рыночных связей и денег в тысячелетиях цивилизационной жизни человечества, и конкретно-исторический материал в работе несет на себе большую эвристическую нагрузку. Обычно он привлекается для того, чтобы в рамках той или иной концепции проиллюстрировать теоретические постулаты. Учитывая, что постсоветская социологическая мысль изобилует умозрительными конструкциями внеисторического характера, в данной работе история используется для выявления глубинной сущности реалий экономического бытия. Исторический материал вводится в ткань повествования посредством вставок и сносок, чтобы расширить горизонты знания и объемнее представить эпоху, в которой происходили те или иные экономические процессы. Кроме того, сноски содержат информацию в области философии, социологии и политэкономии, которые не всегда известны современному читателю, даже интересующемуся проблемами, которые рассматриваются в данной работе.

Конечная задача работы состоит в уяснении тех тенденций в цивилизационном развитии мирового сообщества, которые дали бы возможность представить формы рыночных связей и денег мирового сообщества и России XXI в., противостоящих финансовой империи Запада с его идеологической доктриной глобализации, а также кредитно-монетарным механизмом перераспределения ресурсов всего мира для обеспечения благоденствия развитых стран. Эта задача и накопленный материал по теме, над которой автор работал много лет, выделил три крупных блока проблем:

- различия в развитии рыночных связей и денежных отношений в России по сравнению с Западным обществом, обусловленные ее цивилизационными особенностями в ретроспективе;
- характер рыночных связей и денежных отношений постсоветской России, включенной в процесс глобализации (реалии первых двух десятилетий);
- тенденции развития рыночных связей и денежных отношений России в процессе возрождения цивилизационной структуры мира в третьем тысячелетии и их влияние на политику глобализации.

Предполагается, что эти проблемы будут реализованы в нескольких книгах. Первый блок проблем реализован в этой книге.

Говоря о методологии исследования, хотелось бы остановиться еще на одном моменте, который вызывается необходимостью подготовки читателя к восприятию концепции и разговору на другом социологическом языке в отличие от того, к которому он привык в анализе рыночных связей и денег, где религиозно-духовные факторы не включены в анализ. Действительно, какая может быть связь между такими высокими материями, как религиозно-духовные основы цивилизационного развития мирового сообщества, и такими прозаическими житейскими реалиями, как деньги, рынки, финансы? Оказывается, есть, и весьма существенная, что автор и пытается доказать. И в этой связи представляется целесообразным выделить несколько крупных блоков вопросов, которые в определенной логической последовательности реализуют общую методологию работы, объясняя почему их введение необходимо для этого исследования.

Первый блок вопросов преследует задачу уяснения неких основополагающих начал, которые питают современную постсоветскую экономическую мысль в их постижении стихии рыночных связей и денег, что нашло выражение в критическом обзоре основных школ политэкономии (классической, неоклассической, кейнсианской, монетаристской и др.). Анализ показал границы

их эвристических возможностей. К ним надо отнести: экономический детерминизм; евроцентризм, ограниченность объекта, коим являлось капиталистическое хозяйство западных стран, и временных параметров исследования; наличие абстрактных схем, робинзонад и других умозрительных конструкций, оторванных от исторических реалий.

Второй блок выявляет необходимость обращения к цивилизационной школе истории, которая раскрыла новые возможности в понимании рыночных связей и денег. Работы социологов этого направления характеризуются выделением цивилизаций как основных структур в эволюции человечества, что находится в противоречии с формационно-материалистическим видением истории с его экономическим детерминизмом и евроцентризмом. А это расширило горизонты исследования и понимание исторической природы меновых отношений, корни которых уходят в хозяйственное развитие древних цивилизаций, и выявило формы рыночных отношений, реально предшествовавшие возникновению национальных рынков. К ним надо отнести такую их форму, которая получила название «мир-экономика». Она была первой реально сложившейся исторической формой рыночных связей между цивилизациями, где малые товарные миры (меновые отношения родоплеменных и других небольших политических структур) существовали в качестве ее элементов. Международная торговля между мирами-экономиками разных цивилизаций привела к выделению драгоценных металлов в качестве мировых денег. Причем исторически первыми мировыми деньгами было серебро, а не золото.

Третий блок обуславливает необходимость предвзятости идеологии Просвещения, когда возникла установка, провозгласившая в качестве научных общественные дисциплины, порвавшие всякую связь с религией и опирающиеся в своих изысканиях только на эмпирические факты. Для своего времени в борьбе с католицизмом это была оправданная идея. Однако времена изменились, сейчас религия не вмешивается в саморазвитие науки. Но несмотря на это, религиозное мироощущение не уходит в прошлое. Ведь трудно отрицать, что и в современный виртуальный век сосуществуют параллельно в сознании не только обыкновенных людей, но и научных работников-обществоведов, с одной стороны, все данности информационного века; а с другой, — то духовное чувство, которое предлагает ему та или иная Церковь, широко вторгающаяся в повседневную жизнь. А это означает, что религиозный фактор является эмпирической данностью. Поэтому не в теологически-

богословской интерпретации, а в качестве исторической реалии, он должен найти свое место в социологических исследованиях в форме их опоры на религиозно-философскую мысль, сложившуюся в той или иной цивилизации.

Четвертый блок требует обращения к религиозно-философской мысли, вписанной в постановки цивилизационной школы (ритмичность любого исторического организма). Это дало возможность ввести в анализ экономических процессов (а в их рамках рыночных отношений и денег) проблемы временной размерности исторической эволюции человечества. Такая постановка вопроса выделила крупные вехи в этом процессе, непосредственно связанные с религиозным творчеством и Новой эрой как рубежной датой в истории человечества, в рамках которой образовались мировые религии – христианство, ислам, буддизм, конфуцианство. Они определяли ранее и определяют в наши дни духовный климат мирового сообщества. Роль христианства во всех его конфессиях трудно переоценить, учитывая, что оно было духовным базисом образования Западной и Русской цивилизаций, рыночно-денежные отношения которых непосредственно являются объектами данной работы.

Пятый блок вопросов обусловлен необходимостью рассмотрения рыночных связей и денежных отношений в тысячелетней истории Западной цивилизации как ритмического процесса. Он нашел свое выражение в многовековых циклах ее развития, религиозно-духовный климат которых определялся католически-протестантской ветвью христианства. Оно привело к образованию *социальных религий* и идеологий эпохи Просвещения, в духовной ауре которой сформировалось капиталистическое товарное хозяйство – основной объект исследования классической и неоклассической политэкономии. В работе выделяются четыре цикла развития цивилизации. Первые три рассматриваются в рамках европейской ветви Западной цивилизации, а начала четвертого – на основе североамериканского ее варианта.

Выделение этих смысловых блоков реализует методологию исследования, одновременно является как бы «сеткой», в которую включены отдельные проблемы и вопросы более частного характера. Анализ сущности рыночных связей и денежных отношений открывается вполне традиционно с критического обзора их трактовки в разных школах политэкономии, начиная с меркантилистов и кончая современными монетаристами.

РАЗДЕЛ I

**В поисках ответа
на загадочную природу денег
и товарного хозяйства
в контексте материальных
и религиозно-духовных
потребностей человечества**

Глава 1

«КВАДРАТУРА КРУГА»: ПОЛИТЭКОНОМИЯ НА ПУТИ К ПОСТИЖЕНИЮ ЗАГАДОЧНОЙ СУЩНОСТИ ДЕНЕГ И РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ ЕВРОЦЕНТРИСТСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

1.1. Гимн золоту в меркантилизме и первые политэкономические доктрины трактовки функциональной природы денег рыночного хозяйства

Деньги до сих пор – одно из самых загадочных явлений общественной жизни людей, несмотря на то, что по этой проблеме написано бесчисленное количество произведений; создано много научных школ. «Деньги – это древняя реальность, или, лучше сказать, древнее техническое средство, предмет вожделений и внимания, и, тем не менее, они не переставали удивлять людей. Они казались последним таинственными и вызывающими тревогу», – пишет Ф. Бродель¹. Примерно так же обстоит дело в отношении рыночных отношений. «Есть ли общая теория рыночной экономики, так же как и любой другой?» – задает риторический вопрос В.Т. Рязанов. Его ответ, с которым можно полностью согласиться, сводится к следующему: «В качестве общей экономической теории можно считать политэкономия, в рамках которой есть разделы, посвященные рыночным отношениям и деньгам»². Действительно, проблема рыночных связей и денежных отношений занимает главенствующее место во всех школах политэкономии. Хотя впоследствии образовались более специализированные отрасли этой науки практической направленности, непосредственно посвященные деньгам, финансам, кредиту, но они всегда базировались на тех или иных доктринах, сложившихся в разных школах политэкономии, имеющих за своими плечами почти трехсотлетний опыт развития.

Политэкономия как общественная наука родилась в эпоху Просвещения и общей атмосферы европейского общества. Она

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. / пер. с фр. В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М., 1986. С. 465.

² Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 198–199.

«отражала» экономические нужды возникших централизованных государств, с одной стороны, и постоянно набирающего силу третьего сословия, с другой, пытаясь понять сущность рыночных связей и денежных отношений, исходя из внутренних закономерностей самой экономики. Тогда и родились первые учения о деньгах. Их сущность сводится: во-первых, к отрицанию самостоятельной (имманентной) стоимости (ценности) денег; во-вторых, к утверждению, что деньги имеют лишь «функциональную ценность», т.е. покупательную способность, возникающую в процессе обращения и являющуюся отражением стоимости (ценности) товаров. Их природу рассматривали по аналогии с теми процессами, которые происходили или в человеческом организме, или в природе. Деньги суть «кровь общественного организма», банальный образ, бытовавший задолго до открытия Гарвея, — пишет Бродель. Эта истина повторялась на протяжении столетий, они «как река, сила которой сама собой завязывает и завершает обмена, масса которой их убыстряет или замедляет»³. Уильям Петти в своей работе «Разное о деньгах» (1655) писал; «...они, так сказать, жир в организме. Деньги, вернее, денежные запасы суть одновременно и масса и движение. Увеличивается ли масса или ускоряется общее движение, результат примерно тот же: все — цены, заработная плата (она — помедленнее), объем сделок — идет на повышение; в противном же случае все приходит в упадок в политическом организме: избыток вреден для подвижности последнего, а недостаток вызывает заболевание». В другом его исследовании «Политическая арифметика» (1682) содержатся разработки, связанные с влиянием денежной массы на торговлю, и определения количества денег, необходимых для обеспечения платежей и сбора налогов, а также выделения количества денег, необходимых для обращения и их массы на основе потоков доходов⁴.

Функциональная теория денег имела более глубокие философско-социологические обоснования. Она опиралась на концепцию «общественного договора», которая сформировалась еще в эпоху эллинизма, где она рассматривалась в контексте идеальной государственности. Платон считал, что деньги являются «условным меновым знаком», Аристотель — что «люди условились давать и принимать за каждый товар нечто, как эквивалент». Эти же

³ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 306.

⁴ Петти В. Избранные работы. М., 1997.

идеи нашли свое отражение у одного из самых ярких мыслителей того времени Дж. Локка. Он полагал, что деньги возникают на основе общественного договора, как «некий сохраняющийся предмет, который люди могли бы держать в сохраненном виде и который по взаимному согласию люди могли бы принимать в обмен на действительно полезные, но недолговечные предметы, обеспечивающие жизнь»⁵. Характерно, что функциональную природу денег тогда органически связывали с драгоценными металлами, которые выступали как некая данность – воздух рыночной экономики. «Деньги – есть золото, серебро или медь, отчеканенные в монеты по желанию властей и являющиеся по согласию наций ценной и мерой вещей, облегчая контакты между ними»⁶, отмечалось в одном из первых научных трактатов, написанных флорентийцем Б. Дованзати в 1588 г., специально посвященных деньгам. Поэтому экономисты того времени (они получили название меркантилистов) больше всего интересовались денежным обращением и вопросами экономической политики, преимущественно торговой и денежной, при полном пренебрежении к вопросам производства. Сердцевиной ее была международная торговля, основанная на поощрении экспорта и препятствовании импорту с целью накопления драгоценных металлов (прежде всего золота) в стране⁷. Подлинный гимн драгоценным металлам и золоту звучит у гугенота Монкретьена. В «Трактате политической экономии, посвященном королю и королеве», вышедшем в 1615 г., он восхваляет торговлю как цель всех ремесел, защищает прибыль торговцев, особенно ведущих торговлю с другими странами, и выступает против иностранных купцов, говорит о необходимости накопления страной денежного товара – золота и серебра (вот по-

⁵ *Locke J. Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest and the Value of Money (1691)*. Цит. по: *Бурлачков В.К. Денежная теория и динамичная экономика: выводы для России*. М., 2003. С. 10. У Локка содержатся идеи трудовой стоимости в концепции возникновения собственности. Кейнс впоследствии полагал, что Локк был родоначальником двух направлений количественной теории денег: традиционной, провозгласившей зависимость стоимости денег от их соотношения с товарной массой, и уточненной, связывающей норму процента с количеством денег.

⁶ Цит. по: *Бурлачков В.К. Денежная теория и динамичная экономика: выводы для России*. С. 9.

⁷ Идеи меркантилизма нашли свое отражение в работах не только экономистов, но и философов (Локка, Беркли), а также публицистов той эпохи (Мена, Авенанта, Норса, Кантильона).

чему всякое крупное государство должно искать и находить способы его добывать) и убеждает, что наиболее надежный способ добыть – это торговля.

Из трактата Д. Юма «О деньгах» (1752) явствует, что в качестве реальных денег им рассматриваются золото и серебро, сбалансированное количество которых стимулирует развитие торговли и мануфактур, что отражало реалии того времени, когда приток золота и серебра из Америки привел к росту промышленности во всех европейских странах. В этом трактате Юма содержатся глубокие разработки, связанные с влиянием количества денег на изменение цен, подчеркивающие наличие лага времени в этом взаимовлиянии, что должно учитываться государственной политикой. «Их взаимное приспособление требует времени. Хорошая политика властей – политика, направленная на увеличение количества денег (золота и серебра) в обращении. Но она не предполагает искусственного повышения их количества денег, так как это идет вразрез с интересами торгующей нации, стимулируя рост цен. Рост золота и серебра в конкретной стране приводит к повышению стоимости труда и заставляет производителей переносить производство в другие страны с дешевой рабочей силой. Страна с большим запасом денег и, соответственно, с высокими ценами не конкурентна на внешнем рынке»⁸. Д. Юма рассматривают как одного из родоначальников количественной теории денег, «но в сбалансированном и уравновешенном ее варианте. Последняя оговорка важна; в каком-то отношении работа по духу близка к меркантилистам, хотя он и критикует один из основных тезисов меркантилистов, что благодаря внешней торговле благородные металлы распределены пропорционально объему производства в конкретной стране». К этому времени в европейских государствах глубокие корни пустили кредитные отношения в обслуживании торговых связей, но кредитные формы денег не приравнивались к реальным деньгам, коими считались золото и серебро. Юм не считал банковские билеты реальными деньгами, поскольку они, «во-первых, не используются для внешнеторговых расчетов; во-вторых, обесцениваются при фасмозорных обстоятельствах... Это заставляет меня питать сомнения в выгодах от банков и бумажного кредита, которые так часто считают

⁸ Цит. по: Бурлачков В.К. Денежная теория и динамичная экономика: выводы для России. С. 11.

преимуществом каждой нации. Наилучшим способом регулирования было бы утверждение общественного банка. Это позволило бы избежать избыточного выпуска банковских билетов (бумажного кредита), но одновременно создав запас денег на случай финансирования войн»⁹.

Дж. Стюарт в трактате «Исследование принципов политической экономии» (1767) выделял реальные деньги – монеты и слитки из благородных металлов – и символические. Последние он объединил общим названием «кредит» и включил в него банкноты, векселя, облигации и т.д. Стюарт считал необходимым обмен кредитных денег на золотые, хотя видел реальные трудности в обеспечении такого обмена при отрицательном торговом балансе и, соответственно, при оттоке золота из страны. В рамках четкого разделения реальных денег (золота и серебра) и символических денег (кредитных) формируется их понимание процента, т.е. цены денег в кредитной системе страны. Д. Юм и Дж. Стюарт, во-первых, жестко связывали норму процента (процентную ставку) с нормой прибыли. Во-вторых, увязывали при этом норму процента со спросом на денежный капитал и его предложением, т.е. с потребностью в капитале, с одной стороны, и сбережениями, с другой. При этом они осознавали, что увеличение количества денег (приток золота в страну) снижает норму процента, но рассматривали этот эффект как временный, поскольку вслед за снижением нормы процента должны следовать расширение деловой активности, рост цен и, соответственно, возвращение нормы процента на прежний уровень.

Как бы подытоживая развитие экономической мысли «эпохи» меркантилизма, Бродель писал: «По меньшей мере вплоть до 1760 г.¹⁰ все экономисты будут внимательно анализировать феномен денег, взятый в его первоначальном обличье», т.е. в форме благородных металлов¹¹. «На протяжении всего XIX в. и даже позднее – до того, как Кейнс все перевернул, они будут проявлять тенденцию рассматривать деньги как некий нейтральный элемент экономического обмена или, вернее, как некую завесу. Разорвать эту завесу и наблюдать то, что ею скрыто, будет одним из обычных подходов при “реальном” экономическом анализе. И изучать

⁹ Там же.

¹⁰ В 1776 г. А. Смит опубликовал свой трактат «Исследование о природе и причинах богатства народов», выход которого считается рубежной датой в развитии политэкономии.

¹¹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 506.

в дальнейшем не деньги и их собственный механизм функционирования, но нижележащие реальности: обмен товаров и услуг, потоки затрат и прибылей»¹².

В дальнейшем историю экономической мысли (конец XVIII—XIX вв.) с точки зрения постижения сущности внутренних закономерностей денежных отношений менового хозяйства, а точнее национальных рынков европейских государств, следует рассматривать как историю конкуренции двух направлений *объективной политэкономии* (теории трудовой стоимости и факторов производства¹³) и *субъективной* (теории предельной полезности, математических школ, маржинализма). В рамках этих теорий по-разному интерпретировалась роль денег, включая соотношение металлических и кредитных денег, хотя необходимость золотой основы денежных систем государств ими не отрицалась. В ходе своей эволюции эти теории, взаимно влияя друг на друга, породили ряд производных от них ветвей, но тем не менее некие основополагающие принципы и по нынешний день питают экономическую мысль. Они обусловили существование двух основных теорий денег: золото-стоимостной и функциональной. Причем и та, и другая точки зрения предполагают взаимозависимость реальных денег и кредитных их форм. Золото-стоимостная трактовка денег непосредственно связана с объективистским направлением политэкономии, наиболее полно представленным в трудовой классической теории рыночного хозяйства. Ее становление связано с именем Адама Смита, которого наряду с Кенэ считают основателем классической политэкономии, вместе с Давидом Рикардо, а также Джоном Миллем¹⁴.

¹² Там же.

¹³ В теории факторов производства нет непосредственного «выхода» на денежную проблематику, поэтому она нами здесь не рассматривается. Тем более, что теория факторов производства подвергалась обоснованной критике со стороны как объективистского, так и субъективистского направления политэкономии. Теория трудовой стоимости отвергала теорию факторов производства на основе положения о двойственном характере труда, о разной роли постоянного и переменного капитала в формировании стоимости товара. По иным мотивам положения факторов производства были подвергнуты критике разработчиками теории предельной полезности. Они обратили внимание на отсутствие каких-либо доказательств способности капитала производить новую ценность.

¹⁴ В число классиков иногда незаслуженно не включают Дж. Милля, особенно его книгу «Принципы политической экономии с некоторыми приложениями их к социальной философии» (1848). Милль был первым, кто отметил,

1.2. Через классическую политэкономию к стоимостной природе денег

Постижение сущности денег и товарного производства государства Западной Европы на базе крупной феодальной собственности и капиталистических ее форм со значительным элементом мелко- и среднего крестьянского землевладения нашло свое отражение в *классической буржуазной политэкономии*. Ее возглавила группа французских экономистов второй половины XVIII в., которые получили название физиократов. Основателем и ее крупнейшим представителем был Ф. Кенэ. Видными физиократами являлись Тюрго, Мирабо старший, Дюпон де Немур, Мерсье де ля Ривьер. Физиократы издавали журнал «Эфемериды» и регулярно собирались на заседаниях в салоне Мирабо. Они имели сторонников в разных странах Европы. Для физиократов характерно более чем критическое отношение к меркантилизму, а их предшественник Пьер Буагильбер (1646–1714) считал, что богатство страны заключается не в запасах золота и серебра, а в первую очередь в продуктах сельского хозяйства. Под влиянием идей физиократов в политэкономии появляется понятие *труда и производительности труда*, способности труда к *самовозрастанию*, которое ведет к увеличению богатства, а также к выделению отдельных отраслей труда, более эффективных с точки зрения этого самовозрастания.

Основным положением физиократов является учение, что только земледельческий труд является производительным трудом и только он производит «чистый продукт», или излишек стоимости товара над издержками производства. Рабочие же, занятые в промышленности, своим трудом возмещают издержки производства, которые физиократы делили на две части – на стоимость сырья и заработную плату. Физиократы отрицали существование промышленной прибыли. Они исходили из существования лишь одной формы чистого продукта – земельной ренты, получаемой землевладельцем в виде арендной платы. Капиталист же, занятый как в промышленности, так и в сельском хозяйстве (фермер-арендатор), по учению физиократов, получает наравне

что образовательные барьеры на пути мобильности труда способны создавать неконкурирующие группы труда, характеризующиеся стабильными различиями в уровне заработной платы. Высказывал мысли о том, что государственное вмешательство способно улучшить материальное благосостояние населения посредством перераспределения доходов.

с рабочими лишь возмещение потребленных им средств существования¹⁵. В основе физиократического учения лежит положение, что в земледелии, в отличие от промышленности, наряду с человеческим трудом принимает участие в производстве природа. Отсюда физиократы делают вывод, что в земледелии создается новая материя, между тем как в промышленности происходит лишь изменение формы материи. Важным элементом в учении физиократов является их постановка вопроса о производстве как некоей целостности в рамках данного государства во временном его аспекте (в пределах года). Наиболее ценным теоретическим наследием физиократической школы является «Экономическая таблица» Кенэ. В ней делается попытка представить весь процесс капиталистического воспроизводства (охватывающий производство, обращение, распределение и потребление продуктов) и связать его с классовой структурой общества.

Адам Смит находился под сильным влиянием физиократических идей и в его интерпретации «естественного порядка» с физиократами его объединяло особое внимание не к обращению, а к производственной основе товарного хозяйства – труду и конкурентному механизму в эффективном функционировании рыночного хозяйства. Смит дает впервые систематическую разработку основных вопросов политической экономии в фундаментальной работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776)¹⁶. Хотя основателем трудовой теории стоимости считают Петти, широкое распространение трудовая теория стоимости получила лишь со времени выхода в свет книги Адама Смита. Главная заслуга Смита состоит в том, что он превратил *теорию стоимости в краеугольный камень всей экономической теории, утверждая, что труд является источником общественного богатства*. В отличие от физиократов, Смит учил, что не только земледельческий труд, но и труд, занятый в промышленности, участвует в производстве потребительной и меновой стоимости. Однако при объяснении земельной ренты Смит стоит еще на точке зрения

¹⁵ В соответствии со своим учением о «чистом продукте» Ф. Кенэ выдвигает следующее деление на три класса капиталистического общества: а) класс собственников, куда включаются землевладельцы; б) производительный класс, куда входят капиталисты и рабочие, занятые в земледелии; в) бесплодный класс, охватывающий всех лиц, занятых в промышленности.

¹⁶ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. В 2-х кн. М., 1997.

физиократов, утверждая, что земледельческий труд является более производительным, нежели труд в промышленности¹⁷.

Смит подчеркнул преимущества разделения труда, доказал необходимость специализации и обмена, описал в общих чертах функционирование рыночного механизма. Трудовая теория стоимости основывается на предположении, что стоимость товара определяется количеством труда, необходимого для его производства. Соотношение равновесных цен двух товаров прямо пропорционально затратам труда в производстве этих товаров.

Смитовская схема рыночного механизма описывала экономическую систему, начинавшую тогда свое развитие в западных странах, только что прошедших процесс индустриализации. По выражению Маркса, Смит является экономистом мануфактурного периода. Основную причину развития производительности труда Смит усматривает не в появлении машин, а в разделении труда. Он выступает горячим сторонником отмены покровительственных пошлин и всяких ограничений свободы предпринимательской деятельности, требует уничтожения всякого рода монополий и привилегий. Его произведения сыграли роль в борьбе за изменение экономической политики Англии и применение принципа свободной торговли, отмену покровительственных пошлин. Смит утверждал, что «невидимая рука» рыночных сил гарантирует правильность выбора для производства тех или иных благ. При отсутствии государственного регулирования рынков, т.е. в условиях *laissez faire* (франц.), конку-

¹⁷ В экономическом учении Смита о производительном труде и о воспроизводстве много «нестыковок», противоречий. С одной стороны, Смит указывает, что производительным трудом в капиталистическом обществе является общественный труд, который покупается на капитал (т.е. труд рабочих), в отличие от труда, который покупается на доход (например, труд домашней прислуги). Но, с другой стороны, Смит утверждает, что производительным трудом является всякий труд, затрачиваемый на производство вещей, независимо от того, будет ли этот труд рабочего или труд ремесленника и труд производителя в своем собственном хозяйстве. В вопросе о воспроизводстве Смит предвосхитил мысль Маркса о том, что все общественное производство нужно делить на производство средств производства и производство предметов потребления. Но и здесь он впал в противоречие и не смог разрешить проблему воспроизводства. Основной источник этого противоречия заключается в положении Смита о том, что стоимость товара может быть сведена только к затратам труда, а стоимость средств производства может быть исключена путем разложения на указные доходы.

рентия организует производство так, что общественное богатство возрастает¹⁸.

Смит выделил два условия, необходимых для нормального функционирования рыночной системы: во-первых, рынки должны быть свободны от государственного вмешательства, от жесткого регулирования правительством экономической деятельности, преобладавшего в «досмитовский период; во-вторых, экономическое поведение производителей только там может послужить на благо обществу, где превалирует конкуренция. Значение конкуренции проявляется в том, что производители, стремясь продать как можно больше своей продукции, снижают цены до минимального уровня, покрывающего издержки производства и позволяющего получить нормальную прибыль. Далее, если определенные товары оказались слишком редкими, то покупатели готовы заплатить за них более высокие цены, привлекая тем самым большее число производителей в отрасли, производящие товары. В результате предложение товаров увеличивается. Таким образом производство в рыночной системе связывается с удовлетворением потребностей людей, обеспечивая бескризисное развитие самой экономики без вмешательства государства¹⁹.

Теория трудовой стоимости получила более последовательную разработку у Давида Рикардо²⁰. В своем главном труде

¹⁸ Дж. Кейнс считал, что знаменитая «невидимая рука» более связана с воззрениями А. Смита, представленными в его «Теории моральных чувств», (1759), а не в доктрине *laissez faire*.

¹⁹ Ж.Б. Сей развил теорию рынка Адама Смита в своем «Трактате о политической экономии» (1803). Сей утверждал, что поскольку каждый товар обменивается на другой товар, то любой товар, попавший на рынок, создаст свой собственный спрос и всякий спрос, возникающий на рынке, создает свое собственное предложение. Утверждение такой взаимосвязи в меновой экономике часто называют законом Сея. Этот принцип использовался для отрицания возможности экономических кризисов, связанных с общим перепроизводством товаров и услуг, а также для аргументации доводов о том, что рыночная экономика автоматически достигает состояния полной занятости.

²⁰ Д. Рикардо разработал теорию распределения чистого продукта, объясняющую, как эта стоимость разделяется между различными классами общества. Если рабочие становятся более обеспеченными, они имеют много больше детей, и после того, как эти дети вырастают, это дополнительное предложение труда понижает заработную плату («железный закон заработной платы»). Рикардо считал, что капиталисты также много не выигрывают от экономического прогресса, так как конкуренция снижает цены их продуктов и выплата заработной платы урезает их прибыль. Он рассматривал

«Начала политической экономии и налогового обложения» (1817) он утверждал, что стоимость продуктов определяется количеством труда, необходимого для их производства. Полагали, что Рикардо освободил эту теорию от противоречий, заключенных в учении Смита, хотя и он не мог объяснить всех трудностей, связанных с условиями действия закона стоимости в капиталистическом обществе. А эта реальность состояла в том, что товары, на производство которых требуется различная величина основного капитала или различная продолжительность производственного периода, в среднем продаются не по стоимости. Поскольку Рикардо не проводил различия между стоимостью и ценой производства, он оказывался бессильным разрешить это противоречие. Он рассматривал его как исключение, которое не опрокидывает общего закона. Мальтус резонно возражал ему, что эти случаи составляют не исключение, а общее правило.

В рамках классической политэкономии серьезные разработки в области денег имеются только у Адама Смита и Дж. Миля. Считается, что теория денег Смита заложила основы двух конкурирующих доктрин. Первая из них базируется на его теории стоимости с четким разграничением потребительной и меновой стоимости. Являясь одним из основателей трудовой теории стоимости, Смит утверждает, с одной стороны, что меновая стоимость определяется количеством затраченного труда: «Труд составляет действительную цену вещей, а деньги номинальную»²¹. Но, с другой стороны, он утверждает, что закон трудовой стоимости действовал только в примитивном обществе, а в капиталистическом — меновая стоимость определяется доходами или издержками производства: «Заработная плата, прибыль и рента являются первоначальными источниками всякого дохода, ровно как и всякой меновой стоимости»²². Смит полагал, что деньги появляются

землевладельцев в качестве единственных пожирателей планов экономического прогресса, так как в условиях ограниченного количества плодородной земли и растущего населения, которое необходимо прокормить, доход земледельца в виде ренты будет увеличиваться, а ценность их земли будет расти. Растущая рента увеличивает затраты на производство продуктов питания, и рабочие для приобретения этих продуктов нуждаются в большей заработной плате, которая уничтожает прибыль капиталистов. Теория Рикардо использовалась нарождающимся промышленным классом в борьбе за свободную торговлю и уничтожение высоких тарифов на экспортируемое зерно.

²¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 1. С. 84.

²² Там же. С. 52–53.

в результате развития обмена на основе разделения труда, преодолевают неудобства бартерной торговли. Функции денег закрепляются за благородными металлами. Изменения количества труда влияют на стоимость (ценность) золота и серебра. Но эти положения Смит относил к докапиталистическому хозяйству.

Кредитные деньги (банкноты), по Смигу, являются заместителями полноценных денег. Поэтому их общая величина в обращении не может превышать величину полноценных металлических денег, которые они замещают. Избыточный выпуск бумажных денег равнозначен порче монет и должен привести к падению ценности бумажных денег ниже стоимости золота и серебра. «Стоимость товаров, продаваемых и покупаемых в течение года в данной стране, требует определенного количества денег для обращения и их распределения среди соответствующих потребителей и не может дать применения добавочному количеству денег. Каналы обращения необходимо вбирают в себя сумму, достаточную для наполнения их, и никогда не вмещают сверх того»²³. Это положение Смита стало впоследствии основой целого направления денежной теории, которое было названо «теорией золотого обращения». Оно признавало в качестве полноценных денег *только золото*, а все формы кредитных денег рассматривала как «*знаки стоимости*». Но одновременно Смит заложил основу еще одного теоретического направления – «*доктрины реальных векселей*». Анализируя выпуск банками кредитных бумажных денег (банковских билетов), он вслед за Дж. Стюартом отметил, что их обеспечением являются векселя, выдаваемые и погашаемые в процессе расчетов. В этом случае эмитируемые банковские билеты отражают фактические потребности экономики в платежных средствах. Поэтому каналы обращения не могут переполняться избыточной денежной массой»²⁴.

Последовательным сторонником металлического обращения был Дж. Милль. Стоимость денег, по Миллю, «это то, на что будут обмениваться деньги, покупательная сила денег... Подобно тому, как все имеющиеся на рынке товары составляют спрос на деньги». Понятия *спроса и предложения денег* стали общепринятыми в экономической литературе после опубликования работы Милля. Стоимость денег и уровень цен в его концепции связаны пропорциональной зависимостью. Милль допускал возможность

²³ Там же. С. 117.

²⁴ Бурлачков В.К. Денежная теория и динамичная экономика: выводы для России. С. 54.

существования денежной системы с неразменными на благородные металлы кредитными деньгами. «Если масса бумажных денег в обращении не обменивается по желанию владельцев, ее величина может быть установлена произвольно, особенно, если она регулируется суверенной силой государства. Поэтому стоимость таких средств обращения совершенно произвольна... Милль полагал, что при системе неразменных банкнот в качестве показателя избытка денег в обращении можно было бы использовать расхождение между ценой слитка золота и его ценой, установленной монетным двором»²⁵. При этом он полагал, что отсутствие размена золота всегда чревато соблазном излишней эмиссии. Одним из первых он поставил вопрос об эффекте мультипликации денежной массы, хотя полагал, что этот эффект имеет место только в периоды активных спекуляций на товарном и, соответственно, денежном рынках. Милль был противником доктрины реальных векселей, так как в этой доктрине невозможно определить количество денег, необходимое для обращения, и поэтому их эмиссия будет избыточной.

Экономисты-классики отрицали какую-либо возможность безработицы, вызванной недостаточным совокупным спросом, доказывая, что рыночные силы поддерживают совокупный спрос и национальный продукт в равновесии (закон Сея). Они, в частности, утверждали, что спады деловой активности вызывают, во-первых, снижение ставок процента под давлением накопленных сбережений, что заставляет фирмы больше занимать и инвестировать, во-вторых, падение ставок заработной платы под давлением растущей безработицы, что заставляет фирмы нанимать больше рабочих. Классическая экономическая теория – школа или система экономических идей, основанная на теории трудовой стоимости Смита и Рикардо, которая господствовала в экономическом мышлении приблизительно до 1870 г., постепенно угасает под влиянием «субъективистской», а затем «маржиналистской» революций.

1.3. Неоклассическая политэкономия и функционально-количественные теории денег

Политэкономия второй половины XIX в. отражала новые реалии того времени, которые были характерны для государств Западной Европы. Они были обусловлены реализацией дивидендов, полу-

²⁵ Там же. С. 56.

ченных за счет своих колониальных владений, включая и массовые поступления драгоценных металлов, в частности золота. Можно считать, что это была эра европейского процветания. И не случайно здесь появляются школы, отвергающие классическую трактовку рынка с его трудовыми началами, а акцент делается на потребительской стороне рыночного механизма. Возникает система школ, которая получила название «неоклассической». Ее возглавляет теория рыночного хозяйства «субъективной теории ценности». Она нашла наиболее законченную и развернутую разработку в австрийской школе политэкономии. Так была названа группа экономистов, образовавшаяся в Венском университете в конце XIX в., положившая начало отдельному направлению экономической теории. Ее возникновение приурочивается к моменту выхода в свет книги профессора Карла Менгера «Основы политической экономии» (1871). Он выступил против классической теории стоимости, которая делала упор на объективную трудовую природу цены товара. В противовес этому К. Менгер утверждал, что ценность блага (здесь термин стоимость был заменен термином «ценность», а слово товар – термином «благо») определяется не затратами труда на его производство, а удовольствием или полезностью, которую потребитель получает от этого блага.

В рамках данной концепции возникла *теория ценности*, основанная на понятии *предельной полезности*, согласно которой каждое последующее приращение количества блага приносит убывающую предельную полезность. Принципиально новое, что внесла эта экономическая школа, состояло в признании особого значения фактора *ограниченности* (редкости) ресурсов, участвующих в хозяйственной деятельности. Сторонники этой школы исходили из того, что существует определенная система потребностей, которая формируется желанием «хозяйствующего субъекта», но всегда связана с ограниченностью материальных благ, которые необходимы для удовлетворения их потребностей. Поэтому они всегда стоят перед проблемой *выбора* альтернатив хозяйственных решений. Этой школой были введены в научный оборот понятия «предельной полезности», «желанности вещи», «кривых безразличия», «равновесия». Они выдвинули положение, что цены тяготеют к издержкам, которые в свою очередь определяются предельной полезностью предельного продукта, т.е. того продукта, который из всех изготовленных с помощью данных издержек производства дает наименьшую полезность.

Последователи теории предельной полезности признавали невозможность количественного соизмерения полезностей. Вместе с тем выводы теории предельной полезности о роли субъективных предпочтений потребителя в установлении объективной ценности блага и в формировании цен и доходов получили развитие в *математической школе*. Согласно учению математической школы, в основе цен лежат два фактора: предельная полезность и редкость элементов производства. Математическая школа отрицает возможность отыскания единой причины, которая определяла бы величину стоимости и не зависела бы от последней. Основным предмет политической экономии в математической школе – изучение рыночных явлений в аспекте количественных соотношений цен отдельных товаров. В экономическом исследовании решающую роль должен играть математический метод (отсюда название школы, которую называют иногда Лозаннской). Основным законом цен является закон спроса и предложения.

Главные положения математической школы основываются на понятиях субъективных предпочтений потребителей, которые получают математическую интерпретацию при помощи построения кривых безразличия, отражающих, в конечном счете, взаимозаменяемость товаров. Это позволило определить количественную зависимость между потреблением, доходами и ценами. Задача экономиста состоит в составлении уравнений, которые выражали бы все основные количественные соотношения, а цены служили бы неизвестными величинами. Кривые спроса и предложения показывают, как каждому изменению цены соответствует изменение спроса и предложения. Цена зависит от функций или от кривых спроса и предложения. Цена устанавливается в точке пересечения кривых спроса и предложения. Изменение спроса зависит от предельной полезности потребляемых товаров.

Каждый покупатель, согласно положениям математической школы, стремится так распределить свои деньги на покупку разных товаров, чтобы получить наибольшую полезность. Условием достижения максимума полезности является такое распределение покупок, при котором предельные полезности товаров пропорциональны ценам. С изменением предельной полезности изменяется спрос. Предложение же зависит или от количества предметов потребления (если это количество не может быть увеличено) или от количества таких элементов производства, которые не поддаются произвольному увеличению (например, естественные запасы, труды и т.д.).

Наиболее крупными представителями математической школы были У. Джевонс, Л. Вальрас и В. Парето.

У. Джевонс в книге «Теория политической экономии» (1871) утверждал, что ценность блага не зависит от труда, необходимого для его производства, и что ценность зависит от *субъективной* оценки покупателями полезности данного блага. Он доказывал, что блага оцениваются только доставляемой ими полезностью и что труд и другие факторы производства обретают ценность лишь тогда, когда они участвуют в производстве этих благ. Он показал, что потребитель склонен увеличивать количество покупаемых благ до тех пор, пока предельная полезность последней единицы некоторого блага не станет равной предельной полезности последней единицы любого другого блага.

Л. Вальрас впервые дал систему уравнений, выражающих условия экономического равновесия. Центральным положением в теории Вальраса является закон спроса и предложения, который он пытался уточнить. Вальрасовская модель общего экономического равновесия представляет собой упрощенную теоретическую конструкцию менового хозяйства, абстрагируемую от процессов производства, накопления и инвестирования. Экономика согласно этой концепции – набор товарных рынков, где все связи регулируются обменными отношениями, устанавливаемыми через механизм спроса и предложения, и где общий уровень цен является функцией объема платежных средств в обращении, т.е. используется классическое уравнение количественной теории денег.

В. Парето использовал математические методы анализа равновесия механических систем для построения общей теории экономического равновесия. Свои взгляды он выразил в книге «Учебник по политической экономии» (1906). Парето признавал, что полезность трудно измерить, и показал, что чистая ординалистская концепция полезности была бы недостаточна для создания теории выбора. Для этого Парето применил кривые безразличия. Парето известен и своими идеями о распределении прибыли.

Субъективистское направление политэкономии нашло также свое отражение в неоклассической экономической теории, основанной на учении Альфреда Маршалла и др., и заменило собой доктрины классической экономии в конце XIX в. Ее часто называют «маржиналистской революцией», в которой главное внимание уделяют оптимальному размещению редких ресурсов для удовлетворения потребностей.

А. Маршалл в своей работе «Принципы экономической науки» (1890), используя математический аппарат (методы дифференциального исчисления) показал, что ценность блага частично зависит от его предельной полезности, а интенсивность потребностей в данном благе снижается с приобретением каждой последующей его единицы. Маршалл утверждал, что ценность определяется как спросом, так и предложением, причем спрос определяет цены и объем выпуска в коротком периоде, а изменение затрат ресурсов и издержек производства

влияет на цену в длительном периоде. Он полагал, что цены предложения должны зависеть от издержек производства, а в анализе издержек производства короткого периода показал, что предельный продукт любого ресурса снижается, так как сочетается с постоянными затратами других ресурсов (убывающая отдача переменного фактора). В длительной перспективе, согласно Маршаллу, отрасли уменьшают издержки и цены в связи с экономией от масштаба, который является результатом большой специализации.

Деньги и у сторонников теории предельной полезности, и у «маржиналистов» рассматривались в функциональном плане.

Стоимостная природа денег у «субъективистов» отрицалась, хотя в целом их считали «металлистами» (особенно У. Джевонса). В вальрасовской модели общего равновесия деньги как раз и рассматриваются как счетные единицы, переводной коэффициент, произвольно выбранный для обозначения складывающихся на рынке пропорций. В работе К. Менгера, а также в трудах Г. Зиммеля, К. Мизеса утверждалось, что деньги в экономике выполняют только одну функцию – функцию средств обращения. Другие экономисты этой школы (Т. Гейн, С. Гельферих, К. Визер) выделяли две функции денег (средства обращения и средства платежа), а прочие – либо игнорировались, либо рассматривались как производные и подчиненные. В дальнейшем традицию, начатую К. Менгером и его последователями, продолжили Людвиг фон Мизес и Фридрих фон Хайек²⁶.

В рамках маржинализма появились теоретические разработки о той денежной массе, которая требуется для обслуживания товарного рынка в данной стране. У истоков разработки количественной стороны денег стоял И. Фишер. Проблема взаимосвязи определенного запаса денег (денежной массы), скорости обращения денег, уровня цен и национального дохода (и его математического описания в форме уравнения) была введена в научный оборот И. Фишером в его фундаментальном труде «Покупательная сила денег», изданном в 1911 г.²⁷ Его уравнение обмена связывает

²⁶ Хайек Ф. Частные деньги. М., 1996. Представитель ортодоксального либерализма (автор многих философских работ, в том числе известной книги «Путь к рабству»). Ф. Хайек выступал как сторонник нейтральности денег. Постановки задач Ф. Хаека, который пытался разрешить противоречие между декретным характером современных денег и принципом *laissez faire* имели долгую жизнь, в частности предложение о денационализации выпуска денег, т.е. об отмене государственной монополии на выпуск денег и передаче их эмиссии в частные руки. Впоследствии доктрина частных денег была поддержана одним из лидеров монетаризма М. Фридманом.

²⁷ Фишер И. Покупательная сила денег. М., 1925.

денежную массу (запас денег M) со скоростью обращения денег (V), уровнем цен (P) и национальным доходом (Y) как $M \times V = P \times Y$. Однако, по мнению И. Фишера, эта постановка впервые появилась в книге Симона Ньюкомба «Принципы политической экономии» еще в 1885 г., а сама идея высказывалась еще раньше Д. Рикардо. Впоследствии Дж. Хикс, также в рамках маржиналистских идей, посчитал тупиковыми попытки развития денежной теории на основе представлений, отражаемых «уравнением обмена» И. Фишера, поскольку это уравнение содержит тавтологию. По его мнению, перспективным направлением для учения о деньгах должно стать соединение доктрины предельной полезности с предложенным А. Пигу и А. Маршаллом пониманием роли «реальных кассовых остатков», т.е. денег, которые хозяйствующие субъекты временно изымают из обращения.

Экономисты *неоклассического направления* (А. Маршалл, И. Фишер) пытались осмыслить и некоторые новые реальности, которые обозначились в экономике. Было обращено внимание на то, что банки способны создавать денежную массу в условиях, когда спрос на ссудные фонды превышает предложение свободных капиталов, т.е. могут активно влиять на динамику цен. И тем не менее, золото в качестве реальных денег заявило о себе, когда в 1816 г. *золотомонетный стандарт впервые законодательно был оформлен в Великобритании*. После этого металлизм как теоретическое направление, отстаивающее преимущество золотого обращения, стал господствующим в экономической теории. В целом же (даже в рамках «революционных» постановок в отношении возможности замены драгоценных металлов кредитно-бумажными деньгами), они не порывали связи с металлизмом вообще и золотым стандартом в частности. А он просуществовал в качестве основы денежных систем европейских государств вплоть до Первой мировой войны. В конце XIX в. – начале XX в. явно обозначилась тенденция выполнения функции счетных денег средствами обращения с принудительным курсом, а эта реальность породила новые направления экономической мысли.

1.4. Функционально-декретная природа денег: от Дж. Ло и номинализма к Кейнсу и кейнсианству

В рамках классической и неоклассической политэкономии функциональная природа денег, как отмечалось выше, не порывала связи с металлизмом вообще и золотым стандартом в частности.

Этот разрыв четко обозначился во всех функционально-декретных системах денег. В них не делалось разницы между деньгами и их заместителями в обращении (знаками денег), в частности между полноценными золотыми деньгами или кредитными деньгами (банкнотами) и казначейскими (бумажными деньгами), что нашло наиболее полное отражение в номинализме, а затем в монетаризме. Но предшественником тех и других в начале XVIII в. был шотландец Дж. Ло. Хотя Дж. Ло вошел в историю не как теоретик, а как гениальный финансист авантюрного склада²⁸, у него были две работы теоретического плана (1705, 1707), посвященные деньгам²⁹. Суть его теоретических постановок вкратце можно сформулировать следующим образом. Во-первых, золото и серебро сами по себе не являются деньгами, они ими стали в силу своих физических свойств (однородности, портативности, делимости). Во-вторых, не общественный договор, а именно физические свойства металлов делают их деньгами, обслуживающими обмен товаров «для преодоления неудобств бартерного обмена». В-третьих, полезность денег состоит в покупке вещей, а золото и серебро как деньги не имеют другой полезности. В-четвертых, если драгоценных металлов мало, то они сдерживают торговлю, и поэтому нужны деньги, свободные от этой ограничивающей функции драгоценных металлов. Ими могут стать деньги, эмитированные специальным кредитным учреждением, но вхождение их в оборот должно *обеспечиваться законодательными мерами*, т.е. принудительным осуществлением всех платежей в этих деньгах. В-пятых, в качестве замены золота и серебра Ло выделял землю как устойчивую ценность, под залог которой специальные учреждения и должны эмитировать знаки денег³⁰.

²⁸ Ло разрабатывал проекты введения бумажных денег для Шотландии, чтобы подорвать могущество Англии и Нидерландов, которые к этому времени сумели накопить значительные массы благородных металлов. Потом Ло заинтересовал французский королевский двор и с его помощью Ло осуществил на практике свой проект, попытавшись заменить реальные деньги (драгоценные металлы) знаками денег (акциями). Это начинание кончилось финансовыми потрясениями, от которых Франция не могла оправиться долгие годы (см. параграф 8.9).

²⁹ *Law J. Money and Trade Considered with a Proposal for Supplying the Nation with Monty. 1705; Law J. Memoire pour prouver qu'une nouvelle espèce de monnaie peut être meilleure que l'or et l'argent. 1707.* См.: Бурлачков В.К. Денежная теория и динамичная экономика: выводы для России. С. 12.

³⁰ Эта идея получил свою реализацию во Франции после Великой французской революции (см. гл. 9).

Через столетия полный разрыв с металлизмом провозгласил *номинализм*. В нем деньги как мера стоимости не анализировались, объективные начала соизмеримости товаров не рассматривались, внимание акцентировалось только на функции денег как средства платежа. Номинализм явился теоретической основой для развития денежных систем, основанных на неразменных на металлы бумажных знаках денег. Он имел приверженцев среди экономистов всех европейских государств.

На Западе номинализм связан с именем Г. Кнаппа, хотя пионерами здесь выступили российские ученые и государственные деятели (об этом – позже). В созданной им школе *государственной теории денег* утверждалось, что государство определяет:

а) *предмет*, являющийся законным платежным средством. Совершенно безразлично, из какого материала сделаны деньги. Важно лишь, чтобы государство сообщило деньгам законную платежную силу. Поэтому бумажные деньги имеют ту же природу, что и металлические;

б) *платежную силу денег*, которая также устанавливается государством. «Деньги – хартальное, т.е. законом установленное, платежное средство; лишь хартальность создает деньги». Платеж в виде определенной меры золотого песка еще не есть платеж деньгами, так же как и монета становится деньгами лишь тогда, когда начинает терять связь с металлом – в результате порчи она приобретает принудительный курс, устанавливаемый государственной властью. Отсюда становятся понятными трактовка денег как «номинальной единицы ценности» и утверждение, что «при всяком денежном устройстве единица ценности номинальна»³¹.

В дальнейшем теория номинализма Кнаппа была развита и уточнена другими экономистами европейских государств. Ф. Бендиксен в своей работе «Деньги» (1908) солидаризировался с утверждением, что «в странах с золотым обращением единица ценности номинальна». Потом он уточнил, что надо различать единицу ценности и платежное средство. «Ценности хозяйствующих благ образуют сеть отношений, т.е. дроби, приводимые деньгами к одному знаменателю (единице ценности)». Он считал догматическим представление о том, что «единица ценности генетически происходит из обращения полноценных, т.е. металлических, денег»³².

По мнению Бендиксена, денежное обращение, основанное на золоте, неоправданно дорого. Но в основу бумажного обращения он

³¹ Кнапп Г. Очерки государственной теории денег. Одесса, 1913. С. 34.

³² Бендиксен Ф. Деньги. Пг., 1923. С. 51, 63.

предложил положить учет торговых векселей, хотя был, вероятно, не знаком с основателями этой школы. Любопытно, что Бендиксен критиковал американскую практику денежной эмиссии на основе казначейских обязательств и считал этот факт доказательством неправильного представления о природе денег в США³³.

К. Вискель (Швеция) критиковал практику золотого обращения с сугубо рационалистических позиций. Проанализировав тенденции добычи благородного металла, он сделал вывод, что объем его производства недостаточен для обеспечения хозяйственного оборота золотыми деньгами. В таких условиях цена золота должна расти, а цены прочих товаров – падать. В этой связи Вискель высказался за переход к бумажно-денежному обращению. Его устойчивость должна манипулироваться банковскими процентными ставками – их снижением при падении цен и повышением при росте цен.

Первая мировая война – это водораздел в существовании мирового сообщества во всех отношениях, в том числе и в экономическом. Начало XX в. (после Первой мировой войны) характеризовалось разрушением единства мирового рынка, система золото-денежного обращения постепенно уходила в прошлое, мировой кризис, а затем последовавшая депрессия всех промышленно развитых государств с массовой безработицей предъявили новые требования к экономической мысли, породив новые имена в политэкономии. Дальнейшее развитие *функционально-декретной теории денег* связано с *кейнсианством* и *антикейнсианством*, приведшим в итоге к монетаризму. В своем развитии она прошла как бы два этапа: первый связан с осмысливанием реалий в денежной сфере после Первой мировой войны, примерно до 20-х – начала 30-х годов и второй – с середины 30-х годов до Второй мировой войны.

Можно без преувеличения сказать, что весь этот период в экономической мысли Запада главенствующее место было занято Джоном М. Кейнсом – крупнейшим ученым, новатором в области экономической политики и финансов, стоявшим у колыбели Международного валютного фонда.

Англичанин до мозга костей, сын кембриджского профессора экономики, знаток истории литературы и искусства, блестящий публицист, Кейнс с детских лет впитал высокую культуру. Был женат на русской балерине Лидии Лопуховой. Был первым «аристократом от политэкономии», незадолго от Бреттон-Вудской конференции стал лордом. Именно он в межвоенный период был приглашен Ф. Рузвельтом

³³ Там же. С. 42.

в Белый дом для беседы по наиболее актуальным экономическим проблемам. Он доказывал У. Черчиллю, который был в то время министром финансов Великобритании, что пришло время отказаться от золотого стандарта; Кейнс активно участвовал в Бреттон-Вудской конференции.

Большое значение в развитии денежной теории имела работа Дж. Кейнса 1923 г. «Трактат о денежной реформе». В этой работе он писал, что «...золотой стандарт является только варварским пережитком прошлого», что при золотом обращении золотой запас лежит без пользы и не может применяться для выравнивания платежного баланса и что «свободное от металла, регулируемое мерило ценности незаметно прокралось к нам и оно существует». Главный вывод «Трактата» состоял в следующем: «...Мы должны освободиться от недоверия к регулированию мерила ценности путем сознательных мероприятий»³⁴, и при господствующей социальной организации в области денежной политики нельзя рекомендовать принцип «laissez-faire» (он потом был развит в статье «Конец laissez-faire»)³⁵.

Кейнс доказывал, что государство не должно выполнять в экономике функции, которые взял на себя частный бизнес. Однако ему необходимо выполнять функции, которые частный бизнес выполнять не может. Понимание экономики как системы с недостаточной способностью саморегуляции основывалось на анализе особенностей бумажно-денежного обращения, в частности необходимости определения валютными властями количества денег в обращении. Кейнс отрицал традиционную количественную теорию денег, полагая, что, во-первых, скорость денежного обращения не является постоянной величиной, во-вторых, эти закономерности могут иметь место лишь при отсутствии спекулятивного спроса на деньги; в-третьих, склонность хозяйствующих субъектов к тезаврации равна нулю. И главное, закономерности, описываемые количественной теорией, могут иметь место лишь при условии полной занятости.

В 1930 г. Дж. Кейнс публикует двухтомный «Трактат о деньгах»³⁶, где он выступает как теоретик классического направления, подводя итоги развития денежной теории почти за столетие. В этой работе можно выделить следующие важные положения.

³⁴ Кейнс Дж. Трактат о денежной реформе. М., 1925.

³⁵ Keynes J. The End of Laissez. L., 1926.

³⁶ Keynes J. Treatise on Montey. L., 1930.

1. Теоретическая классификация денег, в которой выделяют «собственно деньги» и «счетные деньги». На определенной стадии развития право создания как «собственно денег», так и «счетных денег» закрепляет за собой государство. Появляются «государственные деньги», а с развитием кредита на основе банкнотного обращения появляются «банковские деньги», которые первоначально эмитируются на основе частного долга. Впоследствии их выпуск начинает регламентироваться государством, и они становятся разновидностью товарных денег. Государственные деньги принимают три формы. Первая форма (товарная) – она предполагает использование в качестве денег товаров, обладающих таким свойством, как редкость (драгоценные металлы). Вторая форма (декретная) – связана с разменными на благородные металлы бумажными деньгами. Третья форма (управляемая) – бумажные деньги, не разменные на металл и регулируемые государством.

2. Создание основы теории управляемых денег в рамках его общей мировоззренческой позиции о конце *laissez-faire*. Он обосновывает необходимость включения государства в качестве главенствующего партнера в экономику, выделяя связь покупательной способности денег и сбалансированности экономики. Представители классической политэкономии рассматривали соотношение «сбережение-инвестиции» в статике, Кейнс – в динамике. У Кейнса нашел отражение и старый тезис классиков, что покупательная сумма денег зависит от их количества. Но при этом он обращает внимание на то, что стабильность покупательной силы денег, в конечном счете, определяется соотношением «инвестиции-сбережения» и «деньги-цены». Именно они характеризуют условия сбалансированности экономической системы, и при этом оговаривается, что сбережения могут и не привести к соответствующему уровню инвестиций. Это – один из вопросов, которые были поставлены в «Трактате о деньгах» и получили впоследствии развитие в «Общей теории занятости процента и денег». В кейнсианской денежной теории обращается внимание на мотивы, определяющие стремление людей обладать деньгами. В интерпретации Кейнса такое стремление – предпочтение ликвидности, «аналог спроса на деньги».

3. Обоснование роли банковской системы и декретных денег в сбалансированности экономики. Кейнс отмечает, что, изменяя уровень процента, банковская система может изменять условия сбалансированности в экономике или, по сути дела, определять совокупные расходы на производство. В качестве одного из усло-

вий сбалансированности рассматривается соответствие темпа роста денежной массы темпу увеличения объема производства, что получило впоследствии название «денежного правила». Развитие декретных денег в концепции Кейнса открывает возможности широкого использования кредита (процента) для обеспечения максимальной вовлеченности факторов производства в производственный процесс. При этом обращается внимание на подводные камни в этой политике. Они связаны с тем, что обеспечение максимально возможных масштабов производства не должно приводить к инфляции. Если инвестиции превысят сбережения, это отразится на уровне цен.

Работа Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936)³⁷ потрясла основы европейской экономической науки и своей мировоззренческой позицией, и своей позитивной программой. Трудно отрицать, что она – главное событие в денежной теории первой половины XX в. Если в предыдущих работах Кейнс выступает как традиционалист, то в «Общей теории...» он создатель нового инструментария экономического анализа. В мировоззренческом отношении он противник *laissez faire*. Кейнс обосновывал эту точку зрения тем, что хозяйственные агенты недостаточно проницательны, чтобы понять внешнюю и внутреннюю причины экономического явления. Кроме того, их интересы настолько разнородны, что простой конкуренции для согласования их целей недостаточно, не говоря уже о том, что хозяйствующие субъекты образуют общности и коллективы (групповые интересы). И поэтому общество не может быть сведено к простой совокупности индивидов и ориентации на их эффективные действия в конкурентной среде. На способности индивида налагают существенные ограничения недоступность информации, ограниченность памяти, подверженность эмоциям, привычкам, а также внешним влияниям, в том числе моральным и религиозным, которые затрудняют рациональный расчет. Тем более, что сфера удовлетворения личных потребностей индивида не может ограничиваться его желанием в получении дохода и накоплении богатства, они должны включать и альтруистические побуждения, а также стимулы к обретению свободного времени для досуга.

В целом Кейнс показал неспособность механизма свободной конкуренции справиться с гигантскими производительными силами, вызванными к жизни капитализмом, и положил начало

³⁷ Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.

разработке *концепции регулируемого* капитализма. Он обосновал ряд предложений по регулированию экономики, которые впоследствии вошли в арсенал средств государственного монопольного регулирования. Кейнс предложил свое объяснение массовой безработицы и рекомендовал для проведения государственной политики ориентироваться на борьбу с ней. Как уже ранее говорилось, классическая политэкономия утверждала, что рыночная система самопроизвольно стремится к полной занятости ресурсов, поскольку обменный механизм обеспечивает равновесие спроса и предложения. Поразившие Кейнса глубина и продолжительность всемирной депрессии, имевшей место в межвоенный период, заставили его искать иные решения. Кейнс отмечал, что политэкономы классической школы занимались относительными долями различных факторов производства в национальном продукте, а не силами, определяющими уровень общей экономической активности, вследствие чего их теории стоимости и распределения относятся к частному случаю – к полной занятости. Сосредоточив свое внимание на агрегированных показателях, таких как национальный доход, потребление, сбережения и инвестиции, Кейнс разработал общую теорию, объясняющую уровень экономической активности. Он утверждал, что нет никакой гарантии, что сбережения будут накапливаться во время депрессии и работать на снижение процентных ставок, так как сбережения зависят от дохода, а при высоком уровне безработицы доходы низки. Далее он подчеркивал, что инвестиции зависят, прежде всего, от уверенности предпринимателей, которая во время депрессии может быть настолько низкой, что даже снижение процентных ставок не повлечет за собой увеличение инвестиций. Кейнс видел причину депрессии в уменьшении совокупного спроса. Поскольку не существует какого-либо автоматического стимула к росту спроса, необходимо вмешательство государства для повышения спроса и выхода из депрессии. Государство (согласно его доктрине) должно или стимулировать потребление, подбрасывая деньги в карманы потребителей, сокращая налоги и, таким образом, увеличивая покупательную способность населения, или непосредственно повышать государственные расходы, создавая дополнительный совокупный спрос.

В целом необходимо отметить, что Кейнс стал родоначальником особой теории, обосновывающей центральное место денег в макрорегулировании, хотя его впоследствии критиковали как

раз за их недооценку³⁸. Его концепция основывалась на теснейшей взаимосвязи денежных и «реальных факторов», где роль передаточного звена играла *норма процента*, оказывающая влияние на предложение денег и интенсивность инвестиционного процесса. В кейнсианской доктрине содержится стремление соединить факторы реальной экономики с денежным доходом, где доход определяется уровнем текущих инвестиций, а они зависят от нормы процента. Сам же процент – это результат взаимодействия денежного спроса (предпочтения ликвидности) и предложения денег.

После мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. страны Запада, отказавшись от традиционной системы золотого стандарта, перешли к системе регулируемых денег (косвенно связанных с золотом), а также к политике широко координируемого вмешательства государства во все сферы экономической деятельности, создавая денежно-кредитные системы с функционально-декретной, ее обычно называли *политической, ценой денег*. Кейнсианские построения привели к установлению во многих странах новых денежных режимов, которые, имея общие черты, существенно различались между собой (английская система регулируемых денег; американская система фиксированной цены на золото или «эластичный золотой стандарт»; немецкая система монополии валютных курсов, к которой в 1936 г. присоединилась Италия).

После Второй мировой войны, когда денежно-кредитная система стала освобождаться от жесткого контроля бюджетных органов, возникли новые течения денежного регулирования макроэкономики, освобожденного от государственной опеки и при курсе, более ориентированном на частный капитал с возрождением мирозрения *laissez faire*. На смену многих школ кейнсиан-

³⁸ Взгляды Кейнса на активное включение государства в экономику вызвали резкую критику со стороны известного чикагского экономиста Г. Саймонса. В работе: «Позитивная программа для *laissez faire*: некоторые положения для либеральной экономической политики», изданной в 1934 г., он утверждал, что преодоление Великой депрессии видел не в «свободе без берегов», а в установлении «правил игры»... «Хорошее функционирование системы свободного предпринимательства предполагает, – отмечал Саймонс, – эффективное выполнение фундаментальных функций правительства». К ним надо отнести: во-первых, регулирование средств обращения (денег); во-вторых, введение 100%-ной нормы банковских резервов на депозиты (резервы конкретного банка должны были равняться сумме принятых банковских депозитов), что позволило бы обеспечить абсолютную стабильность денежной единицы; в-третьих, национализацию федеральных резервных банков для обеспечения управляемости банковской сферы.

ского направления, которая сформировалась и лидировала в 30–40-х годах, пришли школы монетаристского направления, вышедшие на арену в середине 50-х годов с лозунгом «деньги имеют значение». Но тем не менее кейнсианство во второй половине XX в. не ушло в прошлое. Оно получило развитие в трудах Дж. Тобина, Н. Калдора, П. Девидсона, А. Лейонхуфвуда³⁹.

1.5. Монетаризм как идеологический и научный оппонент кейнсианству

Если экономическая мысль Запада в период между двумя войнами формировалась в значительной мере под влиянием идей кейнсианства, то после Второй мировой войны пальму первенства на некоторые десятилетия перехватывает монетаризм и в мировоззренческом, и в научном плане. Год 1936-й стал знаменательным для экономической науки, так как тогда были опубликованы две работы, определившие развитие исследований на последующие десятилетия. Автор одной из них Дж. Кейнс сразу стал всемирно знаменит, а автор другой Дж. Энджелл до сих пор не известен специалистам, хотя именно ему удалось сформулировать основные положения денежной теории, за которой впоследствии закрепилось название «монетаризм». Эта концепция основывалась на эмпирических фактах, свидетельствующих об устойчивости денежных показателей, в частности скорости обращения денег. Она объясняла циклические колебания хозяйственной конъюнктуры отклонениями от сложившейся денежной массы. В целом Дж. Энджелл и ряд других экономистов (в частности, К. Варбуртон) вели критику кейнсианства и недостатков этой теории с точки зрения возможностей практического регулирования денежных отношений. Но в тот период их взгляды не получили широкого распространения ни в теории, ни в практике.

Однако в последующие десятилетия монетаризм заявил о себе уже в качестве идеологической доктрины, развивая критику кейнсианства как *мировоззрения*. Монетаризм стал идеологическим противником кейнсианства со второй половины 50-х годов, что особенно ярко прослеживается в социологических работах

³⁹ *Ольсевич Ю.Я.* К теории экономических трансформаций. М., 1997. С. 112–113.

М. Фридмана⁴⁰. В них утверждается принцип *laissez faire*, т.е. полной свободы деятельности каждого индивида, а роль государства сводится к защите частной собственности. Экономика понимается как саморегулирующаяся система, а конкретный индивид действует в ней самостоятельно на свой страх и риск. Мир – это совокупность индивидов, объединенных товарно-денежными связями. Фридман в книге «Капитализм и свобода» (1962) отстаивал достоинства системы свободного рынка и утверждал, что государственное регулирование рынков должно быть сведено к минимуму.

В 1956 г. М. Фридман предложил новую трактовку количественной теории денег. Особенностью фридмановского варианта количественной теории денег явилось то, что она основана на *систематизации эмпирических* процессов, выявленных при анализе исторических зависимостей денежной системы США. При постоянных скорости обращения денежных агрегатов и ценах было выведено правило, связывающее темп роста денежной массы с темпом роста ВВП. М. Фридман и А. Шварц, проанализировав денежную историю США за весь доступный им период (1867–1960 гг.), эмпирически доказали эту связь. Считается, что Фридман опирался в своих построениях на концепцию Дж. Хикса, который соединил свою количественную теорию денег с маргинализмом А. Маршалла.

Фридман, изучая связь между потреблением и доходом, отвергал идею кейнсианства о том, что с ростом доходов населения доля дохода, идущая на потребление, уменьшается, а доля, идущая на сбережения, увеличивается. Он утверждал, что потребление составляет постоянную часть перманентного дохода потребителя и что с ростом дохода в долгосрочной перспективе доля расходов остается неизменной. Фридман подвергал критике кейнсианскую политику точной настройки государством совокупного спроса, утверждая, что эта политика усиливает неопределенность и может дестабилизировать экономику. Взамен этого он предлагал другой путь, чтобы государство постепенно увеличило предложение денег темпом, равным темпу долгосрочного прироста национального продукта для того, чтобы устранить инфляционные тенденции в экономике. Если уровень инфляции в стране высок, то, по мнению Фридмана, резкое сокращение темпов роста предло-

⁴⁰ *Friedman M. Monetary Policy: Tactics versus Strategy // The Search for Stable Money / Ed. J. Dorm and Schwartz. Chicago, 1987; Friedman M. The Optimum of Money and Other Essays. N.J., 1969. Фридман М. Количественная теория денег. М., 1996.*

жения денег может понизить спрос и вызвать увеличение безработицы. Однако он считал, что такой рост безработицы будет носить временный характер, ибо, как только ожидания людей по поводу будущего уровня инфляции понизятся, полная занятость может быть восстановлена. Лидеры монетаризма еще в 50-х годах заявили: важно не то, что такое деньги, а то, как они влияют на экономическую эффективность. Монетаризм как версия количественной теории денег исходит из прямой связи между деньгами и ценами.

К характеристике монетаризма как теории придется вернуться еще не раз при анализе глобализма и глобализации. Поэтому здесь речь пойдет только о некоторых основных чертах этой доктрины. Главное в этой доктрине – общая направленность, обосновывающая связь характера монетарной политики и динамики валового национального дохода со скоростью обращения денежных агрегатов, куда входили кроме самих денег все производные от них денежные субституты – монеты, банкноты, банковские счета, записи в бухгалтерских книгах. Монетаристы утверждают: если государственная политика воздействует на совокупный спрос и объем производства, то контроль над денежной массой определит занятость в долгосрочной перспективе. В этой концепции гипертрофирована роль денег и денежных агрегатов в воздействии на конъюнктуру и динамику национального дохода, номинально выраженного в текущих ценах. По сути дела именно к этим критериям и методам сводилось в ряде случаев все макрорегулирование. Деньги были представлены как один из активов, т.е. элементов богатства, наряду с акциями, физическими благами (товарными) и человеческим капиталом.

Основной акцент делается на необходимость сбалансированного соотношения между количеством денег, доступных для финансирования покупок товаров и услуг, с одной стороны, и способностью экономики производить товары и услуги, с другой. Теория дает объяснение инфляции, связывая ее с чрезмерным увеличением предложения денег. В частности, монетаристы утверждают, что, если государственные расходы больше, чем налоговые поступления, и, следовательно, потребности государственного сектора в займах для финансирования дефицита растут, то увеличение предложения денег, вызванное финансированием возросшей потребности государственного сектора в займах, повысит темп инфляции. «Чистая» количественная теория денег утверждает, что исходной причиной инфляции является избыточная эмиссия денег («слишком большое количество денег охотится за

слишком малым количеством товаров»), и это рассматривается как источник инфляции спроса. Монетаристы считают, что инфляция затрат не является достаточно независимой, поскольку эта инфляция должна финансироваться за счет предложения денег. Они обвиняли ортодоксальных кейнсианцев в игнорировании значения денежной массы и тем самым в стимулировании проинфляционной политики, которая может дать позитивные результаты лишь в краткосрочный период.

Монетаризм за десятилетия своего существования породил много ответвлений (сейчас различают, например, «ортодоксальных монетаристов» и «школу рациональных ожиданий»), которые в идеологическом плане противостоят кейнсианству. Они выступают единым фронтом против общего врага – вмешательства государства в экономический процесс. Экономика капитализма, утверждают они, устойчива в самой своей основе, а государственное вмешательство лишь нарушает естественный механизм приспособления хозяйства к меняющимся условиям. Во главу угла они ставят принцип стабилизации покупательной силы денег в качестве важнейшего условия сохранения общеэкономического равновесия при полном невмешательстве государства в экономическую жизнь. Монетаристы рекомендуют разорвать порочный круг, прекратить «бессмысленную» политику спроса и снять с повестки дня кейнсианский лозунг достижения высокого уровня занятости. Отсюда неприятие программ социальной помощи беднейшим слоям, снятие лозунга борьбы с безработицей и т.д.

Монетаристские идеи оказали значительное влияние на государственную политику 80-х годов, так как проводившаяся в предыдущий период антикризисная политика стала объектом активной критики. Тогда было обращено внимание на то обстоятельство, что именно попытки правительств выравнивать колебания конъюнктуры путем увеличения или, наоборот, снижения дефицитности бюджета были способны лишь увеличить амплитуду циклических колебаний. В этих условиях центральные банки ряда стран проявили интерес к предложениям монетаристов о проведении политики таргетирования роста денежных показателей. Суть ее заключалась в поддержании устойчивых темпов увеличения денежного предложения, соответствующих среднecиклическим темпам роста ВВП. В 1979 г. к проведению политики таргетирования, которая получила название «монетаристского эксперимента», приступили денежные власти США. Но результат был отрицательным. В этот период резко возросла изменчивость

процентных ставок, исчезла стабильность скорости денежного обращения. Вначале не удалось избежать инфляции, не увенчались успехом попытки обеспечить стабильность роста денежной массы. Более того, произошло снижение уровня производства. От этой политики власти США отказались в 1982 г. Среди самих монетаристов этот эксперимент получил неоднозначную оценку. Сторонники неокейнсианства расценили это событие как крах монетаристской доктрины.

Кейнсианство и монетаризм – два основных соревнующихся друг с другом направления современной западной экономической мысли тем не менее своими корнями уходят в теоретические разработки классиков буржуазной политэкономии. Выявив основные положения расхождений взглядов Кейнса и монетаристов, целесообразно развернуть эти разногласия применительно к отдельным направлениям экономической мысли этих двух влиятельных школ Запада, которые распались на более частные ответвления со своими взглядами на многие важные вопросы, касающиеся роли государства, денег, фискальной политики, процента, занятости. Эти вопросы досконально рассмотрены в работе П. Браунинга «Современные экономические теории – буржуазные концепции»⁴¹. Представляется целесообразным, основываясь на его исследовании, дать краткий обзор взглядов кейнсианцев и монетаристов в контексте основных постулатов классиков буржуазной политэкономии.

Государство и рынок. Классики буржуазной политэкономии полагают, что цены свободно колеблются и «естественные» экономические законы стремятся привести экономику в состояние равновесия. Кейнс утверждал, что действие сил, которые должны привести экономику в равновесие, недостаточно, несмотря на особое значение свободы индивидуального выбора, реализацию которой обеспечивает рынок. Большинство кейнсианцев второй половины XX в. уверены в необходимости и возможности управления экономикой с помощью модели Кейнса. Обновленные кейнсианцы (их называют также «неокейнсианцами») придерживаются кейнсианской модели регулирования, но принимают некоторые положения монетаристов, хотя с меньшей верой в силы свободного рынка, подчеркивая, что промышленность должна планироваться и получать от государства субсидии.

⁴¹ Браунинг П. Современные экономические теории – буржуазные концепции / сокр. пер. с англ. М., 1987. С. 146–151.

Во всех монетаристских школах, получивших большое количество частных ответвлений, утверждается, что рынок должен быть основой всего, а частный сектор должен занимать максимально большой удельный вес в экономике по сравнению с государственным. При этом монетаристы-классики (школа рациональных ожиданий) уверены, что при свободной игре цен экономические субъекты, под воздействием заявлений в области денежной политики, формируют рациональные ожидания и в соответствии с ними действуют на рынке. Монетаристы-градуалисты признают свободное колебание цен, но не в полной мере, подчеркивая особую природу ожиданий, которые имеют не рациональный, а виртуальный характер. Монетаристы-прагматики разделяют идею контроля над количеством денег в обращении, но выделяют вопрос об их влиянии на заработную плату.

Отношение к количеству денег в обращении и норме процента. В классической буржуазной политэкономии важной является точка зрения, что количество денег в обращении зависит от движения золота и серебра; норма процента определяется спросом и предложением на сбережения; изменение количества денег в обращении воздействует на цены и уровень деловой активности. Кейнс утверждал, что количество денег в обращении должно контролироваться. Предпочтение должно отдаваться ликвидности, которая определяет норму процента. При этом норма процента должна оставаться низкой, так как вместе с предельной эффективностью капитала она определяет объем частных инвестиций. В целом кейнсианцы поддерживают Кейнса, подчеркивая, что объектом регулирования должна быть норма процента, а не количество денег в обращении. Обновленные кейнсианцы утверждают, что количество денег в обращении – это один элемент в системе ликвидных средств, его нельзя игнорировать, но решение задач в области денежного обращения не должно считаться основной целью экономической политики.

Экономисты-классики утверждали, что скорость обращения денег постоянна, так как потребители имеют постоянные привычки расходования денег и поэтому деньги вращаются с постоянной скоростью. Монетаристы уже не считают, что скорость обращения денег должна быть непременно постоянной и утверждают, что она очень медленно меняется во времени вследствие финансовых введений, таких как распространение банковских счетов и чековых платежей. А современные монетаристские концепции, отражающие закономерности денежной эмиссии, скорости обращения

денег, включая связь усложненных вариантов количественной теории денег, уходят своими корнями в докейнсианский период экономической мысли (проблемы равновесия Л. Вальраса, преобразование основных постулатов этой системы в работах И. Фишера, А. Маршалла, А. Пигу).

В общей монетаристской теории количество денег в обращении является основным фактором, определяющим уровень цен; оно должно жестко контролироваться, возможно, с помощью установления постоянных и низких темпов прироста. При этом монетаристы солидарны с Кейнсом в том, что норма процента определяется количеством денег в обращении и спросом на них и что необходимо принимать как должную любую норму процента, учитывая, что норма процента не является объектом экономического регулирования. Монетаристы-прагматики уверены, что экономическая политика не должна концентрироваться лишь на вопросах денежного регулирования.

Финансовая политика. Классики буржуазной политэкономии не рассматривали финансовую политику в качестве инструмента экономической политики, при этом полагая, что бюджет государства должен быть сбалансирован. Кейнс утверждал, что финансовая политика должна быть связана с поддержанием эффективного спроса на должном уровне, обуславливающим необходимость контроля за его равновесием и объемами, что предполагает использование общественных работ каждый раз, когда возникает такая необходимость. Кейнсианцы считали финансовую политику основным инструментом экономического регулирования обеспечивающим высокий уровень расходов путем манипулирования уровнем налогов. «Обновленные кейнсианцы» утверждали, что количество денег в обращении – это один элемент в системе ликвидных средств, его нельзя игнорировать, но решение задач в области денежного обращения не должно считаться основной целью экономической политики.

Общая монетаристская теория защищала тезис о том, что «тонкая регулировка» экономики не только невозможна, но даже вредна; поэтому финансовая политика не должна являться инструментом экономической политики, а дефицит бюджета не может постоянно содействовать росту производства и занятости. Монетаристы-прагматики утверждают, что жесткая денежная политика должна сопровождаться отказом от регулирования доходов и смягчением финансовой политики.

Отношение к объему производства и занятости. У классиков буржуазной политэкономии отсутствует четкая теория совокупного спроса, а уровень занятости определяется спросом и предложением на рынке рабочей силы; предложение само порождает спрос (закон Сэя); экономика всегда стремится к состоянию полной занятости, что может быть нарушено лишь действием «торгового» цикла. Кейнс разделяет основное положение классиков о том, что экономика стремится к полной занятости, но при этом полагает, что обязанностью государства является обеспечение необходимого для этого объема совокупного спроса, поэтому занятость зависит от совокупного спроса и реальной заработной платы. Кейнсианцы делают больший акцент на обеспечении полной занятости, считая это ведущей задачей экономической политики и полагая, что управлять экономикой можно на пределе ее возможностей.

В общей монетаристской теории доказывается, что экономика сама устанавливает «естественный» уровень производства и занятости, которые определяются действием «реальных» сил. Монетаристы-классики – приверженцы школы рационального ожидания – убеждены, что производство и занятость быстро реагируют на денежную политику и не несут при этом больших потерь. Монетаристы-градуалисты отмечают, что основная тяжесть адаптации к жесткой денежной политике приходится на производство и занятость.

Цены и инфляция. Классики исходили из того, что конкретные цены определяются спросом и предложением, а уровень цен зависит от количества денег в обращении. Кейнс полагал, что имеющиеся в экономике узкие места вызовут рост цен, экономика начнет приближаться к пределу своих возможностей, а после достижения полной загрузки мощностей дальнейшее увеличение спроса вызовет настоящую инфляцию. Кейнсианцы отмечали, что умеренная инфляция может рассматриваться в качестве приемлемой платы за полную занятость. Обновленные кейнсианцы отрицают контроль над инфляцией как ведущую задачу экономической политики.

Общая монетаристская теория в своих главных положениях близка к взглядам классиков, но с более детальной разработкой теории денег, а также с выделением контроля над инфляцией как ведущей задачи экономической политики. Монетаристы-классики – приверженцы школы рационального ожидания – уверены, что цены, включая зарплату, *быстро* приспособляются

к заявлениям правительства в области денежной политики. Монетаристы-градуалисты, наоборот, считают, что цена и заработная плата приспособляются к денежной политике государства *довольно медленно*. Монетаристы-прагматики также разделяют точку зрения о том, что заработная плата медленно реагирует на денежную политику через спад производства, который оказывает давление как на уровень заработной платы, так и на цены.

Обменный валютный курс. Классики связывали его с ценой золота и золотым стандартом. Кейнс в своей общей теории исходит из *закрытого* характера экономики, для которой предпочтителен твердый обменный курс, уровень которого должен соответствовать потребностям экономики и быть устойчивым. Кейнсианцы полностью разделяют точку зрения главы этой школы по данному вопросу. Обновленные кейнсианцы разделяют идею о плавающем валютном курсе, при котором с помощью государственного регулирования устанавливаются пределы его колебания.

Общая монетаристская теория признает только *плавающий* курс, который является элементом механизма воздействия денег на цены, но не объектом государственного регулирования (в начале 50-х годов большинство западных экономистов во главе с М. Фридманом выступили с апологией «В защиту плавающего курса», опубликовав в сборнике, изданном Чикагским университетом эссе «О позитивной экономике»). Монетаристы-классики – приверженцы рациональных ожиданий – отстаивают плавающий курс как элемент механизма взаимосвязи валют, но не как его основу. Монетаристы-градуалисты признают плавающий курс как важный, но не главный элемент денежного механизма. Монетаристы-прагматики выделяют высокий обменный курс как важнейшую составную часть механизма связи мировых валют.

Политика в области доходов. Классики не включали в свой анализ эту проблему. Кейнс также не рассматривал ее и причислял к вопросам не экономическим, а политическим, которым надлежит заниматься профсоюзам. Кейнсианцы рассматривали политику в области доходов как основной инструмент контроля над инфляцией. Общая монетаристская теория исключает этот вопрос из рассмотрения или как нежелательный, так как он нарушает деятельность рыночного механизма и ведет к неправильному распределению ресурсов, или как необязательный, так как уровень цен определяется количеством денег в обращении, а не издержками.

Вопрос о кейнсианстве и монетаризме как основных экономических течениях середины и конца XX в. необходимо дополнить некоторыми новыми направлениями развития экономической мысли в конце XX в. Она получила название «альтернативной экономической мысли» и представлена в концепции Ф. Перру «Теория динамики структур», а также в работах Д. Гэлбрейта, Р. Городи, А. Лефевра и др. В этих исследованиях было показано, что в реальной жизни примат политики над экономикой неизбежен и существует всегда, независимо от того, признает ли это данная власть или не признает. Была вскрыта и разработана несостоятельность аргументации неолибералов (на чисто логическом и теоретическом уровнях), введены в анализ экологические, биологические, геополитические и этнические категории, влияние которых согласно «неортодоксальной» экономической теории было решающим фактором экономического развития.

Следует обратить внимание на одно важное обстоятельство. Все школы и модели регулирования экономики развитых государств создавались в условиях, когда планета давала возможность для любых экспериментов над своими ресурсами и безудержного экономического роста. Но, к началу третьего тысячелетия обнаружилось, что ресурсы планеты не безграничны и что все экономические доктрины (логически структурированные и математически оформленные) малодейственны. «В современной литературе Запада вновь разгорается дискуссия о том, может ли сохраняться в качестве основной парадигмы экономической науки неоклассическая теория общего рыночного равновесия или она должна быть заменена другой парадигмой, отражающей реальную структуру институтов, их динамику, взаимодействие с другими институтами общества. В то время как нобелевский лауреат Милтон Фридман и его сторонники защищают формализованную модель рыночного равновесия (с оговорками о необходимости опираться на данные психологии, социологии, политологии), другой нобелевский лауреат Джеймс Бьюкенен полагает, что в основе экономической парадигмы должна лежать теория неравновесных процессов современной термодинамики, и выдвигает свою концепцию «конституциональной экономической теории»⁴². Профессор Лондонской школы экономической теории и политических наук Мичио Моришима выступает за синтез теорий Маркса, Вальраса, Хикса, Леонтьева во «всеохватывающую многоаспектную модель»,

⁴² *Ольсевич Ю.А.* К теории экономических трансформаций. С. 112–113.

которая будет новой «теорией общего равновесия». Дж. Гэлбрейт, Е. Маленво, Ф. Хан и другие считают, что «современная парадигма не способна служить основой для разработки главных глобальных проблем современности: энергетической, экологической, продовольственной, проблемы отношений Север–Юг, проблемы трансформации стран Восточной Европы и России и других»⁴³. «Вообще говоря, ретроспективный взгляд на развитие мировой экономической мысли в последние десятилетия говорит о том, что в экономический анализ вклинивается социально-экономический анализ, в учебниках по экономической теории все большее место занимают проблемы эффективности и справедливости, нищеты и богатства, свободы и общественного регулирования». Нечто похожее было в экономической теории во второй половине XIX–XX вв., когда маржинализм и кейнсианство начали соединение экономической теории с социальной психологией»⁴⁴.

Однако эти общие ощущения неизбежности перемен пока еще выступают в качестве теоретических построений, в то время как на практике «правит бал» монетаризм эпохи глобализма и глобализации. Этот период в нашем исследовании будет рассматриваться отдельно, так же как и денежные теории, возникшие тогда, в своей основе черпавшие идеи и от кейнсианства, и от монетаризма в их модифицированных видах. Здесь только отметим, что вопрос о роли денег в этот период приобрел иные акценты, которые определяются «открытостью» экономик государств к мировому рынку. Тогда (в 60–90-х годах) появились новые теории, которые основывались на прошлых монетаристских заделах, но учитывали эти новые экономические реалии, о чем речь пойдет в следующем параграфе.

1.6. Денежные теории «открытой» экономики: процентная ставка, валютные курсы, бюджетно-налоговая политика

До 80–90-х годов прошлого столетия государственное регулирование с использованием монетарного механизма было ориентировано на национальные рынки, которые являлись основой «закрытых»

⁴³ *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации и судьба России: Опыт метаисторического развития. В 4-х т. Ч. II. Русский космизм в контексте противоречий мирового развития, обусловленных господством Западной цивилизации. М., 2001. С. 85.

⁴⁴ *Исаев В.А.* Предисловие к учебнику: *Гайгер, Линвуд Т.* Макроэкономическая теория и переходная экономика / пер. с англ. М., 1996. С. 19.

денежных систем (см. параграф 10.7). После ухода в небытие Бреттон-Вудских соглашений эти методы все меньше стали соответствовать реальностям мировой экономики. Изменения были связаны с влиянием на них валютно-финансовых отношений, доллароваго диктата и с огромным влиянием на национальные экономики курсовых соотношений национальных валют по отношению к лидирующим валютам мира. Поэтому проблема государственного регулирования с помощью денежных рычагов, включая взаимосвязь валют (в частности, их курсовых соотношений), – одно из основных направлений современной экономической мысли в западной литературе в рамках «закрытой» и «открытой» экономик. В этом отношении немалый интерес представляет серия работ отечественных и западных экономистов, вышедших в перестроечное и постсоветское время в России⁴⁵.

«Открытая» экономика рассматривает общественное разделение труда в мировом масштабе как единое целое, имеющее товарную и денежную стороны. В трактовке современных монетаристов открытая экономика рассматривается как «экономика, взаимодействующая с внешним миром. Модель представляет собой обобщение созданной Кейнсом, Хиксом и другими экономистами модели закрытой экономики»⁴⁶. В рамках открытой экономики рассматриваются два ее типа: модель *малой открытой* экономики (МОЭ) и модель *большой открытой* экономики (БОЭ). В дальнейшем мы изложим основные положения этих двух моделей экономики.

«Малую открытую экономику можно представить себе так, как если бы экономика страны была погружена во внешний мир – термостат, сообщающий малой экономике собственную температуру, причем роль температуры играет процентная ставка. Иначе говоря, во внешнем мире, который мы представляем как одно целое, существует единая ставка процента и она уравнивает сбережения и инвестиции в данной стране. Малость экономики означает, с одной

⁴⁵ *Ершов М.В.* Валютно-финансовые механизмы в современном мире (кризисный опыт конца 90-х). М., 2000; *Линдерт П.Х.* Экономика мирохозяйственных связей / пер. с англ. М., 1992; *Мэнкью Н.Г.* Макроэкономика / пер. с англ. М., 1994; *Пебро М.* Международные экономические, валютные и финансовые отношения / пер. с фр. М., 1994; *Родэ Э.* Банки, биржи, валюты современного капитализма / пер. с нем. М., 1986; *Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы.* Сб. статей / под общ. ред. Ю.Д. Маслюкова. М., 2001.

⁴⁶ Этот изменчивый обменный курс. М., 2001. С. 317–318.

стороны, что отсутствуют всякие барьеры для международных потоков капитала через границы»⁴⁷. Когда объем сбережений внутри страны снижается и не может покрыть внутренних инвестиций, инвесторы берут займы за границей по процентной ставке мирового рынка. В малой открытой экономике величина сбережений по-прежнему зависит от проводимой правительством бюджетно-налоговой политики. Однако объем инвестиций теперь определяется реальной мировой ставкой процента и инвестициями внутри страны.

Регулятором равновесия становится поток капитала, величина которого равна сальдо текущего счета платежного баланса. Бюджетно-налоговая политика правительства в малой открытой экономике должна задавать такие уровни государственных расходов и налогов, которые должны обеспечить равенство предложения капитала на внутреннем финансовом рынке инвестициям – спросу на капитал при мировой процентной ставке. При этом бюджетно-налоговая политика правительства, когда оно увеличивает государственные закупки и снижает налоги, может быть фактором, стимулирующим приток капитала. И страна тогда выступает на мировом финансовом рынке как заемщик. Когда же правительство сокращает государственные расходы и увеличивает налоги, национальные сбережения увеличиваются и поэтому их избыток уходит за границу. Тогда страна на мировом финансовом рынке выступает как кредитор.

«Если “малая” открытая экономика, как бы “погруженная” в остальной мир как в термостат, воспринимает “температуру” этого мира – его процентную ставку, то в случае “большой” открытой экономики взаимодействие с внешним миром оказывается более слабым и такая экономика остается в значительной степени автономной, а механизм установления обменного курса уже не оказывает решающего влияния на вовлеченность данной экономики в мировой кругооборот капиталов, товаров и услуг»⁴⁸.

Международные потоки товаров, услуг и капитала возникают под действием существующей между странами разницы цен на них. При этом условия обмена товаров и услуг или *условия торговли* формируют *реальный обменный курс*. Если реальный обменный курс меньше единицы, то отечественные товары дешевле импортных и при прочих равных условиях их охотнее будут покупать за границей, а значит, чистый экспорт будет положительной величиной. Обратная ситуация возникает, когда реальный курс больше единицы. Реальный обменный курс зависит от характера бюджетно-налоговой политики, инвестиционного спроса и характера внешнеторговой политики. При стимулирующей бюджетно-налоговой политике, которая предполагает увеличение

⁴⁷ Там же. С. 322.

⁴⁸ Там же. С. 348.

государственных расходов или уменьшение налоговых ставок, равновесный реальный курс растет. Повышение инвестиционного спроса (допустим, в результате уменьшения налоговых ставок на кредиты при постоянной мировой ставке процента) ведет к уменьшению предложения национальной валюты на мировом рынке и соответствующему росту ее цены.

Внешнеторговая политика, связанная с протекционизмом, также влияет на реальный обменный курс. Сокращение импорта товаров и услуг с целью защиты отечественных производителей от зарубежных конкурентов осуществляется либо путем введения высоких тарифов на импорт, либо установлением импортных квот – количественных ограничений на ввоз товаров и услуг. Это ведет к повышению величины чистого экспорта, так как импорт дорожает и его объем уменьшается. (При этом сальдо счета движения капитала остается неизменным потому, что вводимые ограничения не затрагивают внутренних сбережений и инвестиций.) Реальный обменный курс возрастает, но товары и услуги, произведенные внутри страны, становятся более дорогими по сравнению с иностранными – разница равна тарифному барьеру.

Условия обмена национальных валют образуют *номинальный обменный курс* и зависят от *спроса и предложения* национальных денежных единиц на *валютных рынках*. Такой тип денежного обращения актуализировал вопрос о связи валютного рынка с обменными курсами валют (фиксированными и плавающими)⁴⁹. Эта проблема в общем и целом будет рассматриваться нами в других разделах. Здесь же будут освещены только некоторые ее аспекты, важные для рассматриваемого вопроса, – ее места в государственном регулировании.

Изменения обменного курса всегда определяются условиями спроса и предложения национальных денежных единиц на валютных рынках. Основной целью любой модели (теории) обменного курса является задача связи макроэкономических параметров, определяющих функционирование национальной экономики с принятой в ней системой обменного курса. Поэтому такие модели называют структурными, подчеркивая их связь с макроэкономическими принципами. *При фиксированном* обменном курсе государство призвано решать две проблемы макрорегулирования.

⁴⁹ Манделл Р.А. Динамика адаптации мирового валютного рынка при фиксированном и плавающем обменных курсах // Этот изменчивый обменный курс. С. 117–154.

Первая проблема связана с поддержанием обменного курса на постоянном уровне. Это – «внешнее равновесие». Вторая проблема касается «внутреннего равновесия», т.е. установления совокупного спроса на уровне, соответствующем полной занятости при отсутствии инфляции.

Равновесие на товарном рынке достигается тогда, когда совокупный спрос, определяемый процентной ставкой, доходом и фискальной политикой, влияющей на эти параметры, равен уровню национального продукта. Условие внутреннего равновесия состоит в том, что совокупный спрос на товары внутреннего производства должен быть равен их совокупному предложению при полной занятости. Если это условие не выполняется⁵⁰, возникает инфляционное давление или производственный потенциал (тенденция к спаду); совокупный спрос оказывается завышенным и остается таковым до тех пор, пока не будет достигнуто состояние, соответствующее полной занятости.

На денежном рынке равновесие достигается равенством спроса и предложения денег на внутреннем рынке страны. Оно зависит от *предложения*, которое на «верхнем уровне» определяется денежно-кредитной политикой центрального банка, операциями финансовых институтов и банковской системы, регулируемыми количеством кредитов и наличных денег в обращении. *Спрос* на деньги определяется как уровнем деловой активности (позитивно), так и ставкой процента (отрицательно, так как ставка процента фактически представляет собой вознаграждение за хранение богатства в форме приносящих доход ценных бумаг, а не в форме приносящей доход наличности). Внешнее равновесие означает, что торговый баланс (чистый) в точности уравновешивает экспорт капитала при фиксированном паритете обменного курса. Когда же торговый баланс превышает экспорт капитала, возникают активное сальдо (профицит) платежного баланса и тенденция к переоценке (*appreciate*) обменного курса и завышения цены национальной валюты – тенденция, которую центральный банк будет пытаться сдерживать, накапливая валютные резервы.

Практике введения *плавающего* курса предшествовала большая теоретическая дискуссия среди ведущих экономистов западных стран. Вначале эта проблема обсуждалась более полутора столетий в рамках противопоставления бумажных и металлических денег. Затем исследование получило новый ракурс в результате дискуссии между Кейнсом и Фишером о возможности одновременного достижения внутреннего равновесия (стабильные цены и полная занятость) и внешней стабильности (равновесие платежного баланса при фиксированном валютном паритете).

⁵⁰ Там же. С. 156.

С того момента, когда канула в Лету Бреттон-Вудская система с фиксированными, но периодически подстраиваемыми обменными курсами, внимание западных экономистов было обращено на те факторы, которые влияют на краткосрочные колебания обменного курса. Теория обменных курсов для многих экономистов является, по заявлению одного из крупнейших специалистов в области международных финансов Фрица Махлупа, «китайской грамотой». В 60-х годах к этой проблеме обратился Роберт Манделл (нобелевский лауреат по экономике 1999 г.) – один из основоположников современной макроэкономической политики для открытой экономики.

Прежде всего Р.А. Манделл точно сформулировал исходные цели, которые преследуются им в его научных изысканиях. «Общество ставит перед собой две цели: достижение полной занятости и получение равновесного платежного баланса, причем в качестве инструментов оно может использовать две свободные переменные: условия торговли (уровень цен или обменный курс) и процентную ставку (финансовую политику). Финансовые органы могут стабилизировать обменный курс с помощью соответствующей финансовой политики, поддерживая таким образом внешнее равновесие. Но можно пойти по другому пути: стабилизируя уровень цен, поддерживая с помощью финансовой политики внутреннее равновесие и полагая, что обменный курс сам справится с задачей внешнего равновесия». Далее он задает вопрос: какую политику нужно предпочесть государству? Затем его рассуждения сводятся к следующему: «Наиболее эффективно действует система с фиксированным обменным курсом, но при этом должна быть достаточно велика подвижность капитала... Причина того, что высокая мобильность капитала оправдывает использование фиксированного курса, кроется в способности адаптирующей переменной (процентной ставки) оказывать *прямое* воздействие на тот рынок, который должен прийти в равновесие (платежный баланс), тогда как при малой подвижности капитала в системе возникают циклические колебания, поскольку в этом случае процентная ставка влияет на платежный баланс только благодаря взаимодействию товарного рынка с уровнем цен»⁵¹.

Перейдя к анализу особенностей плавающего обменного курса, он говорит об его «эффективности» при малой подвижности капитала: «Здесь термин “эффективность” означает способность системы самостоятельно возвращаться в состояние равновесия» и объясняет, почему плавающий курс эффективен только при малой подвижности капитала: «...плавающий курс работает в этом случае плохо, потому что процентная ставка непосредственно влияет на платежный баланс, а не на тот рынок, который должен на нее реагировать (рынок товаров

⁵¹ Там же. С. 141–142.

и услуг)». Общий вывод ученого сформулирован следующим образом: «При фиксированном обменном курсе доход в денежном выражении (или уровень цен) служит инструментом уравнивания внутреннего рынка товаров и услуг, а денежно-кредитная политика направлена на достижение внешнего равновесия; при плавающем курсе последний сам корректирует внешнее равновесие, а денежно-кредитная политика служит средством достижения внутренней стабильности. В динамике такое различие ролей имеет важнейшее значение для экономической политики»⁵².

Р. Манделл вместе с Маркусом Флемингом предложили модель регулирования экономики с целью достижения внутреннего и внешнего равновесия. Ее до сих пор считают классической по четкости формулировок ограничительных условий для выработки рациональной экономической политики. Модели Манделла (1963) и Флеминга (1962) появились тогда, когда Бреттон-Вудская система еще функционировала. Центральным звеном их моделей являлось равновесие платежного баланса, а также возможности монетарной (денежно-кредитной) и фискальной (бюджетно-налоговой) политики как при фиксированном, так и при плавающем обменных курсах.

«Ставшая хрестоматийной модель Манделла–Флеминга является обобщением краткосрочной модели на случай малой открытой экономики... Рассматривается взаимодействие товарного и денежного рынков на фоне предполагаемого постоянным уровня цен. Малость же экономики означает, что национальная экономика воспринимает как заданную процентную ставку, установившуюся во внешнем мире, которая и определяет уровень инвестиций внутри страны. Обмен потоков капитала и товаров в открытой экономике регулируется с помощью “вентилей” – обменного курса, поэтому последний становится одним из инструментов воздействия на экономические процессы внутри страны».

Основная дилемма макроэкономической политики в условиях открытой экономики⁵³ состоит в том, что невозможно повысить внутренний спрос и улучшить платежный баланс только с помощью регулирования совокупного спроса. Дело в том, что последнее зависит от повышения темпов роста, которые определяются

⁵² Там же. С. 118, 142.

⁵³ Эти проблемы в современной литературе разработаны Робертом Манделлом и Маркусом Флемингом, заложившими фундамент современной макроэкономической политики государства для открытой экономики.

в основном уровне технологий и квалификацией рабочей силы, не зависящих в условиях частной собственности от государственной политики. Поэтому в данном случае макрорегулирование ставит себе задачу достижения двух целей – внутреннего и внешнего равновесия путем особой комбинации денежной кредитной политики и бюджетной налоговой политики, при которых становится возможным любое сочетание совокупного спроса и платежного баланса.

Платежный баланс неразрывно связан с характером экспортно-импортных операций, хотя торговля товарами не единственный, но важнейший источник спроса на иностранную валюту, от которых зависит изменение обменного курса валют в очень коротких, коротких и долгосрочных периодах взаимосвязи валютных и товарных рынков данной страны с другими государствами. Экспорт товаров является основным источником предложения товаров, а импорт – основным источником спроса.

В этой связи крупнейшие специалисты по международным финансам делают применительно к экспорту такие выводы: «эластичность предложения иностранной валюты будет тем выше, чем выше эластичность спроса за рубежом на товары, которые мы экспортируем», и далее: «эластичность предложения иностранной валюты будет тем выше, чем выше эластичность предложения товаров, производимых за рубежом и конкурирующих с нашим экспортом на иностранных рынках». Следующие выводы формулируются так: «эластичность предложения иностранной валюты тем выше, чем выше эластичность предложения товаров экспортобразующих статей, а эластичность предложения иностранной валюты тем выше, чем выше эластичность внутреннего спроса на товары, избыток производства которых может экспортироваться»⁵⁴.

Применительно к импорту также формулируются четыре фундаментальных принципа: эластичность спроса на иностранную валюту тем выше, чем выше эластичность предложения отечественных товаров, конкурирующих на внутреннем рынке с импортными товарами; эластичность спроса на иностранную валюту тем выше, чем выше эластичность предложения со стороны иностранных производителей по статьям нашего импорта; эластичность спроса на иностранную валюту тем выше, чем выше эластичность спроса за рубежом на их собственные товары; кроме торговли товарами, на спрос и предложение иностранной валюты оказывают влияние односторонние платежи и долгосрочные перемещения капитала. Это может быть связано с инвестициями за рубежом, расчетами по старым долгам, военны-

⁵⁴ *Махлуп Ф.* Теория валютного курса // Этот изменчивый обменный курс. С. 30–32.

ми репатриациями и другими факторами подобного рода. Кроме того, на них влияет движение золота как в условиях золотого стандарта и фиксированных обменных курсов, так и при их отмене и «плавающих» валютных курсах⁵⁵.

Р.А. Манделл в статье «Выбор экономической политики для достижения внутреннего и внешнего равновесия» в конце 60-х годов поставил вопрос о сочетании денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики для достижения внутреннего равновесия и равновесного платежного баланса в условиях, когда такие средства, как изменение обменного курса или введение торговых ограничений, считаются неприемлемыми». Практические рекомендации сводятся к тому, что страна с активным сальдо платежного баланса, испытывающая в результате этого инфляционное давление, должна придерживаться политики «дешевых денег» и повышать налоги (или снижать государственные расходы), тогда как страна с дефицитным платежным балансом, испытывающая давление безработицы, должна проводить политику «дорогих денег», повышая процентную ставку и снижая налоги (или увеличивая государственные расходы)⁵⁶.

В работах Маркуса Флеминга (начало 60-х годов) особое внимание уделяется внутренней финансовой политике при фиксированном и плавающем обменном курсах.

Он утверждает, «что всегда, за исключением каких-то экстремальных случаев, стимулирование денежного спроса при росте денежного предложения оказывается более эффективным по сравнению с тем, источником которого служат налоговые послабления, если в стране принята система плавающего, а не фиксированного обменного курса».

В своем анализе он исходит из простейшей кейнсианской модели. Конкретно это означает, что: «во-первых, налоговые ставки и личный доход после вычета налогов прямо пропорциональны национальному доходу; во-вторых, расходы частного сектора (на потребление и инвестиции) также прямо пропорциональны величине дохода после вычета налогов и обратно пропорциональны процентной ставке; в-третьих, процентная ставка меняется в том же направлении, что и скорость обращения денег в движении доходов (она равна отношению национального дохода к денежной массе); в-четвертых, сальдо торгового баланса (разность экспорта и импорта товаров и услуг) растет (падает) при падении (росте) цены иностранной валюты

⁵⁵ Там же. С. 31–32, 34–35.

⁵⁶ IMF Staff Paper 9. March. 1969. P. 70–79 // Этот изменчивый обменный курс. С. 155–164.

в единицах национальной, иначе говоря, меняется в обратном направлении по сравнению с изменением внутренних расходов; в-пятых, платежный баланс по разделу «счет движения капиталов» изменяется в том же направлении, что и процентная ставка»⁵⁷.

При этом он выражает все величины в единицах местной заработной платы, которая считается постоянной. Если она выплачивается в национальной валюте, то не учитываются никакие изменения, которые могут происходить в результате колебаний реального дохода вследствие возможного непостоянства условий торговли, равно как и влияния валютных спекуляций на движение капитала и условия торговли.

Далее Флеминг исследует влияние на фиксированный и плавающий курсы валюты двух основных факторов. Первый фактор — экспансия в бюджетной политике, связанная с ростом государственных расходов (закупок), которая ведет к увеличению налоговых поступлений. Второй фактор связан с влиянием роста денежной массы на доход, выпуск и занятость. Он влечет за собой снижение скорости обращения денег в движении доходов, процентной ставки, что стимулирует увеличение расходов частного сектора на потребление и инвестиции в соответствии с мультипликатором Кейнса. Далее он делает следующий вывод: «Характер обменного курса оказывает большое влияние не только на относительную эффективность двух типов политики — монетарной и бюджетной — в их стимулировании дохода и выпуска, но является и существенным фактором, от которого зависят их практическая осуществимость и устойчивость результатов»⁵⁸.

* * *

Весь вышеизложенный обзор основных направлений развития денежных теорий в конце XIX и всего XX свидетельствует о полном торжестве функционального взгляда на сущность денег. Однако необходимо иметь в виду, что он сосуществовал с другим направлением денежной теории — стоимостно-золотым, которое в теоретическом плане было представлено сначала в марксизме, а в практическом было реализовано в советской модели денежного обращения. Оно сейчас полностью выведено из научного оборота, хотя содержит в себе большие эвристические потенции и требует анализа.

⁵⁷ Флеминг Дж.М. Внутренняя финансовая политика при фиксированном и плавающем обменных курсах // Этот изменчивый обменный курс. С. 165–178.

⁵⁸ Там же. С. 167.

1.7. К.Маркс: стоимостная природа денег капиталистического хозяйства, золото как материализованное воплощение абстрактного труда

«Деньги – это товар, служащий непосредственным представителем абстрактного труда, при посредстве которого выражается и измеряется стоимость всех остальных товаров, а также совершается обращение товаров»... «Золото есть материализованное бытие абстрактного богатства»

К. Маркс

Марксистская политэкономия – это особая эпоха в развитии этой науки, она основывается в теории трудовой стоимости на заделах, которые существовали в классической политэкономии. Но были существенные отличия – марксистская политэкономия была «вписана» в более широкую социологическую концепцию – формационного развития человечества, которая основывалась на материалистической диалектике. «Домарксова политическая экономия – от Петти до Рикардо – исходила из труда как основы экономического процесса чисто эмпирически. Научное открытие и обоснование примата материалистически-трудового подхода к анализу экономики принадлежит марксизму»⁵⁹. Маркс применил диалектику Гегеля в развернутой форме к политической экономии, – подчеркивал Ленин. – «Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии с оснований ее... – вот что больше всего интересовало Маркса и Энгельса, вот в чем их огромный шаг вперед в истории мысли»⁶⁰.

Эта методология определила *саму технологию исследования экономической стихии*. «Чтобы действительно изучить предмет, надо охватить, изучить все его стороны и опосредовывания... Это не дается путем простого описания экономической действительности. Конкретность достигается путем воспроизведения в мышлении конкретного и его внутренней закономерной связи, что в свою очередь... переработ-

⁵⁹ Кронрод Я.А. Производительные силы и общественная собственность М., 1987. С. 18.

⁶⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 54.

кой «в мыслящей голове» данных непосредственного наблюдения»⁶¹. «Когда хотят исследовать явления природы в «чистом виде», их искусственно изолируют в «лабораторном опыте», но при изучении экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическим реактивом – то и должна заменить сила абстракции... При изучении конкретной действительности нужно исходить от простейшего к сложному, от абстрактного к конкретному, из анализа и синтеза, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства»⁶².

Исходя из этой методологии, Маркс изучал *стоимость как основную категорию трудовой теории рыночного хозяйства*. Именно она является выражением основного производственного отношения товарно-капиталистического хозяйства – отношения между производителями товаров, разделенными друг от друга частной собственностью на средства производства и неразрывно связанными между собой общественным разделением труда.

Еще до Маркса представители классической политэкономии (в особенности Рикардо) определяли стоимость как количество труда, затраченного на производство товара. Смит был первым, кто выдвинул теорию стоимости, хотя он и признавал, что стоимость товара должна определяться также и другими факторами (природными – рентой). Рикардо также выделял определяющую роль затрат труда в определении обменного соотношения между двумя товарами.

Маркс, разделяя точку зрения классиков буржуазной политэкономии, писал, что труд для научной политической экономии – исходная категория: «...абстракция категории “труд”, “труд вообще”, труд... – исходный пункт современной политической экономии»⁶³. Если справедливо было бы утверждение, будто стоимость имеет источник, отличный от труда, то «отпала бы всякая рациональная основа политической экономии»⁶⁴.

Из всего этого громадного круга проблем, представленного в научном наследии Маркса по этой проблеме, нами выбирается только один аспект – марксистское *учение о деньгах как особой форме стоимости, возникшей в процессе развития менового хозяйства от простого к капиталистическому*. Этот анализ начинается с исследования такого экономического явления, как обмен.

⁶¹ Там же. Т. 18. С. 299.

⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 41.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 162.

Обмен – производственное отношение, связывающее в меновом хозяйстве самостоятельных товаропроизводителей и потребителей. Обмен выступает в меновом хозяйстве в двойной функции. Всякий продукт является товаром, т.е. изготавливается специально для обмена при помощи средств производства, приобретаемых путем обмена. Поэтому каждый продукт, кроме фазы производства, проходит здесь обязательно фазу обмена. Вместе с тем наличие меновых отношений налагает печать и на самый процесс производства, придавая ему характер товарного (менового) производства. В процессе обмена одни производители передают продукты, не имеющие для них потребительной стоимости, другим в обмен на продукты, не представляющие для последних потребительные стоимости, но нужные первым. Продукты труда становятся товарами. Товар в действительности представляет единство противоположностей (или раздвоение единого, по Ленину) – натуральной формы и социальной потребительной стоимости. «Чтобы произвести товар, он (производитель) должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость... Благодаря этому потребительная стоимость “товара” сама приобретает исторически специфический характер при том, что само существование потребительной стоимости может и не быть связано с обменом»⁶⁵.

Обмен возник еще на родоплеменной стадии развития человечества, в эпоху натурального хозяйства – между замкнутыми общественными группами–племенами, когда был обмен излишками, а основная масса продуктов производилась для собственного потребления. В условиях господства натурального хозяйства возникает *простая (единичная или случайная) форма стоимости*, которая выражала отношение между стоимостями только двух товаров. Здесь Маркс вводит два понятия, которые характеризуют различную роль обмениваемых товаров в развитии стоимостных отношений: относительную и эквивалентную формы стоимости. Первый товар выражал свою стоимость посредством отношения к другому товару. Он находился в относительной форме стоимости. Второй товар выступал как стоимость первого и приравнивался к нему как эквивалент.

С развитием разделения труда внутри родоплеменных структур и между ними возникает *развернутая форма стоимости*, когда стоимость одного товара начинает выражаться не в одном, а во многих других товарах. Здесь первый товар снова находится в относительной форме стоимости, а все другие товары играют роль эквивалентов.

⁶⁵ Там же. Т. 21. Ч. 1. С. 317.

На смену развернутой приходит *всеобщая форма* стоимости, когда все товары выражают свою стоимость в одном каком-либо товаре, а роль *всеобщего эквивалента* твердо закрепляется за *одним товаром*. Тогда это – всеобщий эквивалент становится деньгами и всеобщая форма стоимости переходит в *денежную*. Деньги фигурируют как товар, в *натуральных единицах* которого выражается стоимость других товаров. Однако для денег характерно не то, что они – вообще товар и стоимость, а то, что они – *товар особого рода, специальной функцией которого являются выражение и измерение стоимостей всех остальных товаров*. В денежной форме стоимости двойственность товаров закрепляется. Меновая стоимость распадается на товар и деньги – две формы противоположные и в то же время неразрывно связанные. Все товары получают *цену* и представляются как разные количества одного и того же воплощения стоимости. Развитие обмена приводит к тому, что эквивалентная форма стоимости монопольно закрепляется за одним каким-либо товаром. Этим создаются необходимые условия для всестороннего обмена товаров.

С возникновением денег, с развитием денежного хозяйства процесс обмена значительно усложняется. Теперь производитель должен предварительно обменять свой товар на деньги (акт продажи), а затем полученные деньги обменять на другой товар (акт купли). То, что для одного производителя является куплей, то для другого представляется продажей. Чтобы один производитель мог продать товар, необходимо, чтобы другой производитель купил его; для этого необходимо, чтобы последний производитель продал предварительно другой товар. Все сделки (т.е. отдельные акты купли и продажи), таким образом тесно переплетаются друг с другом и образуют единый процесс движения товаров и денег на рынке. Весь процесс, взятый в целом, и представляет обращение товаров. Обращение отличается от непосредственного обмена продуктами. При обращении происходит обмен товаров, а следовательно, стоимостей и потребительных стоимостей посредством денег как всеобщего эквивалента. Обращение предполагает наличие на рынке многих различных товаров, когда обмен переходит границы обмена двух товаров, становится разнообразным и широким. Обращение, по выражению К. Маркса, разрывает частные, временные и пространственные границы обмена продуктов, т.е. делает возможным переход товаров в отделенные от места производства, так как непосредственное отчуждение своего продукта и получение чужого разделяет здесь на противоположные акты продажи и купли. Но после продажи может не произойти купли, и таким образом обращение товаров предполагает возможность разрыва между продажей и покупкой, в то время как при обмене продуктами последние сейчас же замещают друг друга, в противном случае обмена не происходит.

Денежная форма стоимости всегда связана с широким разделением труда и возникновением не просто менового хозяйства, а *капиталистического рыночного хозяйства*. Капиталистическое рыночное хозяйство возникло в условиях широкого распространения денежной формы стоимости и включало в себя конкурентный механизм в деятельности предприятий, основанных на частной собственности на средства производства и наемном труде. «Товарное производство, — писал Маркс, — является всеобщей формой капиталистического производства»⁶⁶. А это уже другая страница экономической истории в трудовой теории стоимости и денег. Маркс исследовал закономерности капиталистического хозяйства на примере Англии, где в рамках прочной государственности сложился единый экономический анклав (национальный рынок), связанный воедино разделением труда. Именно существование национального рынка в капиталистической форме породило особую форму общественного труда, который Маркс назвал *абстрактным трудом* в противоположность *конкретным видам труда*. И с этих позиций он уже анализировал сущность товара как *клеточки* капиталистического менового хозяйства. Полагают, что этой своей постановкой Маркс разрешил вопросы, которые классическая политэкономия даже не поставила, т.е. почему труд выражается в стоимости, а стоимость одного товара в другом. Маркс утверждал, что труд, создающий стоимости, характеризуется двояко: «*Всякий труд есть, с одной стороны, затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова — и в качестве такого или абстрактно-человеческого труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, затрата человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в качестве этой конкретной полезной работы труд создает потребительные стоимости*»⁶⁷. Конкретный труд, создающий потребительные стоимости, всегда является наряду с природой одним из источников богатства и существует во всяком обществе. «*Абстрактный труд есть общественная форма труда, свойственная капиталистическому товарному хозяйству и притом лишь ему одному. Точно так же и абстрактный труд, становящийся в застывшем виде в своей вещественной форме стоимостью и представляющий ее субстанцию, связан с одной только общественной формацией*»⁶⁸.

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 563.

⁶⁷ Там же. С. 587.

⁶⁸ Там же.

Стоимость представляет «сгусток» безразличного человеческого труда. Последний не различается по тому, на производство какого товара он затрачен. Как стоимости все товары однородны, заменимы, несмотря на все разнообразие своих потребительных стоимостей. Последние являются в товарно-капиталистическом хозяйстве необходимыми носителями стоимости, или, как говорил Маркс, товарными телами. «Форма стоимости продукта есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма буржуазного способа производства, которая именно ею характеризуется как особенный тип общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически»⁶⁹.

Наиболее полное выражение стоимость как материализованная ипостась абстрактного труда находит в его денежной форме, которая в условиях капиталистического рыночного хозяйства приобретает новое качество, материализуясь в *золотой своей ипостаси*. В трактовке денег, а точнее мировых денег, капиталистического рыночного хозяйства Маркс был *золотым металлистом*. Как все сторонники метализма, он считал, что только наличие золотого стандарта в обращении может обеспечить соизмеримость товаров. И в этом смысле он как бы примыкал к большой группе экономистов – и классиков, и неоклассиков. Но он был, если так можно выразиться, «абсолютным» золотым монометалистом, поскольку рассматривал золото как *единственный материальный носитель абстрактного труда*. В подготовительных рукописях к «Капиталу» Маркс писал, что «деньги становятся... материальным представителем богатства, равно, как всеобщей формой богатства по отношению ко всем товарам как лишь особым субстанциям последнего»⁷⁰. Он утверждал, что функции золота как мировых денег состоят в том, что оно выступает как «*всеобщее средство платежа, всеобщее покупательное средство и абсолютно общественная материализация богатства вообще*»⁷¹.

Одной из самых характерных особенностей денежных единиц на ранних ступенях их развития являлось совпадение их с принятыми в практике обмена весовыми единицами. Поэтому Маркс считал, что «*весовые меры золота должны определять стоимость национальных денег, их масштаб цен*. ...Количества золота, как таковые, измеряются по весу. Масштаб имеется, стало быть, уже в готовом виде в общих мерах веса металлов, поэтому эти меры

⁶⁹ Там же. Т. 23. С. 91.

⁷⁰ Там же. Т. 46, Ч. 1. С. 175.

⁷¹ Там же. Т. 23. С. 154.

веса при всяком металлическом обращении первоначально служат также масштабом цен»⁷². Цена на золото, связанная с затратами на его производство, по Марксу, образовывала золотую ось всего денежного механизма мировой рыночной системы. Отсюда его постановки о механизме влияния «стоимости» золота на всю систему цен капиталистического хозяйства через механизм «заражения», т.е. цепной реакции изменения пропорций между золотом и товарами в местах его добычи на всю систему меновых отношений. «Значительная часть других товаров (не у мест обмена на золото) долгое время продолжает оставаться иллюзорной, устаревшей стоимости мерой стоимости. Но по мере того, как товары вступают в стоимостные отношения друг с другом, один товар заражает другой, и золотые или серебряные цены товаров мало-помалу выравниваются в соответствии с пропорциями, которые определяются самими стоимостями товаров, пока, наконец, все товарные стоимости не будут оцениваться соответственно новой стоимостью денежного металла»⁷³. Рост цен в Европе после открытия Америки Маркс объяснял более производительным трудом на новых месторождениях, а не простым увеличением благородных металлов.

Кредитные формы денег рассматривались Марксом, исходя из выделения золота как реальных денег. Он развивал теорию кредитных денег строго и последовательно в рамках общей теории стоимости и золотого монометаллизма. Отсюда и основополагающие положения: «Сами кредитные деньги суть деньги лишь постольку, поскольку в сумме своей номинальной стоимости абсолютно замещают действительные деньги... деньги – в форме благородных металлов – остаются основой, от которой кредитное дело по самой природе своей не может освободиться». «Повышение или падение товарных цен, – писал Маркс, – в зависимости от увеличения или уменьшения массы бумажных билетов, есть только насильственное осуществление процессом обращения закона, механически нарушенного извне, закона, по которому количество находящегося в обращении золота определяется товарными ценами, а количество находящихся в обращении знаков стоимости – количеством золотой монеты, замещаемой ими в обращении. Поэтому, с другой стороны, какая угодно масса бумажных билетов поглощается и как бы переваривается процессом

⁷² Маркс К. К критике политической экономии. М., 1949. С. 60.

⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 128.

обращения, так как знак стоимости, с каким бы золотым титулом он не вступал в обращение, в сфере последнего сжимается в знак того количества золота, которое и могло бы обращаться вместо него»⁷⁴. Вслед за английскими экономистами первой половины XIX в. Маркс критиковал Акт Р. Пиля. Основным недостаток этого закона он видел в жесткой привязке кредитных орудий обращения – банкнот к металлическому обращению. В условиях кризисов спрос на деньги для платежей резко возрастал, но законодательно установленное соотношение между количеством банкнот и золотым содержанием ограничивало их выпуск.

На основном постулате марксистской теории – абстрактном труде и золоте как его материализованном выражении основана вся концепция Маркса о функциях денег в капиталистическом обществе. Учитывая, что этот вопрос широко освещен в экономической литературе, здесь обратим внимание на связь этих функций с золотом как денежным товаром.

Функция меры стоимости. Деньги являются непосредственным представителем общественного абстрактного труда. Будучи приравнены к деньгам, стоимости всех товаров приобретают одинаковое выражение и становятся практически сравнимы между собой. Выражение стоимости товара в деньгах реализуется в цене товара. Для измерения стоимостей не требуется участия реальных денег.

Функцию меры стоимости деньги выполняют идеально. Достаточно определить, какое количество нужно отдать за тот или иной товар, чтобы его стоимость оказалась измеренной. Однако единственной причиной, по которой деньги могут выполнять функцию меры стоимости, является реальная стоимость самих денег. Идеальное измерение стоимости возможно лишь потому, что функцию меры стоимости выполняет не произвольно выбранный товар, а денежный товар, сам обладающий стоимостью, каким для Маркса было золото. Процесс измерения стоимости товара предполагает не только приравнивание товара золоту, но и измерение количества денег при помощи некой денежной единицы.

Функция средства обращения. Роль денег в этой сделке мимолетна: производитель берет их взамен своего товара отнюдь не ради их естественной потребительной стоимости, но ради их способности обмениваться на все потребительные стоимости, которые могут ему понадобиться.

⁷⁴ Там же. Т. 13. С. 104.

Деньги служат здесь лишь средством обращения. Участие денег в торговой сделке приводит к тому, что теперь ни одна торговая сделка не остается изолированной. Деньги в качестве средства обращения постоянно остаются в сфере обращения, так как *обращение и является сферой их потребления*. Из функции денег как средств обращения исторически сначала возникли их монетная форма, а затем различные знаки денег. В этом «скрыта возможность заместить металлические деньги в их функции монеты знаками из другого металла или простыми символами», включая разменные и бумажные деньги. В связи с этой функцией *Маркс первым сформулировал закон зависимости денежной массы от суммы товарных цен и скорости обращения, т.е. предложил формулу денежного обращения*.

Функция средства накопления. Чтобы иметь способность сохранять стоимость, деньги должны обладать стоимостью. Действительным орудием накопления могут быть только полноценные деньги.

В этой функции деньги не могут быть полностью заменены ни полноценной монетой, ни знаками стоимости. Накапливаемые деньги служат резервом денежного обращения: деньги отливаются в сокровища (*происходит процесс тезаврации драгоценных металлов*), когда сокращается потребность в средствах обращения; наоборот, при расширении сферы обращения деньги уходят из сферы накопления и вновь начинают функционировать в качестве средств обращения.

Функция средства платежа. В этой функции деньги выступают одновременно и как абсолютная стоимость, и как потребительная стоимость во всех кредитных сделках.

В этой сделке производитель получает за свой товар вместо средств обращения долговое обязательство. Этим же обязательством он расплачивается за приобретаемые им товары. Деньги выступают теперь на сцену не в момент заключения сделки, но значительно позже ее окончания. Они служат теперь не средством обращения, а средством погашения долгов, средством платежа. Долги отдельных товаропроизводителей не все погашаются реальными деньгами. Значительная их часть перекрещивается и взаимно погашается как в процессе долговых обязательств, так и при сопоставлении счетов в расчетных палатах.

Необходимо подчеркнуть, что все эти функции денег в теории Маркса основываются на *золотом монометаллизме и золоте как материализованном выражении абстрактного труда*. С основным постулатом Маркса об абстрактном труде и золоте как его материализованном выражении основывается в марксизме трактовка *закона стоимости* как основного закона капиталистиче-

ского товарного хозяйства, проявляющегося через процесс ценообразования. В постановке проблемы закона стоимости необходимо выделить следующие положения.

Во-первых, стихийный характер его действия, так как «он осуществляется путем постоянных нарушений, обнаруживается как насильственно действующий закон природы среди случайных и постоянно колеблющихся меновых отношений, подобно тому, как обнаруживается, например, закон тяготения, когда дом рушится на чью-нибудь голову»⁷⁵. И поэтому агентам рынка кажется, что эти вещи устанавливают общественные отношения, их общественные отношения представляются им свойствами самих вещей. Это явление носит характер товарного фетишизма.

Во-вторых, его сущность, связанную с установлением величины стоимости, которая определяется не индивидуальными трудовыми затратами, а общественно-необходимым временем. «Общественно-необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличии общественно-нормальных условий производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»⁷⁶.

Каждый товаропроизводитель является самостоятельным, ни от кого юридически не зависимым лицом. Основным стимулом его деятельности является стремление реализовать свои товары по возможно более высоким ценам. Поэтому товаропроизводители направляются в те сферы экономики, где существует наибольший спрос на товары. Расширение и сокращение производства в товарном хозяйстве определяются состоянием рынка и уровнем цен. Так как все товаропроизводители стремятся в наиболее выгодные сферы производства, то различия в выгодности отдельных сфер производства в конечном счете выравниваются, цены начинают тяготеть к стоимости и определяться количеством затраченного на производство общественно-необходимого труда.

В-третьих, его роль в обеспечении пропорционального развития и воздействие на весь процесс воспроизводства.

Закон стоимости через постоянные несоответствия между спросом (материальными потребностями, выраженными в денежной форме) и предложением (материальным производством, выступающим в качестве предложения товаров), опять-таки выраженных в

⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 81.

⁷⁶ Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 41.

форме цен на те или иные товары, обеспечивает сбалансированность экономики. Перепроизводство товаров приводит к падению цен, что заставляет производство сжиматься, пока оно не приспособится к спросу. Наоборот, при недостаточном производстве повышение цен действует как стимул к расширению производства, чем достигается пропорциональное распределение труда между отдельными отраслями производства.

Не только цены, но и все остальные категории политической экономии являются дальнейшим развитием закона стоимости. Капитал представляет собой самовозрастающую стоимость, поскольку он порождает прибавочную стоимость. Конкуренция капиталов на основе законов их обращения превращает прибавочную стоимость в прибыль. Выравнивание норм прибыли превращает стоимость в цену производства. Через всю эту сложную совокупность взаимоотношений закон стоимости господствует над всем ходом капиталистического развития.

Этот раздел необходимо закончить некоторыми выводами, касающимися эвристической ограниченности в трактовке Марксом денег, которая по своей сути в той или иной мере опирается на неразработанность теории абстрактного труда.

В советское время во время экономической дискуссии 1927–1930 гг. выделились два направления критики марксовой теории абстрактного труда. Богданов и Бухарин (он сформулировал «Закон трудовых затрат») полагали, что стоимость – не категория товарного хозяйства. Они отождествляли абстрактный труд с трудовой затратой вообще, с затратой физиологической энергии, не зависящей от какого бы то ни было определенного строя общества. Эта точка зрения рассматривалась с официальных идеологических позиций того времени как механистическое непонимание сущности стоимости. Направление, возглавляемое И.И. Рубиным, рассматривало стоимость как выражение купли-продажи, а равенство и однородный характер труда, заключенного в стоимости, – как выражение формального, по существу юридического, равенства товаровладельцев. Школа Рубина отрицает материальный характер труда, отрицает, что равенство труда, заключенного в стоимости, есть его равенство как затраты одной и той же физиологически однородной человеческой силы.

С гибелью золотого стандарта трактовка денег как материализованных форм абстрактного труда на столетия была исключена западной политэкономией из своих разработок, на смену им пришли функциональные теории денег, о которых говорилось выше. Правда, они нашли своих последователей в советской политэкономии. На этом подробнее мы остановимся в следующем параграфе. Многие постулаты марксистской трудовой теории

стоимости «дрогнули» под влиянием многих факторов, которые принес с собой научно-технический прогресс.

Тогда возник вполне правомерный вопрос – действительно ли товары обмениваются в соответствии с тем общественно-необходимым временем, которое затрачивается на производство? Если отвлечься от спроса и предложения и научно-технического прогресса (проблема затрат и результатов), то это так. Но от них можно отвлечься лишь в такой абстракции, которая теряет всякие связи с действительностью. Нет надобности особо указывать на то, что прибавочная стоимость – это основное звено всей научной и идеологической доктрины марксизма. Акцент на особой роли живого труда в образовании и движении стоимости – главное отличие марксистской экономической доктрины. Между тем в современной экономике капиталы переливаются в передовые отрасли, а не в отрасли, где большее число работников, где должно было бы быть больше прибавочной стоимости, а тенденция к снижению ее средней нормы отсутствует.

Дискуссия между сторонниками теории трудовой стоимости и представителями австрийской школы политэкономии – создателями теории предельной полезности – составила целую эпоху в истории экономической мысли и поэтому вряд ли может быть отражена в этой работе. Однако в сжатом виде они нашли свое отражение в нашей отечественной литературе.

«Сторонники австрийской школы, – пишет В. Бурлачков, – выдвинули против теории трудовой стоимости следующие контраргументы.

1. Если труд – единственный источник стоимости (ценности) материальных благ, то каков механизм сведения сложного, высококвалифицированного труда к простому? И почему измерение различных видов труда рабочим временем игнорирует их качественные различия?

2. Утверждения, содержащиеся в III томе «Капитала» К. Маркса, об обмене товаров по затратам капитала и о равенстве общей суммы цен общей сумме стоимостей не только противоречат положению об обмене товаров в соответствии с общественно-необходимым рабочим временем (I том «Капитала»), но не объясняют соотношения между конкретными товарами.

3. Отрасли с меньшим переменным капиталом (т.е. с меньшим числом рабочих) не дают меньше прибыли. Поэтому капиталы не переливаются в отрасли, где больше занятых.

4. Рассчитать коэффициенты редукции труда, чтобы сводить сложный труд к простому, не удалось даже в условиях централизованной экономики и применения вычислительной техники»⁷⁷.

⁷⁷ Бурлачков В.К. Денежная теория и динамичная экономика: выводы для России. С. 123.

С приведенными выше контраргументами в адрес марксистской трудовой теории нельзя не согласиться. Действительно, понятие абстрактного труда скорее постулировано нежели «выведено» из особенностей общественного разделения труда. Схема возникновения денег в рамках развития форм стоимости граничит с упрощением. От родоплеменной организации человечества до капиталистического товарного производства лежат тысячелетия развития рыночных связей, где большую роль играли мировые связи между цивилизационными структурами. Игнорирование этого фактора не позволяет выявить те реальные формы, в которых существовали рыночные связи и денежные отношения, явившиеся предшественниками капитализма, включая появление золота в качестве основы денежной системы тех или иных государств. Кроме того, марксова теория трудовой стоимости построена на многих важных предпосылках их существования: государственность и политическое пространство, где материальное производство представлено в виде общественного разделения труда, вписанного в определенный исторический контекст западной Европы. Поэтому оно не отражает реалий других цивилизаций в другие временные периоды, где не было такой политической связанности материального производства, но существовали и рыночные связи, и денежные отношения.

Однако все эти критические замечания не вполне правомерны, так как свои теоретические постановки Маркс основывал на законах капиталистического способа производства «*в чистом виде*». При чем Маркс не успел разработать даже теорию чистого капитализма и только в анализе категории ренты подошел к проблеме реального капиталистического общества. И поэтому все теоретические разработки в области абстрактного труда, стоимости и даже золота как мировых денег нужно рассматривать как *научные гипотезы*, что не снижает их эвристической ценности особенно в смысле взглядов Маркса на исторический процесс, который предполагал социализацию общественной жизни.

Не случайно Э. Бём-Баверк писал: «Как был социализм до Маркса, так он будет и после Маркса. Для того, что есть в социализме жизнеспособного, а оно есть, несмотря на все преувеличения... это доказывает не только несомненное освежение, которым экономическая теория обязана выступлению социалистических теоретиков, но и знаменитая “капля социального масла”, которым теперь повсюду обыкновенно смазываются и весьма часто, конечно к их выгоде, мероприятия государственной политики, — итак, говорю я, для того, что в социализме есть жизнеспособного, его руководящие умы, наверное, не замедлят поискать совре-

менную точку соприкосновения с более жизнеспособной научной системой»⁷⁸.

И он оказался прав. Трудовая теория рыночного хозяйства с его основным постулатом – абстрактным трудом оказалась востребованной и получила свою творческую разработку в одном из направлений советской политэкономии. Она там стала рассматриваться в контексте не частной, а общенародной собственности как проблема формального и реального обобществления производства и социальной неоднородности труда.

1.8. Советская политэкономия: творческий марксизм в разработке товарного хозяйства и денег (информация к размышлению)

Раздел с таким необычным подзаголовком введен нами не для украшения текста, а для того, чтобы обратить внимание постсоветских экономистов, исповедующих плохо освоенные постулаты различных школ монетаризма или кейнсианства, на те заделы в исследовании денег, которые сложились в советское время. Именно в них содержится глубокое понимание сущности денег – рубля как денежной единицы национального процесса воспроизводства в контексте общих тенденций развития мировой валютной системы и его связи с золотом, а также возможности и необходимость полнокровного развития рыночных связей в условиях общенародной (общегосударственной) собственности.

Нельзя отрицать, что вопрос о сущности и об экономической основе рубля как денежной единицы России – самая острая проблема, которая возникла спустя четверть века после либерального поворота в условиях мирового кризиса глобализма и разрывающейся по всем швам международной валютной системы, основанной на долларе. Нельзя отрицать также, что она пока анализируется в сугубо монетаристском плане масштабов конвертируемости рубля и вхождения в число резервных валют. Экономический кругозор современных экономистов сложился в отрицании всего советского наследия и в области хозяйственного развития, и в области осмысления тех реалий материального бытия, которые были представлены советской политэкономией. Хорошим тоном считается третирование марксизма и системы хозяйствования с использованием денег, финансов, кредита в условиях государ-

⁷⁸ Бём-Баверк Э. Теория Карла Маркса и ее критика. СПб., 1897. С. 96.

ственной (она называлась официально общенародной) собственности. И это при том, что многие инструменты государственного регулирования (национальные счета) и концепции самых знаковых экономических фигур Запада сложились под влиянием экономических новаций, пионером которых выступила советская Россия.

Составившая целую эпоху работа Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» вышла в 1936 г. Трудно себе представить, что ученый не был знаком с экономической политикой советского государства, опытом планирования и первых пятилеток. Да и первые денежные трактаты Кейнса конца 20-х – начала 30-х годов опубликованы уже после проведения в Советской России денежной реформы и нормализации денежного обращения и преодоления катастрофической инфляции рубля⁷⁹. И с этими проблемами советская власть справилась сама, опираясь на отечественную экономическую мысль. Вспомним, что российская школа бумажных денег была предшественницей немецкого номинализма⁸⁰, но в проведении реформы использовала труды советских экономистов⁸¹. Могут возразить, что все это относилось к периоду НЭПа, эпоха которого закончилась в самом начале 30-х годов. Все экономические концепции и дискуссии довоенного периода в своей основе носили политический характер, отражая взявшую тогда верх политику построения социализма в отдельно взятой стране, сменившей лозунг мировой революции. И на эту партийную установку равнялась вся экономическая политика. При этом надо сказать, что с марксизмом здесь быстро распрощались

⁷⁹ В СССР максимальное количество бумажных денег в обращении весной 1924 г. достигло 702 308 342 млрд руб. Официально признанное соотношение – 1 зол. рубль – 50 млрд бумажных.

⁸⁰ В конце XIX в. возникла русская школа бумажных денег. В этом отношении выделяют труды А.П. Шипова и его последователей Н.Я. Данилевского, А.А. Красильникова, В.А. Кокорева, Н.А. Шаврова и др. Но русский след в теории денег будет исследоваться в другой работе в связи с особенностями денежной системы России и ее трансформации в советский период.

⁸¹ Период пересмотра классического учения о деньгах и активной критики металллизма связывают с работой М.И. Туган-Барановского «Бумажные деньги и металл», опубликованной в 1919 г. В работе был проанализирован опыт обращения неразменных бумажных денег, прежде всего в Австрии. На него ссылается Дж. Кейнс в своей работе «Общая теория денег». В подготовке денежной реформы использовались работы А.А. Соколова (Проблемы денежного обращения и валютной политики. М., 1923), а также С.Г. Струмилиной (К денежной реформе // Плановое хозяйство. 1924. № 3).

(он властвовал в идеологической сфере)⁸². Во время войны было не до политэкономических теорий, так как вся экономика вписывалась в лозунг «Все для фронта, все для победы!» А потом власть объявила священную войну рыночным отношениям и деньгам, хотя они, несмотря на это, являлись постоянными спутниками советской экономики (и довоенной, и послевоенной). Да, это так.

И, тем не менее, возникло особое направление экономической мысли, противостоящее официальной идеологии. Творческой марксистской советской политэкономии была отведена очень короткая историческая жизнь. Она родилась в начале 50-х годов в условиях жесточайшего идеологического прессинга, включая борьбу с космополитизмом, и была задушена официальной идеологизированной политэкономией в конце 70-х годов. А во время перестройки, затем либерального переворота 90-х годов воинствующие монетаристы «западного разлива» вычеркнули ее как ретроградную вместе с официальной идеологизированной политэкономией.

Можно считать, что советская политэкономия научного, а не идеологического порядка, основанная на марксизме, стала складываться в послевоенное время в очень тяжелой идеологической атмосфере сталинской диктатуры последних лет. Это направление советской политэкономии сформировалось в Институте экономики АН СССР. У ее истоков стояло новое творческое молодое поколение ученых, многие из которых были фронтовиками, для которых победа над фашизмом означала торжество социалистических идей⁸³. (Нельзя забывать, что во всех странах Европы

⁸² Попытки вести учет затрат и результатов в натуральных показателях, создать энергетические и трудовые измерители («энеды» и «тренды») закончились ничем. Найти коэффициент редукции труда также не удалось. Ценообразование на основе марксовой теории стоимости не могло быть осуществлено. Быстро выяснилось, что при отсутствии конкуренции по сути дела любые затраты становятся общественно-необходимыми. Цены пришлось формировать на основании издержек, а труд оплачивался не по конечному эффекту, а по затратам. При жестком планировании учет потребительной стоимости (полезности) в ценах оказался крайне затруднителен. Начавшаяся в 20-е годы индустриализация страны обусловила внимание экономистов к эффективности капиталовложений (к соотношению затрат и результатов), которые сразу же оказались в непростых отношениях с теорией трудовой стоимости.

⁸³ Эту школу политэкономии возглавлял Я.А. Кронрод, который добровольцем ушел на фронт в первые дни войны рядовым солдатом, хотя имел уже степень кандидата экономических наук, и возвратился с войны гвардии-майором, встретившим победоносный май в Берлине. Академик Л.И. Абалкин писал: «Мощное влияние на теоретические искания 60–70-х годов

к власти пришли коммунистические и прокоммунистические партии.) Ученые обратились к Марксу ни за идеологией, а за его разработками, прежде всего в области воспроизводства, так как обескровленная войной страна должна была встать из руин, опираясь на собственные силы и тот хозяйственный механизм, который сложился в это время, включавший в себя не только планирование, но рыночные связи и деньги. Именно они привлекли внимание этой молодой ветви советских экономистов. В этом направлении советской политэкономии нами будут рассматриваться только те аспекты этой школы, которые непосредственно связаны с трактовкой денег и сущности товарного производства в условиях общенародной собственности, хотя сам круг проблем, получивших в ней глубокую разработку гораздо шире и в философском, и в социологическом плане⁸⁴. Но тем не менее в этой школе дается:

оказали труды Я. Кронрода, посвященные глобальным вопросам политической экономии – системе законов и категорий, формационному делению общества... На протяжении нескольких послевоенных десятилетий это имя было известно каждому, прямо или косвенно связанному с проблемами экономики и экономической науки. Фундаментальные труды Я.А. Кронрода по вопросам хозяйственного расчета, теории денег и воспроизводства штудировались студентами и аспирантами... На их изучении (и критике) воспитывалось целое поколение научных работников» (Судьба ученого и трагедия науки. М., 1992. С. 1.)

После постановления ЦК КПСС 21 декабря 1971 г. это направление политэкономии было «закрыто». Постановлением ЦК 1971 г. Я.А. Кронрод был подвергнут разностной критике с инкриминированием ему серьезных идеологических ошибок. (Это сопровождалось соответствующими организационными мерами – увольнением с работы, раскиссированием сектора, прекращением печатания его работ и т.д.). После разгрома научного направления, возглавляемого Я.А. Кронродом, «критика в его адрес не только поощрялась, но стала обязательной, и к ней прибегали многие авторы того времени, начиная от аспирантов и кончая членами Академии... В политэкономии были различные школы – Цаголова, Кузьмина, оптимальщиков. Но ни одна из этих школ не подвергалась такому бичеванию (не давала пищу), как школа Я.А. Кронрода и он сам. Наоборот, Я.А. Кронрод подвергался жестким атакам со стороны этих школ. Ученый на долгие годы был вынужден замолчать. Написанные Я.А. Кронродом работы «Производительные силы и общественная собственность» (1987), «Планомерность и механизм действия экономических законов» (1988), «Процесс социалистического производства» (1989) были опубликованы только после его смерти.

⁸⁴ При этом необходимо отметить, что именно вопрос о возможности существования товарно-денежных отношений был главным в определении даже самого предмета политэкономии при социализме. Не случайно Гильфердинг, Бауэр, Ренер ограничивали сферу политэкономии законами капиталистического общества и, по сути дела, отрицали возможность рыночных

во-первых, отличительная трактовка денег (рубля) в контексте национального воспроизводства и его связи с золотом; во-вторых, обоснование возможности и необходимости существования товарного производства в условиях общенародной собственности. А теперь подробнее о сути этого особого явления советской экономической мысли.

Можно считать, что разработки этой школы начались с освоения известных схем воспроизводства, которые были конкретизированы применительно к отечественным реалиям. В них большое место уделялось взаимосвязи натурально-вещественной и стоимостной сторон воспроизводства, прослеживалась взаимосвязь общественного продукта и национального дохода с национальным богатством. Именно на основе этой методологии появляется концепция денег при социализме и его связи с золотом. Она противостояла широко распространенной точке зрения на этот вопрос, когда сразу же после НЭПа деньги стали рассматривать как средство распределения материальных благ. Истоки этой точки зрения уходили в разработки экономистов первых лет советской власти. Тогда родилась распределительная версия денег и, стало быть, советского рубля. Она отражена в работах В.Я. Железнова, С.М. Роля, Л.Н. Юровского. С начала 30-х годов вследствие отрицания возможности существования при социализме реального товарного производства наиболее распространенная и в общепрофессионально признанная точка зрения формулировалась следующим образом: рубли как деньги советской системы являются учетными знаками и их существование связано в основном с распределительными отношениями.

До определенного времени эта постановка устраивала идеологов страны. Но затем положение изменилось, и тогда эта новая

отношений «при социализме». Эта тема прозвучала также в экономической дискуссии 1928–1929 г. как тема о предмете политэкономии и их связи с производительными силами. И.И. Рубин полагал, что предметом политэкономии являются только производственные отношения, совершенно оторванные от производительных сил, которые по Рубину, так же, как и по Бухарину, являются лишенной общественного содержания материально-технической категорией. Производительные силы, по мнению Рубина, должны стать предметом «общественной техники». Бухарин и его последователи считали, что задачей политэкономии является только рассеять товарный фетишизм, окутывающий общественные отношения производства лишь в капиталистическом обществе. Существовала и иная точка зрения. А.А. Богданов, Н.Н. Степанов утверждали, что категории марксистской политэкономии, изучающие законы капиталистической экономики, могут быть распространены на производственные отношения других формаций.

концепция заявила о себе в известной экономической дискуссии 50-х годов. Уже перед самой смертью И.В. Сталин среди многих других вопросов, касающихся товарно-денежных отношений, ставит вопрос о сущности советских денег в их связи с золотом. Практика власть предержащих в этих вопросах формировалась идеологическими соображениями. В частности, учитывая повышение покупательной способности рубля после проведения денежной реформы 1947 г.⁸⁵, советское правительство произвело повышение курса рубля в отношении иностранных валют, перевело его на золотую основу и определило золотое содержание рубля в 0,222 168 грамма чистого золота. К этому времени (1955) оборот с развитыми капиталистическими странами вырос в 2 раза, а несоциалистическими странами в 3 раза.)

Что касается понимания сущности денег, то по данному вопросу сформировалось два взгляда: одну точку зрения (кстати, потом официально принятую) выдвигали З.Атлас, Ф.Михалевский, В.Герашенко.

Эта группа экономистов защищала идею о золотом содержании советского рубля. Их аргументация основывалась на влиянии внешнеторговых цен на внутреннее ценообразование. Они подчеркивали, что отрицать связь наших денег с золотом значит признавать полную изолированность нашей внешнеторговой системы цен от внутренней системы цен, что совершенно неверно. При всем различии между обеими системами известное их взаимовлияние неизбежно. Наши внешнеторговые цены тесно связаны с покупательной силой золота. Вопрос о золоте — это проблема международной ликвидности, что оказывает влияние на наш экспорт и импорт, а те в свою очередь отражаются на внутреннем ценообразовании на средства производства и предметы потребления.

Вывод из этих рассуждений формулировался примерно следующим образом: «Поскольку рубль юридически и фактически

⁸⁵ В декабре 1947 г. была проведена денежная реформа. Этим постановлением Совета Министров Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» выпускались в обращение новые денежные знаки в рублях образца 1947 г. В качестве цели проведения денежной реформы было определено «ликвидировать последствия Второй мировой войны в области денежного обращения, восстановить полноценный советский рубль и обеспечить переход к торговле по единым ценам без карточек». Главным долгосрочным результатом реформы стало то, что фактически на 15 лет (до конца 50-х годов) удалось сохранить товарно-денежную сбалансированность и в целом обеспечить стабильность цен».

обладает золотым содержанием, наши планирующие органы, приравнивают стоимость конкретных товаров к рублю (деньгам), тем самым выражают эту стоимость в золоте, которое является у нас мерой стоимости». Значит, по логике этих рассуждений получалось, что советский рубль имел золотое содержание, его масштаб цен. (Масштаб цен, как известно, выражает фактическое золотое содержание денежной единицы). Эти доводы трудно признать убедительными, если сопоставить их с теми процессами, которые в это время (после Второй мировой войны) происходили в мире. Золото тогда ушло из наличного обращения и национальных денежных систем, его место заняли бумажно-кредитные системы, а в качестве мировых денег быстро стал завоевывать позиции доллар (см. гл. 9).

Но в это же время формируется и другая точка зрения на сущность рубля. Ее защищали Я. Кронрод⁸⁶, В. Батырев, С. Иконников.

Основной стержень их постановки вопроса основывался на том, что качественную природу рубля они связывали с исторически сложившейся стоимостью общественного продукта, т.е. закономерностью развития национального рынка в прошлом, его материального результата, выраженного *в стоимости* общественного продукта. Они считали, что социалистическое государство в плановом порядке устанавливает советскую денежную единицу — *советский рубль как долю стоимости общественного продукта*. При этом непосредственно после установления советской власти, *в начале* переходного периода, совокупная стоимость общественного продукта представляла собой сумму золотых цен. Пользуясь этой совокупной стоимостью как всеобщим эквивалентом, государство преобразовывало ее в цепном историческом процессе. Все новые и новые массы товаров на основе издержек их производства сопоставлялись с уже ранее выраженной совокупной стоимостью и таким путем они также получали денежную форму, выражаясь в плановых ценах. Так как это делается безотносительно к изменению стоимости золота, то цена из золотого выражения стоимости указанным цепным способом становится

⁸⁶ Можно считать, что наибольший вклад в разработку теории денег в условиях общественной собственности внес Я.А. Кронрод. Его работы в этой области представлены докторской диссертацией, специальными монографиями, а также большим количеством статей, написанных на протяжении почти сорока лет научной деятельности.

плановой долей стоимости совокупного продукта. *Золотое содержание рубля определялось в конечном счете его покупательной способностью, т.е. уровнем цен, устанавливаемых государством (а не наоборот), как это должно бы вытекать из «золотой версии» советского рубля).*

Я.А. Кронрод всегда критиковал постановку вопроса о прямой связи рубля с золотом, подчеркивая, что вопрос о том, «чем являются советские деньги», подчас подменяется формулой о том, «с чем связаны советские деньги», — с золотом или со стоимостью товаров. Он подчеркивал, что это разные вещи. «Связь между советскими деньгами и золотом устанавливается для внешних экономических отношений. Советский рубль представляет определенную массу стоимости и поэтому может быть приравнен к известному количеству золота. На этой основе советское государство устанавливает золотое содержание рубля, в соответствии с которым устанавливается курс рубля по отношению к иностранной валюте»⁸⁷.

Это были постановки 50-х годов. В дальнейшем исследование этой темы было органично связано с отстаиванием Кронродом тезиса о существовании реального товарного производства. Отрицая известный марксистский тезис об отсутствии при социализме товарных отношений, он тем не менее принимал и опирался на марксистские постановки о специфике денежной формы стоимости (связь денежной формы с противоречиями в общественном труде, с функциями денег). «Подобно тому, как осложнения и противоречия, вытекающие из сущности денег наряду с особыми товарами, невозможно уничтожить путем изменения формы денег (хотя можно избежать трудностей, связанных с менее совершенной формой последних, при помощи совершенной формы денег), точно так же невозможно уничтожить самые деньги пока меновая стоимость остается общественной формой продуктов»⁸⁸. Кронрод внес понятие *об эластичном масштабе цен* как опосредованной зависимости системы цен народного хозяйства СССР от стоимости золота и его влиянии на масштаб цен. При этом он подчеркивал неправомерность отождествления официально установленного масштаба цен с фактически действующим. Первый и второй необходимо совпадают лишь при золотом полноценном обращении.

⁸⁷ Кронрод Я.А. Деньги в социалистическом обществе. М., 1960. С. 129.

⁸⁸ Маркс К. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, Т. IV. 1933. Глава «О деньгах». С. 65.

В случае функционирования знаков денег (бумажных и кредитных), как правило, это совпадение исключается (заметим, что эта постановка ученого корреспондирует с возникшей несколько позже на Западе идеей плавающих курсов)⁸⁹.

В начале 80-х годов, большинство известных отечественных экономистов-«денежников» возвестили о демонетизации золота как мировых денег. (Напомним, что на Западе это была эра всевластия монетаризма и ликования по поводу появления СДР)⁹⁰. Тогда вышла небольшая статья Кронрода: «Золото, денежные и валютные системы инфляции», где исследовались такие вопросы: золото как денежный товар современного капитализма, сущность и факторы мировой инфляции, концепции реальных денег без внутренней стоимости⁹¹. «Что скрывается за процессами утверждения господства бумажно-кредитных денежных систем во внутренних сферах экономики капитализма и происходящими глубокими изменениями мирохозяйственной валютной системы, за последовательным крушением всех существующих форм золотых стандартов, включая последний – золотодевизный (бреттонвудский) и установления нынешней кингстонской системы?» – ставит вопрос ученый⁹². Один из ответов: золото «как представитель рыночных сил» находится в непримиримом противоречии с государственным регулированием, и его роль как денежного товара объективно исчерпана, его место заняли бумажно-кредитные деньги, и впервые «в истории международных денежных отношения капиталистических государств основываются не на золоте – роль мировых денег выполняют национальные валюты и СДР»⁹³.

⁸⁹ Кронрод Я.А. Деньги в социалистическом обществе. М., 1960. С. 216–217.

⁹⁰ Под демонетизацией разумеется не прекращение его монетной роли, а ликвидация золота как денег. Этих взглядов придерживались многие советские экономисты. «Мы разделяем здесь точку зрения, – пишет Г.Г. Матюхин, таких советских экономистов, как А.В. Аникин, С.М. Борисов, Я.А. Певзнер, Д.В. Смыслов, Г.П. Солюс, В.М. Усоскин, В.Н. Шенаев, А.В. Эйдельмант и другие, которые отстаивали тезис о демонетизации золота» (Матюхин Г.Г. Проблемы кредитных денег при капитализме. М., 1977. С. 13).

⁹¹ Она была опубликована после смерти автора сначала в журнале «Деньги и кредит», а затем в книге «Очерки социально-экономического развития XX века» (1992). Поэтому ссылки даются на это издание. Эти проблемы ранее освещались в книге «Укрепление денежного обращения СССР, инфляция в странах капитализма» (1950).

⁹² Очерки социально-экономического развития XX века. М., 1992. С. 162.

⁹³ Матюхин Г., Шенаев В. Новая валютная система и уроки Бреттон-Вудса // Мировая экономика и международные отношения. 1978. С. 46, 48.

Другой ответ дает автор статьи. «Золото, глубоко изменяя формы своего функционирования, сохраняет за собой роль денежного товара, меры стоимости, хотя и скрытой, но реальной основы и внутренних денежных систем, и мировых валютных отношений. Деньги по своей сущности – неизбежно золото. Поэтому содержание проблемы денег как всеобщего эквивалента составляют глубокие и острые противоречия и формы их разрешения между объективно обусловленной отношениями капитализма товарной (золотой) природой всеобщего эквивалента, невозможностью вытеснения его неким “эквивалентом”, лишенным внутренней стоимости, с одной стороны»⁹⁴. Автор подчеркивает также и другую сторону этого процесса «столь же объективно обусловленными, абсолютно необходимыми для функционирования экономики современного капитализма внутренними неразменными (государством) кредитно-бумажными денежными системами, отвечающими потребностям инфляционного процесса, и внешними резервными валютами также кредитно-бумажного происхождения, которые отвечают потребностям обеспечения ликвидными средствами мирового платежного оборота, с другой стороны»⁹⁵. В этом состоит, по мнению ученого, суть противоречия, а вовсе не ликвидация золота как денежного товара и мировых денег. «Современные условия изменили, естественно, те конкретные формы денежно-валютной системы и в их составе механизм функционирования всеобщего эквивалента, которые были исследованы Марксом. Вместе с тем методологические принципы анализа природы и функционирования денег, определяемые этой теорией, полностью сохраняют свое эвристическое значение, – утверждает-ся в статье. – Система денежного обращения включает в себя и объективные формы – золото как денежный товар, масштаб цен, реальную стоимость объема обращающейся денежной массы и т.п., и государственные формы регулирования денежного обращения, являющиеся элементами денежной системы, – установление знаков денег, регулирование курсов, формы и нормы обеспечения денежного обращения и т.п.»⁹⁶. И в этих сложных взаимосвязях золото как денежный товар и мировые деньги играют решающую роль.

⁹⁴ Там же. С. 64.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ *Кронрод Я.А. Производительные силы и общественная собственность.* М., 1987. С. 91.

Мы не будем здесь приводить все аргументы в защиту этой точки зрения, отметим только, что она основывается на глубоком анализе «иллюзорной» реальной и политической цены золота, масштабов золотодобывающей промышленности и усиливающегося спроса на золото не только для промышленных целей, но и как гаранта от обесценения капиталов; взаимосвязи динамики индексов товарных и цен на золото, масштабов тезаврации (государственной и частной) и т.д. Устарела ли эта постановка, основанная на марксистском заделе в понимании золота как денежного товара? Нельзя однозначно ответить на это вопрос, но очевидно, что все доводы в защиту золота, которые приведены ученым, остаются злободневными и в наше время. Мировой кризис первого десятилетия XXI в., пошатнувший все здания глобализма и глобализации и доллара, вновь заставил обратиться к золотой основе мировых денег. В какой форме это произойдет, покажет время. Можно только сказать, что стоимостно-золотая природа денег бросает вызов его функциональной природе. А это означает, что вопрос о сущности денег в рамках всех школ политэкономии остался открытым.

С марксизмом при объяснении сущности денег и ее связи с золотом у этой школы политэкономии вроде бы было все в порядке. Но вот трактовка возможности и необходимости товарного хозяйства в условиях общенародной (общегосударственной) собственности, по мнению официальных идеологов, нанесла сокрушительный удар по самым основам марксизма и социализма в целом, так как она обосновывала наличие социально-экономических противоречий в системе.

Официальная трактовка рыночных связей (товарного производства) в советской политэкономии – это идеологизированный вариант марксизма-ленинизма, скорректированный И.В. Сталиным. Она – вне научного критического разбора. В дискуссии 1952 г. по учебнику политэкономии Сталин сказал о том, как надо понимать природу товарного производства: наше товарное производство – особого рода, сфера действия которого ограничена пределами личного потребления; сфера действия закона стоимости распространяется у нас прежде всего на товарное обращение, на обмен товаров через куплю-продажу, на обмен главным образом товаров личного потребления; средства производства не являются товарами; закон стоимости не регулирует пропорции распределения труда, сущность денег связана с распределительными

отношениями и т.д.⁹⁷. Тогда вошла в научный оборот трактовка советской системы как структуры, базирующейся на трех формах собственности: государственной (в официальной трактовке общенародной) – доминирующей; колхозно-кооперативной – подчиненной и мелкотоварном секторе (личное подсобное, индивидуальное и домашнее хозяйство). Эти выводы изложены в Ученнике политэкономии (1954).

Исследование товарно-денежных отношений на долгие годы оставалось закрытой темой прежде всего потому, что разработки в этой области приобретали политический оттенок со всеми вытекающими отсюда последствиями. К ее разработке обратились в период «оттепели», хотя нельзя признать удачной ее судьбу и тогда, и в более поздний период.

Она породила две трактовки этого явления. Первая своими корнями уходила в догматическое воспроизведение трудов основоположников марксизма, отвергавших тезис имманентности товарно-денежных отношений социалистическому способу производства, что сочеталось с тезисом о мировой революции и невозможности строительства социализма в отдельной стране. Вторая получила законченное выражение в концепции «*безрыночного социализма*». Основные положения этой концепции сводятся к следующему.

1. В рамках общенародной собственности нет разных собственников. Товарные отношения возникают только при связях между государственным и кооперативным секторами.

2. Советский строй связан с натуральным хозяйством, где обмен продуктами труда только внешне по форме выступает как товарный обмен, а по своей сути является прямым распределением продуктов труда. Деньги в этих условиях лишь внешняя форма единообразного учета труда, за ними сохраняется роль технического обслуживания этого прямого распределения продуктов труда.

3. Закону стоимости нет места в хозяйственном механизме социализма.

4. Плановость и товарность – это взаимоисключающие начала, и поэтому не может быть планового товарного хозяйства.

Критика этой концепции нашла свое крайнее выражение в концепции «*рыночного социализма*». Эта модель характеризовалась следующими чертами:

- понимание общенародной собственности как кооперативно-групповой, переданной в полное управление и фактическое распоряжение рабочих коллективов;

- рассмотрение современного народного хозяйства как параболической системы, не позволяющей достаточно точно определить ее функции на будущее и тем более их предвидеть из единого центра.

⁹⁷ Судьба ученого и трагедия науки. М., 1992. С. 98.

А это требует механизма саморегулирования, который по принципу обратной связи обеспечивает согласование материальных потребностей и общественного производства;

• вменение рыночным отношениям способности обеспечить, с одной стороны, быстрое приспособление к динамизму научно-технического развития, с другой, — реакцию социального фактора на производство, т.е. полностью учесть всю гамму человеческих потребностей, интересов, мотивов поведения людей.

Концепция «рыночного социализма» была главным итогом происходившей в 50–60-е годы научной дискуссии. Ее основателями считали восточноевропейских экономистов, в частности О. Ланге, О. Шика. При этом выделялся и отечественный вклад в эту концепцию, который содержался в трудах многих советских экономистов 20-х годов (Н.Д. Кондратьева, Л.Н. Юровского, А.В. Чаянова, В.В. Новожилова).

Можно считать, что именно эта теоретическая конструкция была задействована (вместе с «новым экономическим мышлением») в период перестройки. Впоследствии этот вклад был дополнен идеями «разгосударствления» как столбовой дороги к эффективной экономике и процветанию страны.

Этим двум концепциям противостояла еще *третья концепция*, в которой отвергались и та, и другая трактовки рыночных связей в условиях общенародной (общегосударственной) собственности.

В этой концепции отрицалась теория безрыночного социализма, так как в ней, во-первых, не выявлялись противоречия непосредственно-общественного труда, связанные с его социальной неоднородностью, обусловленные уровнем развития производительных сил, вещественной стороной их материально-производственной базы; во-вторых, содержалась упрощенная (К. Каутский) трактовка денег как технически-организационных средств учета общественного труда.

Концепция «рыночного социализма» отвергалась потому, что в ней игнорировалась новая природа связи коллективной рабочей силы и средств производства в условиях общенародной (общегосударственной) собственности, и за крайнюю ограниченность рыночных связей в формировании перспективных макропропорций воспроизводства, связанных с оптимизацией ресурсов на базе общенародной собственности. В этой концепции несколько по-иному была прочитана трудовая теория рыночного хозяйства Маркса. Было обращено внимание не на его стихийный характер, а на политические и материально-технические предпосылки, которые

дали возможность возникновения этой особой формы общественного труда. Ими была, прежде всего, прочная государственность, которая политическими средствами огораживает этот экономический анклав от всего мира, образуя национальный рынок (или национальное хозяйство). Было обращено особое внимание на материально-техническую базу, определившую все формы общественного разделения труда как основу национального рынка и его связанности в пределах этого анклава. Именно эта экономическая связанность определила необходимость неких экономических отношений, которые, согласно теории Маркса, нашли свое выражение в существовании абстрактного труда (именно труда, а не капитала) и всей системы стоимостных отношений. Отсюда делался вывод, что даже «очищенный» от капиталистической оболочки национальный рынок всегда предполагал наличие существования этого абстрактного труда, который был обусловлен не частнокапиталистической его формой, а уровнем материально-технической базы. А она определяла степень социальной неоднородности общественного разделения труда, глубинная основа которой была связана с соотношением между физическим и умственным трудом.

Исходя из такого «прочтения» глубинных закономерностей капиталистического рыночного хозяйства, Я.А. Кронрод обосновывает теорию о товарном характере производства советского строя, главенствующая роль в котором должна была принадлежать общенародной собственности⁹⁸. В этой теории большая роль

⁹⁸ См. *Кронрод Я.А.* Производительные силы и общественная собственность. В книге особое внимание уделяется следующим вопросам: во-первых, отношений общенародного присвоения-распоряжения средствами производства, где выделяются отношения монополии на средства производства общенародной ассоциацией производителей и монополии ассоциации производителей на процесс производства (осуществления за счет общества); во-вторых, отношений общенародного присвоения использования средств производства, где выделяется связь производителей и средств производства в непосредственном процессе производства, подчеркивая диалектику равенства и неравенства в отношениях социалистической собственности на средства производства и общенародной ее формы; в-третьих, социалистической общенародной собственности и непосредственно-общественного характера рабочей силы, где особый акцент делается на взаимосвязь отношений собственности на факторы производства и непосредственно-общественный характер рабочей силы, а также социально-экономическое содержание найма; в-четвертых, государственной и негосударственной форм общенародной собственности на средства производства, где выделяются необходимость и сущность государственной формы общенародной собственности и сущность государственного руководства экономикой.

отводится различию между формальным и фактическим обобществлением производства и их связи с материально-технической базой (уровнем развития производительных сил), определяющим социально-экономическую неоднородность труда как основную характеристику *абстрактного труда* в границах национальных хозяйств отдельных государств.

Обобществление – закономерный процесс как в условиях частной собственности (скрытый характер), так и в отношениях общенародной собственности (открытый характер). Формальное обобществление может быть декретировано различными государственными актами – национализации или кооперирования. При советской власти национализация не привела к фактическому обобществлению производства, представ в виде формального акта – национализации. Формальное обобществление общенародной собственности, возникшей при советской власти, субъектом которой была общенародная ассоциация производителей, обладало монополией распоряжения общенародными средствами производства. Но она сама представляет собой противоречивое единство различных в социально-экономическом отношении общественных групп работников (вплоть до классовых различий). Вещный фактор производства в меру достигнутого уровня развития производительных сил в разной мере оснащает эти различные виды труда, выступая в различных социально-экономических формах – умственного и физического, квалифицированного и неквалифицированного, механизированного и ручного, индустриального и аграрного труда.

Этим, в конечном счете, обусловлено относительное экономическое обособление звеньев общественного разделения труда всех уровней (отрасли, подотрасли, предприятия, региона и т.д.), что ведет к наличию особой системы экономических интересов этих коллективов и противоречий между ними.

В итоге выявляется следующая цепь зависимостей в условиях общенародной собственности, опирающейся на материально-вещные факторы невысокого уровня развития производительных сил:

- осуществление процесса производства факторами, находящимися в общенародной собственности, но связанными с экономическим обособлением отдельных звеньев производства и находящихся в их воспроизводственном обороте факторов производства;
- зависимость эффективности общественного производства от эффективности производства этого каждого обособленного звена

народного хозяйства, формально находящегося в общественной собственности;

• индивидуальное включение работников в фактическое производительное использование средств производства, находящихся в общенародной собственности, зависящее от фактической принадлежности работников к различным социально-экономическим группам общественного разделения труда и протекающее в форме материально-возмездной связи работника с ассоциацией производителей опять же через опосредование этой связи деятельностью *экономически самостоятельных звеньев общественного разделения труда.*

Непосредственно-общественный труд, объединенный общенародной собственностью, в этих исторических условиях существует как *социально-неоднородный, он характеризуется неравенством всех частей, его образующих.* «Труд при социализме, — подчеркивал Я.А. Кронрод, — не может быть представлен как простое количество часов среднего общественного труда. Он не измеряется в своей естественной мере — непосредственно в рабочем времени именно потому, что товарный характер социалистического производства обуславливает выражение, соизмерение и движение товаров как вещных масс заключенного в них общественного труда в форме стоимости»⁹⁹. А это означало наличие внутреннего противоречия всеобщего общественного труда и труда особенного. Объективной экономической формой его разрешения являются производство и *обмен продуктов труда на эквивалентной основе.*

Причем эквивалентный обмен между предприятиями не может осуществляться в часах рабочего времени, так как в каждом звене общественного производства он представляет собой разные комбинации социально-различных видов труда и поэтому каждый продукт производства есть овеществление этих социально-различных видов труда. Разрешением данного противоречия и служит приравнивание продуктов труда как товаров, связанных с механизмом выражения заключенного в них особенного труда как *общественного абстрактного труда и их обмена по стоимости на основе закона стоимости.*

* * *

Весь этот небольшой экскурс в историю советской политэкономии введен для того, чтобы побудить современных экономистов глубже вникнуть в особенности хозяйственного строя, возник-

⁹⁹ Кронрод Я.А. Деньги в социалистическом обществе. С. 154.

шего на основе и рамках государственной собственности, которые именно в ней видели и до сих пор видят причину неэффективности экономики. Напомним, что постулат разгосударствления был и остается чуть ли не основным лозунгом либералов. И это при том, что у лидеров Западного мира наблюдается обратная тенденция. В США за последнее столетие доля государственной собственности возросла с 3–4% до 35%, в Германии она составляет 53%, в других развитых странах эта цифра близка примерно к 50%. В постсоветской России в настоящее время она равна примерно 10–12%. Либеральный курс реформ, который был ориентирован на разгосударствление как основную линию в повышении эффективности народного хозяйства идет вразрез с мировыми тенденциями и потому обречен на провал. А это означает, что современная экономическая мысль в поисках путей укрепления рубля должна исходить именно из отмеченных нами мировых тенденций, опираясь на заделы, которые сложились в советской политэкономии.

1.9. Эвристическая ограниченность политэкономической мысли в постижении сущности денег и рыночных связей

Краткий экскурс в историю политэкономической мысли позволяет сделать важные выводы об эвристических границах постижения сущности рыночных связей и денег капиталистической экономики Запада. Что касается этих границ, успехи достаточно очевидны – они способствовали наиболее эффективному развитию капиталистических отношений в недрах и рамках той религиозно-идеологической, культурной и политической среды, которая сложилась в Западной цивилизации в XVI–XX вв. А что касается изучения самой сущности рыночных связей и денежных отношений, которые имеют тысячелетия своего развития, то здесь положение иное. Весь предыдущий анализ показал, что многочисленные западные школы политэкономии диаметрально противоположно трактовали сущность рыночных связей и денег. Вместе с тем можно утверждать, что у них есть некоторые общие черты, которые и являются ограничителями в эвристическом постижении ими рыночных связей и денег в других цивилизациях. Этот вывод подтверждают следующие доводы.

1. Евроцентризм. Политэкономия как общественная наука родилась триста лет тому назад в духовно-идеологической ауре европейской мысли, освобожденной эпохой Просвещения от всяких элементов теологии. Здесь мы не будем подробно анализировать

этот вопрос и вернемся к нему несколько позже (см. параграф 7.3). Однако некоторые положения все же требуют освещения идеологической среды, в которой родилась политэкономия. Философские, социологические и исторические течения второй половины XVII и, главным образом, XVIII в. способствовали формированию нового мировоззрения, основанного на Разуме. В их рамках возникла система общественных дисциплин, которые стали называться *научными* потому, что расторгли связь с религиозными догмами и обращали внимание только на обобщение фактологии развития человечества и в прошлом, и в настоящем. При этом полагали, что единственной задачей человеческого духа являются оценка действительности и овладение ею. Рождается позитивизм, теснейшим образом связанный с методами познания мира, свойственными естественным наукам, который и дал толчок к развитию *материализма* и в философии, и в истории, и в экономике. Политэкономия отличалась с момента своего рождения от естественных и технических наук тем, что являлась общественной наукой, а от других общественных наук тем, что она изучала только определенную область общественных отношений – экономику.

Если европейский идеологический фактор (вначале в форме просветительской философии) стоял у истоков рождения этой общественной науки, то в дальнейшем он не только не ушел в тень, а давал новую окраску всем политэкономическим течениям, включая все формы социалистических идей, и марксизм, и монетаризм. Глобализм с его основным стержнем вестернизации мира уходит своими корнями в евроцентризм. Он довлеет над политэкономической мыслью. Все ведущие экономисты (или открыто, или молчаливо, или бессознательно) исходят из того, что формы развития экономики и денежных отношений в Западной цивилизации – это вершина прогрессивного их развития, образец для всех других стран. Отсюда градация экономик мирового сообщества на развитые и развивающиеся страны.

2. Незыблемые постулаты всех школ западной политэкономии – индивидуализм, частный интерес и частная собственность. Здесь все экономические закономерности выводятся из хозяйственного поведения предприятий или мотивов поведения отдельного лица. Эффективное развитие рыночных отношений связывалось только с частной собственностью и внутренними стимулами «экономического человека», который стремится к максимальной выгоде. Общество представлялось суммой таких отдельных лиц. Законы, выведенные из изучения хозяйственной

жизни отдельного индивида, распространялись на все общество¹⁰⁰. Характерно, что политэкономия, прошедшая свой путь от классических теорий столетней давности до современных монетаристских доктрин, усложненных всеми методами макрорегулирования, зиждется на этом постулате. Хотя в вопросе о регулировании государством рыночных связей и денежных отношений мнение современных западных экономистов двоякое. Одни признают необходимость такого регулирования, другие отрицают. Но исходная позиция по сути дела одна: хозяйствующий субъект наделяется здоровым эгоизмом – его целевая функция сводится к личному благосостоянию и интеллекту, достаточным для того, чтобы самому, без посторонней помощи добиться успеха. Целью экономического поведения считают деньги, стоящие за ними товары и их полезность, т.е. способ удовлетворения потребностей с помощью этих товаров и услуг.

3. Единый объект исследования, коим являлось капиталистическое хозяйство западных государств с XVI–XX вв. Все возникшие в прошлом школы политэкономии объединяло то, что они рассматривали один этот объект в процессе становления, упрочнения и развития капиталистических форм рыночных отношений Западной цивилизации в Новой истории. При внешнем различии всех политэкономических доктрин они не противоречат, а, скорее, дополняют друг друга, так как отражают новые реалии в экономической жизни государств Запада в процессе их многовекового

¹⁰⁰ Нельзя обойти вниманием одну ветвь западноевропейских экономистов. Ее представители утверждали, что и человек, и общество – явления органические, а не механические, и что их сущность нельзя понять с помощью индивидуалистических материальных констант, что развитие каждого человека и общества в целом обусловлено множеством факторов – исторических, национальных, этнических, культурных, религиозных, которые являются качественными параметрами и заменить которые также невозможно, как поменять листья дерева и кору. Считается, что основателем альтернативной, «неортодоксальной» экономики был представитель немецкой исторической школы Фр. Лист. Он обосновывал необходимость участия государства в экономической деятельности с учетом религиозно-духовной традиции. Представители этой школы считали, что «народ» является самостоятельной и единой сущностью и что государство должно выражать в первую очередь волю народа. Они настаивали на необходимости при анализе экономической структуры учитывать ведущую роль не материально-потребительских, а исторических, национальных и религиозных факторов, и рассматривали общество как динамическое и живое существо, а не как механическое образование потребляющих и самодостаточных индивидумов. В дальнейшем в рамках этого направления (младоисторической школы) были подвергнуты критике сами принципы экономического либерализма.

развития. И в этом смысле четко выделяются политэкономические школы периода становления капиталистической экономики западных государств (классические школы политэкономии), периода европейского просперити (неоклассические школы), периода мировых войн (кейнсианство и монетаризм), угроз конца XX – начала XXI в. (современные монетарные школы открытых экономик).

4. Прагматическая направленность исследований на стимулирование и развитие капиталистических форм хозяйства европейских государств. Она находила свое выражение в двух ее формах, содержание которых менялось в разные исторические периоды. Период меркантилизма, в котором вмешательство государства в экономику приветствовалось, канул в Лету. Оно сменилось принципом невмешательства правительства в экономические отношения, т.е. внедрившим идеи либерализма в экономику. Полагают, что история либерализма началась именно со слов «laissez faire!» («Дайте дело делать!»), произнесенное купцом Лежендром в ответ на вопрос министра финансов Франции Ж.-Б. Кольбера: «Чем я могу вам помочь?». Впрочем, беседа купца и министра состоялась почти через пятьдесят лет после выхода книги маркиза д'Аржерона, в которой *laissez faire* формулируется как свобода торговли. «Дж. Кейнс высказал парадоксальное мнение об истоках этой доктрины. Он видел в ней синтез идей индивидуализма (Дж. Локк, Д. Юм) и всеобщего равенства (Ж.Ж. Руссо). Причем последние отождествлялись им с социалистическими идеями»¹⁰¹. В последующей истории именно государство, заинтересованное в сохранении капитализма, будет определять формы и методы включения своего политического влияния на экономику. Это положение подтверждается историей. Нельзя забывать, что теория Кейнса с ее обоснованием необходимости активной государственной экономической политики завоевала западный мир после того, как Великая депрессия 30-х годов наглядно показала банкротство либерально-индивидуалистического типа экономической теории и политики в условиях господства олигархического капитала. Когда же государственное регулирование с его мощными социальными программами достигло таких масштабов, что стало сдерживать частную инициативу и предпринимательский дух, закономерным стал возврат от социально-державистского типа теории и политики к либерально-индивидуалистическому.

¹⁰¹ Бурлачков В.К. Денежная теория и динамичная экономика: выводы для России. С. 65.

тическому. Отсюда все разнообразные формы государственного регулирования, получившего широкое распространение в XX в., начиная от «чистых» кейнсианских моделей и кончая сложными кейнсианско-монетаристскими моделями государственного регулирования.

Все эти особенности европейской экономической мысли дали «негативные плоды», которые нашли свое выражение в том, что сущность денег в теоретическом аспекте – этого главного действующего лица любой рыночной экономики сейчас вообще не рассматривается. Хотя деньгам стали отводить главное место в методах государственного регулирования, а разработки практической направленности превратились в одну из наиболее динамичных и вызывающих повышенный интерес отраслей экономики, они не внесли ясности в понимание сущности этого явления. «Многие авторы не дают четко сформулированного понятия денег, так что его приходится выводить из контекста, где применяется это слово. При этом большинство экономистов ведут себя так, как будто другие ученые разделяют их точку зрения по вопросу определения денег»¹⁰², – отмечается в одном из серьезных современных изданий¹⁰³. И эта постанова имеет свое обоснование, так как все больше стираются границы между денежным обращением как таковым и сферой циркуляции и накопления денежного капитала (применение компьютерной техники, новейших телекоммуникационных систем). Появление новых финансовых нововведений, новых инструментов денежного рынка, гибридных банковских счетов (там деньги могут одновременно приносить доход и служить средством расчета за товары) размывает понятие «деньги», разрушает границу между деньгами и не деньгами.

К началу третьего тысячелетия у многих экономистов появился определенный скепсис в отношении познания этого таинственного феномена, столь вроде бы хорошо изученного и понятого мыслителями XVIII–XIX столетий. В этой связи целесообразно привести оценку ряда современных западных экономистов о состоянии разработки теории денег: «В действительности же сегодня теория денег относится к числу наименее согласованных областей экономического анализа, и никакой серьезный исследователь не может игнорировать этого факта или его причин...» – пишется в капитальном труде по теории монетаризма¹⁰⁴.

¹⁰² Davidson R. Money and the Real World. N.Y., 1972. P. 87.

¹⁰³ Харрис Л. Денежная теория. М., 1990. С. 79.

¹⁰⁴ Monetary Theory / Ed. By R.W. Clower. Harmond – sworth? 1969. P. 7.

«Деньги для экономической науки – это то же, что квадратура круга в геометрии»¹⁰⁵. «Хотя деньги были в числе первых хозяйственных явлений, приведших к себе внимание человека, и с тех пор находятся в центре экономических исследований, не существует даже относительного согласия по поводу о том, что следует обозначить этим словом»¹⁰⁶. «...Неясность по поводу понятия и природы денег по-прежнему является бичом экономической профессии»¹⁰⁷. И эти заявления сделаны в конце XX в., т.е. после более чем двухсотлетней разработки проблемы денег в условиях капитализма.

Существует целая философия, которая отрицает необходимость выявления сущности денег, доказывая необходимость эмпирического подхода к их анализу. «Деньги могут иметь только функциональное определение, иначе говоря, их можно определить только с помощью способов их использования. Трудно ответить на вопрос, “что такое деньги?”, но и более легкий вопрос “как используются деньги”, не имеет однозначного ответа»¹⁰⁸. «Определение денег нужно выбирать не на основе какого-то принципа, а исходя из соображений пользы в организации наших знаний о хозяйственных связях». «Деньги – это то, чему мы придаем численную величину с помощью обусловленной процедуры; это не то, что уже существует в природе и должно быть открыто»¹⁰⁹. Л. Харрис определяет деньги как «любой товар, который функционирует в качестве средств обращения, счетной единицы и средства сохранения стоимости»¹¹⁰. Существуют и другие столь же парадоксальные определения денег: «как временного вместилища покупательной силы» (М. Фридман, А. Шварц); «деньги – это то, что они выполняют» (Ф. Уокер).

Современные западные экономисты вообще по сути дела отказались от уяснения глубинных закономерностей социально-экономического развития и его основных категорий. Его заменили изучением функциональных связей, поддающихся математическому структурированию. Характерно, что студенты современных экономических факультетов удивляются тому, зачем они

¹⁰⁵ *Sevons W.S. Money and the Mechanism of Exchange. L., 1975. P. 1.*

¹⁰⁶ Цит по: *Monthly Review. Reserve Bank of Kansas City. Jan. 1977. P. 3.*

¹⁰⁷ *Davidson R. Money and the Real World. N.Y., 1972. P. 87.*

¹⁰⁸ *Sohnson Y.C. and Roberts. Money and Banking. A Marketoriented Approach. N.Y., 1982. P. 96.*

¹⁰⁹ *Friedman M., Schwartz A. Monetary Statistics of the United States. N.Y., 1970. P. 137.*

¹¹⁰ *Харрис Л. Денежная теория. М., 1990. С. 75.*

тратят столько времени на такие совершенно «бесполезные» предметы, как «теория стоимости», которые не находят никакого применения в изучаемых ими позднее специальных курсах денег. Не случайно, что общая направленность экономических разработок по проблемам денег в западной литературе в конце XX в. посвящена, как правило, не теоретическим изысканиям, а анализу того, какой должна быть денежная и валютная политика государства в современный период. Это касается представителей различных научных направлений, как имеющих классические корни, так и сложившихся в Новейшее время: неолибералов – приверженцев «невидимой руки» рынка, государственников, включая сторонников «Левиафана» (автократического государства) и их яростных критиков – представителей неоклассических – кейнсианских моделей синтеза (экономических экуменистов). Можно с уверенностью сказать, что рассмотрение категории денег в контексте рыночных отношений вообще не занимает умы современных исследователей, так как деньги – это и бумажная купюра, и цифры в сберегательной книжке, и электронные носители кредитной карточки. Наглядный пример тому – объяснение природы денег в одном из самых распространенных экономических словарей.

«Деньги (money) – актив, который повсеместно принимается как средство обмена. Отдельные товары и услуги и другие финансовые активы оцениваются в денежном выражении и обмениваются с использованием денег, так как при бартере одно благо обменивается непосредственно на другое. Использование денег в качестве средств платежа позволяет экономике производить больший объем выпуска, так как дает возможность специализации в производстве и сокращает время, затрачиваемое продавцами и покупателями на организацию сделок. Другие важные функции денег – использование их как средства сбережения или сохранения покупательной способности (деньги могут сберегаться в течение некоторого периода времени и употребляться для финансирования будущих платежей), меры отсроченных платежей (деньги используются как общепринятый измеритель будущих поступлений и платежей по контрактам) и как счетной единицы статистики (для измерения и регистрации ценности товаров и услуг, например валового национального продукта, за некоторый временной период)»¹¹¹.

¹¹¹ Словарь по экономике / Кристофер Пасс, Брайен Лоуз, Лесли Дэвис / пер. с англ.; под ред. П.А. Ватника. СПб., 2004. С. 110. Впервые издан Harper Collins Publishers Ltd под названием: Collins Dictionary of Economics. Основанное в 1819 г. Уильямом Коллинзом, сегодня «Харпер-Коллинз» – крупнейшее издательство, специализирующееся на выпуске словарной и справочной литературы.

Завершая это краткое эссе об общих направлениях в развитии западной политэкономической мысли и основных его тенденциях при выявлении сущности денег в контексте рыночных связей менового хозяйства и выявив их эвристическую ограниченность, обратим внимание еще на одну важную черту. Она характерна не только тем, что возобладало функциональное направление в трактовке денег (во всех ее формах и школах, о которых говорилось выше), что понимание сущности денег как особой формы стоимости ушло в прошлое вместе с трудовой теорией рыночного хозяйства. Вместе с ними была похоронена идея о золоте как мировых деньгах, которая получила название «демонетизации» золота. История распорядилась иначе, и трудовая теория рыночного хозяйства, и постановки о деньгах как о форме стоимости получили свое развитие в одном из направлений в советской политэкономии, которая анализировалась в предыдущем параграфе. Однако, рассматривая научные потенции, которые содержались в советской политэкономии, главным образом связанные с разработкой категории абстрактного труда, опирающиеся на концепцию социальной неоднородности труда, а также постановки «плана» и «рынка», вместе с тем нельзя отрицать их «эскизный» характер. А они связаны с тем, что не разорвали родовой пуповины с евроцентризмом, ярким представителем которой и был Маркс, и теми недостатками в исследовании рыночных связей и денег, о которых говорилось выше.

В этом обзоре не случайно отсутствует вопрос о развитии теории рыночных связей и денег в постсоветской экономической мысли. По сути дела этой теории нет. Экономисты постсоветского периода основывают свой теоретический багаж на зачастую разрозненных постановках западных ученых. Безбрежное море публикаций по конкретным вопросам кредитно-денежной и валютной политики, курсовых соотношений, «сильного» и «слабого» рубля направлены на то, чтобы «приспособить» западные концепции монетаризма (или кейнсианства) к российским условиям. В этой лавине публикаций нельзя не выделить книгу В.К. Бурлачкова «Денежная теория и динамичная экономика: выводы для России» (2003). После работы В.М. Усоскина «Теории денег»¹¹² она, пожалуй, наиболее серьезная среди работ по этим сложным проблемам. Она интересна тем, что в ней автор собрал, «вытащил» из Интернета, обобщил громадное количество отечественных и

¹¹² Усоскин В.М. Теории денег. М., 1976.

англоязычных источников по вопросам денег, денежных теорий, металлических и кредитных денег, которые дополнили отечественные печатные публикации.

В этой книге освещаются самые важные положения теории денег – исходные положения, направления развития и формирование ведущих доктрин: спрос на деньги (теория и практика оценки); теория денежного предложения; теоретические проблемы валютного курса; теория процента (история развития и современные проблемы); теории скорости обращения денег, макроэкономические проблемы денежной теории. Попытка их систематизации, на наш взгляд, не совсем удалась, несмотря на претенциозный анонс, что в работе «подведены итоги развития денежной теории с момента ее становления до начала XXI в.». Но это не столь важно – важно другое, а именно то, что Бурлачков попытался понять существующие российские реалии денежных отношений, опираясь на заделы, которые существовали в истории экономической мысли. Это исследование показало: во-первых, что возникшие в прошлом теории денежных отношений нельзя уяснить без связи с теми политэкономическими школами, в рамках которых они возникли; во-вторых, что каждый частный вопрос денежных отношений в современной практике необходимо основывать на истории его возникновения в рамках той или иной политэкономической или социологической доктрины; в-третьих, что необходимо органическое включение в развитие денежных теорий русской мысли, а также наработок советских экономистов. Введение указанного исследования в научный оборот важно для стимулирования отечественной мысли по проблемам рыночных связей и денег и поэтому оно будет использовано и в нашей работе.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что экономическая мысль пока еще находится в поисках создания теории, раскрывающей сущность денег. Столь же неопределенно обстоит дело и с уяснением природы *рыночных отношений*. Эта проблема также нашла свое отражение в западной мысли. В этой связи можно выделить 60-е годы прошлого столетия. Когда явственно обнаружился разрыв между экономическими теориями самых почитаемых корифеев прошлого и экономической историей, появились крупные работы, в которых рыночные связи рассматривались в контексте более общих закономерностей истории¹¹³.

¹¹³ Характерно, что долгое время теории экономической истории создавались профессиональными историками (М. Блок, Ф. Бродель) или социологами (М. Вебер, К. Поланьи, И. Валлерстайн), исключением являются работа Д. Хикса, лауреата Нобелевской премии 1972 г., а также работы Г. Беккера «Человеческое поведение»; Д. Стиглица «Глобализация: тревожные тенденции»; Ф. фон Хайека «Контрреволюция науки»; К. Эрроу «Коллективный выбор и индивидуальные ценности».

«В современной экономической истории как науке можно выделить более полудюжины одних только макропарадигм, претендующих на объяснение истории в целом (например, концепции Карла Полањи или Дугласа Норта), где большое место уделялось рыночным связям. Количество же локальных теорий... измеряется десятками, если не сотнями», – пишет Ю. Латов¹¹⁴. Эти работы, безусловно, имеют существенное значение и для развития экономической мысли, так как в них дается более объемная картина экономической истории мира. Но при этом евроцентристские основы в них присутствуют в полной мере, отражая общее мировоззрение ее создателей как представителей Западной цивилизации. Не случайно для зарубежных ученых *экономическая история – это не развитие экономики вообще в рамках всемирной истории, и развитие даже не рыночной, а капиталистической экономики Западной цивилизации* (Европа и ее дочерние структуры – США и др. с их воздействием на мировую экономику) примерно с XVI до середины XX в. «Стремление построить общую экономическую теорию через распространение конкретно-исторического особенного по сути дела становится способом навязывания – далеко не бескорыстного – определенных стратегий развития и моделей хозяйствования другим странам. Более конкретно, на его основе отрабатывается евроцентристский подход к всемирно-историческому процессу», – совершенно точно отмечает В.Т. Рязанов¹¹⁵. К этим замечаниям Рязанова нам хотелось бы добавить еще некоторые соображения, которые свидетельствуют о том, что *общая теория рыночных отношений далека от завершения*. Этот тезис мы попытаемся доказать в последующих главах работы, начав с «одиозной мысли», сформулированной Броделем, что капиталистические отношения являются антагонистом рыночных отношений. Р.Л. Хайлбронер более мягко выражает эту мысль: «Действительно, несомненная важность рыночного механизма заслоняет собой тот факт, что социальным укладом является именно капитализм, а не сам по себе рыночный механизм»¹¹⁶.

¹¹⁴ Латов Ю. Может ли теория экономической истории не быть институциональной // Вопросы экономики. 2004. № 2. С. 150; Харрис Л. Денежная теория. М., 1990. С. 75.

¹¹⁵ Рязанов В.Т. Экономическое развитие России в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 255.

¹¹⁶ Хайлбронер Р.Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 52.

Преодоление евроцентризма в понимании роли экономики как важнейшей сферы любого общественного организма в целом и места в нем рыночных связей и денег в частности – необходимая предпосылка стимулирования эвристических потенций экономической мысли. При этом она должна освободиться от некоторых мировоззренческих уз, связанных с сугубо материалистическими ее корнями. Поэтому представляется необходимым обратиться к рассмотрению взглядов на эти проблемы двух основных философски-социологических направлений, претендующих на постижение общих закономерностей истории человечества, в рамках которых сложились разные взгляды на исследуемые в этой работе проблемы рыночных связей и денег.

Глава 2

РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ В КОНТЕКСТЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ ОСНОВ И ДУХОВНЫХ НАЧАЛ В ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

2.1. Диалог формационной и цивилизационной школ с их противостоением евроцентризму

Вопрос о соотношении материи и духа – основной вопрос всякой, тем более новейшей истории. Существуют два основных взгляда на эволюцию рода людского, один из которых представлен в историческом материализме, другой – в цивилизационной (ее чаще называли культурно-исторической¹) школе истории.

Исторический материализм основывается на диалектическом материализме в применении к изучению человеческого общества², одной из самых значительных школ XIX в., в какой-то мере вобравшей в себя все идеи, сложившиеся в западной мысли к этому времени. В соответствии с данной теорией история человечества представляет собой естественно-исторический процесс, которому присущи определенные стадии развития, описываемые через понятие «формация». Экономической основой формации согласно традиционному марксизму является *способ производства*.

¹ Термин «цивилизационная школа» получил «права гражданства» после выхода фундаментальных работ А. Тойнби и стал распространенным в исследованиях историков, социологов и экономистов конца XX в.

² Диалектический материализм – это «философия исторического материализма, его теория познания (гносеология). Основные положения теории познания диалектического материализма таковы: 1) реальна одна лишь природа; 2) природа существует независимо от субъекта; 3) субъект составляет часть той же природы; 4) всякое познание возникает из опыта, т.е. из восприятий, получаемых субъектом от внешнего мира, так как наше сознание определяется внешним миром, бытием; 5) раз действительность есть единственный предмет познания, то наше знание истинно и объективно лишь постольку, поскольку оно согласуется с действительностью, с бытием». Согласно диалектическому материализму, все движется и развивается в противоречиях, так нет и не может быть ничего навеки неизменного. «Мир состоит не из законченных предметов, а представляет совокупность процессов, в которых предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении, то возникают, то исчезают».

«Под способом производства как экономической определяющей основой формирования и развития всей общественной структуры (формации) исторический материализм понимает единство производительных сил и производственных отношений на каждой данной качественно определенной ступени развития, единство, в котором производительные силы выступают как определяющее содержание способов производства, производственные отношения – как определяемая социально-экономическая его форма»³. Производительные силы – это способы воздействия человека на природу (в том же значении употребляются понятия материально-производственная база или сейчас более распространенный и конкретизированный термин – основной технологический уклад). Производственные отношения – это отношения людей в сфере непосредственного производства, которые определяются формами собственности, а затем реализуются в способах распределения и обмена материальных благ и услуг, образующих в результате систему социально-экономических отношений (материальных интересов в их классовой форме).

В историческом материализме неэкономические факторы (они получили название «надстройка») в развитии общества не отрицались. В «надстройку» включались политические, культурно-исторические и все иные социальные отношения и институты в их классовых противоречиях. При этом выделялось значение сознания (классового сознания и прогрессивной идеологии), которое должно «не объяснять мир, а изменять его». Но в то же время подчеркивалось в соответствии с четко определенным постулатом Маркса, который он сформулировал в предисловии «К критике политической экономии», «не сознание людей определяет их бытие, но, напротив, общественное бытие определяет сознание»⁴.

Вопрос о характере развития человечества в историческом материализме связывается с разрешением противоречия между производительными силами общества и производственными отношениями, или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из формы развития производительных сил эти отношения становятся их оковами. Тогда же наступает социальная револю-

³ Кронрод Я. А. Производительные силы и общественная собственность. М., 1987. С. 89.

⁴ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие. Пг., 1922. С. 83.

ция. Смена одной экономической структуры общества другой есть результат роста производительных сил. Развитие производительных сил в рамках данной экономической структуры идет по восходящей линии, пока этому развитию не мешают существующие (в то же время имущественные) отношения. Но на определенной ступени развития противоречия между производительными силами и существующими производственными отношениями становятся неизбежными. Эти противоречия проявляются в истории через обострение борьбы классов и революционный скачок в процессе смены одной формации другой. Марксисты полагали, что тем самым был найден ключ к исследованию самодвижения человечества, определена природа его прошлого (в рамках первобытно-общинной, рабовладельческой и капиталистической формаций) и указано будущее – социализм и коммунизм.

Однако это понимание истории развития человечества, по сути дела, отвергалось и культурно-исторической школой (она впоследствии будет названа цивилизационной). Ее характерные черты достаточно обстоятельно рассматривались в нашей предыдущей книге «Духовный образ русской цивилизации...»⁵. Поэтому нет необходимости в полном объеме вводить этот материал в данную работу. Напомним лишь некоторые положения. Возникновение культурно-исторической школы связывают с философией И. Гердера, ставшего в 70-х годах XIX в. в Германии одним из вдохновителей движения «Буря и натиск», оказавшего воздействие на Гёте и последующее развитие всей немецкой философской мысли. В своей работе «Идеи к философии истории человечества» Гердер дает, по сути дела, всеохватывающую картину органического развития природы и общества. Решающий импульс к развитию этой школы дали немецкие мыслители В. Виндельбанд, Г. Риккерт и В. Дильтей. Крен в понимании исторического процесса ими был сделан на духовную жизнь народов и государств.

В отличие от исторического материализма, главная идея, характерная для всех представителей этой мысли, состоит в том, что «идеальные факторы» (многообразные и системные духовные начала организации обществ) образуют не менее реальную основу истории, нежели «опредмеченные» технологические или классовые отношения. Для этой школы в понимании общих закономерностей эволюции человечества был характерен социальный

⁵ См. *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации и судьба России: Опыт метаисторического исследования. В 4-х ч. М., 2001.

эволюционизм, который представлял собой попытку глобального осмысления исторического процесса как части общего, бесконечно разнообразного процесса эволюции Космоса и Земли (Г. Спенсер), а также натурализм с его стремлением понять законы функционирования и развития общества путем аналогий с живым организмом или биологической эволюцией в целом, т.е. путем распространения на историю закономерностей, установленных в естественных науках.

Исторический материализм и культурно-историческая школа, возникшие во второй половине XIX в., нашли своих приверженцев уже в XX в., и надо полагать, будут жить еще и в XXI столетии, правда, модифицируясь и находя пути к сближению друг с другом. Поэтому, если в XIX в. они противостояли друг другу, то применительно к XX в. можно сказать, что они скорее находились в диалоге друг с другом и при этом активно противостояли евроцентристскому мировосприятию.

Историческому материализму (при всей критике в его адрес) была суждена долгая жизнь в XX столетии. Прежде всего, конечно, он нашел свою интерпретацию у многих «русских марксистов» (не только в догматизированном его варианте у И.В. Сталина в его «Кратком курсе...», но и у Г.В. Плеханова и Н. И. Бухарина с их большими работами на эту тему. Плеханов в своей работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» подчеркивал, что исходным положением исторического материализма является развитие материальных производительных сил как единственная причина исторического развития. И потому такой взгляд на историю он назвал монистическим (от греческого слова *μονος-единый*)⁶.

Бухарин в книге «Теория исторического материализма», раскрывая суть исторического материализма, писал: «Человечество ведет борьбу с природой посредством орудий труда. Орудия труда дали возможность подняться над всем животным миром и вести борьбу с природой в форме организованной производственной деятельности. Активное воздействие человека на природу посредством орудий труда составляет материальный способ производства человеческого общества. В процессе производства между людьми устанавливаются определенные отношения, без которых производственный процесс невозможен. Эти отношения называются

⁶ Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. СПб., 1895.

производственными отношениями, а их совокупность – экономической структурой общества... Изменение базиса обуславливает соответствующее изменение политических, юридических и идеологических отношений человеческого общества, которые по отношению к базису являются производными, надстройкой»⁷.

В сравнительно недалеком прошлом теория общественно-экономической формации в контексте прогрессивности развития общественно-исторического процесса в целом нашла отражение в советской политэкономии. «Исторический процесс в XX столетии как и стремительно расширяющееся современное историческое знание – и то, и другое служит исчерпывающим подтверждением историко-материалистической концепции общественно-экономической формации, концепции развития общества как последовательной смены прогрессивных эпох функционирования его социально-экономических структур, каждая из которых, как на свой фундамент, опирается на данный, исторически определенный общественный способ производства», – пишет один из крупных советских политэкономов Я.А. Кронрод⁸. В его разработке формационной концепции на основе исторического материализма необходимо выделить два важных ракурса.

Первый. Четкая постановка критериев прогрессивности той или иной формации. В постановке этой проблемы Кронрод в основном исходит из традиционного марксистского положения о том, что материальный критерий прогрессивности общественно-исторического развития человечества заключается в степени развития производительных сил человечества, производительности его общественного труда⁹.

Содержание этого процесса он связывает как с ускоренным развитием материально-технического фактора, который «состоит в том, что процесс производства все более объективизируется (усложнение средств производства, возникновение и господство научной технологии и т.д.)», так и с прогрессивным развитием личностного факто-

⁷ Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. 7-е изд. М.-Л., 1929.

⁸ Кронрод Я.А. Производительные силы и общественная собственность. С. 47.

⁹ Маркс рассматривал «развитие производительных сил человечества, т.е. богатства человеческой природы, как самоцель» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 402. Ленин выделял «уровень общественной производительности труда как показатель прогрессивности общественно-экономических формаций» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43).

ра производства. «Великий исторический процесс субъективизации объективизируемого процесса общественного производства состоит в том, что как исходный и управляющий элемент этого процесса все большую роль получает многогранно, разносторонне развивающаяся личность человека, его интеллектуальные творческие потенции, развитие научных основ его производственной деятельности... и в силу именно этой необходимости его развитие как члена гражданского общества¹⁰». Подчеркивается неизбежность прогрессивных сдвигов в самом гражданском обществе, которое должно соответствовать «степени многогранности развития личности... Три взаимосвязанных объективных отношения: степень развития производительных сил и производительности труда, характер адекватных им производственных отношений, степень многогранности и свободы функционирования работника-личности – есть в единстве критерий прогрессивности каждой данной формации»¹¹.

Исходя из этих критериев, Кронрод ставит вопрос о возможной типологии формаций на основе форм собственности. «Если создание типологии производительных сил, образующих материальный фундамент каждого данного способа производства, еще дело в значительной степени будущего, то типология форм собственности на средства производства и другие отношения производства в значительной мере создана (хотя, как уже говорилось, она требует дальнейшего развития и обогащения). Во всяком случае, очевидно, что историко-материалистическая разработка формации необходимо должна отправляться от исследования единства этих двух типологий – производительных сил и отношений собственности – и только на их основе может развиваться типология формаций»¹². В качестве важного фактора формационного развития, исторической эволюции формаций выделяется «идея материальной их преемственности и перехода одного способа производства в другой, одной общественно-экономической формации в другую. Ни один новый способ производства, ни формация в целом не складывается вне материальной зависимости от форм, кото-

¹⁰ Кронрод Я.А. Производительные силы и общественная собственность. С. 55. Утверждается, в частности, что якобы Маркс пересмотрел (к началу 80-х годов) свое монистическое понимание труда, трудовых отношений как конституирующей материальной основы базисных социальных отношений, что будто бы наряду с трудом в такой роли он стал рассматривать и «личные формы связи индивидов». Конечно, личные формы связи могут не обладать трудовым содержанием. Они шире последнего. Но в этом случае они не могут представлять социально-экономических отношений и соответственно не могут образовывать базис социальных отношений в целом. По той простой причине, что какая бы ни была форма человеческого общения (социальности), она не может существовать вне материального воспроизводства жизни, т.е. соответственно вне трудовой социально-экономической формы социальности, которая и определяет все иные ее формы. (Там же. С. 23).

¹¹ Там же. С. 23, 55.

¹² Там же. С. 59.

рые они призваны сменить... Общественно-экономическая формация, совершая историческую эволюцию вместе со способом производства и под определяющим воздействием эволюции этого последнего... опирается на всю совокупность исторических ступеней развития способа производства как на свой базис»¹³.

Второй. Необходимость преодоления схематизма в понимании формационного развития человечества. Выделяя эти общие критерии прогрессивности в развитии формаций, Кронрод не соотносит их с той схемой формационной структуры, которая была предложена традиционным марксизмом в рамках евроцентристского мировосприятия. Он четко ставит вопрос о необходимости «вписывания» формаций в своеобразие культурных миров, прежде всего Запада и Востока. «За время, истекшее после создания Марксом теории общественно-экономической формации, громадные успехи археологии и древней истории дали новые богатейшие материалы об оставшихся практически неизвестными или почти неизвестными целых тысячелетиях... Особенно значительную роль играет преодоление *европоцентризма*, превращение всех областей исторического знания из европейских во всемирные, охват историей развития народов Запада и Востока»¹⁴.

Кронрод подчеркивает, что «громадное обогащение знаний, детализация картины исторического прогресса, раскрытие его противоречий, зигзагов, регрессов, открытие цивилизаций, безвозвратно погибших, накопление громадной массы факторов и сочетание этих факторов в историческом движении и т.д. — все это поставило сложные проблемы перед методологией исторического синтеза, перед теорией формаций»¹⁵. Развитие теории формаций Кронрод видит в двух аспектах «вертикальном» и «горизонтальном»:

«Во-первых, громадное раздвижение сферы и временных рамок знаний, появление куда более богатой картины исторического процесса, чем какие-нибудь 50–100 лет тому назад, настоятельно требуют совершенствования сложившихся конкретных представлений о формациях. Не исключено, что настало время от пяти–шестичленной цепи формаций (доклассовое общество, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, коммунистическое) перейти к созданию более богатой цепи.

¹³ Там же.

¹⁴ Кронрод Я.А. Производительные силы и общественная собственность. С. 52.

¹⁵ Там же.

Во-вторых, по-видимому, вероятно не только «вертикальное» обогащение синтетической картины формации (как цепи последовательно сменяющихся прогрессивных эпох-способов производства и отвечающих им общественных форм), но и «горизонтальное» развитие картины каждой данной исторически определенной формации — раскрытие ее типичных видов и подвидов»¹⁶.

Из всего вышесказанного можно сделать однозначный вывод о том, что формационная концепция исторического развития человечества пытается найти пути их связи с другими неэкономическими факторами бытия рода людского. Но какими и как — этот вопрос остается открытым и выступает в качестве научной задачи, обращенной к новому поколению обществоведов.

Культурно-историческая школа в XX столетии тоже обрела второе дыхание. В этой школе история человечества рассматривается в плане существования и взаимодействия больших и устойчивых во времени (долгоживущих) особых духовных суперорганизмов. Эти обособленные структуры назывались по-разному: «культуры», «общества», «миры» и, наконец, «цивилизации»¹⁷. Европейское общество здесь рассматривается как одно из таких суперорганизмов в числе других, которые были порождены тысячелетиями эволюции человечества. Отвержение моноцентрического взгляда на историю и *евроцентризм* — ключевой момент этой школы. Однако парадокс обществоведческой мысли состоит в том, что этот широко распространенный термин как раз и был рожден европейцами для того, чтобы выделиться как особая «элитарная часть» мирового сообщества.

Сам термин «цивилизация» родился в куртуазной Франции в эпоху Просвещения. Это слово-символ означало манеры и стиль жизни людей, отличающихся вежливостью, рационализмом, религиозной терпимостью, где эталоном были Вольтер с его сарказмами и вся плеяда энциклопедистов. Вскоре это понятие (в своем первоначаль-

¹⁶ Там же.

¹⁷ В 60–70-е годы XX в. получила широкое распространение так называемая феноменологическая социология, которая рассматривает общество как явление, созданное и постоянно воссоздаваемое в духовном взаимодействии индивидов. Сторонники этого направления, обвиняя натурализм и позитивизм в отчуждении, овеществлении социальных явлений, стремились осмыслить общество в его духовном бытии. В этом отношении характерно творчество австрийского философа и социолога А. Шюца, исследовавшего социальные реалии в плане «наук о духе» и «понимающей социологии» В. Дильтея и М. Вебера, а также структурного функционализма Т. Парсонса.

ном значении – некоего изыска) было утрачено или, скорее, дополнено другим, связанным с чувством некоторого превосходства белого человека-европейца. Оно было связано с другими реалиями. В процессе колониальной экспансии европейцы, столкнувшись с населением Африки и Азии, выявили, что уровень производства и организации ниже их собственного. Долгое время термин «цивилизированный» был характеристикой «бремени белых» в смысле исключительности их поведения и образа жизни, диктовавших высокомерное отношение к другим народам-дикарям, варварам.

Переосмысленное подобным образом это понятие затем вошло в научную и социологическую литературу, обретя соответствующую систему аргументации, доказательств, материалов. Но при этом сохранялся основной его смысл: *цивилизированные – это лучшие, имеющие более высокие технические и социальные организации жизни*. Подобные толкования смысла термина «цивилизация» восходят еще к Л. Моргану. Именно он связывал понятие «цивилизация» с уровнем социально-экономического развития общества, «с повышением продуктивности хозяйства», дальнейшим разделением труда, социальным расслоением, развитием ремесла и торговли (появлением купцов и денег), образованием городов, монументальным строительством, с письменностью. У Энгельса цивилизация предстает частной характеристикой формации: товарное производство, торговля, деньги, классы и государство. И поэтому в своем логическом завершении западное общество рассматривают как вершину и чуть ли не как заключительный этап мировой истории, т.е. по сути дела обосновывают евроцентристскую ветвь понимания исторического развития¹⁸. Но именно евроцентризм полностью отвергается цивилизационной школой.

Основные черты цивилизационной школы четко сформулированы в конце XX в. одним из отечественных историков В.С. Ерасовым:

«а) из множества исторических явлений можно выделить цивилизации как крупные социокультурные системы, реально функционирующие и имеющие собственные крупномасштабные

¹⁸ В современной литературе термин «цивилизация» также рассматривают в таком технизированном варианте, называя формации цивилизациями. Выделяются следующие цивилизации: неолитическая (включая мезолит), раннерабовладельческая (бронзовый век), античная (железный век), раннефеодальная, индустриальная, постиндустриальная. См.: Яковец Ю.В. История цивилизаций. М., 1997.; Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: Теория, диалог, будущее. В 2-х т. М., 2006.

закономерности, не присущие ни государствам, ни нациям или социальным группам. Эти закономерности в той или иной степени воздействуют на функционирование остальных компонентов исторической системы, включая как материальную культуру, так и духовную жизнь;

б) цивилизация имеет свою структуру, в которой вступают в определенное соотношение ценностно-смысловые и институциональные компоненты;

в) каждая цивилизация существует отдельно и самобитна. Смертность цивилизации проявляется в различии содержания духовной жизни, структур и исторических судеб;

г) хотя число цивилизаций, выделяемых разными авторами, не совпадает, оно невелико: списки Данилевского—Шпенглера—Тойнби не превышают 30, включая погибшие и «сателлитные». Еще меньше число универсальных цивилизаций, сохраняющих свою жизнь в современной истории;

д) большинство теоретиков признают, что каждая из культурных суперсистем основана на какой-то исходной предпосылке, первичном символе или конечной ценности, которые формируются в ходе развития цивилизации и придают смысл, эстетическую или стилевую согласованность и единство остальным компонентам и элементам;

е) цивилизациям присуща своя динамика, охватывающая длительные исторические периоды, в которых они проходят через различные циклы, флуктуации, фазы генезиса—роста—созревания—увядания—упадка—распада;

ж) взаимодействие между цивилизациями основано на принципе самоопределения, хотя оно может ускорить или замедлить, облегчить или задержать, обеднить или обогатить развитие. В ходе взаимодействия каждая цивилизация выборочно воспринимает подходящие для нее элементы, не нарушающие ее индивидуальности¹⁹.

В рамках этого мировосприятия таких крупных представителей рассматриваемого направления, как А. Тойнби, уже выделялись экономические факторы в их влиянии на жизнь цивилизаций. Они не отвергали громадных заслуг марксизма и исторического материализма в выявлении закономерностей экономического развития, но *отрицали несколько прямолинейное* ее

¹⁹ Ерасов В.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М., 1990. С. 33.

понимание роли экономических отношений в общественном развитии. Сторонники цивилизационной школы второй половины XX в. (Ф. Бродель, С. Хантингтон и др.) уделяли очень большое внимание экономическому фактору в жизни цивилизаций, но ставили его в связь с духовными и идеологическими факторами разных обществ. Были выделены артефакты наряду с ментифактами и социофактами.

Артефакты – это социально-экономические отношения, но включающие в себя связь с некоторыми целеполагающими началами – материальными потребностями, обусловленными религиозно-духовными началами цивилизаций. «Цивилизации создают связи, т.е. порядок, между тысячами благ культуры, фактически разношерстных, на первый взгляд чуждых друг другу, – от тех, что связаны с духовной жизнью и разумом, до предметов и орудий труда повседневной жизни», – утверждал Бродель, подчеркивая при этом²⁰, что производя материальные блага, каждый человек находится в языке определенной культуры и цивилизации, «постепенно бессознательно становясь пленником этих языков перед лицом своей повседневной чашки риса или своего ежедневного куска хлеба... Короче говоря, вплоть до самых глубинных слоев материальной жизни устанавливается нарочито усложненный порядок, в котором участвуют подсознание, склонности, неосознанное давление со стороны... обществ, цивилизаций»²¹.

Но этот «усложненный порядок» материальной жизни не исключает внутренних закономерностей развития экономических отношений каждого данного общества. Поэтому социально-экономические отношения (материальная культура или артефакты в терминологии цивилизационной школы) проявляют черты сходства в разных цивилизациях. Их сходство обнаруживается как по производительным силам (способам воздействия человека на природу); так и по производственным отношениям (характеру собственности, формам взаимоотношения людей по поводу средств производства и продуктов труда), а также по их влиянию на политическую организацию общества. Эволюция человечества – это прежде всего история жизни и взаимоотношений крупных цивилизаций, которые обладают большой устойчивостью к фактору времени, в рамках которых существовало бесчисленное

²⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII в. В 3 т. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 595.

²¹ Там же. Т. 1. С. 356.

количество политических структур и государств разных типов, разных способов производства и, возможно, формаций. В процессе своей эволюции каждая большая цивилизация проходит несколько циклов жизни, включающих в себя и стадию взлета, подъема, и стадию надлома, где экономические отношения, наиболее полно представленные в разных способах производства, играли большую роль.

Но какова роль рыночных связей и денежных отношений в способах производства разных формаций в их цивилизационном облике? Этот вопрос требует особого анализа. Необходимо выяснить трактовку рыночных отношений в рамках этих двух мировоззренческих направлений, учитывая наметившуюся тенденцию их сближения в понимании взаимосвязи материальных и духовных начал в истории человечества.

2.2. Новые подходы к постижению сущности рыночных связей: от их трактовки как стороны способа производства в рамках формационной школы к цивилизационной парадигме исследования

Все школы политэкономии рассматривали рыночные связи как эмпирическую данность, связанную с общественным разделением труда, обменом результатами деятельности разрозненных самостоятельных производителей, основанных на частной собственности при посредстве денег. Методология этой работы требует более глубокого анализа этой реальности в рамках формационной и цивилизационной школ истории на основе тех их новых разработок, которые сложились в них к концу XX столетия, где осмысливаются реалии рыночных связей, связанные и с новыми экономическими реалиями (существование товарного хозяйства в условиях общенародной собственности), и с новым осмыслением влияния материального фактора на духовное развитие человечества, включая появление монетаризма как социальной религии конца XX – начала XXI столетия.

Начнем с *формационной школы*. В рамках марксизма XIX и начала XX вв. вопрос о сущности рыночных связей в такой широкой трактовке не рассматривался. Точнее, он не выходил за рамки традиционного политэкономического рассмотрения. К банальным прописным истинам относится широко распространенное понимание рыночных связей товарного хозяйства как способа производства, при котором люди, участвующие в производстве

всего необходимого для человеческой жизни, связаны друг с другом через рынок, а продукты их труда превращаются в товары. Товарное хозяйство отличается от натурального, при котором люди производят не для продажи, а непосредственно для собственного потребления. При простом производстве экономика основывается на самостоятельных мелких производителях (крестьянах в деревне, ремесленниках в городе). И та, и другая форма товарного хозяйства основываются на частной собственности, разница состоит в том, что во второй форме товаром становятся не только продукты производства, но и рабочая сила.

Хотя в процессе исторического развития возникла новая реальность — товарное производство в условиях общенародной собственности (советский опыт), она не была осмыслена марксистами XX в. Напомним, что не говоря уже о Марксе и Энгельсе, Гильфердинг, Бауэр, Реннер ограничивали сферу политэкономии законами капиталистического общества и, по сути дела, отрицали возможность существования рыночных отношений «при социализме», тем самым сняв необходимость их анализа в более широком плане. Формационная концепция исторического развития, представленная официальной советской политэкономией, признавала за рыночными связями «права гражданства» тоже только для капиталистической формации и отрицала их роль в развитии способов производства, не связанных с частной собственностью. Нами этот вопрос рассматривался выше (см. параграф 1.7). Здесь только напомним, что все теоретики-марксисты того времени исходили в их трактовке скорее из идеологических соображений, нежели из выявления тех реалий, которые сложились в советской экономике. Ведущие советские политэкономы, не признававшие возможности существования товарного производства в условиях общенародной собственности, тоже не поднимали этого вопроса.

Эта тема получила свою разработку только в фундаментальных работах Я.А. Кронрода²², где она рассматривалась в контексте экономических связей как важной характеристики способа производства той или иной формации (капиталистической или социалистической). Кронрод четко ставит вопрос о том, что производственные отношения любого способа производства как материальной основы формации имеют внутреннюю субординацию,

²² Кронрод Я.А. Производительные силы и общественная собственность. Гл. III.

где особо выделяется такая категория, как экономические связи, и где рыночные отношения как раз и образуют одну из этих форм. А теперь подробнее об этой концепции. Производственные отношения есть отношения между людьми, но всегда отношения по поводу вещей и протекающие с помощью вещей («вещь» здесь понимается в общефилософском смысле – как объект), т.е. отношения средств производства, рабочих сил) и результатов производства – общественного продукта. И в этом смысле всякое отношение людей по производству – их взаимодействие (разделение и кооперация труда), обмен деятельностью и т.д. – есть форма связи между ними. Однако, когда выделяется категория экономических связей, наряду с экономическими отношениями имеется в виду особое экономическое явление, особая форма осуществления экономических процессов, неразрывная с экономическими отношениями, но не совпадающая с этими последними. *Экономические связи и экономические отношения соотносятся друг с другом именно как форма и содержание.* Отношения реализуются через связи; связи служат формой осуществления, функционирования отношений.

Содержание производственных отношений, т.е. самую глубинную сущность, ядро способа производства, образуют исторически определенная *форма собственности* на факторы производства (отвечающая исторически данному уровню и характеру развития производительных сил) и объективно вытекающий из этой формы собственности характер присвоения результатов производства. И потому именно отношения собственности определяют глубинный сущностный признак способа производства и закон его движения (основной экономической закон). «Но форма собственности реализуется по самой природе, прежде всего в характере *субъектов* – носителей ее отношений, в том, какие и как агенты производства выступают носителями этих отношений. Следовательно, исходное отношение, в котором реализуется собственность, есть отношение социально-экономической структуры, т.е. структуры той общности людей, которые выступают как носители отношений собственности, – общественные группы, классы, общенародная ассоциация»²³. Отношения собственности находят свое выражение в экономических институтах, которые объективизируют функционирование субъектов-носителей собственности как таковых, т.е. являются той конкретной фактической формой,

²³ Там же. С. 87.

через которую участвуют в отношениях производства его носители, например предприятия, корпорации, профсоюзы и т.д. Функционирование экономических отношений в определенной их структуре (социальных групп, институтов) всегда приобретает определенную форму в виде экономического обмена вещей и есть экономическая связь.

Соответственно, категорию «экономическая связь» можно было бы определить как совокупность тех материальных экономических форм, в которых протекает движение всех факторов общественного производства и его результатов, т.е. средств производства, рабочей силы и продукта производства, их распределений между сферами и звеньями общественного разделения и отдельными его участниками²⁴. Иными словами, это те экономические формы обмена факторами и результатами производства между его агентами, в которых и осуществляются экономические отношения. История породила две такие формы, опосредующие их движение *in natural*: прямое – опыт плановой экономики, и косвенное – опосредованное стоимостным обменом эквивалентов или, что то же, рыночные отношения. Для капитализма такой «была стихийно-товарная форма, предполагающая стихийный тип движения и косвенную (т.е. товарную) связь как господствующую, всеобщую, и конкуренцию как экономический механизм²⁵.

Анализируя уровень развития производительных сил в условиях общенародной собственности, Кронрод приходит к выводу, что непосредственно-общественный труд, объединенный общенародной собственностью, в этих исторических условиях существует как социально-неоднородный, он характеризуется неравенством всех частей, его образующих²⁶. А это означает наличие внутренне-противоречия всеобщего общественного труда к труду особенно-му. Объективной экономической формой его разрешения являются производство и *обмен продуктов труда на эквивалентной основе*. Причем эквивалентный обмен между предприятиями не может осуществляться в часах рабочего времени, так как в каждом звене общественного производства оно представляет собой разные комбинации социально-различных видов труда и поэтому каждый продукт производства есть овеществление этих социально-раз-

²⁴ Там же. С. 92.

²⁵ Там же.

²⁶ Кронрод Я.А. Деньги в социалистическом обществе. М., 1960. С. 154.

личных видов труда. Разрешением данного противоречия служат приравнивание продуктов труда как товаров, связанное с механизмом выражения заключенного в них особенного труда, *и их обмен по стоимости, что и составляет сущность рыночных отношений.*

Цивилизационная школа с ее отказом от евроцентризма определила несколько иной вектор анализа сущности рыночных связей и денежных отношений. Первые социологи цивилизационной (культурно-исторической) школы не занимались непосредственно проблемами рыночных связей и денежных отношений. Эти проблемы стали объектом глубокого исследования французского историка и социолога Фернана Броделя, одного из последних (в смысле приближенности к нашему времени) представителей цивилизационной школы. Его фундаментальный трехтомный труд «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» был переведен на русский язык и издан в Москве в 1986–1992 гг. Труд, над которым Бродель работал более 30 лет, используя космический по объему исторический материал, на разных языках, уникален. К сожалению, ряд его наиболее существенных постановок не введен в отечественную научную мысль. Книга используется фрагментарно, и многие важные положения, касающиеся социально-экономического и цивилизационного развития мира, включая рыночно-денежные отношения, выпали из поля зрения наших обществоведов. Причина такого невосприятия многих положений этого выдающегося мыслителя в том, что отечественная мысль сложилась под влиянием классической политэкономии (будь то либерально-капиталистический или марксистско-ленинский ее варианты).

Что принципиально нового в понимание природы рыночных связей и денежных отношений вносит Бродель как представитель цивилизационной школы? Многое, хотя некоторые его изыскания можно рассматривать скорее в качестве научных постановок – «информации к размышлению» и дальнейшему анализу в предлагаемом им аспекте исследования этой сферы экономики (О «россыпи» научных находок, содержащихся в его многотомном труде по сравнительно частным вопросам рыночных связей и денег, мы в данном случае не говорим, хотя будем их использовать в дальнейшей работе).

Можно выделить четыре крупных постановки методологического плана, которые позволяют подойти к выявлению загадочной

сущности рыночных связей, базирующихся на тысячелетиях их развития в цивилизационных структурах мира. Они преодолевают эвристическую ограниченность толкования в рамках всех школ политэкономии, основанных на тех их формах, которые сложились на Западе на определенном витке истории, и умозрительных внеисторических упрощенных схемах, их дополняющих. К ним надо отнести:

1. Творческое осмысление сущности общественного разделения труда в сфере материального производства, содержащееся в классической политэкономии, дополненное выделением особых пространственных их форм, связанных с месторазвитием материального производства в отдельных цивилизационных анклавах человечества.

Бродель по сути дела реанимирует самое глубокое политэкономическое положение Маркса о том, что рыночные отношения – это те формы общественного разделения труда, которые образуют связь разрозненных видов общественного разделения труда в сфере *материального* производства. Именно это положение ушло из поля зрения экономистов середины XX в., отождествлявших разделение труда в сфере материального производства с разнообразными видами деятельности, возникшими в современных обществах, включая неимоверно выросшую сферу услуг.

Полемизируя с экономистами середины XX в., отрицающими главенствующую роль сферы материального производства в общественном разделении труда, Бродель писал: «Маркс, Адам Смит не открывали разделения труда. Они всего лишь возвели в ранг общей теории старинное представление, уже ощущавшееся интуитивно... Платоном, Аристотелем, Ксенофонтом и задолго до Адама Смита отмечавшееся Уильямом Петти и многими другими экономистами. Но после Адама Смита экономисты сочли, что имеют в лице разделения труда своего рода закон всемирного тяготения, столь же солидный, как и Ньютонов. Жан Батист Сэ одним из первых выступил против такого пристрастия, и с того времени разделение труда стало, пожалуй, понятным, вышедшим из моды. Не случайно Дюркгейм утверждал, что оно лишь производный и вторичный феномен... который происходит на поверхности общественной жизни, и это особенно верно, добавлял он, в отношении разделения экономического труда. Оно поверхностно». Бродель ему, возражает: «Так ли это достоверно?.. Расширение сектора услуг так называемого третичного сектора – первостепенное явление нашего времени, зависит от разделения труда в экономике и находится в центре социально-экономических теорий. Точно так же и разрушение и восстановление социальных структур, которые сопровождают экономический рост,

ибо последний не только увеличивает разделение труда, он обновляет его исходные данные, устраняя прежние задачи и предлагая незнакомые»²⁷.

Бродель уделяет большое внимание пространственному (территориальному) разделению труда, сложившемуся еще в глубокой древности. «Маркс не предвидел, что международное разделение труда как форма выражения социально-экономической интеграции конкретизируется в виде (пространственной) модели развития и отсталости, которая противопоставит два лагеря человечества – имущих и неимущих (have и have-not), разделенных еще более радикальной пропастью, нежели та, что разделяет буржуазию и пролетариат развитых капиталистических стран», – пишет известный французский социолог 70-х годов Пол Суизи²⁸. Бродель добавляет: «И, тем не менее, речь здесь идет не о каком-то “новом” разделении, но о раннем очень древнем и, вне сомнения, неизлечимом. Она существовала задолго до Марксовой эпохи». А это обусловило определенную иерархичность рыночных пространств по отношению друг к другу.

2. Преодоление упрощенного толкования материальных потребностей человечества как вынужденной необходимости, обусловленной развитием производства (марксизм) или выступающей как некая социальная данность (все школы маржинализма). Включение в анализ религиозно-духовного фактора и его влияния на особенности формирования всей системы материальных потребностей объясняет специфику формирования материального производства, а в его рамках и рыночных отношений разных цивилизаций.

3. Выделение особых исторических форм рыночных связей: малых товарных миров, миров-экономик, национального рынка и мирового рынка. При этом национальные рынки, возникшие в Западной Европе в рамках крупных государственных структур, являются одной из поздних форм существования рыночных отношений, возникших на базе европейского мира-экономики. В концепции Броделя капиталистическое рыночное хозяйство рассматривается не как высшая его форма, а как его антагонист.

4. Четкое выделение обусловленности различных форм денег пространственными формами рыночных отношений, что позволи-

²⁷ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 611.

²⁸ Sweezy Paul M. Capitalisme moderne. 1976. P. 149.

ло выявить внутреннюю взаимосвязь товарных, металлических и кредитных денег. В рамках этой постановки появилась возможность понять одну важную закономерность, объясняющую внедрение драгоценных металлов (золота и серебра) в денежные системы миров-экономик. Бродель показывает, что их истоки надо искать в международной торговле предметами роскоши еще в древних цивилизациях, которые впоследствии стали использовать предметы роскоши для коммерческих сделок и оборота более широкого круга товаров.

5. Обоснование природы временных ритмов в развитии рыночных связей разных цивилизаций. Бродель дает наиболее полную картину рыночной экономики капиталистического Запада с ее взлетами и падениями в рамках сформулированной (но не решенной) им проблемы о «вековых циклах» общественно-экономической жизни этой цивилизации, наряду с анализом тех кризисных явлений, которые в ней происходят, начиная с 1972–1974 гг. Он вносит некоторую ясность в особенности формирования европейских денежных систем, глубинные причины финансовых потрясений в денежных системах Запада в XVIII в., а также проясняет роль золотого стандарта в поддержании их стабильности в XIX – начале XX вв.

В целом Бродель создал принципиально новую методологию анализа рыночных связей и денег, в которой используются многие положения марксизма, но при этом открываются новые горизонты в понимании сущности рыночных связей, которые уходят своими корнями в тысячелетия цивилизационной истории человечества. В цивилизационной школе поставлен вопрос о месторазвитии каждой данной цивилизации на планете Земля и об особенностях материального производства, ей присущих, а, следовательно, и рыночных связей, а также о временной размерности в жизни этих больших разрозненных анклавов в истории человечества. Эти факторы в историческом материализме даже не поднимались, а их игнорирование не позволяет понять, почему в разных разрозненных анклавах планеты возникли те или иные экономические отношения и формационные структуры.

Дальнейший анализ сущности рыночных связей и денег будет производиться на основе методологических разработок, сформулированных Броделем. Начнем с анализа системы потребностей человечества как «детей Божьих», так как в отличие от марксизма,

который утверждает, что человечество выделилось из животного мира планеты благодаря Разуму в процессе в борьбы за существование, Бродель как христианский мыслитель убежден, что это отличие связано с духовной ипостасью человека. Этот духовный фактор присутствовал даже в проблеме, которая издревле стояла перед родом людским – борьбой за физическое выживание и «хлеб насущный».

Глава 3

МАТЕРИАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНО-ДУХОВНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ В КОСМИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА КАК «ДЕТЕЙ БОЖЬИХ» В ИХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ МНОГООБРАЗИИ

Начало жизни любой социальной группы обусловлено характером потребностей людей – материальных и духовных. «Природа человека не только мирская. Она богомирская. Религиозно-духовное творчество всегда являлось неотъемлемой стороной жизни людей как “детей Божьих”». Религиозное творчество уходит в глубь тысячелетий и свидетельствует о том, что все рациональные и деятельные формы познания мира всегда сопровождались верой человека в существование особых Тайных сил, которые были опорой в его практической жизни и служили ему. «Христос восстановил утерянную родословную человека, его право на божественное происхождение и божественное назначение» – отмечал Н.А. Бердяев. Этот тезис следует дополнить мыслями В.И. Вернадского (материалиста) и Тейяра де Шардена (католика), что человек – это вершина эволюции, направленной в будущее, «аристократия Вселенной» (С.Л. Франк), где духовная ипостась должна быть определяющей в развитии человека. «Функция человечества – помогать человеческому духу освободиться, осуществлять свои устремления, помогать человеку... становиться тем, что он есть», – писал Р. Груссе (эзотерист). История развития человечества выявляет эту закономерность, хотя и в противоречивой форме, так как тысячелетиями идет его борьба за физическое выживание на планете Земля.

3.1. В борьбе за физическое выживание: «хлеб насущный» в судьбе человечества

Земля как «наше древнее обиталище» была открыта человеком давно – мир был освоен людьми на протяжении тысячелетий, но *анклавно*, изолированно друг от друга. Тонет во мгле сотен тысячелетий небольшой по своей численности род *homo sapiens*, «приручивший» огонь¹ и постепенно расселявшийся на плане-

¹ Получаемая извне энергия (прежде всего тепловая энергия солнца, огня) является необходимым условием существования человека. Недаром

те, отчаянно борясь за свое физическое существование и осваивая, кроме пещер, полей, лесов, оазисы и нагорные плоскогорья. Возникшая физиологическая природа человека, которая ассоциируется с современным его обликом – результат длительной эволюции, реализовавшейся в виде смены бесчисленной чреды поколений. Протяженность времени, в течение которого сложился этот физиологический тип человека, превышает наше воображение. Вместе с тем Вернадский уверен, что «мы, без сомнения, встретим в этом прошлом более 10 000 последовательных поколений, от отца к сыну вида *homo sapiens*, которые по существу своему не отличаются от нас ни своим характером, ни своей внешностью, ни полетом мысли, ни силой чувств, ни интенсивностью душевной жизни»². Но для того чтобы человек мог существовать, ему надо удовлетворять свои материальные потребности, надо просто выжить на планете, на которой он появился как особый вид биосферы, а затем антропосферы Земли. Можно ли применительно к этому этапу развития *homo sapiens* говорить о человечестве как некоем единстве? Вероятно, нельзя, так как общим был только тот факт, что человек, выделившийся из животного мира, явился порождением биосферы планеты Земля. Необходим был этап интеграции *homo sapiens*, исчисляемый тысячами и связанный с увеличением численности рода людского, образованием расово-этнических ветвей и освоением территорий планеты. В результате этого появился тот социологический феномен, который можно назвать *человечеством*.

Самая настоятельная из потребностей в этом выживании – потребность в *пище в течение тысячелетий оказывалась наименее обеспеченной в своем удовлетворении*. На протяжении тысячелетий *голод* был постоянным спутником народов³. Он был значим для всех народов и цивилизаций «как если бы все чело-

считается, что с овладения огнем начинается история рода человеческого. И поэтому виды энергии, которыми владели люди в разных цивилизациях, во многом определяли многие материальные потребности.

² Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М., 1977. С. 232.

³ Борьба за физическое выживание и удовлетворение насущных, прежде всего физиологических потребностей людей для их существования во всех иных формах бытия – эта самоочевидная реальность повлияла на характер направленности обществоведческой мысли. Этим объясняются корни возникновения самых разнообразных школ материалистической направленности и засилье экономического детерминизма в истории, философии, социологии, экономике, в том числе связанных с пониманием сущности рыночных связей и денег в удовлетворении материальных потребностей людей.

вещество подчинялось велению некой первичной космической судьбы, по сравнению с которой вся остальная его история была истиной второстепенной. Природа тысячелетиями господствовала над человеком, принадлежал ли он к малым культурам или к большим цивилизациям, регулируя численность населения планеты, используя в этих целях два рычага “старого биологического порядка” – голод и эпидемии»⁴. Голод, а точнее, его преодоление и физическое выживание – вот та космическая судьба рода людского, которая в течение его существования довела над ним. Не случайно переход от какой-либо культуры к цивилизации, от низкой плотности населения к сравнительно высокой (или наоборот) был связан со знаменательными изменениями в питании. В основе всегда был «хлеб насущный». Через всю историю проходит противоположность между двумя группами человечества: редкими потребителями мяса и бесчисленными потребителями хлеба, каш, вареных корне- и клубнеплодов⁵. Отношение к мясу (его отрицание народами ряда древних цивилизаций) и скоромным продуктам (*молоко, сыр, масло и яйца*) и характер их потребления для широких масс населения были *достаточно умеренными*, так как они формировались под влиянием не только материальных возможностей их удовлетворения, но и религиозных норм. Именно «хлеб насущный» в виде разного рода растительных продуктов был материальной основой развития человечества как вида. Земледельческая революция VIII–VII вв. до н.э. была рубежным событием в эволюции человечества. В то время род людской «свое питание освободил от стихийной зависимости от живой окружающей природы, тогда как все другие организованные существа в этом отношении являются ее бессильными придатками»⁶.

Первой стадией земледельческой революции было мотыжное земледелие. Причем земледельческая революция совершалась не только в нескольких избранных очагах вроде Ближнего Востока. Ей нужно было распространиться по многим ареалам земли. Перемещение ее осуществлялось далеко не разом, хотя вдоль одного и того же бесконечного пути, но с интервалами в столетия с подъемами

⁴ Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. С. 270.

⁵ Здесь нами не рассматриваются формы удовлетворения потребностей ни доисторического человека, ни тех примитивных обществ, которые связаны с охотой, собирательством. Речь идет о формах материальных потребностей и продуктах, их удовлетворяющих, в цивилизационных структурах мира.

⁶ Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. С. 299.

и провалами. На примере мотыжного земледелия можно проследить, как оно формировало весь другой круг *насушенных* материальных потребностей людей в разных частях света, их образ жизни. «Эти потребности довольно однородны с точки зрения комплекса имущества, растений, животных, орудий, привычек. настолько однородны, что можно заранее сказать, почти без риска впасть в ошибку, что дом мотыжного крестьянина, где бы он не находился, будет прямоугольным в плане и одноэтажным; что этот крестьянин умеет изготавливать глубокую керамику; что он пользуется примитивным ручным станком; приготовляет и потребляет бродильные (но неалкогольные) напитки и разводит мелких домашних животных – коз, овец, свиней, кур, собак, а иногда и пчел (но никакого крупного скота). Свое питание этот крестьянин получает из привычного растительного мира, который его окружает: банан, хлебное дерево, масличная пальма, тыква, горлянка, таро, иньян⁷». При этом труд крестьянина с мотыгой, по оценке специалистов, был более производительным, нежели труд земледельцев в густонаселенных цивилизациях, потому что он исключает наличие общества с плотным населением. Эффективности такой примитивной технологии земледелия благоприятствовали не почва или климат, а безграничность имеющихся в их распоряжении залежей, а также общественные формы, образующие трудноразрываемую сеть привычек и обычаев.

Следующий этап – это уже поливное земледелие как материальная основа всех древних цивилизаций. Характерно, что именно *растительная пища сопутствовала цивилизационной стадии эволюции человечества, являясь основой питания и роста численности населения.*

Именно земледельческая революция стояла у истоков возникновения цивилизационной структуры мира. Первые древние цивилизации (Египетская; Шумеро-аккадская; Мinoйская; Индская; Древнекитайская), появившиеся в конце IV – начале III вв. до н.э., своим материальным базисом имели высокую культуру земледелия. Но при этом каждая цивилизация выделяла ту культуру, которая в наибольшей степени соответствовала ее природным условиям и климату.

Пшеница была долгое время основой питания большинства населения Египетской, Персидской, частично Индийской цивилизаций. Затем колониальные завоевания дали возможность ввести ее в рацион питания некоторых слоев населения Западной цивилизации. В конце XVII в. пшеница пересекла Атлантический океан и попала в Новый Свет. Она вначале обосновалась в испанской Америке, а потом завоевала английские колонии Северной Америки, в XIX в. – Аргентину, Южную Африку, Австралию, прерии Канады и на Среднем Западе. Рис был и остался основой земледельческой культуры дальневосточ-

⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 500.

ных цивилизаций – Китайской, Японской и частично Индийской. *Кукуруза (маис)* и *картофель* в прошлом образовывали материальный базис пищевого рациона Инкской и Майя-ацтекской цивилизаций, а в Новое время они перекочевали в Европу.

В процессе интеграции человечества, какими бы средствами она не происходила, пищевые рационы цивилизаций пополнялись теми питательными злаками, овощами и плодами, которые ранее не использовались. Этот процесс интенсифицировался после открытия Америки. Именно тогда, в середине II в. растения Старого Света – рис, пшеница, сахарный тростник, кофейное дерево достигли Нового Света. И наоборот, американские аборигены – кукуруза, картофель, фасоль, томаты, маниока, табак достигли Европы. Однако везде они натыкались на враждебность традиций питания. Должны были пройти столетия, прежде чем они вошли в рацион питания сначала беднейших слоев населения, а затем и других социальных страт. Характерна в этом отношении судьба кукурузы и картофеля.

Зерна кукурузы Колумб привез в Испанию после первого своего возвращения из Нового Света еще в 1419 г. Однако только через двести лет (в XVIII в.) она заняла крупные площади в Испании, Италии, Южной Франции. Китайская и Японская цивилизации не приняли кукурузу в свой пищевой рацион, используя ее только на корм скоту.

Распространение картофеля в Европе тоже заняло длительное время, хотя угроза постоянного голода для широких слоев населения, особенно в северной части Европы, а также непрерывные европейские войны, опустошавшие зерновые поля, но оставлявшие в целости клубни картофеля, должны были ускорить введение в пищевой рацион этой культуры (тем более, что один и тот же клочок земли, который давал хлеб для одного человека, будучи засеян картофелем, способен был прокормить двоих). И все же прошло более столетия, прежде чем эта новая культура укоренилась в Швеции, Германии и Ирландии.

Сахарный тростник (сахар) также не сразу завоевал себе место в пищевом рационе народов мира. Будучи родиной сахарного тростника, Индия знала сахар как лекарственное средство, так же как Иран примерно в VIII в. н.э.

Китай (Южный) начал употребление в пищу сахара около VIII в. (он был ввезен из Индии и быстро акклиматизировался близ Кантона). Однако Северный Китай не будет знать этой роскоши до конца XVIII в. Европа познакомилась с сахарным тростником через крестоносцев, которые в конце XIII в. (1291 г.) после потери Сирии увезли с собой сахарный тростник. Поэтому он появился сначала на Сицилии,

затем на Кипре, во владениях Венеции. Однако потребление сахара в Европе началось после того, как появились плантации сахарного тростника сначала на северо-востоке Бразилии, затем на Мартинике, Ямайке, Сан-Доминго и на других Антильских островах. Первой освоила этот продукт Англия. И поэтому в начале XIX в. она будет потреблять сахара в 15 раз больше, чем столетием раньше. Но при этом целые районы Европы еще долгие годы не будут знать вкуса сахара, и он войдет в пищевой рацион, когда начнется возделывание сахарной свеклы и получение из нее сахара в твердом состоянии.

В Новой истории именно Западная Европа первой из всех цивилизаций начала вырываться из этой страшной зависимости от угрозы голода⁸. Но все же и для Европы именно «хлеб насущный» оставался главным спасителем в физическом выживании широких слоев населения.

Для большинства людей доля мяса, рыбы, молочных продуктов всегда была ограниченной, а иногда и вовсе сводилась к призрачной величине в рационе питания широких слоев населения. «Есть – это значило потреблять хлеб и снова хлеб (или каши), – писал Бродель». Эта тройца – зерно, мука, хлеб – заполняет историю Европы. Она была предметом заботы городов, государств, купцов, людей, для которых жить означало есть свой хлеб. В переписке того времени хлеб, поглощающий все мысли, неизменно оставался фигурой первого плана... При всякой тревоге мелкий люд из числа потребителей, те, кто страдал, не стеснялся прибегать к насилию... С XV по XVIII в. можно обнаружить тысячи таких бунтов. Кстати, именно так началась Французская революция⁹. Торжество хлеба проистекало из того, что при равной калорийности зерно (а также спирт из зерна) было относительно недорогой пищей. Около 1780 г. оно стоило в 11 раз дешевле мяса, речной, втрое дешевле соленой рыбы, шестеро дешевле яиц, втрое дешевле животного и растительного масла.

Расширение потребностей широких масс населения западных стран и создание «общества массового потребления» У. Ростоу

⁸ Тема общих тенденций физического выживания человечества даже после промышленной революции нашла свое отражение в ряде политэкономических школ. Т. Мальтус в книге «Опыт о принципе народонаселения» (1798 г.) полагал, что количество земли ограничено и ее производительность может расти в лучшем случае в арифметической прогрессии, тогда как население увеличивается в геометрической прогрессии, так что рост населения опережает увеличение предложения продуктов питания. Вследствие этого большинство людей обречено на жизнь в бедности и нищете, с войнами, эпидемиями и голодом, которые замедляют рост населения.

⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М., 1986. С. 160.

относит к середине XX в. Что касается населения многих других ареалов Земли, то для них проблема голода остается еще не устраненной реальностью (речь идет как минимум о трети человечества)¹⁰.

Говоря о голоде и борьбе за физическое выживание и постоянной нехватке пищевых продуктов для широких масс населения земли, становится понятной еще одна реальность, которая характерна для современного человечества и угрожает его вырождению. С нарастанием или по меньшей мере с сохранением весьма серьезных продовольственных затруднений человечество возымело нужду в *компенсаторных средствах*, которые «притупляют чувство голода, снимают боль и придают силы».

Так появляются в жизни людей некие заменители пищи. К ним надо отнести табак и *возбуждающие средства* – листья коки, опиум и наркотики. Последние получили распространение от Индии до Индонезии, вдоль одного из главных направлений экспансии ислама. В этом же ряду надо рассматривать *табак* (пришельца из Нового Света), который уже в XVI–XVII вв. овладел всем миром и всеми слоями населения. Его нюхали, курили и жевали. Табак не имел за собой «цивилизационной ауры», подобной той, которую имели перец (Индия), чай (Китай), кофе (страны ислама), шоколад (мезоамериканские цивилизации). Он пришел в цивилизационные миры из быта туземцев Кубы.

А теперь эти возбуждающие средства внедрились в повседневный быт населения развитых стран с высоким жизненным уровнем, имеют другую природу, связанную с «обезоухотворенностью» жизни, но опираются на древнюю родословную, где борьба с голодом была тяжелой судьбой бесчисленного поколения землян.

В современной литературе не без основания отмечается, что строго говоря, человечество в принципе уже решило проблему своего выживания тем, что создало в наше время генетически модифицированные продукты питания.

Генетически модифицированные продукты питания дают твердую надежду, что 9 млрд землян в 2050 г. могут получить достаточно

¹⁰ Во время мирового экономического кризиса, начавшегося в 2007 г., проблема массового голода выступала как грозная реальность для ряда стран Африки (Зимбабве, Гамбии, Ганы, Мавритании и Свазиленда) ввиду их сильной зависимости от импорта и низкого уровня доходов. Она сохранилась и по сей день.

пищи для выживания и воспроизводства. При этом полагают, что площади обрабатываемых земель значительно (вдвое) сократятся. Генетически модифицированный рис, укрепленный бета-каротином, может спасти 100 млн детей, страдающих сегодня от недостатка витаминов. Биотехнология поможет преодолеть болезни растений, оскудение почвы, поражение бактериями и вирусами. Однако неизвестно, каким образом изменение генетики многих привычных для человека продуктов питания отразится на физиологии человека. Не ясно, каким образом биотехнологическая революция отразится не только на физиологии новых поколений человечества, но и на экологической среде планеты в рамках не преодоленных антагонистических форм политической, социально-экономической жизни мирового сообщества.

Вопрос о «хлебе насущном», т.е. о характере питания человечества в современной и социологической и философской литературе рассматривается еще в одном ключе – необходимости ухода от традиционно сложившихся форм питания, которые связаны с его животной родословной.

Они касаются необходимости изменения структуры питания людей как условия их становления как «детей Божьих», которое позволит оторваться от их животной природы с ее кровавыми законами. Трагедия человека заключается в том, что он существует как бы внутри живой массы низшего существа и вся его деятельность направлена на служение чисто вегетативным функциям слепого, студнеобразного организма. Можно считать, что в наше время углублен вечный конфликт между человеком и человеческим агрегатом, его физиологией человека как *гетеротрофного* существа. Представители не только религиозной, но и естественно-научной ветви русского космизма поставили вопрос о перспективах эволюции человечества, вторгнувшись в область, которая ранее освещалась религией или мистикой, в частности вопросов, касающихся изменения питания человека на *автотрофных* началах.

Н. Федоров сформулировал задачу превратить питание в «сознательно-творческий процесс обращения человеком элементарных, космических веществ в минеральные, потом растительные и, наконец, живые ткани». Э. Циолковский также писал о человеке как о «животном космоса», прямо ассимилирующем в своем питании солнечные лучи и элементарные вещества среды. По сути дела все представители русского космизма утверждали, что человек не может вступить на новый виток эволюции, не изменив своей физической природы. Эволюция человечества как «детей Божьих» возможна только вслед и вместе с его физическим преобразованием, освобожде-

нием от тех природных качеств, которые «заставляют его пожираться, вытесняться, убивать и самому умирать».

Изменение «формулы питания» позволит изменить направленность эволюции человечества. Вернадский видит этот колоссальный поворот в самом общем виде как овладение «непосредственным синтезом пищи, без посредничества организованных существ, когда, пользуясь непосредственным источником энергии Солнца, человек овладевает источником энергии зеленых растений. Его создание освободило бы его (человека – И.М.) от зависимости от другого живого организма. Из существа социально гетеротрофного человек делается существом социально *автотрофным*. Последствия такого явления в механизме биосферы были бы огромны... Человек этим путем не только создал бы новое большое социальное достижение, но ввел бы в механизм биосферы новое большое геологическое явление... В конце концов будущее человека всегда большей частью создается им самим. Создание нового, автотрофного существа даст ему доселе отсутствующие возможности использования его вековых духовных стремлений; оно реально откроет ему путь лучшей жизни»¹¹.

Изменение формы питания, безусловно, изменит систему потребностей человека, так как она переводит в практическую плоскость вопрос о долголетию и бессмертии. Принцип родового триумфа в ущерб отдельной особи, торжествовавший на стадии животной эволюции, если человечество перейдет к автотрофному питанию, станет анахронизмом. Продление человеческой жизни и долголетие должны внести изменения в нравственный климат и социальную организацию общества, поскольку повышают его кумулятивный духовный потенциал. Частая смена поколений – далеко не благо; каждое поколение и каждый человек начинают свое обучение буквально «с нуля», и только в длительном процессе воспитания и образования они должны, по идее, овладеть духовной и нравственной культурой, достигнутой человечеством к их рождению. Естественно, что не все поколения и люди овладевают позитивным духовным опытом прошлого и, более того, под влиянием тех или иных исторических катаклизмов часто избирают в оставленном наследии несовершенные, ложные, вредные элементы.

Однако пока прогнозы и пророчества русских космистов нельзя не рассматривать иначе как в контексте неосуществимого будущего, но оно указывает *религиозный ориентир направленности научной мысли человечества, и в этом их важное эвристическое значение.*

¹¹ Вернадский В.И. Переписка с Б.Л. Личковым. М., 1979. С. 181–182.

3.2. Религия в духовной жизни людей; слово (письменность) и камень (зодчество) в религиозном творчестве

Человечество – это «дети Божьи», а не просто выделившие из животного мира приматы, наделенные Разумом. Религия является потребностью духовной организации человека и человечества, основанной на восприятии тех тайных сил Вселенной, которые недоступны Разуму, рациональному сознанию. Эта мировоззренческая позиция отражена во всей работе. Здесь же рассматривается несколько узловых проблем, которые убеждают в том, что несмотря на тысячелетиями длящуюся борьбу за «хлеб насущный», религиозное творчество было не менее значимой стороной бытия рода людского. Эта насущная необходимость, согласно одной точке зрения, имеющая многих последователей (ее сформулировал Д. Юм), определялась божественным началом. Считалось, что оно распространено по всей Природе, и потому любая вещь могла стать предметом поклонения как имеющая влияние на жизнь человека. Согласно другой точке зрения (ее родоначальником был Ф. Шеллинг), считалось, что человек является на свет с чувством зависимости от существа, более могущественного, чем он. Эта первоначальная интуиция и есть корень всех существующих религиозных форм. Новая наука нейротеология выдвигает гипотезу о том, что в мозгу есть структуры, отвечающие за религиозность. Религия и духовность как бы встроены в человека. Недавно была выдвинута версия, что в человеке найдена ДНК Бога¹².

В бесчисленном множестве форм религиозного творчества, которые присущи духовной жизни людей, выделяют две их группы: мистическое религиозное сознание как сознание, связанное с таинственными началами Вселенной, и сознание подлинно религиозное, с верой в Бытие Божье и сотворенное Богом *бытие тварное*. Однако путь к подлинно религиозному сознанию был долгим. Первый вид религиозного творчества, корни которого уходят в глубь тысячелетий, Л. Тихомиров назвал «языческой

¹² Об этом сообщил директор Национального института генных структур и борьбы с раком Дин Хаммер. При этом ученый утверждает, что его исследования не подрывают веры в Бога. Напротив, существование «гена веры в Бога» еще раз доказывает гениальность Творца, который встроил этот ген в организм человека. Очень близкие к этой постановке мысли содержатся в трудах академика Н. Бехтеревой, долгие годы возглавлявшей Институт мозга человека РАН).

эпохой», имеющей за плечами многие тысячелетия духовных поисков человечества. К этим формам духовного творчества следует отнести тероморфическое религиозное сознание, основанное на обожествлении тех или иных животных или разных явлений природы, или личности, обладающей необыкновенными свойствами и всеми совершенствами. К ним примыкают астральные религии (поклонение Небу, Солнцу, Луне, звездам и силам, за ними стоящим) и вообще все естественные религии, которые имели строго регламентированную обрядово-культовую сторону, включающую магию (воздействие на внешний мир с помощью амулетов, заклинаний, жертвоприношений). Конкретная специфика языческих культов определялась своеобразием фауны и флоры разных географических районов планеты. В этих первоначальных формах религиозного творчества особо выделяется *анимизм* (от лат. *anima* – душа), верования, при которых весь окружающий мир воспринимался не только как заселенный телесными материальными существами, но и особыми сверхъестественными существами, то скрытыми внутри и связанными с этими вещами (души), то оторвавшимися от всякого телесного носителя. Термин анимизм был введен английским философом Эд. Тейлором, который полагал (так же, как Г. Спенсер), что именно анимизм был первоначальной формой религии. Следы анимизма нашли свое отражение сначала в иудаизме, а затем в христианстве и исламе¹³.

В данной связи нас не интересуют формы религиозного творчества, важен сам факт его существования. «Общеизвестно выражение: религиозное чувство. Это выражение неправильное: религиозного чувства вообще не существует, а существует необозримый мир религиозных чувств и переживаний, бесконечно разнообразных, часто контрастирующих между собой, различных по своему эмоциональному содержанию и по объекту своей направленности, и по силе, и по тону», – полагал Д. Андреев¹⁴.

¹³ Речь идет об ангелах (греч. – вестниках) – особых сверхъестественных существах, служащих посредниками между богом и людьми. Представление о них сложилось на почве анимизма, веры в духов и демонов. В иудаизме представление о этих духах развилось и оформилось под влиянием ассири-вавилонской и персидской религий. В связи с постепенным возвышением культа Яхве (Иеговы) и поглощением им народных культов, эти духи в иудаизме превратились одни – в подчиненных Яхве существ, в его слуг, посланцев, другие – в существа, ему враждебные, в злых духов, демонов. Эти представления об ангелах были заимствованы христианами, а через них мусульманами.

¹⁴ Андреев Д. Собрание сочинений. Т. 2. Роза Мира. М., 1995. С. 57.

Л. Тихомиров, проанализировавший историю с религиозной точки зрения и показавший развитие и истоки разных религиозных течений, их взаимосвязь и преемственность, которые то исчезают, то появляются вновь, высказал парадоксальную мысль, говоря, что, по сути дела, нет неверующих людей. «Человек может не верить в Бога, но должен понимать, что это неверие не имеет никаких доказательств: это не результат какого-либо знания, а просто атеистическая вера»¹⁵.

В любой религии есть главное утверждение, что род людской находится под воздействием Высших сил мироздания. Это отношение к Инобытию охватывает все виды религиозного сознания (пантеизм, теизм, монотеизм, деизм, разные эзотерические и гносеологические верования). Тема их запечатлена в мировых религиях. В отличие от физических и биологических организмов, отношения индивида и среды регулируются механизмом символов – языком, ценностями, нормативностью.

Отражая реальную сложность жизненных ситуаций, любая религия вносит иерархию в эту систему ценностей посредством формирования духовных потребностей людей, а в высшем варианте – *трансцендентного* уровня конечных ориентаций для всех социальных групп. Обычно выделяются три группы ценностей по уровню их духовной значимости: высокие общечеловеческие цели (предстающие как воплощение добра, истины, красоты, справедливости, порядка, богатства в противоположность злу, лжи, безобразию, хаосу, нищете); ценности, связанные с предпочтением конкретных ситуаций, поступков, выделяемых из их ряда в повседневной жизни, связанных с нравственными канонами данного мироучения; ценности в деятельности, отвечающие интересам социальной группы, но близкие данному индивиду.

Все религии, определяя конечные цели человеческого бытия и создавая *поле напряженности между мирскими и трансцендентными началами*, вместе с тем не исключали многообразной развитой материальной и светской культуры, когда в нее включен теистический элемент. Поэтому сюда относят области магии, высокой этики и наиболее глубокие творения литературы, музыки.

Особенно четко это трансцендентное начало присутствует в мировых монотеистических религиях, имеющих за плечами ты-

¹⁵ Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 17.

сячелетия развития и доживших до наших дней – христианстве, исламе, буддизме. В отличие от локальных верований, мировые религии, реализуя свои интеграционные функции, создавали сферу всеобщих символов, норм и ценностей, вынесенных за пределы всех субкультур, социальных и политических единиц. Более того, выделение трансцендентного характера этих ценностей создавало механизм их интеграции в пространственных и временных измерениях. Это связано с тем, что процесс становления человечества как детей Божьих, уходящий во мглу тысячелетий, всегда протекал как процесс *коллективного религиозного творчества*, основанный на сохранении и критическом осмыслении всех духовных завоеваний бесчисленного числа поколений. Тысячелетия напряженной духовной деятельности многих поколений человечества породили монотеистические представления о Боге в форме внутренней жизни Божества, единого в трех лицах – Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого в христианстве; Брахмана и Кришны в индуизме; единого Божества – Аллаха в исламе и Адибудды в буддизме. Механизм создания религиозно-духовной всеобщности с этим единым духовным началом формируется из ряда звеньев, осуществляя гигантскую сверхзадачу объединения верующих как по социальной горизонтали, так и по межколенной вертикали. Он включает ряд звеньев: во-первых, появление первооснователя учения – Пророка, харизматической личности, взявшей на себя миссию возвещения религиозного учения; во-вторых, фиксацию и систематизацию религиозного учения (сначала в устной, а затем в письменной форме; в-третьих, проведение границы между признанными и непризнанными вариантами; в-четвертых, противопоставление предшествующим, соперничающим, гетерогенным течениям, защиту учения от скепсиса и расколов. Важная сторона консолидации этого духовного мира состоит в поддержке у людей эмоционального чувства веры, не нуждающегося в рациональном обосновании и интеллектуальном осмыслении посредством арсенала изобразительных средств, включая культовые действия, через которые индивид входит в жизнь религиозной общины и растворяется в этом единении (церемонии, праздники, ритуалы, паломничество).

Поэтому любая религия как целостность имеет две стороны – *экзотерическую* (мир) и *эзотерическую* (клир). Экзотеризм всегда обращен исключительно вовне, и поэтому основные догматы религии должны быть доступны всем людям той или иной веры, пронизывают всю их жизнедеятельность, образуя религиозные

установления в жизни людей, включая градостроение, быт, питание. Эти религиозные установления сохраняются в поколениях с помощью *традиций*. Но все традиции и внешние атрибуты религиозной жизни верующих в свою очередь основываются на тех религиозных постулатах, которые формируются эзотерической внутренней стороной каждой религии, которая недоступна по своей сложности большинству. Эзотеризм включает в себя язык символов, понятий, состояний, раскрытых только посвященным, которые прошли этап инициации, чему предшествовал длительный период обучения или даже генетической предрасположенности людей. Эзотеризм определяется внутренней жизнью каждой данной Церкви как главного института любой религии, а также практической повседневной деятельностью ее служителей, включая миссионерство. Эзотеризм предполагает сохранение и передачу религиозных знаний из поколения в поколение на протяжении тысячелетий. При этом история выделила две основные формы сохранения этих духовных Знаний: *слово и камень*.

Слово стояло у истоков всех религий и было связано с появлением проповедников, которые несли людям новые знания о Высших духовных ценностях, которые вначале передавались *изустно*. Люди особой духовной одаренности появляются в период кризисного состояния общества, когда цивилизации распадаются и нарушаются основные взаимосвязи людей, стабильность их существования. Поэтому творческий гений одного человека, как правило, выражает то подспудное, неоформленное «томление души, которое уже существует у многих людей этого общества (особенно не связанных традициями или занимающих привилегированное положение). Иными словами, возникает духовная среда, дающая возможность принятия всего нового, что дается этой *отдельной творческой личностью*. Это волхвы, маги в древних верованиях, пророки в иудаизме, Иисус Христос в христианстве, Магомет в исламе, Будда в буддизме и т.д. Затем появляется слово, запечатленное в *рукописных письменных источниках*, которые сохраняют откровения проповедников, нашедшие свое выражение в *Священных книгах*. В них как бы синтезируется духовный опыт религиозно-одаренных *последователей* пророков.

Священная книга иудаизма Ветхий Завет, заключенный Богом с одним народом (евреями) по своей сути – результат коллективного творчества многих поколений, что явствует из содержания этой книги. Она включает в себя тексты самого различного времени написания, происхождения и содержания: легендарного (Бытие,

Исход и др.), культового (Левит, Второзаконие), исторического (книги Царств, Паралипоменон и др.), обличительного, назидательного, социально-религиозного (Пророки), религиозно-философского (Книга Иова, Экклезиаст и другие), эротического (Песнь песней).

Священная книга христианства – Новый Завет, заключенный Иисусом Христом со всеми народами на условиях духовного служения Богу, включает в себя четыре части: Евангелия (благая весть – греч.), книга Деяний апостолов, Послания Апостольские и Откровение Иоанна Богослова. Эта структура Нового Завета свидетельствует о коллективном акте его созидания. Но особенно заметна эта форма религиозного творчества, если рассмотреть содержание Евангелий, которые делятся на канонические и апокрифические. Каноническими называются четыре евангелия, вошедшие в Библию, в Новый Завет. Они считаются церковью боговдохновенными и приписываются ею ближайшим ученикам Иисуса Христа: Матфею, Марку, Луке и Иоанну. По содержанию и по духу первые три Евангелия дополняют друг друга, поэтому называются синоптиками (от греч. синопсис – совместное обозрение.) Наиболее древними называют Евангелие Марка, написанное в первой половине II в. н.э.; за ними хронологически следуют Евангелия Матфея и Луки, авторы которых почти целиком использовали текст Марка. Евангелие от Иоанна по времени (конец II в.) резко отличается от предыдущих.

В священной книге ислама Коране зафиксировано предвечное, несотворенное «слово Божие» – Откровение. В ней Бог, говорящий от первого лица, продиктовал свое слово пророку Магомету¹⁶. В каноническом тексте Корана исследователи отмечают заметное различие между мекканскими и мединскими сурами. Канонический текст Корана – не изначальное провозвестие «Посланца Аллаха». Оно отредактировано его последователями. Еще большему воздействию времени подвергалось Священное Писание – Сунна. Вероучение Пророка очень скоро после его смерти подверглось чуждым влияниям, пропитавшись ими до такой степени, что только символическое толкование Корана способно было совмещать их с учением «Посланца ислама». Незыблемой оставалась основная догматика ислама, которая устанавливала шесть пунктов веры: вера в Бога, в ангелов, в Священное Писание, в пророков, в воскресение мертвых, во всеобщий суд и его последствия – рай для спасенных и ад для осужденных, вера в предопределение.

Для всех других мировых религий (буддизма, индуизма) характерны те же отношения к Священным Писаниям и Преданиям и их творческая интерпретация. Именно слово продолжает свою

¹⁶ Считается, что Магомет в знаменитом своем видении «восхождения» на небо с Архангелом Гавриилом на волшебном коне Альбаракке прошел семь небес, на которых видел Адама, Иисуса Христа, Иосифа, Эноха, Аарона, Моисея, Авраама. Дальше седьмого неба Архангел Гавриил уже не мог идти, но Магомет один поднялся до самого престола Аллаха и видел на престоле надпись «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет Посланник его».

созидательную роль в процессе толкования Священных Писаний и Преданий во всех мировых религиях. Оно способствует догматизации учений как средства интеллектуального упорядочения тех знаний, которыми обосновывается единство духовных принципов данной религии во времени, поскольку разнородность Священного Писания и Предания дала простор для различных толкований, обусловленных конкретными историческими факторами.

Но наряду со словом в сохранении основных постулатов разных верований и религий большую роль играл камень, а точнее *зодчество*. Именно оно вплоть до XV в. сохраняло духовные завоевания прошлого. Поражает тот неоспоримый факт, что при постоянной борьбе за «хлеб насущный» во всех социальных группах человечества, не говоря о цивилизациях, выделялись большие ресурсы для религиозного строительства. Церкви, «Божьи Дома», мечети, храмы, пагоды, ступы были теми островками связи с Высшими Силами мироздания, где люди в своей повседневной жизни могли прикоснуться к верованиям своих предков. Самые дорогостоящие материалы (камень, мрамор) всегда шли для сооружения «Божьих Домов», храмов. Во всех цивилизациях эта сторона жизни людей превалировала над необходимостью удовлетворения первостепенных материальных нужд общества. Зодчество как форму выражения религиозной мысли и чувства в камне не без основания связывают с процессом отображения мысли человека на бумаге в процессе изобретения письменности.

Подлинный гимн зодчеству как форме выражения религиозного мироощущения человечества создал В. Гюго, сочетая глубокие мысли с художественной формой их выражения, что дало возможность не только рационально, но и эмоционально воспринимать значения каменного письма в духовной жизни человечества.

«Зодчество возникло так же, как и всякая письменность. Сначала это была азбука. Ставили стоймя камень и он был буквой, каждая такая буква была иероглифом, и на каждом иероглифе покоилась группа идей, подобно капители на колонне. Так поступали первые поколения повсюду, одновременно на поверхности всего земного шара. “Стоячий камень” кельтов находят и в азиатской Сибири, и в американских пампасах. Позднее стали складывать целые слова. Водружали камень на камень, соединяли эти гранитные слоги и пытались из нескольких слогов создать слова. Кельтские дольмены и кромлехи, этрусские курганы, иудейские могильные холмы – все это каменные слова. Некоторые из этих сооружений, преимущественно курганы – имена собственные. Иногда, если располагали большим количеством

камней и большим пространством, выводили даже фразу. Исполненное каменное нагромождение Карнака – уже целая формула. Наконец, стали составлять и книги»¹⁷.

О чем говорили эти каменные письма? Они повествовали об истории жизни людей той или иной эпохи.

«С самого сотворения мира и вплоть до XV столетия христианской эры зодчество было великой книгой человечества, основной формулой, выражавшей человека во всех стадиях его развития – как существа физического, так и существа духовного. Когда память первобытных поколений ощутила себя чрезвычайно обремененной, когда груз воспоминаний рода человеческого стал так тяжел и сбивчив, что простое летучее слово рисковало потерять его в пути, тогда эти воспоминания были записаны самым прочным и вместе с тем самым естественным образом. Каждое предание было запечатлено в памятник. Первобытные памятники были простыми каменными глыбами, которых не касалось железо, как говорит Моисей»¹⁸.

Предания порождали символы; все эти символы, в которые веровало человечество, постепенно возрастали в числе, умножались, перекрещиваясь, и все более и более усложнялись, отражались в религиозном зодчестве. Возведение храмов было связано с религиозными мифами и священными символами, записанными иероглифами на каменных своих страницах. Можно считать, что мировые религии западного и восточного миров, оставили после себя каменные сочинения постижения Высшего начала всего Сущего, которые должны запомнить потомки.

Христианство заявило о себе каменным письмом папства, а Восток создал свой духовный мир в каменных письменах. Зодчество Востока завораживает. Полны сказочной красоты и таинственности в странах ислама мечети, медресе, мавзолеи, в Индии – храмовые комплексы и ансамбли.

Не могут не удивлять каменные письма буддизма, который породил множество самых разнообразных культовых сооружений.

Круг символических представлений и основные типы буддийских сооружений – это пещерные храмы, которые представляли собой своеобразный синтез архитектуры, скульптуры и живописи. Особую форму каменного зодчества представляют собой ступы, пещерные храмы и подобные ступам памятники (пагоды, дагобы, су-

¹⁷ Гюго В. Собор Парижской Богоматери. М., 1955. С. 174.

¹⁸ Там же.

бурганы, чортоны, тхаты). Они сооружались в честь легендарных событий жизни Будды и как хранилища священных реликвий. В честь Будды созданы грандиозные святилища и храмовые ансамбли в Индонезии, Камбодже, монастырские комплексы в Индии, Бирме, Непале, ансамбли ламаистских монастырей в Тибете, Монголии, Бурятии и т.д.

Эти темные книги, разобрать которые в силах только посвященному, не могут не входить в духовную культуру человечества III тысячелетия.

«Роду человеческому принадлежат две книги, две летописи, два завещания – зодчество и книгопечатание (слово), библия каменная и библия бумажная. Бесспорно, когда сравниваешь эти две библии, так широко раскрытые в веках, то невольно сожалеешь о неоспоримом величии гранитного письма, об исполинском алфавите, принявшем форму колоннад, пилонов иobelisks, об этом подобии гор, сложенных руками человека, покрывающих все лицо земли и охраняющих прошлое, – от пирамиды до колокольни, от времени Хеопса до даты создания Страсбургского собора. Следует перечитывать прошлое, записанное на этих каменных страницах. Надо неустанно перелистывать эту книгу, созданную зодчеством, и восхищаться ею, но не должно умолять величие здания, воздвигаемого в свою очередь книгопечатанием (словом)»¹⁹.

Действительно, уже в XV в. книгопечатание нанесло сокрушительный удар по господствующей роли зодчества в сохранении и передаче религиозных знаний. Но затем зодчество совсем отступает на второй план, когда возникают *социальные религии*, при которых оно все больше приобретает светский характер, утверждая идеи гуманизма и гражданского общества, народности.

Появление социальных религий – это особый рубеж в духовном развитии человечества, и его выделение ставит вопрос о том, какие эпохальные временные рубежи можно выделить в прошлой истории рода людского. Их два.

Первый рубеж связан с образованием Древних цивилизаций – это IV–III тысячелетия до н.э. Именно с этого цивилизационного периода стала формироваться подлинная история человечества с выделением религиозно-духовной основы как доминирующего начала по сравнению с родовыми, природными, социальными, политическими сторонами. До этого господствовали самые примитивные верования человечества, не оторванного еще от живот-

¹⁹ Там же.

ного мира, небольшого по численности населения, разбросанного по необъятным просторам планеты. Это более обстоятельно будет рассмотрено дальше (см. параграф 5.2).

Второй рубеж – начало I тысячелетия н.э., когда начался двухтысячелетний сакральный цикл духовного развития человечества. Эта временная дата вошла в наше сознание как метаисторическое событие, связанное с явлением Христа для спасения погрязшего в неправедности Рода людского. Воплощение божественного Логоса в лице Иисуса Христа есть свершение раннего обетования. С этого момента история разворачивается как спасение человечества на основе Благой Вести, принесенной в мир Сыном Божьим. Но это рубежная дата не только для западного духовного мира. Она рубежная и для других религиозных миров. Историки пишут о том, что во всех цивилизационных структурах того времени произошли по сути дела религиозные революции (см. подробнее параграф 5.7). В Индии тогда возник индуизм на основе некоего синтеза буддизма (в двух его ветвях – хинаяны и махаяны) с брахманизмом, на Дальнем Востоке некая социальная религия на основе даосизма, конфуцианства и северной ветви буддизма – махаяны²⁰. На ближнем Востоке в VI тысячелетии возникает ислам как некая синкретическая вера, впитавшая в себя некоторые черты иудаизма, христианства и зороастризма. С тех пор, т.е. в течение более двух тысяч лет, вплоть до начала III тысячелетия н.э., человечество в духовном плане существует как расчлененное единство этих четырех миров, несмотря на то, что в каждом из них происходили революционные события: в христианстве – распадение на католическую и православную его ветви, в исламе – на суннитскую и шиитскую его составляющие.

Третий рубеж – это конец XVIII в., образование социальных религий и идеологических доктрин, разрушивших всевластие теистических верований по их влиянию на мировосприятие людей. Их корни уходят в эпоху Просвещения, революционные потрясения Реформации и гуманизм эпохи Возрождения, Декларацию прав человека и гражданина – программный документ Великой французской революции. Место христианства как теистической

²⁰ Эти вопросы рассмотрены в предыдущей работе автора. См.: *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации и судьба России: Опыт метаисторического исследования. В 4 ч. Ч. 1. Религиозные начала цивилизационной структуры человечества и духовные истоки русской цивилизации. М., 2011. Гл. 5.

религии (в католическом или протестантском его варианте) занимает *идеология* как распространенная *общественная психика*. В рамках идеологий появляются социальные религии как духовный суррогат мировосприятия, полностью оторванного от Иности и базирующегося только на осмысливании практики исторической жизни человечества.

С этого временного параметра начинается сосуществование теистических и социальных религий. Причем к концу XX – началу XXI вв. «воинствующий монетаризм» как социальная религия, возникшая в рамках Западной цивилизации, стал определять направленность развития всего мирового сообщества, приведя к глубоким его противоречиям. Именно «воинствующий монетаризм» обуславливает все остальные «болезни» современного человечества, к которым следует отнести растущую нестабильность мира (финансовую, экономическую, политическую); возникновение непреодолимого, прежде всего технологически, разрыва между развитыми странами и остальным миром; угрозу экологической катастрофы; приобретение массовой нищетой застойного характера не только в отдельных странах, но и в целых больших регионах мира. Все эти противоречия ведут к разрушению социальных связей, маргинализации целых обществ, экстремизму и деградации окружающей среды. Не случайно многие современные политологи, социологи и экономисты в той или иной форме возвращаются или интерпретируют идею о смене всей парадигмы развития человечества, основанной на увеличении богатства и усугублении социально-экономического неравенства, переставшей способствовать решению стратегических проблем, стоящих перед мировым сообществом.

Все яснее становятся сущность и вызов космической эры, которые требуют изменения масштабов и глубины Знания человечества о его месте во Вселенной, которое предполагает синтез эмпирического (чувственно-практического), рационального (научного), художественного (искусства) знания и где Вера (в рамках всех религиозных миров) должна занять *целеполагающую* роль. Именно Вера может обуздать самовластие Разума (науки), чтобы он не превратил человечество в сообщество кибергов или не привел к его самоуничтожению. Эта постановка значения религиозного творчества в развитии мирового сообщества XXI в. требует анализа многих социально-экономических и геополитических процессов в их противоречиях. Они будут исследоваться в соответствующих разделах работы. А здесь возникает необходимость выделения

еще одного аспекта религиозной жизни человечества, связанного с его отражением в конкретных формах жизнедеятельности людей с учетом их цивилизационных особенностей.

3.3. Религиозные установления в жизни людей разных цивилизаций: градостроение, быт, питание

Вопросы, которые освещаются в этом параграфе, являются дополнением и развитием темы, которая освещалась выше – роли религии в эволюции человечества как «детей Божьих». Здесь рассмотрение этой темы переносится на более конкретный уровень, который охватывает материальную жизнь людей разных духовных миров. Религиозный фактор активно вторгается в материальную жизнь людей разных цивилизаций. Проследить это «вторжение» в его исторической конкретике не представляется возможным в силу космического по объему материала, который требует обобщения, что под силу только профессиональным историкам. И тем не менее, даже «эскизная» характеристика этого вопроса необходима, потому что, как покажет последующий анализ, различия в материальных потребностях людей разных цивилизаций оказывают существенное влияние на экономическую сторону жизни мирового сообщества и характер рыночных связей и денежных отношений в рамках отдельных цивилизаций.

Во все времена (в «диахронном» плане) и в любой части планеты (в «синхронном» плане) люди питались, строили жилье, одевались потому, что они не могли иначе существовать на этой грешной земле. Но при этом в любое мгновение прошлого и настоящего существовали *альтернативы в производстве вещей (материальных благ)*, которые необходимы для удовлетворения их экономических потребностей. Это определялось культурной или цивилизационной средой, в которой осуществлялся процесс производства. «В самом деле, мы пребываем здесь не просто в сфере вещей, но и в сфере “вещей и слов”, понимая этот последний термин шире его обычного смысла»²¹. Когда мы говорим: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь», слово «хлеб» не просто означает хлеб как вещь, а имеет более широкое значение: «Пища, необходимая для жизни... Перед нами сложное символическое значение и самого предмета, и обозначающего его слова»²², связанное с культурой и цивилиза-

²¹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 356.

²² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., 1994. С. 6.

ционной средой, в которой человек осуществляет свою экономическую деятельность.

Производя материальные блага, каждый человек находится в языке определенной культуры и цивилизации, «постепенно бес-сознательно становясь пленником этих языков перед лицом своей повседневной чашки риса или своего ежедневного куска хлеба... Короче говоря, вплоть до самых глубинных пластов материальной жизни устанавливается нарочито усложненный порядок, в котором участвуют подсознание, склонности, неосознанное давление со стороны... обществ, цивилизаций»²³.

Города, деревни и жилища – это общие условия материальной жизни для людей всех цивилизаций, но в каждой из них именно религиозный фактор оказывал определяющее влияние на их конкретные формы. Важной чертой цивилизационной специфики городов является влияние религиозной доминанты на общий облик города (архитектуру, внутреннюю структуру их площадей и улиц)²⁴. «Черта, общая всем городам и, однако, лежащая в основе глубоких различий в их облике, – это то, что все они суть продукт своих цивилизаций с их религиозной доминантой. У каждого из них был свой прототип», – пишет Бродель, – «нет почти никакой разницы между большинством городов Китая и они довольно схожи, так что чуть ли не довольно увидеть один из них, дабы составить представление обо всех прочих. Кто бы не согласился с этой быстрой, но не лишенной основания оценкой в применении к городам Московской Руси и колониальной Америки, мусульманских стран (Турции или Ирана) и даже, правда, с куда большими колебаниями, Европы?»²⁵.

В этой связи наибольший интерес представляют мусульманские города.

«Обычно это бывали города огромные, расположенные далеко один от другого. Низенькие дома были там так скучены, как зерна в плоде граната. Ислам запрещал (за некоторыми исключениями: в Мекке, ее порте Джидде или в Каире) высокие дома, признак ненавистной ему гордыни. Не имея возможности расти вверх, постройки заполняют проезжую часть улиц, что мусульманское право

²³ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 356.

²⁴ Вопрос о сущности и формах возникновения городов в их связи со светскими и религиозными функциями рассматривал Ф. Бродель. См.: Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 530.

²⁵ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 538–539.

практически не запрещает. Улицы становились улочками, и в случае встречи двух ослов с их вьюками оказывались перекрыты... Всякий мусульманский город был запутанным переплетением плохо ухоженных улочек. В лучшем случае использовался уклон, чтобы дождь и ручьи одни только и занимались очисткой улиц. Но такая запутанная топография предполагала довольно постоянную планировку: в центре Большая мечеть, а вокруг нее – торговые улицы (сук-), склады (ханы- или караван-сарай), а дальше расположенные концентрическими кругами ремесленные ряды в соответствии с традиционным порядком, который всегда учитывал понятие “чистый” и “нечистый”. Таким образом, торговцы благовониями и ладаном, по мнению специалистов канонического права, чистые, ибо посвятили себя священному (товару), – размещались ближе всего к мечети. Возле них – шелкоткацкие мастерские, ювелиры и так далее. Ближе к внешней границе города находились живодеи, кузнецы и ковали, гончары. Кожевники, красильщики, босоногие погонщики ослов, крикливо поносящие своих животных. А затем, у самых ворот, деревенские жители, приходившие продавать мясо, возвышающиеся друг над другом во время императорских торжеств»²⁶.

Религиозная доминанта реализовалась в традиционных особенностях жилища и дома людей разных цивилизаций: именно этим обуславливается стабильность или медленная эволюция в изменении архитектурного стиля жилищ, во всяком случае, до XVIII в. «История проходит через Дом человека, через его частную жизнь, быт... Быт – это обычное протекание жизни в ее реально-практических формах; быт – это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневность поведения... Обращаясь к истории быта, мы различаем в нем глубинные формы, связь которых с... духовным развитием самоочевидна», – пишет Лотман²⁷. И именно они – вещи и предметы быта, еды, одежды вводят нас в повседневную жизнь людей разных цивилизаций, проявляющихся в их манере обитать в тех или иных жилищах, есть, спать, одеваться. Словом, дают ключ к их образу жизни и экономическим интересам. “Дом”, где бы он ни был, обладает устойчивостью во времени и неизменно свидетельствует о медлительности движения цивилизаций и культур, упорно стремящихся сохранить, удержать, повторить...»²⁸. Традиционные черты в убранстве своего жилища на протяжении столетий, характерны для большинства цивилизаций, кроме Западной.

²⁶ Там же. С. 579, 580, 581.

²⁷ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 4, 11.

²⁸ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 287.

Неискоренима тенденция мусульманских домов к замкнутости: там всегда встретишь квадратный зал, в центре которого заполненное водой углубление в виде маленького пруда, окруженное коврами. Простые шатры кочевников из шерсти (с некоторыми вариантами в отношении форм и размеров) проходят без изменения через тысячелетия, так же как и материал, из которого они создавались. Им были войлок, сукно из козьей и верблюжьей шерсти.

«Если отвлечься от отдельных вариаций – фарфора, картин, бронзы, то китайский интерьер может быть отнесен с таким же успехом к XV, как и к XVIII в.»²⁹ Традиционный дом в Индии и Индонезии был в XVI или XVII в. таким же, каким мы можем его видеть еще и сегодня. Это относится и к Китаю, а также к Японии, которая отличалась красотой и чистотой внутреннего убранства даже скромных домов.

«...Все окружающие нас вещи включены не только в практику вообще, но и в общественную практику, становясь как бы сгустками отношений между людьми, и в этой своей функции способны приобретать символический характер... Вещи властно диктуют жесты, стиль поведения и, в конечном итоге, психологическую установку своим обладателям. Вещи навязывают нам манеру поведения, поскольку создают вокруг себя определенный культурный контекст»³⁰. Об этом говорит даже внутреннее убранство домов разных цивилизаций, включая их меблировку.

Все неевропейские цивилизации, кроме китайской, были бедны меблировкой: в *Индии* практически не было ни стульев, ни столов. В странах *ислама* пользовались или низким столиком, или медным подносом, поставленным на деревянную раму. Кроватей не было, их заменяли тюфяки, которые расстилались вечером и сворачивались утром. В убранстве комнат большое место отводилось множеству подушек и восхитительных шерстяных ковров. Ниши в стенах комнат играли роль шкафов (в турецких и иранских (персидских) домах); одежда, ткани и семейные ценности хранились в сундуках и ларцах.

В богатых домах это были сундуки из драгоценного кипариса, эбенового дерева, слоновой кости; ларцы были инкрустированы сверкающими драгоценными камнями. В этот интерьер были вписаны совершенно изумительные предметы быта: драгоценные ткани; витые стаканы; блюдо из золота и серебра; великолепные ложки из горного хрусталя, слоновой кости; кипрский и китайский фарфор; сияющие бриллиантами флаконы с розовой водой; курильницы для благовоний; списки Корана, исполненные порой знаменитыми каллиграфами и украшенные драгоценными камнями; серебряные подсвечники, агатовые чаши. И, конечно же, там было представлено оружие,

²⁹ Там же. С. 306.

³⁰ *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 12.

достойное “Тысячи и одной ночи”, – сабли с клинками из драгоценных булатов в покрытых золотом ножнах, серебряные булавы, шитые золотом седла и, наконец, сотни тигровых шкур и бесчисленные ковры»³¹.

Китай отличало многое от неевропейских цивилизаций. «В самом деле, он представляет исключение со своей обильной изысканной мебелью, со своими драгоценными породами дерева, порой привезенными очень издалека, со своим лаком, своими шкапами, этажерками с хитроумно устроенными полками, высокими и низкими столами, стульями, скамейками и табуретами, со своими кроватями, обычно имевшими полог – примерно так же, как на Западе в прошлом»³². Древний Китай не знал ни стула, ни высокого стола. Здесь все было приспособлено для жизни на уровне земли: низкие столики, подлокотники, циновки на более или менее выступающих и обогреваемых возвышениях (канах), низкорасположенная мебель – этажерки, низкие шкафы и выстроенные в ряд сундуки. (Нынешняя японская мебель соответствует этой архаической китайской обстановке). Эта форма жизни и мебели сохранилась в Китае и в последующем, но она была дополнена другой. Самой заметной оригинальной чертой было употребление стола со стулом, табуретом или скамейкой, что предполагало определенный образ жизни, обуславливая ряд телодвижений, которые противны традициям телодвижения Древнего Китая и многих других азиатских стран. Стул появился в Китае во II или III в. н.э. Он не был «изобретением» Китая. Полагают, что он пришел из Европы через множество стран (Персию, Индию), которые его не приняли, а в Китае он получил название «варварского ложа». Поначалу стул служил почетным сидением для светских или духовных лиц. Затем он вошел в повседневный обиход вместе со столом и в Северном и Южном Китае. В дальнейшем эти два интерьера и два образа жизни ужились. Большая общая комната будет иметь как бы два уровня: на нижнем уровне будет высокий стол, стул, табурет или скамья. На верхнем же уровне – на просторном возвышении, построенном из кирпича и достигающем высоты скамейки, находился кан, обогреваемый внутренними дымоходами, устланный циновками или войлоком, подушками и коврами. Туда попадают только разувшись. Именно на нем спят зимой, не опасаясь холода, принимают гостей, поят их чаем. Тут же располагаются низкий столик, низкие шкафы.

Все продукты питания, кроме «хлеба насущного» во всех цивилизациях подвергаются жесткой религиозной регламентации. Отношение к мясу и скоромным продуктам, характер их потребления в разных цивилизациях (за исключением Западной) неодинаковый, но достаточно умеренный.

³¹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 308.

³² Там же.

За исключением кочевых народов – маньчжуров, монголов, поглощение мяса большими кусками вызывало у народов других цивилизаций не только удивление, но и отвращение. В этом отношении выделялась, конечно, *Индия*, где даже во время жесточайшего голода население по религиозным мотивам не употребляло мясной пищи. В *цивилизациях ислама* (Арабской, Персидской, Османской) наблюдалось умеренное потребление мяса (есть свидетельства о том, что у богатых турок трапеза состояла из хлеба, чеснока, лука, кислого молока, сыра с добавлением небольшого количества вареной баранины). В *Китае* в рационе даже богатых мандаринов преобладала растительная пища, основу которой составляли зерновые продукты; мясо было редкостью, мясного скота не было, хотя использовалась свинина, птица, дичь, мясо некоторых пород собак. Для Европы характерно потребление *мяса* в больших количествах, даже для широких слоев населения в XIII–XV вв., но затем его потребление резко падает. Мясо в виде солонины или вяленого мяса становится праздничной пищей бедных слоев населения, входит в будничные рационы солдат и матросов, а также рабов на колониальных плантациях.

В *Японии* ели только мясо дичи, которую убивали на охоте, зато *рыба* не сходилась со стола населения разных стран этой цивилизации и эта традиция сохранилась до наших дней. В *Европе* рыба употреблялась не только населением стран, расположенных около морей, но практически всеми внутриконтинентальными странами, учитывая, что религиозные установления христианства предписывали большое количество постных дней. В *Китае*, несмотря на речное рыболовство и разведение рыбы, она употреблялась лишь для изготовления соусов и ее потребление было незначительно. В *исламских странах* Персидского залива в постоянный рацион жителей входили высушенные на солнце сардины.

Молоко, сыр, масло и яйца играли разную роль в отдельных цивилизациях.

В *Европе* молоко, сыр и яйца использовались в больших количествах; сливочное масло потребляла Северная Европа; остальные страны использовали оливковое масло или сало (шпик). В *странах ислама и Индии* молоко, сливочное масло и сыр (за исключением яиц) занимали большое место в пищевом рационе; в то же время *Китай* и *Япония* игнорировали потребление молока, сыра, животного масла. (В Китае его использовали, например, только в кулинарных целях. Японский же крестьянин до сих пор не потребляет молочных продуктов, которые кажутся ему нечистыми.)

Цивилизационные миры выявляют жесткие религиозные нормы регулирования такого насущного материального блага, как *вода*.

В *Китае* относились к качеству питьевой воды почти что с религиозным почтением, так как там приписывали воде различные качества в зависимости от ее происхождения. Они различали не только

свойства воды речной, из проточного источника или колодца. Ими выделялись разные качества дождевой воды: китайцы по-разному относились к обычной дождевой воде, считали опасной воду после грозового дождя; рассматривали как благодетельную воду первого весеннего дождя, талую воду из градин или зимнего инея. Воду, собранную в сталактитовых пещерах рассматривали в качестве главного лекарственного средства. В Китае еще в древности заметили опасность загрязненной воды и необходимость кипячения любой подозрительной воды. Поэтому там пили только горячие напитки, а на улицах были даже продавцы кипятка. *В исламских цивилизациях* религиозные установления обуславливали необходимость ежедневных омовений *проточной* водой. Поэтому в Стамбуле было большое число фонтанов и там пили более чистую воду, нежели в Европе, летом продавали снеговую воду за мелкую монету.

Западная цивилизация на этом фоне выглядит самым непристойным образом. Средневековая христианская Европа задыхалась от грязи³³. Роль воды в жизни человека сужается до питьевой, но и она всегда была в «дефиците»: довольствовались любой водой: дождевой, речной, из фонтана, из водоема, из колодца, даже опресненной перегонкой морской водой.

В этом отношении характерна купавшаяся в роскоши Венеция, где колодцы на площадях или во дворах дворцов, как правило, не были выкопаны до уровня пласта пресной воды. Поэтому они представляли собой резервуары, заполненные до половины мелким песком, через который собиралась и фильтровалась дождевая вода, пронизывающим резервуар посередине. Следствием отсутствия дождя в течение многих недель было пересыхание колодцев. Учитывая и малочисленность этих источников, пресную воду ежедневно доставляли в город в барках, приходивших по каналам в Венецию. Так же обстояло дело и в богатых голландских городах, которые располагали тоже резервуарами для дождевой воды, мелкими колодцами и водою каналов сомнительной чистоты. Главным источником снабжения были

³³ Баня причисляется к дьявольским соблазнам, а добровольный отказ от всякого вообще мытья считается частью подвига основателей монашеских орденов, образцом для подражания. В период максимального расцвета христианства средневековые города становятся рассадником грязи и болезней. Вонь от немых тел и нестиранной одежды принято было заглушать духами, о чем свидетельствуют королевские указы дворов Франции и Испании. Франсуа Рабле в своей бессмертной книге «Гаргантюа и Пантагрюэль», являющейся энциклопедией средневековой жизни, на нескольких сотнях страниц дотошно перечисляет мельчайшие детали быта, но баня там упоминается только однажды – в главе, посвященной мечтам об идеальном устройстве общества. Страшная чума середины XIV в. повсеместно воспринималась как наказание за грехи, среди которых числилось и посещение бани.

реки, на которых стоял тот или иной город (для Лондона – это Темза, для Парижа – Сена), и ремесло водоносов. Причем качество воды было ужасающим. Есть свидетельства такого рода, относящиеся к 1771 г.: «В рукаве реки (Сены)... между двумя мостами многие красильщики три раза в неделю выливают свою краску... Изгиб реки... – очаг заразы... Эта речная вода, естественно действовала послабляющее, была, несомненно, «непригодна для иностранцев»; но они могли в нее добавить несколько капель уксуса»³⁴.

В материальных потребностях рода людского, влияющих на его образ жизни, особо следует выделить тонизирующие и спиртные напитки. Каждый из этих напитков был порожден той или иной цивилизацией, но их сумела абсорбировать для своих нужд всеядная Европа.

Безалкогольные напитки. К тонизирующим напиткам относятся чай, кофе, шоколад.

Чай – это напиток, который в современном мире употребляют немало стран и народов, хотя он органически связан с китайской цивилизацией, где его употребление уходит в глубь веков. В южных провинциях он был известен еще до нашей эры, но завоевал весь Китай только в XIII в. Чай имеет свои обряды как всякое растение, символизирующее уважающую себя цивилизацию. Япония полностью восприняла чай как напиток и даже усовершенствовала его производство и потребление, она до сих пор славится своей знаменитой чайной церемонией *чжа-но*. Церемонии настолько усложненной, что, как говорится в одном из мемуаров XVIII в., для того чтобы толком этому искусству научиться, «в этой стране необходим учитель, как нужен учитель в Европе, дабы научиться в совершенстве танцевать, делать реверансы и т.д.».

В самом Китае чайная церемония была доступна только богатым.

Но чай в этих цивилизациях – напиток не только богатых слоев населения. Даже в бедных домах Китая и Японии всегда, в любое время суток есть готовый кипяток для чая. Никакой гость не может быть принят без предложенной ему чашки чая, отмечал в своих заметках один из путешественников, посетивший эти страны в конце XVIII в.

В страны Западной Европы чай попал через *Ост-Индскую* компанию, где европейцы познакомились с этим экзотическим напитком. Однако в Европе чай завоевал лишь небольшую часть континента – Нидерланды и Великобританию.

³⁴ Водопроводы не вошли в быт как источники водоснабжения даже крупных городов. Их было мало, и они не способствовали чистоте питьевой воды, так как были или деревянными – из выдолбленных и состыкованных друг с другом древесных стволов (Северная Италия с XIV в., Вроцлав – с середины XV в.) или даже свинцовыми трубами (Англия в середине XIII в.).

С чаем может соперничать *кофе* – напиток, получивший широкое распространение во многих странах мира в конце XIX – XX в. Кофе пришел, вероятнее всего, из Ирана (Персии) в середине XV в., однако полагают, что родом он из Эфиопии. Кофе вошел в употребление прежде всего в *странах ислама*, где его периодически запрещали и разрешали. В XVIII в. голландская Ост-Индская компания снабжала кофе Персию и мусульманскую часть Индии.

В *Европе* кофе сначала появился в Венеции, затем в Марселе, Париже в самом начале XVII в., а в середине столетия появился в Лондоне. Так же, как чай, его поначалу считали чудодейственным лекарством практически от десятков болезней. Появилась мода на кофе и времяпрепровождение в кафе, где к напитку подавали еще сахаренные фрукты и ликеры. Это касалось не только Парижа, но и многих городов Германии, Италии, Португалии. В середине XVIII в. потребление кофе резко увеличилось, затронув и бедные слои общества. Рабочий люд нашел это питье более экономным, более питательным и вкусным, нежели любое другое. Потребление кофе в Европе могло увеличиться только потому, что Европа организовала производство кофе, исключив монопольную зависимость от кофейных плантаций в окрестностях Мохи (Мокки) в Аравии, используя для его производства свои колониальные владения³⁵.

Слабоалкогольные напитки. В разных регионах планеты ими были разные растения. Для канадских индейцев их давал кленовый сок; мексиканцам – *пульке* из агавы; индейцам Антильских островов и Латинской Америки – маис или маниока; народам Африки – пальмовый сок; китайцам и японцам – клейкий рис; славянам Европейского севера – березовый сок, водные растворы меда.

Многие дошедшие до наших дней слабоалкогольные напитки имеют тысячелетнюю родословную. Это относится прежде всего к *пиву*. Оно было одним из древнейших и распространенных напитков почти всех цивилизациях. В разных вариантах его пили в древних *Вавилоне и Египте, Америке* (пиво из маиса), в *Африке* (просяное пиво). В *Китае* оно известно с конца II тысячелетия. Китайцы применяли в этот напиток ароматические и даже лекарственные ингредиенты. На *Запад* пиво приходит в IV в., а затем незаметно вторгается в повседневную жизнь населения уже во времена Карла Великого. (Его вначале стали варить при монастырях в VIII–IX вв.).

Виноградное вино как напиток неразрывно связано с *европейцами*³⁶. Во многих областях Европы вино входило в число *насуточных*

³⁵ С начала XVIII в. кофейные деревья стали сажать на Яве, на Мартинике, на Ямайке, на Сан-Доминго. В первой трети того же столетия начинается его импорт в Европу.

³⁶ Виноградная лоза могла произрастать на узкой полосе Европейского континента от устья Луары на Атлантическом океане до Крыма и дальше –

потребностей населения. Его потребляли крестьяне – производители местных вин (в Северной Европе вино пили только богатые, остальные довольствовались пивом³⁷). Низкокачественное вино сделалось составной частью питания. Причем цена вина снижалась всякий раз, как хлеб становился слишком дорог, так как оно доставляло дешевые калории. «И подумаем о том, что вино, с калориями ли, без калорий, часто было средством забыться – тем, что еще и сегодня кастильская крестьянка называет “quita-penas”, “забвение забот”, “прочь печаль”. Это красное вино двух веласкеских куманьков (Будапештский музей) или кажущееся еще более драгоценным золотисто-желтое вино голландской живописи – в высоких фужерах и великолепных, цвета морской волны, утолщенных стаканах. Здесь с ним сочетаются, к радости пьющего, вино, табак, доступные девчонки и музыка тех скрипачей, которых ввел в моду именно в XVII в.»³⁸. Начиная с XVI в. возрастает число «пьющих» за счет сравнительной дешевизны вин из грубых сортов лозы (в Венеции в 1598 г. Сенбория даже принимает меры против пьянства в общественных местах). В XVII в. растет пьянство во Франции не только в городах, но и в деревнях, где укоренение питейных заведений означало разорение крестьян. Привилегированные же сословия – буржуа, священники, аристократы уже в XIII–XIV вв. потребляли дорогостоящие привозные вина.

до Грузии и Закавказья. Впоследствии европейцы акклиматизировали виноградную лозу в Мексике, в Перу, в Чили, в Аргентине еще в XVI в., в Калифорнии в конце XVII в. Больших успехов достигло выращивание винограда на островах Атлантики. Первое место здесь занимала Мадейра, Азорские острова, на которых производились вина с высоким содержанием спирта, а также Канарские острова, где производили белое вино.

Страны ислама, находящиеся к югу и востоку от Европы из-за своих религиозных норм противодействовали возвращению виноградной лозы. Но, тем не менее, вино потреблялось и в этих странах. Вино было предметом широко распространенной подпольной торговли. В харчевнях его продавали не только греческим морякам, хотя и самым правочерным. Селим, сын Сулеймана Великолепного, будет особенно любить ликерное кипрское вино. В Персии, где у капуцинов были свои шпалеры и свои вина, которые использовались отнюдь не только при богослужении, местные ширазские и исфаханские вина пользовались прочной репутацией и имели свою клиентуру. Эти вина доходили и до Индии в огромных стеклянных бутылках, оплетенных ивовыми прутьями и изготовлявшихся в самом Исфахане.

³⁷ В XVI–XVII вв. происходил бурный рост городского пивоварения в Германии, в Чехии, в Польше. Оно зачастую принимало промышленные масштабы, оттесняя на второй план легкое, порой приготовленное без хмеля баварское пиво. Пиво было не только напитком бедных, были высшие сорта пива (легкий британский эль), которые экспортировались из Брауншвейга и Бремена до самой Ост-Индии.

³⁸ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 253.

Крепкие алкогольные напитки образуются «выкуриванием» вина, что требует особой аппаратуры – перегонного куба. Полагают, что *Сасанидский Иран* знал перегонный аппарат еще в IX в. (тогда там получали так камфару из камфарного дерева). Еще раньше камфару производили в Китае, и поэтому историки не исключают возможности появления водки в *Китае* около IX в. Но в целом историки делают вывод, что европейские вина и спиртные напитки не покорили Дальний Восток.

В *Европе* алкоголь был открыт в самом начале XII в., и перегонку вина долгое время осуществляли одни аптекари. Водка, результат первой перегонки, а затем винный спирт, полученный после второй, были лекарственными средствами. Долгое время он оставался лекарственным средством против чумы, подагры, потери голоса. В начале XVI в. она уже выходит за эти рамки, так как корпорациям торговцев государи жалуют право гнать водку. Поэтому говорят, что в XVI в. водка создается, в XVII в. обеспечивается ее продвижение, а в XVIII в. происходит ее популяризация.

Нидерланды и другие страны Северной Европы в лице своих купцов и мореплавателей делают винокурение всеобщим явлением для атлантического «фасада» Европы. Потребление спирта начинает расти быстрыми темпами в XVIII в. С этого времени была введена в обиход практика выдачи водки солдатам, так как она подавляет гнилостные заболевания и стимулирует «доброе здоровье войск». В это же время водка входит в пищевой рацион грузчиков, чернорабочих, клиентов народных кабаков.

В XVIII в. называют уже бесчисленное количество настоянных на спирте наливок, а также вод с его добавлением.

В конце XVIII и начале XIX в. в связи с изобретением перегонного куба (изобретатель Эдуард Адан) значительно снижается себестоимость спирта. Это приводит к огромному распространению водки и, как иногда пишут, к «алкогольной революции»³⁹. В этой связи можно согласиться с заключением Броделя, который писал: «В любом случае Европа, пожалуй, добилась *слишком большого успеха в своей*

³⁹ Алкоголь внедрился и в виноделие. Появились сорта вина с высоким содержанием спирта. Винодельческие районы реагировали на возникший спрос на крепкие спиртовые напитки производством коньяка и арманьяка. В Европе водка из вина столкнется с водкой из сидра, который с XVII в. породит кальвадос – грушевый, сливовый, вишневый. Антильский сахар породит ром, который был распространен в Англии, Голландии, в английских колониях Америки. Севернее товарной границы винограда появляются спиртные напитки из зерна – хлебная водка, виски, джин, можжевеловая настойка. Появление водки и спирта породило в конце XVII – начале XVIII в. моду на ароматизированные спиртные напитки, которые назывались ратафии или ликеры, которые с XVII в. являлись украшением стола всех привилегированных классов.

алкогольной революции. В алкоголе она нашла одно из повседневных своих возбуждающих средств, дешевые калории, легкодоступную роскошь с brutальными последствиями. А вскоре и государство, смотрящее на алкоголь настороженно, усмотрит в нем выгоду для себя»⁴⁰.

* * *

В жизни человечества есть еще одна форма потребностей, которая порождена его социальной организацией, отнимающей много материальных и духовных ресурсов – это излишние потребности господствующих классов. Их природа и место в общественной жизни требуют более обстоятельного анализа.

3.4. Социальное проклятие: излишнее (роскошь) вместо необходимого – древнее противоречие экономического бытия человечества

Выявление общих закономерностей образования общественных потребностей в их двуедином единстве (материальных и духовных), включая их цивилизационное разнообразие, необходимо дополнить еще одним фактором – социальным, который всегда порождал и порождает глубокие противоречия в социально-экономических отношениях людей. И в этом смысле его можно рассматривать как социальное проклятие, довлеющее над родом людским.

Тема излишних потребностей (роскоши) в политэкономической литературе не нашла своего отражения. Даже такой серьезный экономист, как И. Валлерстайн, этот вид потребностей рассматривает как несущественный второстепенный, поскольку от них-де можно было бы отказаться, не нанеся какого-либо ущерба обычной жизни народов.

Исключением были те экономисты, которые непосредственно «работали» на формирование государственной политики в области финансов. В далеком прошлом это был А. Монкретьен, в недалеком – С.Ю. Витте. Тема роскоши как зла для нормального развития экономики страны поднимается у государственных деятелей и экономистов в связи с общими рассуждениями о той системе мер, которые должны были способствовать эффективному развитию экономики страны и накоплению драгоценных металлов для международной торговли. Монкретьен в своем «Трактате политической экономии, посвященном королю и королеве», вышедшем в 1615 г. резко высказывается против роскоши: «Роскошь

⁴⁰ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 270.

для государства – чума и роковое разорение»⁴¹. Проблема роскоши в контексте общих условий для развития народного хозяйства нашла свое отражение в ряде работ С.Ю. Витте, в частности в «Конспекте лекций о народном и государственном хозяйстве»⁴². В его постановке этой проблемы важна характеристика роскоши не только как излишних потребностей, обескровливающих экономику страны, не давая возможности реализоваться насущным потребностям, но также как антипода в развитии духовной составляющей общества. «Роскошью признается такое потребление, которое поглощает большое количество человеческого труда, доступно немногим и отказ от которого может быть сделан без ущерба для физического и духовного развития человека»⁴³. В этом же ключе рассматривается эта проблема в трудах Броделя.

Исторический опыт свидетельствует, что для общественной жизни народов поклонение роскоши всегда являлось *злом*. Не случайно государственная власть исстари считала борьбу с роскошью одной из своих задач. Уже древнему Египту были знакомы законы против роскоши. Ликургово законодательство в Древней Спарте, восставая против излишеств всякого рода, было наиболее полным и многосторонним протестом против роскоши. От Древнего Рима через Средние века и вплоть до половины XVIII в. законы против роскоши тянутся почти непрерывной нитью. «Ограничение расходов на женские наряды, на количество блюд за столом, ограничение количества серебряной утвари, числа лошадей, впрягаемых в экипажи в зависимости от звания лиц, вот главные предметы этих законов. Однако исторический опыт (за исключением Спарты) показал, что законы против роскоши мало достигали цели. В настоящее время ни в одном европейском государстве нет законов против роскоши»⁴⁴. И не случайно многие социологи поют гимн роскоши. Монтескье и Вольтер были сторонниками роскоши, высказывая такие мысли: «Если богатые мало тратят, бедные умирают с голоду» (Монтескье). Роскошь «дает людям жить», так как деньги, расточаемые богачами, попадают в руки купцов, работников, производителей. Упоминание о значении роскоши в

⁴¹ Можайскова И.В. Указ. соч. Ч. II. Русский космизм в контексте противоречий мирового развития, обусловленных господством Западной цивилизации. С. 84.

⁴² Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. М., 1997. С. 49.

⁴³ Там же. С. 48.

⁴⁴ Там же. С. 49.

общественной жизни содержится в работах многих других мыслителей эпохи Просвещения, но, скорее, в виде публицистически-хлестких утверждений, нежели научного анализа. «Общество обрело свой порыв не в производстве: великим ускорителем была роскошь», – писал известный французский социолог Марсель Мосс. Для Гастона Башлара «завоевание излишнего дает больший духовный стимул, нежели завоевание необходимого, человек создан желанием, а не потребностью».

Выделение «излишних потребностей» (роскоши) можно рассматривать как общесоциологическую закономерность, присущую роду людскому, связанную с социальной иерархией. Роскошь является фактором, закрепляющим социальную иерархию и дифференциацию общества. «Как вчера, так и сегодня малейшее социальное неравенство выливается в роскошь», – писал Бродель. «Ни одно из обществ современного мира не отказалось еще от традиций и от пользования привилегиями. Чтобы добиться такого отказа, потребовалось бы ниспровергнуть все общественные иерархии, а не только иерархии денежные, не только иерархии государственные, не только социальные привилегии, но также и разнобразную тяжесть прошлого и культуры»⁴⁵.

Каждый человек всегда одновременно член какой-то группы людей, будь-то большая семья, род, племя, государство и т.д. Коллектив всегда представляет собой иерархически организованную структуру, обуславливающую иерархичность членов, в него входящих, с выделением верховной власти, которая может носить или духовно-авторитетный, или авторитарно-силовой характер. И в том, и в другом случае существуют внешние материальные атрибуты выделения этого символа власти.

Это относится в первую очередь к *представителям власти*. Поэтому люди власти всегда были окружены роскошью. Сама роскошная обстановка действует на воображение населения и усиливает престиж власти. Применительно к жилищам власть предержащих проблема роскоши всегда выступала очень наглядно. Это привилегированные роскошные дома, дворцы, замки власть имущих на фоне убогих построек, являвшихся для людей и домашних животных убежищами от влияния внешних климатических условий⁴⁶.

⁴⁵ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 649.

⁴⁶ Во всех цивилизациях строительные материалы в прошлом варьировали мало и поэтому навязывали архитектуре того или иного региона некие вынужденные решения. Ими были тесанный камень, кирпич, дерево и глина.

Камень и мрамор были представлены только в княжеских и императорских резиденциях всех цивилизаций. Это пекинские дворцы, «где бесконечно чередуются террасы, лестницы и балюстрады из белого мрамора, и все постройки возведены на фундаментах из красно-вато-серого мрамора» в рост человека. Крыши с загнутыми краями, покрытые знаменитой лакированной черепицей, опираются на деревянные колонны и на «лес балок, лежней и брусьев из дерева, покрытых лаком с золотыми узорами». В китайской архитектуре такое сочетание мрамора и дерева почти не отмечено, за исключением императорского дворца, города «в себе», города исключительного»⁴⁷.

Это палаццо Венеции, разбогатевшей на морской торговле и все свои богатства вкладывавшей в великолепные архитектурные строения, это громадное количество дворцов в Испании, Франции, замков в Англии, Германии с их огромными залами, мрамором, галереями. Это дворцы и парки дворовых ансамблей имперских столиц (Версальского, Букингемского и др.) и неимоверные расходы на роскошь по содержанию дворцов монархов (будь то Людовики, Тюдоры или Габсбурги). Это возведение архитектурных сооружений дворцового типа и урбанизированных деревень как особой формы роскошного образа жизни привилегированных слоев населения. Такое возвращение к полям было сильной чертой Запада. В XVII в. с общей переменой конъюнктуры оно превратилось в охватившее всех безумие. Дворянская и буржуазная земельная собственность «расползалась» вокруг городов, как масляное пятно. Этот процесс охватил все города Западной Европы – Лондон, Лиссабон, Марсель, Бордо, Милан, Нюрнберг, Кельн, Гамбург, Гаагу и др. «Сборник гравюр, вышедших в свет в 1779 г., дает описание и изображение 84 таких “замков”, в частности дома герцога Оксфордского в Хинтоне, в графстве Норфолк... с его огромными залами, мрамором, галереями. Однако одно из самых прекрасных путешествий в поисках неоклассических вилл XVIII в., – пишет Ф. Бродель в 70-х годах XX столетия, – еще и сегодня (хотя уже становится поздно!) привело бы нас в окрестности Неаполя, вплоть до Торре-дель-Греко, виллы Барра в Сан-Джорджо, Клемано в Портичи, по соседству с Палаццо Реале, Резина в Торре-Аннунциата... Это колонизация городом деревни, очевидная в Европе, существовала

Материалы сменяли друг друга во времени и почти везде сосуществовали друг с другом. В мире существовала иерархия строительных материалов, что отражалось на архитектуре жилищ разных цивилизаций. В сочетании с глиной или сырцовым кирпичом или без такого сочетания, но *дерево* господствовало там, где географические условия благоприятствовали его использованию. Там, где дерева не хватало и оно становилось роскошью, единственным средством служили *земля, глина, солома*. Камень во всех цивилизациях оказывался роскошью, его оставляли для возведения обиталищ богов (храмов), обсерваторий (инкско Куско, города мезоамериканской цивилизации на Юкатане) и резиденции государей (по сути, во всех цивилизациях, начиная с древних).

⁴⁷ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 291.

повсюду»⁴⁸. Ф. Бродель, анализируя динамику развития дома и интерьера в Европе на протяжении XV–XVIII в. в связи с социальными функциями дома у богатых людей, выделяет две такие его черты. Прежде всего его *защитную функцию* по отношению к внешнему миру. «Дом того времени (речь идет о XV в. – И.М.) был реакцией на внешний мир и, подобно укрепленному монастырю, замку, обнесенному стеной городу, огороженному саду, служил защитой от подспудно ощущаемых трудностей материальной жизни»⁴⁹. Вторая черта связана с усилением значения дома в его *роскошной уюта-сти «как средства управления»*, выделяя особый социальный статус его владельца. В экономически богатой Италии, например, эпохи Возрождения формируется совершенно особое обрамление быта княжеских дворов. «...Архитектура и мебель, повторяя в своих фронтонах, карнизах, медальонах и скульптурах одни и те же мотивы и одни и те же монументальные линии, стремятся к пышности, к грандиозности, к подчеркиванию социального статуса. Интерьеры итальянского XV в. с их колоннадами, с их огромными, украшенными резьбой ложами под балдахинами и их монументальными лестницами ...были своего рода парадом, театральным зрелищем, средством управления...»

Перепрыгнем через двести лет. В XVII в. в убранстве дома, скажем, во Франции, в Англии, даже в протестантских Нидерландах жертвуют всем в угоду мнению света, социальной значимости»⁵⁰.

⁴⁸ Перенесение центра тяжести в расходовании своих богатств знали и города ислама – по обоим берегам Босфора – Стамбул и Алжир. И там возникли господские дома, которые строили стамбульские богачи и алжирские рейсы на холмах Алжирского побережья, где сады были «красивейшими в мире».

⁴⁹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 328.

⁵⁰ Там же.

Разительным контрастом с этими тенденциями привилегированных слоев в европейских государствах явилось ужасающее жилищное положение широких слоев населения. Громадная масса рабочего населения городов не имела крыши над головой. Нищета была повсеместной даже в процветающей Италии второй половины XVI в., «жизнь которой была связана с океанским величием и драгоценными металлами Испании. В богатейшей Генуе каждую зиму бездомные бедняки продавали себя на галеры как добровольных каторжников. В Венеции нищие со своими семьями жили на сгнивших лодках у набережных (*fondamenta*) или под мостами на каналах – это были братья китайских ремесленников, без конца передвигавшихся на своих джонках в поисках работы вверх и вниз по рекам, протекавшим через города. Так было в Париже – этой выставки роскоши в эпоху всех Людовиков. В литературе всех жанров говорится о мебелированных комнатах Парижа, которые держали винооторговцы и цирюльники, грязные, полные вшей и клопов. Причем социальное положение обуславливало этаж, на котором обитали квартиросъемщики: чем выше был этаж, тем ниже становилось социальное положение квартиранта. В голландских городах и в самом Амстердаме беднота жила в низких домишках или полуподвалах.

Излишнее в сравнении с возможностью удовлетворения материальных потребностей выступает как социальное зло, поскольку оно разлагающе действует на моральный климат общества. Хотя в догматах разных религий в отношении материальных потребностей человека или «потребностей нужды» должен действовать принцип «ни роскошь, ни нищета», «довольствование разумным минимумом», он не находит своего реального воплощения. Роскошь является выражением *материальных*, а не духовных потребностей людей⁵¹. Они отличаются от необходимых материальных потребностей, которые «ограничены в объеме и ограничены в числе. Они ограничены в объеме в том смысле, что для удовлетворения какой-нибудь потребности достаточно известного количества предметов. Потребность ослабевает по мере того, как она удовлетворяется, и это до предела, когда она удовлетворится вполне... Чем естественнее потребность, чем ближе она к чисто физиологической потребности, тем яснее выступают границы ее удовлетворения; чем искусственнее потребность, тем более растяжимы ее пределы⁵²». Что касается излишних потребностей (роскоши), то тут ограничений нет.

В любом обществе имеет место разный статус его членов с выделением сравнительно небольшого числа привилегированных групп по сравнению с большинством других его членов. Именно желание человека (группы людей) всеми средствами *выделиться из окружающей среды*, в основе которого лежит тщеславие, высокомерие, осуждаемое всеми религиями, рождает стремление к роскоши. «Трудно сказать, какому чувству более удовлетворяет роскошь – чувству ли наслаждения ее предметами или чувству тщеславия. Предметы роскоши служат неким “знаковым указанием на особый статус данной личности или групп” в этом обществе, которые всегда обозначают себя особым способом удовлетворения своих материальных потребностей – в еде, одежде, жилище... Стремление к роскоши, питающее чувство тщеславия, ненасытно. Чем значительнее развита публичная жизнь... тем более роскошь принимает последнее направление. В настоящее время слишком большие траты делаются для того, чтобы дать рос-

⁵¹ Витте подчеркивает неправомерность применения термина «роскошь» к общественным заведениям, обслуживающим духовные и интеллектуальные нужды общества. Речь идет о величественных храмах, музеях, библиотеках, театрах, т.е. дорогих общественных сооружениях, которые способствуют умственному и нравственному воспитанию населения.

⁵² *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 30.

коши наиболее яркое освещение, сделать свидетелями десятки и сотни тысяч людей», – писал Витте⁵³.

Роскошь всегда выступала как идеальная цель в жизни для широких слоев населения. Это – «успех, социальный гипноз, мечта... цель».

Излишнее выступает как социальное зло, поскольку изымает у общества ресурсы, необходимые для удовлетворения насущных материальных потребностей. Характерно, что в Западной цивилизации «образцам» роскоши у господствующих классов положили начало дворы государей, прототипом для которых служил папский двор в Авиньоне. Во имя роскоши обходились даже религиозные запреты. Католическая Испания, «прославившаяся» свой инквизицией и кострами в борьбе с протестантами, тем не менее оплачивала парики серебряной монетой, изготовлявшейся для нее «в сатанинских северных странах»⁵⁴.

Влияние роскоши на расточительное использование ресурсов общества применительно к капитализму глубоко раскрыто одним из самых ярких представителей институционализма Т. Вебленом. Давая резко негативную оценку капитализма в условиях денежной экономики и «праздного класса», он ставит вопрос о формировании чрезмерного потребления. Мотивом деятельности производителей в этих условиях являются не действительные потребности людей, а «демонстрационное и расточительное потребление», которое американский институционалист трактует как «фундаментальный» закон этой цивилизационной структуры, хотя властители мира капитала отличались от прежних господ.

Конкретное содержание излишнего – роскоши всегда имеет цивилизационную окраску. Роскошь в зависимости от эпохи, страны и цивилизации имела множество лиц. Но всякая роскошь устаревает, мода проходит. Тем не менее, роскошь возрождается в новых видах. В сущности, она есть отражение разницы социальных уровней, разрыва, который ничто не может заполнить и который воссоздается любым движением общества. На международной арене роскошь – некий показатель «представительности» данной цивилизации по сравнению с другими обществами.

⁵³ Там же. С. 48.

⁵⁴ Расточительное использование ресурсов для удовлетворения причуд моды характерно и для других цивилизаций. Индокитай и Индонезия поставляли золотой песок, драгоценное сандаловое или розовое дерево или рис в обмен на китайские безделушки – гребни, лаковые коробочки, монеты с примесью свинца.

И поэтому среди привилегированных страт разных обществ существует определенная соревновательность в этом процессе. Роскошь входит как составная часть в борьбу цивилизаций. «Они без конца пытаются выгладеть “шикарно” в глазах друг друга, играют друг перед другом всю ту же комедию роскоши, какую богачи играют перед бедными»⁵⁵.

Питание – это та область материальных потребностей, где тысячелетиями формировалась социальная пропасть между «простым народом», борющимся за «хлеб насущный» и «большой кухней» элитарных слоев населения всех цивилизаций.

Однако именно «большая кухня» и весь антураж, ей сопутствующий, являются наглядным выражением «демонстрационного» и расточительного характера питания высших слоев населения. Роскошью были убранство стола, посуда, столовое серебро, скатерть, салфетки, светильники со свечами, обстановка столовой, не говоря уже о роскоши и убранстве самого зала, предназначенного для трапез, а также о бесчисленном количестве слуг не только на кухне, но и в процессе самой трапезы. Для бедняков любых поколений не доходили все «изыски большой кухни» знати китайской цивилизации, которая сложилась в V в.⁵⁶, мусульманской, возникшей в XI–XII вв., европейской, появившейся в XV в. сначала в Италии, а затем во Франции.

Именно во Франции в XVII–XVIII вв. будут собраны со всей Европы разные драгоценные рецепты, а также утонченные церемонии самих трапез. Эта эстетика гурманства возникла после «грубого обжорства» XV–XVI в., когда главной чертой роскоши, отличающей трапезы богачей, была *расточительность* в потреблении мяса. Но

⁵⁵ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 202.

⁵⁶ «Большая китайская кухня» имеет более древние традиции, нежели европейская. Она мало изменилась в течение тысячелетий со своими правилами, ритуалами, рецептами, в которых учитываются многообразие вкусов и их сочетание с уважением к искусству питания. Причем изыски китайской кухни были вовсе не приемлемы европейцами. В литературе с ссылкой на заметки одного миссионера, побывавшего в Пекине в 1779 г., описывается меню пира, включавшего «ласточкины гнезда, курятину, уток, каракатиц, горькие огурцы Гуандуна». И далее он с удивлением описывает вкусовые пристрастия богатой молодой вдовы, менявшиеся в течении недели. «Сегодня утка, на следующий раз – рыба, другой раз – свежие овощи, бульон из побегов бамбука, еще апельсины, бисквит, кувшинки, жаренные воробьи, соленые креветки и, конечно, вино, вино ста цветов». Для простого люда, не говоря уже об утонченности и разнообразии, даже простая сытость была недоступна, для бедняка иметь средства к существованию означало «иметь горсть риса, чтобы что-то пожевать».

затем признаком роскоши и «хорошего тона», стала страсть к потреблению *редких* блюд, которые стоили баснословных денег. В литературе есть свидетельства того, как богатые лондонцы, чтобы удивить семь или восемь гурманов изысканной трапезой заказывали доставку из Парижа черепахи, из которой приготавливалось блюдо, стоящее (в 1782 г.) тысячу эку. Самые богатые слои населения стали увлекаться снеговой водой, которая была большой роскошью (во Франции вкус к такой воде появился при Генрихе III). После только эту воду стали признавать богатые во многих странах, прилегающих к Средиземному морю. Корабли, груженные льдом, порой совершали довольно продолжительные плавания. Например, мальтийские рыцари заставляли снабжать себя льдом через Неаполь, используя ледниковую воду как лекарство против лихорадки.

Церемония введения чая в рацион питания у богатой части населения Англии сопровождалась не просто привитием вкуса к этому экзотическому напитку, но особой сервировкой стола, которая предполагала введение фарфоровых чайников, чашек. Не случайно говорилось, что Англия будто бы разорена «глупой чайной роскошью».

Шоколад пришел в Испанию в 1520 г. из Мексики и Новой Испании в форме голов и пластин и в начале XVII в. появился во Франции, а в конце того же столетия – в Англии. В конце XVIII в. говорили, что в Париже шоколад «великие пьют иногда, старцы – часто, народ – никогда».

Ни эти пищевые изыски, ни все те блюда, которые образовывали «большую кухню» в Италии или во Франции не могли войти в пищевой рацион простого люда. А между тем «большая кухня» требовала громадных затрат, включая поваров, которые ценились на вес золота (в частности, лангедокские повара в Париже)⁵⁷.

⁵⁷ Действительно, что могло попасть на стол бедняку из числа тех блюд, которые предлагала «большая кухня» Италии или Франции, о которых говорится в кулинарных произведениях того времени?

В одном из них, неоднократно перепечатываемых в Венеции в середине XVII в. перечислялось то, что могло быть на столах богатых людей в городах Италии. Они включали в себя болонские колбасы и сервелаты, моденские тампоне (вид фаршированного окорока), феррарские круглые пироги, *cotognate* (айвовое варенье) реджо, чесночные клецки и сыры, пьаченцы, сиенские марципаны, «мартовские сыры» (*caci margarolini*) Флоренции, «тонкие» сосиски (*luganca sottile*) и рубленое мясо (*tomarelle*) монци, фазаны и каштаны кьявенны, венецианский хлеб, который сам по себе был роскошью, не говоря уже о винах множества сортов.

В 1788 г. был составлен список изделий, принадлежащих «большой кухне» Франции. К ним относились «перегорийские индейки, фаршированные трюфелями»; тулузский печеночный паштет; нейракский паштет из красных куропаток; тулонский паштет из тунца; жаворонки из Пененаса; студень из кабаньих голов из Труа; донбские бекасы; каплуны из Ко; байоннская ветчина; вверзонские вареные языки; кислая капуста по-страсбургски и т.д.

В то же время французский крестьянин зачастую продавал больше, чем «излишек», а главное, он не ел лучшей своей продукции: питался просом или кукурузой и продавал пшеницу; раз в неделю ел солонину, а на рынок нес свою птицу, яйца, козлят, телят, ягнят. «Большая кухня» не имела никакого отношения к питанию большинства населения ни во Франции, ни в Италии, ни в любой стране Европы, так же как и в других цивилизациях. Она никогда не воспроизводилась в образе жизни широких слоев населения, но создавала некий *социальный символ* того, какой может быть пища и как должна осуществляться сама трапеза.

Военные потребности отнести к предметам роскоши можно с большой натяжкой, но рассматривать их как излишние потребности человечества вполне оправданно, так как они ведут к самоуничтожению рода людского. Существование этого вида потребностей древнейшего происхождения имеет генетические корни. По мнению многих антропологов, этнологов, генетиков и психологов, человек по своей природе изначально агрессивен. Эти агрессивно-эгоистические импульсы унаследованы человеком от его животных предков. Отсюда – стремление к уничтожению себе подобных, к войне, которая присутствовала в истории человечества «даже на нулевом уровне». Война – это постоянный, организуемый политической и религиозной властью, конфликт между народами, государствами, цивилизациями и *военные потребности*. Они идут из далекого прошлого от родоплеменных структур во главе с жрецеско-военными вождями. Через милитаристко-государственные структуры цивилизаций, когда военно-хозяйственная иерархия определяла социально-экономическую стратификацию общества (наделение землей за военную службу), военный фактор определяет направленность развития производства, использования ресурсов и в наши дни.

Проблема военного потенциала мирового сообщества – важная характеристика геополитического климата планеты XXI в. в целом.

Безмерное потребление (роскошь) в совокупности с расходом средств на военные нужды в условиях, когда большие массы населения не могут удовлетворить насущные потребности, приводит к социальным революциям и войнам – постоянным спутникам истории человечества, которые к началу третьего тысячелетия приобрели катаклический характер, грозя самоуничтожением роду людскому. Похоже, что современное мировое сообщество подошло к этому безумному порогу, за которым маячит небытие «аристократии вселенной».

* * *

Анализ потребностей человечества в рамках долговременных периодов его эволюции, нашедших свое выражение в образовании цивилизационной структуры на базе мировых религий, позволяет сделать некоторые выводы, важные для постижения тайны рыночных связей и мистической природы денег, не улавливаемые сухими абстрактными схемами экономического детерминизма:

– духовные потребности людей, нашедшие свое выражение в религиозном творчестве, несмотря на тысячелетия борьбы человечества за физическое выживание, составляют неотъемлемую сторону его бытия;

– удовлетворение религиозных потребностей всегда требовало больших затрат (зодчество) и поэтому ограничивало возможности удовлетворения материальных потребностей;

– в качестве стимулов материального производства выступают материальные потребности, «облагороженные» религиозным мироощущением людей разных цивилизаций, выделяя круг потребительских благ, которые попадут затем в рыночный оборот;

– излишние потребности (роскошь) для меньшинства всегда противостояла удовлетворению насущных потребностей большинства в качестве общесоциологической закономерности формирования материальных потребностей.

Это понимание материальных потребностей как стимулов развития производства – необходимое условие выявления тех форм рыночных отношений (и в их рамках денег), которые предшествовали национальным рынкам, сложившимся в Западной Европе в Новое время, ставших объектом исследования многообразных школ политэкономии.

Глава 4

РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ И ДЕНЬГИ В ПРОЦЕССЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«Человечество стало проявлять тенденцию к превращению в единую общность (и оно еще не достигло этого) лишь с конца XV в. До того времени и во все большей и большей степени, по мере того как мы продвигаемся в глубь веков, оно разделялось как бы между разными планетами, каждая из которых давала приют особой цивилизации или особой культуре со своим своеобразием и своим длительным по времени выбором»¹.

Ф. Бродель

4.1. Основные формы пространственного бытия рыночных связей: малые рыночные миры и миры-экономики

Первые формы рыночных связей как одного из условий материальной жизни людей возникли 10–15 тыс. лет тому назад, когда численность человечества составляла 2–3 млн человек, раскинутых анклавно на обитаемой тогда части планеты. Большая часть (насуточных) материальных потребностей удовлетворялась в этих оазисах жизни даже тогда, когда возникли первые цивилизационные структуры и где появились две формы рыночных связей – малые товарные миры и миры-экономики.

Малые товарные миры. Согласно марксистской концепции возникновения рыночных связей, обмен возник еще на родоплеменной стадии развития человечества, в эпоху натурального хозяйства – между замкнутыми общественными группами-племенами, когда был обмен излишками, а основная масса продуктов производилась для собственного потребления. И в этом смысле кажется, что в концепции Ф. Броделя воспроизводится такой взгляд на проблему, что в течение тысячелетий господствовало натураль-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М., 1986. С. 595.

ное хозяйство как основная форма удовлетворения насущных материальных потребностей для большинства человечества и что обмен осуществлялся излишками. Однако в целом вопрос о малых товарных мирах в концепции Броделя несет несколько иную смысловую нагрузку, нежели в марксистской теории, опирающейся на схему развития форм стоимости. Отличие состоит в том, что он рассматривает эти рыночные анклавные на той стадии развития человечества, когда уже произошла знаменитая земледельческая революция и возникли оазисы материальной культуры, включающей в себя довольно обширный круг потребностей. Значит, те формы обмена, которые были до земледельческой революции между племенами, сюда не включаются. В оазисах материальной жизни людей большая часть их насущных потребностей удовлетворялась без включения рыночных связей. Это – нерыночные формы материального производства, связанные прямым обменом благами и услугами, внутрисемейное воспроизводство труда. В тот период эти локальные материальные миры стали частично включаться в рыночные отношения, предполагающие как прямой обмен продуктами труда, так и обмен при помощи денег. Рыночные отношения такого типа обслуживают громадный спектр *насущных* материальных потребностей широких слоев населения во всех цивилизациях.

Малые товарные миры удовлетворяли *насущные* материальные потребности, которые включали в себя продукты питания, связанные с мотыжным земледелием, а также получаемые из привычного растительного мира (хлебное дерево, масличная пальма, тыква, таро и т.д.), разведение мелких домашних животных (коз, овец). Эти потребности включали материальные блага, связанные с умением возводить одноэтажные дома, изготавливать глубокую керамику, грубые ткани при помощи примитивного ручного станка. В рамках этих производственных возможностей и этого круга потребностей возникали с учетом более или менее благоприятных природных и климатических условий излишки этих материальных благ, которые и поступали в рыночный оборот².

² Малые товарные миры сохранились на протяжении всей дальнейшей эволюции человечества, когда возникали исторические катаклизмы и разрушались рыночные системы, основанные на использовании кредитно-металлических форм денег. Малые товарные миры, с выделяемыми ими деньгами-товаром, будут существовать в тысячелетиях вплоть до наших дней при разных пространственных формах рыночных отношений: в рамках и миров-экономики, и национальных рынков, и разных хозяйственных укладов, возникающих в истории под влиянием разных форм – индивидуальной, кооперативной, капиталистической или разными их сочетаниями и вариан-

На той стадии развития материальной культуры человечества, которую исследует Бродель, малые товарные миры оказываются «встроены» в миры-экономики как основную форму рыночных связей на цивилизационном уровне эволюции человечества.

Материальными предпосылками образования мира-экономики являлся процесс территориальной колонизации³. Географические пространства выступают в цивилизационной школе истории в той же функции, что и собственность и производственные отношения в марксизме и либерализме. К ним сводятся все основополагающие характеристики цивилизационных структур, они выступают как главная константа, организующая все остальные стороны существования социума. В этой самой общей постановке особой пространственной среды территориальную колонизацию можно рассматривать как овладение человеком пространств планеты вместе с его фауной и флорой для удовлетворения своих нужд, преодолевая сопротивление «дикой природы, которая

циями, зависящими от цивилизационных особенностей той или иной страны, включая и архаичные их формы. При любом историческом катаклизме (войны, революции) они возникают вновь и вновь как форма выживания людей в сложных исторических условиях, так как они всегда связаны с удовлетворением насущных потребностей людей. Эта сфера процветала во всех обществах вплоть до наших дней. Она, по выражению Броделя, «крутится сама по себе» инициативой мелких предприятий, благодаря упорству ремесленников и рабочих, смекалке простых людей. У них есть запас выживания, а потому способность к возможному проявлению к изменившимся политическим и доминирующим хозяйственным условиям.

Именно малые товарные миры дожили до наших дней в форме бартерных отношений. Бартерные связи также характерны для современных экономических структур, их тоже можно рассматривать в этом ключе. Степень бартеризации экономик во время всякого рода социально-экономических катаклизмов иногда бывает огромной.

³ В социологической литературе термин «колонизация», связан с насильственным вторжением народов, имеющих более высокую материально-техническую культуру, в пространства других народов. «Колонизация какой-либо страны – это процесс, часто сопровождающийся покорением, вытеснением или истреблением местного населения; основанием колоний, поселений в чужой стране, в большей или меньшей степени зависимых от метрополий – страны их основания».

Сам процесс освоения любым народом новых территорий не получил своего точного социологического названия. Поэтому нами вводится этот термин именно в смысле территориального освоения людьми тех или иных ареалов планеты.

кусают, заносит песком, отравляет, подавляет, образует препятствия от нечеловеческого сверхизобилия пространства»⁴.

Человеку «требовалось покорить пространство, чтобы над ним господствовать, а пространство непрестанно брало реванш, навязывая возобновление (первоначальных) усилий»⁵. Планета Земля предстала перед человечеством в двух видах пространств: континентальных (суша) и водных (речных, морских, океанских). Необъятные просторы морей, труднодоступные горы, громадные лесные массивы, огромные пустыни вставали на пути всех форм интеграции людей. Овладение людьми континентальными и водными пространствами во все времена упиралось в *технические средства* преодоления пространств – континентальных и морских. Первыми шагами в овладении этим «пространственным сверхизобилием» было освоение континентальных пространств суши, речных бассейнов, околоконтинентальных морских акваторий. На протяжении тысячелетий существовал разительный разрыв между усилиями людей в овладении водной стихией и преодолением сухопутных пространств. Отставание в покорении континентальных пространств по сравнению с освоением морских и океанских просторов являлось характерной особенностью всей истории интеграции человечества и даже Новой истории. Все транспортные средства были связаны с тягловой силой животных: основными перевозчиками грузов были верблюды, быки, мулы, за исключением лошадей⁶.

В этих условиях колонизации планеты возникают особые рыночные связи, которые и получили название «мир-экономика». Мир-экономика – *это экономически самостоятельная часть планеты, способная в основном быть самодостаточной, такой, которой ее «внутренние связи и обмены придают органическое единство... Мир-экономика был суммой индивидуализированных изолированных пространств, экономических и неэкономиче-*

⁴ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 19.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Хорошие лошади и в Европе продавались на вес золота. Причем без соизволения короля Неаполитанского или Испанского даже на вес золота никто не мог приобрести лошадей, которых выращивали в Неаполе (крупных неаполитанских коней) или в Андалусии (небольших испанских лошадок). В Индии и Японии лошади были редки и использовались преимущественно как верховые животные для знатных людей. В Персии лошади были великолепны, но прежде всего как боевые кони и предметы роскоши, их сбрую украшали золото, серебро и драгоценные камни.

ских, перегруппировываемых таким образом, что он охватывал огромные площади, что обычно он пренебрегал границами других крупных группирований истории»⁷, – пишет Бродель.

Определяющими условиями образования миров-экономик являются следующие.

Первое. Неразрывная связь с большим территориальным ареалом. Определенные пространственные ареалы и границы, неизменные в течение длительных промежутков времени – одно из главных определяющих условий в образовании миров-экономик. Эти границы зачастую были связаны с труднопреодолимыми природными преградами. Именно эти природные преграды определяли границы между мирами-экономиками, образуя «ничейные» земли и «ничейные» моря. «Такой была Сахара между Африкой “Черной” и Африкой “Белой”, несмотря на пересекавшие ее караваны. Таким был Атлантический океан, пустынный к югу и западу от Африки, на протяжении веков служивший преградой в противоположность океану Индийскому, очень рано завоеванному торговлей, по крайней мере, в северной его части. Таков был и Тихий океан, связь с которым у Европы-завоевательницы была ненадежной: в общем плавании Магеллана было открытием всего лишь входной “двери” в Южные моря, но не “двери” для входа и выхода (читай возвращения). Разве завершилось это плавание при возвращении в Европу использованием португальского пути вокруг мыса Доброй Надежды? Даже начало плаваний манильских галеонов в 1572 г. не было настоящим преодолением чудовищного препятствия Южных морей»⁸. «Столь же мощные преграды существовали и по границам между христианской Европой и турецкими Балканами, между Россией и Китаем, между Европой и Московским государством»⁹. Их границы располагались вдоль некой линии или, вернее, некой зоны, пересекать которую как с той, так и с другой стороны бывало невыгодно с экономической точки зрения. И поэтому границы миров-экономик предстают как зоны малооживленные, инертные.

Второе. Длительная временная размерность. Развитые миры-экономики, немногочисленные, образовывались уже в рамках цивилизационных структур, вопреки их политическому размежева-

⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 14, 16.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ Там же.

нию. В историческом прошлом было не так много миров-экономик, даже учитывая их способность эволюционирования, трансформации, разные их «возрастные» состояния, которые возникали на тех или иных территориях в течение длительных исторических периодов. Бродель полагает, что истоки образования миров-экономик относятся к глубокой древности. «Двигаясь семимильными шагами вспять течения истории, мы сказали бы о древней Финикии, что она была по отношению к обширным империям как бы наброском мира-экономики. Так же точно, как Карфаген во времена своего величия. Так же, как эллинистический мир, как, в крайнем случае, Рим. Так же, как мусульманский мир после его ошеломляющих успехов»¹⁰.

Третье. Отделение сельскохозяйственного труда от городских видов деятельности. Образование городов являлось одним из важнейших признаков образования цивилизаций вообще. «Город – как бы цезура, разрыв, (новая) судьба мира. Когда он возникает, неся с собой письменность, то открывает двери того, что мы называем историей»¹¹. В одной из своих ранних работ К. Маркс (правда, в рамках его понимания цивилизации как явления, единого для всего человечества) писал: «Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству, от местной ограниченности к нации и проходит через всю историю»¹². Бродель, как бы продолжая эту мысль пишет: «Не нужно также думать, будто деревня, как это обычно говорится, по необходимости предшествовала городу во времени. Конечно, часто бывало, что развитие сельского окружения в силу прогрессивности производства делало возможным появление города, но последний не всегда был вторичным продуктом»¹³. Существует много данных о том, что город появляется, по крайней мере, одновременно с сельскими поселениями. Так, в VI тысячелетии до н.э. Иерихон и Чатал-Хююк в Малой Азии были городами, которые создавали вокруг себя деревни. При этом, конечно, в преобладающей массе город античного образца, греческий или римский, был на равной ноге с окружающими его деревнями. Это было совершенно естественным явлением, потому что города едва-едва выкристаллизовались из

¹⁰ Там же. Т. 3. С. 16.

¹¹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 509.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 49–50.

¹³ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 514–515.

деревенской туманности. Еще не выделилось ремесленное производство – это яблоко раздора, которое узнают в будущем. В дальнейшем растет специфика городов не только в общественной жизни, но и в развитии рыночных структур.

В городе сосредоточивались политические структуры. «Не существовало городов без власти, одновременно и защищающей и принуждающей, какова бы ни была форма такой власти, какая бы социальная группа ее ни воплощала. А если власть существовала вне пределов города, то в нем она приобретала дополнительное измерение, получала совершенно иное по характеру поле деятельности. И наконец, *не бывало выхода в (окружающий) мир, не бывало дальних обменов без городов*»¹⁴. Город в политическом плане – это крепости, административные центры, столицы; в социальном плане – это города-рантье, церковные, княжеские резиденции, ремесленные центры. В экономическом плане – это торговые города, центры караванной торговли, порты, промышленные и финансовые центры как основы создания миров-экономики.

Четвертое. Эти пространства должны сочетать в себе совокупность факторов для развития рыночных отношений: сеть меновых ячеек, их плотность и частоту, регулярность и достаточную величину обменных операций, а также наличие некоей центральной зоны. «Мир-экономика может существовать только тогда, когда сеть располагает достаточно плотными, частыми ячейками, когда обмен достаточно регулярен и имеет достаточный объем, чтобы дать жить некоей *центральной зоне*», – подчеркивал Бродель¹⁵. Институциональной формой, которые формировали миры-экономики, были ярмарки.

В этом пространстве должны быть выделены *городские* поля и центры его деловой активности – информации, товаров, капиталов, кредита, векселей, торговой корреспонденции и богатой буржуазии и купцов, а также ранее сформировавшееся социальное расслоение населения этих городских агломераций. В рамках того или иного пространства возникают сменяющие друг друга центры того или иного мира-экономики, связанные единством через цивилизационные особенности этого пространства.

Пятое. Иерархизованность входящих в пространства миров-экономики локальных рыночных структур и малых товарных

¹⁴ Там же. Т. 1. С. 510–514.

¹⁵ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 92.

миров. В мире-экономике «обрисовываются по меньшей мере три ареала, три категории: узкий центр, второстепенные, довольно развитые области и в завершение всего – огромные внешние окраины... И качества и характер общества, экономики, техники, культуры, политического порядка обязательно изменяются по мере перемещения из одной зоны в другую... Центр, так сказать, “сердце”, соединяет все самое передовое и самое разнообразное, что только существует¹⁶».

Шестое. Разные формы социально-экономических отношений и социальной зависимости в рамках разных частей мира-экономики. «Социальные способы эксплуатации сменяли один другой, в общем и целом дополняли друг друга. То, что возможно было в центре мира-экономики благодаря избытку людей, обилию сделок и монеты, на разных перифериях протекало отнюдь не таким же образом. От одного пункта экономической “территории” к другому в целом наблюдался *исторический регресс*»¹⁷. Общества в различных цивилизациях эволюционировали очень медленно и «значит, ничего нет удивительного в том, что социальный материал, который отливался в рамках мира-экономики, в конце концов, по-видимому, приспособлялся к нему надолго, отвердевал и образовывал с ним одно целое. У него всегда хватало времени приспособиться к обстоятельствам, которые его стесняли, и приспособить обстоятельства для поддержания своего равновесия. Зачастую это означало синхронно переходить по всему миру-экономике от наемного труда к крепостному состоянию и рабству – и так на протяжении нескольких веков.

В рамках этих миров-экономик разных пространств планеты создается тот господствующий в последнее тысячелетие мировой порядок, при котором значительная часть территорий земли превращается в окраины для обеспечения процветания ряда центров мировой экономики.

К мирам-экономикам трех древнейших цивилизаций, охватывающих своим влиянием чуть ли не половину освоенной тогда людьми Ойкумены, можно отнести Индийскую, Исламскую, Китайскую (Европейский мир-экономика будет рассмотрен ниже в контексте имперских структур, в рамках которой он развивался).

¹⁶ Там же. С. 32.

¹⁷ Там же. С. 59.

Индийский мир-экономика в континентальной части охватывал юг Евразийского континента с весьма разнообразными физико-географическими условиями: на Севере тянутся самые высокие на земном шаре горы – Гималаи; у подножья их раскинулись долины рек Инда, Ганга и Брахмапутры; на северо-западе – расположены песчаные пустыни, в южной части умеренно орошаемое плоскогорье Декан. В морской своей ипостаси индийский мир-экономика простирает свое влияние на весь Индийский океан как к западу, так и далеко на восток. Мир-экономика Индии издавна основывалась прежде всего на международной торговле на дальние расстояния, где важную роль играли торговые связи с Западом, усилившиеся после походов Александра Македонского. Эти связи способствовали росту городов и торговли. Поход Александра Македонского (327 г. до н.э.), способствовал созданию в самой Индии централизованного государства, росту городов и торговли. Основанная Чандрагуптой империя Маурьев (320–230 г. до н.э.) вела активную внешнюю политику и провозглашается при царе Ашоке (268–232 г. до н.э.). Из Индии караванные пути шли через Кабул в Иран и Среднюю Азию, а морские пути вели индийских купцов в Китай, Малайю, Иран, Африку, Аравию и главным образом в Европу.

В индийском экспорте основными предметами торговли были пряности, ткани и индиго. Индийские хлопчатобумажные ткани (муслины из Дакки, ситцы с Коромандельского побережья) и шелка, отличались своей тонкостью, прочностью и многообразием расцветок. Они пользовались большим спросом в Европе. Кашмирские вышитые шерстяные ткани были модны во всех европейских столицах. Индийский импорт формировали, главным образом, предметы роскоши для землевладельческой знати. Товарно-денежные отношения издревле характерны для этой цивилизации и были связаны с удовлетворением потребностей властвующей элиты, прежде всего в продовольствии для двора и армии правителя в столицах (Дели, Агра и др.). Экономическим связям между различными регионами Индии способствовали массовые перевозки товаров по реке Ганг, являвшейся в то время основной транспортной артерией, связывающей Бенгалию с северо-западными областями Могольской империи. Из Бенгалии вверх по реке вели рис, пшеницу, тростниковый сахар, на юг по морю на Коромандельское побережье хлопчатобумажные и шелковые ткани дорогих сортов, а также краску – индиго, вниз – в Бенгалию отправляли соль, добытую в Раджпутане. Гуджарат и Агра производили индиго. Бихарской пшеницей снабжались

по Гангу столичная область Агра-Дели и Бенгалия. Торговали знаменитыми кашмирскими шальями из тончайшей шерсти, афганскими и среднеазиатскими лошадьми, ценившимися особенно высоко в Бенгалии и на юге Индии, оружием, кольчугами и щитами, изготовленными искусными ремесленниками Лахора и Дели. Если дорогие ткани, оружие и доставленные издалека породистые кони были явно рассчитаны на удовлетворение потребностей властвующих сословий, то пшеница, рис, сахар находили сбыт среди рядовых горожан.

Передвижение по суше обеспечивали большие караваны (*кафила-kafilas*) купцов-бонджара (*banjaras*), охранявшиеся вооруженной стражей. Эти огромные караваны, насчитывающие до 10 тыс. быков одновременно, перевозили под предводительством погонщиков из касты мури пшеницу или рис. В зависимости от местности караваны эти одинаково использовали повозки, запряженные быками, буйволами, а также ослов, одногорбых верблюдов, лошадей, мулов, а при случае — и носильщиков. В XVII в. перевозкой некоторых громоздких грузов (соль, зерно, хлопок) занимались особые касты, обозы которых насчитывали 15–20 тыс. груженых повозок. Когда на узких долинах Северной Индии, окаймленных деревьями и стенами домов, встречались два каравана, эти потоки приходилось пропускать один после другого. Движение караванов прерывалось в дождливый сезон, оставляя тогда первое место за перевозчиками по речным путям и каналам, перевозками, намного менее дорогостоящими, часто более быстрыми, но при которых, что любопытно, страховые ставки были более высокими. Повсюду караваны встречались с ликованием, даже деревни охотно давали им приют. Ярмарки — неотъемлемая сторона жизни мира-экономики Индии. Они обычно устраивались у индусских и мусульманских мест паломничества, где было большое скопление людей.

Исламский мир-экономика уходит своими корнями в рыночные связи и денежные отношения Мидо-Персидской державы (их характерные черты будут рассмотрены в следующем параграфе). Именно тогда образовался совершенно особый политический и экономический анклав, простиравшийся от Сахары до Индии, от Черного моря до Каспийского моря и до Аравийского и Персидского заливов. В состав его входили завоеванные Персией различные по экономическому и культурному развитию страны Древнего Востока: Вавилония, Египет, Финикия, Сирия, Палестина, Туркестан и Аравия. Объединение столь различных стран в одно

сильное государство содействовало развитию торговли, сельского хозяйства, ремесла. На этой основе после возникновения ислама (VI в.) в последующие долгие столетия мир-экономика ислама развивался в рамках Арабского халифата, Сефидского государства, а затем Османской империи. Он имел черты, отражающие влияние этих империй. Общим являлась большая роль централизованной власти в развитии внешней торговли, оказывающей значительное влияние на развитие товарно-денежных отношений внутри этих стран. Политический фактор не оказывал определяющего воздействия на пространственный ареал мира-экономики ислама: он стабильно охватывал необозримые территории, прилегающие к Красному морю и Персидскому заливу, контролирующую цепь пустынь, пронизывающих массив *Азиатского континента от Аравии до Китая*. При этом нельзя забывать, что именно исламскому миру принадлежит покорение пустынь Евразии и Африки. «Победа мусульманских караванов, пересекавших пустыни... принадлежала к подвигам, медленно закреплявшимся строительством сети оазисов и источников воды»¹⁸, т.е. освоением пространства для рыночных отношений. Оно было бы невозможно без распространения двугорбого (для холодных степей и гор) и одногорбого (для жарких пустынь) верблюдов по всей аридной полосе, нескончаемой цепи жарких и холодных пустынь, протянувшихся беспрерывно от Западной Сахары до Гоби. Верблюд был незаменим в караванной торговле на дальние расстояния в Сахаре, на Ближнем Востоке, в Средней Азии.

Китайский мир-экономика органически связан с тем громадным влиянием, которое оказывала древнекитайская цивилизация на Центральную и Дальневосточную части Евразии¹⁹. Китайский

¹⁸ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 20.

¹⁹ Древнекитайская цивилизация распространяла свое политическое и культурное влияние на целый ряд стран Восточной Азии, включая Японию, а также страны Южных морей, что было связано с широкой китайской цивилизацией в этих районах, начавшейся задолго до XVI в. Китайские поселенцы проникли на Филиппины, в Японию, на побережье Явы в восточную часть Суматры, в Сиам, Малакку и Бирму. Особенно широко распространилась китайская иммиграция в северную часть Индокитайского полуострова. Китайская колонизация была настолько сильной, что в отдельных случаях приводила к власти выходцев из Китая. Огромным было и культурное влияние Китая на страны Южных морей, о чем говорит широкое распространение здесь китайской письменности, литературы и философских течений. Культурное влияние Китая прочно утвердилось в Японии, Корее, на Тибете.

мир-экономика имел одновременно две стороны: сухопутную (она вырисовывалась до самого сердца Азии) и морскую, охватывающую господство над окраинными морями Тихого океана и над странами, которые те омывают. Но главным все же являлась континентальная его сторона, где он долгое время конкурировал с исламским миром-экономикой главным образом в Средней Азии. Китайский мир-экономика породил знаменитый «шелковый путь» и международную торговлю с Западом через необозримые Евразийские просторы во времена монгольского владычества.

Существование и развитие китайского мира-экономики органически связано с освоением речных бассейнов. «В мире нет ни одной страны, которая в отношении навигаций (речного судоходства) могла бы сравниться с Китаем..., где имеются две империи – одна на воде, другая на суше, и столько же с Венецией, сколько городов... В мировом масштабе ничто не сравнится с судоходством Южного Китая, от Голубой реки (Янцзыцзян) до границ Юньнани. Очевидец отмечал около 1733 г., что от этого судоходства зависит огромная (внутренняя) торговля Китая, коей нет подобной во всем мире... Повсюду видишь непрерывное движение судов, лодок, плотов (среди плотов случается видеть такие, что длиною до полулье, которые ловко изгибаются на речных излучинах); в любом месте все это образует чуть ли не плавающие города»²⁰.

* * *

На цивилизационной стадии эволюции человечества наряду с малыми товарными мирами и мирами-экономиками родилась еще одна форма рыночных связей – мировой рынок, обеспечивающий торговые отношения между этими экономическими анклавами.

4.2. У истоков мирового рынка и денежных систем цивилизаций: танDEM роскоши и золота

Стимулом к развитию торговых связей между мирами-экономиками явились материальные потребности господствующих страт, которые не могли быть удовлетворены в рамках миров-экономик, где важную роль играли природно-климатические факторы. Речь идет о предметах роскоши.

²⁰ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 447–448.

Запад и Восток – два полюса международной торговли предметами роскоши, которая имеет за плечами чуть ли не шеститысячелетнюю историю. Международная торговля издавна соединяла между собой миры-экономики цивилизаций и была альтернативой военным формам перераспределения материальных и людских ресурсов того времени. Более того, грабежи и набеги не могли при всем их значении для обогащения победителей не вытеснить обмен и торговлю уже потому, что характер товаров, похищенных захватчиками, не всегда соответствовал их нуждам. Кроме того, даже для награбленного требовалось место, где оно могло бы быть продано в обмен на то, что было нужно владельцам этого имущества. Самые воинственные правители поэтому устраивали рынки, где купцы организовывали обмен награбленного на другие товары, оказывали покровительство купцам, прибывшим издалека, и учились собирать плату пропорционально возможностям транспорта, риску, нужде в заморских товарах, оказывая покровительство наиболее ценным товарам.

Археология отмечает, что в третьем – середине второго тысячелетия до н.э. отмечены следы существования караванной торговли между городами Шумеро-аккадской цивилизации, Древнего Египта с Индией. В конце I тысячелетия до новой эры в рамках Мидо-персидской и Греко-македонской цивилизаций наблюдался всплеск международной торговли с Востоком, особенно после походов Александра Македонского. «Путь в Индию» рассматривался как мореходная ось Старого Света. Она издревле начиналась на Балтике и Ла-Манше и шла до Тихого океана. Несмотря на то, что еще не было Суэцкого канала, Суэцкий перешеек не стал преградой. Роль канала выполнял один из рукавов Нила, который соединялся с Красным морем. Он осуществлял эти функции довольно долго, а потом был засыпан. Его пересекали не только люди и животные. Через него «перевозили» морские суда, правда, в разобранном виде. Турки, например, доставляли туда свои флотилии на верблюдах в виде деревянных деталей, собираемых потом на месте. Поэтому считают, что плавание Васко да Гамы (1498), не открыло новую связь Европы и Индийского океана, а только прибавило к ней новый путь. При этом учитывают, что, согласно достаточно достоверным сведениям, финикийцы по просьбе египетского фараона более за чем за 2 тыс. лет до Васко да Гамы осуществили плавание вокруг Африки.

Древние цивилизации «с незапамятных времен знали друг друга и, примыкая одна к другой, они шли через весь Старый

Свет сплошной полосой от европейской Атлантики до Индийского океана, Индонезии и прибрежных морей Тихого океана. По побережьям морей и больших рек от Тихого океана на Востоке и до Средиземного моря на Западе протянулась цепь городов, связывающих друг с другом миры-экономики разных цивилизаций. Это были центры деловой активности того времени – торговой информации, товаров, «саммитов» богатых купцов. Была развита международная торговля, и связи с Индией и Китаем были у городов Византийской империи, а также в городах, образовавшихся в Передней и Средней Азии, Северной Африке после больших арабских завоеваний VII–VIII вв.

Товары, которые были объектом международной торговли, резко отличались от тех, которые были характерны для миров-экономики, не говоря уже о малых товарных мирах. Если миры-экономики обслуживали широкий круг потребностей (насуточных и излишних) достаточно широких слоев населения, то международная торговля тысячелетиями (чуть ли не до конца XVIII в.) удовлетворяла прежде всего потребности государей и знати в предметах роскоши. Исключением здесь была международная торговля солью, потребность в которой можно отнести скорее к насуточным потребностям. Караваны верблюдов доставляли через пустыню в «Черную Африку» пластины сахарской соли в обмен на золотой песок, слоновую кость или черных невольников²¹. Это прежде всего драгоценные камни, благовония, пищевые надбавки, драгоценные металлы, дорогое оружие тончайшие текстильные ткани, экзотические приправы к пище – перец, лошади благородных кровей, наконец, люди-рабы. При этом потребительные стоимости, которые вступали тогда в международный обмен, в большей мере являлись творениями природы разных климатических зон планеты, нежели труда людей.

Международная торговля породила особые формы денежных отношений – *мировые деньги* сначала в двойном золотосеребря-

²¹ Соль, важнейшая и незаменимая, была священной пищей. В древнееврейском языке, как и в современном малазийском, соленая пища – синоним пищи священной. Торговля солью осуществлялась невзирая на войны, международные конфликты, даже религиозное противостояние. Она служила великим источником обогащения для государств и для купцов как в Европе, так и в Китае. Будучи товаром тяжелым, она, тем не менее, преодолевала любые препятствия, используя для своей транспортировки речные пути, воды Атлантики и Средиземного моря. В Европе соль, добываемая в жарких районах католических стран, поставлялась рыбакам Севера – протестантам.

ном одеянии, а затем вплоть до 70-х годов XX в. только в *золотом*. Золото связано геологическим родством с серебром и медью²². Обычно считается, что металлы выделились в качестве денег потому, что они обладали особыми физическими свойствами: делимостью, однородностью, сохраняемостью, портативностью²³, а благородные металлы еще высокой стоимостью, легкой транспортабельностью, неподверженностью порче. Нельзя оспаривать значение физических свойств этих потребительных стоимостей для их функционирования в качестве денег. Но они заняли этот пьедестал потому, что до того занимали большое место в удовлетворении духовных и некоторых видов материальных потребностей человечества.

Золото – в эмоциональном восприятии всех времен и народов (его свечение, блеск, сохраняемость во времени) воспринималось как материализованное выражение Солнца, его золотого сияния и животворного влияния на земную жизнь людей. Нет нужды особенно доказывать, что золото составляло во всех религиозных мирах неотъемлемый элемент религиозного зодчества всех цивилизаций и религиозных миров, будь то капища друидов, пагоды и ступы буддизма, церкви христианства, храмовые строения ислама и индуизма.

Другая важная социальная функция драгоценных металлов и прежде всего золота – «оформление образа жизни» верховных властителей (светских и духовных), а также вообще элитарных социальных страт общества. Поэтому во всех первых цивилизациях преимущественное использование золота и серебра шло на изготовление сотен и тысяч высокохудожественных изделий. В древних американских цивилизациях (в частности, в империи инков), которые «купались в золоте», денежных отношений по

²² Точнее, в природе золото существует вместе с серебром и во многих случаях – с медью. Медь в качестве денег будет присутствовать во многих денежных системах. Однако она начинала свой путь (наряду с железом) как средство производства и обеспечивала условия удовлетворения насущных потребностей людей еще в доцивилизационный период (медный век).

²³ Однако металлическая жизнь денег начинается не с драгоценных металлов, а с *железа и меди*. Железо было основой повседневной жизни даже в те века, когда было мало сфер его применения. В гомеровскую эпоху панцирь воина из железа «стоил три пары быков, меч – семь, а удила для лошади – больше, чем само животное. Медь играла не только равную роль с железом, но даже была более важна, чему способствовала сравнительная легкость ее металлургической переработки.

сути не было. Там золото использовалось для украшений и даров богам и их богоподобным властителям. Немецкий историк Квиринг в книге «История золота»²⁴ на большом археологическом и историческом материале рассказывает о той же особой роли золота в древних цивилизациях Египта и Ближнего Востока. От Египта времен фараонов дошло много свидетельств памятников материальной культуры и письменности, говорящих о роли золота в экономике, культуре. Об этом свидетельствуют художественные сокровища гробниц многих фараонов, большинство которых изготовлено из золота, в частности Тутанхамона (XIV в. до н.э.) Действительно, Египет в древности был самой богатой страной, владевший золотыми сокровищами, накопленными и каторжным трудом поколений рабов, и кровавыми походами в глубь Африки в III–I тысячелетиях до н.э. Золото добывалось в самом Египте (включая Судан) и на Пиренейском перешейке, откуда оно растекалось в соседние страны Ближнего Востока.

Физические свойства драгоценных металлов, прежде всего золота, тоже содержат в себе мистический элемент. Драгоценные металлы в их денежном обликии выполняют в жизни человечества еще одну важную функцию – они являются как бы материализованным *хранителем* исторического времени. Золото во всех его формах как бы неподвластно течению времени. Потери всего накопленного драгоценного металла за все тысячелетия его исторической жизни составляют, по некоторым подсчетам, около 10% общей массы золота. Они связаны с прикосновением бесчисленного множества алчных рук, ушедших в небытие кладов, покоящихся на дне морском, или тех, которые никто не найдет. Но все это означает, что золото в силу своих естественных и социальных качеств, будучи раз добыто, не исчезает, не испаряется в воздухе, не растворяется в воде, не впитывается в землю. Оно совершает вечный кругооборот, преобразуясь из одной социальной ипостаси в другую: из ювелирных изделий и предметов, служащих религиозным целям, в монеты, необходимые для коммерческих целей. Оно путешествует по странам и континентам, проходя в своей особой жизни через толщу поколений многих народов, бесчисленное количество человеческих рук. Возможно, некоторые ювелирные изделия наших современников – кольцо, кольца, броши, портсигары сделаны из золота, добытого в Египте или Бразилии три тысячи

²⁴ Quiring H. Geschichte des Goldes. Stuttgart, 1948. S. 99.

лет назад. Оно могло побывать и в форме слитков, монет разных стран, а не только ювелирных изделий.

Соединение физических свойств золота с его социальными функциями и позволило ему занять пьедестал мировых денег, по временам уступая в некоторых денежных системах серебру²⁵, но постоянно возвращая себе пальму первенства.

Международная торговля порождала особые формы денежных отношений – *мировые деньги*. В рамках международной торговли мировыми деньгами в течение долгих тысячелетий вплоть до 70-х годов XX столетия становятся *драгоценные металлы в золото-серебряном одеянии*. Анализ показывает, что не малые товарные миры и даже не миры-экономики, а рыночные связи *между* мирами-экономиками, т.е. международная торговля, выделили драгоценные металлы (золото) в качестве мировых денег, всеобщего эквивалента. Историки, исследовавшие международные потоки в конце XVII в. между Западом, исламским миром и Индией, отмечали, что все предметы роскоши, которые были нужны Европе, а также кофе, без которого не могут обойтись арабы, персы и турки, могли быть приобретены в Индии только за *золото и серебро*.

Драгоценные металлы в качестве денег начинают свой исторический путь в форме слитков, которые клеймились (гарантия веса и пробы). В Лидии – мощном государстве Малой Азии, богатой месторождениями золота, еще в XIII в. до н.э. в правление лидийского царя Гигеса (прапрадеда царя Креза) появились в обращении слитки золота строго определенного веса. Более мелкие единицы веса легко могли быть произведены от взвешивания малых количеств драгоценных металлов для платежа и единицы веса могли быть получены в единицах ценностей, выраженных в количествах ценностей золота или серебра.

Формирование мирового рынка и выделение драгоценных металлов в качестве мировых денег способствовало формированию одной важной закономерности в развитии денежных отношений – созданию *денежных систем* цивилизаций. Последнее можно рассматривать как важную веху в развитии денежных отношений, так как сюда включается государственная власть. *Денежные системы – это обособленные и самодостаточные структуры*

²⁵ Серебро обладало теми же социальными качествами, что и золото в оформлении религиозных ритуалов (в друидских храмах кельтов оно выступало в качестве символа луны). Оно являлось атрибутом роскошного образа жизни. Но оно уступало золоту в ценности и сохраняемости.

государств, способные обеспечить функционирование миров-экономик на базе субординации и использования различных форм металлов в соответствии с их ценностью по отношению к золоту (или серебру).

Тогда начинают формироваться денежные системы разных цивилизаций, ориентированные или на один из этих металлов или на их сочетание. Отличия между денежными системами разных стран образовывал металл, который был характерен для данной цивилизации: золото или серебро, их обычное соотношение 15 : 1, хотя были периоды в Европе и Китае, когда серебро в качестве денег ценилось выше. Что касается денежной единицы, характерной для тех или иных цивилизаций, то она определялась не только ее принадлежностью к золоту или серебру, но и самим качеством металла, а также весовым количеством, которое содержала денежная единица.

Образование денежных систем тех или иных цивилизаций непосредственно связано с ранее накопленным количеством драгоценных металлов в форме *сокровищ*, находящихся в руках государства. При этом сама величина накопления драгоценных металлов в форме сокровищ оказывала непосредственное воздействие на образование денежных систем тех или иных цивилизаций. И поэтому власть преобладающие во все времена пытались абсорбировать в своих руках как можно большие массы золота и серебра²⁶, а эти сокровища часто переходили из рук в руки тем или иным завоевателям, сохраняясь почти тысячелетиями, создавая основу для создания тех или иных денежных систем.

Ассирийский царь Ассархаддон в VII в. до н.э. разгромил ослабевший Египет, захватил и его золотые сокровища. Сокровища Ассархаддона, хранившиеся в столице Ассирии – Ниневии, были захвачены менее чем через столетие вавилонскими царями. Но они тоже недолго владели ими. Уже во второй половине VI в. до н.э. Вавилон был взят и разграблен персидским царем Киrom, положив начало образованию громадных сокровищ Персидской державы. Сокровища храма Аполлона в Дельфах позволили Александру Македонскому начать свой поход против Персии. Разгром Дария и захват его сокровищницы лежал в основании системы денежного обращения Греко-македонской монархии. После ее распада золото растеклось по

²⁶ Дипломатическая переписка, найденная в эль-амарнском архиве, египетских фараонов с царями Вавилона, Ассирии и других государств (XV–XIV вв. до н.э.) свидетельствует о глубокой заинтересованности их в приобретении золота в обмен на рабов.

многим оазисам эллинского мира на Востоке и в Африке и в значительной части попало в казну Римской империи, образовав золотую сокровищницу государства. Именно в Римской империи была создана стройная система денежного обращения, которая впоследствии, даже после распада империи, оказала громадное воздействие на формирование денежных систем Европы. Сокровища, накопленные тысячелетиями в Новом Свете и Индии и разграбленные европейцами, позволили сформировать денежные системы золотого монометаллизма. Абсорбирование Соединенными Штатами всего золота Европы в Форт Ноксе в XX в. стало одним из важных условий завоевания долларом функции мировых денег и монетарной составляющей глобализма.

Весь этот экскурс в тысячелетнюю биографию золота говорит о том, что между золотом как *абсолютным представителем богатства и золотом как деньгами существует тесная связь*, она будет рассмотрена в дальнейшем применительно к тем или иным историческим периодам развития рыночных связей разных цивилизаций в разные исторические периоды времени. Здесь же следует подчеркнуть, что именно золото в своей мистической сущности стояло у образования всех денежных систем цивилизаций, по временам деля этот пьедестал с серебром. Денежная система Европы основывалась на золото-серебряном металлизме с использованием медных (биллонных) денег, а в Китае она была связана с серебром или серебряно-медным биметаллизмом. Могольская Индия также жила в условиях серебряно-медного биметаллизма, а денежные отношения индийских царств Юга были связаны с золотом.

Международная торговля соединяла денежные системы мира на огромных расстояниях, образуя общающиеся друг с другом системы, обслуживающие движение драгоценных металлов между цивилизационными структурами. Они обуславливали «утечку» металлов из одной страны в другую, что демонстрирует Западная Европа. Одной из характерных черт европейской денежной системы была постоянная утечка золота и серебра за пределы континента, что было связано с *дефицитом платежного баланса* Европы в течение многих столетий (чуть ли не до 20-х годов XIX в.). Дефицит был вызван потребностями элитарных слоев западного общества в предметах роскоши и товарах, которые были объектами международной торговли с Востоком.

Это прежде всего драгоценные камни (жемчуг, афганский лазурит и др.), драгоценные металлы (малоазиатское серебро, нубийское и индийское золото и др.). Дорогое оружие в течение тысячелетий также было объектом международной торговли, которая шла с Вос-

тока на Запад²⁷. Роскошью можно считать покупку лошадей «благородных кровей». Это и текстильные ткани (шелк Китая, хлопковая материя из Индии, виссон – тончайшая, прозрачная льняная ткань из Египта). Это пряности. В истории питания элитарных слоев Запада пряности – экзотические приправы к пище – перец, корица, мускатный орех и т.д., особенно перец, занимают единственное в своем роде место. В Рим перец и пряности пришли во времена Варрона и Горация. Для перца в Риме будут в конечном счете заведены специальные амбары (*horrea piperis*), и когда в 410 г. Аларих взял город, он захватил в них 5 тыс. фунтов перца. Этих запасов хватило чуть не до времен Карла Великого и почти полного закрытия Средиземноморья для христианского мира. Удивительно, что простая приправа, которая сегодня не считается необходимой даже у очень богатых слоев населения, на протяжении веков была вместе с пряностями главным предметом международной торговли. В XV в. пословица гласила: «Дорого, как перец». Закупочные цены на перец и пряности долгое время оставались решающими для взаимоотношений между западной цивилизацией и цивилизациями Востока. «Безумие роскоши» Запада приносило в жертву свои драгоценные металлы; чтобы добыть пряности, он ввязывается в трудную левантийскую торговлю, которая охватывает половину земного шара.

Эти излишества несопоставимы с умеренными нуждами в пряностях, которые потреблял Римский мир. Характерно, что к этому пристрастию позднее присоединяется Северная Европа. В XVI в. после путешествия Васко да Гамы употребление в пищу пряностей возрастает, в особенности на Севере, где закупки пряностей намного превосходили такие же действия в Средиземноморье. Не случайно Лютер, преувеличивая, говорил будто в Германии было больше пряностей, чем хлеба. С конца XVII в. проходит мода на тонкие пряности, но в это же время богатые люди Европы «заболели» модой на чай, кофе, китайский фарфор.

²⁷ Азиатская плавка в тиглях (одни ее считают индийской по происхождению, другие – китайской) способствовала изготовлению особой стали, «высококачественной углеродистой», равной лучшим сегодняшним дозвектоидным сталям вплоть до XIX в. Ее природа и изготовление оставались для европейцев тайной. Сталь эта, известная в Европе под названием «дамасская сталь», в Иране – как «волнистая сталь» (пулад джаухердер), в России – как булат, позже окрещенная англичанами «вутз» («wootz»), служила, прежде всего, для изготовления сабель с необыкновенной остроты клинками. Ее изготавливали в Индии, в царстве Голконда, когда там появились европейцы, и продавали слитками, имевшими размеры небольшого хлебца и вес 600–700 граммов. Слитки широко экспортировались – на Дальний Восток, в Японию, Аравию, Сирию, в Россию и Персию. Есть точка зрения, что сенсационные победы Сасанидского Ирана над римскими легионами, вооруженными короткими прямыми мечами из плохого железа, покоились будто бы прежде всего на использовании конными воинами сабель из дамасской стали, намного превосходящей по качеству вооружение Запада.

* * *

Весь предыдущий анализ позволяет сделать вывод, что именно золото и серебро в качестве мировых денег через мировую торговлю (вплоть до образования национальных рынков) оказывали определяющее воздействие на формирование денежных систем отдельных цивилизаций, в которых и возникли те или иные формы денег миров-экономик.

4.3. Монетарные и кредитные деньги миров-экономик. Товарная форма денег малых рыночных миров

Денежные системы разных цивилизационных миров, основанные на том или ином драгоценном металле, органически включают в себя монетарные и кредитные формы денег, порожденные этим миром-экономикой.

Монетарная форма денег – главная и исторически более ранняя по сравнению с кредитной формой в обслуживании рыночных связей мира-экономики. Монета (лат.) – денежный знак особой формы, отчеканенный из металла – золота, серебра, никеля, меди. Его появление относят к VII в до н.э. В древнем Риме при храме Юноны-Монеты («советчицы») был устроен первый двор для чеканки, отчего самые деньги получили название монеты²⁸. Примерно в это же время монетарная форма денег появилась в Индии и в Китае²⁹.

²⁸ Есть сведения о более древнем происхождении этого денежного знака. Генрих Шлиман, на закате своей жизни занявшийся изучением Атлантиды (по одной из версий она находилась где-то в Средиземноморье, среди предметов, к ней относящихся, обнаружил четырехугольные пластинки из белого золота (сплав золота с алюминием). На одной стороне этих пластинок были выдавлены фигурки и знаки, похожие на знаки, найденного на Крите фестского диска. Это – предмет Минойской (эгейской) талассократической цивилизации, существовавшей на островах Средиземного моря и погибшей за несколько веков до нашей эры. «Другая сторона этих пластинок была гладкой. На ней иногда выделялись нацарапанные финикийские надписи (белое золото – мягкое). Они-то и позволили сделать вывод, что пластинки использовались в качестве денег». См.: *Бокарев Ю.П., Боханов А.Н., Катыхова Л.А., Петров Ю.А., Степанов В.Л.* Русский рубль: два века истории XIX–XX вв. М., 1994. С. 7.

²⁹ Металлические деньги, сначала неудобной формы и больших размеров, появились в Древнем Китае в середине V в. до н.э. В IV в. до н.э. они стали менее громоздкими и приобрели нарицательную стоимость. Археология свидетельствует о наличии 96 монетных дворов. В IV–III вв. до н.э. имело хождение нескольких видов монет: бронзовые – в форме лезвия мотыги

Первые монеты во многих цивилизациях были связаны с золотом. Лидийский царь Крез первым стал чеканить монеты из золота. Завоевав Лидию, персы ввели в Ахеменидской державе монетарную единицу, составлявшую основу единой для всей империи денежной системы *золотой дари* весом в 8,4 грамма. В Индии наиболее распространенной была денежная единица *пана*, по весу и составу входящих в него драгоценных металлов (в основном золота) сильно различающаяся в разных государствах и в разное время весом около 6 граммов золота.

В рамках отдельных миров-экономик формируются монетарные денежно-весовые системы, где различаются два обязательных элемента: ее скелет – система денежного счета и величина – число денежно-весовых единиц. Соотношение последних между собой и их отношение к основной единице по системе денежного счета и есть то, что кратко называют монетарной денежно-весовой системой. Монетная единица – известное количество денежного металла, выраженное в весовых единицах и положенное в основание монетарной системы, т.е. она ведет свою родословную от весовых количеств драгоценного металла, в ней изначально представляемого. Английский фунт, немецкая марка, русский гривенник и старый французский ливр – все эти названия напоминают о былом единстве весовых и денежных единиц. Монетарная система дает более устойчивую основу для образования цен товаров, так как единицы веса товаров могут быть сразу же выражены в количествах ценностей золота или серебра, содержащихся в монетной единице³⁰.

(в царствах Хань, Вэй и Чжао), в форме ножа (в царствах Янь и Ци), круглые с квадратным отверстием посередине (в царстве Цинь); золотые пластинки с насечкой, указывающей на достоинство, а также бронзовые каури (в царстве Чу). На этих образцах можно проследить переход от ранней предметно-монетной формы единиц обмена к поздней форме денег «космического типа» – символа квадратной земли, обрамленной круглым небом.

³⁰ Монетарные формы денежного обращения могли «сосуществовать» с весовыми формами использования драгоценных металлов, особенно на «стыке» с другими мирами-экономиками и малыми товарными мирами. Мерой золота в этом качестве был золотой песок, а впоследствии мерой стала его *унция*. В XV в. на атлантическом побережье Сахары еще во времена Генриха Мореплывателя стали обменивать сукна, полотна и одеяла из Португалии на золотой песок и черных невольников, которых доставляли на побережье кочевники-берберы. На другом конце Ойкумены в формирующемся китайском мире-экономике происходили примерно те же процессы. На большом острове Хайнань, близ южного побережья Китая китайские купцы посредством немого торго-

Одной из основополагающих черт монетарных систем является их формирование в рамках политических структур (княжеств, государств). Поэтому монеты издавна были как бы их пропагандистами, как правило, размещавшими на монетном поле или портрет властителя с указанием на его божественное происхождение, или государственный герб – развернутую легенду³¹.

Именно политические власти определяли, какой драгоценный металл будет лежать в основе счетной единицы этой монетарной системы, осуществляли чеканку монет и являлись гарантом качества металла, заключенного в монете (иногда ими были авторитетные лица или учреждения: корпорации купцов, городские власти, храмы). Уже эти ее функции создают основу для использования политическими структурами властных полномочий в корыстных целях. Ухудшение качества металла, лежащего в основе счетной монетарной единицы, было главным источником достижения экономических выгод. Часто государства с целью извлечения дополнительного дохода выпускали неполноценную монету. Так возникал монетный доход – доход, получаемый государством от чеканки неполноценных монет, благодаря присвоению разницы между покупательной способностью неполноценной монеты в обращении и ее реальной стоимостью. Поэтому широкое распространение получила практика выпуска государями неполноценных монет.

Рассматривая вопрос о значении монетарной формы денег в развитии товарных отношений необходимо выделить одну важную закономерность, которая имела большие социальные пос-

обменивали у горцев на золотой песок свои ткани. Спустя много столетий унциями золотого песка опять-таки расплачивались за товарные сделки герои Джека Лондона.

³¹ Древняя родословная драгоценных металлов (золота, прежде всего) в их денежных функциях (весовая и монетарные формы) неразрывно связана с их тезаврацией и кладами. Через их монетарную жизнь в кладах и сохранившихся в тысячелетиях ювелирных изделиях они доносят до новых поколений историю давно ушедших эпох. И не случайно повышается роль нумизматики в изучении различных сторон жизни прошлого. Нумизматический материал чрезвычайно красноречив. Сложность монеты как объекта исследования кажется сложностью клубка, в котором переплетаются нити самых разнообразных исторических элементов. Историки и искусствоведы, метрологи и историки техники, экономисты и паллографы уже не один десяток лет успешно распутывают этот клубок, привлекая нумизматику для освещения многих «темных уголков» нашей исторической науки.

ледствия. Речь идет о расхождении между реальной и номинальной стоимостями монеты.

В функциональной роли монет заложена возможность отклонения покупательной способности денег от их стоимости. Монеты подвергаются в обращении постоянному снашиванию, они стираются, т.е. теряют часть заключенного в них металла, а следовательно, и стоимости. Появляются неполновесные монеты, название и покупательная способность которых, в отличие от полноценных, могут не соответствовать их реальной стоимости. Пока изнашивание не достигает определенного предела, все монеты остаются в обращении и сохраняют одинаковую покупательную способность, и рынок не реагирует на эти процессы. Однако возникают критические ситуации, когда масса таких неполноценных монет (может быть, стимулированная выпуском правителями) достигает критической точки и рынок реагирует на это или инфляцией (в современной терминологии) или социальным взрывом.

За тысячелетия существования основных цивилизационных миров, их миров-экономик и мирового рынка к Новому времени – XVI–XVII вв. разные цивилизации сформировали сложные и неодинаковые монетарные системы, основанные на разных металлах применительно к *социальной стратификации* общества на том или ином этапе его развития.

В исламской части Индии возник биметаллизм серебра и меди. Причем нижний «медный уровень» играл в экономике более важную роль и еще ниже в качестве монеты функционировала такая денежная единица, как горький миндаль из Ирана. Серебряные монеты в обращении (круглые или квадратные) появились лишь в XVI в. и затрагивали лишь самые верхние этажи экономической жизни. Что касается золотых монет, чеканенных Акбаром (мохуры), то они по существу в обращение не поступали. В индийских царствах Юга золото служило основной монетой (в Декане); на более низком уровне использовалось небольшое количество серебра и меди, а также монеты-раковины. Золотые монеты были высокого достоинства, в них не добавлялись примеси. Иностранцы называли их «пагодами», так как эти монеты были малого диаметра, но большой толщины. Они стоили сколько же, сколько венецианский цехин или испанский пистоль, тем более, что металл у «пагод» был чище.

Китай жил в условиях серебряно-медного биметаллизма. Именно эта серебряная денежная система с середины XIV до середины XVII вв. при Минах оживила товарно-денежную экономику страны, расширила свою сферу и умножила число своих услуг. Спрос на серебро был настолько велик, что оно обменивалось по курсу по отношению к золоту, доходившему до 5 : 1. Крупной расчетной единицей было весо-

вое серебро. Это были слитки в форме маленькой лодочки, которые иногда называли «лодочками», белыми как снег, так как в серебро примешивали сурьму (золото играло весьма ограниченную роль). В повседневной жизни серебряные слитки целиком не использовались. В повседневной жизни серебряные слитки покупатели разрезали стальными ножницами на более крупные или мелкие монеты, смотря по цене покупки. Поэтому не было «ни одного китайца, каким бы нищим он ни был, который не носил бы с собой ножницы и маленькие весы... Нет ребенка... который не умел бы определить стоимость металла в слитке и большую или меньшую его чистоту. Мельчайшие крохи металла подбираются при помощи наполненного воском своего рода бубенчика, который они носят на поясе. Когда стружка собирается в нем в довольно большом количестве, достаточно велеть растопить воск³². Существовали еще и малоценные монеты из сплава меди со свинцом (4 части свинца и 6 частей меди) с клеймом на одной стороне, круглые по форме, с квадратной дыркой, через которую пропускалась бечевка, что позволяло собирать эти монеты в связки по 100 или 1000 штук.

Впоследствии, когда в Европе произошло образование национальных рынков, сопровождаемое колониальной экспансией и военно-монетаристским механизмом разрушения экономики стран не-Запада, произошли кардинальные изменения и в денежных системах этих цивилизаций. Но это уже новая страница в истории монетарных систем цивилизаций, которые будут рассмотрены далее в книге. А пока рассмотрим другую форму денег, которые породили мир-экономики – кредитную.

Появление кредитной формы денег прямо связано с особенностями миров-экономик как рыночной структуры, возникшей в рамках цивилизационной триады (города, письменность, религиозные установления). Не случайно Ф. Бродель отмечает: «По правде говоря, со времени, когда люди научились писать и им пришлось оперировать звонкой монетой, они заменили ее письмами, записками, обязательствами, платежными ордерами. За двадцать веков до нашей эры в Вавилоне среди городских купцов и банкиров использовались записки и чеки... Те же приемы существовали в Греции или в эллинистическом Египте, где Александрия сделалась «наиболее посещаемым центром международного транзита»... Интересно, что в Шумере, Эламе, Ассирии, Вавилоне, Хараппе и Мохенджо-Даро ученые нашли массу четырехугольных пластинок с рисунками и односторонними надписями. Их делали

³² Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 480.

не из металла, а из глины. Такие пластинки назывались “печа-тями”. Они по сути дела и явились предшественниками долговых обязательств»³³. Уже в цивилизациях Месопотамии появляются деньги и кредитные отношения в виде ростовщического капита-ла. Они рано стали служить средством сбережения и накопления. И не только в цивилизациях Двуречья, но также в Китае, Индии, Египте. Некоторые историки считают, что Индия будто бы имела банкиров уже в VI в. до н.э. в общем – за столетие до эпохи Перик-ла и в дальнейшем кредитно-денежные отношения в форме рос-товщичества пронизывали все слои общества³⁴.

Кредитные формы денег называют иногда *фидуциарными* (т.е. основанными на доверии). В их основе лежит *вексель* (от не-мецкого – обмен)³⁵. Исторически вексель возник и был связан с оживлением и ростом торгового оборота, прежде всего в странах ислама (IX–X вв.). Однако широкое применение он имел глав-ным образом в итальянских городах-государствах, откуда впо-следствии и распространился на другие страны. «Рим знал теку-щий счет, актив и пассив в книгах продавцов серебра (*argentarii*). И наконец, все орудия кредита – вексель, платежное распоряже-ние, заемное письмо, банковский билет, были знакомы купцам мусульманских стран, мусульманам и не мусульманам, какими их нам показывают, начиная с X в. н.э., документы, так назы-ваемые *генезы* (*geniza*), обнаруженные главным образом в си-

³³ Русский рубль: Два века истории XIX–XX вв. М., 1994. С. 7.

³⁴ Ростовщичество было органически «вписано» в рано сформировав-шийся внутрииндийский мир-экономику. Ростовщичеством занимались и общинная верхушка, и представители торгово-ростовщических каст, прочно обосновавшихся в XVII в. в индийской деревне, что было связано с практи-кой внедрения откупа земельного налога, а также замены натуральной ренты земельной.

«...Вездесущая денежная экономика была отличным приводным рем-нем; она облегчала обмены, множила их число, включая и принудительные обмены. Заслуга такого включения в кругооборот лишь частично принадле-жала правительству Великого Могола. Таким образом, превращения урожая в монеты были не только предметом и средством тезаврации, но и орудиями, необходимыми для функционирования огромной машины, от ее крестьян-ской базы вплоть до верхушки общества и деловой верхушки».

³⁵ Составленное по определенной форме обязательство (платежное сред-ство) уплатить определенную сумму денег в определенный срок. Имеется два основных типа векселя: *простой*, когда должник (векселедатель) обязует-ся уплатить сумму денег кредитору – векселедержателю, и *переводной* или тратта, когда векселедатель (трассант) поручает другому лицу (трассату) уп-латить сумму денег кредитору.

нагоге Старого Каира. Китай использовал банковские билеты с IX в. н.э.»³⁶.

Не только города и письменность, но также религиозно-духовные миры влияли на ареалы и масштабы развития кредитной стороны денежных отношений миров-экономик разных цивилизаций. Причем здесь речь идет не о технических препятствиях в пересылке векселей, а о религиозно-культурных преградах, поскольку за пределами Запада существовали плотные и эффективные кругообороты векселей, обслуживающих мусульманских, армянских или индийских купцов (и эти кругообороты, в свою очередь, останавливались у границ соответствующих религиозно-цивилизационных структур).

Векселя, главное кредитное оружие мир-экономик Запада, обращались почти исключительно в пределах христианского мира. В XV в. существовали генуэзские векселя на рынки Северной Африки. Однако подписывать их должен был либо генуэзец, либо итальянец. Причем в Ороне, Тлемсене или в Тунисе их принимал крупный купец-христианин. А это означало, что вексель оставался между единоверцами-христианами. Венецианские векселя на Леванте чаще всего выписывались на венецианского представителя (*baile*) в Константинополе или им подписывались. Эта практика объяснялась необходимостью совершать коммерческие операции в кругу купцов, руководствовавшихся теми же принципами и подчинявшихся той же юрисдикции, что и их единоверцы. Векселя экономик Запада обращались почти исключительно в пределах христианского мира еще в XVIII в., не переходя эти пределы в направлении мира ислама, Московской Руси или Дальнего Востока. Даже в XVIII в. выплаты по векселю, выписанному в английской Индии или в Иль-де-Франс, оставались операциями между европейцами, которые стояли у обоих концов торгово-денежных сделок.

Доверять коммерческие сделки купцам других религий означало подвергать себя риску сверх меры. В литературе есть объяснения, как можно было перевозить деньги с рынка на рынок посредством сменявших друг друга векселей *бания*, от любого рынка Индии до самого средиземноморского Леванта. То был последний перевалочный этап. Здесь соединяли свои границы и свои противодействия миры-цивилизации и миры-экономики. Но международная торговля их связывала между собой.

³⁶ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 502.

Все разнообразные и сложные монетарные системы, сложившиеся в разных регионах планеты, не исключили существования форм денег, *им сопутствующих*. Речь идет о *товарных деньгах*, рожденных в *малых товарных мирах*. Именно в границах этих малых товарных миров рождался особый вид товара, выполняющего в рыночных связях роль стоимостного эквивалента. Как только расширяется поле обмена товарами «раздается и лепет денег», эталона всех обменов. Эту роль играет тот товар, на который есть наибольший спрос, или же тот, что есть в изобилии. Бродель назвал их примитивными или товарными деньгами. Этот термин не употребляется в нашей литературе, за исключением нумизматики, где говорится о товар-деньгах. Они представляют собой некую промежуточную форму между бартерным и денежным обменом (у Маркса этот вид эквивалента соответствует развернутой форме стоимости). Поэтому особенные потребительские стоимости, которые в меновой торговле между различными общинами становятся товарами, например рабы, скот, металлы, чаще всего образуют первые деньги внутри самой общины».

Очень характерны в этом отношении примитивные деньги, существовавшие на Африканском континенте, товары, которые играли роль эквивалента, т.е. «средство обмена и признанное мерило ценности», будь то куски ткани, соль, скот или в XVII в. ввезенные железные бруски.

В разных регионах Африки примитивными деньгами служили разные вещи. Ими были медные браслеты (*маниллы*), *золотой песок на вес, лошади* (1 конь был равен 15 рабам); *крупные раковины разных цветов – зимбо* на берегах Конго и *каури*. (на мерном сите мелкие раковины отделялись от крупных; 1 крупная раковина равнялась 10 мелким). Каури – это небольшие раковины, голубые, с красными бороздками, из которых делали низки. В Индийском океане на затерянных Мальдивских и Лаккадивских островах европейцы загружали ими целые корабли, которые затем направляли в Африку, Северо-Восточную Индию и Бирму. Каури использовались в качестве денег на некоторых островах Индийского океана, имели даже хождение в Китае, заменяя в некоторых районах мелкую медную китайскую монету (в Юнани, стране леса и меди, они, как полагают, были в употреблении вплоть до 1800 г.).

В королевствах бассейнов Верхнего Сенегала, Верхнего Нигера, а также Эфиопии в качестве псевдоденег использовали соль; ее там распиливали на кусочки в палец длиной, и они служили как деньгами, так и пищей. На побережье Гвинейского залива при торговле неграми денежной единицей была «индийская штука», (она образовывалась из определенного количества хлопковой ткани из Индии, а также раба в возрасте от 15 до 40 лет). В Конго в качестве денег

использовались куски ткани различного размера: *лубонго* был величиной с лист бумаги, а *мпусу* – со скатерть.

Весьма экзотичными были примитивные деньги и в других регионах освоенной тогда людьми планеты. В Меланезии использовались так называемые «свиные деньги». Они представляли собой связки раковин, стеклянных бус, собачьих зубов и даже свиных хвостиков. Эти связки достигали иногда длины в 12 метров. На них покупали свиней и ими платили выкуп за невесту. Существовали псевдоденьги в виде *мраморных колец* на Ново-Гебридских островах; *церемониальных каменных топоров* – на Новой Гвинее. В Северной Америке индейцы в качестве денег использовали маленькие цилиндрики белого и голубого цвета, выточенные из раковин и нанизанные как бусы (*вампуны*).

Существование малых товарных миров и обслуживающих их товар-денег нельзя относить только к далекому прошлому. Они были сопутствующей реальностью существования рыночных отношений и при развитых денежных отношениях в разных цивилизационных структурах. Более того, уже при достаточно глубоком проникновении денежных отношений в рыночные связи оставались лакуны экономики, где большую роль играли товар-деньги.

В высоко развитой денежной системе Могольской Индии в XVI–XVII вв. при серебряно-медном биметаллизме большую роль играли псевдоденьги (каури из Бенгалии, горький миндаль из Ирана).

В Исландии еще в XV в. товар-деньгами была *сушеная рыба* (одна рыба за подкову, три за пару женских ботинок, 100 – за бочку вина и т.д.). В колониальной Америке в зависимости от района товар-деньгами служили *табак, сахар, какао*. Игральные карты служили деньгами во французской военной колонии в Канаде (XVII в.).

Не было исключением и некое сосуществование развитых денежных отношений с использованием на определенных уровнях экономики мелкой монеты, созданной самими розничными торговцами. «Каждый из таких лавочников выпускал свою разменную монету с собственным клеймом – деревянную, свинцовую, медную...», – пишет Бродель, говоря о развитии денежных отношений на Американском континенте в конце XVII в.³⁷

³⁷ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 475. При любом историческом катаклизме (война, революция) некоторые товары (обычно относящиеся к предметам первой необходимости – буханка хлеба, бутылка водки) начинают выполнять функцию меры стоимости и становятся товарными деньгами. В России в конце 90-х годов в процессе либеральных реформ темпы роста бартеризации были огромными и в качестве товарных денег стали выступать самые необычные

* * *

Предыдущий анализ развития различных форм денег в связи с теми или иными формами рыночных связей (мирового рынка, миров-экономик, малых товарных миров), в контексте влияния на них политических структур (государств) целесообразно дополнить исторической характеристикой их существования в древних цивилизациях. Именно древние цивилизации в их имперском облики – Мидо-персидская, Греко-македонская, Римская дают наглядное представление о формах взаимосвязи всех форм монетарных и кредитных денег, сложившихся за несколько столетий до новой эры. Именно они оказали большое воздействие на формирование денежных систем государств Западной цивилизации, особенности которой и являются непосредственным объектом анализа этой работы. Поэтому им посвящен отдельный исторический очерк.

4.4. Рыночные связи и денежные отношения в империях Древнего мира (Мидо-Персидской, Греко-Македонской, Римской)

В вопросе связи имперской государственности с образованием миров-экономик существуют разные точки зрения в отношении влияния политического фактора на эту рыночную интеграцию.

И. Валлерстайн полагает, что политические формы интеграции (особенно империи) не должны учитываться при рассмотрении образования миров-экономик. Другие экономисты (например, Ф. Бродель) отвергают этот подход. «По мнению Э.И. Валлерстайна, всякий раз, как мы имеем дело с империей, это означает, что лежащий в ее основе мир-экономика не смог развиться, что он бывал остановлен в своей экспансии... Это правда, что экономика плохо приспосабливается к требованиям и принудительным мерам имперской политики, не имеющей противовеса. Никакой купец, никакой капиталист никогда не будет в ней располагать полной свободой рук...»³⁸. Ему отвечает

потребительские блага. Тогда директора, например, машиностроительных предприятий выдавали своим рабочим зарплату полотенцами и посудой, обменянными на их собственную продукцию. Такими товарами предприятия вносили налоги в местные бюджеты. Муниципальные власти «выплачивали» таким ширпотребом детские пособия.

³⁸ Валлерстайн И. Современный мир-система. Т. 1. Капиталистическое земледелие и возникновение мир-экономики в шестнадцатом веке. 1974. С. 274.

Ф. Бродель: «Полагаю, что даже стесненный империей, угнетающей его и мало сознающей особые интересы разных своих владений, мир-экономика, притесняемый, поднадзорный, мог жить и укрепляться с примечательными для него случаями выхода за имперские пределы: римляне торговали в Красном море и Индийском океане; армянских купцов из Джульфы, предместья Исфахана, можно было встретить по всему свету; индийская баня доходила до Москвы; китайские купцы были неизменными гостями всех портов Индонезии; Московское государство в рекордный срок установило свое владычество над Сибирью – бескрайней (своей) периферией»³⁹.

В этом споре двух крупных экономистов доводы каждого имеют под собой серьезные обоснования, но в данном случае нас интересуют не общетеоретические рассуждения о том, каким образом имперская государственность стесняет свободу рыночных отношений, а что она вносит в развитие рыночных отношений. Эта постановка вопроса предполагает уяснение во-первых, различия между любой государственностью и имперской ее формой; во-вторых, влияния, которое оказывает любая форма государственности на денежно-рыночные отношения каждого данного общества и его отличия в имперских структурах.

История государственности важнейшего политического института в интеграции человечества начинает свой путь с небольших по территории образований, неустойчивых в своем историческом существовании. Это были вначале мелкие номовые государства или города-государства (как, например, в Шумере, Сирии и Финикии, Греции). Затем появились конгломераты таких государств, где более слабые платили дань более сильному и оказывали ему необходимую военную помощь в случае нужды в ней (таковы были Хеттская, Средне-Ассирийская державы). В этот же период возникли относительно крупные царства, объединяющие территорию целой речной долины (Египет и временами Нижняя Месопотамия и Элам).

Возникновение государства, а оно, как правило, связано с возникновением городов – основы миров-экономик уже само по себе рождает особый тип потребностей любого общества – *государственных потребностей*, требующих материальных и, в первую очередь, денежных средств (налогов) для своего функционирования. Военная составляющая (оборона и нападение) в этих потребностях всегда доминировала. А это означает, что любой мир-экономика в той или иной степени зависит от государственной власти. В имперских структурах круг государственных потребностей

³⁹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 49.

и расширяется, и углубляется. Они уже связаны с особым типом государственности, представленной имперской ее формой⁴⁰.

Разница между империей, политически скреплявшей цивилизации, и ранее существовавшими государствами состояла в том, что:

во-первых, протяженность имперской территории была гораздо большей и не ограничивалась каким-то одним, даже крупным, регионом, части которого естественно тяготели друг к другу в силу тесных экономических, географических и племенных связей. Наоборот, империи обязательно объединяли территории, не однородные по своей экономике, этническому составу населения и культурным традициям. Они разрушали традиционные структуры подчиненных стран, подразделяя завоеванные территории на единообразные административные единицы (области, сатрапии, провинции). Все эти подразделения управлялись из единого центра, а автономные единицы, если и сохранялись в пределах империи, то имели второстепенное значение;

во-вторых, в имперских структурах уже четко выделяются государственные потребности по содержанию верховной власти и

⁴⁰ В общественной литературе имперская форма государственности освещается весьма поверхностно и противоречиво. В БСЭ дается такое определение империи. «Империя – это: 1) наименование монархического государства, главой которого является император. Империя – чаще всего обширное государство, включающее в свой состав (нередко путем завоеваний) территории других государств и народов; некоторые империи имели в своем составе королевства. Империей называлось Римское государство (после установления там в конце в конце I в. до н.э. при Августе единоличной власти императора). Позднее империей были Византия, Франкское государство (принятием в 800 г. Карлом Великим титула императора-средневековая «Священная Римская империя»), царская Россия была империей со времен Петра I (1721 г.). Империями именовались буржуазные Франция при Наполеоне (1-я империя) и Наполеоне III (2-я империя); Австрия с 1804 (с 1868 Австро-Венгрия) до 1918; Германия с 1871 г. до революции 1918 г. 2) Крупные государства, имеющие обширные колониальные владения. Империю образуют метрополия и ее колонии».

Есть более удачное, по нашему мнению, определение этой формы государственности, данное в энциклопедии Britannica. «Империя – термин для обозначения государства большого размера, также (как правило) сложного состава, часто, не обязательно, управляемое императором, государство, которое может быть федерацией, как Германская империя с 1870 по 1918 г., или унитарным государством, как Российская империя до краха, или как Великобритания, содружеством свободных государств с определенной субординацией».

органов управления. Кроме того, развиваются потребности, возникающие вследствие проявления государственной жизни, которые предстают как потребности по организации внутренней жизни государства и потребности по внешним отношениям. Насильственные военные методы с кровопролитнейшими захватническими войнами, опустошением целых стран, массовым истреблением жителей стояли не только у истоков этих военно-политических структур. Они были органически вписаны в текущую жизнь имперских структур, в дальнейшем обуславливая необходимость содержания военного и полицейского аппарата, а стало быть, и потребности в соответствующих материальных, в основном денежных, средствах на эти цели. В этих условиях нашла свое выражение тенденция, когда государство стимулирует денежный спрос, превышающий реальные возможности товарного обращения, ведущие к разорению производителей и возникновению ростовщического капитала;

в-третьих, империи воспринимали себя как «долгоживущие» исторические структуры, что вносило особое качество в характер верховной власти. Они не чувствовали себя «временщиком» на этой земле, так как по их самоощущению они жили для вечности. Все «поднебесные», «священные», «христианнейшие», «державные» империи вне зависимости от того, как долго над ними «не заходило солнце», выделяли себе тысячелетия жизни. Отсюда стремление к расширению, к территориальной экспансии «большого пространства», адекватного их вечности, создающего устойчивость по отношению к текущим политическим событиям, включая войны. «Выход государства, даже непрерывно растущего, из его привычной геополитической сферы есть момент, когда количество переходит в качество с его особым универсальным политическим самопознанием»⁴¹. Имперское сознание проясняет (воссоздает) не всегда точно выраженные религиозно-духовные цели каждой данной цивилизации, политическим оформлением которой они являются. Отсюда их стимулирующее влияние на развитие многих отраслей культуры и искусства, зодчества, прославляющих их державные имперские амбиции, а значит, потребность в денежных средствах, которые идут на эти цели.

Присутствие насильственной властной силы с соответствующим механизмом интеграции пространств и наличием информа-

⁴¹ Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998. С. 59.

тивно-коммуникационного фактора, размывающего узкорегionalные границы существования отдельных народов и способствующего экономической интеграции отдельных его частей с использованием денежных отношений, можно выявить в каждой из империй.

Феодално-христианская версия всемирной истории полагала, что согласно божественному плану «Провидения», должны были существовать четыре монархии (империи) – Ассирийско-Вавилонская, Мидо-Персидская, Греко-Македонская и Римская. Однако в этом откровении христианских историков сказывается узость евроцентризма. Во времена господства Римской империи, охватывающей многие страны Западной Европы, Северную Африку и Переднюю Азию, важнейшую роль в мировой истории в первой половине новой эры (в I тысячелетии) играли еще четыре крупные политические геополитические структуры. К ним надо отнести Ханьскую империю в Китае; Кушанское царство в Средней Азии; империю Гуптов в Индии; царство Сасанидов (включавшее Иран, Месопотамию и часть Средней Азии). В последующие столетия роль имперских структур в интеграционных процессах не уменьшается. Укажем здесь Византийскую империю, Арабский халифат, Монгольскую империю, Китайскую империю Мин, державу Сефевидов, Государство Великого Могола. Каждая из этих империй представляла мощные не только военные, но и иерархически социально-политические организационные структуры, включающие государственный аппарат, штат чиновников, организованные территории во главе с наместниками.

Однако на последующее политическое и экономическое развитие Европы, на ее рыночные связи и денежные отношения определяющее воздействие оказали три имперские структуры, обладавшие некоторой исторической преемственностью в своем становлении и развитии. Это Мидо-Персидская, Греко-Македонская и Римская империи, каждая из которых обладала развитыми товарно-денежными отношениями, которые нами и будут рассмотрены в интересующем нас аспекте.

Мидо-Персидская монархия или держава Ахеменидов формируется на территории ряда древних цивилизаций в VII–V в. до н.э. В нее вошли области Малой Азии, Элам, Вавилония, Сирия, Финикия и Египет, которые ранее входили в Ассирийско-вавилонскую древнюю цивилизацию. Дарий I разделил империю на административно-податные округа, которые назывались сатрапиями. Как правило, сатрапии превосходили границы более ранних политических структур, а в ряде

случаев границы сатрапий совпадали со старыми государственными и этнографическими границами стран, входивших в состав этой империи (например, Египет, Мидия, Элам). Список сатрапий, содержащихся в древне-персидских надписях, включает 23 страны и около 70 народов, которые были в подчинении Ахеменидских царей. Внутри сатрапий могли существовать автономные, самоуправляющиеся племена и города (наиболее важными из последних были финикийские, а также греческие города в Малой Азии). Персы не вмешивались в дела финикийцев и те до конца поддерживали Ахеменидов.

В Мидо-Персидской державе Ахеменидов в качестве наместников выступали сатрапы. Широкое дорожное строительство было характерной чертой на протяжении многих столетий в империи Ахеменидов. «Через западные сатрапии проходили знаменитая «царская дорога» из Сард в Вавилон и многие другие важные пути, по которым спешили гонцы почтовой службы, шло войско, путешествовали купцы, а иногда и жаждающие знаний мудрецы. Эти дороги способствовали миграционным процессам, весьма интенсивным в ахеменидские времена»⁴². Сатрапы должны были обеспечить благоустроенные дороги со станциями (через каждые 25 км), имевшими служебные помещения.

Около 518 г. до н.э. Дарий I установил новую общегосударственную налоговую систему. Все сатрапии обязаны были платить строго фиксированные для каждой области денежные налоги, установленные с учетом количества обрабатываемой земли и степени ее плодородности.

В целом же историки характеризуют время правления Ахеменидов как период, связанный с интенсификацией торговли на территории империи. Археологические находки греческих, египетских, малоазийских, южноарабских и других изделий свидетельствуют о разветвленности торговых связей, включавших в себя существование внешней и транзитной торговли с оживленной внутренней торговлей. Из Малой Азии вывозили железо, медь, серебро, золото, строительный лес и полудрагоценные камни, из Сирии – изделия из стекла, из Египта – зерно, полотно, золото и слоновую кость, из Финикии – кедр и крашеную шерсть, из Аравии – золото, благовония и др. Особенно характерно для VI–IV вв. до н.э. вовлечение во внешнеторговые связи районов, ранее мало участвовавших в них. Так, в Иудею теперь ввозили золото и серебро, древесину и драгоценные камни, керамику и ткани, благовония и другие товары, а вывозили бальзам, асфальт, парфюмерию, вино и др.

⁴² История древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1983. С. 197.

Денежное хозяйство Мидо-Персидской империи было упорядочено: введена была единая чеканка монет. Существовали следующие типы монетной чеканки: царская; сатрапская; провинциальная с изображением царя. Завоевав Лидию, персы познакомились с золотой монетой и стали применять деньги в некоторых видах платежей. После 517 г. Дарий I ввел в Ахеменидской державе монетарную единицу, составлявшую основу единой для всей империи денежной системы – *золотой дари*. Золотая монета персидских царей, весом в 8,4 грамма и с изображением царя в виде лучника, имела хождение не только в самой империи, но и в соседних странах, в частности в Балканской Греции, где она высоко ценилась.

Сатрапы могли чеканить серебряную монету, а автономные города и области выпускали медные деньги. Обычным средством обмена служил *царский серебряный сикл* весом 5,6 грамма, чеканившийся главным образом в малоазийских сатрапиях. Как на дарике, так и на сиклях помещалось изображение персидского царя. В областях с менее развитыми товарными отношениями (например в Египте, на востоке Ирана) металл даже в монетарной форме по-прежнему принимался только *на вес*.

Около 518 г. до н.э. Дарий I установил новую общегосударственную налоговую систему. Все сатрапии обязаны были платить строго фиксированные для каждой области денежные налоги, установленные с учетом количества обрабатываемой земли и степени ее плодородности. В среднем каждая сатрапия платила количество талантов, равное примерно 30 килограммам серебра. Остальные народы платили в общей сложности около 7740 вавилонских талантов серебра (232,2 тонны)⁴³. При этом Вавилония платила 1000, Египет 700 талантов серебра, Индия платила налог золотом. При Дарии I в совокупности сумма налогов, ежегодно поступающих со всех сатрапии, равнялась 14560 талантам (свыше 400 тонн) серебра.

Взимание Ахеменидами основного налога в серебре способствовало развитию товарно-денежных отношений и разорению земледельческого населения. Лишь некоторые сатрапии (Лидия, Киликия и др.) обладали собственными рудниками, остальные должны были приобретать серебро путем продажи продуктов земледелия и ремесленных изделий. И вместе с тем существовал важный фактор, который препятствовал этим процессам. *Он был*

⁴³ Там же. С. 152.

связан с тем, что деньги, поступающие в качестве государственных налогов и в течение долгих лет откладывавшиеся в царских сокровищницах, были изъяты из обращения и только небольшая часть их поступала обратно в качестве жалования для наемников. Поэтому для торговли не хватало чеканной монеты и даже драгоценных металлов в слитках. Это принуждало к сохранению натурального хозяйства или заставляло прибегать к прямому обмену товарами. Для уплаты налогов населению приходилось также прибегать к ростовщическому кредиту.

Персидская держава была разгромлена весной 334 г. до н.э. армией Александра Македонского, в создании которой большую роль сыграло и золото. Лидийский царь Крез, обладавший большим количеством золота, при подготовке войны с персами пожертвовал в святилище Аполлона в Дельфах 117 слитков драгоценных металлов, из них 4 золотых, весом 2,5 таланта каждый, а также статую льва из чистого золота весом в 10 талантов⁴⁴. (Афинский талант был равен 26,2 килограмма серебра).

В десятилетний срок Александром Македонским была создана Греко-Македонская империя – грандиозное государство, простиравшееся от Египта до берегов Инда, от Черного моря на севере до Персидского залива на юге.

Столицей новой империи был избран Вавилон. Этот выбор не случаен – он соответствовал основной идее – созданию единого народа «персозлинов» и объединению всех культурных традиций завоеванных им стран. Месопотамия, старый цивилизационный центр Ближнего Востока, был соединен караванными путями с Ираном, Кавказом и Средиземноморьем и водными путями с Персидским заливом, Аравией и Индийским океаном. Она была естественным экономическим и политическим центром ближневосточных государств вплоть до средневековья.

Александр не мог реализовать свои планы и обеспечить целостность созданного им государства. Но он содействовал созданию новых, более гибких политических форм на Ближнем Востоке. Это было связано, прежде всего, с упрочением центрального правительства. Важным шагом в этом направлении было разделение власти в сатрапиях. Поставив в Иране на первых порах сатрапов-персов, Александр лишил их финансовой и военной власти. Наряду с сатрапом назначался специальный военачальник, при этом сбор налогов и все другие финансовые вопросы были поручены особому чиновнику, подчиненному главному казначею, ответственному только перед царем.

⁴⁴ Геродот. История. В девяти книгах. Книга вторая. Евтерпа. Л., 1972. С. 42.

Держава Александра к моменту его смерти состояла из разнородных областей, мало связанных между собой. Это была старая Македония, сохранявшая свой прежний жизненный уклад, так же как и зависимые от Македонии полисы европейской Греции, многие из которых мечтали о полной самостоятельности.

Малая Азия резко делилась на несколько зон. Греческие полисы западного побережья Эгейского моря тяготели к своим европейским собратьям, несмотря на многолетнее господство там персов. В то же время города южного побережья представляли иной тип, больше похожая на финикийские города.

Египет, мало связанный с Ахеменидской державой, и при Александре сохранял полную самостоятельность. Финикия и Сирия играли важную роль посредников между Западом и Востоком и поэтому мирились с македонским завоеванием.

Центральные и северо-восточные районы (фригийцы, армяне, различные закавказские и прикаспийские племена), по сути, не были покорены Александром (одни номинально признавали власть Александра, другие оставались совершенно независимыми). Так же обстояло дело и с племенами и народностями, населявшими восток Ирана и Среднюю Азию.

Вкрапленные в эту разнородную стихию малочисленные гарнизоны греков (даже не македонцев) чувствовали себя неуверенно в этих негостеприимных местах и стремились их покинуть.

И тем не менее, влияние империи Александра Македонского сыграло большую роль в развитии денежных отношений. В IV в. до н.э. «все золото мира» скопилось в сокровищах владык Персии. Фантастическое количество серебра захватил Александр Македонский при разгроме Персии. В трех столицах Персидской державы (Персеполисе, Сузах, Экбатане) было взято 340 тыс. тонн талантов золота и серебра. Эти цифры получают особый смысл, если сопоставить их с состоянием финансов Александра в начале восточного похода. Тогда в его казне находилось только 70 талантов серебра, в то время как долги составляли 1300, а ежемесячное содержание войска и флота обходилось в 300 талантов. Дорогостоящая война должна была принести огромную добычу, иначе она превратилась бы в государственную катастрофу.

Большие изменения были внесены в организацию денежной системы империи. У сатрапов было отнято право чеканки монет, которым они пользовались при Ахеменидах. Только Вавилон, некоторые финикийские и греческие города продолжали чеканить монету самостоятельно.

Александр не только взял в свои руки чеканку монет, но и произвел существенную денежную реформу, перейдя целиком на серебряную основу и объединив аттическую денежную систему с

ахеменидской. При этом огромные сокровища Ахеменидов, лежащие в казне мертвым капиталом, были пущены в оборот.

Денежные знаки тогда были представлены *талантом, миной, драхмой, персидским дариком*. Талант – это древнегреческая весовая единица, которая в различных городах Греции имела различное весовое значение. Наибольшее распространение имел аттический (афинский талант). Афинский талант был равен 26,2 килограммам серебра или 60 минам. *Мина* содержала 437 граммов серебра и 100 *драхм*. 2 драхмы были равны золотому персидскому дарикю.

Несмотря на то, что после смерти Александра Македонского его империя распалась на ряд больших самостоятельных государств, эллинизм пустил глубокие корни. Начиналась эпоха, которая в научной литературе получила название *эллинизма*. (Этот термин ввел немецкий историк Дройзен, выпустивший в 30-х годах прошлого века трехтомную «Историю эллинизма». Хронологически эллинизм включает период от распада монархии Александра Македонского (323 г. до н.э.) и образования отдельных эллинистических государств – царства Птолемеев в Египте, Селевкидов в Азии (Сирийское царство), Антигенов на Балканском полуострове (Македонское царство) до римских завоеваний государств Восточного Средиземноморья в III–I вв. до н.э.

Возникновение новых «эллинистических» государств было подготовлено всем ходом предшествующего развития как самой Греции, так и стран Ближнего Востока. Это было время взаимодействия местных и греческих обычаев, установления правовых норм, связанных с местными традициями, образования нового государственного аппарата.

Обширное градостроительство в странах Азии, проводившееся Александром и его преемниками, не может быть объяснено одной лишь греческой колонизацией – для этого не хватило бы всех жителей Греции. Помимо воинов и знати, непосредственно влитых в состав греческо-македонского войска, эллинизации неизбежно подвергались многочисленные местные жители. К ним надо отнести торговцев-поставщиков, обслуживающих войско, детей от местных женщин и македонских воинов, жителей разрушенных городов и т.д. В эпоху существования эллинистических государств громадные изменения произошли в области экономики, так как постепенно стали развиваться торговые связи между древними центрами ремесла и торговли (Месопотамия, ряд районов Египта, западная Малая Азия, города Сирии и Палестины) и глубинными районами Малой Азии, где господствовало натуральное хозяйство.

Экономической базой эллинистической эпохи был *торговый капитал* Средиземноморского бассейна, выросший на ремесленно-

колонатной основе. Важная особенность обмена (рыночных связей, выражаясь современным языком) состояла в том, что в наиболее крупных государствах *внешняя торговля* находилась под контролем *центральной власти*. Эллинистические монархи имели в своем распоряжении торговый флот, караванные стоянки находились в ведении центральной администрации. Правители проводили определенную внешнеторговую политику, поощряя ввоз одних и запрещая вывоз других товаров, регулировали сельскохозяйственное и ремесленное производство. И не случайно в этих государствах главную роль играли приморские города – Александрия, Антиохия, Пергам, Фессалоники и др., славившиеся произведениями своих мануфактур (льняных, шерстяных, оружейных, стеклянных и т.п.), а также своими гаванями.

После распада мировой империи Александра денежные сокровища растеклись по государствам, на которые распалась эта держава и которые чеканили свою монету. Один из владык Бактрии – государства в Средней Азии, на которые распалась держава Александра Македонского – чеканил самую большую из известных золотых монет – 20-кратный *статор* весом в 168 граммов при диаметре 58 мм⁴⁵ и серебряные монеты достоинством в 20 драхм и весом более 80 граммов. Портреты греко-бактрийских царей на монетах считаются одной из непревзойденных художественных вершин античного модельерного искусства. На оборотной стороне монет изображались греческие божества, покровительствующие царю, прототипом для которых служили лучшие каноны эллинистического времени⁴⁶.

На смену эллинистическим государствам приходит **Римская империя** как политическая форма италийской цивилизации. Эллинизацию вытесняет романизация.

В италийской цивилизации и, соответственно, ее экономике выделяется как наиболее древнейший (VIII в. до н.э.) этрусский период. Этрурия была районом крупного землевладения. Здесь рано развились ремесла. Этруски славились высокой техникой обработки металлов, высокого мастерства достигло керамическое производство. В самой Этрурии добывалась медь, а на соседнем острове Эльба – железо. Было развито мореплавание и торговля, в том числе посредническая (внешняя) с другими странами (признак талассократической цивилизации). Этрусские корабли появлялись в Карфагене, Фини-

⁴⁵ Quiring H. Op. cit. S. 99.

⁴⁶ История древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1983. С. 473–474.

кии, Греции, перевоза металлические изделия Карфагена и продукты сельского хозяйства в разные страны Средиземноморья.

Большую роль в истории становления италийской цивилизации, а затем и Римской империи играл Лация (родина латинской ветви италийских племен). Итало-сицилийская версия связывает италийское прошлое с легендарной греческой историей о пребывании в Италии Одиссея, о путешествиях троянца Энея. Среди городов Лация особое значение приобрел Рим (наиболее распространенная дата его основания 754–753 гг. до н.э. Общеизвестна легенда об основании этого города двумя братьями Ромулом и Ремом, о ссоре между братьями, во время которой Ромул убил Рема, а также название нового города Римом в честь старшего брата. Сельское хозяйство было основой экономики города. По преданию, Ромул разделил землю между гражданами: каждый получил по 2 югера (1/4 гектара). Участок переходил по наследству. При этом значительная часть земли находилась в коллективном пользовании. Хлебопашеством занимались преимущественно плебеи, у которых собственность на землю появилась раньше, чем у патрициев. Ремесло и торговля также находились в руках плебеев и чужестранцев.

Основой могущества патрициев было скотоводство (не случайно слово *ресипиа* – деньги происходит от *ресис* – скот). «Нужно все же заметить, что имущественные различия в это время не были еще значительны, образ жизни патрициев отличался простотой. И Рим продолжал сохранять черты крестьянского города»⁴⁷. И в более поздние времена основой экономики римского общества оставалось земледелие, но основанное на рабовладении. Поэтому уже к середине II в. до н.э. рабовладение в Риме приобрело классическую форму, опираясь на крупное плантационное хозяйство в римских латифундиях, связанных с мировым рынком.

Не случайно Марк подчеркивал, что рабовладельческое хозяйство проходит ряд ступеней от патриархальной системы, рассчитывающей преимущественно на собственное потребление, до собственно плантаторской системы, работающей на мировой рынок. Впоследствии труд рабов стал применяться в промышленности – в рудниках и каменоломнях.

Новые экономические отношения и социально-экономическая стратификация общества оказали влияние на особенности развития внутреннего рынка и внешней торговли.

Внутренний рынок этой громадной империи, при всех региональных отличиях, был связан с развитием мелких ремесленных мастерских, обслуживающих нужды сельского хозяйства в тех или иных потребительских товарах (туники, плащи и обувь для рабов; ведра, урны для оливкового масла и вина, различные мед-

⁴⁷ Машкин Н.А. История древнего Рима. М., 1947. С. 94.

ные сосуды). Но денежные отношения развивались слабо, что определялось двумя факторами.

Во-первых, предметы широкого обихода, удовлетворявшие насущные потребности широких масс, изготовлялись на месте, и торговля ими была крайне незначительной. К этому надо добавить, что покупательная способность подавляющей массы населения оставалась необычайно низкой. Налоговый гнет был велик, население платило поземельный и подушный налоги, а также было обременено множеством разнообразных косвенных, а иногда и чрезвычайных налогов.

Во-вторых, развитию денежного хозяйства препятствовал постоянный рост крупных поместий, который не могла приостановить политика императора династии Антонинов, покровительствовавших среднему землевладению. Рост крупных землевладений обуславливался разными причинами: выгодным сбытом сельскохозяйственных продуктов, а также тем, что помещение средств в землю было наиболее надежным способом их сохранения. Кроме того, землевладение считалось наиболее почетным и наиболее достойным занятием. Крупные поместья имели своих, обычно несвободных, ремесленников, свои мастерские, кирпичные заводы или заводы черепицы, работавшие для собственного потребления.

По-иному складывались товаро-денежные отношения на *внешнем рынке*. Уже в начале II в. до н.э. римляне отвоевывают организационные позиции в международной торговле. Раньше основные торговые центры находились на Востоке. В середине II в. до н.э., особенно после падения Карфагена и Коринфа, большое значение приобретает Делос, соперничая с Родосом, который в III и II вв. до н.э. играл исключительную роль в мировой торговле. Морская торговля приносила большие доходы, но она была связана с риском, так как морской транспорт часто страдал и от стихийных бедствий, и от нападения пиратов.

В начале нашей эры (I–II вв.) товарно-денежное обращение было развито между всеми частями империи, объединявшей военной силой громадное пространство от Малой Азии и Сирии, Северной Африки и Египта до всей Западной Европы, Придунайских областей, Северного Причерноморья.

Развитию обмена способствовал мир, установленный военной силой Империи в этой части Ойкумены. Большое значение имела забота императорского правительства о путях сообщения.

На постройку удобных дорог, строительство которых преследовало в первую очередь стратегические цели, тратились громадные средства, не говоря уже о привлечении подневольной рабочей силы. Вместе с тем в рамках этого политического целого происходили экономическая колонизация и интеграция Восточных и Западных регионов Европы с Малой Азией и Египтом, каждый из которых имел свои особенности в экономическом развитии, но которые вместе создавали некое замкнутое и самодостаточное экономическое целое.

Восточные области империи, расположенные на берегу морей или на перекрестке торговых путей Малой Азии и Сирии, имели и оживленный товарный обмен внутри каждой из провинций и глухие, полностью натурализованные пастушеские и сельские районы. Это сочеталось с высоким экономическим развитием старинных торговых городов как в Малой Азии (Милет, Эфес, Пергам, Смирна), так и в Сирии. В Тире изготовлялись пурпуровые ткани; в Сидоне – изделия из цветного стекла, в других городах предметы золотых и серебряных дел мастеров. Большой известностью пользовались сирийские шерстяные и льняные ткани, а также материи, вытканые из китайского шелка⁴⁸.

В Египте находились огромнейшие императорские поместья, которые давали много хлеба, значительная часть которого шла в Рим; оттуда вывозились также льняные ткани, папирус.

Отличительной особенностью экономики Испании в рамках имперского мира являлась сырьевая направленность ее экспорта –

⁴⁸ Тир – прямой наследник Финикии. Финикия – это название узкой береговой полосы в Северной Сирии между Ливаном и Средиземным морем, заселенной семитической народностью финикийцев. Выгодное географическое положение Финикии сделало ее (особенно в начале I тысячелетия до н.э.) центром торгового мореходства древнего Востока. Торговля Финикии была отчасти транзитной, отчасти основанной на собственном производстве (пурпурные ткани, металлические изделия, стекло и пр.) На почве средиземноморской торговли возникла обширная финикийская колонизация, преимущественно в западной части Средиземного моря – на островах Мальте, Сицилии, в Северной Африке, где финикийцы основали во второй половине IX в. до н.э. Карфаген, и в южной Испании вступили в тесные отношения с греками. В политическом отношении Финикия распадалась на ряд отдельных городов-государств, из которых сначала возвысился Сидон, а затем Тир. Это были монархии, в которых фактическая власть находилась в руках торговой знати. Узость прибрежной полосы, занятая Финикией, и ее местоположение между крупными государствами Месопотамии и Египтом мешали образованию крупного государства. Поэтому она попадала в зависимость от крупных империй того времени – Ассирии, Нововавилонского царства, Персии. Затем, несмотря на упорное сопротивление Тира, Финикия была завоевана Александром Македонским, а потом попала под власть Рима.

вывозились металлы (золото, серебро, свинец, медь, железо) из месторождений, наиболее богатых рудными залежами, принадлежавших государству или императору (рудники сдавались на откуп кондукторам, которые представляли металл в казну в виде слитков). Поскольку в Испании ремесло было развито сравнительно слабо, оттуда вывозилось также сырье для различных италийских мастерских. Наоборот, готовые изделия ввозились сюда из Италии и Галлии. Испания экспортировала также оливковое масло, виноградные вина, продукцию рыбных промыслов.

В римский период восточные города Римской империи не достигли того же уровня экономического развития, на котором они стояли в лучшие времена эллинистической эпохи. Однако они продолжали сохранять свою самобытность как в хозяйственном, так и в культурном отношении, хотя с Западом были установлены регулярные торговые связи, шедшие разными путями. Кроме традиционных средиземноморских путей, Восток был связан с западными римскими провинциями через Вифинию и Мезию.

В этот же период продолжается упадок городов собственно **Греции**, который не могли приостановить милости императоров.

Экономическое развитие **западных городов** шло несколько иным путем, чем развитие городов Востока. В значительной своей части западные провинции остались по преимуществу сельскохозяйственными областями. Сицилия поставляла хлеб, Сардиния была известна своими сельскохозяйственными продуктами и минеральным сырьем, Корсика – экспортом леса.

Британия – одна из наименее романизированных провинций империи, вывозила главным образом металл, особенно железо и олово, а также рабов.

Наоборот, экономическое развитие **Галлии** (особенно южной) было связано с ее интенсивной романизацией, хотя большинство галльских городов возникло еще в доримскую эпоху и представляло центры племенных поселений, округов. Однако в силу успешной романизации галльской аристократии и притока в пределы провинции римских переселенцев в основанные Римом города хлебопашество, развитое во всех областях провинции, способствовало тому, что его продукция было достаточно, не только для внутренних нужд, снабжения северных армий, но и для вывоза в другие области Италии. Галлия экспортировала вина, конкурирующие с лучшими италийскими сортами, оливковое масло, а также вследствие развития разнообразных ремесел, – льняные ткани, галльские шерстяные платки, керамические изделия, особенно глиняные лампы и изделия из металла.

Внешний рынок характеризовался торговлей с другими странами, при которой ввоз значительно превышал вывоз, т.е. долгое время *внешняя торговля Рима была пассивной – стоимость италийского экспорта была значительно ниже стоимости ввозимых в Италию товаров*. Главное место в импорте занимали рабы и хлеб, за этими товарами следовали предметы роскоши, относя-

щиеся к самым разнообразным сторонам римского быта. *Если же говорить о внешней торговле с цивилизациями Востока – Индией и Китаем*, то предметами *внешней восточной* торговли были исключительно предметы *роскоши*: из Индии шли драгоценные камни, жемчуг, ткани из хлопка, а из Китая – шелк.

Экспорт был связан с вывозом италийского вина в различные области Эгейского моря и вытеснением с этих рынков греков. В более поздние времена – в I в. до н.э. италийское ремесло стало обслуживать не только внутренний рынок. В имперский период север Италии развивается как промышленный район (производство цветной керамики, бронзовых и железных изделий, ламп, зеркал, металлических сосудов, стеклянных изделий и шерстяных тканей). Эта продукция вывозилась в отдаленные провинции, главным образом в Западные, так как Восток не нуждался в италийских товарах, поскольку ремесло там было развито издавна.

Военно-политическое положение Рима имело своим следствием и концентрацию денежных средств, поступавших в виде военной добычи, налогов, процентов с отданного в рост капитала и т.д. Часть средств вкладывалась в сельское хозяйство: они шли на приобретение земель, оборудование имений, покупку сельскохозяйственных рабов, учитывая, что войны содействовали не только притоку рабов, но и их сравнительной дешевизне. *Этот период характеризуется симбиозом в развитии менового хозяйства, торговли, рабовладения, спекулятивных денежных операций, ростовщичества на фоне римских завоеваний.*

«Римские завоевания открыли широкое поле деятельности главным образом грекам из южной Италии и кампанским купцам. Во всевозможные спекуляции были втянуты и различные слои римского населения. Первое место занимали, конечно, всадники. Но причастны были и нобили, действовавшие прежде всего через своих клиентов. Даже ревнитель сельского хозяйства Катон...покупал и перепродавал промысловые озера, места, удобные для устройства сукновален, ссужал деньги под залог кораблей и пр. ...»⁴⁹.

Несмотря на неоднократно повторяемые законы против ростовщичества, оно в этих условиях расцвело пышным цветом. Денежные люди (главным образом вольноотпущенники или чужестранцы, прежде всего греки) открывали меняльные лавки, соответствующие банкирским конторам конца Средних веков и начала Нового времени. Они (их называли *аргентариями*)

⁴⁹ Машкин Н.А. Указ. соч. С. 465–467.

всегда располагали наличными средствами, следили за состоянием денежного рынка, производили обмен монет, определяли их качество, хранили и переводили денежные суммы со счета одного вкладчика на счет другого и ссужали деньги под проценты. *Но настоящего кредита в Риме не существовало – денежные операции носили по преимуществу ростовщический характер.*

Интересно развивалась *денежная система Римской империи*. В Этрурии денежные отношения сначала обслуживали ионийские греческие монеты и только впоследствии этрусские города сами начали чеканить монету по греческим образцам. По сравнению с греческими городами, Рим сравнительно поздно переходит к чеканке собственных монет, пользуясь монетой Великой Греции. Во время войны с самнитами и с Пирром в Риме обращаются серебряные драхмы из Кампании и Великой Греции.

В Риме финансы, торговля и откуп находились в руках сословия всадников. В зависимости от всадников-ростовщиков попадали иногда целые провинции на восточных окраинах империи: в Италии величина ссудного процента была ограничена законом, а в провинциях процентная ставка ничем не ограничивалась и могла достигать до 50%. Если должник оказывался не в состоянии вернуть долг, его ждало рабство⁵⁰.

⁵⁰ Ростовщичество не было «изобретением» римлян. Взимание процента являлось «достижением» Шумеро-аккадской цивилизации. Развитие ростовщичества в Шумере поощрялось религиозной элитой – жрецами. Наибольших масштабов достигло храмовое ростовщичество. Существовало много форм кредитов в зависимости от условий их предоставления. Самой распространенной формой процентных отношений были обычные кредиты. В случае невозврата долга в срок должник был обязан выплатить удвоенную сумму в обмен на отсрочку платежа.

Ростовщичество заметно способствовало поляризации общества в государствах Междуречья. Единственным способом борьбы с его негативными последствиями были для государства царские амнистии, в результате которых должникам прощались их долги, и кредиторы более не смели ограничивать их свободу. Подобные амнистии были распространены в Шумере, Вавилоне и Ассирии. При этом важно отметить, что амнистия касалась лишь сельскохозяйственных кредитов, но не распространялась на кредиты, предметом которых выступало серебро. Другим способом частичного преодоления негативных последствий ростовщичества был строго установленный срок долговой зависимости. Должник, попавший в зависимость от кредитора и вынужденный физическим трудом погашать свой долг, освобождался, в соответствии с законами Хаммурапи, от задолженности по истечении трех лет. Впоследствии практика взимания процентов через финикийцев была заимствована Грецией и Римом.

Долгое время у римлян были в обращении слитки необделанной меди (*aes rude*). Затем в Риме появляется чеканная монета, сначала медная, а потом серебряная. В период становления Римского владычества в обращении было шесть видов *медных монет* (*As libralis* – самая большая, весом в 327,45 грамма и самая маленькая *Uncia* равная 27,288 грамма). Затем (вплоть до образования Империи в обращении находятся мелкие медные монеты – *As uncialis* и *As trientalis* достоинством в одну унцию меди (27,288 грамма) и четыре унции меди (109,15 грамма). Вплоть до 200 г. до н.э. Рим испытывал известный недостаток в серебряной монете, но после присоединения Испании с ее богатыми серебряными рудниками римское государство получило возможность полностью обеспечить *серебряную основу своей денежной системы*, хотя сначала *бронзовый асс* играл роль разменной монеты (регулярная чеканка медных ассов относится ко второй половине IV в. до н.э.). После победы над Пирром, в 268 г. до н.э. римляне перешли к чеканке серебряной монеты. Было установлено отношение серебра к бронзе как 1 : 120.

Единицей денежной римской системы в тот период был установлен *денарий* (*Denarius* был равен 4,00 граммам серебра) и соответствовал *аттической драхме* или 10 *бронзовым ассам*. Мелкой серебряной монетой был *сестерций* (равный примерно в 1,09 граммам серебра) и 1/4 денария).

В поздний период в Римской империи в обращении были медные, бронзовые, серебряные, а также золотые монеты. В период империи в обращение входит *золотая монета*, которая имеет хождение вначале наряду с серебряной. Появление золотых монет было связано с тем, что на территории империи в больших масштабах велась добыча золота. Современная Испания после того, как она была завоевана Римом (II в. до н.э.), Галлия и Египет (I в. до н.э.) были его основными поставщиками. Хотя Юлию Цезарю в этом отношении повезло меньше, чем Александру, тем не менее из всех походов он слал в Рим золото. Из Галлии было привезено столько золота, что оно упало в цене против серебра на одну четверть. Светоний говорит, что в Галлии Цезарь «опустошал капища и храмы богов, полные приношений, и разорял города чаще ради добычи, чем в наказание»⁵¹. К золотым монетам, чеканившимся разными императорами, относились: *Aureus* Августа = 7,96 грамма золота; *Aureus* Марка Аврелия = 7,28 грамма золота; *Aureus* Каракаллы = 6,55 грамма золота.

⁵¹ *Quiring. Op. cit. S. 124.*

Во времена поздней империи появились такие золотые денежные единицы: *солид*, *follies* (*мешок*) = 72 золотых солида; *libra* = = 327,45 грамма золота.

Нахождение археологами римских монет и их количество говорят о торговых связях той или иной области с римским центром. Необычно важны изображения на монетах. На ранних монетах чеканились изображения римских божеств, символы, относящиеся к культуре или традиционному римскому прошлому (например, волчица, кормящая детей). С конца Республики на монетах появляются также изображения деятелей, имеющих с ними портретное сходство. Монеты эпохи Империи дают иконографию императоров. Отдельные слова или выражения (легенды), выбитые на монетах, нередко представляют собой политические лозунги того или иного периода⁵².

* * *

При крушении Римской империи это золото было разграблено, ушло на Восток, закопано в кладах и поэтому феодальные государи Европы были вынуждены начинать накопление почти что с нуля. Рыночные связи и денежные системы были разрушены. История говорит о том, что они стали приобретать приблизительно те системные формы, которые были характерны для этих империй в Европе почти через десять столетий (XV в. н.э). А как существовали эти экономические формы материального бытия человечества в течение почти тысячелетия и почему они смогли возродиться? Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать временной фактор в цивилизационной поступи истории, вроде бы, далеко отстоящий от торговли и денег. Однако именно он позволит понять историческую логику их развития, так как рыночные связи и деньги – всегда экономические стороны цивилизации.

4.5. Пространственные формы рыночных связей и денежных отношений во временных ритмах цивилизаций: к постановке проблемы

В общем замысле этой книги первый раздел можно в целом характеризовать как развернутое вступление ко всей работе. Исходя из цивилизационных особенностей не только материальных, но и духовных потребностей человечества, доказывалось, что чисто политэкономический подход к анализу рыночных связей и денег не раскрывает их реальной природы. Феномен денег

⁵² Машкин Н.А. Указ. соч. С. 30, 31, 665, 666.

по-прежнему остается неразгаданным мистическим явлением так же, как и природа рыночных связей. Это потребовало введения в анализ рыночных связей и денежных отношений «наработок» цивилизационной школы истории, в которой поставлен вопрос о необходимости рассмотрения общественного разделения труда и возникших на его основе рыночных отношений в территориальном аспекте. Действительно, введенное Ф. Броделем расчленение рыночных отношений на малые товарные миры, миры экономики и международную торговлю цивилизаций в связи с разной их ролью в удовлетворении насущных и излишних материальных потребностей проливает свет и на понимание природы денег в их товарном и монетарном облики.

Стало более или менее понятным, почему малые товарные миры, удовлетворяющие самые насущные потребности людей в любых частях планеты, порождают примитивные (товарные) деньги, а в рамках миров-экономики возник широкий спектр металлических денег, включая драгоценные металлы в разной их форме (весовой, монетарной), породивший также кредитные деньги. На этом фоне выявляется особое значение международной торговли в выделении драгоценных металлов как всеобщего эквивалента, мировых денег в формировании денежных систем тех или иных цивилизаций.

Включение в анализ политического фактора – имперской государственности и характер развития рыночных связей и денег во всех ипостасях в империях Древнего мира дают довольно наглядную картину их пространственного бытия в цивилизациях далекого прошлого.

Однако все эти постановки не несут в себе эвристического начала для понимания *современных* форм рыночных и денежных отношений, включая засилье Западной цивилизации в глобализируемом мире, если не учитывать элемент *развития*. Для того чтобы понять, почему именно Западная цивилизация и сложившиеся в ее рамках денежные отношения оказались в таком выгодном положении по отношению к мировому сообществу начала третьего тысячелетия Новой эры, необходимо выявить закономерности изменения цивилизационной структуры человечества за прошедшие две тысячи лет.

Само понятие развития содержит в себе элемент *изменения во времени*, и поэтому, когда речь идет о динамике цивилизационной структуры человечества, то возникает вопрос о природе *исторического времени человечества в целом, а в его составе цивилизационного этапа развития*. Для человечества *время* явля-

ется тем полем, в котором и благодаря которому происходит смена его состояний, т.е. проявляется содержание истории. Историк, которого в древности называли передатчиком времени – не только хранитель, но и организатор времени как условного исторического пространства, где особая роль отводится памяти – средству упорядочения времени на основе накопления и развития человеческого опыта. И поэтому широко распространена в социологии (а тем более в экономической науке) точка зрения, что время – это как бы внешние рамки нашего существования, поток длительности, текущий равномерно и независимо от каких-либо процессов, данность, существовавшая всегда и везде с одинаковой размерностью (часы, дни, годы и т.д.). В основе их лежит обычное человеческое сознание (включая *память*), связанное с восприятием им смертного способа существования человека как вида и, следовательно, с фиксацией *длительности* и последовательности жизни *разных поколений* в неразрывной цепи. И это бытовое восприятие времени переключалось в социально-экономическую литературу как сама собой разумеющаяся данность. Но эта проблема принимает несколько иной аспект, когда мы вторгаемся в вопросы, касающиеся цивилизационной эволюции человечества.

Она требует включения в анализ рыночных связей и денежных отношений заделов, которые ввела в социологический анализ цивилизационная школа истории, рассматривающая эволюцию человечества как процесс, подчиненный *временным ритмам и циклам*, и где развитие пространственных рыночных структур также подчинено этим закономерностям. В этой связи необходимо опять обратиться к очень важной постановке Броделя, которая пока не вошла в экономический оборот, о *многовековых циклах в развитии европейского мира-экономики почти что за тысячелетний период его развития*, поделенный на вековые ритмические циклы.

Бродель оговаривает, что у него нет «ни намерения, ни возможности сымпровизировать некую теорию вековой тенденции»⁵³. Он ставит этот вопрос для того, чтобы уточнить и обобщить некоторые закономерности экономической истории Запада, так как, по его мнению, там выделяется «малозаметная в каждый данный момент, но идущая своим неброским путем всегда в одном и том же направлении тенденция как процесс кумулятивный... Она добавляется к самой себе; все происходит так, словно бы она мало-помалу повышает массу цен и экономической активности до какого-то момента или же

⁵³ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 73.

с таким же упорством действует в противоположном направлении, приступив к их общему понижению, незаметному, медленному, но долгосрочному»⁵⁴. Развивая этот тезис, Бродель пишет, что «согласно признанным в настоящее время данным, различают в применении к Европе четыре экономических многовековых цикла: 1250 (1350) – 1507–1510 гг.; 1507–1510 (1650) – 1733–1743 гг.; 1733 – 1743 (1817) – 1896 гг.; 1896 (1974...)»⁵⁵. Далее Бродель поясняет, что первая дата означает время начала подъема экономики, последняя – окончания спада, а в скобках выделен кульминационный момент, где вековая тенденция начинает обратное движение или, иными словами, точка кризиса. В хронологическом отношении первый европейский вековой цикл насчитывает 260 лет, второй – 230 лет, третий – 173 года, четвертый – незаконченный, имел, возможно, своей кульминацией – 1974 г., а время его окончания к моменту написания исследования ученым еще не подошло.

Эти разработки Броделя о многовековых циклах в развитии мира-экономики Западной Европы за тысячелетия его развития интересны не только «фактурой» привлекаемого экономического материала. (Она будет использована в соответствующих разделах работы). Они интересны другим – самой постановкой вопроса – рассмотрением миров-экономик как долгоживущих, циклически развивающихся структур, историческая жизнь которых исчисляется многими столетиями. Это корреспондирует с другими положением Броделя о самих цивилизациях, историческая жизнь которых уже приближается, в крайнем случае, к тысячелетиям. К этому надо добавить еще одно положение – обусловленность жизни цивилизаций ее идеальными факторами, а точнее, религиозно-духовными основами.

Все эти положения содержатся в работах ученого, но применительно к рассмотрению многовековых циклов западного мира-экономики они не выделены, не «вписаны» в анализ возникновение многовековых циклов в развитии мира-экономики Западной Европы. И поэтому они требуют синтеза, поставив во взаимосвязь развитие рыночных связей и денег с религиозно-духовным фактором Западной цивилизации, коим являлось христианство, по-разному интерпретируемое католическими и протестантскими церквями. Это позволило бы подойти к особой методологии развития рыночных связей и денежных отношений во временном аспекте применительно к любой другой современной цивилизации не только к Западной, но и к Русской.

⁵⁴ Там же. С. 74.

⁵⁵ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 73.

Однако разработка этой методологии анализа пространственных форм рыночных связей и денежных отношений *во временном аспекте* требует привлечения к анализу религиозно-философской мысли, позволяющей ответить на те вопросы, которые и образуют главный научный интерес – *почему рыночно-денежные отношения Западной цивилизации правят миром*. Здесь возникает цепочка проблем, которые требуют «распутывания» с опорой на религиозно-духовные Знания, прежде всего накопившиеся в русской философии. К ним надо отнести необходимость:

во-первых, постижения природы исторического времени человечества в контексте естественно-физического его бытия, получившего разное понимание в ее отношении к идее Бога в рамках восточной и западной религиозной мысли;

во-вторых, уяснения на основе западной философской мысли сущности тысячелетних и многовековых циклов развития цивилизаций в их единстве с религиозно-духовными, т.е. идеальными, факторами, которые лежат в основе их исторического бытия;

в-третьих, понимания сущности новой эры как эпохального рубежа в цивилизационной эволюции человечества, связанной с формированием мировых религий, поделивших в духовном отношении все население земли, а также и сущности христианства как религии, рожденной духовными томлениями многих поколений людей в течении веков, ей предшествующих;

в-четвертых, выявления в рамках христианской догматики и раннего христианства отношения к социально-экономическим и в их составе рыночно-денежным отношениям, т.е. материальному бытию людей этой веры;

в-пятых, уяснения христианства как религиозного творчества многих поколений людей, выделивших две основные ее ветви-католичество и православие, приведших к образованию двух христианских цивилизационных миров, противостоящих друг другу. Один – основанный на католичестве (Западная цивилизация), другой – на православии (Византийская, Русская цивилизация).

Исследование всех этих проблем в обозначенной здесь последовательности позволит подойти к раскрытию проблемы особой роли Западной цивилизации в рамках метаисторических циклов развития за последние две тысячи лет, которые обусловили ее главенствующую роль в формировании современных мировых рыночных связей и валютно-денежной системы, в ее противостоянии с другими цивилизационными структурами современности.

Глава 5

ТЫСЯЧЕЛЕТНИЕ И МНОГОВЕКОВЫЕ ЦИКЛЫ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА; ХРИСТИАНСТВО И НОВАЯ ЭРА КАК РУБЕЖНАЯ ДАТА В ЕГО ДУХОВНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

«Пока мы не приучим себя к созерцанию исторических и космических панорам во всем их величии, пока не привыкнем к таким пропорциям, масштабам и закономерностям, до тех пор наши суждения будут мало чем отличаться от суждения насекомого или животного, умеющего подходить к явлениям жизни только под углом зрения его личных интересов или крошечного коллектива».

Д. Андреев

5.1. Религиозно-философское Знание в постижении временных циклов и ритмов Вселенной

Человек и человечество в его исторической эволюции – порождение планеты Земля как малого элемента необъятного Космоса. А это предполагает необходимость связи *исторического времени человечества во временных ритмах Вселенной*. В современных научных исследованиях обычно это историческое время ограничивают шестью тысячами лет (наличие фактологического материала), на фоне доисторического времени в пределах 500 тыс. лет, геологического – нескольких миллиардов лет и космического, для которого характерна бесконечная продолжительность, т.е. «преодоление времени» (Шеллинг). Иными словами, пока рациональное сознание человека не поставило во *взаимосвязь историческое время* человечества с *другими временными параметрами Вселенной*. Может быть вообще человеческое сознание не способно постигнуть эти взаимосвязи? Возможно, но для того, чтобы ответить положительно или отрицательно на этот вопрос, необходимо уяснить, насколько человеческий Разум постиг эту особую константу бытия. Обратимся к ответу на этот вопрос в его трактовке современной физикой¹.

¹ Попытка связать космическое и историческое время содержится в кн.: Хасанов И.А. Феномен времени. Объективное время. М., 1998; Свиридова П. Миф эпохи Водолея. М., 2000.

Время – это физическое свойство данных конкретных физических тел и происходящих с ними изменений. Существует определенная временная размерность любого процесса и явления, заданная в виде определенной последовательности и длительности событий. Именно последнее свойство времени – его длительность исследована в современной физике достаточно подробно. Это свойство вместе с допущениями об одномерности, непрерывности и однородности является основой принятой ныне теории пространства – времени – теории относительности, хотя единства среди ученых относительно понятия времени не существует. Одна гипотеза связывает течение времени с общим расширением Вселенной, вторая – со вторым началом термодинамики, проявляющимся в однонаправленном росте энтропии в окружающем мире; третья – в понимании времени как самостоятельного явления природы с определенным воздействием на объекты нашего мира и протекающие в нем процессы. Последняя гипотеза, как нам представляется, в большей мере объясняет временной фактор в истории человечества, так как она отрицает существование «самого по себе “вообще времени”». Современная физика считает, что объективного времени нет, а то, что считается таковым, представляет на самом деле всего лишь координату в четырехмерном континууме, т.е. непрерывности связи времени–пространства, перехода одного в другое.

Исходя из этого понимания времени полагают, что: во-первых, все тела являются не трехмерными, как это обычно считается, а *четырёхмерными*, растянутыми вдоль временной оси; во-вторых, что «чистых» материальных тел не существует, а существует «энергетически оформленное явление». Последнее включает в себя по смыслу не только материальные тела, но и нематериальные. (В человеческой истории – это идеи, религии, идеологии.) Поскольку все процессы и явления в этом мире растянуты во времени, т.е. четырёхмерны, то это означает, что любое явление (материальное и нематериальное) должно иметь точку начала процесса и точку конца, а между ними развитие процесса, его алгоритм – становление, укрепление, кульминацию, спад². Применительно к общественным процессам в рамках различных общественных наук (истории, этнографии, космобиологии, психологии и др.), которые изучали циклическую природу общественных процессов (периоды зарождения, развития, подъема и спада), особый акцент делается на факторы, связанные с самим процессом возникновения явления со структурой момента времени его образования.

² Это понимание каждого явления в природе и обществе как четырехмерного процесса дает ответ на явление ясновидения, которое имеет место у некоторых людей-провидцев (Нострадамус, Ванга).

Современные исследователи *момент времени* связывают в основном коэффициентом энтропии, т.е. превалированием созидающего или разрушительного начала, длительностью возникшего явления и основных структурных противоречий или согласований, которые будут проявляться по мере разворачивания этого процесса во времени. Природу и общество рассматривают как открытые динамичные системы, которые обладают нелинейными свойствами, развитие которых может носить конструктивный характер. Одна из составляющих упорядоченного состояния природных и общественных сфер и частей находит свое выражение в *циклах и ритмах*. На момент времени образования любого процесса на Земле (материального и нематериального) и на временные параметры с его протекания влияет жизнь Космоса. Полагают, что во всех процессах, с продолжительностью от нескольких лет и более, имеет место влияние временных космических циклов, внешних по отношению к Земле.

Все во Вселенной взаимосвязано потому, что все состоит из волн, циклов, ритмов. Общеизвестно влияние на них циклов Солнца, Луны, Юпитера, Марса, собственного цикла вращения Земли, местного и звездного времени. Эти объективно существующие временные циклы, связанные с космогоническими факторами, в той или иной степени влияют на процессы, происходящие на Земле. Причем в циклах Космоса в их соотношении с жизнью Земли вообще и историей человечества, не отделимой от нее, выделяется определенная субординация. Приоритетными являются те космические циклы, которые затрагивают все сущее на земле; наибольшее число явлений, факторов в истории человечества – это космогонические циклы.

Космогонические циклы кольцеобразны (спиралевидны) и возвратны. Точкой отсчета здесь является группа зодиакальных созвездий, представляющая собой кольцо. Каждое небесное тело солнечной системы проходит по зодиакальному кольцу (двенадцать знаков Зодиака) и возвращается в исходную точку для начала нового цикла. В современной литературе астрологической направленности выделяется несколько констант и числовых параметров, ориентирующих на 12 зодиакальных созвездий и связанных с включением орбиты Земли в космическую жизнь через эклиптику, т.е. круг, который образуется пересечением орбиты Земли с небесной сферой. В этих расчетах выделяется Малый год, равный 2160 земным годам, необходимым для прохождения Солнцем в день равноденствия одного Знака Зодиака, и Большой год, равный 25920 земным годам, которые необходимы для возврата точки равноденствия в начальное состояние.

Благодаря обращению Земли группа зодиакальных созвездий повторяет свое движение по небу ежедневно. Весь Зодиак Луна проходит каждый месяц, Солнце – каждый год. Циклы Солнца и Луны стали для землян основой создания всех календарей. Положение Солнца на небосводе определяет время года и в течение дня; Луна указывает на время в течение месяца, а год, разделенный на месяцы, связывает эти два небесных светила воедино. 24-х часовое вращение Земли, обуславливающее смену дня и ночи, является наиболее близким космогоническим циклом и потому оказывающим наиболее жесткое влияние на всю жизнь землян, так же как и сезонный цикл – чередование времен года, связанное с Солнцем и углом вращения Земли. К глобальным циклам, кроме циклов, связанных непосредственно с землей, относятся циклы систем, являющихся приоритетно-внешними по отношению к Земле: циклы солнечной активности, периоды обращения планет солнечной системы.

Космогонические циклы влияют тем или иным образом на все процессы и явления, происходящие на нашей планете. Проявляющиеся как устойчивая закономерность, вышеуказанные циклы отмечаются в различных сферах жизни земли: геологических, климатических, экономических, социальных и политических. Они воспринимаются людьми чаще всего на бессознательном уровне. Тем не менее, человечеству всегда хотелось найти божественную гармонию в хаотически меняющемся мире, связав свою кратковременную смертную земную жизнь с жизнью Космоса.

А это ставит вопрос о характере Знания, которое выработало человечество как мыслящая «аристократия Вселенной» для того, чтобы постигнуть внешне не материализованную такую константу бытия, как время. Первым шагом в формировании Знания было появление астрологии. Характерно, что астрология как наука о влиянии звезд и планет с их временными циклами на жизнь человечества имеет самые древние корни. Более того, существует убеждение, что они достались человечеству или от звездных пришельцев, или от цивилизации Атлантов³.

В народном эпосе, мифологии, архитектурном зодчестве и других памятниках древности у разных народов в разных уголках планеты и в разные времена сохранились даже числовые величины, отра-

³ В постсоветское время «астрологическая тематика широко представлена в социологической литературе. См.: Звездный путь астрологии. Сб. оригинальных текстов с комментариями И. Михайловой и Н. Скородум. М., 1993; Мир и астрология в новом тысячелетии. Сб. докладов IV международной конференции «Уран в Водолее». М., 1999; П. Свиридов. Миф эпохи Водолея. М., 2000; М. Гервиз-Бродер. Астрология. М., 2007.

жающие всеобщие космические, временные циклы. В астрологии выделяются числа, несущие метафизическую нагрузку: 12, 36, 108, 144. (Число 144 является в космических циклах одним из основных: оно связано с коэффициентом Золотого сечения 1,61803398.) Эти числовые параметры устойчивы, постоянны и тесно связаны и с прецессией Земли, и с циклами Солнца и планет Солнечной системы. Число 12 связано с периодами солнечной активности и их влиянием не только на физиологию людей, но и на их общественную жизнь (данные закономерности широко освещены в работах А.Л. Чижевского)⁴; осознанная жизнь одного поколения «укладывается» в число 36.

Но астрология и даже современная физика не дают ответа на вопрос о сущности *исторического времени в контексте всех временных ритмов Вселенной*, о которых шла речь выше. Этот вопрос ставит религиозно-философская мысль. Тойнби как христианский мыслитель писал: «Исторический взгляд на мир открывает физический космос, движущийся по кругу четырехмерного пространства – Времени и Жизни на нашей планете... А человеческая душа поднимается в следующее измерение, посредством дара Духа устремляется через роковое обретение духовной свободы в направлении Творца или от Него»⁵. Действительно, здесь Разум человека бессилён, должны заговорить духовные его интенции, которые пытаются постигнуть как события, инициированные действиями самих людей, по временам включающим в себя воздействие Высших сил мироздания, внешних по отношению к истории, т.е. метафизику (от греч. *meta ta physika* – то, что за физическим). Рациональное сознание само по себе не в состоянии постигнуть эту особую сферу бытия человечества. Д. Андреев, анализируя природу человеческого Знания, подчеркивает наличие в нем двух разных начал: одно, связанное целиком с Разумом, а другое – с Душой. «Вся область науки и тем более техники принадлежит к первому ряду: в той мере, в какой они высвобождаются из-за представлений и переживаний иноприродного, иноматериального, запредельного, духовного в точном смысле этого слова. В той же точно мере в него входят общественные движения, политические программы, экономическая и социальная деятельность, даже искусство и художественная литература. Духовный же ряд состоит из человеческих проявлений, находящихся в связи именно с понятием многослойности бытия и ощущением многообразных

⁴ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1996.

⁵ Тойнби А. Постигание истории. М., 1996. С. 254.

нитей, которыми связан *физический* план жизни с планами *инноматериальными* и духовными»⁶.

В постижении тайны метафизического бытия человечества и его исторического времени важное место занимают *религия* и религиозное творчество многих поколений людей. Особое место в познании Инобытия и его связи с рациональными знаниями занимает религиозно-философское знание. Религиозно-философская мысль является высшей формой *рационального* познания метафизического, а применительно к временным рамкам существования человечества *метаисторического*, бытия человечества в отличие от религии, которая обращена только к душе человека. Оно является как бы опосредующим звеном между возможностями рационального и религиозного понимания человеческим естеством своего места в мироздании. Религиозно-философское знание опирается, с одной стороны, на религиозные постулаты, а с другой, на достижения человеческого Разума (науки) в постижении природы и общества, а также конкретные условия политической, социальной и экономической жизни людей. Философская мысль всегда несет на себе печать той основной религии или мировоззрения, в которой она родилась. И поэтому религиозно-философские школы, сложившиеся в условиях буддизма, ислама или христианства, всегда будут по-разному отражать тот пласт Сущего, который называется Инобытием (при всем взаимовлиянии разных мировоззренческих течений друг на друга в процессе исторической эволюции человечества).

Анализируя природу религиозных знаний, сложившихся в истории человечества, Л.А. Тихомиров в своей фундаментальной работе «Религиозно-философские основы истории»⁷ четко сформулировал *две* их основные ветви: одно восприятие выделяет Творца и Промыслителя мира и человека; другое – мысль о самосущности Природы, никем не сотворенной, всегда бывшей и всегда жившей по свойственным ей законам. «Так обе основные идеи, основные представления о наивысшей силе, от которой зависит все остальное, в том числе наша этика и наш долг, наши задачи в отношении себя и всех окружающих, – эти основные представления вечно остаются в роде человеческом, который ни от одной из них не отказался и продолжает разделяться на два слоя, при-

⁶ Андреев Д. Собрание сочинений. Т. 2. Роза Мира. М., 1995. С. 42.

⁷ Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 207.

мыкая или к первой или ко второй. Едва ли подлежит сомнению, что численный перевес всегда принадлежал тому слою, который верил в самобытность природы и не верил в Бога Создателя... Это огромная толща обожателей природы прорезывается как бы некоторым клином-слоем поклонников Единого Творца Создателя, Устроителя и Промыслителя Вселенной и всех ее сил, материальных и духовных... Из этих пересекающихся влияний нарождаются время от времени школы смешанного характера»⁸.

Исходя из четко сформулированной Тихомировым постановки вопроса о двух основных мировых направлениях религиозно-философской мысли, рассмотрим трактовку циклического развития человечества в рамках (небогооткровенных) атеистических и теистических религий. Начнем с первых.

В небогооткровенных религиях Востока (индуизме, буддизме, даосизме, конфуцианстве) мир со своим многообразием и тленностью включен в безличный Абсолют, подчинен верховному Закону (дхарме, Дао) так же, как и человек. А это означает, что человек не вполне отделен от Природы и закономерностей ее развития, включая космогонические циклы ее временной размерности. И поэтому религиозно-философская мысль, сложившаяся в этих атеистических религиях, «напрямую» связывает историю человечества с космогоническими циклами. Там речь идет о тысячелетних циклах или эпохах в эволюции человечества, утверждая, что один год смертных равен одному дню богов. В индуистской мифологии обозначение мировых периодов эволюции человечества передается через четыре эпохи Юга (Крита Юга, Трета Юга, Двапара Юга и Кали Юга), которые составляют 12000 «божественных» лет⁹. Выделяются четыре цикла в развитии человечества: золотой век, длившийся 25 тыс. лет (напомним, что Большой космический год равен 25,9 тыс. земным годам). В индуисткой мифологии серебряный век — более 19 тыс. лет, медный век — более 12 тыс. лет и железный век. Согласно традиции, сейчас идет

⁸ Там же.

⁹ Обращение к жизни человечества за пределами писанной истории особенно характерно для религиозно-философской мысли Востока (Индия, Тибет, Китай). Например, в литературе есть сведения о том, что иезуиты, которые были одними из первых европейцев, побывавших в средневековом Китае, нашли в императорской библиотеке огромный труд, состоящий из 4320 томов. Китайцы объяснили, что он достался от древнейших поколений и содержит в себе «все знания». В том труде значительную часть текстов составляли сказания о том, «что люди восстали против богов и система мироздания пришла в беспорядок. Планеты изменили свой путь. Небо сдвинулась к северу. Солнце и Луна и даже звезды стали двигаться по-новому. Земля развалилась на части, из ее недр хлынула вода и затопила землю».

шестое тысячелетие периода Кали Юга (железного века), которое началось, в пересчете на наше время, в феврале 3102 г. до нашей эры¹⁰.

Это понимание истории человечества с обращением к началам восточных религий пустило глубокие корни в теософских учениях Е. Блаватской, родоначальника антропософии Р. Штейнера и др. в конце XIX – начале XX вв. Характерно, что спустя столетие, т.е. в начале XXI в., интерес к рассмотрению истории человечества в рамках восточных религий не только не исчез, но даже усилился. И в этом отношении нельзя не упомянуть Рене Генона, которого называют «мудрецом XX века», работы которого достаточно широко вошли в отечественную и западную философскую мысль. Геноновская эсхатология опирается на ведантйскую концепцию божественного дыхания и все индуистские доктрины о цикличности времени¹¹. Многочисленные публикации с эзотерическими версиями истории человечества занимают большую нишу в постсоветской отечественной историко-социологической литературе¹². Но эти достаточно упрощенно-беллетризованные работы мало что дают для уяснения особенностей циклического развития человечества в связи с природными циклами.

В целом религиозно-философская мысль, сложившаяся в рамках восточных верований, утверждает, что человечество прошло свой золотой век, и что будущего у него нет. В ответе на этот вопрос в западном религиозно-философском знании необходимо выделить два периода в его развитии. Первый период охватывал развитие религиозно-философской мысли в языческом мире в

¹⁰ В период Кали Юга по Ведам «добродетель приходит в упадок, жизнь человеческая становится коротка, полна зла и грехов, люди истребляют друг друга в войнах; цари грабят подданных, проповедники бедствуют, а преступники процветают, женщины предаются распутству; в человеческих взаимоотношениях царят ложь, злоба, алчность, род человеческий идет к гибели».

¹¹ Генон Р. Царство количества и знамение времени. М., 1994. С. 234.

¹² В предыдущей работе нами анализировался исторический путь человечества в научной интерпретации на фоне трактовки его возраста основными религиозными постулатами и эзотерическими гипотезами, включая тибетский его вариант (с центром мироздания в Гималаях, Королем мира, Шамбалой и т.д.), и его роли в формировании идеологии нацистской Германии. Она была отражена в книге известного на Западе, а сейчас и в России, Лобсанга Рампы. (См.: *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации и судьба России (опыт метаисторического исследования). В 4-х ч. Ч. I. Религиозные начала цивилизационной структуры человечества и духовные истоки русской цивилизации. М., 2001. Гл. 1.2.).

период ее наиболее полного расцвета – в эллинской философии. Присутствие волн и циклов в историческом процессе было отмечено еще самыми выдающимися философами древности (в частности, Аристотелем). О корнях этого взгляда пишет Тойнби: «Применение теории циклов к истории человечества было естественным следствием сенсационного астрономического открытия, сделанного в вавилонском мире в конце третьего тысячелетия до н.э. Открытие это сводилось к тому, что три астрономических цикла, давно подмеченных людьми – смена дня и ночи, лунный месячный цикл и солнечный годовой есть проявление космической зависимости, значительно более широкой, чем Солнечная система. Из этого вытекало, что вегетативный цикл, полностью определяемый Солнцем, имеет свой аналог в космическом чередовании рождения и смерти. Умы, попавшие под влияние этой идеи, готовы были проецировать схему периодичности на любой объект изучения. Эллинская и эллинистическая литература прописана мыслями этой философии циклов. Платон был очарован ею, поскольку эта тема проходит через все его сочинения»¹³. Она отражает языческие основы всего эллинского мировоззрения, символом которого является Бог-Природа.

Другое направление западной религиозно-философской мысли связано с идеей «Единого Творца Создателя, Устроителя и Промыслителя Вселенной и всех ее сил, материальных и духовных». А это означает выделение Сверхсистемной основы мироздания, где Природа (мир) во всех ее формах есть тварь, включая человека». Всякое бытие в составе мира есть *тварь*; наоборот, все сверхмировое не тварно, изначально», – пишет Н.О. Лосский. Разъясняя это положение, он пишет: «Система мира (совокупность мировых отношений) обоснована каким-то более высоким началом, которое должно быть Сверхсистемным... Это начало металогическое, несоизмеримое с миром, так как ничто находящееся в мире не может быть подведено вместе с ним под одно общее... *Мировая система невозможна без начала высшего, чем мир, Сверхсистемного*, но обратной зависимости нет, Сверхсистемное начало возможно и без системы мира...»¹⁴ (курс. наш. – И.М.).

И это исходное мироощущение по-иному ставит вопрос о природе циклического развития человечества. Оно отвергает господствующее в восточных и западных дохристианских религиозно-

¹³ Тойнби А. Указ. соч. С. 504.

¹⁴ Лосский Н.О. Избранное. М., 1991. С. 384.

философских системах понимание циклов человеческой истории по аналогии с циклами природы, где каждый новый виток повторяет единственную модель развития (годовой цикл – ясный пример тому). В монотеистических религиях динамика исторического времени человечества имеет другие религиозные ориентиры, связанные с Богоявлением, Богооткровением¹⁵. И поэтому в цивилизациях этого типа циклы естественного, природного или династического времени уступают место новому летоисчислению, которое связывается с началом нового сакрализованного времени – от Рождества Христова (в христианстве), от проповедей Магомета (в исламе).

В отечественной социологической литературе иногда это называют *линейным* восприятием времени как движение от низшего к высшему (характерно для христианства, иудаизма, ислама). Но это не совсем верная интерпретация временного фактора истории человечества, во всяком случае в рамках христианского мировосприятия, так как это не просто движение вверх по прямой, а движение *спиралевидное*, когда каждый *новый цикл* содержит в себе элемент развития *по восходящей*, которую Лосский назвал нормальной эволюцией как сложным движением человечества к Царству Божьему. И в этом движении человечество сталкивается с двумя негативными факторами: одно связано с жизнью Инобытия, другое – с преодолением животных начал в самом человеке.

В преодолении животных начал и становлении человека и человечества как «детей Божьих» особое место занимает цивилизационный период его жизни. Человечество в своем историческом развитии испытывает на себе влияние трансфизической реальности, в которой происходит постоянная борьба сверхличностных начал мироздания – Бога (созидателя) и Сатаны (разрушителя), отраженных в духовном опыте человечества, в его религиозной мифологии.

«Отрешимся от формул Науки и вслушаемся в язык Мифологии, – призывает Тойнби и продолжает, – «Столкновение двух сверхличностей – излюбленный сюжет великих мифов и драм, созданных человеческим воображением. Столкновение Яхве и Змия – история

¹⁵ Не случайно почти полторы тысячи лет историческая наука так или иначе была привязана к религиозным догматам, где наибольшее влияние имели философская историческая концепция христианского теолога Августина Блаженного, «Всемирная история» западноевропейского хрониста Оттона Фрейзингенского, арабского автора ат-Табари.

грехопадения человека, рассказанная в Книге Бытия. Другой сюжет из противоборства тех же антагонистов отыщем в Новом Завете... Прибегая вновь к языку мифа, можно сказать, что импульс или мотив, который заставляет совершенное состояние Инь перейти в деятельное Ян (активное, животворящее, творческое начало Вселенной), исходит от вмешательства дьявола в божественную Вселенную. Когда Инь перешло в Ян, дьявол уже не в силах удержать Бога от нового акта творения»¹⁶.

Борьба светлых и злых начал Инобытия нашло свое отражение в формах тех общественных структур человечества, которые интегрировали отдельных индивидов в те или иные организации, где главное место стала занимать государственная его форма в отличие от стад первобытных людей и орд доцивилизационной формы общественной жизни. В процессе «нормальной эволюции» цивилизационный период жизни человечества играет особую роль, так как все выявленные цивилизации... сосредоточены в пределах менее пятой части времени всей жизни Человечества. С космической точки зрения жизнь их протекала в одно и то же время», – утверждал Тойнби. Если возраст человечества равняется приблизительно 300 тыс. лет (500 тыс. лет – цифры современной истории – И.М.), то возраст цивилизаций, отождествляемых до сих пор с длительностью человеческой истории, равен менее 2% данного отрезка. Но это недостаточно корректная постановка вопроса. Ведь речь надо вести о существовании *современного типа homo sapiens*, а он сформировался 75–50 тыс. лет тому назад, в антропогенный период жизни Земли – голоцен, когда сформировались постледниковая поверхность земли и соответствующие климатические условия, в которых развивалось человечество¹⁷. Поэтому развитие рода людского в тысячелетиях его обитания на породившей его планете, малочисленного и не оторвавшегося от физиологической своей природы, необходимо отделять от того периода его развития, который позволил назвать его человечеством с его историей. «История подобна канату, сотканному из тысячи нитей длиной в столетие, тысячелетие, а большая их часть является лишь короткими отрезками в пряже времени. Задача всякого исторического исследования – распутать эту ткань», – писал известный немецкий историк, один из представителей культуро-

¹⁶ Тойнби А. Указ. соч. С. 89.

¹⁷ Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 191.

логической школы философии истории К. Брейзинг¹⁸. Главный вопрос в «распутывании этой пряжи времени» применительно к поставленной здесь проблеме, на который следует ответить, – это вопрос о том, что означает спиралевидная динамика развития цивилизационной структуры человечества и ее выражение во временных циклах.

В постижении природы временных ритмов в циклическом развитии цивилизационной структуры человечества мы будем опираться на религиозно-философскую мысль, сложившуюся в рамках христианского мировосприятия истории (А. Тойнби, К. Ясперс, О. Шпенглер, Вл. Соловьев, Д. Андреев, Н. Лосский и др.).

5.2. Циклическая жизнь цивилизаций, их тысячелетние и многовековые временные ритмы

Согласно Тойнби, история человечества делится на два периода: первый охватывает сотни тысяч лет эволюции – от первобытных его форм (стада) до организации в форме примитивных обществ (последние сохранились частично и в более поздние времена: к началу XX века их насчитывалось более 600). Второй период связан с возникновением цивилизационной формы бытия человечества, и далее с возникновением особой духовной интенции человечества – его обращением к Высшим силам мироздания (об этом говорит и Ясперс). Но почему антропогенная оболочка земли стала превращаться в человечество? Ответа на этот вопрос представители цивилизационной школы не дают. Его нет и у представителей материалистической школы истории, которая связывает ее с возникновением малой триады (письмом, монументальной архитектурой, городом) с добавлением сюда высокого уровня товарно-денежных отношений. Но эти внешние характеристики являются скорее следствием уже достаточно высокого уровня развития

¹⁸ Появление *homo sapiens* предполагает многие революционные изменения в его физиологии, – пишет Вернадский, – «след предков теряется во мраке неизвестности... Их формы, их организмы были иные... Без сомнения, нужно представлять себе в геологии человечество в виде миллионов последовательных поколений существ, следующих друг за другом от матери к сыну без перерыва, существ, морфология и функции которых от времени до времени подвергались резкому изменению. Очень вероятно, что продолжительность жизни наших далеких предков была короче нашей» (см.: *Вернадский В.И. Автотрофность человечества. Биогеохимические очерки. М., 1940. С. 30*).

духовной и материальной культуры человечества в этот период, нежели причиной.

Ответ на этот вопрос, вероятно, требует обобщения всех «наработок», которые сложились во всех областях и научного и религиозно-философского Знания. Феномен цивилизации – одной из форм выражения коллективистской природы человечества как «детей Божьих», не исключающей одновременно его рассмотрения как особой антропогенной системы биосферы планеты Земля, которая имеет несколько отличий от ранее существовавшего его статуса, связанного с изменением самого понятия человек и человечество. Современный тип *homo sapiens*, за десятки тысяч лет антропогенного периода жизни Земли все больше развивал те его физиологические особенности (Разум), которые постепенно все более отдаляли его от животного мира. Конечно, в этом процессе определенную роль сыграли и появившиеся трудовые навыки в борьбе за выживание, о чем говорит марксизм. На каком-то этапе эволюции *homo sapiens* выделились регионы планеты, наиболее благоприятные для его физического существования¹⁹, хотя еще в эпоху неолита численность человечества на всех грандиозных пространствах планеты Земля не превышала 2–3 млн человек.

Вхождение в цивилизационную стадию своего бытия было связано с увеличением численности *homo sapiens* (на этот фактор обращал особое внимание Ф. Бродель, подчеркивая, что «цивилизация – всегда дочь численности населения»). Увеличение численности *homo sapiens* могло произойти лишь при условии резкого изменения материальных условий его существования. «Плодиться и размножаться» – из основных заветов Библии – люди могли реализовать только под водительством Высших сил

¹⁹ Возможно, что эти наиболее благоприятные условия жизни людей нашли свое отражение в религиозной мифологии, имея ввиду Двуречье – части территории бассейна Тигра и Евфрата, южную часть которой авторы Библии называли Халдеей (Вавилония). Библейское описание рая навеяно фауной и флорой этой части Двуречья. Хлебные злаки (это преимущественно культурные растения) произрастали там в диком состоянии. Все фруктовые и плодовые деревья и кустарники Южной и Центральной Европы (персиковые, абрикосовые, гранатовые, апельсиновые, шелковичные, миндальные, вишневые, грушевые деревья) образовывали целые леса, а виноград – целые заросли. «Вся страна, являющаяся родиной для многих видов животных, с незапамятных времен сделавшихся домашними друзьями, лучше всякой другой отвечает идее о рае, или зеленеющем Эдеме, где человек в естественном состоянии мог прожить в полной праздности и первобытном невежестве» (см.: Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1996. С. 392).

мироздания. Ведь месторазвитие первых цивилизаций планеты представляло собой отражение первобытного хаоса (о котором говорится в Библии), содержащее в себе многое «хорошее» на свете «но совершенно ни к чему не пригодное, пока чья-либо могущественная и мудрая воля не вмешалась и не изменила хаотический мир». Это относилось ко всем землям великих разливов, оплодотворяемых историческими реками – божественным Хапи (Нилом), Тигрой и Евфратом, Индом и Гангом, Хуанхэ и Янцзы²⁰. Дело в том, что создание материальной культуры земледелия на землях разливов требует искусства возведения дамб и каналов, их синхронизации во времени с явлениями небесной сферы.

Откуда у небольших общин эпохи палеолита, неолита и энеолита, даже освоивших железо (а в Новом Свете и обойдясь без него), особые Знания в понимании и уяснении связи процессов в происходящих на земле разливах, требующих грандиозных планов сочетания природных, технических и социально-экономических факторов в пространстве и времени? Поэтому вопрос об особой метафизической природе Знания человечества в области материальной культуры первых цивилизаций освещается не только эзотериками, но и историками, далекими от всякого рода гипотетических объяснений исторического прошлого человечества (Мечников, Реклю и др.). Опираясь лишь на общеизвестные факты, они отвергают возможность приобретения такого Знания эволюционным путем. Посредствующим звеном в передаче этого знания явилась особо одаренная в духовном отношении часть человечества – жречество, духовенство. Подчеркнем, что через *особые Знания*, переданные жречеству, сразу же обозначалась связь *культуривования духовной составляющей человечества с созданием материальных условий* не только в выживании, но и в увеличении численности, т.е. библейский наказ человечеству «плодиться и размножаться» нашел реальное воплощение.

Обращает на себя внимание *одновременное* возникновение духовных анклавов, опирающихся на материальную базу на разных континентах планеты. К. Ясперс назвал этот период «осевым» временем всего последующего развития человечества. Конкретная природа духовного знания, которое формировалось в разных регионах планеты, была неодинаковой. Нельзя отрицать того

²⁰ Развернутое освещение этой проблемы со ссылкой на труды многих серьезных историков содержится в предыдущей работе автора (см.: *Можайскова И.В. Указ. соч. Ч. 1. Гл. 3.1*).

факта, что географические особенности планеты оказали влияние на возникновение разных типов физической организации *homo sapiens*, нашедших свое выражение, сначала в расовом, а затем и в этническом разнообразии человечества, расселившегося на планете Земля. Разные верования по-разному отражали взаимосвязь, которая существует между психофизическими особенностями людей, проживающих в разных частях планеты, их духовной организацией и природным фактором. Не случайно христианское мировосприятие Тойнби констатировало тот факт, что отдельные территории планеты (как условия среды обитания народов) несут какую-то тайную информацию Божественного Вопрошания, создавая условия для распространения особых верований. «Весь рельеф нашей планеты, все тело нашей планеты с его позвоночником, с его “членами” точно совпадает в своем влиянии с гением того народа, который должен заселить данную область. Взаимное влияние происходит между землей и населяющими ее народами, и путем такого влияния среды на человека и человека на среду, путем такого действия и воздействия человечество развивается согласно Божественному Предначертанию».

Более 5–3 тыс. лет тому назад эти обособленные духовные зоны возникли в разных регионах планеты и были связаны с увеличением численности людей в этих частях Земли со своей особой фауной, флорой и климатом, соотношением воды (в различных ее формах – реки, озера, моря, океаны) и суши, различным местоположением по отношению к Солнцу, Луне и другим объектам Космоса, влияющим непосредственно на жизнь планеты как космического тела Солнечной системы. Они являлись территориальным ареалом, т.е. месторазвитием первых древних цивилизаций. Именно с этого цивилизационного периода стала формироваться подлинная история человечества с выделением религиозно-духовной основы как доминирующего начала по сравнению с родовым, природным, социальным и политическим²¹.

Выделение религиозно-духовной константы в образовании цивилизаций предполагает возникновение к этому времени других социальных и политических скреп. Эти скрепы были связаны с увеличением численности *homo sapiens*. «Я утверждаю, в конце концов, что нет цивилизаций вне крепкой политической, социаль-

²¹ До этого господствовали самые примитивные верования человечества, не оторванного еще от животного мира небольшого по численности населения, разбросанного по необъятным просторам планеты.

ной и экономической арматуры, которая воздействует на моральную, интеллектуальную... и даже религиозную жизнь общества», – подчеркивал Бродель²² (Тойнби выделяет особую группу самобытных религиозно-духовных анклавов, которые не смогли «оформиться» в законченные цивилизационные структуры, называя их застывшими или неразвившимися обществами)²³.

Количество обществ, не зависимых друг от друга в материальном и религиозно-духовном плане, невелико и возникли они в разных частях планеты. «Тезис “о единой цивилизации”, – подчеркивал А. Тойнби, – является ложной концепцией, весьма популярной среди западных историков, мышление которых находится под сильным воздействием социальной среды»²⁴. Первые цивилизации появились в Африке и Азии, Европе и Америке, в Индии, на островах Средиземного моря. Цивилизации, которые возникли на первых этапах этого периода истории человечества, показали большое разнообразие в религиозно-духовном творчестве народов, материально связанном с разными природными условиями жизни людей, что нашло отражение в создании особых художественных стилей и разных видов искусства. Цивилизационный этап истории человечества нашел свое выражение в так называемой цивилизационной триаде: города, письменность, религиозные установления, где особая роль выделяется монументальному храмовому зодчеству. Нами ранее уже рассматривалась роль зодчества в религиозном творчестве народов, здесь нам хотелось подчеркнуть его образный язык, обращенный к эмоциональной стороне человека, стимулированию его духовных потенций в восприятии Высших сил мироздания и передачи его будущим поколениям²⁵.

²² Цит. по: Андреев Д.Л. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. Роза Мира. М., 1995. С. 42.

²³ Они объединяют культурные типы, рожденные в особых регионах мира, где цивилизации не смогли развиваться главным образом в силу внутренних противоречий духовной или политической организации, а также неблагоприятных внешних условий. К ним Тойнби относил эскимосское, кочевое (включая морских кочевников-полинезийцев), оттоманское и спартанское общества.

²⁴ Тойнби А. Указ. соч. С. 68.

²⁵ «Вместе с развитием человеческой мысли стало развиваться и зодчество; оно превратилось в тысячеглавого, тысячерукого великана и заключило зыбкую символику в видимую, осязаемую бессмертную форму. Пока Дедал – символ силы – измерял, пока Орфей – символ разума – пел, в это время столб – символ буквы, свод – символ слога, пирамида – символ слова, движимые разумом по законам геометрии и поэзии, стали группироваться, сочетаться,

Религиозный фактор – основной в цивилизационном развитии человечества. Он нами проанализирован в предыдущей работе²⁶. Здесь же следует напомнить о некоторых исторических реалиях, прежде всего связанных с *влиянием религиозно-духовного фактора на циклическую поступь истории человечества*. Рассмотрение циклов в цивилизационном развитии человечества в религиозно-духовном аспекте предполагает освещение двух взаимосвязанных явлений: во-первых, общей картины этого процесса, развернутого в историческом пространстве и времени, и во-вторых, выявления внутренней преемственности религиозно-духовных основ исторического развития разных цивилизаций, начиная с самых древних структур, с «выходом», по возможности, на основные цивилизации современности.

На пороге писаной истории обозначились семь больших самобытных цивилизаций: Египетская – 3,5 тыс. лет (с XXX в. до н.э. по V в. н.э.); Шумеро-аккадская (Вавилоно-ассирийская) – 2,5 тыс. лет (с XXX в. до н.э. по V в. до н.э.); Минойская или

сливаться, снижаться, возвышаться, сдвигаться вплотную к земле, устремляться в небеса до тех пор, пока под диктовку господствующих идей эпохи им не удалось, наконец, написать те чудесные книги, которые являются одновременно и чудесными зданиями: пагоду в Эллинге, мавзолее Рамсеса в Египте и храм Соломона».

Основная идея – слово – заключалась не только в современной его сущности, но также в его формах. Так, храм Соломона отнюдь не был только переплетом священной книги, он был самой книгой. На каждой из его концентрических оград священнослужителям могли прочесть явленное и истолкованное слово, и, наблюдая из святилища в святилище за его превращениями, они настигали слово в его последнем убежище, в его самой вещественной форме, которая была опять-таки зодческой, – в кивоте Завета. Таким образом, слово хранилось в недрах здания, но образ этого слова, подобно изображению тела на крышке саркофага, был запечатлен на внешней оболочке здания.

И не только форма зданий, но и самое место, которое для них выбиралось, раскрывало идею, отображаемую ими, сообразно тому, светел или мрачен был ждущий воплощения символ. Греция увенчивала свои холмы храмами, пленявшими глаз, а Индия испарывала свои горы, чтобы высекать из них неуклюжие подземные пагоды, поддерживаемые вереницами исполинских гранитных слонов.

Таким образом, в течении первых шести тысячелетий, начиная с древней пагоды Индостана и до Кёльнского собора, зодчество было величайшей книгой рода человеческого. Неоспоримость этого доказывается тем, что не только религиозные символы, но и вообще всякая мысль человеческая имеет в этой необъятной книге свои страницу и свой памятник (см.: *Гюго В. Собор Парижской Богоматери*. М., 1955. С. 174).

²⁶ *Можайскова И.В.* Указ. соч. Т. 1. Гл. 3.1.

Эгейская – 1,5 тыс. лет (с XXVI в. до н.э. по XII в. до н.э.); Индская – 1,5 тыс. лет. (с XV в. до н.э. по I в.н.э.); Древнекитайская 1,8 тыс лет. (с 18 в. до н.э. по I в.н.э.); Древняя мезоамериканская – 1 тыс. лет (с XX в. до н.э. по I в.н.э.); Древняя перуанская – I тыс. лет (с XX в. до н.э. по I в.н.э.).

Примерные тенденции в цивилизационной эволюции человечества (по Тойнби) от первых древних независимых цивилизаций до сынородственных им основных цивилизаций современности выстраивают в историческом развитии следующий ряд зависимостей: а) древние, полностью независимые друг от друга цивилизации, о которых речь шла выше; б) сынородственные и цивилизации-спутники; в) цивилизации, связанные с предшествующими через мировые религии, обусловленные миграционными потоками (движением народов и племен); г) цивилизации, связанные с предшествующими через религию правящего меньшинства. Разные историки и обществоведы называют разное число существовавших в истории (от 45 до 30) и погибших (от 30 до 20) цивилизаций²⁷. В любом случае они укладываются в пределах двухзначных чисел, а не бесчисленного множества (как это имело место по отношению к государственным образованиям).

Отдельные цивилизационные структуры, даже вторичные, возникшие в разных частях мира, имели отрывочные, разрозненные (иногда фантастические сведения) о жизни других цивилизаций и вообще других народов земли. При этом мощные цивилизации этого периода соседствовали с догосударственными и доцивилизационными структурами и «примитивными обществами», ордами (кочевыми, племенными), образующими как бы открытые пространства для экстенсивного распространения отдельных цивилизаций на ту или иную территорию. Вместе с тем эти

²⁷ Поскольку типизация культурного прошлого по силам только профессиональным историкам, целесообразно пользоваться классификацией Тойнби, учитывая, что это более позднее исследование, нежели работы Данилевского и Шпенглера. Хотя сам вопрос о цивилизационной структуре мировой истории до сих пор находится в стадии разработки и уточнения.

Причем здесь просматривается явно выраженная тенденция к увеличению числа выделяемых цивилизационных структур по мере накопления историко-археологических материалов. Данилевский, начавший разработку этой проблемы, выделял 10 цивилизаций, Шпенглер—8-9, Тойнби сначала выделял 21 цивилизацию, сократил их число до 13, а в конце работы количество расцветших цивилизаций увеличил до 27, не считая неразвившиеся и застывшие их виды. В результате их общая численность увеличилась до 37 видов.

«примитивные общества» влияли на цивилизационные анклавы, иногда приводя их к гибели.

Цивилизации являются не статическими, а динамическими образованиям эволюционного типа, они должны «жить», будучи связанными с Высшими силами мироздания. Это трансфизическая реальность ставит перед каждым цивилизационным анклавом человечества определенное духовное сверхзадание, к его становлению как сынов Божьих, «аристократии Вселенной». Тойнби называет это «сверхзадание» «Божественным Вопросанием», иногда его называют духовной Традицией, а в русской религиозной философии оно носит название «Идея». Сам термин «идея» и постижение ее сущности – заслуга русской религиозно-философской мысли, которую ввел в философский лексикон Вл. Соловьев, отражая общую духовную направленность Русской цивилизации в постижении Инобытия²⁸. В «русской идее» Соловьев раскрывает сущность духовного образа России по сравнению с Западом. Этот вопрос нами рассматривался достаточно подробно в предыдущей работе²⁹, к нему мы вернемся и в дальнейшем исследовании. А здесь заострим внимание на важности постановки этой проблемы применительно к духовной жизни других цивилизаций. Вл. Соловьев, говоря о «русской идее», рассматривает ее как квинтэссенцию религиозно-духовной миссии, которая задана России высшими силами Инобытия, т.е. по своей сути *метаисторического* явления.

Поскольку все другие цивилизации также возникают под воздействием Высших сил мироздания, то и применительно к другим цивилизационным структурам как долгоживущим организациям можно говорить об их Идее метаисторического характера, т.е. метаисторической идее. В процессе исторического развития конкретные формы, в которых проявляется эта духовная сущность, меняются в смысле их наполнения разными арте- и социофактами. Тем не менее, общая направленность развития каждой

²⁸ Эта проблема в философской социологической мысли уходит своим корнями в «русский космизм», ноосферу Вернадского, космические ритмы Чижевского, космические лучи Гумилева (см.: *Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России: Опыт метаисторического исследования*. В 4 ч. Ч. II. Русский космизм в контексте противоречий широкого развития, обусловленного господством Западной цивилизации. М., 20001. Гл. 5.

²⁹ *Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России: Опыт метаисторического исследования*. В 4 ч. Ч. III. Метаистория в тысячелетиях жизни русской цивилизации. М., 2001. Гл. 3.

отдельной цивилизации, в которой всегда есть отблеск Инобытия, остается стабильной. Эту *неизменную константу* можно назвать *метаисторической идеей*.

Постижение этого Божественного вопрошания (или метаисторической идеи) находит свое выражение в тех или иных формах религиозной жизни людей в *поколениях*, являясь постижением Сущего, идущего от Высших сил мироздания, но предполагающего соединение, *коллективное творчество* многих поколений людей каждой данной цивилизации, т.е. выступает как *долговременный процесс*.

Метаисторическая идея и религиозное творчество многих поколений людей тех или иных цивилизаций образуют как бы духовные скрепы, в рамках которых и на основе которых формируются все другие общественные отношения людей (политические, социально-экономические, социально-культурные и др.). Тем самым создается механизм *самодерминации*, т.е. некоторой цивилизационной целостности, которая позволяет каждой данной цивилизации существовать как самобытной структуре, соседствуя, взаимодействуя с другими цивилизациями в историческом времени человечества. При этом всегда происходило противоборство разных духовных анклавов человечества, наступление одних религиозно-духовных миров на другие, особенно, если оно подкрепляется насильственными военными методами, что зачастую приводило к гибели самобытных цивилизаций. Но, как правило, поражение одних цивилизационных структур от других совпадало по времени с наличием крупных противоречий в самих этих обществах. Дело в том, что в каждой данной цивилизации, срок жизни которой задается Высшими силами мироздания, изначально заложены элементы энтропии и дезэнтропии, созидания и разрушения, которые выражаются в противоречиях этих структур.

Выделяются два типа противоречий. Горизонтальные «трещины» – это социально-экономические (стартовые или классовые) противоречия и отражающая их идеология (часто принимающая религиозное обличье), не отвечающая официальной церкви, на которой сложилась данная цивилизация. «Вертикальные» трещины – это противоречия между государствами каждой данной цивилизации (напомним, что цивилизации охватывают, как правило, много государств, исключением были только империи). Именно кровопролитные войны между государствами данной цивилизации или другими цивилизациями явились причиной гибели цивилизаций. Тойнби считает, что в 14 из 16 случаев

известных надломов и гибели цивилизаций была эскалация междоусобных войн.

Цивилизации, хотя и смертны, живут очень долго; они эволюционируют, адаптируются и являются наиболее стойкими из человеческих ассоциаций. Их уникальная и особенная сущность заключается в «длительной исторической непрерывности... Все они в своей эволюции проходят времена беспорядков и конфликтов, преодолевая их», – утверждает современный представитель цивилизационной школы С. Хантингтон³⁰. Причем большинство погибало, но некоторые выживали. Почему?

Ответ на этот вопрос требует рассмотрения всего периода жизни отдельных цивилизационных структур с точки зрения духовной энергетики населения в различные периоды их длительного временного бытия. Все представители цивилизационной школы истории разделяют положение о том, что развитие цивилизаций подчинено общему принципу развития природы и общества – цикличности³¹. Однако одни представители этой школы полагают, что этот процесс происходит по принципу существования органических существ – рождение – юность – расцвет – осень и смерть (Н. Данилевский, О. Шпенглер³²), другие, в частности Тойнби,

³⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 147.

³¹ Под влиянием идей позитивизма у создателей цивилизационной школы истории возникли, вероятно, идеи о культурно-историческом типе как некой целостной органической системе, все звенья которой взаимосвязаны и создают в конечном итоге синтез, не имеющий аналогов, и о циклическом характере развития всех этих локальных культур, проходящих через стадии молодости, зрелости, старости и умирания. К числу основателей цивилизационной школы относят выдающегося историка конца XVII – начала XVIII в. Д. Вико, так как у него была идея подъема и упадка народов, которые, как и люди, мужают, стареют и умирают. Он создал теорию исторического кругооборота – развития всех наций по циклам, состоящим из трех эпох: божественной (безгосударственность, подчиненность жрецам), героической (аристократическое государство) и человеческой (демократическая республика или представительная монархия). Придавая решающее значение деятельности людей в осуществлении исторического процесса, сами исторические законы он считал провиденциальными.

³² Данилевский сформулировал пять законов развития культурно-исторических типов: закон выхода из младенчества, закон необходимости политической независимости для зарождения типа; закон возможного вливания и непередаваемости начал от одного типа к другому; закон непоглащаемости этносов «политическим целым»; закон кратности периодов расцвета и периодов жизненных сил этого культурного типа. Как бы в развитие этих положений Шпенглер вообще выделяет четырехтактный ритм движения цивилизации: весна–лето–осень–зима (смерть) и на этой основе дает сравнительную характеристику цивилизаций, разделенных тысячелетиями.

более глубоко разрабатывают проблему цикличности цивилизаций. Именно он активно выступил против перенесения на цивилизационную структуру логики развития организмов.

«...Защитники предопределения или детерминизма в судьбах цивилизаций, – пишет он, – обращаются к закону старения и смерти, который, они полагают, распространяется на всю сферу планетарной жизни. Один из наиболее известных представителей этой школы О. Шпенглер утверждал, что цивилизацию можно сравнить с организмом, а значит, она проходит периоды детства, зрелости и старости... Догматически твердить вслед за Шпенглером, что каждому обществу предопределен срок существования, столь же глупо, как и требовать, чтобы каждая пьеса состояла из одинакового числа актов... Общества (цивилизации) не являются организмами, с какой бы стороны их не рассматривали. В субъективных понятиях – это умопостижимые поля исследования, а в объективных понятиях они представляют *основу пересечения активности отдельных индивидуумов, энергия которых и есть та жизненная сила, что творит историю общества*»³³. Отметим вот этот новый аспект исследования жизни цивилизаций, связанный с духовной энергетикой населения данной цивилизации, который был впоследствии назван пассионарностью (Л.Н. Гумилев). Эта постановка явилась очень важным методологическим посылом в исследовании условий, позволяющих преодолеть многим цивилизациям состояния надлома и исторической смерти.

Тойнби убежден, что наиболее мощные цивилизации могут проходить несколько циклов, испытывая в процессе своей жизни несколько надломов, но не умирают, а возрождаются к новому витку своей жизни духовным подъемом новых поколений людей этой цивилизационной структуры. Через цепь взаимосвязанных циклов развития прошли все крупные цивилизации Евразии – Индия, Китай, Иран. В рамках этой группы цивилизаций возникают другие закономерности. Историческая наука говорит о том, что в развитии некоторых цивилизаций существуют особые этапы их жизни – роста, надлома, а также «ухода–и–возврата». Это такие состояния общества, когда ими отвергаются какие-то характерные черты его жизнедеятельности, но через некоторое время они возвращаются с триумфом в эти же структуры, может быть, в несколько модифицированном виде. В метафорической форме выражение этой мысли называется «движением Раскола и Палинггенеза (палингенессия – греческое слово, которое дважды встречается в Новом Завете, переводится на английский язык как «regeneration – внутреннее возрождение).

Этот особый исторический феномен попытался осмыслить Тойнби, утверждая, что соотнесение исторической жизни каждой данной цивилизации с силами Инобытия несомненно порождает

³³ Тойнби А. Указ. соч. С. 275–276.

циклическое движение. Но это движение особого рода, непохожее на ритмы, которые имеют место в механическом или органическом мире. «Наличие периодически повторяющихся движений в процессе роста цивилизаций ни в коей мере не предполагает, что сам процесс, включающий в себя эти движения, принадлежит к тому же циклическому порядку. Напротив, если из периодичности этих малых движений и напрашивается какой-либо вывод, то он, скорее сводится к тому, что это большое движение, порождаемое монотонно поднимающимися и опускающимися крыльями, *есть движение не повторяющееся, а прогрессирующее*³⁴.

Для того чтобы понять это явление, необходимо уяснить взаимосвязь двух факторов, которые влияют на ритмическое развитие цивилизаций. Первый фактор связан с пониманием сложного процесса постижения наиболее духовно одаренной частью людей этой цивилизации ее метаисторической идеи. Ритмы жизни цивилизаций в метаистории связаны с «Ответом человечества (или точнее, какой-то его части) на «Вызовы Творца». Он формируется в *чреде поколений* людей данной цивилизации, которые по-разному понимают и воспринимают в своей религиозно-духовной деятельности это Божественное сверхздание. И поэтому конкретные формы религиозно-духовного ответа людей каждой данной цивилизации на протяжении длительного периода существования этих больших обществ могут быть разными. Это относится и к ведущей церковной структуре, и определяемым ею нравственным нормам, реализуемым далее в этике, морали, искусстве. Если эти «Ответы» не отражают адекватно вызовы Инобытия, то духовная энергетика населения этой цивилизации угасает.

Цивилизация или гибнет, или может возвратиться с приходом новых поколений людей, предлагающих *обновленную религиозно-духовную* константу, отражающую более полно метаисторическую идею этой структуры. «Поэтому даже самые разрушительные революции, будучи бедой с гуманитарной точки зрения, несут в себе единственно возможный для общества выход из тупиковой ситуации, вызванный необходимостью обновления социальной структуры общества и его духовного климата. Применительно к той группе цивилизаций, которые способны после надлома к возрождению по принципу *«ухода-и-возврата»*, возникает особая форма цикличности в рамках тысячелетних ритмов истории.

³⁴ Там же. С. 276–278.

Тысячелетние ритмы больших цивилизаций обусловлены геофизическими факторами месторазвития этих структур, которые являются для того или иного анклава человечества факторами *неизменными*, подчиненными уже жизнью самой планеты как космического тела и геологическими процессами, ей сопутствующими. Поэтому, хотя сама геологическая временная размерность выходит за пределы человеческой истории, ее проявление в месторазвитии каждой большой цивилизации служит основой для образования тысячелетних ритмов цивилизаций.

Тысячелетия бытия больших цивилизаций в свою очередь поставили вопрос о *многовековых метаисторических* циклах. Их существование связано с явлениями надлома как сложного периода в жизни цивилизаций. Как уже отмечалось, под влиянием разного рода политических и социально-экономических факторов, влияющих на духовную жизнь цивилизаций, утрачивается способность к ее самоинтерминации, т.е. происходит надлом структуры. Но этот надлом преодолевается, если находятся новые духовно-одаренные творческие силы, которые стоят у истоков нового многовекового цикла данной цивилизации. А это означает, что сам процесс религиозно-духовного творчества также *имеет ритмическую природу*, развиваясь по принципу отвержения старых религиозных форм и замены их новыми в соответствии с меняющимися условиями жизни людей в общественно-социологическом и материальном отношении. *Многовековой цикл* цивилизаций – это качественно-определенный исторический период в ее развитии, который формируется под влиянием доминирующей церкви с ее толкованием основных догматов религии и культурно-духовных институтов, складывающихся в ее рамках, обеспечивающий самоинтерминацию этой структуры (включая политические и социально-экономические отношения). И поэтому *тысячелетия* существования больших цивилизаций как бы *делятся* на *многовековые* религиозно-духовные миры.

Возникновение этих многовековых религиозно-духовных миров в рамках даже каждой отдельной цивилизации обусловлено взрывом пассионарности той или иной группы человечества в постижении Высших сил Инобытия. В каждом многовековом цикле есть период весны – начала вливания новых пассионарных творческих сил в цивилизационную структуру, лета (расцвета этой цивилизационной структуры, находящего выражение во всех сферах политической, экономической, культурной жизни, осени – доминирования инерционных тенденций во всех сферах жизни этого цивилизационного социума и надлома – смерти. На последней стадии происходит резкое угасание

творческих потенций социума, которое отражается на всех сторонах жизни этой цивилизационной структуры, в том числе и ухода из исторического бытия, если в этот период не появляется некая творческая сила со стороны новых поколений.

Метаисторические циклы дают возможность понять природу социально-экономических, рыночных и денежных отношений в рамках развития цивилизаций, т.е. в более широкой постановке по сравнению с теми разработками, которые связаны с закономерностями развития техники и циклами экономической конъюнктуры (краткосрочными, среднесрочными, долгосрочными), которые так многогранно освещены в марксистской политэкономии.

Весь предыдущий анализ временного фактора как циклического в жизни человечества, т.е. в его связи с Высшими силами мироздания, дает возможность использовать эти Знания религиозно-философского характера, отказавшись от линейного их восприятия, которое является доминирующим во всех исторических и социологических школах. Циклическое развитие цивилизационной структуры человечества в рамках христианского миропонимания (нормальной эволюции) предполагает осмысливание еще одного временного параметра в жизни человечества – метаисторических эпох. Они запечатлены только религиозной мифологией, (отчасти астрологией³⁵) и остаются вне их осмысливания социологической мыслью. Именно в рамках метаисторических эпох получают другое звучание тысячелетние и многовековые метаисторические циклы цивилизаций от древних до современных их структур, которые играют главную роль в геополитической и социально-экономической жизни мирового сообщества уже в наше время.

В данной связи возникает необходимость осмысливания Новой эры как рубежной даты в религиозном творчестве человечества, что предполагает ознакомление с долгой и непростой дорогой к постижению Сущего. Анализ тенденций религиозного творчества в рамках языческого прошлого и тенденций к единобожию древних цивилизаций, а также греческой идеалистической философии и иудаизма в познании Высших начал мироздания позволит приблизиться к пониманию метаисторической сущности Новой эры.

³⁵ Метаисторическую суть этого периода пытаются осмыслить астрологи, связывая его с космическими циклом Эпохи Рыб, которая охватывает 2160 лет, на смену которой должна прийти эпоха Водолея с той же временной размерностью.

5.3. Духовные томления человечества накануне Новой эры: тенденции к единобожию древних цивилизаций, идеалистическая философия и иудаизм

Цивилизационный этап эволюции человечества в плане «нормальной эволюции», развития духовных потенций и становления его как «аристократии Вселенной» четко делится на два этапа: до и после Рождества Христова. И это при том, что ушедшие в Лету цивилизации (2–3 тыс. лет) до Рождества Христова концентрировали не меньшую массу духовной энергии, накопленную жизнью многих поколений человечества, нежели поколения людей Новой эры. Однако в рамках дохристианской Эры особо следует выделить последнее тысячелетие, а, может быть, даже последнюю его половину, непосредственно примыкающую к Новой эре. К началу первого тысячелетия до Новой эры по всему миру завершилось религиозно-духовное самоопределение народов. Вторая половина первого тысячелетия до Новой эры характеризовалась новыми явлениями в религиозно-духовной деятельности во всех цивилизационных структурах Древнего мира. Историки пишут о длившемся не менее нескольких столетий духовном томлении человечества, когда во всех цивилизационных структурах того времени произошли по сути дела *религиозные революции, которые отвергали старое мистическое мировоззрение, ставившее в центр ритуал, заклинание, магию.*

Таинственный порыв ввысь все время жил в разных ветвях человечества, стремясь преодолеть дистанцию, отделяющую его от Неба, связав жизнь человечества с иным миром, поскольку реальность Инобытия в корне отличается от всего частного и ограниченного. Духовные поиски были связаны с пониманием природы божества, т.е. *постижением этой высшей силы как Сверхтварной или ее возникновением из Природы как организующего начала.* Появились духовные наставники, учителя, они по-новому постигали вопросы жизни и веры – Будда, Конфуций, Заратустра, греческие философы, израильские пророки³⁶. «В Египте в VII в. наступил последний расцвет древней философии. В это же время в Индии развилась философия Санкьи, а в 560–480 гг. выступил буддизм. В Китае Лао Цзы и Конфуций явились в 551–478 гг. Смерть Зороастра относится к 583 году»³⁷.

³⁶ См. подробнее в кн.: *Можайскова И.В.* Указ. соч. Ч. I. Гл. 4.

³⁷ *Мень А.* Сын человеческий. М., 1991. С. 34.

Духовные томления народов дохристианской эры подготовили приход христианства. В какой мере верно это утверждение? Для ответа на этот риторический вопрос необходимо рассмотреть три группы вопросов: а) тенденции к единобожию в религиозном климате древних цивилизаций; б) особенности религиозно-философского Знания в рамках «просвещенного» язычества на пороге Новой эры; в) возникновение монотеистических религий в рамках языческого мира. Эти вопросы нами будут рассматриваться применительно к духовной ауре народов, в той или иной степени связанной с религиозно-духовными началами трех независимых древних цивилизаций, которые возникли на Ближнем Востоке и Средиземноморье. Что касается религиозно-духовных начал других древних цивилизаций, возникших в других регионах мира (Индия, Дальний Восток, Южная и Северная Америка), то они окажут влияние на духовный климат мира уже в Новую эру, когда христианство, ислам и буддизм вместе с возникшими в их рамках конфессиональными ветвями поделят мир³⁸.

³⁸ Влияние двух древних цивилизаций Америки – Южной (андской) и Средней (майянской) на духовный климат мира трудно выявить. Разрушительное наступление западного общества и католичества было таково, что андская и майянская цивилизации не оставили после себя ни живых памятников, ни реликтов. Реконструкция особенностей религиозно-духовной жизни этих цивилизаций основывалась поэтому частично на данных археологических раскопок, частично на литературных свидетельствах, оставленных испанскими конкистадорами или членами покоренных общин, сделанных еще до их полного уничтожения вместе с хранимыми ими традициями. Характерно, что возникшие здесь впоследствии государства и политические структуры историки не склонны считать наследниками доиспанских цивилизаций – настолько было велико влияние католичества и испанской культуры. Говорят именно о Латинской Америке.

Между тем памятники архитектуры и искусства прошлого, сохранившиеся до наших дней, свидетельствуют о цивилизациях, не уступающих в своем творчестве древнейшим культурам Африки, Европы и Азии. Древние цивилизации Америки оставили свой след в истории прежде всего своими архитектурными памятниками, известными по описаниям и многочисленным остаткам зданий (храмы, дворцы, обсерватории, амфитеатры, крепости). Гигантские монументы Америки – солнечные пирамиды выше пирамиды Хеопса. Искусство древнейших цивилизаций Америки сравнимо с лучшими творениями художников Старого Света, их настенная живопись, росписи ваз напоминают Египет; гончарные изделия майя заставляют вспомнить об этрусках; их барельефы напоминают об Индии, большие лестницы их пирамидальных храмов чем-то сравнимы с лестницами Ангкора. Что касается характера существовавших там религий, то обычно говорят об их особой мистике и магических культах, которые были связаны с человеческими жертвоприношениями, превращавшимися в злодеяния, служащие космическим

1. Первые два–три тысячелетия до Новой эры в религиозно-духовном отношении характеризовались тем, что многобожие и магия тщетно пытались заполнить пропасть, отделяющую землю от неба. Это восприятие сущего (природное) характерно для всех древних цивилизаций. Религии древности рассматриваются как языческие, потому что там «... нет Бога как Творца мира. Начало всего – хаотическая природа, в которой на какой-то стадии эволюции и ее свойств зарождаются “боги” – создания сознательные, организованные, которые приводят в порядок мировой хаос и из него устраивают правильный мир»³⁹. Концепция божественного существа *единого и всеобщего*, смешиваемого с материальным миром, возникающего из него, но не сотворенного им, встречается в основе повсюду. *Это бог-Природа.*

Главное отличие религии древних цивилизаций от мировых религий нового времени (кроме буддизма) состоит в том, что они отрицали акт сотворения мира, а признавали только рождение. Отсюда гилозоистичность этого мироощущения – одушевление природы, половой принцип, культ фаллоса, отсутствие понятия Личного Бога, материалистические начала. «Причина и прототип видимого мира – бог-Природа имеет по необходимости двойное существо. Он обладает двумя принципами всякого земного рождения – это принцип активный и пассивный, мужской и женский... Божественные личности не мыслятся отдельно, но парами, и каждая пара составляет полное единство, отблеск первичного единства»⁴⁰. Инобытие представлялось тогда как жизнь многих богов и богинь, находящихся между собой в сложных отношениях (вражды, любви, дружбы).

Для всех древних цивилизаций типичным было существование бесчисленного сонма отдельных божеств, хотя жреческая вдумчивость вносила в нее некоторую классификацию. Например, в Шумеро-аккадской цивилизации одна табличка Ниневийской библиотеки

темным силам. Однако, повествуя об этих демонических верованиях и кровавых жертвоприношениях, нельзя забывать, что трактовку этим верованиям давали люди другой цивилизации. Они должны были оправдать все те жестокости, к которым прибегали в погоне за золотом, убивая жителей этой страны, вообще не считая их людьми (и это было освящено католической церковью и соответственно «идеализировано» католическими миссионерами). Нельзя забывать также, что католические миссионеры поспешили уничтожить рукописи, разбить статуи, разрушить алтари – стереть с лица земли память о цивилизованном прошлом этой земли и ее коренных народах.

³⁹ Тихомиров Л.А. Указ. соч. С. 60.

⁴⁰ Там же. С. 68.

насчитывала 7 величественных и верховных божеств, 50 великих богов неба и земли, 300 духов небес и 300 духов земли. И это при том, что верховным богом в аккадский период был Энлин, который получает название Бел (Баал) – Баб-Илу – господин-повелитель. Постепенно имя «Энлин» стало пониматься как титул и даже появилось выражение «энлинство», т.е. господство над богами. Такое энлинство (с обязательным титулом «Бел») в старо-вавилонский период получили Мардук – небесный патрон Вавилона, в ассирийский – Ашшур.

Для этого типа религиозного восприятия характерными были особые методы получения благосклонности богов. Причем поскольку богов было много, они действовали не совместно, а порознь, враждую друг с другом, нуждаясь в пище, которую они могли получить только от людей. Отсюда культ жертвоприношений как формы оказания воздействия на жизнь богов, некоего властвования над ними.

Но вместе с тем именно в рамках этого многобожества возникает идея Единого Божества с разным пониманием его связи со Светлыми и темными силами Инобытия, их влияния на жизнь людей и жертвы, которые они должны им приносить.

Если говорить о тенденции единобожества, связанного с постижением Светлых сил, то речь должна идти в первую очередь о Египте. В начале XIV в. до н.э. фараон Эхнатон (Аменхотеп IV) выступил с реформированием религии, упразднив весь пантеон богов, и учредил культ единого бога Атона – бога солнечного диска. Однако вскоре культ Атона был отменен, фиванские жрецы захватили престол и установили теократию. В данной связи интересен скорее не акт отмены, а сам факт попытки введения монотеизма. Более того, Д. Андреев считает Эхнатона пророком, через деятельность которого «провиденциальные силы сделали первый в мировой истории шаг к озарению народного сознания реальностью Единого Бога. Если бы реформа Эхнатона удалась, встретив достойных преемников и продолжателей, миссия Христа осуществлялась бы на несколько веков ранее и не на Иордане, а в долине Нила⁴¹.

⁴¹ Андреев в поэтической форме рисует образ этого удивительного фараона. «Какое полное одиночество должен был испытывать этот гениальный поэт и провидец, заканчивая свой вдохновенный гимн Единому Божеству трагической жалобой: “И никто не знает Тебя, кроме сына Твоего, Эхнатона!”». Впрочем, понимать эту жалобу буквально нельзя: был, по крайней мере, один человек, разделявший его одиночество. «Роль царицы Нефертити, его жены, как вдохновительницы и участницы религиозной реформы вряд ли может быть кем-то преуменьшена. Эта изумительная женщина прошла по золотистым пескам своей страны посланницей того же небесного света, что и ее супруг» (См.: Андреев Д. Собрание сочинений. Т. 2. Роза Мира. С. 239). Шедеврами древнеегипетского искусства являются портреты фараона Эхнатона и его жены Нефертити, отличающиеся тонкостью портретной характеристики, виртуозной обработкой камня.

Но если египетская цивилизация оставила след в религиозно-духовной истории мира своими обращениями к Светлым силам Инобытия, то Шумеро-аккадская, особенно в ассирийский период – скорее обращениями к темным силам Инобытия.

Это было время наибольшего могущества и военной экспансии ассирийского государства (XI–VII вв. до н.э.). Шумеро-аккадская цивилизация ассирийского метаисторического цикла ее развития «оказалась первой, в которой нашли воплощение могучие демонические силы, которые играли и играют в метаистории человечества огромнейшую и крайне губительную роль»⁴².

Андреев убежден, что «корпорация высокопросвещенного жречества, принимая на своих мистических обсерваториях излучение светлых космических сил, не убереглась от принятия также чрезвычайно длительного излучения галактического антикосмоса... На их языке имя божества, т.е по их представлению высшего существа, было синонимом существа, наводящего ужас и трепет на людей... Из такого представления о Боге, о божественном происхождении царской власти и выросла та холодная, спокойная неумолимая жестокость, которой дышит буквально каждая строка памятников письменности, дошедшая до наших дней»⁴³. (Речь идет о знаменитой царской библиотеке-хранилище, в которой сохранилось более 30 тыс. клинописных табличек в Ниневие.) Ассирийцы для утверждения своей власти над странами Двуречья использовали одно средство – террор. Покорив своего врага, они ограничивались тем, что оставляли в побежденных городах изображение своего бога – Ашшура. Он был изображен в виде крылатого солнечного диска, из которого выступало туловище воина, стреляющего из лука. И только этим изображением обеспечивалась покорность населения. Тогда вся передняя Азия целые тысячелетия буквально была залита кровью. Клинописные таблички, барельефы, найденные археологами в долинах Тигра и Евфрата, говорили о том, что месопотамские сары (цари) были изобретателями почти всех видов пыток, которые применялись всеми деспотами во все времена к своим врагам, чтобы вселить ужас и покорность (казни на кресте, сдирание кожи, отрубание членов и т.п.).

Нововавилонский период считают заключительным этапом существования Шумеро-аккадской цивилизации. Вавилония (Халдея) в это время достигла степени передовой языческой культуры. Тогда после долгой войны между Ассирией и халдеями – арамейскими племенами, населявшими Двуречье – начался расцвет этой цивилизации. В историю этот период вошел как средоточие «халдейской мудрости», выработанной «тысячелет-

⁴² Андреев Д.Л. Собрание сочинений. Т. 2. Роза Мира. С. 179.

⁴³ Там же.

ней работой ума ассиро-вавилонян, сохранившей все чары магии древнего Шумера и Аккада, прибавив к ней астрономическую и астрологическую науку ассирийского звездочетства», — отмечал Л.А. Тихомиров. И в этой структуре по-прежнему большую роль играет жречество и обожествленный царь-победитель. Забегая несколько вперед, отметим, что именно Навуходоносор до основания разрушил Древнееврейское царство, рассеяв еврейское население по всему миру.

Во второй половине первого тысячелетия до Рождества Христова свою большую лепту в понимание Сущего вносит *эллинский мир*, который как бы впитывает в себя после походов Александра Македонского все религиозно-духовные завоевания многих народов. В области религиозной жизни здесь можно выделить две тенденции: к Единобожию и синкритизации различных верований.

В V–III в. до н.э. интенсифицируется религиозно-духовная жизнь Греческой цивилизации. Она является сынородственной по отношению к древней Эгейской цивилизации. Но это был особый духовный мир, впитавший после походов Александра Македонского и образования целой эллинской ойкумены многое из верований ранее существовавших цивилизаций Ближнего Востока и Средиземноморья и даже части западной Индии. Развитие к единому объединяющему культурному символу (здесь нельзя еще говорить о вере) прослеживается даже в языческой Греции (VI–V вв. до н.э.). В Древней Греции не было политического единства, тем не менее существовало единство культурное — культ Аполлона, Деметры, Диониса и др. Эпоха эллинизма на базе греческой и италийской цивилизаций создала еще больше условий для становления единобожия при синкритизации религиозных потенций разных народов, греческого и восточного религиозного мировосприятия. При сохранении местных религий в формах религиозного культа более широкое распространение получают универсальные божества, объединяющие в себе сходные функции наиболее почитаемых богов и богинь. В это время одним из главных культов стал культ Зевса (Гипсисста — высочайшего над всеми другими богами), отождествляемого с финикийским Ваалом, вавилонским Белом, иудейским Яхве. С культом Зевса по распространенности соперничал культ Дионисия, сближая его с культом египетского Осириса. Из женских богинь главным и почитаемым божеством стала египетская Исида.

Римский период способствовал еще большей подготовке духовной почвы для единобожия, что было связано с достаточно быстрыми темпами заимствования римлянами религии и верований покоряемых ими народов, так как религиозно-духовные основы Римской империи были поверхностными и заимствованными.

Развитию единобожия в римский период способствовало в конце II–I вв. до н.э. проникновение восточных культов Иисиды, Осириса, Кибелы, с которыми знакомились римские легионеры в эллинистических странах. Росло число приверженцев восточных богов, их культ связывался с надеждой на бессмертие души и приход некоего спасителя (Диониса, Иисиды и др.), обещающего верующим и посвященным в мистерии загробное блаженство. Особенно велико было влияние зороастризма⁴⁴ и культа Митры – бога дневного света, одного из главных индоиранских богов, воплощавшего добродетельную по отношению к человеку сторону божественной сущности, бога договора (митра по-индоирански – договор) приносящего победу. С I по II в. н.э. римские легионеры и солдаты сооружали ему многочисленные святилища – митреумы. Культ Митры был главным соперником христианства вплоть до IV в.⁴⁵

В рамках духовного климата конца первого тысячелетия, предшествующего Рождеству Христову, большое развитие получает *религиозно-философское Знание*, нашедшее свое выражение в *идеалистической философии эллинизма*. В Индии человек, проникший в горькую истину бессмысленного существования, покорился факту и стал спокойно искать успокоения в «небытии». Эллинский дух пошел по иному направлению. Он стал искать единения не с той бессмысленной силой, которая создала мир, а с силой разумной, которая хотя и была производной, более слабой, но как разумная возбуждала уважение человека. Та же сила духа проявилась и в решении поискать своими собственными силами опоры в жизни.

Религиозно-духовные искания Древней Греции породили очень влиятельную ее ветвь – *орфизм*⁴⁶. Многие выдающиеся мыслители того

⁴⁴ Для зороастризма (или маздеизма) – государственной религии древнеперсидской мощной державы Ахеменидов (VII–VI вв. до н.э.), характерны вера в верховного, или единого бога Ахурамазды и борьба двух вечных начал добра и зла (к силам зла пророк относил всех натуралистических богов, ранее существовавших в индоиранских религиях). Во главе злых сил стоит дух-разрушитель Ахриман. Борьба этих двух начал образует содержание мирового процесса, в котором человеку принадлежит свобода выбора. Обязанность человека по отношению к доброму началу состоит не столько в соблюдении обрядов и молитв, сколько в образе жизни – «доброй мысли», «добром слове», «добром деле». Особое значение придавалось умножению материальных благ (скотоводству, земледелию, ремесленничеству, производству потомства).

⁴⁵ Митра впоследствии почитался как спаситель человеческого рода. В митраизме существовал обряд причащения, «символ креста», праздник рождения – «рождение солнца».

⁴⁶ Орфизм был предтечей греческой философии. Основателем орфического учения, по преданию, считают Орфея, фракийца, героя греческой мифологии, участника похода аргонавтов (XII–XI вв. до н.э., т.е. во время рас-

времени были орфиками, в частности Пифагор. Языческие верования в Древней Греции подготовили почву для греческой философии. Она на протяжении долгого времени находилась в рамках гилозоистического мировосприятия, согласно которому бесчисленные частные проявления божества являются различными его свойствами (Фалес, Пифагор). Наконец, знаменитый Гераклит, признававшийся величайшим умом греческой философии, ввел понятие «единого», «внутреннего строя мира», «который разумен» и назвал его «Логосом»⁴⁷. Это понятие впоследствии стало широко употребляться, но во всем этом не было «никакого элемента чего-либо “божественного” в смысле независимости от “разума естества”, хотя “логос вещей” проявлялся “разными способами” и его познание вполне сочеталось с гаданиями и предсказаниями»⁴⁸.

Эллинская мысль пыталась отыскать Бога, отличного от природного естества. Отделением материи от движущей силы Анаксагор ввел понятие «мировой дух», или Нус (Ум), но все равно «Ум» Анаксагора есть некий элемент естества – «легчайший и чистейший из всех вещей». Позже Сократ пришел к важному выводу, что человеку может быть понятна лишь та часть вселенского разума, которая охватывает самого человека. «Сократ приблизился к отысканию Божества на

цвета Египетской цивилизации). Орфизм – эзотерическое учение, доступное только посвященным и связанное с культом Диониса. В центре учения орфиков – миф о возникновении мира и человека из мирового яйца.

Начало мира есть Хронос (время), от которого произошли беспредельный Хаос, т.е. некоторая туманная бездна, и Эфир, т.е. светлая небесная стихия. Из Хаоса и Эфира образовалось серебряное яйцо Вселенной, из двух частей которого были созданы небо и земля. Эфир порождает двуполого змея – Зевса, сосредоточившего всю полноту божественной власти, который рождает наследника, грядущего благого повелителя мира Дионисия-Загрея. Из Хаоса рождаются титаны. Титаны убивают Дионисия-Загрея и поедают его. Зевс убивает титанов молнией, и из пепла рождаются люди. Они соединяют в себе злое естество титанов и благое естество съеденного ими Загрея. Человек несет в себе это злое естество, от которого он не может освободиться и после смерти, так как оно (злое естество) перевоплощается в другое тело. Вера в переселение душ в орфизме (занесенная, вероятно, с Востока) основана на посылке самостоятельного, *благочинного бытия души, отличного от материального тела*. Происходит постоянный кругооборот «колеса рождений». Из этого круга человека может вывести только милость Дионисия. Но его благосклонность надо заслужить. К этой цели направлены орфические таинства, ритуальные и аскетические очищения, содержащиеся в глубокой тайне.

⁴⁷ В Египте очень рано сложилась богатейшая религиозная и магическая литература, которая оформилась в сборники «Тексты пирамид», «Тексты мертвых», «Тексты саркофагов». С точки зрения развития теологической мысли будущих тысячелетий, интересен Мемфисский богословский трактат, в котором за много веков до греческой идеалистической философии и христианства проводится мысль о Логосе, созидающем мир.

⁴⁸ Тихомиров Л.А. Указ. соч. С. 75.

всю степень близости, допускаемой высочайшим человеческим самостоятельным проникновением. Дальше него никто не пошел»⁴⁹.

Следующий этап греческой философии связан с именами Платона и Аристотеля – родоначальников идеалистической философии. Находясь под влиянием Сократа, Платон потом пришел к собственным выводам. Он учил, что над нашим видимым миром существует другой сверхчувственный мир идей, который и составляет реальное бытие. Идеи эти существуют сами по себе и имеют вечную реальность. Когда идея отражается в материи, то возникает явление, образующее наш видимый мир. Высшая из идей есть Бог, который сначала создал «душу мира» из смеси бытия и небытия, и смесь эту в разных пропорциях распространил по всей Вселенной. Понятие Платона «Мировая душа» означало абсолютный принцип организации всей жизни, двигатель мира. Аристотель – ученик Платона – затем заменил этот тезис понятием «мировой дух», что соответствовало волеизъявляющей, познающей и творящей, исходя из собственных целеполаганий духовной силе, мыслящей как принцип всего действительного, как высшая форма действительного – мысль мыслей. Мир, получивший, по Платону, «душу», стал особым «чувственным божеством»⁵⁰. Стремление человека выйти за пределы своей телесной организации в другой мир прослеживается во всей греческой философии, особенно в платонизме, где глубоко разрабатывается дуализм тела и духа с противопоставлением бессмертия духовной субстанции тлению материальной. Говоря о философии Платона в целом, Тихомиров заключает: «Эта философия бытия не осталась без влияния на гностиков и отдельных христиан (но не на христианскую веру). Она по существу произвольна и не выдерживает критики разума. Платон имел влияние в том смысле, что показывал бессилие человеческих сил... дойти самостоятельно до отыскания Бога. В классическом мире усилия религиозно-философского самоопределения закончились скептицизмом. Оно было сформулировано примерно так: 1) ничто не существует; 2) если бы было существующее, оно было бы для нас непознаваемо; 3) если же было познаваемо, то не было бы выражимо в словах, если не было познаваемо, то не было бы передаваемо.

В целом Знания, основанные на языческом мировосприятии даже в рамках высших его достижений, не могли способствовать решению духовного кризиса человечества. «Последним словом дохристианской мысли стало слово о Божестве. Чье сокровенное, неисповедимое бытие находится по ту сторону зримого. Как бы ни называть его – Небом, Отцом, Судьбой – глубина Его не

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ При устройении мира образовались четыре стихии. Первая – «огненная», из которой образовались боги, демоны и звезды, почитаемые Платоном за гениев. Три остальные стихии были уже созданы богами. Над человеком трудились и демоны, и боги, давшие ему бессмертную душу.

может быть познана никем из смертных. Идея эта не только вытекала из переживаний мистиков, но имела и логическое основание. Поистине – какой разум в состоянии охватить саму Беспредельность?» – пишет Тихомиров⁵¹. Таинственный порыв высь все время жил в разных его ветвях, стремясь преодолеть дистанцию, отделяющую его от Неба. Все последующие столетия до этой рубежной даты во всех религиозно-духовных анклавах мира была выявлена тенденция к *монотеизму*. «Буддисты ждали Будду Майтрею, индуисты – очередное воплощение бога Вишну, персы – Спасителя Саошианта, иудеи – Мессию»⁵². Время от времени оживали надежды, что появится тот, кто выведет мир из духовного кризиса.

На вопросе Мессии в контексте *иудаизма* как первой *теистической* религии, которая явилась религиозно-духовной основой образования *сирийской* (древнееврейской) цивилизации, необходимо остановиться подробнее. Представляется необходимым осмыслить иудаизм не в плане чисто религиозном или религиозно-философском, а, скорее, в историко-социологическом, включив появление этой теистической религии в контекст развития духовной ауры человечества в первом тысячелетии до нашей эры в том регионе, где появились три первые древние цивилизации. Иудизм явился религиозно-духовной основой *сирийской* (древнееврейской) цивилизации, которую Тойнби относит к неразвитым структурам. Эту структуру можно считать сынородственной по отношению ко всем трем древним цивилизациям (Египетской, Шумеро-аккадской (Вавилоно-ассирийской) и Эгейской (Крито-микенской)).

Образование этой структуры Древнего мира связано с западно-семитской ветвью народов этого региона – евреями. Первая из этих древних цивилизаций – Египетская далеко не дружественно отнеслась к евреям как пастушеским скотоводческим племенам, кочевавшим на ее территории, где евреи находились на самой низшей ступени в национальном и социальном отношении. По библейской версии, эта этническая группа была выведена Моисеем из Египта в Палестину (Ханна) в XVI–XIV в. до н.э. (Это примерно времена среднего царства в Египте). Ханаан – Западная Сирия⁵³ – небольшая полоска земли,

⁵¹ Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. С. 75.

⁵² Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М., 1990. С. 21.

⁵³ Сирия расположена на соединении путей в Среднюю Азию, Месопотамию и Двуречье; с XII в. стала ареной борьбы египетских, хеттских и ассирийских царей. Ассирийцы завоевали Сирию в 732 г. С падением Ассирии в конце XVI в. она перешла к Нововавилонии, в 535 г. к Персии, в 332 г. к Македонии, а в 63 г. до н.э. к Риму.

протянувшаяся по берегам Иордана и Мертвого моря, расположенная на пересечении дорог Европы, Азии и Африки. Именно местоположение делало ее яблоком раздора разных государств Древнего мира. Название этой территории связано с семитской народностью – ханаанами, заселявшими этот регион в третьем тысячелетии до н.э. (есть версия о связи ханаан с народами Эгейской цивилизации). Ханаан получила впоследствии название Палестины от другой этнической группы – филистимлян, которая также обитала на этой территории и с которой евреи вели длительные войны часто победоносного характера, что нашло свое отражение в мифе об Иисус Навине – легендарном военачальнике, преемнике Моисея, завоевавшем Палестину для евреев.

В XII–XI вв. до н.э. создается большое Израильско-Иудейское государство, где *иудаизм становится государственной религией*.

На развитие иудаизма громадное влияние оказали пророки, прорицатели. Считалось, что пророки говорят от имени бога Яхве (Иеговы). Иудей Авраам был первым пророком, упоминаемым в Священном писании. Но особое место отводится Моисею – ключевой фигуре в иудаистской мифологии. Ему приписывается разговор с самим Яхве на горе Синай. Тогда Яхве передал ему духовные требования – Заветы, которые предъявлял Господь к еврейскому народу. Моисей отразил их в десяти заповедях, которые были отражены на каменных досках (скрижалях). Кроме того, он написал первые 5 книг Ветхого Завета (Пятикнижие). Древнейшие пророки (Самуил, Елисей и др.) также оказали большое влияние на многие стороны иудаистской догматики, и не случайно их имена широко отражены в Ветхом Завете. При этом пророки, жившие согласно библейской традиции, между IX–IV в. (Амос, Осия, Иеремия, Иезекииль и др.) утверждали, что существует Договор Завета, согласно которому евреи должны служить только Яхве, а взамен их Бог передавал им право безраздельно управлять Палестиной⁵⁴.

⁵⁴ «Бог заключил договор с Авраамом, человеком глубокой веры... Он обещал сделать Авраама отцом великого народа и дать ему и его потомкам во владение землю Ханаан... Бог повелел Аврааму оставить свой дом в общине иудеев в Месопотамии и повел его в обетованную землю Ханаан, называемую также Палестиной. Авраам был уже стариком, когда у него родился сын Иаков, которого звали также Израилем, имел 12 сыновей и одну дочь. Из этой семьи вышел народ Израиля, который называя себя 12 коленами (или родами) Израиля – потомками 12 сыновей Иакова. ...Три основных родоначальника – Авраам, Исаак и Иаков (Израиль) – известны как праотцы или патриархи Израиля». Семья Иакова (Израиля) разрослась и насчитывала до 70 прямых потомков. Один из его сыновей Иосиф стал в Египте большим начальником. Племя иудеев выросло и стало небольшим народом. В книге «Исход» рассказывается о том, как через 400 лет Бог через пророка Моисея освободил народ от рабства (см.: Благая Весть. Новый Завет / пер. с греч. М., 1990. Введение).

Во главе этого мощного государства стоял царь Давид, от которого должны были в будущем и происходить цари Иудеи, образуя «Дом Давида». Первым в этом ряду стал царь Соломон. Он прославился своей мудростью и благочестием. При нем был построен храм в честь Яхве, вошедший в историю как храм Соломона (от него сохранились лишь остатки стен, «Стена плача».) Соломону приписывается авторство некоторых книг Библии: Песнь песней, Притчи, Экклезиаст. А это означало укрепление культа Яхве вместе с идеей государственного единства евреев. Храм Яхве в Иудее с наследственными священнослужителями и жертвоприношениями символизировал это единство.

Однако история распорядилась иным образом. Мощное древнееврейское государство под влиянием главным образом внутренних противоречий распадается на два царства: Иудейское на юге и Израильское на Севере (около 980 г. до н.э.). Хотя оба этих государства были созданы в религиозном отношении на базе иудаизма, язычество не ушло в прошлое. Причем в Израильском царстве язычество было официальной религией (поклонение Молоху, Ваалу и Астарте с жертвоприношениями детей для этих идолов). Господствовали чувственная распущенность, насилие и грабительство. И, как повествует Библия, этому пришел конец – разразился Божий суд. Ассирия и Вавилония смели с лица земли эти царства.

Израильское царство было разрушено ассирийским царем Саргоном (722 г. до н.э.), а Иудейское царство – вавилонским царем Навуходоносором (588 г. до н.э.). Страна была разграблена, а знать, войска и среднее сословие отведены в плен во многие страны: в Вавилон, Мидию, Аравию, Египет (поэтому Тойнби называет эту структуру неразвившейся древнесирийской цивилизацией).

Еврейский народ был растерзан в физическом, духовном, политическом и социально-экономическом отношении. Но здесь надо отметить, что в «голусе» оказалась самая творческая часть еврейского народа, большая часть еврейского населения все же осталась в Палестине и она станет питательной средой для мессиянских настроений в столетие, предшествующее возникновению христианства.

Началась жизнь иудаизма как религии среди еврейского народа, находящегося в рассеянии (голусе) и это обстоятельство, как покажет дальнейший анализ, окажет серьезное влияние на тот духовный климат, который подготовил возникновение христианства. Дело в том, что на историческую судьбу евреев и иудаизм как религию в последующие четыре-три века, непосредственно примыкающие к Новой эре, оказали непосредственное воздействие внешние факторы геополитического характера. Они были связаны с борьбой крупных

цивилизационных структур, оформленных политически в мощные государства. И в этом геополитическом климате судьба оказывалась благосклонной и к еврейской диаспоре и к их иудаизму.

Характерно, что положение евреев улучшило именно падение Ново-Вавилонского царства в результате победы над ним персидского царя Кира и установления могущественной древнеперсидской державы Ахеменидов⁵⁵. После падения Ново-Вавилонского царства (537 г.) часть израильтян вернулась в Палестину. Хотя государственной религией персидской державы был зороастризм, властители монархии терпимо относились ко всем верованиям народов своей необъятной ойкумены, в том числе и к религии евреев – иудаизму. К этому надо добавить особый статус Иерусалима. Возникшая в VI в. до н.э. держава Ахеменидов включала в свой состав огромные территории, многие из которых входили в состав ее как сатрапия, а также многие торговые города на началах самоуправления, в которые входили и крупные города Шумеро-аккадской цивилизации, включая Вавилон. Правом самоуправления пользовался и Иерусалим, которому Кир дал большую автономию и освободил от многих податей. Там был культ Яхве.

После разрушения Персии Александром Македонским Иудея и Иерусалим оказываются в составе эллинского мира и возникших на его территории государств Селевкидов, а затем попадают в зависимость от Рима. Палестина стала провинцией Римской империи вес-

⁵⁵ Нельзя не вспомнить, что на юго-западе Ирана в начале третьего тысячелетия до н.э. возникло государство Элам (центр Сузы), которое находилось под сильным влиянием Шумеро-аккадской цивилизации, откуда заимствовало клинопись, вытеснившую с середины третьего тысячелетия местную иероглифу. В течение второго тысячелетия до н.э. на территорию Ирана либо через Среднюю Азию, либо через Закавказье проникают индоевропейские племена иранской группы – арии. От названия этих народов происходит название Ирана (древнеиранское *Aryanam* – «страна Ариев»). В конце второго тысячелетия до н.э. горные племена западного Ирана завоевали Вавилонию, где правили несколько веков. На XIII–XII вв. до н.э. падает расцвет Эламского государства, территория которого простиралась от Евфрата до Центральной Индии.

К концу V в. до н.э. (при Дарии I Гистаспе) возникает Мидо-Персидская империя, которая играла громадную роль в политической и экономической интеграции больших регионов Евразии. Она представляла державу, простиравшуюся от Сахары до Индии, от Черного моря до Каспийского, и до Аравийского и Персидского заливов. В состав ее входили завоеванные Персией различные по экономическому и культурному развитию страны Древнего Востока: Вавилония, Египет, Финикия, Сирия, Палестина, Туркестан и Аравия.

ной 63 г. до н.э. Тогда удачливый римский полководец Гнем Помпей сумел покорить Иудею и овладеть Иерусалимом – легендарным городом, пережившим пятнадцать веков славы и поражений. На правах победителя Помпей захотел осмотреть его, в том числе Дебир – Святая Святых, куда мог входить, да и то раз в год, первосвященник. «В напряженной тишине отодвинута завеса... И что же? Удивлению Помпея и его легионеров не было границ. Они ожидали увидеть нечто необычное, по крайней мере, какой-то образ – прекрасный или отталкивающий. Но там было пусто... Там обитало Незримое... Со странным чувством, к которому примешивался и суеверный страх, покинули римляне храм, не прикоснувшись ни к чему... Тогда судьба поставила римлян лицом к лицу с религией, предназначенной стать колыбелью учения, которое завоюет Восток и Запад, беломраморную Элладу и их родной Рим», – пишет о. Мень⁵⁶.

Насколько и в какой мере можно говорить об иудаизме как колыбели христианства? Ведь трудно отрицать тот факт, что более, чем за столетие до Рождества Христова, за ближайшие столетия, предшествовавшие явлению спасителя, евреи, рассеянные и разошедшиеся по всем странам Азии и греко-римского мира, пропагандировали «всечеловечность Царства Бога», «проявили горячий прозелитизм и вели широкую миссионерскую деятельность, – пишет известный знаток той эпохи Эрнест Ренан⁵⁷.

Именно в этот период произошло широкое ознакомление народов эллинского мира и Малой Азии со Священным Писанием – Ветхим Заветом, который был переведен за полтора столетия до Рождества Христова не только на греческий, но и на арамейский и халдейский языки⁵⁸. Все предыдущие верования, связанные с многобожием, магией и даже единобожием, «тщетно пытались заполнить пропасть, отделяющую землю от неба... Впервые эта раздвоенность снята в библейском Откровении... Оно учило о Боге “святом”, т.е. неизмеримом с тварью, и одновременно – о человеке как Его “образе и подобии”... Завет, или Союз, есть путь к единению человека не с богами, а именно с высшим Началом, пребывающим над Вселенной»⁵⁹. И это откровение евреи несли ко всем народам.

⁵⁶ Мень А. Указ. соч. С. 36.

⁵⁷ Ренан Э. Жизнь Иисуса. М., 1990. С. 120. Эта эпоха очень ярко освещена в серии работ Ренана, изданных в постсоветское время в 1991 г.: Апостолы; Апостол Павел.; Второе поколение христиан; Марк Аврелий и конец Античного мира.

⁵⁸ Ветхий Завет включает 39 книг, написанных разными авторами. Большинство из них написано на древнееврейском языке, несколько разделов – на арамейском языке, языке Вавилонского царства. Некоторые части Ветхого Завета написаны 3,5 тыс. лет назад.

⁵⁹ Мень А. Указ. соч. С. 40.

Но все же прозелитские тенденции в еврейской среде в этот период не были преобладающими при интенсивном религиозном творчестве в рамках самого иудаизма. Уже тогда возникли две разные ветви иудаизма, которые привели к тому, что *иудаизм стал национальной религией еврейского народа*. Одна – в которой в большей мере были представлены прозелитские настроения, имела своими истоками Моисеевы пророческие корни иудаизма, сопровождаемые стремлением осуществить «законное благочестие», отступление от которого вызывало кары небесные. Оценивая историческую катастрофу, постигшую еврейский народ, пророки полагали, что существовавшие политические и религиозные власти виноваты в случившемся. Разоблачая общую несправедливость властителей и официального жречества, они противопоставляли им идеального Мессию (по-древнееврейски, Христос – помазанник Божий, которого Бог пошлет для освобождения мира от зла и несправедливости. В рамках этого направления началось собирание преданий, установка текста Закона, из которого родилась талмудическая ученость.

Еще в большей мере национальный аспект иудаизма стал разрабатываться другой ветвью этой религии, которая была связана с теми ее духовными наставниками, которые, оказавшись в Вавилонии, не устояли против влияния мощного языческого воздействия этой культуры. И здесь необходимо сделать небольшое отступление, касающееся характеристики той среды, в которую попала наиболее творчески-активная часть еврейского населения. Речь идет о Вавилоне как жемчужине Древнего мира, который жил в тысячелетиях в рамках Шумеро-аккадской цивилизации и сохранил свой особый статус в период персидского господства⁶⁰.

⁶⁰ Вавилон-Баб-Илу – врата Бога упоминается в легенде о Саргоне Аккадском (третье тысячелетие до н.э.). Значение Вавилона возросло во время 1-ой Вавилонской династии (XVIII–XVI вв. до н.э.). При Хаммурапи Вавилон превратился в крупнейший политический центр всей Передней Азии, уступая место другим ее центрам, в частности Ниневии. В ассирийский период существования этой цивилизации при Навуходоносоре I наступил кратковременный расцвет этого города. Затем ассирийский царь Синахериб, который вел долгую борьбу с халдейскими племенами, владевшими тогда Вавилоном, разрушил город до основания (в начале VII в. до н.э.). Поэтому воды Тигра и Евфрата хлынули в разоренный и горящий город, размывая все то, что не было уничтожено пожаром. На месте шумного и полнокровного города возникла заболоченная равнина, на которой отдельными холмами возвышались груды развалин. Однако, как ни странно, именно сын Синахериба Асархаддон восстановил Вавилон с еще большим великолепием – по единому плану, пригласив лучших архитекторов для постройки храмов, дворцов и жилых домов.

Вавилон достиг особого расцвета при царе Навуходоносоре II. Разделенный на две части Евфратом (западную и восточную) город представлял в плане прямоугольник (площадью около 10 кв. км), опоясанный тремя рядами кирпичных стен с массивными зубчатыми башнями и восемью воротами.

Евреи попали «в страну, поражавшую их своим могуществом, блеском, богатством, знаниями, развитой философской мыслью, всем, чем только одна культура может повлиять на другую. Под влиянием «халдейской мудрости» эта ветвь иудаизма положила начало Каббале – эзотерическому течению, которое под внешней оболочкой Моисеева предания развила восточный мистицизм пантеистического характера.

Вначале оба эти направления духовного творчества евреев наложились на разное понимание той миссии, которая была возложена на Израиль Откровением Божиим: одна часть евреев ощущала себя носителем Божественной Правды, видя цель для всех народов в Искании Царства Божия. Но затем их отношения к иудаизму как национальной религии сомкнулись. Сторонники талмудической учености, не впадая в язычество и не изменяя «Богу Израиля», истолковали при этом Царство Божие в смысле «Царства Израиля». «Иудаизм вначале был религией национальной и снова стал потом религией замкнутой, – пишет один из крупнейших исследователей иудаизма И. Ренан. Но в промежутке, в течение нескольких веков он был открыт для всех... После эпохи пропаганды наступила реакция... Талмуд выразил эту реакцию. Еврейство почувствовало, что оно расплывается в христианстве, и начало сжиматься»⁶¹.

Свою замкнутость, имевшую целью выработку их неязыческих верований, евреи истолковывали в смысле исключения остального человечества из Царства Бога.

Главные ворота богини Иштар были облицованы синим глазурованным кирпичом со стилизованными рельефными изображениями красных и бело-желтых быков и драконов. Мощенная дорожка вела к расположенному в центре города храмовому комплексу Эсагила с семьюрусным зиккуратом Этеменанки, к так называемой Вавилонской башне (90 м). Ярусы башни были окрашены в разные цвета. На севере находился дворец-крепость Навуходоносора II с рядом внутренних двориков и тронным залом, который имел облицовку из синего глазурованного кирпича с орнаментальным фризом и изображением желтых колонн.

Богатство и роскошь древнего Вавилона поражали воображение путешественников, где все, начиная от крепостных ворот и стены, рва перед ними, и кончая Вавилонской башней с ее замечательной наружной лестницей и сияющим жилищем бога Мардука, казалось сказкой, чудом. К этому должно прибавить, что Вавилон к тому времени достиг величайшей степени своего могущества и представлял замечательную систему государственного строя, едва ли не превосходящую все древние государства... Земледелие, промышленность и торговля Вавилона стояли на высокой степени развития.

⁶¹ Тихомиров Л.А. Указ. соч. С. 137; Renouf E. Yudaisme commeruel et commt religion. Paris, 1883. P. 13.

В эти столетия и партия священническая (саддукеи), и еврейская интеллигенция (фарисеи), и их политическое руководство целенаправленно «работали» над возрождением Израиля на почве национальной исключительности, чему способствовали внешние обстоятельства. Еврейское население в Вавилонии добилось политического самоуправления оно обрело своего национального правителя – «Князя Изгнания» (Реш голуту) в области их основного проживания. В этих условиях все интеллектуальное творческое меньшинство евреев были убеждены, что Мессия, который придет в скором будущем, может быть только политическим вождем Израиля. Он придет для того, чтобы добиться осуществления господства евреев в мире язычников, поскольку Царство Божие понималось ими как земное Царство Израиля.

Это восприятие будущего Мессии как царя мощного национального еврейского государства было связано еще и с конкретно-историческими обстоятельствами, обусловленными римским управлением Палестиной как своей провинцией. Дело в том, что Иерусалим сохранил свой статус особого города и в Римской империи, практически осуществляя управление всей Палестиной. Он пользовался всеми теми привилегиями, которые были при персидском владычестве, хотя римляне осуществляли политический контроль. Царь Ирод был ставленником Рима и правил страной жестоко и несправедливо и поэтому еврейское население ждало Мессию, истинного царя Иудейского. В еврейском религиозном сознании царем иудейским может быть только «мессия» – потомок «Дома Давида».

И в этой конкретной исторической (духовной и политической) обстановке становится понятным почему, когда явился Сын Божий – Мессия Иисус (евр. Иешуа–Божья помощь) Христос – (греч. помазанник Божий)⁶², евреи его не только не узнали, но с ненавистью отвергли. Отсюда и вся Вифлеемская трагедия массового убийства младенцев царем Иродом, распятия Христа и неприятия Нового Завета⁶³. Поэтому, возвращаясь к мысли о

⁶² У древних евреев миропомазание применялось только к царям и первосвященникам, так как над ними совершался этот магический обряд, наделявший их особыми дарами и силой.

⁶³ Сын Божий родился у галилейской Девы (Галилея – это древнее название северной части Палестины), в селении Назарета, недалеко от Вифлеема и было ему дано имя Иешуа. Младенец родился в укрытии для овец. Его рождению предшествовало необыкновенное знамение: зажглась Вифлеемская звезда. Родившемуся царю Иудейскому пришли поклониться восточные маги (название жрецов зороастрийского культа) – именно так названы волхвы в греческом тексте Евангелия.

том, был ли иудаизм «колыбелью христианства», можно сделать скорее вывод о том, что он был его «прокрустовым ложем», куда вопреки основным постулатам Ветхого Завета пытались «уложить» иудаизм, возникший в период «рассеяния» еврейского народа. И поэтому иудаизм во всей последующей истории евреев в Новозаветные времена был подчинен узкоэтническим интересам еврейского народа и воскрешению своей национальной и государственной независимости, выступая активным противником христианства в тандеме с правителями языческого Рима.

Это событие не запечатлено особо в анналах истории, тем более, что Иудея была Римской провинцией, но о нем вовсе не упоминают историки и писатели того времени, а ведь Древний Рим прославился такими именами, как Сенека, Плиний Старший, Ювенал, Марциал, Филон, Иосиф Флавий, которые подробно и красочно воссоздали историческую жизнь империи. Заметим, что «молчание века» было всегда козырем атеистических доводов в пользу версии о «мифологичности Христа». Есть и другие объяснения этого парадокса, связанные с исчезновением громадного числа манускриптов того времени. Но существует, может быть, самое главное объяснение «молчания века». В глазах античных авторов это выглядело незначительным событием. В необъятной в то время Римской империи странствовали различные проповедники. Христос, с точки зрения язычников, от них не отличался. О нем заговорили только тогда, когда христианство заявило о себе как массовое движение, примерно в 64 г. н.э.

При самом возникновении новозаветного учения оно встретило сопротивление всего сложившегося до этого тысячелетия строя духовной жизни людей. И для этого были основания. Христианская мораль подрывала чувственность языческой жизни; государство видело в ниспровержении своих богов угрозу его власти; всечеловечность христианства казалась уничтожением патриотизма; еврейство чувствовало угрозу его чаяниям по воскрешению земного могущества их отечества. Тем не менее христианство довольно быстро проникло в Рим, находя благодатную почву не только

Что касается самого необычайного явления – появления «Вифлеемской звезды», то здесь существуют различные версии, начиная с рассказа о волхвах как аллегории, призванной показать участие язычников в этом событии и кончая научными объяснениями с их трактовкой звезды как сверхъестественного феномена, пролетающей кометы, «сверхновой звезды», о которой сообщали китайские астрономы, а также вещего знака в сближении «царских планет Юпитера и Сатурна» за семь лет до этого. Последняя гипотеза, выдвинутая впервые астрономом И. Кеплером, была наиболее популярной.

в душах рабов, но и в опустошенных душах «господствующего меньшинства».

Стена ненависти встала перед христианством: его старались уничтожить и насмешкой, и презрением, и кровавыми гонениями, и полемикой с языческой философией, выдвинувшей сильнее концепции неоплатонизма, гностицизма (последние утверждали, что христианство – учение тайное эзотерическое) и т.д. «И хотя древнее языческое мирозерцание приготовило для противодействия христианству все свои ресурсы в новом пифагорействе и особенно в неоплатонизме, но эти усилия язычества, объединенные и руководимые греческим гением, не в состоянии были отвлечь классический мир от обаяния того факта, что перед ними явилось Откровение самого Бога»⁶⁴.

5.4. Христианство: основы вероучения, конфессиональные ветви, противостояние Римско-католической и Греко-православной Церквей

«Всякий мыслящий человек должен идти под стягом Христа. Только Христос осветил торжество духа над материей, он один открыл нам поэзию мира, служащего посредником между нами и Богом».

О. Бальзак

Две тысячи лет со времени Рождества Христова – тот духовный ориентир, который сформировал у значительной части человечества новую систему духовных ценностей, определивших начало Новой эры в его развитии⁶⁵. Сущность этого духовного ориентира предполагает необходимость рассмотрения двух основных вопросов: 1) отличие христианства от других теистических религий и 2) формирование основных конфессиональных ветвей христианства с выделением лидирующей роли в этом процессе двух Церквей: Римско-католической и Греко-православной.

⁶⁴ Тихомиров Л.А. Указ. соч. С. 135–136.

⁶⁵ На Азиатском континенте возникла Китайская цивилизация, родственная Древнекитайской, но основанная на других религиозных основах (вторжение северного буддизма (махаяны), который потеснил конфуцианство); Древнеиндская цивилизация, «отпочковала» от себя Индийскую цивилизацию, также основанную на других религиозных нормах (буддизм потеснил ведические вероисповедания).

1. Христианство возникло как теистическая религия и поэтому оно имело общие корни с иудаизмом и исламом. Они отражены в библейской мифологии, изложенной в Ветхом Завете.

Миф об Адаме и Еве трактуется как история первой культуры человечества, а жизнь в Эдеме – как первая форма цивилизации. Этот период заканчивается попыткой человека освободиться от Высших сил, которые руководят его развитием, и начать самостоятельную жизнь, полагаясь лишь на себя. *Согласно Библии, собственно человеческая история начинается тогда, когда произошло грехопадение, связанное с неповиновением божественной воле.* После этого человек низвергается в поток времени, т.е. становится смертным (райское существование человека протекало вне временных параметров). *После грехопадения возникает разделенность между Богом и человеком.* Бог пребывает в неизменной сфере вечности, человек низвергается в непрерывно меняющийся мир, где правит время, т.е. начинается библейская история людей как существ с уже совершённым грехом.

После более или менее продолжительного периода вновь начался трудный подъем человечества с помощью внешних сил. Главное отличие состояло в том, что на этот раз оно обладало способностью ошибки, имело грех. Вот почему история людей началась с братоубийства, с преступления Каина. В дальнейшем история людей развивалась также греховно. И поэтому Бог периодически наказывает людей за их неразумную и неправедную жизнь. Все это выражено в трех мифах Библии: это рассказ о Всемирном потопе и Ноевом ковчеге, о Вавилонской башне, ее разрушении и смещении языков, рассказ о гибели Содома и Гоморры, о видении Авраама и десяти праведниках, ради которых Бог соглашался пощадить Содом и Гоморру, но которых так и не нашлось.

Общая идея этих аллегорий состоит в том, что большая часть человечества постоянно забывает о божественных заповедях и его постигает Божья кара, отсекая ту его часть, которая оказалась погрязшей в чувственной роскоши, самодовольстве, самомнении. И, наоборот, Творец сохраняет небольшую часть, самую ценную в духовно-творческом отношении.

Но этих предупреждений для людей оказалось недостаточно: поврежденного и расстроенного грехом своего естества человеку собственными силами без помощи Божьей было невозможно восстановить. Поэтому потребовалось снисхождение и пришествие Самого Бога на землю, воссоздание падшего и растленного естества человеческого для спасения его от гибели и вечной смерти, которое запечатлено в Новозаветном откровении, что знаменовало собой начало Новой сакральной эры в развитии человечества.

Воплощение божественного Логоса в лице Иисуса Христа есть свершение *раннего обетования*. С этого момента история развивается как процесс спасения человечества, на основе Благой

Вести, принесенной в мир Сыном Божьим. «Облечься в нового человека невозможно одному человеку, а лишь в единстве, созидаемом любовью, единстве в общем соборном теле, Бог есть любовь. Но любовь не в смысле эроса мужского и женского начала, которыми отмечены космические представления восточных религий. Любовь в Благой Вести возводит к Богу, к Иному Высшему устремлению Бытия, которого еще нет на земле, но оно существует в Идеале»⁶⁶. Объясняя моральную и материальную испорченность каждого человека его внутренней греховностью, христианство провозглашало духовное спасение всех людей через веру и искупительную жертву божественного Спасителя как гарантию избавления людей от греха. Поэтому христианство называли (наряду с буддизмом и иудаизмом) *религией спасения*.

Христианство складывалось в напряженной борьбе с гностицизмом. Гностицизм – это религиозно-философское учение, сложившееся до, во время и после широкого распространения христианства и сохранившееся на долгие годы во многих сектах до нашего времени. Согласно этому учению, существуют два начала – Доброе и Злое, Светлое и Темное, постоянно борющиеся между собой. Мир сотворен не Богом (Высшим божеством), а одним из посредствующих средних духов, Демургом и находится во власти злого начала, отсюда его несовершенство и зло. Человек состоит из двух начал – темного – материального и духа – частицы божественного света. Частица эта страдает в своих материальных оболочках темного и силится вырваться из них, но не может. Тогда Бог посылает в мир Спасителя, своего Сына или одну из своих божественных эманаций (истечений). Спаситель облачается в телесную оболочку и, явившись людям, открывает им таинственные средства спасения или власти над материальным естеством. Средства эти – гнозис, истинное познание божества и своего от него происхождения, затем знание различных обрядов, магия действия, молитв.

Сам Спаситель, открыв людям тайны божества и средства спасения, попадает во власть злого начала, подвергается мучениям, передается на мучительную смерть, после чего возносится на Небо и воссоединяется там со Спасителем. Некоторые исследователи религий полагают, что яркие следы гностицизма видны в послании Павла, Апокалипсисе Иоанна и Евангелии Иоанна. Позднейшей формой гностицизма стали манихейство и многие секты христианства⁶⁷. Несомненно есть точки соприкосновения гностицизма с идеями антропософии и теософии.

⁶⁶ Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. М., 1994. С. 14.

⁶⁷ Катары, патарены, вальденсы и альбигойцы в X–XIV веках считали, что Бог и дьявол играют в этом мире одинаковую роль. При этом Бог властвует в мире чистых идей, вне материи, а материальный мир создан сатаной. Поэтому человек должен избавиться от плоти и от всего, что привязывает его к земному.

Можно выделить несколько основных догматов, которые внесло христианство (Новозаветное откровение) в монотеизм в отличие от других религий спасения.

Первый. Это учение о бессмертии души и загробном воздаянии. Главный догмат христианства – искупительная миссия Христа, его предстоящее Второе пришествие, Страшный суд и установление Царства Небесного «Смертью смерть поправ – это было, есть и будет, по определению многих мыслителей, центральным событием метафизической истории человечества, которое стереть нельзя. Все последующие блуждания идут от этого»⁶⁸. Именно Христос принес неслыханную весть: воскрешение умерших, спасение всех живших и живущих на земле, освобождение их от природного греха – смерти и ввод в новую форму бытия – Царство Небесное. «Если с позиций неверующего сознания представить себе, что действительного воскрешения Христа не было, то нельзя не поразиться, какая огромная религиозная потребность в нем двигала всеми участниками его посмертной истории: похищение тела, восторженные видения воскрешенного и преображенного Христа, подготовленные сильнейшей экзальтацией, крайним душевным ожиданием»⁶⁹.

Второе. Особая трактовка монотеизма, трудная для эмоционального и рационального восприятия. Ведь согласно христианской догматике, монотеизм – внутренняя жизнь божества – есть личностное отношение трех «ипостасей» или лиц: Отца (безличного первоначала), Сына или Логоса (мыслящая и оформляющая причина) и святого Духа («животворящая причина»). Все три лица существовали всегда (предвечные) и равны по достоинству, и поэтому Иисус Христос – не полубог, а Бог, который совместил в себе всю полноту как божеской, так и человеческой сущности⁷⁰. Другим важным догматом была проповедь о Божьем сыне Иисусе Христе как исцелителе болезней души и тела, в которой понятия греха и болезней отождествлялись и выдвигалось положение о подчинении телесного недуга духовному воздействию.

Третий. Важное положение веры состояло в проповеди о Святом Духе и исходящих от него силе и святости. Проповедь произ-

⁶⁸ Семенова С.Г. Указ. соч. С. 14.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Проповедь Единого Бога в борьбе против многобожия и идолопоклонничества направляла свои стрелы только против официального признания многобожества, а не против низшего полидемонизма (астрологического и магического).

водила на людей огромное впечатление и ставила христианина в непосредственную зависимость от таинственной и неисповедимой, но ясно осознаваемой силы, которая с самого момента обращения человека в христианство руководит его жизнью, окружает его атмосферой чуда.

Четвертый. В отличие от мистики гностицизма, где материя рассматривалась как грешное и злое начало, враждебное Богу и подлежащее преодолению, аскетизм и понятие таинства ставят своей целью не только отрешение духа от плоти, но (в идеале) и освещение самой плоти – переход в состояние *эсхатологической просвещенности*.

В христианстве существует ряд культовых действий, которых нет в других религиях, это – таинства. Именно они вводят божественное в жизнь человека и служат залогом преображения, началом эсхатологического времени уже в настоящем. Важнейшие из таинств – крещение (пресекающее инерцию наследственной греховности), евхаристия, или причастие (вкушение хлеба и вина), имеющее целью интимно соединить верующего с Христом, чтобы Христос «жил в нем» (всего в католичестве и православии семь таинств, в протестантизме пять).

Пятый. В качестве религии обновления христианство представляло своих приверженцев как новый народ, соединивший в себе ранее существующие народы и образовавший таким образом особую породу людей. Растворяя в себе все народы, христианство возводило их в степень *антропоцентричного значения, если не для настоящего, то для будущего, для последующей загробной жизни*. Христианство формирует свой высокий нравственный кодекс по отношению к каждому человеку и к основной ассоциации людей – государству. Положение человека в христианской религии противоречиво. С одной стороны, он сотворен как носитель «образа и подобия» Бога и поэтому (допустим, в отличие от античного идеализма, гностицизма и манихейства) мистические достоинства принадлежат не только его духу, но и телу. И поэтому христианин должен не просто быть послушен Богу в исполнении заповедей (как в исламе и иудаизме), а *преображен, «обóжен»*. Первый акт непослушания Богу (первородный грех), совершенный первыми людьми, разрушил богоподобие человека. Этот акт, описанный в Ветхом Завете, никогда не игравший особой роли в иудаизме, в христианстве стал чуть ли не основным. Поэтому люди уже при рождении несут в себе этот первородный грех. Мучительная смерть Христа на кресте (образ этой смерти – эмоциональный и

идейный центр всей христианской символики) и очистительная роль страданий как борьбы с мировым злом – основа христианской религиозной нравственности. *Лишь «принимая свой крест», человек может побеждать зло в себе и вокруг себя.*

Христианское учение так, как оно дано Откровением Бога, не исключает, тем не менее, ни участия разума человека в этом творчестве, ни его свободной воли. «Тот, Кто создал мир из ничего, конечно, непостижим. Но это не противоречит разуму человеческому, – пишет Тихомиров, – если разум принимает в соображение то вполне допустимое обстоятельство, что законы нашего здешнего, физического бытия не суть единственные в мире и что могут быть другие нормы бытия, имеющие не такие, как наши, законы... Все это мировоззрение – сверхчеловечно. Но замечательно, что именно оно и только оно объясняет нам все загадочные стороны нашего существа»⁷¹.

Идея Царства Божия является центральной и коренной идеей в христианском мирозерцании, краеугольным камнем его, окончательной целью творения мира. Но путь к этой цели происходит в обстановке мировой борьбы добра и зла не только на земле, но и на Небесах, которая находит свое выражение в истории человечества⁷².

Отношение к государству как высшей мирской (светской) власти – важный аспект христианского мироощущения. Государственная власть – это центральное явление мира политики, но оно одновременно – часть мира культуры, а точнее, общей духовной ауры каждой данной цивилизации. Все монотеистические мировые религии, включая христианство, культивировали представление об идеальном государстве. И не случайно христианство породило много различных форм взаимосвязи государства и ведущей христианской Церкви в тот или иной совершенно определенный период времени в каждой отдельной цивилизационной структуре.

⁷¹ Тихомиров Л.А. Указ. соч. М., 1997. С. 63.

⁷² «Как в мире видимом и в роде человеческом, так и в мире невидимом или высшей разумной твари с появлением зла напротив Царства Божия возникло царство зла, со стремлениями и идеями, противными мысли Божьей. Зло существует прежде всего в том Мире, где живет человек, и в самом человеке. Но царство зла не ограничивается пределами земли и человеческого рода: оно поднимается выше над землей и захватывает часть Царства Божия в его высшей разумной твории, в мире ангельском... Царство сатаны стоит в непримиримой вражде к Царству Бога. Задача его – дать торжество злу над добром, Дьяволу над Богом» (Там же).

Об этом подробнее будет сказано ниже, так как конкретные формы этой взаимосвязи требуют введения в анализ трактовки основных постулатов христианства рядом обособленных его ветвей, которые сложились уже в первые столетия после Рождества Христова.

2. За весь более чем двухтысячелетний период своего бытия вплоть до наших дней христианство представлено множеством соперничающих друг с другом направлений, каждое из которых рассматривало другие как ереси. Анализируя природу этого явления, необходимо обратить особое внимание на начальный этап его возникновения. Он достаточно точно обозначается временным параметром и месторазвитием: от возникновения христианства в пределах Римской империи и до ее распада. Значит, это I–V вв. н.э. Зародившись в Палестине, к концу I в. н.э. христианство, окончательно порвав с иудаизмом, начинает завоевывать районы в географических пределах и в сфере политического влияния Рима⁷³. Тогда образовались четыре его ветви: никейская, арианская, несторианская и монофизитская. Это явление в развитии христианства обычно освещается в качестве фактологической данности, указывая на догматические расхождения в христианской теологии (главным камнем разногласий был вопрос о природе Христа – божественной или человеческой, его связи с Богом Отцом и статусе в божественном пантеоне Девы Марии). Однако нам хотелось бы обратить внимание на иной аспект этого процесса, который связан с влиянием духовной среды прошлого разных провинций необъятной тогда Римской империи, которое оказало решающее воздействие на образование этих разных его ветвей.

Но начать надо с интеграционных процессов. Около 180 г. на основе объединения христианских общин возникает Единая Церковь (понятие церковь – от греч. «кириакон» – дом господень, «кафолическая», «соборная»). Причиной объединения были обстоятельства, связанные с тем, что апостольское и пророческое ожидание скорого (второго) пришествия Спасителя, воодушевлявшее христиан в первый период, стало уступать уверенности в долговечности существования в этом грешном мире. В III в. образовывалась институциональная организация этой религии с выделением «клира» (духовенства) с епископами во главе. Офи-

⁷³ Новозаветное Откровение после V в. вошло в жизнь германских племен и славянских народов, к XIII–XIV вв. пустило корни среди балтийских и финских народов. В дальнейшем распространение христианства вне Европы происходило путем миссионерской деятельности.

циальная догматика христианства была утверждена Никейским собором (325 г.)⁷⁴, образуя никейскую, греческую ветвь христианства как наиболее «правильную»⁷⁵, а впоследствии апостольскую церковь в Риме, которая затем разделилась на католическую и православную.

Однако уже в этот период выделились три основные ветви христианства: *арианская, несторианская и монофизитская*. Общим признаком, объединяющим все христианские вероисповедания, было признание искупительной миссии Христа, его предстоящего Второго пришествия, Страшного суда и установления Царства Небесного.

Но далее начинаются существенные различия в понимании и в чувственном восприятии христианской догматики. Это, вероятно, было связано с тем, что духовная организация народов, проживающих в разных частях света и неодинаковых природно-климатических условиях, требовала какого-то особого, понятного их духовному складу восприятия этой религии. Эти внешние противостояния ветвей выражались в богословских раздорах, заканчивавшихся кровавыми конфликтами, куда вовлеклись тысячи верующих, где последователи одного направления христианства безжалостно уничтожали своих противников.

В начале I в. *арианство* (оно было распространено среди восточных германцев – готов, вандалов, бургунцев и др.) завоевывает Западную Европу и почти до середины IV в. имеет внушительный перевес над никейским учением. Согласно этой доктрине (ее выдвинул пресвитер из Александрии Арий), «Сын не вечен, не существовал до рождения, не был безначальным», т.е. был смертным человеком. По сути дела здесь Христос рассматривался наподобие Митры – главного бога зороастризма, которому с I по II в. н.э. римские легионеры и солдаты сооружали многочисленные святилища. Арианство было объявлено ересью на соборе в Никее в 325 г. Но и после этого оно не исчезло: сын Константина Великого, восстановивший уже к середине III в. единство империи, был ревностным арианом.

⁷⁴ Никея – большой город в Малой Азии (Вифинии), основан в IV в. до н.э. Место первого и последнего вселенских соборов. После завоевания крестоносцами Византии стала центром греческого государства (1206–1261). Оно вело борьбу с Латинской империей за восстановление Византийской империи. В 1261 г. никейский император Михаил Палеолог захватил Константинополь и восстановил Византийскую империю.

⁷⁵ Хотя греческий язык в большинстве стран был языком христианских проповедей, греческое население на своей родине обнаружило больше привязанности к старым верованиям, нежели население в колониях и в диаспоре.

Несторианство – другая влиятельная ветвь христианства того времени. Главным пунктом расхождения с никейским учением было положение о статусе Девы Марии, которая, по мнению несториан, родила не Бога, а Христа, и поэтому ее надо называть Христородицей. Несторианство получило свое название по имени константинопольского епископа Нестория, но своими корнями уходит в Вавилонию и халдейскую мудрость, в которой были велики корни язычества с их половым восприятием жизни. Оно потом оформилось в восточную церковь (Эфесская школа в Сирии). Когда на нее начались гонения, эта церковь была вынуждена уйти в Персию, где и получила название по имени епископа Нестория, хотя халдеи, т.е. коренные жители Вавилонии, протестовали против именованя их несторианами.

Монофизитство было третьим представительным направлением христианства. Его родиной была Палестина, где и зародилось христианство, с его фанатичным ожиданием Мессии – Бога и желанием порвать всякую связь с языческим прошлым. Эта ветвь христианства, в отличие от несторианства, впадала в другую крайность, призывая только божественную природу Христа. Как ересь монофизитство было осуждено Халкидонским собором в 441 г.

Говоря о различных ветвях христианства, отклоняющихся в своей догматике от греческого, никейского учения, нельзя сбрасывать со счетов ту громадную культурно-просветительскую миссию, которую они сыграли в разных регионах мира сначала при персидском, а затем при арабском владычестве.

В эпоху арабского владычества несторианство распространило свое влияние от Сирии, Средней и Центральной Азии до Китая, от Монголии до Индии и даже Цейлона. Несторианство в VIII–XIV вв. играло громадную роль в духовной ауре Ближнего Востока, Средней Азии, Китая, Индии. В пору общего упадка культуры именно несториане сохраняли очаги просвещения. Начиная с VIII в. после перенесения халифами резиденции из Дамаска в Багдад, несториане становятся во главе расцветавшего арабского просвещения, они занимали высшие государственные и провинциальные должности при дворах эмиров и халифов. Тогда несторианский католикос имел под своей властью 25 метрополий и около 150 епархий. Несториане собирают древние рукописи, переводят греческих авторов на арабский язык, путешествуют с научными целями по разным странам, становятся знатоками многих языков, на которых говорило разноплеменное население халифов.

Монофизитство также оставило свой значительный след в истории. Хотя как ересь монофизитство было осуждено Халкидонским собором, монофизитский монах Феодосий в начале V в. поднял в Палестине народное восстание в защиту осужденной ереси. Иерусалим был взят и разграблен, произошло восстание в Александрии. Именно тогда была уничтожена уникальная библиотека с сотнями тысяч древних манускриптов, собрание которой было начато еще Алек-

сандром Македонским. Александрийская монофизитская церковь, наряду с Константинопольской и Римской, боролись за влияние на всем Востоке. Монофизитство не раз потрясало религиозную и гражданскую жизнь Константинополя и было знаменем всех сепаратистов не менее двух веков. Оно не раз возвращалось в метрополию – Константинополь, его сторонниками оказывались императоры (император Василиск – конец V н.э.). В дальнейшем монофизитство нашло свое прибежище в Египте, где в его рамках возникла культура коптов, и в Армении, где она стала основой древнеармянской теологической и культурной традиции.

Однако ни несторианство, ни монофизитство не сумели создать цивилизационную структуру, а арианство, оказав большое воздействие на западную ветвь христианства, стало одной из духовных «прививок» католицизму. Пальму первенства здесь одержала никейская ветвь христианства, которая, разделившись на греческую и римскую ее ипостась, стала основой для Западной и Византийской цивилизаций и завоевала роль мировой религии во втором тысячелетии н.э. Христианство в процессе его становления уже в течение первого тысячелетия своего существования обрело институциональное оформление в виде *официальных Церквей*. Именно официальные церкви давали трактовку основных догматов, считая все другие формы религиозного творчества еретическими, хотя потом эти ереси завоевывали статус официальных Церквей, соседствуя или вытесняя «старые» церкви из государственной и духовной жизни общества.

3. Особым этапом в становлении христианства как мировой религии стало его разделение на две отдельных Церкви – Западную (Римско-католическую) и Восточную (Греко-православную). Их образование в значительной мере было обусловлено распадением Римской империи в конце IV в. на западную и восточную ее части.

Образование Римской церкви уходит своими корнями еще в III в. н.э., когда произошло институциональное оформление этой религии с выделением «клира» (духовенства) с епископами во главе. При этом почти три столетия (IV–VI вв.) шел процесс утверждения Римской церкви как главенствующей в христианском мире. По установившемуся преданию, Римская церковь была основана апостолами Петром и Павлом. Отсюда выводилась идея, что учение Христа сохранилось в полной мере только в Риме. Как апостол Петр был первым между апостолами заместителем Христа на земле, так и папа должен быть главой всех епископов.

К началу второго тысячелетия н.э. образовались два христианских церковных центра – Римское папство и Константинопольский патриархат. Греческая церковная иерархия с Константинопольским патриархом во главе противодействовала стремлению пап утвердиться на греческом востоке. Эти противоречия интересов несколько раз приводили обе церкви к разрыву.

Глубинные основы разрыва между западной и восточной ветвями ортодоксальной христианской Церкви коренились в разном духовном религиозном наследии: в Восточной церкви – это было влияние греческих традиций, в Западной – римских традиций.

В 1054 г. единая христианская церковь разделяется на две ветви, каждая из которых оставила за собой название кафолической: Греко-кафолическую и Римско-кафолическую («кафолическая» по романскому произношению звучит как «католическая»)⁷⁶. В борьбе за первенство обе церкви выдвигали некоторые догматические мотивы, но основной причиной оставался вопрос о папском преобладании в христианском мире. Необходимость разделения единой церкви была облечена в форму богословских споров.

Восточная церковь признавала нисхождение Святого Духа только от Бога Отца, Западная – от Бога Отца и Бога Сына; в обрядовой – в Восточной церкви безбрачие считалось обязательным только для архиерейского сана, в Западной – для всего духовенства. В Восточной церкви все участвующие в литургии причащаются хлебом и вином (обязательно красным), в Западной – евхаристия обоих видов доступна только духовенству, миряне же принимали причастие исключительно опресноками. В Восточной церкви каждый патриарх абсолютно независим, за Римом до раскола признавалось лишь довольно неопределенное духовное первенство, в Западной – папа считается абсолютным главой всей Церкви. Были и другие разногласия: допустимость для священников бритья бороды, крещение погружением или обливанием.

В католическом церковном учении есть учение «о сокровищнице переизбыточествующей благодати», которого нет в православии. Оно формируется за счет деяния Христа, апостолов, Богоматери, святых, а также подвигов благочестивых христиан, создающих «запас» добрых дел и «благодати». За счет этого фактора Церковь имеет право отпускать грехи, даруя грешникам прощение, что использовала католическая Церковь как основание для торговли с XII в. индульгенциями.

⁷⁶ Тогда папа Лев IX отлучил Патриарха Константинопольского Михаила Керуллария от церкви и предал папу анафеме. Только в 1065 г. папа Павел VI и Патриарх Константинопольский Афиноген постановили «предать забвению» анафему 1054.

К этому добавлялся еще один важный фактор, связанный с взаимоотношением Церкви и государства. Крушение государственности в западной половине Римской империи привело к усилению власти римского епископа (папы), перенявшего и светские функции (этот вопрос подробно будет рассмотрен в следующей главе). На Востоке церковь, наоборот, поступает под покровительство, опеку и контроль государственной власти, выделяя из своей среды ряд христианских императоров, тем самым определив византийскую традицию Священной державы: сан христианского императора стал являться саном единственного верховного светского представителя всех христиан в мире.

После раскола Римской империи престол не оставлял попыток воссоединения церквей под своим верховенством. В начале XIII в. агрессия достигла своего апогея и вылилась в крестовый поход на Константинополь, во время которого город самым варварским образом был разграблен крестоносцами. Уже находясь на грани защиты от турок, Иоанн Палеолог (в середине XIV в.) соглашается принять унию на Флорентийско-Феррарском соборе соединения Церквей. Но уния была решительно отвергнута большей частью духовенства, аристократии и народа агонизирующей Византийской империи. «Лучше видеть в городе турецкую чалму, чем латинскую тиару» — заявил командующий византийским флотом Лука Натар. Тем не менее определенная часть восточного христианства приняла условия Флорентийской унии. Эта ветвь христианства впоследствии получила название униатов. Они признавали верховную власть папы и приняли католические догматы при сохранении обрядовой стороны православия.

Взаимоотношения западных христианских Церквей (католичества, а затем и протестантства) с восточными (православной греческой, а затем русской) определяли метаисторические циклы развития в рамках всех христианских цивилизаций Новой эры, которые нами будут в дальнейшем подробно анализироваться в рамках Западной и Русской цивилизаций с акцентом на особое место в их развитии рыночных и денежных отношений. И потому чрезвычайно важно понять, каким образом произошло вторжение этой особой стороны материального бытия человека в историческое христианство второго тысячелетия. Место и роль социально-экономического фактора, форм рыночных связей и денег кардинально изменялись в разных метаисторических циклах как Западной, так и Русской цивилизаций, хотя они должны были опираться на основные догматы христианства, включая их трактовку в раннем христианстве. Поэтому необходимо хотя бы вкратце осветить эти вопросы.

5.5. Идеологи раннего христианства о торговле и деньгах (кратко в рамках социологии)

Бог важнее денег. «Не накапливайте сокровищ на земле, где тлен и ржавчина разрушает их и воры врываються и крадут. Но лучше копите себе сокровища на небе».

Евангелие от Матфея⁷⁷

Этот вопрос требует специального богословского анализа. В рамках социологического взгляда можно выделить только некоторые положения, которые характеризуют отношение Отцов церкви первых лет христианства к тем ценностям человечества, которые правили бал в языческом мире и на базе чего были созданы развитые рыночные связи и денежные системы древних империй. Речь идет об отношении к богатству, торговле, деньгам. Что касается христианской морали, какой она является у ее величавших учителей, то она стремилась не только к устранению очевидной несправедливости или обмана, но и к полному осуществлению заповеди Христа: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними...». Материальная сторона жизнедеятельности людей, в современной лексике социально-экономическая его сторона, включающая в себя отношение к торговле и деньгам, нашла свое отражение в христианской догматике только тогда, когда христианская Церковь стала насчитывать сотни и тысячи общин и когда произошло расчленение верующих на духовенство (клир) и мирян. Духовенство, руководя всей духовной жизнью мирян, выдвигает ряд экономических идей со ссылкой на Священное Писание и Послания апостолов.

В этот период получили распространение два взгляда на отношение христианина к созидательной жизни в миру. Один из них был связан с отторжением верующего от социальной и практической деятельности ради идеального воссоединения с Богом. В этот период возник вопрос, который должен был положить конец всякой мирской деятельности. Забота многих людей о спасении души и единении с Богом влекла их тысячи к отшельнической жизни в пустыни и в монастыри. Считалось, что «дело» само по себе является злом.

⁷⁷ Евангелие от Матфея. Благая Весть. Новый Завет / пер. с греч. М., 1990. С. 65.

Другой взгляд предполагал схождение божественной благодати на человека через самоотверженную индивидуальную деятельность в мире, при которой накопление материальных благ являлось свидетельством этой божественной благодати. Он наиболее точно сформулирован одним из отцов Церкви Августином Блаженным. В своих комментариях к библейскому повествованию о сотворении мира Августин Блаженный (353–430 гг.) говорит, что уже в первый момент сотворения мира Бог приказал человеку трудиться, чтобы тот «его охранял и возделывал». Только тогда, согласно Августину, труд был не бременем, а удовольствием. «Разводить только духовную деятельность, не занимаясь ручным трудом, – признак лениности». Он выступал против праздности монахов, оправдывая свое безделье ссылкой на Евангелие. «Еще святой Павел сказал: “Кто не работает, да не ест”. Что ссылаетесь вы на птиц небесных? У них нет полных житниц, а вы хотите иметь праздные руки и полные хлеба амбары... Долг кормиться ручным трудом – нерушимая апостольская заповедь». В своей полемической работе «О труде монахов» Августин выразил свое отношение к различным формам деятельности. «Чистым и честным ремеслом» он считал труд кузнеца, строителя, сапожника. Но выше всего Августин ставил труд по возделыванию земли, называя его «чистейшим из всех искусств», так как «земледельческий труд сочетается с такой великой отрадой духа, что для некоторых подлинная кара быть в стороне от него»⁷⁸.

Учение Евангелия относительно мирских благ было вполне определено. Оно неоднократно предостерегало людей от погони за богатством, которое может отвратить их от служения Богу и заглушить таящееся в них доброе семя. Проблема несправедности богатства и денег («золотого тельца») нашла свое довольно полное отражение в притчах. Они содержатся во всех его четырех Евангелиях (от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна)⁷⁹. Апостолы обращают внимание на те стороны проповедей Иисуса Христа, где осуждаются «золотой телец», стремление к богатству, материальным благам в ущерб духовному самостоянию человека. Себялюбивые богачи будут наказаны. «Послушайте, вы, богачи! Скорбите, рыдайте, ибо на вас надвигается несчастье: Ваше богатство сгинет, одежды изъест моль Ваше золото и серебро заржавеет! Ржав-

⁷⁸ Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 288.

⁷⁹ Евангелия от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна. Благая Весть. Новый Завет. С. 208.

чина эта будет свидетельствовать против вас и пожрет плоть вашу подобно огню. Скопили вы сокровища свои в эти дни последние! Работники, трудящиеся у вас на полях, собрали для вас урожай, вы же им не заплатили. И теперь они взывают громко, и вопли их достигли слуха Господа воинства небесного. Вы вели на земле жизнь полную роскоши и ублажали себя. Вы раскормили себя настолько, что стали подобны животным, готовым к закланию»⁸⁰.

В одном поразительном евангельском примере духовное совершенство связывается с продажей всего имущества с целью раздать бедным полученное за него. «Бедных и голодных евангельское учение объявило “блаженными”, а богатым сулило бедствия. Вместо беспокойного помышления о пище и одеянии на завтрашний день, Евангелие учило уповать на Бога вместо эгоистического присвоения всего, чем может владеть человек, оно учило милосердию, которое дает щедро всякому просящему. И в самом деле, в членах первобытной Христианской церкви мы видим пример людей, которые отказались от индивидуального владения, у которых было все общее. Нельзя удивляться тому, что спасительная реакция против эгоизма языческого мира привела первых отцов церкви, имевших перед собой такие наставления, к совершенному осуждению погони за выгодой. То же Евангелие побудило их, далее, к отрицанию за личностью права произвольно распоряжаться своей собственностью. Христианские писатели и проповедники полагали, что частная собственность противоречит природе ...Люди должны сообща пользоваться всем, что существует на свете, – говорит св. Клемент. – Но по несправедливости один человек назвал своей собственностью одно, другой – другое, и таким образом произошло разделение между смертными»⁸¹. Этот взгляд на происхождение собственности послужил христианским моралистам философским базисом для их учения.

Стремление к обогащению, рассуждали они, не только сопряжено с опасностью для души, оно несправедливо само по себе, так как имеет целью присвоение незаконной части того, что дал Бог для общего пользования. Если человек имеет больше того, что для него нужно, он обязан отдать излишек бедному, так как, по естественному праву, он не имеет на этот излишек личных прав, но является по отношению к нему лишь управителем, поставленным от

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Эшли У.Д. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией / пер. с англ. М., 1897. С. 143.

Бога. У христианских учителей подобные правила были не только философскими дедукциями. Они имели силу практических предписаний, указывая обязанности, которые следовало соблюдать, и грехи, которых надлежало избегать под страхом наказания в загробной жизни.

Но если стремление к личному обогащению греховно, можно ли оправдать самую торговлю? Этот вопрос тревожил совесть многих людей в то время. С одной стороны, обращалось внимание на благодеяния, которые оказывала торговля обществу, а также на то, что «многие торговцы желали получить лишь столько, сколько им надо для содержания самих себя». С другой стороны, видели, что торговлей занимались «обыкновенные люди, уже имевшие достаток и ставившие своей целью приобрести еще большее», размещая свои торговщища даже в храмах. И это вызывало возмущение верующих, которые помнили, что «Иисус вошел во двор храма и выгнал оттуда тех, кто занимался куплей и продажей. Опрокинул Он столы менял и скамьи торговцев голубьями и сказал им «написано: Дом Мой будет называться домом молитвенным». Вы же превратили его в воровской притон»⁸².

Можно полагать, что христианские моралисты раннего периода высказывались в том смысле, что торговля сама по себе греховна. За греховность торговли стоят три аргумента: во-первых, заниматься торговлей грешно потому, что, по словам Златоуста, «тот, кто покупает вещь с целью продать ее с барышом, ничего не изменив в ней, подобен торговцу, изгнанному из храма». Во-вторых, было уже доказано, что несправедливо продавать вещь дороже или покупать дешевле, чем она стоит. Между тем тот, кто покупает дешево или продает дорого, делает то и другое. В-третьих, Иероним учит нас «бежать как от чумы, от священника, сделавшегося торговцем и из бедного ставшего богатым», а что несправедливо для духовенства, не может быть справедливо для мирян»⁸³. У Августина в длинном перечне занятий, «достойных человека», нет торговли, поскольку задача купца в том, чтобы «дешево купить и дорого продать... А так как это явный порок, то всякий, кто хочет быть справедливым, должен против этого восставать. Одно дело выполнять со свободным духом физический труд, как это делает ремесленник, когда он не обманщик, не корыстолюбец и не

⁸² Соборное послание Апостола Иакова. Благая Весть. Новый Завет. С. 208.

⁸³ Там же. С. 162.

жаден до денег; совсем другое дело без всякого физического труда заполнять душу только заботой о денежной наживе, как это делают купцы!»⁸⁴.

Проблема денег рассматривалась христианскими моралистами того времени в контексте этих заповедей главным образом в связи с ростовщичеством, т.е. взимания какой бы то ни было платы за сужение деньгами. Оно еще теснее связано с наставлениями Евангелия. Церковь начала с вполне естественного стремления провести в жизнь заповедь: «Взаймы давайте, не ожидая ничего» как входящую в обязанность братской любви среди христиан, имеющую силу божественного повеления и потому требующую повиновения, даже, если оно и не обращалось, как думало большинство Отцов церкви, прямо к совести. Иисус сказал: У ростовщика были два должника, один должен был ему пятьсот серебряных монет, а другой пятьдесят. «Но так как им было нечем заплатить, то он простил им долг. Который из них будет больше любить ростовщика? Симон ответил: Я думаю тот, которому он простил больше денег. Ты рассудил правильно, – сказал Иисус»⁸⁵.

Евангельская заповедь в отношении ростовщичества считалась сама по себе убедительной так, что редко находили нужным излагать основания, доказывающие ее справедливость. Но иногда приводили и другие аргументы в защиту этой точки зрения. Из Священного Писания, была ссылка на закон Моисеев, запрещававшим евреям брать в рост друг у друга, особенно же на заповедь: «Если дашь деньги займа бедному из народа Моего, не будь для него ростовщиком: не налагай на него роста». Были ссылки и на Аристотеля, который в пятой книге *Этики* и в первой *Политики*, писал о том, что деньги изобретены для обмена. «Так что первый и главный результат пользования деньгами состоит в их потреблении или трате. Поэтому несправедливо получить кроме возвращения самих денег, еще и уплату за пользование ими». «Никто не обязан давать деньги займа, но если он это делает, он не может нарушать при этом требования справедливости. Если так человек упорно продолжает ставить при этом условия против справедливости, он должен быть подвергнут духовным карам, если этого не будет достаточно, то светским. Никто не имеет права произвольно распоряжаться своей собственностью»⁸⁶.

⁸⁴ Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. С. 271.

⁸⁵ Евангелие от Луки. Благая Весть. Новый Завет. С. 65.

⁸⁶ Эшли У.Д. Указ. соч. С. 130.

Уплата занятой суммы с прибавлением денежного роста подвергалась запрещению прежде всего. Но уже Отцы церкви IV и V вв. осуждали лиц, утверждавших, что ростовщичество состоит только во взимании *денежного* роста. Если вы даете кому-нибудь займы деньги, ожидая получить от него больше, чем вы дали, вы являетесь ростовщиком, говорит св. Августин, независимо от того, будет ли этот излишек заключаться в деньгах, зерне, вине, масле или в чем-то другом. Иероним почти в тех же выражениях утверждает, что брать в рост значит получать больше, чем вы дали, и осуждает тех, которые за деньги, данные им займы, «имеют обыкновение брать разного рода большие подарки». Св. Амвросий прямо заявляет: «ростом» называется всякая прибавка к капиталу, будь то пища, платье и что-либо другое, как бы вы это не называли»⁸⁷.

Все эти рассуждения Отцов церкви относились к первым пятидесяти столетиям Новой эры. Затем эти новозаветные моральные принципы христианства с их отношением к богатству и деньгам канули в лету. Они будут переосмыслены в дальнейшем в рамках и католической, и протестантской ее ветвей, а в современных условиях «воинствующего монетаризма» вся Библия и, включая Евангелия и все послания апостолов, будут интерпретированы как постулаты для деятельности бизнесов (см. параграф 10.1).

Когда католическая Церковь в X–XI вв. захватила огромные земельные территории, достигавшие в отдельных странах до 1/3 всей годной к обработке территории земли, тональность христианских идеологов по отношению к экономике, изменилась. Считая главным источником знания Священное Писание – Ветхий и Новый Заветы – отцы католической Церкви сводили свою задачу к комментированию и объяснению всех жизненных явлений в соответствии с его началами. Поэтому задача христианских мыслителей заключалась в том, чтобы передать догматы «Священного Писания», оформить и распространить их на реальную жизнь христиан. Но это было достаточно сложной задачей, так как образовался большой разрыв между реальной жизнью и христианскими заповедями. На деле проповедь христианской любви и смирения, нестяжательства сочеталась с диким разгулом низменных страстей в католичестве (включая пап), практикой ростовщичества и наживы, широко распространявшейся не только свет-

⁸⁷ Там же. С. 143.

скими, но и духовными властями. Более того, организуемые под девизом бедности монашествующие ордена очень скоро превращались в орды стяжателей. Характерен в этом отношении нищенствующий орден францисканцев. Его основатель Франциск Ассизский, цитируя Евангелие, писал: «У лисицы есть своя нора, у птицы небесной – свое гнездо, а у Сына Человеческого нет крова, чтобы преклонить голову». Он звал своих последователей идти по стопам Христа, раздав все имущество или жить физическим трудом. Но уже по прошествии 30 лет его заветы и монастырский устав канули в Лету, а францисканские монахи скупали целые кварталы в городах и сносили дома для строительства пышных монастырских построек.

Однако, несмотря на громкие проповеди против ростовщичества, крупной торговли, страсти к накопительству, купеческий и ростовщический капиталы выросли, и во весь голос заявили о себе деньги с их способностью приносить новые деньги и создавать богатства. Подчинив себе сначала всю экономическую, а затем и религиозно-духовную сферу, они избрали в качестве кумира «золотой телец», к которому так непримиримо относился Христос и первые гражданские общины.

Как могла произойти такая деформация христианских заповедей в отношении торговли и денег? Ответ на этот вопрос предполагает включение в анализ той цивилизационной структуры, которая возникла в Западной Европе в V–VI вв. Она и станет объектом дальнейшего исследования. При этом их развитие будет анализироваться в рамках метаисторических циклов, которые определяли характерные черты рыночных связей и денежных отношений в прошлом, с акцентом на их особенности в четвертом цикле этой цивилизации с ее идеологией глобализма и практикой глобализации.

РАЗДЕЛ II

**Религиозные основы
многовековых циклов развития
Западного общества; их роль
в формировании современных
мировых рыночных связей
и валютно-денежной системы**

Faint, illegible text at the top of the page, possibly bleed-through from the reverse side.

THE WHOLE OF THE COUNTY OF ...
IN THE STATE OF ...
DO HEREBY CERTIFY THAT ...
AS APPEARS BY THE RECORDS ...
OF THE ...

IN WITNESS WHEREOF

THE ...
I, ...
COUNTY CLERK ...
DO HEREBY CERTIFY ...

Глава 6

ПЕРВЫЙ МНОГОВЕКОВОЙ ЦИКЛ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: КРЕСТ И МЕЧ В ЕЕ ОБРАЗОВАНИИ (VI–X вв.)

Отнюдь не с 1400 г. родилась Европа – чудовищное орудие истории, а, по крайней мере, шестью-восемью столетиями раньше, если не больше.

Ф.Бродель

6.1. Месторазвитие и фаустовские начала метаисторической идеи Западной цивилизации

Западная цивилизация возникает в конце первого тысячелетия Новой эры, хронологически в одном и том же ряду (временной диапазон два-три столетия) с Русской (иногда ее называют православной) цивилизацией. Западная цивилизация это не общечеловеческая цивилизация, как сейчас принято утверждать, и не вариант италийской цивилизации, хотя сильный поток романизации присутствовал при ее образовании. Но все же один из ее факторов, и только. Западная цивилизация возникла в период глубокого надлома и ухода в небытие италийской цивилизации, государственность которой в период своего расцвета была представлена Римской империей¹.

Каждая цивилизация, образуемая в потоке исторической эволюции, заявляет о себе двумя константами: месторазвитием и религиозно-духовной самобытностью, которую можно назвать метаисторической идеей. Именно с этих двух факторов следует начать анализ этой цивилизации.

Месторазвитие. Западная цивилизация не унаследовала территориального ареала италийской цивилизации, политически оформленной как Римская империя, которая в 395 г. разделилась на Восточную и Западную империи. В рамках Восточной империи возникла Византийская цивилизация. Что касается Западной империи, то она в 476 г. была уничтожена германцами и была восстановлена спустя несколько столетий (в 800 г.) при Карле Великом.

¹ Италийская цивилизация, в свою очередь, образовалась на базе ряда сынородственных опосредствующих структур. Они также имели за плечами столетия существования и своими корнями уходили в Древнеегипетскую, Шумеро-аккадскую и Эгейскую древние цивилизации.

Центральная точка (первоначальное месторазвитие) Западной цивилизации находилась на границе между Францией и Германией, в Лотарингии, в Меце, бывшем когда-то столицей империи Карла Великого. По вертикали линия проходила от Рима через Альпы, Ла-Манш к Римской стене – одному из укрепленных валов империи. Следуя вдоль этой линии на северо-запад через Альпы, вдоль левого берега Рейна к Южной Британии, можно определить крайнюю границу территории, на которой создавалась Западная цивилизация. Основная горизонтальная ось, вдоль которой западное общество расширяло свое географическое пространство, находилась под прямым углом к вертикальной линии в направлении юго-запада через Пиренеи и на северо-восток от Рейна к Эльбе. Указанная граница была проложена Карлом Великим, но тогда территория этой цивилизации ограничивалась его владениями в Западной части Европы и английскими государствами на британских островах. Остальная часть Западной Европы была под влиянием других цивилизаций. Пиренейский полуостров находился под влиянием Арабской цивилизации (он входил в то время в Арабский халифат); северо-западные окраины Британских островов были заселены исландцами, христианами, не признававшими догматов Римско-католической церкви; Юго-восточная Италия испытывала влияние Византийской православной цивилизации.

На этой западной оконечности Европы и возникает Западная цивилизация с ее *особой метаисторической идеей*. Нами ранее высказывалась мысль о том, что метаисторическая идея каждой данной цивилизации в каком-то приближении к ее реальной сущности может раскрыться только *религиозно-философской мыслью, сложившейся в данной цивилизационной среде*. Применительно к русской цивилизации, опираясь на русскую религиозную философию, было сформулировано содержание русской идеи как метаисторической парадигмы этой структуры². Однако подобными исследованиями по западной религиозно-философской мысли в интересующем нас аспекте мы не располагаем. Можно в какой-то мере реконструировать метаисторическую константу, опираясь скорее

² Она подробно анализировалась в предыдущей нашей работе (см.: *Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России: Опыт метаисторического исследования*. В 4 ч. Ч. IV. «Русская идея» как метафизическая цель русской цивилизации и национальная идея России в современный период.

на обобщенные культурно-исторические характеристики этой цивилизации, содержащиеся в трудах выдающихся мыслителей того общества (О. Шпенглера, И. Гете, Ф. Ницше и др.), которые указывают на языческие корни этой духовной культуры, гораздо более глубокие, чем христианские постулаты, так как они были сильно трансформированы языческим мировосприятием германцев. Нами уже частично затрагивался этот вопрос при рассмотрении истории возникновения христианства как мировой религии. Здесь возвращение к проблеме продиктовано необходимостью понять глубже метафизическую сущность метаисторической идеи Западной цивилизации. Дело в том, что возникновение каждой данной цивилизации, связанное с оформлением ее месторазвития, одновременно включает в себя необходимость интеграции народов и этносов, ранее проживавших на этой территории. В V–VI вв. Запад теряет свою связь со своим романским центром и переносит исторический пульс на кельтские и германские окраины. Нельзя не учитывать, что германские племена образовывали большую часть населения формирующейся Западной цивилизации³. И это обстоятельство играло главную роль в образовании духовного своеобразия такой структуры. В данном случае это означало включение в новую цивилизационную структуру большого мира германских племен с их особыми верованиями и духовным строем жизни. Любопытно, что кельты (галлы)⁴, которые были завоеваны римлянами еще в I в., не смогли противостоять никейскому вероучению и романизации,

³ Великое переселение народов – движение варварских европейских племен с Востока на Запад, начавшееся во второй половине IV в. под напором вторгшихся из Азии в Европу гуннов. Надвигавшиеся с Востока орды гуннов напали на германские племена готов. Это заставило часть готского племени – вестготов, живших в низовьях Дуная, перейти границу Римской империи и поселиться на римской территории. Вестготы грабили римские провинции и основали королевство в Южной Галлии и Испании. На юге Испании некоторое время держалось германское племя вандалов, вскоре переселившихся в Северную Африку. Другая ветвь готов – остготы завладели Италией. Германскими племенами были заняты и остальные области Западной Римской империи: в Британии утвердились англосаксы, в Юго-восточной Галлии – бургундцы, в Северной Галлии – франки, впоследствии распространившиеся по всей Галлии, получившей название Франции.

⁴ Кельты – это древние племена, обитавшие в первой половине первого тысячелетия до н.э. в бассейнах Рейна, Сены и Луары, в верховьях Дуная. Междоусобные войны, ослабившие кельтов, способствовали вторжению германцев с востока и римлян с юга. Позднее потомки кельтов заселили территорию современной Франции, Бельгии, Швейцарии, юга ФРГ, Австрии, Северной Италии, Северной и Западной Испании, частично Венгрии и Болгарии, Британских островов (там они получили название бриттов).

несмотря на то, что ранее там большим влиянием пользовались друиды – жрецы. Друиды осуществляли религиозный культ, высшую судебную власть, образование, были сильны традиции их родоплеменной организации⁵. Германцы же смогли.

Великое переселение народов в V в. поставило ряд германских племен в совершенно новые географические и геополитические условия. Германские племена были тесно связаны с Римской империей, в качестве наемников на военную службу в империю поступали целые германские племена, а в тевтонские леса вместе с пленными, торговцами, миссионерами проникала и римская культура. Будучи вовлеченными в духовную ауру христианства, пустившего глубокие корни в западной и восточной части расколовшейся Римской империи, германские племена подверглись христианизации. Однако христианство утвердилось среди всех германских племен, поселившихся в римских провинциях, главным образом в форме арианства. Распространение именно арианства, а не никейства, объяснялось так же и тем, что арианство было более понятно варварам, нежели сложная католическая теология с мистическим учением о Троице. Кроме того, германцы, находясь на римской службе, привыкли уважать Юпитера и Марса рядом с Вотаном и Зиу. Когда Христос взял верх над Юпитером, то варвары признали нового могущественного бога. Христианская религия, полная чудес и эпического величия, завораживающе действовала на умы и души народов этих племен. Тем более, что рядом с новым богом признавались и старые боги, хотя церковь низвергла их в разряд вредных лживых демонов. Германцы обладали богатой и сложной мифологией, стройным развитием космогонии и большой определенностью религиозных представлений, где доминировал культ силы, культ человека, равного богам, и жестокости⁶.

⁵ Не случайно Д. Андреев говорит о друидской цивилизации, которая погибла в результате христианизации кельтов в IV в.

⁶ Это наследие еще германского язычества вошло в нравственный кодекс уже христианизированного европейского Запада. Кровью пропитаны сказания о нибелунгах – карликах в древнегерманских сказаниях, обладавших «сокровищем». Им овладел Зигфрид, герой многих песен и средневековой рыцарской поэмы «Песнь о Нибелунгах») конца XII в. Борьба за сокровища и соперничество двух королей Брунгильды и Кримгильды привели к кровавой расправе, закончившейся гибелью почти всех ее участников. Сюжет поэмы лег в основу музыкальной драмы Р. Вагнера «Кольцо Нибелунгов». В «Песне о Нибелунгах» (есть русский перевод) описывается, как рыцари на поле брани утоляют жажду кровью убитых врагов. Не только мужчины, но и женщины участвуют в кровопролитных побоищах, не щадя никого: ни старого, ни малого.

Проникновение этих языческих начал в христианское мировосприятие дало особый духовный сплав, который был назван выдающимися мыслителями Запада *фаустовским мировосприятием*.

Это труднодостижимое явление применительно к духовной жизни пытается уловить О.Шпенглер. Он утверждает, что фаустовский дух есть подлинный дух этой цивилизации. «*В первые века новой эры имелось налицо две возможности образования исторического христианства: или путем принятия и перетолковывания магического христианства или путем развития его германских форм...*»⁷. Взяла верх последняя тенденция, и поэтому Шпенглер прямо говорит о языческих корнях религиозно-духовного мира этой цивилизации, указывая на языческий германский северо-запад. Он положил начало движению, «превратившему магическое, восточно-арабское христианство» в фаустовское христианство западной Церкви. Говоря о *фаустовской* сущности этой цивилизации, а оно связано с германской мифологией, Фауст-герой немецкой легенды, возникшей в период Реформации, который ради знаний, богатства и мирских наслаждений заключил союз с Мефистофелем (имя одного из духов зла: демона, беса, дьявола, чаще всего павшего ангела – Сатаны). Шпенглер достаточно точно формулирует религиозно-духовное кредо Западной цивилизации в целом и его отличие от догматического христианства, его связь с демоническим фактором мироздания: «*Вся магическая, настойчиво защищаемая авторитетом церкви небесная иерархия, начиная с ангелов и святых и кончая Троицей, теряет свою телесность и бледнеет все более и более, а под конец из сферы возможностей фаустовского мироощущения пропадает и Дьявол, великий противник в мировой драме. Он ...давно обходится смущенным молчанием в протестантской теологии*»⁸. При этом он говорит, что фаустовский дух питался и другим языческими верованиями дохристианской эпохи – культурой кельтов. «*Мне кажется, – пишет Шпенглер, – что мы имеем здесь многочисленную параллель к одновременному завершению сказаний о короле Артуре, составляющую значительную часть фаустовского мифа, как то сказание о Рыцарях Круглого Стола, о Граале, Парсифале и Тристане. Это древнейшие кельтские мотивы, ассимилируемые германским миром чувствований и мыслей... Сказание о Граале*

⁷ Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 261.

⁸ Там же. С. 263.

содержит наряду с древнекельтскими много арабских моментов чувствований, но образ Парсифаля чисто фаустовский»⁹.

Понимание глубинных духовных основ западного общества, не сводящихся к его католически-протестантской основе, содержится в трудах многих выдающихся мыслителей эпохи Просвещения: к ней обращались Лессинг, Дж. Мильтон, Д. Байрон и др. Но все же название Западной цивилизации как фаустовской пришло вместе с трагедией великого поэта и мыслителя Иоганна Вольфганга Гете. Именно ему, стоящему во главе «рейнских гениев», было дано создать образ-символ, который стал обобщенным выражением метаисторических особенностей Западной цивилизации. В центре католически-протестантского Запада в век Просвещения рождается гений, который не только отвергает своей жизнью и творчеством всю систему ценностей окружающего мира, но улавливает внутреннюю духовную суть этого мира, к которому принадлежит. А оно отражает языческое отношение ко всему Сущему со всем набором его жизненных ценностей. Зло, воплощенное в образе Мефистофеля, становится движущей силой, помогающей Фаусту в поиске смысла жизни и поиске истины.

Но почему в поисках истины и самоутверждения можно опираться на все силы Бытия, включая его демонические начала? Ответ на этот непростой вопрос может быть дан только исходя из общефилософской позиции Гете. А она не соответствовала идеям века Просвещения, не была ни католической, ни протестантской. Нет! Она была по сути дела языческой, хотя это направление немецкой философии называли натурфилософским. Более того, его считали почти прекратившим свое существование после смерти Кеплера под натиском французского рационализма, но оно ожило у Гете и Шеллинга, философское кредо которых далеко отстоит от христианского мировосприятия. Высшим началом мировоззрения Гете является *Бог-Природа*. Дух и материя, душа и тело, мысль и протяженность, воля и движение – это для Гете дополняющие друг друга основные свойства связанного саморазвитием Бога-Природы, т.е. языческого мировосприятия¹⁰.

⁹ Там же. С. 262.

¹⁰ Напомним, что анализируя природу религиозных знаний, сложившихся в истории человечества, Л.А. Тихомиров в своей фундаментальной работе «Религиозно-философские основы истории» четко сформулировал две их основные ветви: одно восприятие выделяет Творца и Промыслителя мира и человека; другое – мысль о самосущности Природы, никем не сотворенной, всегда бывшей и всегда жившей по свойственным ей законам (см. параграф 4.1).

Значит, фаустовское мироощущение – это чувство, которое глубже христианского, то мироучувствие, в основе которого лежит воля к власти, к действию¹¹. Что важно в этом метафорически-оформленном понимании духовной сущности Западной цивилизации, сформулированном ее самыми выдающимися мыслителями? Это то, что в ней стирается грань между *добром и злом, Богом и Дьяволом. Зло имеет право быть*, если его применение необходимо для достижения целей. Может быть, именно открытие гениальными европейскими мыслителями этой тайны духа человека Западной цивилизации позволит понять природу двух его основных ветвей – католичества и протестантизма, где в их историческом воплощении очень размыты критерии, отделяющие добро от зла¹². Фаустовские начала метафизической идеи, как покажет

¹¹ Отрицание христианства нашло яркое отражение в философских эссе Фридриха Ницше. Этим духом пронизаны и его ранние произведения, где Ницше противопоставляет возвышенно-трагическое понимание жизни, символизированное в образах греческих богов Дионисия и Аполлона, рассудочному оптимизму, представителем которого в Греции являлся философ-рационалист Сократ. В позднейших произведениях («По ту сторону добра и зла», «Генеалогия морали», «Человеческое, слишком человеческое», «Так говорил Заратустра» и др.) развивает идею создания высшей касты человечества («сверхчеловека») как цель истории. «Воля к власти – основа морали господ», и поэтому, по Ницше, добро все то, что позволяет осуществлению этой цели, а христианство с его состраданием, взаимопомощью, кротостью – это религия рабов, париев (см. также: *Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.-П.* Сумерки богов. М., 1990).

¹² Не случайно Зло в форме кровавой жестокости было характерной чертой жизни Западной цивилизации, в которую органически вписывается и нацистский период. Редки были голоса, к которым никто не прислушивался, заявлявшие, что под германским небом в 30-е годы происходила «подмена ломаным крестом креста Христова, полное отрицание Евангелия... Определение нацизма как явления, противопоставившего себя христианству... поднимает нас до уровня, с которого уже можно судить об этом исключительном моменте истории... Между гитлеризмом – трагической карикатурой на люциферовское честолюбие и ангельским христианством, также имеющим свою карикатуру в социальных формах; между искушением достигнуть уровня сверхчеловека, взять небо штурмом и искушением сослаться на идею Бога или на Бога, чтобы перешагнуть через человечность; между призыванием зла и призыванием добра, равновеликими, глубокими и тайными... разыгрывается трагедия, которой условная история не дает полного отчета» (См.: *Повель Л., Бержье Ж.* Утро магов /пер. с франц. Киев, 1994. С. 222). Жестокость – это абсолютное зло, противостоящее основным догматам христианства с его милосердием, любовью, добротой. «Азиатская жестокость» – привычный оборот речи. Но даже турецкие и персидские палачи – дети малые в сравнении с европейскими, когда рассматривается «обычное европейское зверство», – пишет

дальнейший анализ, будут трансформированы в историческую практику католичества и протестантства. Последние будут определять религиозно-духовные особенности всех четырех многовековых циклов, в рамках которых формировались государственные, социально-экономические, а в их рамках – рыночные связи и денежные отношения. Действительно, анализ исторических реалий развития Западной цивилизации за последние полторы тысячи лет позволяет выделить эти четыре цикла, о которых пойдет речь. Первый цикл – VI–XI вв., второй – XII–XIV вв., третий – XV–XIX вв., четвертый – XX–XXI вв. (текущий).

Фаустовское мировосприятие нашло свое отражение уже в первом цикле существования цивилизации креста и меча, в противоборстве которых формировалась социально-экономическая основа этой цивилизации – феодальный способ производства.

6.2. Светская власть и феодализм в религиозной ауре папства

Начальный этап возникновения западного общества обычно относят к эпохе Карла Великого и Франкского государства – первого крепкого политического образования в Европе, существовавшего с конца V в.¹³ V–VIII в. – это время как бы подготовительного периода оформления религиозно-духовного своеобразия Западной цивилизации, когда ее духовным зародышем становится римско-католическая ветвь христианства, складывающаяся в условиях формирующегося феодализма и отвечающих им государственных структур. По установившемуся преданию, Римская церковь была основана апостолами Петром и Павлом. Отсюда выводилась идея, что учение Христа сохранилось в полной мере только в Риме. Как

Мединский, давая достаточно развернутую картину государственных и бытовых нравов христианизированной Европы (см.: *Мединский В.Р.* О русском пьянстве, лени и жестокости. 2-е изд. М., 2008. Ч. III. Миф о жестокости. Гл. 2. С. 372).

¹³ Во время Великого переселения народов в V в. н.э. многие германские племена переселились из Германии на территорию Западной Римской империи и образовали там ряд государств, из которых наиболее могущественным было государство франков. Так как одна из важнейших дорог того времени шла по Рейну и дальше через Альпийские горные проходы в Северную Италию, Германские короли в X–XIII вв. стремились к обладанию Италией, так же как и к связанному с этим обладанием титулу императора Священной Римской империи. На этой почве возникает длительная борьба с римскими папами.

апостол Петр был первым между апостолами, заместителем Христа на земле, так и папа должен быть главой всех епископов.

Папа Иннокентий I впервые резко обосновал религиозный авторитет Римской церкви, заявив, что источник власти пап – верховенство апостола Петра и поэтому папе принадлежит право решать любые церковные споры. В целом богословские споры были характерны в основном для Восточной Церкви. Западная Церковь была тверда в сохранении предания, духа единомыслия и церковного послушания, мало принимая участие в богословских спорах христианского Востока. В этот период титулом «папа» назывались все христианские епископы всех христианских церквей и только с конца V в. он относился главным образом к римскому епископу.

В этот период Римская Церковь борется не только за преобладание в христианском мире, но и за светскую власть. С середины V в. Римская церковь (при папе Льве I Великом и его преемниках) развила учение о превосходстве духовной власти над светской, претендуя на роль руководителя Вселенной. Однако исторические реалии тогда не позволили этому учению внедриться в практику. Поэтому VI в. обычно выделяется как время, тяжелое для папства, так как на папский престол влияли короли-варвары во время готских войн, а затем римская курия попала в зависимое положение от византийского императора, который считал себя единственным и всемирным властелином.

К концу VI в., несмотря на политическую подчиненность Византии, в пределах самой Италии влияние пап усиливается. Римский епископ наравне с экзархом управляет Италией, принимая деятельное участие в администрации и суде. Уже тогда же происходит укрепление авторитета папства среди населения, несмотря на формальную подчиненность византийскому наместнику.

Папа Григорий I Великий стал защитником населения во время нашествия лангобардов, возвысил монашество и сделал его послушным орудием Святого Престола, придал внешний блеск католичеству, установил его обрядность. Последующие два с половиной столетия (VII–VIII вв. и большая часть IX в.) были временем медленного, но постоянного укрепления папской власти. Несмотря на политическую подчиненность Византии, происходит быстрое распространение католичества среди германских племен, приверженных язычеству или арианству, а также образование англосаксонской церкви. И хотя к середине VIII в. папская власть внутри Италии получила нового врага в лице римской аристократии, союз с Каролингами позволяет преодолеть эту враждебную

политическую силу, опираясь на поддержку Карла Великого. Именно тогда в начале IX в. Франкское государство охватывало всю Западную и часть Центральной Европы. Карла Великого папа Лев III короновал императором. Коронация была попыткой восстановить Западную Римскую империю и укрепить власть короля над многоплеменным населением Франкского государства (в середине IX в. империя разделилась на три королевства, превосхитив своими границами Францию, Германию и Италию).

После восстановления Западной Римской империи и коронавания Карла Великого, который занял по отношению к папе место византийского императора, происходит разрыв между Западом и Востоком. Именно при Каролингах власть пап резко возрастает. В IX в. папская власть настолько усилилась, что идея превосходства духовной власти над светской становится господствующей. Более того, папа присваивает себе роль судьи в делах императорских семейств, считая, что право распоряжения императорской короной принадлежит Святому Престолу. Одновременно папство при поддержке императоров пресекает децентралистские тенденции и стремление к независимости, возникшие в среде франкского духовенства. «Успех папских завоеваний, — пишет Тойнби, — частично определялся самим духом христианства, учившим доверию и любви, а не вражде и ненависти.

Папство опиралось на сочетание церковного централизма и единообразия с политическим многообразием и преемственностью. Но поскольку кардинальным пунктом его установлений было безусловное преобладание духовной власти над светской, в этом сочетании преобладало единство, оставлявшее в то же время широкую свободу и для разнообразия, давая свободу и гибкость как неотъемлемые условия роста. Социальное единство западного христианства, вытекавшее из духовного авторитета папы, гарантировало политическую независимость любому локальному обществу — бремя, бывшее в X в. еще апостольски легким»¹⁴.

Период с конца IX до начала XI вв. выделяется как «эпоха униженного состояния папства», его глубокого политического и нравственного падения, в течение которого папство теряет часть своих земельных владений. Это было связано с влиянием на престол римской аристократии (всю вторую половину X в. папский престол находился в руках знатных римлян, которые возводили на престол своих любовников). В середине X в. германским коро-

¹⁴ Тойнби А. Постигание истории. М., 1996. С. 259.

лем Оттоном I образуется Священная Римская империя, включая Германию (она заняла в ней господствующее положение), часть Италии, Чехию, Бургундское королевство, Швейцарские земли и др.¹⁵ Из своего униженного состояния в X в. папство поднялось благодаря своему союзу с императорами Оттонами I, II и III, реализуя на практике ту же идею, которая сформировалась еще при Карле Великом: императоры должны быть опорой и защитником папства. Но в этот период акценты несколько меняются. Тогда оно было истолковано таким образом, как будто роль защитника Рима и папы была добровольно взята на себя Карлом Великим. Теперь это положение было истолковано уже не как добровольное право, а как обязанность императоров защищать папство. И эту идею папство полностью реализовало.

Особая роль римской католической церкви во главе с папой в образовании духовного климата Западной Европы формировалась в формационной среде, основой которой были феодальные отношения. Возникшая на всем пространстве Западной Европы к VIII–IX вв. социально-экономическая система, которая получила название феодализма, отличалась от той системы, которая складывалась в Византийской империи¹⁶. Причины возникновения феодальной зависимости на Западе Ф.И. Успенский видит в разложении германской марки уже в период возникновения

¹⁵ С XV в. императорская корона фактически закрепилась за домом Габсбургов. К концу XVII в. (после Тридцатилетней войны) власть императора стала номинальной, но форма Священной Римской империи просуществовала до 1806 г., т.е. около 1000 лет. До отречения последнего императора Франца II от престола «Священная Римская империя не только воплотила австрийскую мечту, но и просуществовала еще тысячу лет, правда, в состоянии паралича, в который она впала в момент смерти Карла Великого...с XV в. суверенов “мировой державы” (при Карле V они стали испанскими королями, владевшими огромными землями в Европе и Америке, проводившей под эгидой католицизма политику создания всемирной христианской монархии. Священная Римская империя, даже находясь в полосе своего угасания, сохранила некоторую привлекательность и значение)» (см.: Тойнби А. Постигание истории. С. 403).

¹⁶ Внешне похожие институты возникли на Руси в XV–XVI вв., когда стало развиваться помещичье землевладение и крепостное право. Но эта форма вассалитета имела несколько иную социально-экономическую природу, уходящую своими корнями в те особенности отношений между мелким крестьянским хозяйством, централизованной властью и земельной аристократией, которые сложились в Восточной Римской империи. В Византии долгое время сохранялась государственная собственность на землю (а, стало быть, мелкое крестьянское хозяйство общинной организации). Причем византийские императоры не давали особенно укрепляться земельной аристократии. То же имело место и на Руси до Петра I.

Западной Римской империи Карла Великого, усилившемся впоследствии при династии Каролингов. Возникает частная собственность на землю, принадлежащую земельной аристократии. В самом этом факте обработки чужой земли заложена идея зависимости, поскольку тот, кто сел на чужую землю и стал ее обрабатывать, вступил в зависимое положение к владельцу земли. Возникал институт коммендации, т.е. подчинения свободных людей власти собственника земли, сеньора. Это сочеталось с развитием института вассалитета, т.е. государственной службы, *особенно военной*, которая вознаграждалась земельными пожалованиями – бенефициями (это слово латинского происхождения было впоследствии заменено словом «феод»).

Заметим, что у истоков феодальных отношений стояла государственная власть, которая давала бенефиции как вознаграждения за службу королю, хотя впоследствии эти социально-экономические и политические отношения претерпели существенные изменения. И не случайно в VIII в. Каролинги «наступают» на громадные земельные владения Римской церкви в Галлии, Далмации, Африке, на Ближнем Востоке. Это процесс стимулировался фискальными интересами государства, так как в то время именно земледелие служило единственным источником ресурсов в финансовой системе государства (торговля и промышленность находились в зачаточном состоянии). А потребности государства возрастали, поскольку в VIII в. произошли изменения в военном деле: пехота перестала играть решающую роль, потребовалась военная служба на коне, что привело к повышению расходов государства на военные нужды. При этом государству негде было взять людей, которые в состоянии были бы нести конную службу, а ресурс, из которого бралась бенефиция, иссяк. Крестьянская община и так была подорвана. Тогда Каролинги провели знаменитую секуляризацию (отчуждение церковного имущества), ввергнув многие монастыри в бедность, но возвратили государству чуть ли не треть земель Галлии, т.е. Франции того времени.

Сначала бенефиция означала временное и отчуждаемое владение, т.е. непрочное владение. Затем положение меняется. Она делается наследственной в роду, особенно в связи с укрупнением феодалов. Правовое значение бенефиций аналогично акту коммендации: она подчиняла владельцев земли власти того правителя, который пожаловал бенефицию. Так возникают сюзеренные и вассальные отношения, т.е. личные отношения верности между вас-

салом и сюзереном, которые были выше всяких других. Вассал всегда был готов к военной службе по требованию сеньора. Количество людей, с которыми он должен был являться, зависело от большей или меньшей доходности бенефиции. Кроме того, вассал обращался к суду сеньора во всех случаях, когда у него возникали дела с вассалами того же сеньора. Во всех остальных случаях вассал был полностью независим в своих владениях и мог иметь собственных вассалов и подвассалов.

Еще в VIII и IX вв. узы сеньората и вассалитета не были прочны. Бенефиция жаловалась временно, всякое нарушение обязательств сопровождалось отнятием бенефиции и расторжением вассальных отношений. В тот период отношения вассала к сеньору не создали еще феодализма как социально-экономической системы, а только обусловили его развитие. А оно было направлено на превращения сеньоров в сословие, преследующее сословные, а не государственные интересы. Дело в том, что непосредственно от короны давались не все бенефиции. Кроме того, присяга на верность, даваемая сеньору, не исключала присяги на верность королю, но последняя присяга была менее обязательна.

К X в. устанавливается наследственность бенефиций, и сословие сеньоров становится крепким и замкнутым, преследующим сословные интересы. «Королевская власть все больше стусшевывается, а на ее месте вырастает административная и судебная власть сеньоров... Связи между королем и поданными рушатся, а на месте их возникают связи между местным феодальным властителем и зависимым от него населением. Большие области, управляемые наследственными администраторами, обращаются в замкнутые в себе территории с отдельным судом сюзерена, со своей финансовой системой, со своими денежными знаками, со своим войском, наконец, со своим местным государем. По подобию первых образуются меньшие территории с независимыми владельцами»¹⁷.

В этой структуре большую роль начинает играть высший слой феодального общества – рыцарство (по-немецки буквально – конное войско). Оно возникло в результате образования военно-землевладельческой знати: пользование конем, как и дорогими металлическими доспехами, могло быть доступно только сеньорам и их вассалам. В IX в. в составе рыцарской конницы стали различать тяжеловооруженных всадников (рыцарей) и легковооружен-

¹⁷ Успенский Ф.И. История Византийской империи VI–IX вв. М., 1996. С. 25.

ных (вассалов). В XI–XII вв. рыцарство начинает замыкаться в наследственное сословие с особыми военными привилегиями. Так, в XII в. император Фридрих I Барбаросса запретил крестьянам носить копье и меч, а купцам позволил лишь привязывать меч к седлу, но не опоясываться им. В непосредственной связи с образованием замкнутого рыцарского сословия стоял обряд посвящения в рыцари. Право сделаться рыцарем признавалось только за человеком, «достойным» данного звания. Большею частью это были сыновья дети и внуки крупных феодалов, но иногда, обычно за какие-либо особые заслуги, в рыцари посвящались и незнатные лица. Вначале обряд посвящения мог производить каждый рыцарь. Впоследствии это право присвоили себе исключительно высшие феодальные властители, светские и духовные. Постепенно обособляясь от простого народа, рыцарство в условиях единого формирующегося духовного климата разных регионов Западной Европы распространяет свои внутренние организационные связи между феодальной знатью Запада.

Рыцарские идеалы естественно сложились на почве феодально-иерархической структуры общества при *отсутствии централизованной государственности*, где главной формой социальной связи служили *личные* связи между феодальной знатью. И в этой среде рыцарство становится важным фактором, определяющим духовный климат этой цивилизационной структуры с присущими ему идеологией, моралью и обычаями: кодексом чести, турнирами, культом подвига во имя веры и феодальной верности вассала своему сюзерену (а позже даме сердца)¹⁸.

¹⁸ Это нашло свое отражение в средневековой литературе: эпические поэмы, так называемые «песни о деяниях» («Песнь о Роланде» – начало XII в.) рыцарские («куртуазные» романы) : о похождениях рыцарей Круглого Стола и короле Артуре, о св. Граале, о Тристане и Изольде, Амадисе Галльском и др. Рыцарская любовь играет большую роль в аристократической лирике, культивируемой в замковых кружках. Пережитки рыцарства уцелели в Европе вплоть до эпохи великих буржуазных революций. Его упадок, так же как и расцвет, получил соответственное отражение в художественной литературе, показавшей карикатурное преломление старых рыцарских идеалов в изменившейся социальной среде (например, в гениальном романе Сервантеса «Дон Кихот», конец XVI в.).

Искусство того времени религиозно. Оно служит церкви. К X–XI в. слагается стиль феодальной Европы. В феодальной Франции, например, возникает так называемый романский стиль. Ему свойственна монументальность, торжественность, суровая неподвижность, что нашло свое отражение в архитектуре.

Главные обязанности рыцаря заключались в том, чтобы охранять церковь и быть верным сеньору, причем с церковью связывались и те категории лиц, которые находились под ее специальным покровительством: нищие, больные, сироты, вдовы и т.п. В отношении низших классов общества (буржуазии, ремесленников, крестьян) рыцарская мораль мирилась и с рыцарским разбоем на торговых путях и больших дорогах, и с кровавым насилием. Зачастую рыцари разных регионов Западной Европы объединялись под знаменем церкви. Такими были крестовые походы. Сложившееся в долгом процессе развития феодального общества рыцарство умерло вместе с другими учреждениями этой эпохи. Забегая несколько вперед, отметим, что новые факторы социально-экономического развития, в частности рост торговли и денежного хозяйства, создали новые формы военно-политической организации властвующих структур. Существование рыцарства как военной силы утратило свое назначение, появление огнестрельного оружия разрушило рыцарскую конницу. К началу XVI в. германские имперские рыцари уже утратили значительную часть своей политической самостоятельности и должны были подчиниться территориальным государям (князьям).

* * *

Поскольку в образовании Западной цивилизации главную роль играли религия и меч, значение рыночных связей в их интегрирующих функциях было минимальным. Военное противостояние феодальных структур друг к другу, а также духовной и королевской власти в борьбе за ленные владения – основная форма приобретения и удержания материальных благ. Но рыночные отношения (торговля), тем не менее, развивались и в этих условиях тоже с опорой на меч, хотя в целом занимали скромное место в общественных отношениях того времени.

6.3. Скромное бытие торговли и денег в феодальной Европе

Феодальная раздробленность и отсутствие централизованной власти обусловили особый характер развития рыночных связей, замкнутых в рамках отдельных феодальных владений при господстве натурального хозяйства. Покупка товаров имела место лишь в незначительных количествах: люди жили тем, что производила их земля, обработанная ими самими или им подвласт-

ными, за исключением потребности в предметах роскоши. Их приобретение было ограничено и небольшими средствами у владетельных сеньоров, и отсутствием возможности приобретения. Только странствующие купцы (с драгоценными камнями или одеждой) могли иногда оказаться в этих владениях, так как разбой и отсутствие дорог характеризовали торговые связи Европы тех лет. Но международная торговля не заглохла, хотя столетия, прошедшие после гибели Римской империи, полностью разрушили те мировые рыночные связи, в которые были включены некоторые регионы Европы в качестве провинций империи, в частности Галлия и Британия.

В этот период возникают новые центры международной торговли, у истоков которой стояли на Севере набеги и пиратство скандинавов в VIII и IX вв. На протяжении столетий скандинавы участвовали в набегах и грабежах как в Северной Франции, так и в Англии. В хрониках тех лет они назывались «язвой христианства». Из скандинавских народов, открывших дорогу международной торговле Севера с Югом, были шведы (датчане и норвежцы появлялись позже). Выступление шведов на исторической сцене связано с развитием меновой торговли в бассейне Балтийского моря и установлением торгового пути «из варяг в греки» по финским и восточнославянским землям¹⁹. Господствуя на Балтийском море, шведские конунги еще задолго до появления Ганзы основали унию торговых городов вокруг г. Висби на острове Готланд, так называемый Висбийский союз, в торговой сети которого Новгород занимал одно из крупнейших мест. Через несколько столетий именно Север Европы станет одним из торговых полюсов, которые будут характеризовать особенности мира-экономики Западной Европы.

В это же время на южном полюсе Европы – Средиземноморье происходят события, которые в последующем создадут мощный торговый центр. Еще до крестовых походов итальянские города Генуя, Пиза и особенно Венеция постепенно проникали между экономиками, господствовавшими на море. Выделение Венеции определялось тем, что она входила в состав греческой империи и более или менее свободно проникала на огромный и плохо защи-

¹⁹ В начале VIII в. вокруг могущественных княжеских дворов в области оз. Мелара начинается складываться шведская государственность. Упсальские Инглинги объединили под своей властью мелких конунгов(князей) и стали во главе их меной торговли с Востоком.

щаемый византийский рынок. За это она оказывала империи многочисленные услуги и даже помогала в ее обороне.

Пользуясь своим привилегированным положением, Венеция напрямую эксплуатировала Средиземноморье и Западную Европу вплоть до Балтийского моря, Норвегии и за пределами левантских гаваней в направлении Индийского океана. Даже тогда, когда, начиная с VII в., ислам постепенно завоевывает Средиземноморье, в VIII и IX вв. активизируются мелкие гавани (десятки маленьких Венеций), которые связывали между собой богатые приморские города мира ислама и Константинополь. «Заработав» на этом торговом посредничестве золотую монету – египетские и сирийские динары, они закупали роскошные шелка Византии и перепродавали их в Северные регионы Западной Европы. Но все же торговая Италия была еще всего лишь заурядной «периферийной» областью исламского мира, озабоченной лишь тем, чтобы добиться согласия на свои услуги поставки леса, зерна, льняного полотна, соли, невольников, которые она себе обеспечивала в самом сердце Европы.

Говоря о денежных отношениях Западной Европы в этот период необходимо иметь в виду, что оно не сохранило своей преемственности с полнокровной денежной системой Римской империи, хотя и ведет свою историю от времен римского владычества. Но связь все же была. В прошлом серебряный денарий как основная монета внедрялась римлянами в свои провинции в Галлии и Британии. И даже в последний период существования Римской империи и в период ее распада (II и III вв. н.э.) был отток римских монет в завоеванные ими эти провинции. Причем сначала эти монеты функционировали не столько в качестве средств обращения, сколько в качестве средств сбережения ценности (богатства). Для этого у германских народов, англичан и скандинавских народов служила немногочисленная римская монета, оставленная после варварского завоевания или привезенная торговцами, наряду с золотыми запястьями или кольцами.

Влияние имперского прошлого на организацию денежного обращения в феодальной Европе сохранилось также в традиции чеканки монет. Исключительное право чеканить монету по римскому праву принадлежало государству и регулируемым им организациям монетарной системы в целом (основной единицей денежной римской системы был *денарий* (4,00 грамма серебра), а мелкой серебряной монетой был *сестерций*, равный примерно

в 1,09 грамма серебра, т.е. 1/4 денария). И не случайно первая новая и самостоятельная чеканка монеты была произведена Мерovingскими государями, образцом для нее служила мелкая римская монета, а Карл Великий чеканил монету, целиком ориентированную на денарий: франкский солид (шиллинг) соответствовал весу 12 денариев.

Правители государств, образовавшихся после распада Франкского государства, пытались сохранить эти традиции и очень рано чеканить собственную монету в условиях крайнего дефицита на серебро. И хотя здесь она сразу же получила название пенни (пфенниг, пенс – «denarius's»), монеты этих правителей по ценности не соответствовали римскому динарию. Многочисленная группа западноевропейских динариев VI–XI вв. это небольшие, менее 20 мм в диаметре тонкие серебряные монеты, несущие в себе изображения чеканивших их правителей. Эти монетарные системы обслуживали разрозненные рынки феодальных анклавов, не связанные друг с другом.

На фоне децентрализованных форм организации денежных отношений континентальной Европы сравнительно быстро стала выделяться Англия со своими тенденциями в организации денежного обращения. Возможно, что эти особенности развития денежной системы Англии связаны с тем, что она в меньшей мере, чем континентальная Европа, подвергалась романизации²⁰.

Денежное обращение в Англии ведет свою историю от времен римского владычества, хотя обращалась монета местной чеканки, похожая на греческую, еще до завоевания ее римлянами. Долгое время Англия шла в развитии денежных отношений по тому же пути, что и другие страны Западной Европы. В этом, как и во всех отраслях управления, на образ действия английских государей сильно повлиял пример Франкских королей, что вызвало почти одновременную попытку чеканки монеты, подобной мерovingской монете, хотя эта первая вычеканенная английская монета была

²⁰ Населенная кельтскими племенами бриттов, нынешняя Англия в I в. н.э. была покорена римлянами и обращена в римскую провинцию – Британию. Романизация была сравнительно слабой вследствие отдаленности от Рима и немногочисленности римских переселенцев. В V в. римские войска покинули остров из-за необходимости вести с германскими племенами, напавшими на владения империи на материке, а на острове утвердилось господство германских племен англов и саксов, образующих несколько королевств (кельтское население сохраняет независимость лишь на севере и юго-западе острова в Шотландии и Уэльсе).

золотая. Ее выпустили в очень небольшом количестве. Кусочки золота, представлявшие собой эту монету, были слишком ценны для того, чтобы ими можно было пользоваться в торговле, и поэтому она не попала в обращение. Учítывая, что германские племена оказывали предпочтение серебру пред золотом, первой монетой, появившейся в Англии для торговых целей была серебряная монета под названием «sceattas». Она была подражанием «новым пенни», выпущенным в королевстве франков Пипином Коротким в конце VIII столетия. На sceattas не было никаких надписей, но у серебряного пенни на одной стороне значилось имя монетчика, выбившего монету, а на другой – имя короля, властью которого выпущена монета. Она чеканилась в английских королевствах (Кенте, Эссексе, Мерсии), находившихся в вассальной зависимости, и использовалась в рамках торговли, которая возникла на побережье континента с германскими племенами. Однако этой монете не суждена была долгая жизнь, она была заменена другой монетой иного достоинства – серебряным пенни, который с конца VIII до середины XIV вв. был единственной общепринятой в стране монетой.

В IX в. происходит объединение англосаксонских королевств в одно целое – Англию. После этого, в отличие от Франции, Германии и Италии, где право чеканить монету получили все более или менее значительные князья и города, в Англии, начиная с X в., право чеканки монет становится прерогативой только короля. Оно отбирается у политических структур, находящихся от него в вассальной зависимости. В Англии короли свое право чеканки и регулирования монетарной системы отстаивали не только против отдельных баронов, но и против парламента. Эта традиция сохранится и укрепится в последующие столетия и приведет к завоеванию английской национальной валютой – фунтом стерлингов первого места в системе мировых денежных отношений.

* * *

Весь этот краткий обзор развития торговли и денег в начальный период становления духовной власти католичества в феодальной Европе выявил две тенденции: одна характеризовала разрыв с теми их формами, которые были характерны для Римской империи и в области торговли (международной и внутренней), и в области денежных отношений. Другая тенденция характеризовалась появлением новых центров экономического развития

этой молодой цивилизации, которая связана с северной его ветвью и в области международной торговли (Скандинавия), и в области организации денежного обращения (Англия). Римская церковь в этот период в регулирование сферы товарно-денежных отношений не вторгается. Но уже с начала следующего столетия положение меняется: рыночные связи и деньги с опорой на Святой Престол начинают свое восхождение к господству над миром.

ВТОРОЙ МНОГОВЕКОВОЙ ЦИКЛ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ И ДЕНЬГИ ПОД ПОКРОВОМ СВЯТОГО ПРЕСТОЛА (XI–XIV вв.)

7.1. Святой Престол на пике своего могущества и его роль в регулировании торговых и денежных отношений

XI–XIV вв. – это время, когда теократические и космополитические устремления папства определяли всю общественную жизнь Европы. Это период полного могущества пап, союза светской власти и Святого Престола, реализация идеи всемирной теократии и Крестовых походов как начального этапа наступления европейцев на материальные и людские ресурсы других цивилизаций. Когда в последней четверти XI в. на престол сел тосканец Гильдебрант, положение Святого Престола было весьма жалким. Однако Гильдебрант (Григорий VII) и его преемники сумели создать мощный институт государственности, опирающийся на духовный авторитет Римской Церкви. «Благодаря им папский Рим создал империю, которая более, чем империя Антонинов, преуспела в завоевании человеческих сердец и которая территориально расширилась до таких пределов, куда не ступали легионы ни Августа, ни Марка Аврелия. Владения ее были обширнее владений Карла Великого и продолжали распространяться в Скандинавии, Польше и Венгрии в течение двух веков после смерти Карла Великого»¹.

Деятельность папы Григория VII определила всю дальнейшую историю римской Церкви.

Зодчество запечатлело эту эпоху. «Когда теократия в течение первого периода своего существования устанавливает свой порядок в Европе, когда Ватикан объединяет и заново группирует вокруг себя элементы того Рима, который возник из Рима старого, лежащего в развалинах вокруг Капитолия, когда христианство начинает отыскивать среди обломков древней цивилизации все ее общественные слои и воздвигает при помощи этих руин новый иерархический мир, краеугольным камнем которого является священство, тогда в этом хаосе сперва возникает, а затем мало-помалу из-под мусора мертвого греческого и римского зодчества, под дуновением христианства, под

¹ Тойнби А. Постигание истории. М., 1996. С. 269.

натиском варваров пробивается таинственное романское зодчество, родственное теократическим сооружениям Египта и Индии – эта неблекнущая эмблема чистого католицизма, этот неизменный иероглиф папского единства. И действительно, мысль того времени целиком вписана в мрачный романский стиль. От него веет властью, единством, непроницаемостью, абсолютизмом, иначе говоря, папой Григорием УП»².

Он создал «теорию папской власти» и завершил строительство здания всемирной теократии запрещением *инвеституры*³, определив принцип *конкордата*, т.е. договора, определяющего взаимоотношения государства и католической Церкви в данном государстве. Он предложил императору отказаться от инвеституры, а епископам – от всех светских властей. К концу XI в. католицизм одерживает духовную победу на всем пространстве Западной Европы. Свои требования ленной зависимости папа предъявил Англии, Богемии, Венгрии, Скандинавии Польше, но не имея возможности бороться со всей Европой, занялся упрочением своей власти в самой империи.

После запрещения инвеституры началась ожесточенная борьба между папством и светской властью, наиболее бурно протекавшая в Италии и Германии. Григорий VII восстановил против себя не только императора, но и духовенство, баронов, а также привилегированных и богатых граждан. Однако его духовный меч привлек на свою сторону массы, ненавидевшие развратное духовенство и аристократов, фанатичных монахов и крестьян. По отношению ко всем верующим у папы было в духовной власти такое грозное духовное оружие, как отлучение, которое он мог использовать не только против светских и духовных властей, но и против самих императоров. Папа отлучил от церкви императора Генриха IV, который во власянице, босой в зимнюю стужу был вынужден умолять папу о прощении у стен замка в Каноссе. Знаменитый Фридрих Барбаросса, при котором «Священная Римская империя» достигла внешнего блеска, совершивший пять походов в Италию и поставивший ломбардские города под власть императора, в конце концов не только потерпел военное поражение

² Гюго В. Собор Парижской Богоматери. М., 1955. С. 184.

³ Инвеститура – особый порядок: во-первых, ввода вассала во владение феодалом, сопровождаемый соответствующей церемонией; во-вторых, введения в должность епископов, получающих при этом в управление церковные земли с их населением и права суда над ним. Борьба феодальной светской власти против папства за право назначать епископов называлась борьбой за инвеституру.

от лиги этих городов, заключивших союз с папой, но и подвергся моральному унижению. «Искусный и упрямый политик, папа Александр III смело выступил против Фридриха I, доказывая, что императорская власть есть бенефиция папства, отлучил императора от Церкви и повторил с ним сцену в Каноссе. Он покарал и английского короля Генриха II».

В войне против светской власти папство одержало полную победу, чему во многом способствовали Крестовые походы. Святой Престол направил массу мелкопоместных дворян – идалго на освобождение Гроба Господня в Палестину и на войну с маврами. По сути дела это военные экспедиции, предпринятые по призыву пап из Западной Европы, на Ближний Восток (Сирия, Палестина, Северная Африка) в II–XIII вв. Их общий лозунг – освобождение Иерусалима и Гроба Господня от ига мусульман. Участники Крестовых походов назывались крестоносцами. Невежественной Европе противостоял богатый в материальном и духовном отношении мир ислама.

Основанное преемниками Магомета великое мусульманское государство – халифат создало многие городские центры (Багдад в Месопотамии, Кордову в Испании) и объединило много земель с общим экономическим и хозяйственным прошлым. Арабская торговля, весьма значительная в древности, пережила эпоху расцвета в VIII–IX вв.). С половины VIII в. развилась богатейшая культура, объединенная общим арабским языком. Ознакомившись с греческой культурой, арабы многое освоили и перевели на свой язык, но проявили и самостоятельное творчество в естествознании, медицине, философии, истории и географии. Были созданы почтовое сообщение, школьная сеть, больницы, библиотеки, обсерватории (раньше европейских). Алгебра, тригонометрия, астрономия, философия Аристотеля, алхимия – предшественница современной химии, медицинские знания – все это европейским обществом в значительной мере было получено от арабов⁴. Единство халифата не было, однако, достаточно прочно: с IX в. начинается его распадение, связанное с ослаблением центральной власти, внутренними междусобицами.

Первый крестовый поход (1096–1099 гг.) был направлен сухим путем (через Дунайские земли, Византию, Малую Азию) и имел результатом взятие Иерусалима и образование Иерусалимского королевства. Второй крестовый поход (1147–1149 гг.), тоже сухопутный (под предводительством Людовика VII и императора

⁴ Влияние арабов ярко иллюстрируется заимствованными от них словами преимущественно из области научного или торгового оборота: алгебра, алкоголь, зенит, базар, магазин, тариф, арсенал, цифра и др.

Конрада III), имел целью остановить новый напор арабов. Оба похода окончились неудачей. Следующие походы шли морем⁵. Третий крестовый поход (1189–1192) был предпринят для возвращения Иерусалима из-под власти египетского султана Саладина, в нем приняли участие император Фридрих Барбаросса, французский король Филипп Август и английский король Ричард Львиное сердце. Этот поход был также малоудачен⁶.

Четвертый крестовый поход (1202–1204 гг.) направлялся не против мусульман, а против православной Византии. Его возглавил папа Иннокентий III как представитель эпохи наивысшего, усилившегося и разбогатевшего папства. Поднятый им Четвертый крестовый поход привел к завоеванию крестоносцами Константинополя (1204 г.), образованию ими Латинской империи на месте Византийской и временному соединению Западной и Восточной Церквей с полным подчинением константинопольского патриарха папе. Полного триумфа папство достигло именно в лице Иннокентия III «...При нем папство осуществило свои мечты о всемирной монархии: вся Европа склонилась пред папским престолом», – пишет Аверинцев. По его словам, тогда «папа занимает средину между Богом и человеком»⁷. Папа объявил себя наместником Христа и свои решения – имеющими силу закона. Основал монашеские ордена доминиканцев и францисканцев. В сношениях с королями он принимал тон ленного господина с притязаниями на непогрешимость и в политических делах. Папы стали вести себя по-царски, носили двойную, а потом тройную корону, выражались в буллах тоном государей⁸. Иннокентий III вмешался в борьбу Гогенштауфенов и Вельфов за императорский престол, а английский король Иоанн Безземельный, при котором была принята «Великая Хартия вольностей», признал себя вассалом Иннокентия III.

⁵ В этот период усиливается значение итальянских торговых республик (Генуи, Венеции), дававших свой флот и получавших взамен территориальные компенсации на востоке.

⁶ И в дальнейшем борьба за Иерусалим с исламом не была успешной, хотя Фридрих II Гогенштауфен, возглавивший Пятый крестовый поход, добился уступки Иерусалима дипломатическим путем. Но в 1244 г. Иерусалим вновь оказался в руках ислама. Шестой и Седьмой походы (1248–1254 и 1270 г.) были предприняты французским королем Людовиком IX (Святым) в Египет и Тунис. Они окончились неудачей, Людовик IX попал в плен.

⁷ Христианство. Энциклопедический словарь. В 3 т. Т. 2. М., 1995. С. 288.

⁸ Там же. С. 289.

Римская церковь в этот период не могла не оказывать своего влияния на экономику, пытаясь *внедрить в нее христианские заповеди* в условиях, когда появилась новая потребность – *потребность в деньгах*. Они были необходимы для Крестовых походов и возведения храмов, вызванного религиозным возрождением в XI в. Именно в это время началось фактическое внедрение в деловую, прежде всего в торговую, жизнь принципов римского права. Встретившись с этими новыми явлениями, Церковь стала обращать внимание на экономические отношения и смело противопоставила «мирским принципам», на которые она смотрела, как на пагубные тенденции римского права, принципы христианского учения. Она особенно настаивала на двух положениях: на греховности ростовщичества и справедливой торговле, включая необходимость продажи товаров по справедливой цене. Их она защищала как с церковной кафедры, так и в исповедальне, и в церковных судах, опираясь на Святое Писание и Буллы пап.

Борьба Церкви против *ростовщичества* прослеживается на протяжении столетий. Истоки этой долгой войны уходят еще в четвертый век. Сперва запрещение отдавать деньги за проценты было правилом, обязательным только для духовенства. Никейский собор (325 г.) запретил духовенству взимать рост под страхом лишения духовного сана. На обязанности воздержаться от столь низкого получения прибыли настаивали декреты синодов и творения Отцов Церкви V и VI вв. Капитуляриями Карла Великого и соборами IX в. запрещение это было распространено и на мирян. В VII–VIII вв. в документах об этих запретах упоминается очень редко. «Это может быть происходило оттого, – пишут историки, – что случаи, когда отдельные лица имели в своем распоряжении большие суммы денег, встречались так редко, а влияние церкви было столь значительным, что отдача денег в рост была исключительным явлением»⁹.

Начало папских мероприятий, направленных против ростовщичества, относится еще к 1179 г. Один из канонов многолюдного Лютеранского собора, созванного Александром III в том же году, гласил: «Так как почти повсюду преступное взимание роста сделалось настолько распространенным явлением, что многие оставляют другие занятия и становятся ростовщиками, как будто бы это – дозволенное ремесло, причем не обращается внимание на за-

⁹ Эшли УД. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией / пер. с англ. М., 1897. С. 105.

прещение ни Ветхого, ни Нового Завета, мы повелеваем, чтобы заведомые ростовщики не допускались к причастию и, если умрут, пребывая в своем грехе, чтобы их не хоронили по христианскому обряду, а священники не принимали от них милостыни. Духовные лица, послушавшиеся этого повеления, должны быть отрешены от должности, пока епископ не признает их исправившимися»¹⁰. Тот же папа в послании одному из епископов объявил, что ростовщиков и даже их наследников следует заставлять возвращать несправедливо нажитое богатство под угрозой подобных же наказаний.

Долгое время ростовщикам грозили только духовными карами, и не было попыток непосредственно воздействовать в этом смысле на светские власти различных государств. Но последовали изменения. В 1274 г. на многолюдном Лионском соборе Григорий X решился сделать смелый шаг в обоих направлениях. На этом соборе было постановлено, «чтобы коммуны, корпорации и отдельные лица не позволяли иностранцам нанимать помещения и вообще пребывать на их землях, но в течение трех месяцев изгнали бы их из своих пределов, запрещалось также кому бы то ни было отдавать им внаем дома. Духовные завещания не раскаявшихся должников, т.е. ростовщиков, не возвративших своим должникам роста, объявляются не имеющими силы»¹¹. Это постановление окончательно подчинило ростовщиков юрисдикции церковных судов, которые одни ведали везде дела о духовных завещаниях. Последний шаг в этом направлении сделан был Климентом V в 1311 г., который объявил все светское законодательство, защищающее взимание роста, не имеющим силы и уничтоженным и заклеил названием ереси мнение, что в ростовщичестве нет греха. Папа тогда обращался прежде всего к городским властям, особенно же, по-видимому, к магистратам городов Италии и Южной Франции. «Ввиду того, гласит это постановление, что до нас дошло горестное известие, будто некоторые коммуны, согрешившие перед Богом и своими ближними, вопреки законам божеским и человеческим, позволяют своим присяжным требовать и платить рост и принуждают должников к уплате его, сим постановлением, с одобрения настоящего (Вьенского) Священного Собора, что все власти, начальники, ректоры, консулы, судьи, советники и всякие другие, которые дерзнут впредь издавать постановления об обязательной уплате должниками роста, а так-

¹⁰ Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. С. 188.

¹¹ Там же. Т.1. С. 170.

же о том, что ростовщики не обязаны возвращать деньги, полученные в виде роста, подвергаются отлучению от церкви»¹².

Торговля Римской Церкви тех лет рассматривалась также под углом зрения наличия в ней греховных корыстных побуждений. Лев Великий твердо сказал: «есть ли торговля добро или зло, зависит от того, как ею заниматься, так как она может быть и честной и нечестной»¹³. При этом считалось, что всякая плата за оказание кредита, всякие сделки, в которых товары продавались дороже их действительной стоимости ввиду того, что продавец должен был некоторое время ждать уплаты, стали считаться ростовщическими. Любопытно заметить, что прямое запрещение таких сделок появляется впервые в булле Александра III в 1176 г. к архиепископу Генуи, города, который соперничал тогда с Пизой в торговле на Средиземном море (товаром были пряности). В Булле Александра III содержится столь подробное изложение взглядов на справедливые и несправедливые явления в торговле, на корыстолюбие как величайший грех, что представляется необходимым их представить в полном объеме как очень красноречивый документ той эпохи.

«Особая ветвь корыстолюбия – торговля, в которой люди из-за мирских выгод грешат многими путями, особенно же семью способами. Первый способ – продавать вещи как можно дороже, покупая их как можно дешевле. Второй способ – лгать, клясться и всячески зарекаться, чтобы тем дороже продать товары. Третий способ – нажиться при помощи весов и мер и при том трояким способом: во-первых, когда человек имеет разные весы и разные меры и покупает большими весами или мерами, а продает меньшими; во-вторых, когда, имея настоящие весы и меры, пользуются ими неправильно, как, например, если трактирщик наливает с пеной; в-третьих, когда взвешивая какую-нибудь вещь, делают ее тяжелее, чем есть на самом деле. Четвертый способ, каким грешат в торговле – продажа на срок (этот пункт относится, несомненно, к сделкам в кредит). Пятый способ – продать на иных условиях, нежели установленные ранее (так поступают нотариусы, которые начинают писать документ с правильных слов). Шестой способ – скрыть правду о продаваемой вещи, как это делают, например, торговцы лошадьми. Наконец, седьмой способ – устроить так, чтобы продаваемая вещь казалась лучше, чем она есть на самом деле. Так, например, торговцы сукнами продают их при тусклом освещении»¹⁴.

¹² Там же. Т. 2. С. 169.

¹³ Эшли УД. Указ. соч. С. 144.

¹⁴ Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. С. 181.

В этой Булле высказывается отношение к ростовщичеству, где выделяется семь видов:

«Во-первых, когда займы даются деньги, а заимодавец получает рост или деньгами, или же лошадьми, зерном, вином, плодами земли, которая находится у него в залоге, сверх капитальной суммы, не считая всего, что он получит таким образом уплатой части капитального долга. Но, что еще хуже, кредитор, требует иногда уплату несколько раз в год, чтобы увеличить размер роста, даже если каждый раз он получает что-нибудь в подарок. При этом часть роста прибавляют к первоначальному долгу. Это – скверное и бессовестное ростовщичество. Ростовщичество второго рода состоит в том, что не давая сами займы, люди удерживают то, что приобрели путем ростовщичества их отцы или те, имущество которых они наследовали. Ростовщики третьего рода, это те, которые стыдятся давать займы собственноручно, а дают через своих слуг или кого-нибудь другого. Они являются таким образом заимодавцами-предпринимателями. От этого греха не свободны и те вельможи, которые держат сторону евреев и других ростовщиков, разоряющих страну, получая за это выкуп, который берется с имущества бедных. Следующий способ давать деньги в рост – это способ тех, которые сами берут деньги займы за небольшие проценты, а отдают за большие. Их можно назвать малыми ростовщиками. Пятый способ состоит том, что человек продает вещь дороже, чем она стоит в данное время, или продает вещь вдвое или второе дороже ее действительной стоимости в такое время, когда в его товаре очень нуждаются. Такая торговля особенно губельна для рыцарей, занимающихся турнирами. Их имущества поступают в залог и уж никогда не возвращаются к ним обратно. Другие покупают товары, как, например, зерно и вино за половину их стоимости, а продают вдвое дороже, чем они стоят. Они покупают все это во время жатвы или в такое время, когда эти предметы особенно дешевы, с тем, чтобы перепродать купленное гораздо дороже. Поэтому таким людям и приходится желать, чтобы наступила нужда и недостаток в их товарах. Иные, наконец, покупают для этой цели хлеб на корню и виноградные лозы в цвету. Ростовщиками шестого рода будут те, которые дают займы деньги купцам с условием участвовать в прибылях, устраняясь в то же время от участия в убытках. Наконец, ростовщичеством седьмого рода занимаются те, которые дают по мелочам своим бедным соседям, когда те нуждаются, с условием отработать взятые деньги, получая, таким образом, работой по три пенса за каждый пени, который они дали¹⁵.

Историки, изучавшие все тенденции, связанные с влиянием Церкви на моральные нормы торговли и ростовщичества, рассматривали усилия церкви как на тщетную борьбу с непреодоли-

¹⁵ Эшли УД. Указ. соч. С. 164.

мыми тенденциями. Какие же это тенденции, которые стали препятствовать внедрению в жизнь церковных установлений? Ответ на этот вопрос коренится прежде всего в выявлении масштабов спроса на деньги. В XI—XII вв. этот спрос на деньги был невелик, что определялось характером экономики. Западная Европа была земледельческой и мало нуждалась в денежных средствах, мануфактурное производство также не очень в них нуждалось. В этих условиях, если и занимали деньги, то это делалось обыкновенно или в виду какого-нибудь неожиданного бедствия или на «непроизводительные» расходы. К займам, например, прибегал рыцарь, отправлявшийся в Крестовый поход, или монастырь, намеревавшийся выстроить храм.

А вот начиная с XIII в., спрос на деньги начинает расти. Развитие городов, образование торговых корпораций, устройство рынков требовали денежных средств. Ни церковь, ни общество не ставили препятствий в помещении таким образом денег, если при этом не заключалось вперед условие относительно уплаты определенного роста и владелец денег участвовал как в нанесении риска, так и в прибыли. Возникла потребность в денежных средствах и в кредиторах, что особенно наглядно прослеживается в отношении еврейских ростовщиков. Почти во всех странах, по закону или предубеждению, евреев не допускали к занятию земледелием, промышленностью или торговлей. Они вынуждены были заниматься денежными операциями. Напрасно Иннокентий III призывал всех христианских государей запретить евреям занятие ростовщичеством. Оно представлялось слишком выгодным источником дохода для того, чтобы у государей хватило настолько самоотречения и жесткости, чтобы изгнать их из своих государств, как это сделал Эдуард I в 1290 г. Церковные суды были вынуждены закрывать глаза на их деятельность. Нужда заставляла прелатов и религиозные общины, хотя они знали о запрещении ростовщичество, занимать деньги у ростовщиков. И те же папы, занятые в это же время борьбой с императором Фридрихом II, нуждались в денежных средствах. А их могли дать кагорские купцы¹⁶, и поэтому папы

¹⁶ «Кагорцами» называли банкиров из южной Франции, а иногда и из Италии. Они появились впервые в Англии около 1235 г. в качестве «папских купцов», т. е. с целью содействия собиранию доходов, поступавших в пользу папы в Англии для отправки их в Рим. Есть свидетельство того, что даже король был в тяжелом долгу у них и что они вымогали у бедняков деньги.

склонны были покровительствовать последним, лишь бы они не нарушали канонического права.

Рассматривая вопрос о влиянии Римской Церкви на торговлю и денежные отношения, нельзя обойти его отражения в работах Фомы Аквинского – величайшего представителя философско-богословской мысли того времени. Именно он систематизировал учение церкви в отношении торговли и ростовщичества, облекши их в философскую форму и найдя аргументы в обосновании тех моральных норм, которые содержались в церковных установлениях. Нет оснований предполагать, что Фома Аквинский специально интересовался экономическими вопросами. Поводом заняться ими послужило для него, очевидно, то обстоятельство, что предмет его изучения и его система носили энциклопедический характер, так как он стремился обозреть всю область мысли.

Родившись около 1225 г. в Неаполитанском королевстве в благородной семье, он еще мальчиком сделался членом проповеднического Ордена доминиканцев, учился в Париже и Кельне, в продолжение многих лет преподавал в Париже, участвовал в спорах между университетом и нищенствующими орденами. Наконец, вернулся в Италию, где восемь лет работал над своей энциклопедией «Сущность богословия».

Рассуждая об умственных и нравственных добродетелях, Фома Аквинский приходит к понятию справедливости, которую он определяет как «постоянное и твердое желание давать каждому то, на что он имеет право». Это приводит его к рассмотрению торговли. В обоснование своих взглядов на сущность торговли он ссылается на мнение Аристотеля, который выделил два вида обмена: естественный обмен, при котором одна вещь обменивается на другую или товар на деньги по необходимости, и обмен, при котором деньги обмениваются на деньги или товары на деньги ради барыша. Такого рода торговля сама по себе низкое занятие, так как ею занимаются в таких случаях ради погони за наживой, которая не знает границ.

Что еще более важно, Фома Аквинский, безусловно, осуждает всякую исключительно спекулятивную торговлю, всякое стремление получить прибыль, при помощи исключительно колебания рынка. Первый вопрос, который он ставит, такой: позволительно ли продавать вещь дороже, чем она стоит? Собственное решение Фомы Аквинского состоит в том, что купить вещь дешевле или продать дороже, чем она стоит, само по себе не позволительно и

несправедливо. Самый институт купли-продажи товаров введен для общей выгоды человеческого рода. Если это так, то он должен быть одинаково выгоден обеим сторонам. А это может быть только тогда, когда каждый из контрагентов получает равную ценность. В трактовке моральных основ торговли большую роль играл вопрос о справедливой цене, который нашел свое отражение в аргументации Фомы Аквинского, что каждая вещь имеет свою определенную «справедливую цену». По его мнению, «справедливыми» были лишь цены, дающие продавцу возможность жить согласно своему положению¹⁷.

В трудах Фомы Аквинского рассматривается вопрос о деньгах и ростовщичестве. Деньги, следуя мнению Аристотеля, рассматривались им как простые посредники в обмене. Что касается ростовщичества, то непримиримое отношение к этой форме деятельности объяснялось, во-первых, тем, что Аристотель утверждал, что деньги не могут порождать деньги, во-вторых, тем, что ростовщики берут деньги за время, которое является даром Божиим, поскольку даваемая в кредит сумма возвращается.

¹⁷ В его работах звучат уже совершенно иные мотивы, далекие от идеалов первых христианских общин. Разделение труда он трактует под углом зрения деления общества на сословия. Поэтому один вид труда у него рассматривается как простой, черный, рабский (все виды физического труда), другой – умственный, духовный труд как труд благородный. Считают, что эти его взгляды объяснялись влиянием Аристотеля, который отождествлял физический труд с рабским. Но это не столь важно. Важно другое – в своих работах Фома Аквинский, по сути дела, дает христианское обоснование сословного деления общества, ссылаясь на Священное Писание. В библейском сказании о «грехопадении» он видит основу этого порядка вещей, считая подневольное стояние людей карой за грехи прародителей, созданных первоначально свободными и равными. При этом указывается, что «господину подвластно лишь тело, дух же раба свободен и подвластен лишь Богу!». (См.: *Розенберг Д.И.* История политической экономии. М., 1940. С. 38).

Фома Аквинский по-иному смотрит на накопление богатства и частную собственность. Богатство, по его мнению, не содержит в себе ничего предосудительного при соблюдении некоторой умеренности, хотя критерий умеренности при этом не указывается. Частную собственность он рассматривает как «дополнение» к естественному праву, внесенному «человеческим разумом». «Подобно тому, как человек от природы гол, а одежда есть результат его собственного изобретения, так и право частной собственности дано не природой, но человеческим разумом, оно на нем покоится и в силу этого стало необходимым инструментом человеческой жизни» (Там же. С. 33).

* * *

Освещенные в этом параграфе вопросы, касающиеся регулирования Святым Престолом христианских моральных норм, которые должны существовать в рыночных связях (торговле) и денежных отношениях, важны не только как характеристика эпохи, включая ее отражение в богословии. Они важны еще и потому, что выявляют тот контраст по отношению к этим моральным нормам христианства и их полное забвение в скором времени и в рамках самого католичества, и в рамках всех течений Реформизма, на базе которых родились и социальные религии XX в., включая «воинствующий монетаризм» эпохи глобализма. Они важны и потому, что показывают, насколько эти моральные запреты не соответствовали той мощной силе исторического развития, как торгово-денежные отношения, которые формировались в рамках мира-экономики Западной Европы в этот период, к рассмотрению которых мы переходим.

7.2. Мир-экономика Западной Европы: его двухполюсная структура, города-государства и космос средневекового города

«Начиная с XI в. Европа создаст то, что станет ее миром-экономикой»¹⁸, – писал Бродель. Обратим внимания на этот рубеж, который свидетельствует о том, что все формы развития рыночных связей до этого периода не давали возможности сформироваться миру-экономике Западной цивилизации как самодостаточной рыночной структуре, такой, при которой «его внутренние связи и обмены придают органическое единство»¹⁹. Образованию европейского мира-экономики способствовали три фактора.

1. Революционные изменения в материальном базисе. В развернутом виде – эта проблема столь объемна, что она не может быть включена в ткань данной работы. Однако в современных исследованиях все чаще при освещении этих вопросов используют показатель энергетической оснащенности материального производства, выделяя его источник: будь то каменный уголь, нефть или атомная энергетика. Материальная культура Европы

¹⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 44–45.

¹⁹ Там же. С. 44–45.

того времени характеризовалась революционными преобразованиями, связанными с внедрением в производство энергии воды и ветра, хотя мускульная сила животных по-прежнему являлась ее основой²⁰.

В XI, XII и XIII вв. именно Запад узнал революцию в механике, которая была связана с увеличением числа *водяных и ветряных мельниц* и которая способствовала и открытию важной закономерности, что один-единственный двигатель (колесо) мог передавать движение нескольким рабочим орудиям. *«Мельница была своего рода стандартной мерой энергетической оснащённости доиндустриальной Европы»*²¹. Революция XII–XIII вв. не только умножила число водяных колес, она распространила их применение на другие области. Колесо приводило в движение толчеи для руд, тяжелые качающие молоты, которыми ковали

²⁰ Получаемая извне энергия (прежде всего тепловая – энергия солнца, огня) является необходимым условием существования человека. Недаром считается, что с овладения огнем начинается история рода человеческого. И поэтому виды энергии, которыми владели люди в разных цивилизациях, во многом определяли многие материальные потребности. Заметим, что в первоначальной классической постановке марксистской политэкономии в способе производства выделялись средства труда, предметы труда и рабочая сила, а характер энергетического фактора выводился за пределы как более частный. Между тем развитие материально-производственной базы всех цивилизаций в последние два столетия показало, что именно энергетика и энергоносители образуют ее основной стержень, так как только они дают возможность реализовать большинство направлений технического развития. Энергетическая составляющая является синтетическим показателем уровня развития производительных сил.

Человек со своими мышцами (его определяют иногда как «человеческий привод») в течение тысячелетий был основным главным источником энергии в производстве. Он действительно обладает ничтожными энергетическими способностями: «между тремя и четырьмя сотыми лошадиных сил». Однако этот двигатель очень гибок, особенно учитывая, что он располагал многочисленными орудиями, многими из них с самых отдаленных времен: молотом, топором, пилой, клещами, заступом и элементарными приводами, использовавшими его собственную силу: буравом, воротом, блоком, журавлем, домкратом, рычагом, а также педалью, рукояткой, гончарным кругом, родиной которых был или Китай, или Индия.

²¹ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М., 1986. С. 381. «Гениальным решением стал поворот колеса в вертикальную плоскость, осуществленный римскими инженерами в I в. до н.э. Движение, передаваемое зубчатой передачей, затем становится горизонтальным при окончательном вращении жернова... Применение таких позднеримских устройств было ограничено несколькими пунктами Империи, использовались они единственно для размола хлеба».

железо, огромные била сукновален, мехи металлургических печей, насосы, точила, дубильные и бумажные мельницы, приводило в действие механическую пилу.

В отличие от других цивилизаций, многовековое знакомство европейцев с лошадьёю позволило приспособить ее вначале для верховой езды, создав седло, стремяна, мундштук, поводья и т.д. Затем появился хомут (IX в.) Именно он сыграет большую роль для использования лошади в земледелии – в бороновании, пахоте, перевозках, явившись в XII в. составной частью ряда других перемен – применения тяжелого плуга, распространения трехполья в Северных районах континента. Поэтому происходит расширение пахотных земель. Не случайно период XI по XIV вв. официально именуется в учебниках «временем Великой Распашки» и наступлением на леса, что имело и отрицательные последствия. В это время в Европе вырубали и превратили в поля и луга так много лесов, что наступил своего рода «энергетический кризис», но вместе с тем земледелие стало важным базисом развития других отраслей.

2. Стимулирующая роль международной торговли как на Севере, так и на Юге и создание цепи рыночных связей между ними. Западный мир-экономика возник как биполярная структура: одна из которых опиралась на Северную ее часть вокруг Северного и Балтийского морей (Нидерланды), другая – вокруг Средиземноморья (Италия). Север будет менее усложненным, чем Юг, более «промышленным», а Юг – более торговым, нежели Север, где громадную роль играют города-государства. Европейская система, разделившаяся между полюсом североευропейским и полюсом средиземноморским, после крестовых походов склонилась в южную сторону. Об этом подробнее ниже.

«Стало быть, географически – два мира с противоположными знаками, созданные для того, чтобы друг к другу притягиваться и друг друга дополнять. Их соединение будет происходить по сухопутным путям Север–Юг»²². Мир-экономика может существовать только тогда, когда сеть располагает достаточно плотными, частыми ячейками, когда обмен достаточно регулярен²³, – подчеркивал Бродель.

Институциональной формой, которую формировали миры-экономики, были ярмарки. Так, в Европе постепенно складывалась цепь ярмарок, которая связывала рыночными связями Север и Юг континента. Они располагались на полпути между этими

²² Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 93.

²³ Там же. С. 92.

полюсами в разных городах. «Обменные операции и скопища деловых людей смещались от одного города к другому. Эта система “часов с репетицией”, существовавшая с XIII вв., даже не была новшеством, ибо она, вероятно, подражала ранее существовавшему кругообороту фландрских ярмарок и заимствовала цепочку существовавших прежде региональных рынков, реорганизовав ее... Во всяком случае, шесть ярмарок Шампани и Бри, длившиеся по два месяца каждая, заполняли весь годовой цикл, образуя, таким образом, “постоянный рынок”, не имевший тогда соперников... Они были местом свидания всей Европы, местом встречи всего, что могли предложить и Север и Юг. Торговые караваны, объединявшиеся и охраняемые, стекались в Шампань и Бри, подобно тем караванам, верблюды которых пересекали обширные пустыни мира ислама, направляясь к Средиземному морю»²⁴.

3. Громадная роль городов-государств в реализации всех этих факторов, возникших именно в период становления и развития западного общества, так как Римская империя, которая погибла в конце V в., в наследство Западной цивилизации не оставила городов²⁵. Они пришли в упадок задолго до вторжения варварских племен. Поэтому городские структуры Западной цивилизации следует рассматривать как явление, целиком рожденное своим временем. В целом Запад знал три формы городов-государств: города, открытые для своей округи и даже смешанные с нею (в начале первого многовекового цикла); города, закрытые в самом точном значении этого слова (наиболее распространенная форма)²⁶;

²⁴ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 107–108.

²⁵ Историки подчеркивают особую роль городов на Европейском континенте чуть ли не с эллинских времен, со времен городских общин, полисов классической Греции, со времен Медины в эпоху мусульманского завоевания.

²⁶ По размеру европейские города были невелики. Как правило, они насчитывали от трех до пяти тыс. жителей, а города в 20 тыс. жителей представляли тогда средоточие людей, сил, талантов и едоков; более крупные агломерации в 100–200 тыс. человек возникли в более позднее время. «Античность знала свободные города, эллинские города-государства, доступные обитателям окружающих деревень, открытые их присутствию и их деятельности, — пишет Бродель. — Город же средневекового Запада, напротив, был замкнутый в себе, укрывшийся за своими стенами» (Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 542).

Средневековые города были обычно окружены высокими стенами, чаще каменными, с башнями и массивными воротами, а также глубокими рвами для защиты от неприятеля. Стены мешали городу расти вширь, поэтому улицы делались крайне узкими, а верхние этажи домов нередко выдавались над нижними в виде выступов, крыши домов чуть ли не соприкасались друг с другом. Центральным местом была рыночная площадь, неподалеку от которой располагался городской собор.

города, находившиеся под опекой государства с разной степенью зависимости (в конце второго многовекового цикла).

Средневековые города в Западной Европе раньше всего возникли в Италии (Венеция, Генуя, Пиза, Неаполь и др.), а также на юге Франции (Марсель, Арль и др.). Добились самоуправления в результате ожесточенной борьбы и кровавых столкновений с феодальными сеньорами многие города Северной Франции (Амьен, Сен-Кантен, Бове, Лан). Нередко городам удавалось получить права самоуправления путем уплаты сеньору крупной суммы денег. Так стали коммунами многие богатые города Южной Франции, Италии. Часто большие города, особенно стоящие на королевской земле, не получая прав самоуправления, пользовались рядом привилегий и льгот, в том числе правом иметь выборные органы городского самоуправления. Неполные права самоуправления имели Париж и другие города Франции (Орлеан, Лион, Нант, Шартр) и Англии (Линкольн, Оксфорд, Кембридж и др.). В Италии, где города достигли экономического расцвета, они достигли большой самостоятельности уже в XI–XII вв. Многие города Северной и Средней Италии подчинили себе значительные примыкавшие к ним области и стали городами-государствами (Венеция, Генуя, Пиза, Флоренция, Милан и др.). В Германии так называемые имперские города, начиная с XII в. и особенно в XIII в., формально подчиняясь императору, также были независимыми городскими республиками (Любек, Бремен, Нюрнберг, Аугсбург, Франкфурт-на-Майне). Они имели право самостоятельно объявлять войну, заключать мир, чеканить монету.

В городах-государствах, приобретших длительный опыт совершенно самостоятельной жизни (в Италии, Франции, Германии), быстрыми темпами растут рыночные отношения и денежная экономика, хотя фундамент экономики был во власти прямых форм обмена²⁷. Этот феномен имеет свои корни, которые связаны с особенностями земельных и из них выросших феодальных отношений. Средневековые города возникали на земле, принадлежащей или сеньору, или Церкви и поэтому вынуждены были им подчиняться. Обязанности городов-коммун по отношению к феодальному

²⁷ В самом центре левантийской торговли широко использовался прямой обмен (бартер – *baratto*, или *barattare* или *dare a barato*). Искусство заключалось в том, чтобы обменивать на пряности, перец или чернильные орешки ткани и стеклянные изделия Венеции. В XV в. Натуральный обмен был широко распространен в Германии, Нидерландах, Франции, Англии и в последующие столетия.

сеньору ограничивались обычно определенной, сравнительно невысокой денежной рентой и посылкой в помощь сеньору небольшого военного отряда. Города стимулировали разделение труда и развитие торговли: ведь, несмотря ни на что, даже самый бедный горожанин обязательно снабжался через рынок. Поэтому город в целом делал рынок всеобщим явлением, в городе располагались торговцы, ремесленное производство. Города господствовали над своими деревнями, составлявшими для них подлинными колониальными мирами задолго до появления самого термина «город» и подвергавшимися соответствующему обращению (государства будут впоследствии поступать так же). Города-государства, с самого начала тесно связанные с деревней, оказывали воздействие на те сельскохозяйственные культуры, которые выращивались в земледелии. Города стимулировали развитие высокоприбыльных культур, а в городской промышленности большое внимание уделяли отраслям, изготавливавшим предметы роскоши, которые всегда были излюбленными товарами для внешнеторговых операций. При этом фактически города полностью никогда нельзя было отделить от деревни, так как в одно и то же время существовали разделение и сближение занятий (в XI и XII вв. на Западе существовала своего рода монополия городов на ремесленное производство, а с XV–XVI вв. возник обширный отток городских производств к сельским окраинам в поисках дешевой рабочей силы и за пределы досягаемости городских цехов, их опеки и мелочного контроля).

Города через созвездия городов и нервную сеть городских перевалочных пунктов вели собственную экономическую политику... зачастую способную сломить преграды и всегда – создать привилегии и убежища... Город – это замкнутый мирок, защищенный своими привилегиями... мирок агрессивный, упорный, труженик неравного обмена. И именно город, более или менее оживленный, в зависимости от места и времени обеспечивал общий подъем Европы, подобно закваске в обильном тесте»²⁸. «Чудом было то, что в первые великие века развития денежной инфраструктуры в Европе полнейшую победу одержал именно город, во всяком случае в Италии, Фландрии и Германии. Он приобрел довольно длительный опыт совершенно самостоятельной жизни – это колоссально-го масштаба событие»²⁹, – подчеркивал Бродель. В этом особом влиянии городов на развитие денежных отношений следует выде-

²⁸ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 542.

²⁹ Там же. С. 544.

лить Англию, которая находит особые формы компромисса абсолютистской власти, опирающейся на феодальную знать и торговую правду городов.

Обратимся к истории. В IX в. происходит объединение англосаксонских королевств в одно целое — Англию, а во второй половине XI в. совершилось завоевание Англии офранцуженными норманнами. В этой обстановке завоевания королевская власть усиливается. Норманнское завоевание вовлекает Англию в международный торговый оборот и способствует росту торговых городов. Большая часть английских городов была расположена на королевских землях. На почве борьбы с королевским абсолютизмом с начала XIII в. создался союз городов и феодалов, вынудивший короля Иоанна Безземельного в 1215 г. дать *Великую Хартию вольностей* — грамоту, определившую права и вольности церкви, баронов, горожан и всего свободного (не крепостного) населения. В тесной связи с борьбой против королевского абсолютизма стоит учреждение в Англии парламента, ограничивающего королевскую власть (1265 г.). Война, требующая больших расходов, заставляет короля чаще обращаться к парламенту, содействуя упрочению парламентского строя. К этому времени относятся крупные успехи английского торгового капитала. Расширяются экономические связи Англии с побережьями Средиземного, Немецкого и Балтийского морей. В землевладениях, сложившихся на натуральнохозяйственной почве, начинается процесс перевода натуральных платежей крестьян в денежные. В то же время происходит обезземеливание крестьян (огораживание), что подготовило почву для промышленной революции.

Города-государства играли главную роль в развитии международной торговли как на Севере, так и на Юге Европы. Набеги и пиратство норманнов на Севере подготовили обширное пространство, где во всю ширь развернулись морские и торговые успехи Ганзы (слово «Ганза», готское Hansa, группа купцов). Это средневековые купеческие или городские союзы в Германии, особенно союзы городов, заинтересованных в торговле на Северном и Балтийском морях. Ганза не имела своим предшественником никакой подлинно международной торговли. Медленно, благодаря обмену, соглашению с государями, при случае и насильственным путем, двойное морское пространство Балтийское море—Северное море было захвачено и организовано немецкими городами, купцами, воинами или крестьянами. Отдельные их группы объединились еще в XIII в. Окончательно Ганзейский союз сложился по договору 1367 г., в его состав входило до 90 городов (до наших дней названия ганзейских городов сохранились за Гамбургом, Бременем и Любеком). Торговые дворы и конторы Ганзы находились в

Англии, Франции, Нидерландах, скандинавских государствах, на Руси (Новгород) и даже в Португалии. Ганза стремилась к приобретению в иностранных государствах торговой монополии. Ганзейский союз имел свою казну и военно-морские силы. «За Ганзой не стояли государства – только города, ревниво относящиеся к своим прерогативам, при случае соперничавшие друг с другом, огражденные мощными стенами, со своими купцами, патрициатом, ремесленными цехами, со своими складами, своими благоприобретенными богатствами. С их помощью лес, воск, пушнина, рожь, пшеница, продукты леса Восточной и Северной Европы реэкспортировались на Запад. А в обратном направлении двигались соль, сукна, вино»³⁰.

После крестовых походов на Севере внешняя торговля по-прежнему осуществлялась городами Северной Германии, Скандинавии, Дании, Франции через города Северо-Западной Руси (Новгород, Псков, Полоцк) в районах, прилегающих к Балтийскому и Северным морям.

На Юге средиземноморские города, достаточно успешно «жившие» в Византийской империи (см. параграф 6.3), новый импульс к своему развитию получили во время и после Крестовых походов, что способствовало росту торгового могущества городов как центров богатства Средиземноморья. Крестоносцы, приходящие с Севера, могли попасть на Святую землю только преодолев Средиземное море. Они перевозятся по нему со своими конями, оплачивают стоимость своего проезда на борту кораблей итальянских городов. И это стало стимулом для кораблестроения в Пизе, Генуе, Венеции. Крестовые походы пробудили всю итальянскую экономику. В XIII в. города Средиземноморья вели торговлю со странами Востока, постепенно вытеснив арабских и византийских купцов. Тогда во всей Северной Италии началось процветание морских торговых предприятий, стремящихся в Левант³¹ за приобретением перца и пряностей, спрос на которые выходил далеко за пределы Средиземноморья и был главным козырем итальянских купцов в Северной Европе, для которых пиратство не было чем-либо предосудительным. По крайней мере, в генуэзских источниках XIII в. упоминается о купцах, которые занимались пиратством, а пизанские источники того же столетия усматривали

³⁰ Там же.

³¹ Левант – это старинное название восточных стран Средиземного моря – Малой Азии, Сирии и Египта.

в морском разбое предприятие, выгодное с коммерческой точки зрения специально для крупного коммерсанта. Купцы Генуи и Венеции, а также Марселя и Барселоны захватили первенство. Но лидером оказалась «Венеция, которая обеспечила процветание своей экономики посреди ослабленной, явно пришедшей в упадок Европы»³². Когда на Святой земле обосновываются христианские государства, открывая проход на Восток, к его соблазнительным товарам – перцу, пряностям, шелку, снадобьям, идет интенсивное обогащение Венеции. Венеция использует к своей выгоде все разбойничьи деяния рыцарей, которые во время Четвертого крестового похода разоряют христианский Задар (1203), подвергают варварскому разграблению Константинополь (1204). Она становится, по сути дела, в империи полновластной хозяйкой. «Тогда Венеция выковала свои институты – фискальные, финансовые, денежные, административные, политические и чтобы ее богатые люди... завладели властью сразу же после правления последнего самодержавного дожа. Подъем экономики городов-государств Средиземноморья сопровождался основанием колоний на Средиземном и Черном морях. Уже в XIII в. Венеция и Генуя на окраинах эксплуатировавшихся ими зон были колониальными державами – в Кафе, на Хиосе (колонии генуэзцев); на Кипре, Кандии (Крите), на Корфу (колонии венецианцев).

Монгольский смерч XIII в., принесший большие разрушения России, а также таким древним цивилизациям, как Китай и Иран, сопровождался впоследствии покровительственной политикой монгольских завоевателей по отношению к экономическим связям между Западом и Востоком, что нашло свое выражение в организации и охране путей сообщения на бескрайних пространствах Евразии. Эта политика привела к установлению прямой связи по суше между Китаем, Индией и Западом. Многие путешественники (в частности, семейство Поло – отец, дядя, а затем сам Марко) достигали далекого Китая или Индии по бесконечным, но на удивление безопасным дорогам Евразии. (Этот путь закрылся около 1350 г. и был связан, по мнению некоторых историков, с упадком торгово-рыночных отношений с середины XIУ в. как на Западе, так и в Китае). В этот период вершиной подъема экономики Европы была середина XIV в. Далее следуют исторические процессы, которые привели к ее упадку на большей части Европы. К этим негативным процессам можно отнести: черный мор, утрату

³² Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 77.

интереса христианского мира Европы к Крестовым походам; начавшийся упадок ярмарок в Шампани, лежавших на полпути между Средиземным и Северным морями; закрытие «монгольского» пути свободной для Венеции и Генуи торговли к востоку от Черного моря, вплоть до Индии и Китая. Вновь сделался реальностью исламский заслон, разрезавший эту торговую дорогу, вследствие которого христианские корабли оказались снова привязаны к традиционным левантийским гаваням в Сирии и Египте. После взятия Константинополя турками в 1453 г. (конец XV в.) ислам перерезал торговые связи Западной Европы с ее богатейшими городами с Востоком. Надо было искать выход, и западный капитализм нашел его, пойдя по пути колонизации, о чем речь пойдет особо в следующем разделе.

Космос средневекового города. Города-государства сформировались в определенной цивилизационной среде Западной Европы под влиянием специфического характера европейского феодализма, обусловившего появление частной собственности на землю и возникновение групп в населении, не зависимых от государственной власти. Возникает особый цивилизационный феномен – «космос средневекового города». Это вопрос достаточно широко освещен в исторической литературе, кроме того, его развернутая характеристика была дана в предыдущей нашей работе и поэтому нет необходимости к ней возвращаться вновь³³. Однако некоторые черты этого «космоса» все же следует осветить в плане его социальной структуры, культуры и просвещения.

В города был занесен дух общинного самоуправления (марки), поэтому там складывались те или иные нормы самоуправления. Хотя формы самоуправления были различными, в одном они совпадали, все горожане сумели добиться личного освобождения от феодальной зависимости. Если бежавший в город крестьянин жил в нем в течение определенного срока, он становился свободным и ни один сеньор не мог вернуть его в крепостное состояние. Средневековая пословица гласила «городской воздух делает человека свободным».

В городах складывается особое средневековое сословие бюргеров. Так называли сначала всех горожан (от немецкого слова *burg* – город или французского термина – *bourgeois* – буржуа, горожанин). Только впоследствии это название стало относиться к за-

³³ См.: *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации: Опыт метаисторического исследования. В 4 ч. М., 2001.

житочному слою населения городов. В социально-стративном отношении городское население включало в себя всех ремесленников, связанных цеховой организацией производства, а также торговцев, позже представителей денежного капитала – ростовщиков, менял, первых банкиров. Самоуправление в большинстве городов-государств предполагало существование выборного из своей среды городского совета и должностных лиц, собственного суда, военного ополчения, финансов и права самообложения.

Города были не только очагами развития промышленности и торговли, но и центрами просвещения. Города испытывали все большую потребность в грамотных людях, способных оформлять торговые сделки, работать в органах самоуправления и составлять исходившие от городов документы. Поэтому появляются многочисленные частные школы, не содержащиеся на средства Церкви. Рост средневековых городов сопровождался ростом высших светских школ и университетов. В XI – начале XIII вв., они появились в Италии – Болонская правовая школа, получившая статус университета, высшая медицинская школа в Салерно. В конце XII – начале XIII в. возник целый ряд университетов: Парижский и Монпелье (Франция); Кембриджский и Оксфордский (Англия), Саламанкский (Испания), Лиссабонский (Португалия) и др. Возникает светская культура³⁴.

Самоуправление городов вместе с развитием его экономического базиса, основу которого составляли цеховая промышленность, торговля и денежный капитал в сочетании с их ролью центров просвещения создали «космос средневекового города» (определение А. Тойнби). Очень точную характеристику значе-

³⁴ На смену романскому стилю во второй половине XII в. появился в искусстве новый стиль – готический, развитие которого связано с ростом религиозно-торговых городов. Оставаясь религиозным, искусство проникается реализмом, жизненностью и движением. С XIII в. Шартре, Париже, Амьене, Реймсе возникают соборы, украшенные многочисленными статуями и рельефами, с высокими башнями, стрельчатыми сводами и арками, громадными окнами с цветными стеклами. С началом развития городской культуры (XIII–XIV вв.) богословская и рыцарская литература уступает место реалистической, бытовой, насмешливо относящейся к рыцарям и монахам. Ее величайший представитель Чосер («Кентерберийские рассказы»), имя которого наряду с именем Виклефа, переводчика Библии и предшественника реформации – наиболее крупные имена XIV в.

В среде буржуазии развивающихся городов (особенно с середины XIII в. получают распространение пародии на феодальный эпос («Роман о Лисе»), бытовые юмористические рассказы. Возникает театр, возникший из церковных представлений (мистерий), принявший бытовые формы.

ния средневековых городов для формирования цивилизационных особенностей Западной Европы того времени дает Ф. Бродель. Он пишет: города Европы «существовали под знаком не знавшей себе равной свободы; они развивались как автономные миры... Они перехитрили государство, построенное на территориальном принципе: это государство будет складываться медленно и вырастет лишь при небескорыстной помощи городов и притом будет увеличенной и зачастую бесцветной копией их судеб».

7.3. Дефицит благородных металлов и обесценение монет, борьба за «denarius perpetus» («вечную монету»). Фунт стерлингов и флорин как первые «мировые» деньги Западной Европы³⁵

Интенсификация рыночных связей во втором многовековом цикле обусловила многообразные и противоречивые процессы в денежных отношениях западного общества. Забегая несколько вперед, отметим некоторые характерные их черты. Во-первых, противоречия между интенсивным развитием товарно-денежных отношений европейской экономики и нехваткой благородных металлов, необходимых для чеканки монет для их обслуживания. Во-вторых, явно выраженная тенденция ухудшения качества монет, чеканенных многочисленными королями и сеньорами, расчлененной по феодальным владениям Европы. В-третьих, борьба населения против власть предержащих за «denarius perpetus» («вечную монету»). И, наконец, появление первых устойчивых валют – фунта стерлингов и флорина, которые стали первыми мировыми деньгами христианского анклава планеты. Теперь подробнее о каждой из этих тенденций.

В рассматриваемый период развития мира-экономики Западной Европы денежное хозяйство проникает во все сферы экономической жизни. Не только в городах обмен совершается при посредстве денег, но и в поместьях – натуральные повинности и барщина превращаются в денежные платежи. Однако развитие хозяйственной жизни в этом направлении тормозилось недостаточным количеством благородных металлов. Недостаточность

³⁵ Этот раздел написан на основании работ крупных историков-денежников, отечественных и зарубежных. См.: *Кулишер И.М.* История экономического быта Западной Европы. В 4 т. Л., 1926; *Каннингэм У.* Рост английской промышленности и торговли. Ранний период и средние века / пер. с англ. М., 1882; *Эшли У.Д.* Экономическая история Англии в связи с экономической теорией / пер. с англ. М., 1897.

средств обращения подтверждается теми затруднениями, которые вызывал всякий крупный платеж. Например, история свидетельствует о судьбе одного из участников Третьего крестового похода (1189–1192) английского короля Ричарда Львиное сердце, который вместе с императором Фридрихом Барбароссой и французским королем Филиппом Августом приняли участие в походе против власти египетского султана Саладина для возвращения Иерусалима. Как отмечалось выше, поход был малоудачен и король попал в плен. Несмотря на то, что король отнял у населения десятую часть имущества на Крестовый поход, выкуп его из плена потребовал дополнительных и больших денежных средств в размере 150 тыс. марок серебра кельнского веса, что составило огромные трудности. Пришлось переплавить в монету церковную утварь, в особенности кубки. Ввиду недостатка в монете, издаются распоряжения о том, чтобы всякий принес третью часть вещей из золота и серебра на монетный двор для перечеканки их в монету, причем иногда эту монету население получало лишь по истечении известного времени. Происходил принудительный заем (во Франции в 1313 г., 1332 г. и др.). Ювелирам же запрещалось выделывать предметы свыше определенного веса или вообще их производство временно приостанавливалось.

Короли ввиду недостатка серебра неоднократно вынуждены были прибегать к товару-деньгам. В частности, к кожаным деньгам. Такие деньги выпускал Фридрих II в 1271 г., Иоанн Безземельный, французские короли Людовик IX и Иоанн Добрый в 1360 г., венецианские дожи. Более ранние виды денег (различные продукты, не металлы), хотя и встречались несравнимо реже, чем в предшествующий период, но все же не выходили из употребления. Хлеб смолотый составлял нередко платежное средство. Существовало выражение «Korngeld» в противоположность Pfenniggeld (монета). Монетный двор в Моравии еще в XIII в. платил королю за откуп монеты красным сукном. Другие товары фигурировали даже в области международной торговли в качестве денег: в итальянских источниках XII в. находим обещание погасить обязательства на 1/3 перцем, на 1/3 бразильским товаром и на 1/3 квасцами и ладаном, а при отсутствии последних – одним лишь перцем. Генуя еще в 1378 г., нуждаясь в значительных средствах на отправление посольства, объявляет, что она готова сделать заем в перце, обещая вернуть его в монете или в том же натуральном виде. Генрих I изобрел денежную систему, которая продержалась 726 лет и была отменена только в 1826 г.³⁶

³⁶ Эта система основывалась на введении в Англии денежных знаков в виде деревянных полированных реек с зарубками на одной из сторон, и эти зарубки обозначали номинал. Сама рейка расщеплялась вдоль, но так, чтобы

Недостатком монеты объясняются постоянные запрещения вывозить золото в слитках. За вывоз благородных металлов грозили смертной казнью, и эта угроза приводилась в исполнение, как видно из случаев четвертования знатных лондонских купцов за нарушение этого запрещения. Запрещалось вывозить не только монету, но и утварь или уплачивать ими по векселям без особого каждый раз разрешения короля. Такие запреты были в Англии в 1299, 1307, 1382, 1478 гг., во Франции – в 1304, 1309, 1322, в Арагонии в 1315, 1455 гг. и др. Недостатком монеты объяснялись и требования, чтобы приезжающие купцы приобретали на всю вырученную в данном месте сумму товары (в Венеции, в Англии). Запрещение вывозить слитки следовало и из других соображений. Короли желали извлечь доход из лицензий, выдаваемых на право вывоза монеты и слитков. Этим же путем они, наполняя свои сундуки, в действительности обходили свои собственные запрещения (в Англии Генрих VII). Или же эти запрещения имели целью предотвратить отлив из страны лучших монет, вывоз которых только и запрещался, как это было, например, во Франции в годы особенно сильной порчи монеты.

Еще более неблагоприятны для развития денежного хозяйства были другие обстоятельства: плохое качество монеты и чрезвычайная путаница в области денежного обращения. Счетной единицей долгое время был фунт серебра (ливр, лира), разделявшийся на 20 солидов (шиллингов) и 240 денариев (денье) или пфеннигов (пенсов). Причем по-прежнему только последние, денарии, действительно, чеканились и составляли орудие обращения. Однако ценность денариев понижалась все более и более. С одной стороны, в истории говорится о кельнских и регенсбургских денариях,

можно было сохранить зарубки, затем она пускалась в оборот. Другая половина рейки оставалась у короля и служила доказательством того, что это не подделка. На сегодняшний день в музее Банка Англии хранится такая денежная единица и соответствует 25 тыс. фунтов стерлингов. Мерные рейки воспринимались людьми как ценность, поскольку король приказал расплачиваться ими для уплаты государственного долга, что сразу же заставило дерево считаться более ценным, чем те деньги, которые выпускали первые банкиры.

По своей сути денежная система мерных реек – одна из первых систем, проработавших длительное время. Когда в XV в. король Генрих VIII немного ослабил законы, менялы возобновили свою деятельность и стали вновь влиятельной силой в экономике. Все начало меняться с приходом на трон королевы Марии, которая ужесточила ростовщичество. С приходом Елизаветы I ситуация изменилась коренным образом. Первым ее решением стала чеканка монет прямо в Королевском казначействе.

содержащих 1,3 грамма серебра, а также английских стерлингах, сохранивших в течение долгого времени тот же вес и содержание (благодаря чему они широко распространились в Германии и Франции). А в то же время фламандские, голландские, любекские, трирские и другие денарии составляли не более 1/8 кельнского денария. Эти денарии уже ничего общего с фунтом стерлингов не имели: 240 денариев представляли собой не фунт серебра. Поэтому, когда появлялась лучшая монета, то ее немедленно скупали и переплавляли, так что в обращении оставалась только худшая. Не случайно в некоторых землях Германии монеты стали выпускать в виде совершенно тонких пластинок, чеканенных лишь с одной стороны, ибо тонкость не позволяла двухсторонней чеканки. Низкая ценность денариев делала перевозку их крайне затруднительной: она требовала много вьючных животных.

Постоянное падение ценности монеты, вследствие сокращения содержания количества благородного металла являлось следствием крайнего несовершенства техники в области чеканки монеты: последняя производилась при помощи молота и получала посредством щипцов форму диска. Монета при таких условиях не выходила вполне круглой и штемпель не покрывал всей монеты, а по краям отсутствовал. Поэтому монеты одного и того же достоинства при выпуске получались весьма разнообразными, различаясь друг от друга (денарии) на 40% и более. Они легко изнашивались и еще легче обрезались. Отдельные куски, выступавшие по краям, как бы прямо вызывали на это. Но дело шло и дальше — щипцами обрезались куски монеты. Чем дольше обращалась монета, тем больше она изнашивалась и обрезалась: последняя операция иногда производилась тут же при выпуске. Из этого владельческие лица, имеющие право чеканки монет, сделали вывод, важный для пополнения их казны. Он указывал на путь обогащения: позже выпущенную монету для того, чтобы она по своему содержанию равнялась ранее чеканенной, можно было делать менее полновесной и, таким образом, присвоить себе всю ту выгоду, которую извлекали бы другие при обрезании монеты. Поэтому к концу года сеньоры чеканили монету с меньшим содержанием серебра, чем в начале года. В Брауншвейге в XIV в., например, чеканились из марки серебра в середине года 29 шиллингов, следующие же месяцы 31, 33 и даже 35.

Этой операцией, однако, не ограничивалась порча монеты в фискальных интересах. По Саксонскому и Швабскому зеркалам следовало бы чеканить новые пфенниги только, «wenn peue

Herren kommen», т.е. при вступлении на престол нового государя. На самом деле феодалы выпускали ежегодно, два раза или три—четыре раза в год (для каждой ярмарки) новую монету «более облегченного веса», которую население обязано было выменивать, возвращая в казну старую монету. При этом оно получало обыкновенно за 16 старых денариев 12 новых того же достоинства, следовательно, несло ежегодно убыток в 25%. К этому средству прибегали и французские короли, в особенности Филипп Красивый, получивший название фальшивомонетчика, почему Данте помещает его в ад; и Иоанн, в течение 14 лет изменивший 86 раз ценность серебряной монеты. К этим действиям прибегали и испанские монахи, и немецкие курфюрсты, и города, занимаясь непрерывной порчей монеты. Частных лиц, виновных в этом, подвергали смертной казни, утверждая, что фальшивомонетчики «привыкли» быть сваренными в кипящей воде, или заливали им горло расплавленным металлом. И в то же время короли считали себя вправе повышать или понижать ценность монеты по своему усмотрению: именно повышать, когда ожидалось крупные поступления, и понижать, когда предстояли значительные расходы, «когда это требуют его дела», — таков был принцип финансовой политики. Французские короли то изобретение дьявола, которое именуется деньгами, всегда вызывающее особенно много злоупотреблений, применительно к своей деятельности не считали таким, а рассматривали в качестве законного источника доходов. Обыкновенно последовательно уменьшалось в монете содержание благородного металла. Когда же понижение последней достигало значительных размеров и в населении возникало возмущение, тогда король, как бы идя навстречу жалобам населения, восстанавливал прежнюю ценность монеты, производя крупное повышение. Это вызывало сильную пертурбацию во всех расчетах, королю же давало возможность вновь начать понижение ценности монеты, т.е. начать историю с начала.

В течение всего средневекового периода идет борьба населения за «denarius perpetuus», за вечную монету, которая не изменялась бы по несколько раз в год. Говорили, что такие перемены пагубнее чумы и разгрома страны врагами и называли князей грабителями: non duces, sed fures. В некоторых случаях требования о неизменности монеты удалось осуществить. Например, Аугсбург и Фрейбург добились того, что монета менялась лишь один раз в четыре года. Но это происходило не безвозмездно. Теряя выгоду, извлекаемую из порчи монеты, король выговаривал взамен в свою

пользу либо новую подать на обращение (иногда подать альтернативного свойства: или уплачивать в новой монете, или же в старой, но с приплатой особого сбора), либо ежегодную подать с движимого имущества, либо налог поочажный, превратный, питейный. Последний, в особенности, давал несравнимо больше, чем монетный доход. Однако введение вечной монеты составляло явление сравнительно редкое. Большей частью понижение монеты в ценности производилось и впоследствии до конца XIV – начала XV вв., вызывая нередко внезапное повышение цен, бунты и мятежи. Французский король (и дофин) в годы народных волнений (1355–1358) вынужден был отказаться от дальнейших изменений в ценности монеты или, во всяком случае, давал обещание не производить их без согласия генеральных штатов. Когда же волнения прекратились, он возобновил свои прежние операции, хотя и ссылаясь в своих ордонансах на крайнюю необходимость, на огромные расходы, вызываемые войнами, и на то, что эти меры в области чеканки произведены «после продолжительных и зрелых размышлений» и после совещаний с опытными лицами. Неудивительно, что при таких условиях внутренняя стоимость монеты понижалась чуть ли не ежегодно. Кельнские денарии, лучшая монета XIII в., с 1280 по 1380 г. ухудшалась ежегодно на 2,8%; в Англии из фунта серебра в 1344 г. чеканились 20 шиллингов, а в 1464 г. – 34 шиллинга. Во Франции в XVI в. ливр представлял не более 1/30 своего первоначального веса.

Таким образом, в сущности говоря, в то время всякая монета была неполновесной, так как между ее номинальной стоимостью и действительным содержанием металла было огромное расстояние. Речь идет не только о серебряной монете, но и о медной (при императоре Генрихе IV на некоторых монетных дворах чеканились почти медные пфенниги, такая же монета имелась и во Франции в конце XV в.). Монетная регалия давала большой доход не только вследствие дороговизны (4–6%) чеканки, расходы которой несло население, но и вследствие той прибыли, которую извлекали государи, чеканя нередко 18 ливров из слитка, купленного за 4 ливра. И это проделывали не только императоры и короли, французские или английские, но и все многочисленные феодалы и бароны, прелаты и города, чеканившие валюту. Во Франции в XIII в. этим правом пользовались более 80 феодалов – в начале XIV в. уже всего 30; в Германии в конце XIV в. было около 600 монетных дворов. Отсюда многочисленность форм монет, выпус-

каемых из различных монетных дворов и из одного и того же монетного двора в разное время с постоянным изменением чекана, который изменялся чуть ли не 3 раза в год.

Это вызвало крайнюю путаницу в средствах обращения, так как на одном и том же рынке обращались монеты самого разного сорта, качества и достоинства. Правда, государи признавали единственной валютой выпускаемую ими (и при том последнюю выпущенную) монету, и «пфенниг являлся деньгами только в том месте, где был чеканен», а рейнские курфюрсты даже неоднократно запрещали у себя обращение чеканенной императором монеты. В других странах (Франция, Англия, Испания) обращение различных иностранных валют допускалось, но при том условии, чтобы они принимались по их внутренней ценности, ибо короли не желали принимать во внимание доход, выручаемый другими сеньорами из монетной регалии. Но в действительности монеты оказывались международными и принимались, конечно, по ценности, превышающей ценность содержащегося в них благородного металла. Во Франции, например, в XIII и XIV вв. обращались рядом с королевскими и сеньоральными монетами также арабские, сицилийские, византийские, флорентийские, на юге – миланские фунты и венецианские дукаты, в Шампани – испанские реалы, бургундские и английские нобили и нидерландские кроны. В Бордо вместо семнадцати ливров можно было уплатить либо три золотых экю, либо два рейнских гульдена, или пять арагонских, или три итальянских. Любские и кельнские монеты, английские стерлинги в XIII в. и французские турнозы в XIV в. обращались повсюду. Денежное обращение, включающее эти разнообразные формы монет, было стихийным и не отвечающим интересам отдельных земель.

Только монетные союзы – соглашения между феодалами или городами относительно одинаковой монетной единицы – способны были внести некоторый порядок в монетное обращение. Так, союз рейнских курфюрстов и городов, в котором участвовало 11 князей и 74 города, сделал рейнский гульден типичной золотой монетой и установил определенный курс других местных и иностранных монет. Еще раньше существовало соглашение между городами Баденского озера. Впрочем, даже *Rappenmunzbund*, к которому принадлежали многие города западной Германии в XV в., не мог предотвратить уменьшение содержания монеты на $1/3$ в течение 75 лет вследствие низкой техники чеканки, обре-

зания монеты и изнашивания. Во Франции, королевская власть также пыталась навести порядок в монетном обращении не путем выкупа права чеканки у различных феодалов, а предписанием другим сеньорам определенной пробы при чеканке монеты. Характерно, что во многих странах с конца XIII в. на монетных дворах сеньоров имелись королевские надсмотрщики для контроля за выполнением предписаний короля.

Кроме того, купцы в свою очередь прибегали к различным средствам для устранения той неопределенности и неустойчивости в монете. С одной стороны, вместо монеты они пользовались по-прежнему драгоценными металлами, в особенности серебром в слитках, т.е. более примитивным средством, взвешивая слитки. Феодалы боролись с этим, устанавливая для монетных дворов монополию покупки серебра, так как замена монеты слитками грозила им потерей дохода от чеканки монеты. Обходя этот запрет, купцы прибегали к взвешиванию самой монеты, что также запрещалось.

На фоне выявленных противоречивых тенденций в организации денежных отношений континентальной Европы выделяются монетарные системы двух полюсов ее мира-экономики – Северного и Южного, что привело к появлению двух монет – фунта стерлингов и флорина, которые можно назвать первыми мировыми деньгами Западной Европы, поскольку они на многие столетия стали образцом, по которым чеканились монеты многих государств и княжеств континентальной Европы.

Биография *фунта стерлингов*, в отличие от многих монет Европейских государств, связана с тем, что его чеканка была прерогативой короля Англии еще с X в. Во второй половине XI в. (после завоевания Англии норманнами и ее вовлечения в международный торговый оборот, произошел быстрый рост торговых городов и купечества, которые требовали устойчивой монеты. В этих условиях роль централизованной власти в организации монетарной системы возрастает. Для того чтобы сохранить фунт стерлингов в качестве такой устойчивой монеты, требовалось немало усилий со стороны властей.

Короли отстаивали свое право чеканки монеты не только против отдельных баронов, но и против парламента. Чеканить первые Британские фунты стерлингов начали с 1066 г., первые монеты были серебряными и назывались стерлингами. Однако фунт стерлингов стал валютой Англии только в 1158 г. при правлении Генри II.

Версий о происхождении названия «sterling» несколько, но наиболее убедительной является та, которая видит его связь с деньгами Римской империи. Известно, что фунт – это не только название валюты, но и мера веса. Фунт был основной мерой веса в Римской империи и назывался «libra» – весы, взвешивать»³⁷. Слово «sterling» переводится как «звездочка», так как на первых серебряных монетах Англии изображались знаки, напоминающие звезды. Есть и другие варианты: «sterling» переводится как плотный, сильный – королю Генриху II понравилось, что монеты, которые чеканились в северной Германии, имели особенный твердый сплав серебра, и именно он использовался при чеканке первых монет Англии. Один фунт стерлингов включал в себя 12 шиллингов (шиллинг – от лат. «solidus», обозначается буквой «s»), каждый из которых состоял из 20 пенсов (пенс – «denarius», также римская монета, содержала себе 2 форинта). Один фунт стерлингов равнялся 240 пенсам или же 480 форинтам.

Развитие торговли в городах, особенно в торговых, вызывало потребность в стерлингах. И поэтому монетчики каждого города работали прежде всего для удовлетворения потребностей торговцев данной местности. Но при такой рассредоточенности чеканки монет крайне трудно удержать количество и вес монеты на определенном уровне. Поэтому был издан ордонанс, которым под страхом смертной казни запрещалось чеканить монету где-либо помимо городов. Кроме того, сами короли Англии (до царствования Генриха VIII), к их чести, заботились о сохранении полноценности стерлинга и не были повинны в порче монеты, представляли в этом отношении поразительный контраст со своими французскими соседями. Усилия государей и их министров неизменно были направлены на обеспечение страны неиспорченной монетой. Но высокому монетарному статусу стерлинга опасность грозила с двух сторон. С одной стороны, монетные мастера могли ускользнуть от бдительности местных властей и начать чеканку монеты из металла низкого качества. С другой стороны, они могли обрезать монету при передаче из рук в руки. С первым злом боролись и уничтожали его при помощи крайне безжалостных и жестоких наказаний, которым подвергали фальшивомонетчиков. По закону

³⁷ Фунт был принят за единицу потому, что он был серебряным эквивалентом стоимости человека. Цена раба была равна одному фунту, раба же, привезенного из-за моря – полутора фунтам.

«Мы имеем фунт, разделенный на двенадцать унций в двадцать денариев, двадцать шиллингов в двенадцать пенсов каждый, сорок восемь шиллингов в пять пенсов каждый, шестнадцать унций в шестнадцать пенсов, содержащих тридцать пшеничных зерен».

Этельстана, им отрубали руки, которые выставляли затем в монетных мастерских или казнили смертью. Генрих I прибег к старинному наказанию — лишению конечностей, и в 1125 г. в порыве мстительного правосудия подверг этому наказанию всех монетчиков Англии. Из летописей видно, что поступок Генриха I встречен был народом с признательностью. В общем правительство добилось здесь успеха.

Опасность второго рода была значительно больше, и ее удалось достигнуть только лишь отчасти. Обрезание монеты практиковалось в столь больших размерах, что часто оказывалось необходимым запрещать употребление старой монеты и выпускать новую, как это было в Англии в 1180 и 1248 гг. Генрих пытался уменьшить зло, издав указ, чтобы все живущие в городах, обещали под присягой не портить монеты, а министры короля Иоанна издали с этой целью в 1205 г. прокламацию, воспрещающую кому бы то ни было держать у себя обрезанную монету под угрозой конфискации. В следующем году была издана ассиза, которой устанавливался предел $1/8$ дозволенной недостачи веса и предписывалось при помощи следственного жюри отыскивать виновного в обрезывании монеты. Но положить конец этому мошенничеству оказалось совершенно невозможным, пока процесс чеканки был так груб, каким он оставался до XVII столетия.

Получить монету вполне круглой формы не удавалось до тех пор, пока штемпелевка при помощи молотка не была заменена чеканкой машинной. Монеты выходили из рук мастера и несколько отличались одна от другой по размерам, что делало их обрезывание очень удобным. Важнее всего было поэтому достигнуть, насколько возможно, однообразной формы монеты. С этой целью в 1208 г. всем монетным мастерам, пробирщикам и хранителям чеканов из Лондона и других 15 городов Англии было приказано собраться в Уинчестере со старыми штемпелями, которые у них отобрали. Вместо старых им роздали новые штемпеля, сделанные по новому образцу, — мера, которая потом часто повторялась. Это средство ускорило подвигавшуюся до тех пор весьма медленно тенденцию к установлению одинакового типа или образца монеты. Уже в царствование Генриха II количество типов монет уменьшилось до двух и, наконец, при Эдуарде I был установлен лишь один тип. В 1248 г. впервые упоминается о публичном испытании качества выпущенной монеты, первое же правильное «испытание сундука», т.е. освидетельствование только что вычеканенной на монетных дворах Лондона и Кентербери монеты, произведено было в 1281 г. или 1282 г.

Кроме того, происходило постепенное подчинение местных монетных дворов центральной власти и уменьшение их числа. Встал вопрос о создании единообразия в стерлингах, чеканившихся разными монетными дворами. Так появилась укрупненная английская серебряная монета, которая начала чеканиться после 1279 г., когда чеканка была поручена приглашенному из Франции мастеру. Искусный монетчик из Марселя стал начальником монетного двора с правом чеканить монету в Лондоне и еще в трех городах. Ему было поручено отчеканить «большие стерлинги». Эта четырехпенсовая монета получила название «грот». При Эдуарде III пенни чеканились только в Лондоне, Йорке и Дергеме и, может быть, еще в Кентербери, золотая же монета — исключительно в одном Лондоне.

Металл, из которого делались английские пенни, был почти везде хорошего качества, но в весе монеты различались. Неудобства, причиняемые практикой обрезывания монеты, были также в значительной мере устранены тем, что крупные платежи проводились весом, а не счетом.

Таким образом Англия была снабжена внутри страны удовлетворительной монетой, но угроза ее денежному обращению исходила из поддельной монеты, чеканившейся за границей. Ввоз монеты низкого качества, подобно обрезыванию, был злом, от которого последняя страдала длительное время на протяжении веков. Правительство боролось с ними жесткими мерами: когда преступник попадался, его постигали лишение жизни и конфискация имущества. Так как опасность была велика, была создана специальная организация для борьбы с фальшивой монетой.

Статусом *De Falsa Moneta* в 1299 г. предписывалось всем коммунальщикам выбрать двух приставов для того, чтобы запрещение ввозить фальшивую монету соблюдалось фактически. Всех, уличенных приставом в привозе в Англию фальшивой монеты, отправляли в тюрьму графства. Купцы, имевшие с собой по приезде в Англию монету, какова бы последняя не была, обязаны были предъявить ее приставам. Если при освидетельствовании монета оказывалась настоящими «стерлингами», возвращали обратно владельцу. Причем было безразлично место чеканки монет: были ли они английского происхождения или нет. Однако вся монета, «обращавшаяся в пределах юрисдикции короля Франции», вычеканенная из металла более низкого качества, задерживалась и ее стоимость выдавалась купцам английской монетой.

Позднейшим статусом совершенно запрещалось обращение в стране какой-либо иной монеты, кроме выпущенной по повелению короля Англии, Ирландии и Шотландии. В разменных конторах, учрежденных в Дувре и других портах, у купцов отбирали все серебро, которое они имели в слитках, серебряной посуде или серебряной монете, им выдавалась английская монета, которую они и употребляли в торговле. Запреты на ввоз иностранной монеты совмещались с указами на вывоз английской монеты. Перед выездом за границу англичане должны были предъявлять свои деньги в королевскую разменную контору в том порте, где садились на корабль, и здесь получали эквивалентную сумму в иностранной валюте. Запрещение не ограничивалось вывозом монеты, но относилось и к серебру в посуде и во всяком ином виде. Эдуард III в 1335 г., имея в виду новую чеканку монеты, распространил этот запрет и на золотые сосуды.

Все эти запрещения, на первый взгляд, чрезвычайно походили на меры, предпринимаемые правительством в XVI в., когда правительственная политика была направлена на накопление в стране драгоценных металлов (политика меркантилизма). Но это не совсем так. В своей основе во всем законодательстве XIII и XIV вв. негде найти следов стремления увеличить сумму золота или серебра в стране, так как исключительным мотивом правительственной политики этого периода было держать в Англии монету, созданную с таким трудом.

Если в последующие столетия фунт стерлингов открыл дорогу ко многим европейским денежным системам, основанным на серебре, то среднеземноморские республики, разбогатевшие на Крестовых походах, открыли *золотую эру*. Более того, они даже заставили фунт стерлингов через пять столетий облечься в золотое одеяние.

Появление денежных систем, основанных на золоте, было обусловлено наступлением католического Запада на мусульманский Восток, нашедшим свое отражение в Крестовых походах и приведшим к процветанию республик Средиземноморья. Но появлению таких систем предшествовало появление крупной серебряной монеты. Потребность в более крупной серебряной монете заставила итальянские города Верону, Венецию, Флоренцию уже с конца XII в. чеканить солиды (шиллинги). Солиды стали монетой в 12 денариев (позже в 24–26 денариев). За Италией последовала Франция (Людовик IX), затем чешский король. Вскоре чеканка

распространилась по австрийским территориям; вызвала в течение XIV в. подражание в других местностях в Германии, в Нидерландах. В Англии, куда Эдуард I привлек флорентийцев с начала XIV в., появились грошены в 4 пенса и полугрошены в 2 пенса, а с конца XV в. серебряные шиллинги в 12 пенсов. Таким образом в XIII–XIV вв. появилась крупная серебряная монета, которая повсюду, не только по названию, но и по характеру, являлась однородной, чеканенной по образцу итальянской.

Между тем, в основанных на Востоке крестоносцами государствах чеканилась золотая монета с арабскими надписями (нередко с магометанскими изречениями). Они сначала стали использоваться для крупных платежей европейцами. В Южной Италии вплоть до XIII в. чеканка обнаруживает сочетание византийского и арабского влияния как в изображениях, так в надписях на монетах, что явилось стимулом разбогатевших республик к чеканке собственной золотой монеты. Появлением золотой монеты Нового времени принято считать 1252 г., когда во Флоренции была начата чеканка *флорина*, содержащего около 3,3 грамма золота. (Эта монета отражала название города). Итальянские города, в особенности Венеция, Генуя, стали позднее чеканить золотую монету в 3,5 грамма чистого золота. Она должна была соответствовать фунту (лире), содержать 20 солидов и 240 денариев. С половины XIII в. флорентийская монета называлась «дукат», поскольку имела изображение дожа. На венецианских дукатах был изображен с одной стороны спаситель, а с другой стороны – дож со знаменем св. Марка, патрона Венеции: Надпись гласила: *sit tibi christen datus quern Regis iste ducatus*. Иногда эти дукаты назывались также цехинами (*zecchino*) от слова «*la zessa*» – монетный двор. Потом золотые монеты чеканятся во Франции (на них изображен король со щитом). С XIV в. они чеканятся в Богемии и Венгрии (венгерские дукаты), т.е. там, где только и добывалось золото, причем снова призываются итальянцы. Позже их чеканят и императоры (Людовик Баварский) и предоставляют всем курфюрстам право чеканки золотых монет (золотая булла) по образцу флорентийского гульдена. Они чеканятся, наконец, во Фландрии и Голландии, в Испании, в Англии (с половины XIV в. флорины чеканятся достоинством в 6 шиллингов, с конца XV в. – в 20 шиллингов). Соответствие с флорентийской монетой действительно долгое время сохранялось. Установилась одинаковая система. Широко распространены были итальянские, венгерские

и рейнские гульдены, и до конца XV в. в Германии гульден, иногда его называли реалом, сохранял свою ценность. Впрочем, почти столько же ценен был и французский ливр. История денежного обращения Западной Европы свидетельствует о международном характере золотых монет, рожденных торговыми республиками Средиземноморья. С половины XIV в. особое значение приобретают флорентийские гульдены французского и нидерландского чекана, а на юго-востоке венецианские и венгерские. Да и неудивительно: чекан других монет изменялся два-три и более раз в год, а венецианские дукаты не изменяли заимствованного из Византии чекана со времени Четвертого крестового похода в течение пятисот лет. Сама чеканка монет производилась нередко по образцу этих наиболее ходячих монет. Найдено, например, 85 различных подражаний стерлингу и почти столько же подражаний флорину. Даже папа римский чеканил монету по образцу последнего. В особенности же мелкие феодалы с поразительной точностью копировали чекан наиболее распространенных монет: кельнских пфеннигов – на всем Рейне, в Вестфалии и Нидерландах, магдебургских – в восточной Германии и Польше. Фламандские «botdrager» в XIV в. чеканились 24 баронами. Это приводило к установлению на практике однообразных систем, но и оно было соединено со стремлением к извлечению дохода на монеты и поэтому не предотвращало порчи ее. Чеканя гульдены по образцу флорентийских (иногда это было даже предписано городам) или турнозов, государи старались их делать по возможности менее полноценными, сокращали содержание в них золота.

По мнению Шоу, история денежных систем в современных европейских государствах начинается лишь с XIII в., когда стали чеканить золотую монету. Эта золотая монета, в особенности в XIV и XV вв., играла значительную роль в обмене, в платежах при покупке больших ценностей и оплате по долгам. Выдача приданного часто производилась золотом, как во Франции и в Германии, преимущественно на Рейне, так и в особенности в Италии, где золото стало единственным платежным средством для крупных сделок.

7.4. У истоков коммерческих кредитных отношений европейского мира-экономики

Средиземноморские республики, разбогатевшие на торговле с мусульманским миром, стали пионерами в развитии кредитных отношений, обслуживающих именно рыночные связи. История

говорит о том, с конца XII – начала XIII вв. (тем более в XIV в.) Венеция располагала всеми денежно-кредитными инструментами, необходимыми для обслуживания рыночных связей. Речь идет не только об организации собственно торгового оборота, т.е. рынков, лавок, складов, ярмарок и металлического денежного обращения, связанного с Монетным двором, включая появление банков и банкиров.

Хаотическое состояние денежного обращения, многочисленность обращающихся на одном же рынке видов монеты, постоянная замена одних монет другими, плохая чеканка их, широкое распространение фальшивой монеты – все это вместе, в связи с требованием, чтобы платежи производились именно в данной монете, вызывало существование особого промысла – менял (*cambiatores*, от лат. *cambium* – мена) или банкиров (*bancherii*, *tabularii*, от *banco* или *tabula* – стол, на котором лежали мешки с монетами). Они занимались разменом монеты или покупкой монеты, как говорили в те времена, промыслом, столь же сложным и трудным, как и доходный. Ибо меняла должен был обладать сведениями о том, сколько долей чистого серебра или золота содержала в себе всякая монета, которая ему вручалась. Он узнавал это посредством взвешивания или просто на глаз, на основании продолжительной практики. Он должен был знать, сколько монет всякого другого рода равняется по стоимости монете того рода, которая разменивается в каждом отдельном случае.

По арабским источникам, менялы встречаются уже в X в. в Палермо, в 1111 г. менялы г. Луки дают клятву на будущее время воздержаться от обманов, воровства и фальсификации, и клятву эту приказали вырезать на мраморном камне, поставленном в притворе собора. В течение XII в. менялы, объединенные в корпорации, встречаются повсюду в итальянских городах (Генуе, Венеции, Болонье), где они в церкви или на площадях перед церковью устраивают свои столы и лари. А затем мы их находим и в других городах и странах как Востока, так и Запада почти исключительно в лице тех же итальянцев. В Монпелье церковь называлась *Ecclesia beate Marie de Tabulis*, ибо здесь находились «*tabuli*» итальянцев. Даже поскольку размен монеты считался правительственной регалией, как это было, например, в Англии, последняя отдавалась на откуп тем же итальянцам.

Теми же обстоятельствами – условиями денежного обращения – вызывалась другая денежная операция, производимая менялами или банкирами рядом с разменом монеты. Мы имеем в

виду перевод денег по книгам, с целью избежания уплаты наличными. Когда один из клиентов должен был уплатить другому, то это делалось посредством переписания сумм в торговых книгах со страницы платящего на страницу получающего.

Внешнеторговые операции с привлечением звонкой монеты и кредитных операций способствовали развитию сложной системы денежных отношений, которыми были пронизаны все города Средиземноморья. В этот период наряду с ростовщичеством, которое производилось (например, в Венеции) еврейскими ростовщиками, ссужавшими деньги простому народу, а при случае и самим патрициям, появляется *коммерческая ссуда*. Это был необходимый инструмент торговли. Ставка его, хоть и высокая, была ниже ростовщической, так как она находилась на уровне процента на денежные ссуды, практиковавшегося банкирами. В исторической литературе есть зарисовки деловой жизни финансистов Венеции. Они воспроизводят примерно следующую картину. Каждое утро на Риальто – площади Венеции... происходило сборище венецианских и иноземных крупных купцов, приехавших с Terra Ferma, из Италии или из-за Альп. Банкир был главным лицом с пером и записной книжкой в руках. Он записывал переводы со счетов на счет. Запись была способом оплачивать сделки между купцами посредством перевода со счета на счет, не прибегая к монете и не дожидаясь отдаленной расплаты на ярмарках. Письменные бланки даже позволяли определенным клиентам превышать свой счет: они создавали своего рода векселя. Эти «биржевые саммиты» сначала устанавливали цены товаров, а впоследствии и курсы государственных займов Синьории, финансировали ставки морского страхования.

На самых первых этапах становления денежной экономики Западной цивилизации развиваются кредитные формы обращения и «бухгалтерских» денег, обслуживающие перевод средств с одного банковского счета на другой. Их появление обусловлено противоречием между потребностью в платежных средствах и несовершенством денежного механизма, связанного с обращением металлических денег. Это «несовершенство» восполнял кредит в форме *вексельного обращения*. Во всей совокупности его орудий он всегда связан с обменом двух поставок, разделенных во времени, в отличие от монетарной формы денег, предполагающих одновременное движение их и товаров. Вексель может быть передан векселедержателем другому лицу посредством передаточной надписи (индосамената). Всякий векселедержатель может распла-

таться за покупаемые им товары не посредством денег, а посредством чужого векселя. В этом случае торговые сделки совершаются без помощи денег, последние замещаются векселями, переходящими из рук в руки.

Распространение вексельного обращения в начале XIV в. было связано с изменением структуры крупной торговли: присутствие самого торговца при продаже товара становится редким. Товары путешествовали сами по себе, а письменные документы, издавна регулировавшие их передвижение между Италией и Нидерландами, двумя «полюсами» европейской экономики Запады, вводят в экономический оборот *переводной вексель* как средство платежа на дальние расстояния. (Вексель во время Крестовых походов получил распространение вдоль всего Средиземного моря.) Наличие кредитных и бумажных платежных средств и производных от них вторичных ликвидных форм, в частности векселей, чрезвычайно усложнило денежную экономику, но было порождено внутренними потребностями экономической интеграции. «Если вексель, давно известный в странах победоносного ислама IX–X вв., родился на Западе в XII в., то это потому, что деньги тогда должны были перемещаться на огромные расстояния, через все Средиземноморье и от итальянских городов до ярмарок Шампани. Если ордер с обязательной оплатой, перевод векселя, биржи, банки, дисконт появились впоследствии один за другим, так это оттого, что система ярмарок с платежами, отсроченными на определенное время, не обладала ни гибкостью, ни частотой, необходимыми для ускорявшей свое движение экономики»³⁸. Первый известный перевод векселя в Европе относится к 1410 г.³⁹ В дальнейшем вексель не будет ограничиваться простым «переездом» из одного места в другое, как при первоначальном его использовании. Купцы и негоданты станут его пересылать с места на место, с ярмарки на ярмарку.

* * *

Бурное развитие рыночных связей и денежных отношений нанесло серьезный удар Святому Престолу и его установлениям их регулирования в соответствии с нормами христианской этики и, более того, именно «золотой телец» лишил его не только духовной, но и светской власти.

³⁸ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 508.

³⁹ В 1910 г. Гаагская конференция выработала проект международного единого вексельного права, в основу которого был положен германский вексельный устав.

7.5. Начало падения папства под натиском «золотого тельца»

...То изобретение дьявола, которое именуется деньгами, всегда вызывало особенно много злоупотреблений, которые к тому же не считались таковыми, а рассматривались в качестве законного источника доходов.

Данте

Вся Западная цивилизация в религиозно-духовном отношении возникла в ауре Святого Престола. Именно Римская Церковь придала растерзанной внешними и внутренними противоречиями Западной Европе духовное единство, придав «ясный смысл скрытым надеждам христианства и превратило мечтания ищущих людей в сознательное дело, вдохновляемое и поддерживаемое высшими ценностями и духовной властью»⁴⁰. В целом, говоря о значении Римской курии в жизни Западной Европы можно полностью согласиться с такой его характеристикой, даваемой А. Аверинцевым: «Папство сблизило народы Запада в одного громадного целое, дало Европе определенное мирозерцание, явившееся великой объединяющей силой; оно воспитало, умственно и нравственно, средневековое общество. Папа держал в руках варваров-королей и варварские народы, вносил дух законности и призывал к идеалу христианской нравственности»⁴¹. Но эта высокая миссия папства продолжалась лишь до ее решительной победы. Поднявшись на недосыгаемую высоту, папство не могло долго удержаться на ней; уже в XIV в. начинается его падение»⁴².

Но затем это положение коренным образом изменилось. «Римская курия, — подчеркивал Тойнби, — некогда шедшая во главе нравственного и интеллектуального прогресса, бывшая оплотом не только для монастырей, но и для университетов, оказалась в тисках духовного консерватизма. Сама власть ее становилась все более мирской. Падение папства во всех аспектах его деятельности можно объяснить принесением в жертву духа во имя меча

⁴⁰ Тойнби А. Указ. соч. С. 269–270.

⁴¹ В распространении христианской нравственности большую роль играли монашеские нищенствующие ордена, члены которых не могли иметь личной собственности и жили собиранием милостыни. Эти ордена впервые появились в Италии, учредителями их были монахи Франциск Ассизский и Доминик, признанные католической церковью святыми.

⁴² Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 300.

земного»⁴³. «Золотой телец» проник в лоно католицизма очень рано, как и многие нравственные черты, которые отвергались апостольским христианством – гордость, властолюбие. К этому надо добавить борьбу между Церковью с ее космополитическими устремлениями и утверждениями, что она выше государства, и складывающимися национальными государствами, где далеко не последнюю роль играли деньги.

Видимый упадок папской власти датируется началом XIV в., когда папа Бонифаций VIII вызвал на суд и объявил изменником Альбрехта Габсбургского, принявшего корону без утверждения папы. Однако ему был нанесен жестокий удар французским королем Филиппом IV. Точку опоры для противодействия папской власти Филипп нашел в национальном сознании страны и провозгласил королевскую власть независимой от папства⁴⁴. Непосредственным поводом к разрыву был вопрос о налогах: король не хотел, чтобы деньги из страны шли в папскую казну, а папа не желал, чтобы духовенство платило королю. Причем та и другая сторона обосновывали свои взгляды со ссылками на тексты Священного Писания. Оппозиция против католической Церкви приняла характер политической, национальной и социальной борьбы. Вскоре после Франции освободилась Германия, затем Англия, где папа до того осудил Великую Хартию Вольностей и освободил короля от присяги на верность ей. Италия также восстала против папской власти, а съезд гибеллинов (политической партии в Италии в XII–XV вв. – сторонников императора) вообще объявил папу еретиком⁴⁵.

Затем папы вынуждены будут покинуть Рим, укрываясь от самовластия римской аристократии, и обосноваться во Франции под покровительством французских королей. Их резиденцией становится Авиньон – город на левом берегу Роны во Франции. Папство попадает почти в полную зависимость от французских королей и,

⁴³ Тойнби А. Указ. соч. С. 272.

⁴⁴ Генеральные штаты – сословное представительное учреждение Франции XIV–XIV вв., состоящее из депутатов от духовенства, дворянства, городов (третье сословие) и заседавшее пословно. Впервые были созваны в 1302 г., в разгар борьбы королевской власти за независимость от римского папы в светских делах.

⁴⁵ Гиббеллины – это партия, объединявшая в основном аристократические круги Италии в отличие от гвельфов, политической партии, объединившей в основном торгово-ремесленные слои населения, главой которой был римский папа.

лишенный деятельной энергии, живет в изнеженности и роскоши более 70 лет. Затем наступает время Великого раскола еще в рамках самого Священного Престола. Более полувека существовали параллельно друг другу римские папы, авиньонские папы, а также папы, избранные для прекращения Великого раскола. В XV–XVI вв. папы сделались настоящими светскими государями и использовали религию как средство политического давления. На папском престоле в XV в. сидят воины, политики, меценаты, поглощенные политическими интригами и светскими интересами, занимавшиеся делами церкви как надежными источниками доходов. Не случайно Тойнби из истории папства делает следующий вывод:

«Самым знаменитым примером катастрофических последствий победы в духовной сфере была одна глава в длинной и до сих пор не оконченной истории папства. В этот период, начавшийся в 1064 г. и закончившийся в 1870 г., папская власть дважды отступала перед мирским сувереном. В 1064 г. император Генрих III сместил последовательно трех пап, пока не посадил своего; в 1870 г. войска короля Виктора-Эммануила лишили папства его последних владений за пределами Ватикана. Таким образом, за восемь столетий колесо судьбы совершило полный оборот, сначала возвысив папство из глубокого унижения, а затем низведя его. Произошло это не из-за нападения внешних врагов на Рим, а вследствие внутренних духовных изменений», – утверждает Тойнби⁴⁶.

⁴⁶ Тойнби А. Указ. соч. С. 281.

ТРЕТИЙ МНОГОВЕКОВОЙ ЦИКЛ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ДУХОВНЫЙ КРИЗИС И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТЯСАНИЯХ РЕЛИГИОЗНОГО, ПОЛИТИЧЕСКОГО, КУЛЬТУРНОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА (XV–XIX вв.)

8.1. Изменение духовного климата Европы под воздействием Реформации и ее разнообразных протестных течений

8.1.1. Европа «умытая кровью»: Реформация, религиозные войны и восстания в жестоком католически-протестантском климате Западной Европы

Реформация – это общее название, применяемое к различным религиозным движениям против римско-католической церкви и ее союзников, охватившим многие страны центральной Европы. Она имела две стороны: столкновение верховной власти централизованных государств с Римской церковью («Реформация сверху») и борьбу различных общественных сил с нею («Реформация снизу»). На определенном этапе светская власть на Западе (в ее политически-государственной и негосударственной ипостасях) на базе мощного влияния социально-экономического фактора «взрывает» старую папско-католическую структуру духовности Западной цивилизации, что нашло свое выражение прежде всего в явлениях Реформации.

Реформацию справедливо рассматривают как явление, далеко выходящее за рамки религиозных споров, затронувшее политическую, культурную и социальную историю Западной Европы, хотя, конечно, теологический фактор был преобладающим. Она началась как чисто религиозное явление, которое преследовало цели изменить многие основы вероучения и церковной организации под знаменем реформирования христианства. Начало Реформации приурочивают обычно к моменту, когда Лютер прибил к стене папства свои тезисы против папства в 1517 г. (в 1521 г. на Вормском сейме Лютер и его приверженцы были отлучены от Римской Церкви).

Лютеранство стремилось отнять у католического духовенства монополию на истолкование Святого Писания. В основе догматов

лютеранцев лежала «верующая совесть», оскорблявшаяся язычеством «вавилонской блудницы», не сносившая ига непомерной власти «антихриста» (так выражались о Римской церкви и папстве), требовавшая «возвращения христианства к апостольским временам посредством очищения духа от мертвящей буквы Предания. Действительно, «золотой телец» полностью разложил папство, превратив Римскую Церковь в жадного накопителя богатства. Духовенство и папский двор, ведя роскошный и праздничный образ жизни, изощрялись в поисках новых доходов из разных стран, лежащих к Северу от Альп, где процветали города-государства Северной Германии и «космос средневекового города» в целом (не случайно против папской власти выступила значительная часть германского общества).

Эксплуатация чувств верующих Римской Церковью была доведена до крайних пределов, причём громадные доходы извлекались от торгов разного рода реликвиями¹, а также индульгенциями, отпущением грехов верующим, обеспечивающими всеми благами в загробном мире. Эта коростная и паразитическая роль церкви давала толчок повсеместным религиозным движениям, направленным против нее. Задолго до Реформации в отдельных странах Западной Европы происходили религиозные движения проповедников церковной реформы и сопровождавшие их массовые выступления, которые рассматривались Римской Церковью как ереси. Из этих движений обычно выделяют в Англии (конец XIV в.) движение лоллардов, выступавших против папской власти и торговли индульгенциями. Идеи лоллардов отразились в Чехии (начало XV в.) в учении Яна Гуса и гуситов².

¹ Реликвии – это останки святых, служащие предметами религиозного поклонения и почитаемые за чудодейственные (мощи, одежды).

² Обвиненный в ереси Ян Гус (1369–1415) был отлучен от церкви. Вызванный на суд Контанцкого собора, несмотря на охранные грамоты, был арестован и сожжен на костре. Последователи Гуса – гуситы выступили с требованиями церковной реформы и в защиту национальной независимости Чехии.

В движении, поднятом Гусом, приняли участие все слои населения. Вместе с тем там выделилось в религиозной области более умеренное крыло (допущение проповеди на чешском языке), радикальное крыло требовало решительного разрыва с римской церковью, в социальной области – конфискацию земель, отказ от собственности, уничтожение налогов и податей. Началась длительная война с Германской империей, которая для чешского дворянства окончилась позитивно. Дворяне получили право распоряжаться конфискованной церковной собственностью и удовлетворения религиозных требований.

Необходимо подчеркнуть, что Реформация сразу же стала проходить под лозунгом не исправления католицизма, а борьбы с ним. По мнению реформаторов, католичество допустило искажение учения Христа. Выход они видели в возвращении христианства к истинам апостольских времен и сохранении только тех догматов и обрядов, которые основаны на Библии. Реформаторы отрицали церковную иерархию, считая необходимой личную ответственность человека перед Богом. Лютеранство, возглавившее Реформацию признавало за каждым верующим право чтения Библии без разрешения со стороны духовенства. Если католическая церковь видела источник спасения в вере и добрых делах, часто подразумевая под последними всякие подношения в пользу церкви, лютеранство признавало достаточным оправдание одной лишь верой, отрицая необходимость подношений церкви. Кроме того, лютеранство пришло к отрицанию церковной иерархии (усилив тем самым влияние мирян и светских властей на дела церкви), а также почитания святых, ложившегося тяжелой данью на верующих.

Важным фактором Реформации был ее социально-экономический аспект, связанный с резким обострением социальных противоречий на почве развивающегося денежного хозяйства, которое затронуло все слои общества. «Реформация снизу» приобрела самые разнообразные формы, включая в себя движение буржуазии, ремесленников и крестьянства. Каждая из этих страт преследовала свои интересы. Князья Северной Европы хотели приобрести земельные владения Римской Церкви, буржуазия стремилась сломить монастырский ростовщический капитал, крестьянство — избавиться от церковного землевладения аббатств и епископств.

Не случайно в Реформации вскоре произошел раскол. Реформация породила несколько вероисповедальческих форм, которые вступили в конфликт друг с другом. Умеренная Реформация господствующих классов (князей и верхушки буржуазии) была удовлетворена лютеранством. Оно стало официально признанной религией в ряде государств, где священники стали чиновниками, получавшими назначение от правительства³. Но лютеранство не

³ Лютеранство привилось в большей части Германии, главным образом на Севере страны, а также в Скандинавских и Прибалтийских странах, в некоторых штатах Северной Америки. На протяжении своего 400-летнего существования лютеранство испытало изменения и в учении, и в устройстве, выделив ряд сект и течений.

могло удовлетворить широкие массы, которые в своих требованиях шли дальше и стремились связать религиозную Реформацию с более или менее коренным переустройством общества прежде всего в области земельных отношений.

Вся эпоха Реформации отличалась религиозными восстаниями, перерастающими в войны. В этом ряду первое место занимают Великая крестьянская война в Германии (1525–1526 гг.) и предшествующее ей рыцарское восстание – вооруженное выступление мелкой независимой феодальной знати в Германии (так называемых имперских рыцарей) против крупных землевладельцев – духовных и светских князей, владевших громадными земельными угодьями (1522–1523 гг.) Крестьянская война в Германии вошла в историю как «Великая», так как она охватила всю Германию и от швейцарских границ до Саксонии представляла собой сплошной пылающий костер. Восстание всюду шло под лозунгами уничтожения крепостничества, отмены лежащих на крестьянстве оброков и повинностей, возвращения отгороженных в свою пользу общинных земель. В ряде провинций к крестьянству присоединились представители мелкой буржуазии, городской бедноты, коммунистически настроенные последователи Томаса Мюнцера.

Движения крестьянства и мелкого рыцарства были подавлены. Потерпела неудачу и попытка наиболее революционных элементов Реформации провести в жизнь идею первохристианского коммунизма, получившую широкое распространение главным образом в Германии – движение *анабаптистов*.

Сущность учения анабаптистов сводится к следующему. Христианское учение извращено в угоду сильным мира сего; государственная власть – злое, языческое начало; следует стремиться к полному равенству людей, что достигается только при общем имуществе. Источником познания истины может быть только откровение, духовенство и священные книги не могут быть авторитетом, крещение младенцев ввиду их несознательности недействительно. Анабаптисты мечтали о втором пришествии Христа, приближающемся тысячелетнем царстве и о новом «справедливом порядке», который тогда воцарится.

Правительственная власть стала преследовать движение несмотря сначала на его мирный, пассивный характер. Преследования вызвали попытки к отпору. В Мюнстере (Вестфалия) анабаптисты захватили при поддержке городской бедноты власть (1534 г.) и основали коммунистическое государство «Новый Иерусалим». Тогда были введены некоторые коммунистические начала, отвечающие на практике религиозным установлениям этого учения. Была введена трудовая повинность, экспроприрована часть орудий про-

изводства и предметов потребления. Было запрещено владение золотом и серебром в деньгах, а также торговля при помощи денег. Потребление было организовано на коллективных началах (общие трапезы). Для защиты города внутри и снаружи применялся террор. Просуществовав более года, коммуна анабаптистов пала после ее осады войсками местного епископа и князей; участники ее были вырезаны, а вожди были подвергнуты мучительной смерти.

В. Мединский, рассматривая анабаптизм как «антисистемное» порождение этой секты христианства, повествует о чудовищных формах террора, существующего в этом «Новом Иерусалиме» по отношению к инакомыслящим. У читателя создается впечатление, что такая практика характерна только для этой секты. На самом деле здесь не было ничего исключительного.

Следует заметить, что в анабаптизме нашли отражение те же идеи, которые были на вооружении других массовых протестных движений. В Средние века не раз поднимались народные восстания, руководители которых своеобразно трактовали Священное Писание, где главной была тема справедливости с отменой частной собственности, денег, крепостной зависимости и где жестокость и кровь органически входили в чудовищную практику⁴.

Анабаптизм отражал общий кровавый климат Западной Европы, о чем убедительно повествует Мединский в своей книге⁵.

⁴ Эти идеи были заложены в во многих движениях крестьян: в Италии (1304–1307) в движении Дольчино, которое уничтожило 10 тыс. человек (дворян, богатых мужиков и горожан); в Англии – это восстание Уота Тайлера (1381 г. – от 3 до 10 тыс. жертв). Во Франции – это жакерии. Жакериями назывались вообще всякие восстания крестьян, постоянно возникавшие во время Столетней войны 1337–1453 гг., где выделялась Большая жакерия 1358 г. (10 тыс. дворян и более 50–100 тыс. крестьян). «Большая жакерия унесла жизни 10 тыс. дворян. Тоже немало. И истребляли этих людей с отвратительной жестокостью. Дворянская Франция откликнулась на эти события истреблением то ли 50, то ли даже 100 тыс. человек и это при численности населения всей территории нынешней Франции в XIV в. всей 10–12 млн человек. Большая жакерия имела положительное последствие – после нее было отменено крепостное право». (См.: Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. 2-е изд. М., 2008. Ч. III. Миф о жестокости. Гл. 2. Средние века).

⁵ Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. С. 372. Для того чтобы ощутить кровавый климат Европы того времени, не нужно изучать социологические исследования, можно вспомнить только романизированные версии из многотомных исторических повествований Дюма, где он описывает стотысячные массы народа, предвкушающие как развлечения самые мучительные казни на Гревской площади Парижа или созвучные им такие же зарисовки быта народа у Гюго и у Марка Твена в его описании жизни Лондона.

Крайние формы жестокости были «обезличенной» нормой жизни с начала создания Западной цивилизации, вошедшей в сознание под названием «Средневековье», – пишет Мединский⁶. Сначала в этот период «входило время с VI по XI в. Потом верхняя планка плавно двинулась вверх... Средневековьем стали официально считать сначала время до XIII в. ... до XIV... до XV... А в сознание обывателей, далеких от исторической науки, даже XVI в., Реформация, как бы относится к Средневековью»⁷. Жестокость культивировалась в качестве нормы жизни всеми христианнейшими государями Западной Европы. Жестокость нашла свое выражение в законодательстве всех европейских государств. Наказания в виде смертной казни даже за незначительные преступления – характерная тенденция того времени. Если в Германии в VI–IX вв. смертная казнь предусматривалась по 14 статьям (Саксонская правда), то в XIV–XVI вв. смертью каралось от 20 до 40 видов преступлений. В Англии XV в. наказывалось смертью 80 видов преступлений, а в XVII–XVIII вв. более 200.

Пытки были совершенно обычным, нормальным способом вести следствие еще в ренессансных XV–XVI вв. Законы Франции, Англии и многих княжеств Германии предусматривали до 20 способов умерщвления и до 40 видов разных пыток, членовредительства и истязаний. Пыточные инструменты в свободных городах заказывали самым обычным ремесленникам и они выполняли свою полезную работу, продавая членам муниципалитета готовые изделия.

Нельзя без содрогания читать законы против бедных, существовавшие во всех странах Запада, в которых те или иные ветви христианства были государственными религиями. В законах Генриха VIII было зафиксировано следующее: «Милостыню соизволяем собирать только старым и убогим. Остальные же, к труду пригодные бродяги, подлежат бичеванию, с принесением клятвенного обязательства возвращения на родину и занятия трудом; пойманный во второй раз бродяга подлежит бичеванию с отрезанием уха, пойманный в третий раз – казнится как преступник». В итоге по законам Генриха VIII только за «бродяжничество» было повешено 72 тыс. насильственно согнанных с земли крестьян. Это почти 4/5 населения тогдашнего стотысячного Лондона⁸.

В Англии в конце правления Елизаветы появляются «законы о бедных (“poor laws”), фактически законы против бедных и нежелательных лиц, где помещенный туда человек вынужден принуди-

⁶ Мединский напоминает о «деяниях» королей: Карле Великом, приказавшем зарезать в Венсенском лесу 4,5 тыс. пленных саксов, Джоне Беззельном, пытавшем банкиров, вымогая у них деньги, об ужасах крестьянской Жакерии XII–XIV вв., когда крестьяне «разрывали на части детей и сжигали живьем всякого рыцаря и всякого горожанина, попавшегося на их пути, о длившихся три столетия войнах гвельфов и гибеллинов, об инквизиции, охоте на ведьм и т.д.».

⁷ Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. С. 372.

⁸ Там же. С. 387.

тельно трудиться в работных домах (Workhouses), как и в немецких “госпитальных домах” (Zucht hauser) или во французских “смирительных домах” (maisons de sorce). В Париже больных и инвалидов всегда помещали в госпитали, здоровых же, притом скованных по двое, использовали на тяжелых и принудительных работах по бесконечной очистке городских рвов и канав.

Многозначительный факт: в Дижоне в 1656 г. городские власти пошли даже на то, чтобы запретить горожанам оказывать частную благотворительность и давать приют бедным. В XVI в. чужака-нищего лечат или кормят перед тем, как выгнать. В начале XVII в. ему обривают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце последним словом подавления стала ссылка его в каторжные работы»⁹.

К этому надо добавить общераспространенную жестокость в простой бытовой жизни, когда мучительные казни стали развлечением для народа, когда орудия пыток (виселица, топор палача) получали в народе ласковые названия, когда истязания женщин и детей со стороны мужей и отцов окрашивали всю семейную жизнь.

Религиозные войны – также важнейший атрибут эпохи Реформации. Борьба между союзниками католической Церкви – императорами из Габсбургского дома и некоторыми южногерманскими князьями, с одной стороны, и протестантскими князьями и городами, с другой, завершилась жесткой и продолжительной *Тридцатилетней войной*.

В итоге Реформации в значительной части Германии (преимущественно на Севере) укрепился протестантизм в форме учения Лютера и лютеранства, и местные церкви стали в подчинении светской власти. Церковные имущества отошли к князьям и крупной буржуазии, которые вышли победителями из борьбы.

Реформация в Швеции и Дании, подобно германской, дала торжество светской власти, королевская власть подчинила себе церковь и обогатила господствующие классы за счет церковных имуществ. В северной (немецкой) Швейцарии, в которой преобладали буржуазия и зажиточное крестьянство, движение в общем носило более политически-радикальный республиканский характер, породив цвинглианство. Цвинглианство – это учение одной из реформированных церквей XVII в. Названо по имени швейцарского реформатора Цвингли. Отличалось от учения Лютера большей рассудочностью и было попыткой примирения Веры с Разумом. Оно послужило точкой отправления для учения Кальвина, который жил в Женеве, городе, сопредельном с тогдашним Швейцарским союзом.

⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М., 1986. С. 89–90.

Кальвинизм получил распространение и в промышленно-торговых областях Франции. К этому учению присоединились также южные и юго-западные князья, союзники южных городов в борьбе с королевским абсолютизмом, опиравшимся на церковь (во Франции его последователи-гугеноты, в англосаксонских странах – пуритане). Кальвинизм осветил раннекапиталистический дух Женевы, дух буржуазной бережливости, уверенности в себе и догмат о предопределенности, т.е. детерминированности божественной волей судьбы каждого человека.

Во второй половине XVI в. наступает период **контрреформации**, ожесточенной борьбы римской католической церкви с религиозными течениями и в связи с потребностями этой борьбы ряда внутренних преобразований в католической церкви. На Тридентском соборе (1545–1563 гг., с перерывами) под давлением крайней партии ультрамонтан папа был провозглашен высшим истолкователем Священного Писания, всякая критика которого объявлена была преступлением. Усилилась борьба с ересями. Был основан воинствующий орден *иезуитов* и создана *инквизиция*, с общим нравственным принципом: «для вящей славы Божьей» допустимо все, и цель оправдывает средства.

Общество Иисуса (основатель – И. Лойола) – воинствующий католический духовный орден создан в начале XVI в. как одно из орудий контрреформации. Был построен на принципах строгой военной дисциплины и безусловного повиновения «генералу» общества и папе. Близкий к государям и правительствам, он играл активную религиозно-политическую роль в религиозных войнах во Франции, в борьбе с Реформацией и православием в Польше и в Тридцатилетней войне в Германии¹⁰.

Папа Павел III (1533–1549) ввел строжайшую духовную цензуру: все книги, несогласные с вероучением, стали включаться в особый «индекс запрещенных книг». Инквизиция беспощадно истребляла подозрительную литературу. Папа Пий V установил

¹⁰ Миссионеры этого ордена отправлялись в дальние страны (Индию, Китай, Японию, Абиссинию), а в Парагвае создали в конце XVII в. своеобразное теократическое государство (Иезуитское государство), основанное на труде духовно порабощенных ими индейцев. С развитием в XVIII в. просветительской философии иезуиты были изгнаны из многих государств Европы (Португалии, Франции, Испании и др.). В 1773 г. папство было вынуждено закрыть орден. Тайно он продолжал существовать, перенеся свою деятельность в прусскую Польшу и Россию. В последующем иезуиты несколько раз изгонялись из правительствами европейских государств, а потом восстанавливались даже в середине XIX в.

строгий надзор за исполнением правил церкви: пропустившие трижды воскресную службу попадали на каторжные работы. Врачи не смели лечить больных, не представивших удостоверение о причастии. Папа Сикст V (1585–1590) массами изгонял из Италии гуманистов. Многие из них стали жертвами инквизиции, поплатившись жизнью за независимый образ мысли. Контрреформация ознаменовалась в Европе новыми религиозными войнами.

Освещение этого вопроса следует начать с характеристики изменений, произошедших в это время в государственно-политической структуре Западной цивилизации – образовании больших государств, с населением разного католического или протестантского вероисповедания. К концу XV в., когда Восток был «закрыт» Османской империей, в Западной Европе создаются крупные централизованные государства. В Англии этот процесс завершился после окончания Тридцатилетней войны Алой и Белой Роз с установлением власти Тюдоров; во Франции – во второй половине XV в. после подчинения территории юга власти французских королей, овладения Бургундским герцогством на востоке и севере, а также герцогством Бретани на северо-западе; в Испании – после объединения Кастилии и Арагона и отвоевания Гренады (в это же время). На севере появилась сильная Швеция, в результате войн заняв на Балтике господствующее положение, подчинив Данию и Норвегию.

Военное противостояние феодальных группировок в процессе образования централизованных государств сочеталось с противостоянием друг другу больших государственных структур (Столетняя война Англии и Франции). Нельзя в этой связи не отметить процессы, которые происходили в Священной Римской империи с ее спорными границами, где шла борьба между разными кланами князей, крупных и мелких, но имперская корона принадлежала могущественным эрцгерцогам Австрии – Габсбургам. Они стремились усилить свою власть в империи, используя ее ресурсы для создания огромной державы, *связанной союзом с папством*¹¹.

¹¹ Эта политика особенно активно велась при Карле V, обладавшем наряду с испанской короной ее обширными владениями в Европе и заморскими колониями. Испанская монархия к началу XVI в. достигла своего могущества: она приобрела громадные владения на американском континенте, в Европе под властью испанских Габсбургов находились Нидерланды и Южная Италия. Однако к середине XVI в. могущество Испании стало уменьшаться, свидетельством чего были отделение северных нидерландских провинций и образование самостоятельного государства – Нидерландов (Голландии).

Возрастает роль монархической Франции в геополитических «играх» Западной Европы¹², в то время как в самой Франции противостояние католиков и протестантов (гугенотов) приводит к длительным религиозным войнам (во второй половине XVI и первой половине XVII в.

Тогда сторонники королевского абсолютизма и связанной с ним официальной католической Церкви составляли партию «Католической лиги», опорой которой было служилое и придворное дворянство, а также большая часть северофранцузской буржуазии. В то же время дорожившие остатками феодальной и коммунальной автономии, унаследованной от прошлого, знать и города Южной и Юго-Западной Франции входили в оппозиционную партию гугенотов. Борьба началась в 1562 г. в связи с тем, что вождь католиков герцог Гиз с военным отрядом перерезал в местечке Васси несколько сот собравшихся на религиозное собрание гугенотов. В эту борьбу вмешались внешние враги Франции, особенно Испания, поддерживавшая Католическую лигу. Это противостояние сопровождалась разорением страны и рядом кровавых эпизодов. Прежде всего – это Варфоломеевская ночь (24 августа 1572 г.)¹³, когда во время ее и следующих нескольких дней было убито более 30 тыс. гугенотов, а затем в четыре гугенотские войны, разрывавшие Францию на части в последующую четверть века, когда погибло до 100 тыс. человек.

В этом религиозном противостоянии королевская власть, с которой, однако, крайние элементы Католической Лиги разошлись, вышла победительницей при поддержке тех кругов французской

¹² Укрепившаяся французская монархия в XVI в. стремилась к расширению своей территории на востоке и юге страны, к усилению политических позиций в Европе. Более того, в борьбе с великодержавными планами Габсбургов она шла на заключение политических и военных соглашений с Османской империей. К тому же Франция стремилась закрепить политическую раздробленность Германии. На протяжении всего XVII в. Франция находилась в состоянии войны: во Фландрии – во время войны с Аугсбургской лигой, затем войны за Испанское наследство, наконец, войны за австрийское наследство в Германии – во время Семилетней войны

¹³ Это один из наиболее кровавых эпизодов религиозных войн во Франции. В 1572 г. враждовавшие во Франции партии католиков и гугенотов заключили между собой мир, для обеспечения которого решено было выдать сестру французского Короля Маргариту за вождя гугенотской оппозиции Генриха Бурбона. Но эта свадьба оказалась ловушкой для съехавшихся в Париж гугенотов. В ночь с 23 на 24 августа 1572 г., накануне дня святого Варфоломея по приказу короля многие из них были перебиты.

буржуазии, интересам которых противоречило как восстановление феодальной раздробленности Франции, так и усиление Испании. Заняв первоначально нейтральную позицию, они образовали «третью силу», которая и укрепила королевскую власть. Религиозные войны были закончены со вступлением на престол одного из вождей гугенотов, короля Наваррского Генриха Бурбона (Генриха IV), отрекшегося от протестантизма, но вместе с тем издавшего (в 1598 г.) Нантский эдикт, по которому гугенотам был сделан ряд уступок.

В Германии во второй четверти XVI в. развязалась упорная борьба между протестантскими князьями и городами, с одной стороны, и императором с князьями, оставшимися верными католицизму, с другой. Борьба перешла в XVII в. Образовались два враждебных друг другу союза – протестантская уния и католическая лига. Борьба между ними привела к Тридцатилетней войне (1618–1648 гг.), в которой приняли участие Франция и Швеция.

В Голландии Реформизм, шедший под лозунгами кальвинизма и анабаптизма, получил завершение в эпоху Нидерландской революции.

В Англии народная реформация была подменена реформаторами сверху – королем Генрихом VIII в союзе с обуржуазившимся дворянством и крупной буржуазией, которые создали Англиканскую Церковь. Англиканство стремилось к «реформации» при сохранении католической обрядности в духе абсолютизма и ратовало за замену супрематии папы супрематией короля как главы Церкви (при отмене монастырей и захвате их земель). Наряду с англиканством получили широкое распространение кальвинистские исповедования, последователи которых получили название пуритан.

Создание Англиканской Церкви сопровождалось кровавым кошмаром как на начальных стадиях ее образования при Генрихе VIII (начало XVI в.)¹⁴, так и во время правления Елизаветы,

¹⁴ Образование Англиканской Церкви связано с трагической судьбой Томаса Мора – первого коммуниста-утописта, автора «Утопии», бывшего лордом-канцлером у Генриха VIII Тюдора, который стал создавать Англиканскую Церковь. Генрих VIII счел себя ее главой. Томас Мор не согласился с этим решением, полагая, что глава государства не должен быть главой Церкви. Его судили за государственную измену. В 1535 г. Томаса Мора приговорили к жесточайшей изуверской казни. Милостивый король заменил мучительную казнь лорда-канцлера отсечением головы. (См.: *Мединский В.Р.* Указ. соч. С. 386).

одной из самых почитаемых королев. Пуритане жестоко преследовались властью предрержащими. За более чем сорокалетнее правление Елизаветы, когда было казнено 89 тыс. человек. «Королева за один год казнила больше людей, чем вся католическая инквизиция за три столетия! Сколько людей изгнали за океан, сказать трудно. Историки называют цифры от 100 до 300 тыс.», — пишет Мединский. При Оливере Кромвелле, демократе, прогрессивном деятеле того времени, когда Англия была объявлена республикой, утверждение Англиканской церкви происходило путем почти что геноцида против населения католической Ирландии. По подсчетам ирландских историков, тогда был убит каждый седьмой ирландец, а по другим данным приводятся более трагичные цифры: «убита пятая часть или четверть ирландского населения, включая женщин, детей, стариков».

Все это означает, что Реформация своими методами была «вписана» в общую жестокость нравов Западной Европы того времени в рамках фаустовской метаисторической идеи этой цивилизации, где грани между добром и злом очень зыбки. И здесь возникает вопрос: стал ли протестантизм (во всех его формах) восходящей линией христианского учения или нисходящей? Д. Андреев отвечает на этот вопрос негативно. «Вожди протестантизма свернули на путь не обогащения мира религиозных идей, прозрений и чувств, а его обеднения за счет ослабления роли элемента религиозно-эстетического... Эта ущербность протестантизма не могла окупиться частым оправданием мирского начала, потому что связывалась не с ограничением исключительных требований аскетической духовности, а с полным отказом от этих начал, и потому еще, что у самого мирского начала отнимались перспективы его образования и просветления»¹⁵.

Реформация, разрушив идеологическое единство Западной Европы и подорвав политическую гегемонию императоров Габсбургской династии, привела к созданию многоконфессиональной религиозно-духовной структуры Западной Европы. После Реформации, религиозных войн и многочисленных попыток восстановить единство европейских христиан на основе одного из наличных вероисповеданий установился компромисс по формуле «где царство, там и вера».

В этих условиях идея вселенской или хотя бы всеевропейской общины уступила место *идее государственного регулирования религиозной жизни*. Иными словами здесь уже Церкви явно ставятся

¹⁵ Андреев Д. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. Роза Мира. М., 1995. С. 402.

в услужение той или иной государственности. Это, конечно же, рубежный этап в христианстве. Конфессиональная картина Европы приобретает уже стабильный вид. Католицизм обосновывается во всех романских странах (кроме Румынии) и в Ирландии, православие – в славянских странах (кроме католической Польши и Хорватии), в Греции и Румынии, протестантизм – в германско-скандинавских странах (кроме католической Австрии и Баварии). Наряду с жестокостью религиозно-политического разделения конфессиональной карты происходили процессы космополитизации и выработки межконфессиональных типов религиозно-эмоциональной культуры, чему способствовало вторжение науки в католически-протестантский климат Западной Европы.

Дальнейший ход культурно-исторических процессов на Западе показал, что протестантизм в сущности оказался очередной ступенью общего, с раннего Ренессанса начавшегося и через гуманизм прошедшего движения, так сказать, «обезрелигиозирования» жизни, но и агрессивным вторжением в нее рыночных связей и денег, что нашло свое выражение в Нидерландской и Английской революциях.

8.1.2. Наука в разрушении католически-протестантского мировосприятия Западной цивилизации

На протяжении тысячелетий религиозно-духовный фактор определял *направленность* развития интеллектуально-логических форм знания людей, обуславливая прорыв в те его формы, которые необходимы для материального существования, т.е. в экономическую сторону бытия рода человеческого. «Наука возникла как едва различимый аспект мистерии и проповедников, жрецов, который почти не вошел в писаную историю, – пишет Дж. Бернал в своем фундаментальном труде “Наука в истории общества”. – И только последние три столетия наука утверждается в своих правах не только как прочно установившаяся профессия, требующая специфического образования, имеющая свою литературу и организацию, но и определенное *мировоззрение*»¹⁶. Она пыталась и пытается *вытеснить* религиозно-духовные начала из жизни человека, раскрывая все больше тайны Природы и мироздания. Насколько эти претензии обоснованы? Ответ на этот не простой вопрос можно дать только в контексте выявления истории взаи-

¹⁶ Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956. С. 8–9.

моотношений науки и религии в прошлом, настоящем и будущем. Но начать надо с истоков возникновения науки.

Ницше был прав, сказав, что проблема науки не может быть познана на почве самой науки. Она познается на почве «Иного», потому что рождается от иного, т.е. религии. Так, математика родилась в буквальном смысле как часть религии греков, ее создатель Пифагор был жрецом дельфийского храма и иерофантом дионисиевых мистерий. Эти знания родились в рамках особого эллинского мировосприятия, где отвергается существование Творца, где высшим началом мира считается Бог-Природа. Христианство и ислам как теистические религии в период своего становления более чем враждебно относились к научным знаниям, накопленным в античном языческом мире. В этой связи примечательна судьба крупнейшего книгохранилища древности – Александрийской библиотеки, сосредоточившей в себе сотни тысяч ценнейших рукописей. Ее разгромили фанатики раннего христианства (монофизиты), а спустя столетие окончательно уничтожили воины ислама.

Спустя почти тысячелетие, в период становления Западной цивилизации встреча Римско-католической Церкви, а потом и разных видов протестантских Церквей, родившихся в результате Реформации, с наукой была крайне враждебной. Противостояние происходило по линии бессознательной иррациональной Веры и логического, осмысленного познания мира Разумом. Причем эта борьба принимала такие извращенные формы, которые по сути дела привели к тому, что религиозный фанатизм собственными руками взрастил и атеизм, и масонство, и социальные религии в целом. Эти Церкви как исторические формы христианства, сложившиеся в процессе религиозного творчества, отвергали научные истины на том единственном основании, что они противоречили ряду положений, отраженных еще в Ветхом Завете и телеологической концепции мира Птолемея.

Служители Церкви были уверены в том, что Земля не может быть круглой, потому что в этом случае на ее противоположной стороне должны были бы жить антиподы, а в Библии об этом ничего не сказано (Августин Блаженный). Она не может вращаться вокруг Солнца, так как в Библии Иисус Новин приказал остановиться не Земле, а Солнцу. На Солнце не может быть пятен, ибо в противном случае оно не было бы совершенным созданием Бога. Животные и растения не могут эволюционировать, так как творец создал каждый вид отдельно.

Отбрасывая открываемые в ходе постижения человеческим Разумом многие закономерности природы, христианские Церкви Запада того времени ставили тем самым заслон в развитии коллективного Разума человечества, находящего свое выражение в развитии естественных наук. Обладая огромной духовной, а зачастую и светской властью, Церковь контролировала деятельность ученых и запрещала им заниматься теми исследованиями, которые заведомо могли поколебать религиозную картину мира. Для большей убедительности подвергали гонениям и преследованиям гениальных людей, давших человечеству эти истины, истязали их в застенках инквизиции, сжигали на кострах, т.е. использовали все те же методы утверждения своей воли, которые были характерны для кровавой истории всей Западной цивилизации.

Еще в начале XII в. (1163 г.) Папа Александр III издал буллу «О запрете изучения физики или закон природы». В XIV в. (1317 г.) папа Иоанн XXII издал буллу, которой запрещалась алхимия. Фактически же ею признавалось вне закона и занятие химией как одним из семи дьявольских искусств. Тех, кто игнорировали запреты, преследовали, казнили, особенно тогда, когда на службу Католической Церкви была поставлена инквизиция.

Но тем не менее наука развивалась и в этих условиях, наступая на, казалось бы, незыблемые постулаты Священного Писания. Первую трещину христианское вероучение дало в 1543 г. в связи с опубликованием знаменитого труда Николая Коперника «Об обращении небесных кругов». Теория великого польского астронома наносила удар основам христианского учения. Ею отвергалась система Птолемея, находившаяся в согласии с библейским мифом об Иисусе Навине, остановившем Солнце. Идеологи католицизма и протестантизма встретили книгу Коперника крайне негативно. Лютер писал: «Публика прислушивается к голосу нового астролога, который старается доказать, что вращается Земля, а не небеса или небосвод, не Солнце и Луна... Этот глупец хочет перевернуть все наши представления по астрономии; но в Священном Писании сказано, что Иисус приказал Солнцу остановиться, а не Земле». Выход книги Коперника не вызвал репрессий со стороны инквизиции. Тогда шел Тридентский собор, обострилась борьба Католической Церкви с протестантизмом и Церкви было не до космологических споров. Но уже в 1616 г. Римская Церковь исправила эту «ошибку» и запретила учение Коперника, труды его были изъяты из библиотек, о них не разрешалось упоминать.

Однако в начале следующего столетия, когда учение Коперника было развито такими выдающимися мыслителями, как Джордано Бруно и Галилео Галилей, стало ясно, что коперниковская «ересь» – не преходящий эпизод. Его учение, завоевывающее все большее число последователей, стало представлять собой непосредственную опасность для христианской догматики и, стало быть, для духовного господства Римской Церкви. История расправ Католической Церкви с деятелями науки хорошо известна, и поэтому нет необходимости на них останавливаться подробно. Отметим только, что хронологически первой жертвой из поборников коперниковского учения стал Джордано Бруно. Инквизиторы заточили ученого в темницу, где в течение восьми лет подвергали его пыткам, принуждая отказаться от ереси, но, не добившись своего, сожгли на костре. Причиной преследований ученого и философа было не одно только коперниканство. Против Бруно был выдвинут ряд других обвинений в ереси: осуждение Церкви и ее служителей, неверие в Святую Троицу, отрицание вечных адских мук, признание множественности обитаемых миров и т.д.

Но учение Коперника вновь получило поддержку со стороны Галилео Галилея. В 1632 г. вышла в свет работа Галилея «Диалог о двух главнейших системах мира – птолемеевской и коперниковской». Эту книгу инквизиция подвергла «экспертизе» и вынесла свой вердикт. Он гласил: «...это учение глупо и абсурдно в философском и еретично в формальном отношении, так как оно явно противоречит изречениям Святого Писания во многих его местах как по смыслу слов писания, так и по общему истолкованию святых отцов и ученых богословов». В связи с этим Галилея дважды вызывали в Рим для допроса перед трибуналом инквизиции. Характер и тон допросов показали ученому, что ему грозит участь Джордано Бруно. Под страхом смерти инквизиция заставила семидесятилетнего больного Галилея письменно отречься от своих убеждений и покаяться перед судом. Он умер в 1642 г.

Преследование Католической Церковью Коперника, Бруно и Галилея является лишь наиболее известными фактами противостояния Католической Церкви развивающейся науке. Жестокие расправы с учеными, которые в ходе научных исследований и экспериментов невольно опровергали те или иные религиозные догматы, были распространенной практикой и в XVI, и в XVII, и в XVIII вв. и даже в XIX в.

В XVI в. был отправлен на костер великий ученый и врач М. Сервет, открывший малый круг кровообращения (1558 г.). В Италии во второй половине XVI в. И. Порта, занимавшийся исследованиями в области оптики и химии, был вызван к папе Павлу III, который приказал ему прекратить свою «колдовскую» деятельность и распустить организованное им общество естествоиспытателей. В XVII в. теологический факультет Парижского университета вынес тут же приведенное в действие постановление об изгнании из Парижа геологов де Клава, Бита и де Вильсона и об уничтожении их сочинений. В 1624 г. Церковь выступила против Академии дель Чименто во Флоренции с требованием ее закрытия.

В середине XVIII в. репрессии обрушились на ученого Ж. Бюффона, который вынужден был публично покаяться. «Я объявляю, что не имел никакого намерения противоречить тексту Священного Писания, что я твердым образом верю во все то, что говорится в Библии о сотворении Мира в отношении как времени, так и самого факта; я отказываюсь от всего, что сказано в моей книге относительно образования Земли, и вообще от всего, что может оказаться противоречащим повествованию Моисея».

На фоне этого жесткого и жестокого отношения Церкви к научным изысканиям становится ясной эмпирическая направленность научных изысканий того времени, сохранившаяся и поныне. «Отличительной чертой современного научного мышления является тот факт, что оно начинается с отбрасывания всех априорных представлений о природе реальности, характерной для всей греческой философии, а также всего средневекового мышления. Вместо этого современное научное мышление берет в качестве отправного пункта прочно установленный, тщательно проверенный факт. Короче говоря, современная наука является существенно эмпирической»¹⁷. Научной теорией стали считаться концепции, основанные на принципах познания, свободные от всех элементов метафизики. В данной связи интересно проследить, как возникли эта эмпирическая направленность научного знания и его оторванность от религии. Действительно, несмотря на все эти репрессии Римской Церкви, наука продолжала развиваться.

XVI–XVII вв. – период между двумя эпохальными открытиями – Солнечной системы и всемирного тяготения; в этот период научными изысканиями открываются магнетизм, электричество, создается теория света и пустоты. В процессе развития наука все

¹⁷ Халтон Д. К генезису специальной теории относительности. Эйнштейновский сб. М., 1966. С. 177–194.

больше отторгается от догматов Священного Писания в трактовке реальной картины мироздания. Однако реальные корни отрыва науки от религии надо отнести ко второй половине XVII в., когда окончательно победила гелиоцентрическая система, динамика Галилея и картезианская физика Декарта и его последователей.

И это при том, что физики Ньютон и Фарадей, химики Бойль и Дальтон, Рамсей, биологи Мендель и Пастер, астрономы Коперник и Галилей, универсалы Паскаль, Лейбниц, Эйлер – все верило в Бога-Творца.

По сравнению с первой половиной XVII в. научное представление о мире стало более точным; оно приобрело характер не столько наглядного изображения, сколько графика, показывающего в условно-математической форме связь между явлениями природы. В естествознании появился ряд теорий, указывающих на точные количественные соотношения между явлениями. Основным требованием естествознания стали строгая однозначность, количественная определенность и экспериментальная обоснованность научных выводов.

О бесконечной сложности природы по-настоящему узнали позднее, в XIX – начале XX вв. Ученые-естествоиспытатели еще и в начале XVIII в. полагали, что все зависимости в природе, весь ее многокрасочный мир можно свести к механическим силам притяжения и отталкивания, что химические и даже биологические явления можно полностью, с абсолютной точностью представить картиной простых механических перемещений части вещества, лишенных качественных особенностей. Эти идеи появились конечно, ранее (в первой половине XVII в.), но наука приняла их опирающимися на точные эксперименты и измерения. Естествознание этого периода примыкало еще к физике Декарта, но оно уже не было картезианским, оно прямо выступало против теологии и при этом широко использовало достижения классической механики Ньютона. Его классический труд «Математические начала натуральной философии» вышел первым изданием в 1687 г. В «Началах» Ньютона содержится немало теологических моментов, например о «первоначальном божественном толчке», приведшем, по его мнению, в движение Вселенную. Но вопреки тенденциям самого Ньютона из его научных выводов были сделаны антитеологические, материалистические выводы.

Затем естествознание более решительно и смело отказывается от теологических представлений. Точная наука в значительной мере порывает связь с метафизикой. Маркс писал; «Метафизика

XVII в. еще заключала в себе положительное, земное содержание (вспомним Декарта, Лейбница и др.). Она делала открытия в математике, физике и других точных науках, которые казались неразрывно связанными с нею. Но уже в начале XVIII в. эта мнимая связь была уничтожена. Положительные науки отделились от метафизики и отмежевали себе самостоятельные области. Все богатство метафизики ограничивалось теперь только мысленными сущностями и божественными предметами, и это как раз в такое время, когда реальные сущности и земные вещи начали сосредоточивать на себе весь интерес. Метафизика стала плоской»¹⁸.

Стал господствовать рационализм. Классический рационализм основывался на идее полного детерминизма: все законы формулировались как вполне детерминированные постулаты (законы Ньютона, уравнения Максвелла и др.). В рационализме существуют раздельно два элемента: человек и природа. Природа предстала перед людьми как сложный механизм, кем-то и когда-то однажды запущенный и после этого вечно действующий по определенным, раз и навсегда начертанным, законам, которые человек как постоянный наблюдатель и изучает. Ф. Бэкон в рамках этого мировоззрения сформулировал известное положение о покорении Природы.

Необходимость некой консолидации научных знаний выдвинула задачу коллективных форм исследования. Так появились первые научные академии. Непосредственным предшественником их явилась Флорентийская академия опытов (1657–1667 гг.) Академия опытов выступала как единый коллектив, с единым итогом своих работ. К 1662 г. относится образование Лондонского Королевского общества, к 1666 г. – Парижской академии наук. Далее последовало основание Берлинской (1700), Петербургской (1724) и Стокгольмской (1739) академий.

Развитие науки стимулировалось также развитием технического базиса экономики. Этот вопрос более обстоятельно будет рассмотрен ниже. Здесь только обратим внимание на то обстоятельство, что для развития естествознания во второй половине XVII и первой половине XVIII в. преимущественное значение имела не мануфактурная технология (хотя и расчлененная, но оставшаяся по существу ремесленной), а энергетика мануфактуры, в которой применялись машины. Наиболее важные проблемы механики поставил перед наукой гидравлический двигатель. Он был исходным

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 141.

пунктом важнейших научных замыслов основателей механического естествознания. Понятия инерции, ускорения и силы выработались на почве спорадического применения механизмов. Именно из этой области наука XVII–XVIII вв. черпала механические модели и широко применяла их для объяснения астрономических, физических, химических и геологических процессов.

В противостоянии религиозному фанатизму научная мысль отказалась от всяких априорных гипотез вообще. Экспериментальное обоснование науки она превратила в грубый эмпиризм, отказавшись от произвольных космогонических картин вообще, а математические абстракции стала рассматривать как априорные формы познания. Сделанные Спинозой еще во второй половине XVII в. радикальные материалистические выводы из картезианской физики вызвали резкую реакцию. Гениальный создатель дифференциального и интегрального исчисления и новых идей в механике Лейбниц, в отличие от Декарта, считал основой мироздания не движение материальных тел, а непротяженные сущности – монады как некие априорные его начала¹⁹. Иными словами в период господства эмпирической направленности науки в этот период сохранялось и другое направление в естествознании, подготавливавшее и развивавшее идеи единства мира, превращения и сохранения вещества и движения; это были идеи, которым принадлежало будущее. Но для конкретизации, обоснования и победы этих идей требовалось еще очень много наблюдений и экспериментов, которые собирались и множились в отдельных отраслях дифференцировавшегося естествознания.

Последние два столетия религиозный фактор по сути дела не вторгался в развитие науки. Она развивалась под воздействием экономического детерминизма. Наличие внутренних стимулов саморазвития не исключило связь науки с априорными ее началами и некоторыми духовными постулатами. Это значит, что вопрос о соотношении науки и религии остался открытым с учетом осо-

¹⁹ Лейбниц стоял у истоков идеалистической философской системы – монадологии. Вопрос о монадах как первичных духовных сущностях Вселенной нашел свое отражение в концепциях многих философов идеалистов, их взгляды (естественно, в краткой интерпретации и в контексте с развитием цивилизационных начал истории человечества) изложены в кн.: *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации и судьба России: Опыт метаисторического исследования. В 4 ч. Ч. I. Религиозные начала цивилизационной структуры человечества и духовные начала русской цивилизации. М., 2001. Гл. 1.

бенностей информационного общества, виртуальных потребностей, науки и техники в глобализируемой среде уже XXI в. Но в тот период именно развитие *естественных наук* само по себе нанесло серьезный удар по религиозному мировоззрению, породив *научное мировосприятие*.

Вместе с наукой техническая революция явилась катализатором изменения всего католически-протестантского климата Западной Европы, породив промышленную революцию, а также эпоху Просвещения со всеми вытекающими из нее кардинальными религиозно-духовными последствиями. Однако и это нельзя упускать из вида, искусство и культура именно в тот период тоже вложили свой немалый вклад в изменение религиозно-духовного климата Европы, что нашло свое отражение в эпохе Возрождения.

8.1.3. Эпоха Возрождения: искусство и литература в изменении духовного климата Европы

В XV–XVI вв. искусство и литература начинают активно влиять на средневековое мировоззрение католической церкви. Это время в духовной жизни Западной цивилизации названо эпохой Возрождения. Ее истоки непосредственно связаны с 40-ми годами XV в., когда было изобретено книгопечатание, ставшее величайшим историческим событием²⁰. Оно явилось совершенно новым средством выражения человеческой мысли. Мышление облекается в новую форму, давая возможность широкого распространения самых еретических настроений и взглядов. «Ересиархи Средне-

²⁰ Книга – древнее изобретение человечества в передаче накопленных знаний. Первые книги писали на папирусе. В начале христианской эры папирус стали заменять пергаментом, и тогда впервые стали складывать написанные большие четырехугольные листы в книги. Переписывались книги от руки. В средние века этим занимались, главным образом, монахи. Книги переписывали в большом количестве экземпляров, и поэтому крупные университеты обладали значительными библиотеками рукописных книг.

Изобретение книгопечатания связано с именем Иоганна Гутенберга. Он занимался шлифовкой драгоценных камней и зеркальных стекол. В зрелом возрасте задался мыслью о печатании книг. До Гутенберга печатание производилось с цельных досок, на которых был выгравирован текст. Около 1438 г. Гутенберг произвел первые опыты печатания с отдельных выпуклых букв, из которых производился набор. Это давало возможность по отпечатанию текста разбирать буквы, а затем набирать ими новый текст, что явилось переворотом в книгопечатании, упростив, удешевив, ускорив его в сотни раз.

вековья пробили уже широкие бреши в католицизме. До книгопечатания Реформация была лишь расколом; книгопечатание превратило ее в революцию. Уничтожьте печатный станок – и ересь обессилена. По предопределению ли свыше, или по воле рока, но Гутенберг является предтечей Лютера»²¹. Именно книгопечатание дало возможность развиваться нетеистическому направлению духовного творчества людей – *гуманизму*. Напомним, что к XV в. уже широко развилось денежное хозяйство и образовались новые формы общественной жизни, включая «космос средневекового города».

Возрождение (Ренессанс) образует целую культурно-историческую эпоху, когда в передовых кругах западного общества обнаружился чуждый предшествовавшей эпохе Средневековья исключительный интерес к античной (греко-римской) литературе, искусству и философии, где лидировали культура и искусство городов-государств Италии, непосредственно связанные с эллинскими традициями. Возрождение наук и искусств являлось отнюдь не простым подражанием прошлому: в старинных произведениях люди новой эпохи искали лишь приемы и методы, облегчавшие их собственное, оригинальное творчество. Интерес к личности, вдумчивое изучение действительности, приведшее к развитию точных знаний, и критическая переоценка всего старого мировоззрения обнаруживаются во всех основных областях духовной жизни этой эпохи.

Одним из первых представителей гуманизма являлся поэт Франческо Петрарка, вокруг которого группировались его друзья и ученики во главе с Джованни Боккаччо. Обоснования своим стремлениям гуманисты искали в памятниках классической древности, собиравшие и изучение которых дали сильный толчок их мировосприятию. Боккаччо едко высмеял духовенство, сословное неравенство, церковную мораль, прославляя свободу мысли и чувства, выдвинув идеал духовно свободного и физически развитого человека. Влияние гуманизма, помимо Италии, сказалось во Франции, Англии, Германии и других странах. Характерно, что гуманистическое и реформационное (протестантское) движение вначале шло рука об руку (кружок Маргариты Наваррской). Затем они расходятся в разные стороны, иногда противостоя друг другу. Суровому протестантскому вождю Кальвину противостоит

²¹ Гюго В. Собор Парижской Богоматери. М. 1955. С. 180.

жизнерадостный, свободомыслящий гуманист Рабле. Идеями гуманизма проникнуто творчество Эразма Ульриха фон Гуттенберга, а также социалистические утопии (Т. Мор, Т. Кампанелла). В XVI в. выступает первый крупный французский мыслитель Монтень.

В начале XVII в. отклики свободомыслия и религиозной борьбы нашли свое отражение в литературе, театре и поэзии: лирика Теофиля де Вио, сурового гугенотского поэта Теодора Агриппы Д'Обинье. В театре наступает время господства классицизма, где законодателем стал Буало. Богатое и оригинальное развитие получает классическая драма: героическая и патетическая трагедия Корнеля и его младшего современника Расина. Разнообразные виды комедий (интриги нравов и характеров) Мольера своим реализмом и гуманностью выделяют его в своем времени. В Англии эпоха Возрождения (вторая половина XVI в.) отмечена расцветом драматической поэзии. Плеяду драматургов (Грин, Бен Джонсон, Марло и др.) возглавляет У. Шекспир, творчество которого является гениальным воплощением интереса эпохи к земной природе человека в противоположность мистическим устремлениям прошлого, хотя пуританская революция XVII в. кладет конец «старой веселой Англии» (она отмечена суровой библейской поэзией Мильтона – «Потерянный рай» и «Возвращенный рай»).

В истории искусства термином «Ренессанс» или «Возрождение» обозначают искусство Италии XV–XVI вв., а также искусство, пришедшее на смену средневековому, в странах к северу от Альп в XVI в. В итальянском Возрождении различают три периода: раннее (1420–1500 гг.), Высокое и Позднее Возрождение, переходящее во второй четверти XVI в. в стиль Барокко.

Первой эпохе свойственны интерес к многообразию окружающего мира (наследие позднеготического реализма) и внимание к искусству античности, сыгравшему в это время большую воспитательную роль. Для второго периода Возрождения, нашедшего свое выражение в творчестве Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля, существенно развитие эстетических задач в построении художественных произведений. Для последней эпохи характерны колористические живописные искания, представленные в работах Корреджо, Тициана (северные страны дают менее цельную картину, добавляя к вышеназванным чертам Возрождения).

Однако «искусствоведческая» трактовка Ренессанса мало раскрывает период духовных исканий великих творцов того времени и их гениальных произведений. Этот аспект Возрождения

отражен в творчестве Виктора Гюго. Гюго рассматривает этот период как переломный в том смысле, что он обусловил начала умирания зодчества как великой каменной книги чаяний человечества. Именно зодчество в процессе своего умирания породило все современные формы живописи, скульптуры, музыки и другие виды искусства. Умирание зодчества Гюго связывает с вторжением слова в духовную жизнь людей. «С момента изобретения печатного станка нищает, чахнет и увядает зодчество. Это охлаждение к зодчеству в XV веке еще еле заметно, так как печатное слово не окрепло, и самое большое, на что оно способно, это оттянуть у могучего зодчества лишь избыток его жизненных сил. Но уже с XVI столетия болезнь зодчества вполне очевидна: оно перестает быть главным выразителем основных идей общества; оно жалким образом ищет опоры в искусстве классическом. И вот это заходящее солнце мы принимаем за утреннюю зарю. Галльское, европейское, самобытное – оно делается греческим и римским; правдивое и современное – оно становится ложноклассическим. Именно эту эпоху упадка именуют эпохой Возрождения. Упадок, впрочем, блистательный, ибо древний готический гений, это солнце, закатившееся за гигантский печатный станок Майнца, еще некоторое время пронизывает своими последними лучами смешанное нагромождение латинских аркад и коринфских колоннад»²².

По глубокому убеждению Гюго, с той минуты, как зодчество сравнялось с другими искусствами и перестало быть искусством всеобъемлющим и господствующим, оно уже не в силах сдерживать развитие прочих искусств. «И они освобождаются, разбивают ярмо зодчего и устремляются каждое в свою сторону. Каждое из них от этого расторжения связи выигрывает. Самостоятельность содействует росту. Резьба становится ваянием, роспись – живописью, литургия – музыкой... Вот что породило Рафаэля, Микеланджело, Жана Гужона, Палестрину – этих светочей лучезарного XVI в.»²³. Последнее слово зодчества в качестве великого и ни с чем не сравнимого искусства было сказано Микеланджело. «Этот титан искусства нагромождает Пантеон на Парфенон и создает Собор св. Петра в Риме. Это величайшее творение искусства, заслуживающее того, чтобы остаться неповторимым, последний самостоятельный образчик зодчества, последний росчерк колоса-

²² Гюго В. Собор Парижской Богоматери. С. 183.

²³ Там же. С. 184

художника на исполинском каменном списке, у которого нет продолжения»²⁴.

Анализируя дальше историю зодчества, Гюго утверждает, что зодчество, покинутое остальными искусствами, гибнет, «...оно призывает себе на помощь ремесленников, за недостатком мастеров. Витраж заменяется простым окном. За скульптором приходит каменотес. Прощайте, сила, своеобразие, жизненность, осмысленность! Оно влачит свое существование при мастерских, пробавляясь копиями... Микеланджело умирает, и что же делает это жалкое зодчество, пережившее само себя в виде какого-то призрака, тени? Оно принимается за Собор св. Петра в Риме, рабски воспроизводит его, подражает ему. Это превращается в манию и вызывает жалость. У каждого столетия есть свой Собор св. Петра... У каждой страны есть свой Собор св. Петра: у Лондона – свой, у Петербурга свой. У Парижа их имеется даже два или три. Если мы вместо тех отдельных характерных памятников, о которых мы только что упоминали, исследуем облик этого искусства за время с XVI до XVIII века, то заметим те же признаки упадка и худосочия»²⁵.

Как бы ни трактовать сущность эпохи Возрождения с точки зрения соотношения зодчества и отдельных видов искусств, неоспоримым является тот факт, что он отражает особые явления в духовной жизни людей, основанные на гуманизме, что подготовило почву для века Просвещения.

8.1.4. Век Просвещения: торжество Разума над Верой

В Западной Европе вместе с движением реформаторов и параллельно с ним, начиная с эпохи Возрождения, влияние религии постепенно уменьшается, из-под ее контроля высвобождаются различные стороны общественной и личной жизни. XVIII век как особый период в коренном изменении католически-протестантского духовного климата Западной Европы был назван «веком Просвещения». Это условное обозначение многообразных философских, социологических, исторических и экономических течений второй половины XVII и главным образом XVIII в., часто противоречащих друг другу, которые получили название *просветительской философии*. Было главное, что их объединяло – формирование нового мировоззрения, основанного на «Разуме» с пропагандой «Просвещения» в противовес Вере и Суевию.

²⁴ Там же. С. 190.

²⁵ Там же.

Просветительская философия и сопутствующие ей формы познания мира нанесли сокрушительный удар идеологии прежних веков, где господствовала схоластика. Так называлась средневековая философская мысль, общее содержание которой заключалось в рассмотрении философской и научной мысли вообще как служанки богословия. В схоластике содержание веры пытались представить в связном и системном виде. При этом пользовались преимущественно терминами и понятиями античной философии, с тем чтобы привести человеческое познание в согласие с религией. Своего расцвета схоластика достигла в XIII и XIV вв. Тогда среди многих выдающихся схоластов, как уже ранее говорилось, выделялся Фома Аквинский.

В его церковно-философской системе объединены различные аспекты средневекового миросозерцания. Он христианизует учение Аристотеля, пытаясь логическими аргументами обосновать главенство церкви в обществе. В XV–XVI вв. схоластика в «чистом виде» уходит на второй план. Иерархическая система мира с Божественной Троицей, Ангелами и Святыми, вознесенными над природой, не подчиняющаяся закономерности и творящая чудеса, расшатывается под влиянием науки. Тогда происходит разграничение философии и теологии, знания и веры. Характерно, что даже в конце XIX в., когда Разум восторжествовал над Верой, папа Лев XIII в 1879 г. предписал изучение схоластики, в особенности философии Фомы Аквинского как преимущественно католического философа. Вслед за тем в различных странах: Италии, Франции, Германии и Бельгии возникло среди католиков новосхоластическое движение.

Торжество Разума над Верой стало возможным только после распространения книгопечатания, к появлению которого Католическая Церковь относилась с большим предубеждением, ощущая скрытую силу в подрыве своего влияния на духовное развитие паствы. «Это был страх духовного лица перед новой силой – книгопечатанием, – пишет В. Гюго. – Это был ужас и изумление служителя перед излучающим свет печатным станком Гутенберга. Церковная кафедра и манускрипт, изустное слово и слово рукописное били тревогу в смятении перед словом печатным... То был вопль пророка, который уже слышит, как шумит и бурлит освобождающееся человечество, который уже провидит то время, когда Разум пошатнет веру, свободная мысль свергнет с пьедестала религию, когда мир стряхнет с себя иго Рима. То было предвидение философа, который зрит, как человеческая мысль, ставшая летучей при помощи печати, уносится, подобно пару, из-под стеклянного колпака теократии... Это означало, что новая сила сменит старую силу, иными словами – печатный станок убьет церковь»²⁶.

²⁶ Гюго В. Собор Парижской Богоматери. С. 174.

«Просветительство» завершило собой философскую критику средневековой схоластики, проделанную Бэконом, Декартом, Гоббсом, Спинозой. Отход в области естественных наук от всякой метафизики явился также основой в формировании философских знаний, оторванных от основных постулатов Священного Писания. Наиболее полное развитие просветительская философия получила в Англии, Франции и Германии, где все же она имела свои особенности, которые были связаны прежде всего с их отношением к христианству как к теистической религии, а точнее, к Богу.

В рамках этого же мироощущения развивается *деизм-вера*, признающая существование Бога в качестве первопричины бытия. Бог, создав мир, дал ему незыблемые законы, а в дальнейшем совершенно не вмешивается (путем чудес и откровений) в естественный ход вещей, в действие законов Вселенной. Причем, если у Ньютона это мировосприятие было связано с его постижением гармонии Природы, то у мыслителей эпохи Просвещения (Локка в Англии, Вольтера во Франции) это деистическое мировосприятие распространяется уже на социальные процессы. В Англии, где во главе просветительской философии стоял Локк, борьба против церкви и религии была в основном борьбой *деизма* против официальной церкви. Это означало критику религии откровения при сохранении минимума «естественной религии», не противоречащей разуму, отождествляя ее с нравственностью. Локк восставал против неограниченной королевской власти, верховным носителем власти он считал народ, требуя отделения Церкви от государства и призывая к веротерпимости.

Французское «Просвещение» характеризуется большим радикализмом и свободомыслием в отношении церкви и религии по сравнению с английским, хотя они много заимствовали у английских философов XVII в. и даже у итальянских гуманистов XIV–XV вв.

В этой плеяде интеллектуалов необходимо отметить прежде всего Вольтера²⁷, по сути дела, руководителя общественным мнением не только во Франции, но и в Европе тех лет, который проложил пути

²⁷ Вольтер (наст. имя Мари Франсуа Аруэ) (1694–1778). По происхождению принадлежал к зажиточной буржуазии. В молодости испытал на себе тяжесть произвола старого режима: сидел дважды в Бастилии. В возрасте 60 лет Вольтер удаляется в приобретенное им возле Женевы поместье Ферней, где ведет оживленную переписку с учеными, философами, политическими деятелями, монархами.

младшему поколению «просветителей», группировавшемуся вокруг Дидро и Гольбаха. По своим философским воззрениям примыкал к философии опыта английских философов (Локка и др.). Вольтер был деистом, т.е. противником церковного учения о чудесах и божественном проведении, правящем миром, не отрицая Бога как творческое начало мироздания. Он неоднократно во всех работах подвергает остроумной и разрушительной критике вековые феодальные и церковные предрассудки и связанные с ними привилегии. Главный тормоз общественного развития видел в Церкви и призывал сокрушить ее, «раздавить гадину», как он выражался.

Виднейшими представителями немецкого Просвещения были борец против церковной ортодоксии и фанатизма Г. Лессинг, а также критики библейского откровения Г. Реймарус и И. Гердер. Идеи этих мыслителей явились как бы подготовительной стадией на пути к философии немецкого идеализма, достигающего своей высшей точки в системе Гегеля. Во второй половине XVIII в. дух оппозиционности приобретает все более радикальный характер, возникает *атеизм*, а также *агностический детерминизм*, который, соглашаясь с существованием Бога, не признавал возможности его познания людьми.

Просветительская философия как религиозно-философское знание, оторванное от основных постулатов Священного Писания, в свою очередь, способствовала созданию *общественных наук*. Они стали называться научными потому, что расторгают свою связь с религиозными догмами и обращают внимание только на обобщение *фактологий* развития человеческого общества. Нельзя не обратить внимание на то, что эта методология очень похожа на эмпирическую направленность научного мышления в естественных науках, характерную для того времени.

В области познания явлений *общественной жизни* начинается поиск «естественных начал» религии, права, морали и т.д., опирающихся на представление о человеческой природе (Г. Гроций, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Дж. Локк). Естественное право – это юридическая теория, которая основывалась на убеждении о том, что сам человеческий разум может определить свою правоту.

Только ему свойственно определенное представление о том, что «право» и что «не право», что справедливо и что не справедливо. Естественное право утверждало прирожденное равенство и свободу всех людей – свободу личности. Оно возводило их в основные принципы, на которых должен строиться общественный строй, присоединяя к ним неприкосновенность частной собственности. Естественное право рассматривает личность как человека, свободного от всяких

социальных уз, руководствующегося в своей жизни только своими желаниями, т.е. качеством, присущим индивидуализму, морально-социологической константе, которая стала исходным постулатом в этике, социологии, политэкономии. Свобода личности означала формальное, юридическое правовое равенство, лишенное социальных привилегий, которое сочеталось с фактическим социальным неравенством (введение избирательного ценза даже выводило публично-правовые последствия из имущественного неравенства).

В этот период были предприняты первые попытки создания некоторых обобщающих теорий исторического развития на принципах естественного права (Г. Гроций, Т. Гоббс). При этом полагали, что единственной задачей человеческого духа являются оценка действительности и овладение ею. Сторонники этого направления ограничивали свое исследование эмпиризмом и потому расценивали все метафизические проблемы как мнимые. *Позитивизм* теснейшим образом был связан с методами познания мира, свойственными естественным наукам, и дал толчок к развитию *материализма* и материалистического мироощущения в целом (в философии, истории, экономике). Если традиционная средневековая мысль (теологическая) вопрос о смысле истории связывала с идеей Царства Божьего, то рухнувшее под ударами Ренессанса, Реформации и Просвещения Новое время перенесло акцент из теологической области в область *антропологически-социологическую*, выдвинув теорию *Прогресса* (в идеалистическом или материалистическом ее варианте). А это предполагало развитие истории человечества по восходящей и провозглашение земного бытия, т.е. Прогресса, подлинной целью развития человека, что привело к *развитию всех форм рационализма*. Рационализм утверждает, что разум несет в себе критерий достоверности и обладает принципами, из которых можно вывести весь состав знаний. В отношении принципов и исходных пунктов познания рационализм исходит из того, что принципы знания непосредственно очевидны разуму в силу интуиции. Рационалисты, борясь против религии (Церкви), критически разбирали ее догмы и противоречия и выявляли их абсурдный характер.

Рост научно-технических знаний рассматривался как основа общественного прогресса. Тогда уже родилась идея, которая впоследствии нашла свое выражение в понимании цивилизации как явления, связанного с развитием техники, технологии и вообще материальных факторов общества в отличие от понятия «культура», которое подразумевало идеалы, высшие интеллектуальные,

художественные и моральные качества общества (в таком смысле этот термин и сейчас употребляется некоторыми авторами).

Просветители XVIII в. поставили четко вопрос о законах истории, связывая их с разумной сущностью человека или с особенностями взаимодействия общества и природы, считая законы истории аналогичными законам природы. Заслуга философской мысли эпохи Просвещения в отношении взглядов на формирование истории как науки состояла в том, что бытие человечества приобрело временное измерение. Были сформулированы две важнейшие проблемы – связь человеческого сознания с питающей его социокультурной средой, и возможность соучастия разума в качественном изменении исторического процесса. Была выдвинута идея создания всеобщей истории человечества, исходя из признания единства судеб рода людского (А. Вольтер²⁸), а также теория естественного состояния, утверждавшая, что в начале исторического развития человек был только частью природы (Ж.Ж. Руссо); появилась мысль о непрерывном прогрессе в истории (Ж. Кондорсе и др.); разработано учение о влиянии естественно-географической среды на общественное развитие (Ш. Монтескье, Ж. Боден).

Тогда же были разрушены теологические основы истории, что породило целую плеяду историков светского толка. Движущую силу исторического процесса они связывали с борьбой политических партий и социальных групп (Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини). Были заложены основы периодизации истории, ее деление на древнюю, среднюю и новую (Л. Бруни), которой пользуются и по сей день. Развитию новых методов исторического исследования способствовало изобретение книгопечатания, появилась возможность публикации исторических источников.

В области государственности век Просвещения как бы подвел итог константиновским векам официального христианства, особенно союзу трона и алтаря, т.е. христианской теократии. Применительно к организации верховной власти в просветительской философии господствовала идея внедрения в государственность принципа разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной. Она создает систему «сдержек», при которой каждая власть «умеряет» остальные, чем предотвращаются возможные

²⁸ Вольтер как историк («История Карла XII», «История Российской империи в царствование Петра Великого», «Век Людовика XIV» и др.) явился новатором в идее замены прежней истории войн и королей историей цивилизаций. Наибольшего мастерства Вольтер достигает в своей полемике и в своих памфлетах.

превышения со стороны той или другой власти, грозящей свободе граждан (так называемое «равновесие властей»)²⁹. При этом Гоббс доказывал, что лучшей формой государственности является неограниченная монархия, но не потому, что король «помазанник Божий», а потому, что сильная власть обеспечивает безопасность, порядок и стабильность в обществе, так как по своей природе «человек человеку волк». Отсюда идеалы просвещенного абсолютизма (неограниченной монархии), которые наиболее полно выражены у Вольтера. Действительно, в XVIII в. многие европейские монархи стремились разыгрывать роль просвещенных государей-философов (Фридрих II в Пруссии, Иосиф II в Австрии).

Век Просвещения в области экономики окончательно сформировал три основные идеи, которые питали обществоведческую мысль на протяжении последних столетий. Две из них сформировались еще ранее, во времена научной революции. Первая – связана с идеей необходимости покорения человеком Природы (Ф. Бэкон); вторая – механическое восприятие природы и человека (Р. Декарт, Ж. Ламетри, И. Кеплер). А что касается экономического детерминизма, связывающего изменения общественных отношений с прогрессом техники, на которой базируется и вся формационная парадигма общественного развития (К. Маркс и др.), то можно считать, что она родилась в эпоху Просвещения.

Век Просвещения с его целевыми установками преобразования природы и общества определил вектор общественной мысли и деятельности на все последующие столетия, создав духовную среду для развития естественных и общественных наук. Они же в свою очередь определили быстрые темпы научно-технического развития (со всеми сопутствующими ему недостатками) и те революционные преобразования, которые сотрясали мир в XIX и XX вв.

В это время получает интенсивное развитие *политэкономия* как особая наука, т.е. особая область рационального познания,

²⁹ Вопросы государственного устройства, теории и практики государственной жизни – главный предмет изучения Монтескье. В сочинении «О духе законов» Монтескье развивает учение о разделении властей – законодательной, исполнительной и судебной. Первая, по его мнению, должна принадлежать выборным от населения и разделяться на две палаты – верхнюю и нижнюю (собрание «благородных» и собрание представителей народа), вторая принадлежит королю и его министрам (т.е. служилому дворянству), третья – судьям и присяжным. Каждая из властей вполне самостоятельна в пределах своей компетенции и не должна вмешиваться в сферу деятельности других властей.

на которую были обращены интеллектуальные потребности человека и идеология – индивидуализма и либерализма, связанная с основными постулатами просветительской философии. Тогда формируется направление политической экономии, которое получило название классической политэкономии. Она представлена трудами У. Петти, А. Смита, Д. Рикардо, П. Буагильбера, Ф. Кенэ и А. Тюрго (см. главы 1, 2).

В области морали и этики критерием стали идеалы гуманизма. Эту эстафету передала веку Просвещения эпоха Возрождения, идеями гуманизма проникнута вся литература века Просвещения.

Век Просвещения как особый период в торжестве Разума над Верой дал миру энциклопедические знания. «Исторический и критический словарь» П. Бейля, изданный в 1697 г. в Голландии на французском языке, проникнут общей идеей борьбы с установившимися догмами, открыв тем самым для широкого круга людей многие знания в разных отраслях науки и техники. Однако подлинным и величайшим памятником века Просвещения стала появившаяся в 1751–1780 гг. «Энциклопедия, или Объяснительный словарь наук, искусств и ремесел» Д. Дидро при редакционном участии д'Аламбера. В ее составлении принимали участие Вольтер, Бюффон, Гельвеций, Гольбах, Кенэ, Руссо и др.) Несмотря на сотрудничество множества авторов, взгляды которых далеко не совпадали между собой (например, Вольтера и Руссо, Бюффона и Гольбаха), издание превратилось в рупор передовых идей в борьбе против церковного мировоззрения и феодальной системы. В 35 больших томах «Энциклопедия» охватывала все области научных знаний, искусств и техники, всю духовную и материальную культуру человечества. В ней отражены уже накопленные положительные фактические знания в области истории, археологии, палеонтологии, этнографии³⁰.

Эпоха Просвещения в целом непосредственно подготовила в идейном отношении Великую французскую революцию.

³⁰ Под влиянием идей энциклопедистов XIX в. выделяется как особый этап в развитии исторической науки прежде всего в области накопления фактов и первоначальной технической обработки собранного материала, развития вспомогательных исторических дисциплин и т. д. Хотя политическая история занимала доминирующее положение в исторических исследованиях, начали получать отражение и другие аспекты прошлого (духовной и материальной культуры, социально-экономического быта, развития народного хозяйства, социальных отношений), стал использоваться сравнительный исторический метод, получили развитие исследования доисторического прошлого человечества (Л. Морган), период античности (Т. Моммзен), средних веков (медиевисты Г. Маурер, У. Стебс).

8.2. Отражение религиозно-духовных потрясений и эпохи Просвещения в европейских революциях XIX в.

8.2.5. Отражение реформационных потрясений в Нидерландской и Английской революциях

Нидерландская и Английская революции – эпохальные события в жизни Западной Европы, на многие столетия определившие вектор политического и экономического развития этих стран. Они впервые противопоставили силу торговли и денег духовному климату и социально-экономическим отношениям Европы, которые сложились до этого в течение тысячелетней истории развития Западной цивилизации. И поэтому XVI в. считается началом Нового времени.

Нидерланды явились первыми вестниками Нового времени. Слово «Нидерланды» означает «низкая земля». И действительно, более 2/3 всей площади современной Голландии располагается на территории всего лишь одного метра над уровнем моря, а 1/3 ниже этого уровня. Воистину правы те, кто говорит, что Бог создал море, а голландцы – берега. Название «Нидерланды» появилось впервые в XV в. Ранее на этой территории существовало много мелких политических образований, постепенно объединенных бургундскими герцогами и их преемниками – Габсбургами в Соединенные провинции – Нидерланды³¹. В 1555 г. по разделу империи Карла V перешли к Испании. В XIV–XVI вв. Нидерланды были самой передовой страной во всей Северной и Средней Европе, славившейся своей промышленностью и крупными ярмарками (особенно Фландрия и Брабант с городами Брюгге и Антверпен), мореходством, рыболовством и молочным хозяйством. Не случайно в империи Карла V нидерландский и южногерманский торговый капитал был силой, направлявшей в своих интересах политику императора. Затем ситуация изменилась, что было связано с распадом империи и внутренним экономическим кризисом Испании. Он вызвал застой в хозяйственном развитии страны, повлекший разорение испанского дворянства. В этих условиях коренным образом изменились отношения между Испанией и Нидерландами.

В Голландии Реформизм, шедший под лозунгами кальвинизма и анабаптизма³², получил завершение в эпоху Нидерландской

³¹ Теперь территория, занятая преимущественно Бельгией и Голландией.

³² Здесь создает свое учение Спиноза (1632–1677 гг.), оказавший через Фейербаха заметное влияние на философскую мысль марксизма.

революции (1566–1588). Нидерландская революция охватывает большой период истории этого государства, главным стержнем которой была борьба с католической Испанией. Она началась в 1566 г., когда была предпринята попытка введения в Нидерландах абсолютизма и инквизиции по испанскому образцу. В этой революции выделяется несколько больших этапов.

Первый этап был связан с системой дискриминационных мер короля Филиппа II против Нидерландов в экономической и политической сферах. Так, был ограничен ввоз в Нидерланды испанской шерсти, сырья, необходимого для нидерландской текстильной промышленности; нидерландский торговый капитал был отстранен от колониальной торговли, объявленной испанской монополией. Подготовлен ряд финансовых мероприятий по экспроприации нидерландских капиталов. Первым проявлением оппозиции испанскому режиму был демонстративный отказ представителей высшего нидерландского дворянства Вильгельма Оранского, Эгмонта, Горна и др. от участия в государственном совете, отодвинутом на задний план «Консульты»; группой советников с кардиналом Гранвеллой во главе при испанской наместнице, герцогине Пармской. Образовавшаяся местная дворянская лига, названная «Компромиссом», добилась удаления Гранвеллы. Представители нидерландского дворянства, недовольные систематическим его устранением из гражданской и военной администрации, подали 5 апреля 1566 г. в Брюсселе петицию («реквест») Маргарите Пармской с требованием отмены эдиктов, вводивших в Нидерландах инквизицию. Один из советников Маргариты Пармской назвал петиционеров «гёзами» (нищими). Это прозвище стало вскоре боевым кличем против испанского владычества. Движение перебралось на широкие слои городского и деревенского населения, вступившие в противостояние с испанцами под лозунгами *кальвинизма*.

Нидерландское дворянство, однако, помогло испанцам подавить это движение (1566–1567). Дворянство не добилось этим предоставления власти в Нидерландах местной аристократии. Новый испанский наместник арестовал и казнил важнейших вождей нидерландской аристократии – Горна, Эгмонта и ввел в стране экономический и политический террор. Смертные приговоры числом до 18 тыс., вынесенные «Советом по делам беспорядков», прозванным в народе «Кровавым советом», сопровождались конфискацией имущества. Результатом политики герцога Альбы был полнейший экономический упадок Нидерландов. Движение в стране разрасталось.

Второй этап – это вооруженная борьба против испанцев. Вильгельм Оранский, объявленный вне закона, лишенный имущества, вторгся в Брабант и в то же время начал организовывать операции «морских гёзов», голландских корсаров, действующих против Испании. В 1572 г. в Северных Нидерландах вспыхнуло восстание, во главе которого встал Вильгельм Оранский. Штаты провинции Гол-

ландии избрали его штатгальтером (правителем). Восстание привело к очищению всего Севера от испанцев. Руководство движением принадлежало крупной буржуазии, проведшей конфискацию церковного имущества. В религиозной области победил кальвинизм, южные провинции развивались по другому историческому сценарию³³.

Третий этап Нидерландской революции можно связать с политическим завершением перехода власти в руки буржуазии в Северных Нидерландах. В 1579 г. Утрехтской унией здесь был создан союз 7 северных провинций, превратившийся в 1581 г. в федеральную «Республику Соединенных Провинций Нидерландов», которая стала по названию важнейшей из 7 соединенных провинций – Голландией. Законодательным органом республики стали Генеральные штаты, состоящие из депутатов от штатов отдельных провинций. Правителем фактически стал Вильгельм Оранский. Испанский король был признан в Нидерландах низложенным. Генеральные штаты, однако, не отказывались от монархии, но принцип «Божьей милостью» они заменили принципом монархии «волей народа», с оставлением фактической полноты власти в руках Генеральных штатов.

В борьбе с испанцами Нидерланды получили поддержку Англии, борющейся с Испанией за господство на море. После убийства Вильгельма Оранского (1584) подосланным испанцами дворянином Бальтазаром Жераром правителем недолгое время был посланный английской королевой Елизаветой во главе вспомогательного корпуса граф Лестер (до 1587 г.).

Годом окончания Нидерландской революции можно считать 1588 г., когда Юг окончательно вернулся под испанское владычество, а на севере утвердилось господство крупного капитала. Ставленником крупного торгового капитала был молодой сын Вильгельма Оранского Мориц Нассауский (в первый период его политической карьеры). Как отмечалось, в результате революции в Северных Нидерландах образовалась независимая федеральная

³³ Население южных провинций Нидерландов в основном тяготели к католицизму. И поэтому, несмотря на сопротивление испанским властям, а также ряд выступлений (1577–1578) мелкой буржуазии с лозунгами кальвинизма против церковных властей и даже против дворянского террора, эти области тогда остались под испанским влиянием. Испанцы опирались там на дворянство. Именно оно, стремясь сохранить свои феодальные привилегии, организовало в 1579 г. союз 4 валлонских провинций (Аррасскую лигу). Часть крупной буржуазии примкнула к дворянской лиге. Все это облегчило испанцам «обратное завоевание» Южных Нидерландов, чему способствовала искусная политика назначенного в 1578 г. нового испанского наместника Александра Фарнезе, завершившаяся к 1585 г. Южные Нидерланды остались под властью Испании, от которой потом по Утрехтскому миру в 1713 г. перешли к Австрии. В рамках последней потом образовалась Бельгия с фламандским языком и самобытной фламандской культурой.

республика во главе со штатгальтерами из Оранского дома. По названию своей главной провинции, она стала называться Голландией. После Нидерландской революции голландский торговый капитал тогда переживал свой расцвет. Голландия наследовала господство Португалии на морях, стала мировой колониальной державой. Денежная единица – флорин или гульден – была самой устойчивой валютой в Европе. Историческое значение Нидерландской революции заключалось в том, что протестантство (в форме кальвинизма), ставшее духовным стержнем не только крестьянства, ремесленников, мелкой, средней, но и крупной буржуазии, позволило создать совершенно новый тип общества и государства, оказавший впоследствии большое влияние на весь ход европейской истории.

Примерно через пятьдесят лет после окончания Нидерландской революции подобные катаклизмы потрясли Англию. Английская революция – это двадцатилетний период в истории Англии (1640–1660). Однако и политические силы, и конкретный характер революционных событий были несколько иными. Дело в том, что в Англии и до революции королевская власть стимулировала развитие рыночных отношений. Начало Нового времени и Реформации совпало в Англии с правлением династии Тюдоров (1485–1603), которые опирались на выросшие торгово-промышленные слои. Англия вступает в борьбу с Испанией, оспаривая у нее господство на морях и стремясь воспользоваться богатствами стран Америки, доставшимися Испании. В противовес католической Испании, Англия выступает против засилья папства, установившегося в Англии при Генрихе VIII (1509–1547), опираясь на Англиканскую Церковь. Эту политику продолжает Елизавета (1558–1603), способствуя развитию торгового могущества Англии. При поддержке королевы организуются Ост-Индская торговая компания и Лондонская биржа, появляется ряд законов о рабочих и безработных. И тем не менее, тормозом на пути дальнейшего капиталистического развития оказался английский абсолютизм, который предстал в форме *конфликта между короной и парламентом*.

Эти конфликтные отношения приобретают особенно острые формы в период правления Карла I (1625–1649) и Стюартов. Карл I перестает созывать парламент, восстанавливает целый ряд феодальных поборов, прибегает к принудительным займам, к незаконным денежным сборам, к раздаче всевозможных монопо-

лий. Недовольство охватывает самые широкие круги буржуазии, джентри, крестьянства и ремесленников. Потерпев неудачу в войне с Шотландией, Карл I вынужден был созвать 13 апреля 1640 г. парламент, просуществовавший, однако, всего три недели. Успехи Шотландского восстания и рост недовольства в стране вынудили Карла I вторично созвать парламент 3 ноября 1640. Это был так называемый «Долгий» парламент, заседавший до 1653 г. С созыва Долгого парламента начинается история Английской революции.

В этой эпохе выделяются несколько периодов. Первый период (1640–1642) – эпоха единого фронта против абсолютизма, возглавляемого парламентским большинством, которое обратилось к королю в январе 1642 г. с Великой демонстрацией (представлением), в котором была сформулирована программа парламентского большинства. Карл I ответил неудачной попыткой ареста вождей этой коалиции.

Осенью 1642 г. началась гражданская война. Англия разделилась на два лагеря: сторонников Карла I (кавалеров) и сторонников парламента (круглоголовых, так кавалеры называли стриженных под гребенку приверженцев парламента). Ряды круглоголовых возглавляет Оливер Кромвель, выделившийся в процессе создания новой армии из зажиточных крестьян (иоменов) с железной дисциплиной. В 1645 г. королевская армия была уничтожена и Карл I бежал в Шотландию, но шотландцы выдали его парламенту.

В самом парламенте обозначился глубокий раскол на религиозной почве между *пресвитерианами*, которые ограничивались умеренными требованиями конституционной монархии и реформы Церкви, с одной стороны, и *индепендентами*, с другой³⁴. Последние были настроены более радикально и требовали уничтожения монархии. Армия была на стороне индепендентов, хотя в самой армии наметились серьезные разногласия между «грандами» (ее командной верхушкой) и солдатской массой, отражавшей интересы большей части крестьянства к левеллерам («уравнителям»), требовавшим всеобщего избирательного права и всенародного голосования. Конфликт вылился в вооруженное противостояние, в результате которого вождь левеллерской части армии был расстрелян. Дальнейшее углубление противоречий в армии было прервано роялистским мятежом 1648 г. После его подавления армия заставила Оливера Кромвеля произвести чистку парламента от враждебных армии и *индепендентам депутатов*.

³⁴ Пресвитериане – сторонники пресвитерианской церкви, требовавшие замены епископств советами выборных церковных старост и передачи высшего духовного руководства священникам – пресвитерам.

Индепенденты («независимые») – сторонники полного самоуправления отдельных церковных обществ, были настроены более радикально, они требовали уничтожения монархии.

Очищенный парламент образовал верховный трибунал для суда над Карлом I. 30 января 1649 г. Карл I был казнен, 6 февраля была упразднена палата лордов, 7 февраля вынесено постановление об уничтожении монархии. *19 мая 1649 г. Англия была провозглашена республикой*, а исполнительная власть была передана государственному совету. Буржуазная республика с самого начала проявила резкую враждебность по отношению к левеллерам (солдатское восстание было подавлено путем кровавых репрессий), а также к мирному аграрно-коммунистическому движению безземельных крестьян (диггеров). Первые годы республики ушли на борьбу с восстаниями в Ирландии и Шотландии. Ирландское движение Кромвель залил кровью, а в течение 1650–1652 гг. окончательно усмирил и Шотландию.

Обстановка осложнилась из-за войны с Голландией с весны 1652 г. из-за торгового соперничества. Непосредственной причиной этой войны послужило издание Долгим парламентом Навигационного акта. Согласно этому документу товары из Азии, Африки и Америки могли ввозиться в Англию лишь на английских судах, и каботажное плавание у берегов Англии разрешалось лишь английским судам. Этот акт имел целью подорвать посредническую торговлю Голландии. Принятие этого акта так же, как и все действия в области внешней политики республики, происходили на фоне жесткой борьбы в самом парламенте, где большой вес имели те группы парламентариев, которые были связаны с крупной буржуазией, нажившей большое состояние на поставках во время войн, а также спекулятивными отношениями с голландцами. Эта ситуация в парламенте в конце концов была разрешена через ряд опосредующих акций установлением диктатуры Кромвеля, которому *16 декабря 1653 г. было присвоено звание лорда-протектора республики*. Диктатура Кромвеля была временем господства крупного торгового капитала. Во внешней политике Кромвель был успешен – довел войну с Голландией до конца (1654) и заключил ряд выгодных торговых сделок. Во внутренней политике Кромвелю пришлось бороться как с роялистами, так и с остатками демократических группировок. Результатом этой политики было изменение государственного строя Англии (1657), который был преобразован в монархическом духе, причем государственному совету были присвоены права палаты лордов. После смерти Кромвеля (3 сентября 1658) его сыну Ричарду Кромвелю не удалось удержать власть. Произошло восстановление старой королевской династии. Однако восстановленная монархия не посягнула на основные завоевания революции. Распроданные земли не были возвращены их владельцам, отмена ленной системы и Навигационный акт получили свое новое подтверждение. Власть короны была ограничена парламентом. Восстановленные Стюарты (Карл II (1660–1685), Иаков II (1685–1688)) вновь сблизились с феодально-аристократическими слоями населения с большой симпатией к католицизму. В 1682 г. парламент низложил Иакова и передал престол его зятю Вильгельму Оранскому. Спустя шесть лет в 1688 г. произошла Вторая английская революция, которая по выражению Маркса, «утвердила господство крупного предпринимательского землевладения вместе с верхушкой денежного и торгового капитала».

Последствия Английской революции в политической и социально-экономической сфере трудно переоценить: она стимулировала быстрое развитие торгового капитала, внешней торговли и мореплавания. Она способствовала возникновению ряда международных монопольных военно-торговых компаний, которые сыграли большую роль в колониальных захватах. Именно она подготовила и промышленную революцию, которая сделала Англию на столетие мастерской мира. Но это могло стать только потому, что ей предшествовала научная революция, которая внесла свой существенный вклад в разрушение католически-протестантского мировосприятия Западной цивилизации.

*8.2.6. Кризис союза «трона и алтаря»
в условиях глубоких противоречий феодализма:
Великая французская революция, революционные войны
и их социально-политические последствия (XVIII в.)*

Знаковым событием конца XVIII в. в рассматриваемом нами аспекте явилась Великая французская революция (1789–1794 гг.), которая унесла порядка 1,5 млн жизней из двадцатимиллионного населения Франции (7,5%) и оказала громадное влияние на идеологические и политические отношения всей Европы в конце XVIII и в XIX в. В идеологическом отношении эта революция была подготовлена периодом Просвещения в целом и его французской ветви в частности, что нами было рассмотрено выше. Поэтому здесь целесообразно сделать акцент на социально-экономических предпосылках, связанных с кризисом феодальной системы и абсолютистской монархии, опирающейся на Римско-католическую Церковь. В рамках этого тандема сформировался социально-экономический строй, который иногда называли *старым порядком*³⁵. Социально-экономические отношения (или противоречия в них сложившиеся) заявили о себе в полный голос к концу XVIII в. в абсолютистской Франции, где их развитие наталкивалось на ограничения в производстве (цеховой строй) и торговых отношениях (внутренние пошлины). И это при том, что в стране накопились громадные капиталы, которые требовали своего применения. Обладательницей их являлась буржуазия – *третье сословие* (накопление капитала тогда совершалось главным образом в сфере

³⁵ Термин «старый порядок» охватывает время разложения абсолютизма (1715–1789), введен А. Токвилем. (См.: Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1918.)

внешней торговли, торгового мореплавания и откупа государственных налогов).

К этому надо добавить проблемы, связанные с денежным фактором, а точнее, с организацией государственных финансов, так как государственное управление и казна находились в руках феодальной знати, короля, его фавориток и придворного дворянства. Войны абсолютистской монархии приводили к большой *задолженности* казны у третьего сословия, но далеко не всегда результаты войны удовлетворяли интересам монархии. Расточительность двора и беспорядок в финансовом управлении еще больше увеличивали сумму займов у буржуазии, по которым правительство расплачивалось крайне неаккуратно. Хотя правительственный деспотизм несколько ослаб к концу XVIII в., но все же абсолютистский произвол вызывал недовольство этого состоятельного класса. Тем более, что политическая инициатива подавлялась, в частности, широким применением приказов об аресте без суда. Попытки абсолютистской монархии провести финансовую и административную реформу в рамках существовавшего строя не дали желаемых результатов³⁶.

Положение крестьянства в этих условиях было ужасающим, так как не только дворянство, но и церковь, и буржуазия обеспечивали свое благоденствие за счет крестьянства. Дело в том, что тогда третье сословие выступало также откупщиком помещичьих сеньориальных прав. Последние вместе с церковной десятиной земли и всевозрастающими налогами (галья и др.) приводили к разорению крестьянства, на которое падали главные тяготы. Неурожай 1788 г. и экономический кризис зимы 1788/1789 гг. обострили недовольство широких крестьянских масс. Весной 1789 г. произошло более 300 мятежей, главным образом голодных бунтов. Это было прелюдией к революционным потрясениям³⁷.

³⁶ Тюрго в 1774 г., заняв должность генерального контролера, установил свободу хлебной торговли, заменил натуральную дорожную повинность денежным налогом и упразднил цехи. Эти начинания, направленные на развитие внутреннего рынка и устранение наиболее стеснительных преград на пути развития промышленности, вызвали резкую оппозицию феодально-дворянских кругов, приведших к отставке Тюрго (1776 г.). С падением Тюрго все его реформы были отменены.

³⁷ Введение краткого эссе в ткань повествования обусловлено особенностями освещения этой проблемы в литературе: она или дается в развернутом изложении или освещается чрезвычайно фрагментарно в зависимости от политических взглядов того или иного историка в целом, где в постсоветское время упор делается на террористическую природу этого эпохального

Основные этапы революции в самом кратком их изложении с выделением главных событий, которые имели громадное значение для изменения духовного и государственного климата не только Франции, но и всей Европы (по годам) следующие.

Первый этап (1789–1792 гг.): от взятия Бастилии до свержения монархии.

1789 г. – начало революции было связано с попыткой Людовика XVI после неудачного обращения к нотаблям созвать в Версале старое сословное представительство – Генеральные штаты, которые не созывались с 1614 г.³⁸ Заседание Генеральных штатов открылось представительством третьего сословия, провозгласившего себя *Национальным собранием*. Оно добилось права избирать двойное, сравнительно с двумя привилегированными сословиями, число депутатов. За этим должна была логически последовать и замена сословного голосования поголовным. Такая инициатива не была поддержана двором. Более того, третье сословие объявило именно свои заседания Национальным собранием с предложением двум другим сословиям присоединиться к ним. В ответ правительство закрыло зал заседаний.

Но депутаты третьего сословия не подчинились запрету. Учитывая, что к этим депутатам присоединились для совместной работы представители привилегированных сословий, Национальное собрание объявило себя *Учредительным собранием*. На попытку короля собрать военную силу, третье сословие организовало новое революционное *городское управление и Национальную гвардию*, которая 14 июля 1789 г. взяла Бастилию. Бастилия, построенная в XIV в., была сначала крепостью, опорным пунктом для войск в Париже. В XV в. в нее стали помещать заключенных, главным образом политических. В XVIII в. в Бастилии побывали многие представители века Просвещения, среди них был Вольтер. Там находились под замком и конфискованные издания, в том числе «Энциклопедии». Заключали в Бастилию на основании произвольно применявшихся запеча-

явления. Общая методология данной работы требует освещения ее как целостного явления, послужившего началом к возникновению социальных религий будущих столетий.

³⁸ Как сословное представительное учреждение Франции Генеральные штаты, созданные впервые в 1302 г., в разгар борьбы королевской власти за независимость от римского папы в светских делах, впоследствии созывались крайне нерегулярно. Значение Генеральных штатов падало по мере усиления королевского абсолютизма. В 1439 г. Генеральные штаты признали право взимания налогов и организации постоянной армии лишь за одним королем. С этого времени Генеральные штаты собирались редко и заменялись обычно собраниями нотаблей (именитых людей) по приглашению, а фактически – по назначению короля. Во второй половине XVI в. в период гражданской войны, Генеральные штаты делали безуспешные попытки добиться существенного ограничения королевской власти и расширения своих политических прав.

танных приказов об аресте («леттер де каше»). Она стала мрачным символом королевского деспотизма.

Когда Людовик XVI подтягивал войска к Парижу и Версало с целью подавления восстания, Бастилия могла бы сделаться опорным пунктом для королевских войск. Мединский пишет, что фактически никакого приступа Бастилии не было, так как она практически не охранялась, что в этой акции принимали участие уголовные элементы и др. Возможно, что эта – более достоверная версия освещения событий. Но она не меняет сути дела – символического значения этой акции, не случайно ее по сей день отмечает вся Франция.

Взятие Бастилии, может быть, как *революционный символ* отторжения королевского деспотизма и получило отзвук в широком народном движении в провинции. В городах буржуазия отнимает власть у королевской администрации, иногда подавляя сопротивление силами местных отрядов Национальной гвардии и крестьянства. Особенный размах крестьянское движение, сопровождающееся разгромом замков и истреблением сеньюральных документов, получило на Востоке.

Эти события вынудили представителей дворянства и духовенства 4 августа выступить на Учредительном собрании с декларациями по аграрному вопросу, передаче его решения в особую комиссию. В условиях продовольственного кризиса король медлил с утверждением декларации от 4 августа и пытался одновременно стянуть в Версаль надежные воинские части. Это вызвало поход парижан на Версаль далеко не с добрыми намерениями. Королевский двор вынужден был перебраться вместе с Учредительным собранием в Париж, где он оказался, с одной стороны, под защитой парижан, с другой стороны, как бы их заложником. Национальное собрание принимает *Декларацию прав человека и гражданина*, направленную против абсолютизма и старого порядка, провозгласившую «естественные» права собственности, свободы, равенства и идею народовластия (декларация считается в принципе действующей во Франции и поныне).

В 1790 г. постоянные восстания крестьянства фактически ликвидировали сеньюриальный строй. Но старая власть не сдавалась. Происходила активизация сторонников короля и старой системы в целом, где активную роль играло «неприсяжное» духовенство, не подчинившееся новому строю, особенно ущемленное национализацией церковных земель и поддерживаемое извне Римской католической Церковью (не случайно в ряде провинций происходят погромы протестантов). Отмечается ряд прямых выступлений контрреволюционно настроенных генералов против восставших (жесткое подавление восстания революционных солдат в Нанси и в других провинциях). Усиливается эмиграция дворян во главе с братом короля, графом д'Артуа. В местностях, близких к границе (*Кобленце*), вырастали очаги эмиграции, где формировались отряды для восстановления монархии. Из-за границы тянулись во Францию нити заговоров. Эмигранты готовили при иностранных дворах интервенцию. В июне 1791 г. Людовик XVI с семьей пытается бежать за границу, чтобы возглавить собравшихся там эмигрантов и восстановить в революционной Фран-

ции старый порядок. Бегство не удалось: король был задержан и возвращен в Париж. Учредительное собрание ограничилось временным устранением короля от власти, взвалив всю ответственность на «дурных советников» короля, якобы «похитивших» последнего. Парижские рабочие и ремесленники, настаивавшие на низложении короля, были расстреляны на Марсовом поле. Противоборство социальных сил в самом Учредительном собрании шло по восходящей, где постепенно брало верх левое радикальное крыло (лидеры – Робеспьер, якобинцы)³⁹. Происходит смена Учредительного собрания *цензовым Законодательным собранием*. В нем наряду со сторонниками конституционной монархии многочисленную группу составляли члены якобинского клуба, признавшие необходимость республики. В этот период Законодательное собрание принимает *Конституцию Франции, в которой Декларация прав человека и гражданина является вводной частью*.

Второй этап (1792–1793 гг.): от принятия Конституции до казни короля

1792 год начался с противодействия короля проведению принятых Законодательным собранием законов о конфискации имущества дворян-эмигрантов и ссылке контрреволюционного духовенства, что совпало с вторжением Австрии и Пруссии во Францию (июль 1792 г.).

У европейских государств стремление воспользоваться ожидаемым ослаблением Франции перебивало опасениями за сохранение прочных собственных устоев. Тем более, что эти опасения имели под собой реальные основания. Крестьянские восстания в 1789–1790 гг. сначала охватили ближайшую к Франции Западную и часть Южной Германии, а в 1792 г. при Законодательном собрании распространились на Силезию и были поддержаны ремесленниками-ткачами. Верх одержали вторые факторы.

Иностранная интервенция вызвала массовое движение добровольцев («федератов») в Париж для укрепления революции и к границам для борьбы с врагами под лозунгом: «Отечество в опасности». Все это обострило революционную ситуацию, которая привела к восстанию 10 августа в Париже, взятию королевского дворца *Тюильри*, отрешению короля Законодательным собранием от власти (фактически к падению монархии) и заключению королевской семьи в *Тампль*.

В этих условиях возникла *революционная диктатура*, осуществление которой взяла на себя *городская коммуна Парижа*, переизбранная революционным путем и близкая к народным массам. Наибо-

³⁹ В Учредительном собрании в этот период выделяются три группы: правая группа, состоящая в основном из дворянства, не имевшая большого влияния; умеренно-монархическая – центристская (руководящая роль) и левая радикальная группа весьма различных оттенков, сначала не пользовавшаяся большим влиянием. Постепенно по мере удачных выступлений Робеспьера ее роль возросла. Члены левых групп вместе с некоторыми из центра составляли руководящее ядро Якобинского клуба (*якобинцы*), рядом с которым вырос более демократический и менее интеллигентский клуб *кордельеров*.

лее влиятельным членом правительства после переворота 10 августа сделался министр юстиции Дантон. Первая победа французских революционных войск при Вальми 20 сентября была ознаменована появлением нового представительного органа государственной власти *Конвента*, избранного на основе всеобщего голосования.

Первыми актами Конвента были уничтожение королевской власти и провозглашение *Республики 22 сентября*. Вначале в Конvente господствовала партия зажиточной буржуазии – Жиронда, им противостояло радикальное крыло (Гора), ядром которого являлись якобинцы⁴⁰, между ними колебалась пассивная часть Конвента (Болото). Основными разногласиями между этими крайними полюсами были следующие вопросы: о судьбе короля, уличенного в связях с интервенцией, и введение так называемого *максимума*, т.е. контроля над ценами, возросшими в несколько раз в связи с выпуском бумажных денег ассигнатов (см. параграф 7.2). Проблема максимума играла громадное значение для обеспечения хотя бы в минимальной мере продовольствием при все возрастающей дороговизне.

Третий этап (1793 – июль 1794 г.):

от казни короля до контрреволюционного переворота

В начале 1793 г. (21 января) был казнен король. В Конvente произошло падение Жиронды, что означало наступление нового этапа революции – перехода к революционной диктатуре мелкой буржуазии на фоне гражданской войны под руководством мелкопоместных дворян, агентов эмигрантов и «неприсяжных» священников, особенно на Юге (федералистские восстания), на Северо-западе (Вандея, Шуаны)⁴¹.

В этих условиях осуществляется введение в действие демократической конституции и создается *революционное правительство, наделенное диктаторскими правами*. Фактическими

⁴⁰ Якобинцы как политический термин употребляется в двояком смысле: как обозначение политического клуба (название происходит от занятого членами клуба Якобинского монастыря в Париже) и как определенного общественно-политического типа, распространенного как в эпоху Великой французской революции, так и в другие эпохи. Как обозначение общественно-политического типа, название применяется к более широкому кругу революционных деятелей, выражая, согласно марксистской идеологии, «взгляды мелкобуржуазного революционного движения, не останавливаясь перед применением решительных мер вплоть до террора в борьбе с крупной буржуазией». Принципы и тактика якобинства возрождались даже во внешних формах в период Парижской Коммуны (1871 г.).

⁴¹ Внутренние осложнения усугублялись расширением боровшейся с революционной Францией коалицией европейских государств, где самую активную роль играла Англия, к которой присоединились Испания и ряд германских и итальянских государств.

носителями диктатуры сделались Якобинский клуб и его провинциальные отделения. «Подозрительные» предавались суду революционного трибунала⁴². Во главе революционной диктатуры с конца июля 1793 г. стоял Робеспьер.

Беспощадное применение террора было только одной стороной революционной диктатуры, а другой было порождение громадной организаторской работы. На местах комиссарами Конвента проводилась громадная работа по организации армии и управления и по обеспечению продовольственного снабжения армии. Суровое проведение максимума дало возможность удовлетворить минимальные потребности широких революционных масс.

Подчеркивая разрыв революции с католической церковью, Конвент ввел осенью 1793 г. новое летоисчисление – революционный календарь (подробнее см. в следующем параграфе). В 1793 г. была принята новая «Декларация прав человека и гражданина», одобренная Национальным конвентом вместе с Новой Конституцией.

К началу 1794 г. грозившая революции внутренняя и внешняя опасность была в значительной мере устранена. С этого времени резко проявились внутренние разногласия в рядах правящей группы якобинцев: представители сравнительно более устойчивой группы мелкой буржуазии – робеспьеристы резко расходятся с представителями беднейших мелкобуржуазных и полупролетарских слоев – гебертистами (глава Гебер) и «новой» части спекулятивной буржуазии, возглавлявшейся Дантоном.

Борьба велась вокруг вопросов об отношении к пролетарским и полупролетарским слоям, а также к зажиточной буржуазии, об ослаблении террора, о религиозной политике. Робеспьер и Дантон совместно выступают против Гебера и стоящей за ним бедноты, а Гебер, опираясь на городскую коммуну, делает неудачную попытку захвата власти путем государственного переворота. Эта попытка закончилась казнью Гебера. Разгромив бедноту, недавние союзники разошлись между собой: Дантон и его сторонники требовали «милосердия» – смягчения террора. Но результатом их требований стала казнь самого Дантона и его сторонников. Беспощадно борясь с противниками справа и слева, Робеспьер ослаблял социальную базу правительства прежде всего за счет беднейших слоев населения, что привело к контрреволюционному перевороту и к падению правительства Робеспьера.

⁴² Некоторые из исключительных мер стали применяться еще до падения Жиронды с весны 1793 г., особенно в связи с военными неудачами в Бельгии и изменой некоторых генералов. После убийства Марата сторонницей жирондистов Шарлоттой Корде террор усилился. Казнены были среди других Мария Антуанетта и ряд вождей Жиронды.

Окончание Великой французской революции (1794 г.)

Началась *термидорианская* реакция, к которой в более широком смысле причисляют и эпоху *Директории*.

Главной социальной опорой этого времени стала спекулятивная буржуазия города и деревни – «нувориши» («новые богачи»). Первая – разбогатела за счет поставок в армию, вторая – за счет полученной в период революции свободной от феодальной зависимости земли. И та и другая группа составили основную массу приобретателей национальных имуществ. Вместе с тем распродажа Национальных имуществ увеличила число земельных собственников, средних и мелких, которые в дальнейшем станут самой устойчивой опорой социального консерватизма. Приход к власти крупной спекулятивной буржуазии и возвращение в Конвент уцелевших жирондистов сопровождалось рядом акций термидорианской реакции – отменой максимума, разгромом Якобинского клуба, упразднением революционного трибунала.

В 1775 г. новый класс – крупная спекулятивная буржуазия – прежде всего постарался законодательно оформить свою власть путем проведения *цензовой конституции III года*, определившей государственный строй периода Директории и выдвижения из своей среды будущего правительства Директории. Этот период был назван по имени правительства этой эпохи. Тогда исполнительная власть была по конституции 1775 г. предоставлена 5 «директорам», законодательная – Совету пятисот и Совету старейшин, избиравшихся на основе имущественного ценза. Пустота государственной казны, чрезмерный выпуск бумажных денег-ассигнатов, внутренняя контрреволюция, внешняя война делали положение Директории неустойчивым. Наибольшую опасность для Директории представляла армия с ее вождями, выдвинувшимися во время революции. Войско стало вмешиваться в политику и принимать участие в политике. Сама Директория страдала от внутренних разногласий и внутреннего разложения.

Она подвергалась атакам слева – со стороны бедноты, жестоко страдавшей от резкого экономического неравенства, и справа – со стороны монархических элементов. В этих условиях происходит *самороспуск Конвента* (26 октября 1795 г.), *обострение гражданской войны* (несколько восстаний рабочих – в апреле, мае) и *контрреволюционное восстание* (в октябре 1795 г.).

Самым главным событием 1776 г. явился заговор Бабефа. Острогу борьбы подчеркивают настойчивые требования об обеспечении рабочих хлебом, но и о восстановлении демократической конституции 1793 г. Эти требования были повторены бабуистами, которые видели в удовлетворении требований лишь первый этап к насильственному

преобразованию общества на коммунистических началах, установлению «фактического равенства» с организацией на переходный период революционной диктатуры. В мае толпа ворвалась в самый Конвент, убила одного из депутатов и заставила принять ряд постановлений в якобинском духе. Число арестованных после восстания исчислялось тысячами.

В этот период на судьбу революционной Франции большое влияние оказывает внешний фактор. На смену распавшейся первой европейской коалиции в период Директории пришла вторая европейская коалиция также под активным руководством Англии. Она нанесла французской армии ряд поражений в Италии. К этому надо добавить катастрофическое положение в экономике. Колоссальный выпуск ассигнатов в связи с войной сильно понизил их курс и поставил государство на грань банкротства. Выход из затруднений, особенно после победы в обострившейся классовой борьбе, правящий класс видел в установлении *военной диктатуры*, носитель которой выдвигался ходом военных событий.

Предпосылки для вмешательства армии и ее вождей во внутреннюю борьбу были налицо: победы французской армии над первой коалицией дали им возможность изменить самый характер революционных войн, перейти от обороны в наступление, сопровождающееся захватами, овладеть левым берегом Рейна и окружить Францию рядом «республик-дочерей», вассальных государств⁴³. Французская армия и ее вожди отстояли страну и от натиска второй коалиции и пополнили опустевшую государственную казну за счет военной добычи, оставляя значительную часть и на свою долю.

Армия к тому же оказалась решающей силой во внутренней борьбе, и ее поддержка в мелкобуржуазной среде могла не только поставить у власти одного из ее вождей, но и помочь укреплению созданного революцией, подчинив ему наиболее радикально настроенные слои общества.

⁴³ Необходимо подчеркнуть взаимосвязь так называемых революционных войн, которые вначале возникли как форма защиты революционной Франции, с теми противоречиями и военными конфликтами, которые и ранее были характерны для государств Западной цивилизации. В общем революционные войны в первый период Великой французской революции носили по преимуществу оборонительный характер как по отношению к монархиям, пытавшимся задуть революцию, так и по отношению к Англии, продолжавшей с Францией старые счеты за колонии. Постепенно, еще до 9 термидора, они приобрели наступательный характер. После термидора и Директории они становятся борьбой крупной французской буржуазии с английской за господство на европейских рынках, хотя и прикрытой революционной фразеологией.

Восемнадцатого брюмера VIII г. (9–10 ноября 1799 г.) вернувшийся из египетского похода генерал Наполеон Бонапарт разогнал законодательные палаты и свергнул власть Директории, провозгласив Консульство. Упразднение Директории и передача всей полноты власти Консульству из 3 лиц явились переходным периодом к империи. Фактически власть перешла к генералу Наполеону Бонапарту, объявившему себя первым консулом. Но это было уже началом другого исторического периода в развитии Франции.

Французская революция имела громадное значение для изменения формационного строя Франции. Она впервые установила во Франции конституционный строй. Известное значение конституционных учреждений было сохранено даже после крушения военной диктатуры Наполеона I и возвращения в эпоху Реставрации Бурбонов. Союз «трона и алтаря» при Наполеоне приобрел компромиссный характер, свидетельством чему был конкордат Наполеона I с папой Пием VII (1801)⁴⁴. Папа признавал происшедшую в эпоху революции распродажу церковных имуществ. Католическая религия объявлена была тогда религией большинства французов, духовенство должно было получать жалование. Взамен этого назначение архиепископов и епископов было закреплено за папством.

Французская революция, включая ее последствия, связанные с деятельностью Наполеона I, имела большие геополитические последствия для Европы. Одни государства, включая Австрию, понесли значительные территориальные потери, другим предстояли более серьезные внутренние осложнения. В Англии, например, оживилось движение за реформу парламента и уничтожение «гнилых местечек», в Ирландии вспыхнуло восстание. В Европе повсеместно отменялась крепостная зависимость, что сочеталось с установлением большего единообразия в законодательстве и управлении, вводилась всеобщая воинская повинность, усвоенная Францией в период революционных войн, и распространялись конституционные учреждения. Даже после революции, в эпоху наполеоновских войн, лозунги французской революции

⁴⁴ Конкордат – это договор между римским папой и правительством того или иного государства, определявший обычно правовой режим Католической Церкви в данном государстве. Он рассматривался как международный договор. Заключение конкордата восходит к Средним векам. Наполеоновский конкордат был отменен только в 1905 г., когда во Франции было проведено отделение церкви от государства.

(«Свобода, равенство, братство») сделали элементами идеологии не только французской, но и вообще европейских социальных радикалов, правда, они были переосмыслены впоследствии много раз. Но тогда они были связаны с ростом национально-освободительного движения (в Германии, Италии, Греции, славянских землях).

Революционные войны расширили влияние Франции. В соседних с Францией странах (Бельгии и Нидерландах, Германии по левому берегу Рейна, Швейцарии, Италии), в различные периоды революционных войн занимавшихся французскими войсками, устанавливались социальные порядки, аналогичные французским. В этих республиках прежде всего падало крепостничество, что привлекало к французам крестьянские массы. Первые шаги революции были встречены приветствиями многих выдающихся умов того времени (И. Кантом, В. Гумбольдом в Германии).

Французская революция привела к изменению духовного климата Европы, обусловив замену теистического мировосприятия идеологическим. Она обусловила также выделение социальной справедливости как идеологической доминанты революций XIX века.

8.2.7. Социальная справедливость как идеологическая доминанта революций XIX в.

Религиозное миросозерцание в Средние века не раз поднимало народные восстания, руководители которых своеобразно трактовали Священное Писание, где главной была тема справедливости с отменой частной собственности, денег, крепостной зависимости. Социальные революции третьего многовекового цикла Западной цивилизации возникли в другом религиозно-духовном климате и в других социально-экономических условиях. И в этом смысле они явились порождением и *выражением замены религиозного миросозерцания социально-идеологическим*, при котором Церковь (Католическая или Протестантская с ее веками накопленными традициями) начинает играть второстепенную роль, оформляя те или иные политические или социальные идеологии.

Поэтому в анализе революционных потрясений нами будет обращено внимание на идеи социальной справедливости как главную идеологическую доминанту религиозных потрясений XIX в., тогда они были связаны с теми закономерностями общественно-го развития, которые определялись экономическими кризисами

перепроизводства, имеющими специфику в разных государствах Запада. Мы оставляем в стороне природу кризисов, тем более, что по ним много литературы и научной, и публицистической. Обратим внимание только на противоречия, которые они выражали, где общеполитические требования, связанные с реализацией основных принципов Великой французской революции (ликвидация феодально-абсолютистских монархий, переход к республиканскому строю), сопровождалась принципиально новой идеологической константой – требованиями социальной справедливости и где рабочий класс становится главной политической силой в реализации этой идеологии.

Экономический кризис 1847 г. крайне обострил классовые противоречия, хотя в каждом из государств Западной Европы они отражали своеобразие их истории⁴⁵.

Во Франции Февральская революция вспыхнула 24 февраля 1848 г. и была совершена парижскими рабочими при поддержке мелкой и средней буржуазией, низвергнувшей цензурную монархию Луи Филиппа (Июльская монархия). По требованию рабочих была провозглашена республика, причем республика, наделенная социальными учреждениями (правом на труд, уменьшением рабочего дня, созданием национальных мастерских). Но эти меры не были поддержаны Национальным собранием. Хотя на роспуск национальных мастерских рабочие ответили июньским восстанием 1848 г., оно было подавлено с беспрецедентной жестокостью генералом Ковеньяком, которому была вручена диктаторская власть. Поражение июньского восстания явилось поворотным пунктом в ходе революции 1848 г. во Франции, когда была установлена Вторая республика. Она была затем заменена империей Наполеона III.

В Германии и Австрии мартовские революции 1848 г. ставили иные задачи, нежели во Франции. Уничтожение остатков феодализма, а также преодоление раздробленности страны – таковы были две основные задачи, стоящие перед 39-ю государствами Германского союза. Февральские события во Франции ускорили революционный взрыв в Германии. 3 марта произошла рабочая демонстрация в Кельне, а 13 марта разразилась революция в Вене. Правительство и в Вене, и в Берлине подало в отставку. Но новое правительство «мартовских министерств» настроено было не радикально. Поэтому весь государственный аппарат, вся армия остались по-прежнему в руках старого дворянства. В этой ситуации тем не менее рабочие, выдвинув самостоятельные политические и экономические требования, стали у истоков демократического восстания во Франкфурте-на-Майне.

⁴⁵ Фридлянд Ц., Слуцкий А. История революционного движения Западной Европы (1789–1914). Хрестоматия. 5-е изд. М.-Л., 1928.

21 ноября в Бадене была провозглашена Германская республика, а 5–6 октября вспыхнула новая революция в Вене. Ее считают кульминационной точкой развития Германской революции 1848 г. Затем последовал разгром революционных сил в Вене войсками австрийского императора с кровавыми репрессиями против восставших. В начале ноября произошел контрреволюционный переворот в Пруссии (разгон прусского Национального собрания в Берлине, за которым последовал его окончательный разгром в Бранденбурге).

Однако революционные события не оставляли пределов империи. Революция продолжалась в Венгрии, которая отделяется от Австрии и превращается в независимое государство с республиканским режимом. Но австрийская армия с помощью интервенции русского императора Николая I подавила Венгерскую революцию в 1849 г.

Несколькими месяцами раньше, в мае 1849 г. произошел подъем революционной волны в некоторых средних и мелких княжествах (в Саксонии, Бадене, Пфальце и др.), связанный с борьбой за политическое объединение страны. Толчком к майским восстаниям 1849 г. послужил отказ таких государств, как Пруссия и Австрия, признать выработанную общегерманским Национальным собранием имперскую конституцию. Майское восстание было подавлено, его следствием явились разгон общегерманского Национального собрания, в Австрии восстановление абсолютизма, в Пруссии «дарованной» конституции в сторону усиления королевской власти. Положительным результатом этих революций стала ликвидация остатков крепостных и других феодальных отношений в деревне.

В Италии своеобразие революций 1848 г. заключалось в том, что задача ликвидации феодальных пережитков и политической раздробленности страны сочеталась с задачей освобождения последней от австрийского господства, которое распространялось на Ломбардию и Венецию и давало себя знать на всем Апеннинском полуострове. Возникшие в разных частях Италии выступления против австрийцев не имели единого координирующего центра, и поэтому в тот период политического объединения Италии не произошло.

В Неаполе революция была задушена полуфеодальной монархией в союзе с люмпенизированными слоями населения (ладзарони). Во Флоренции революция была погублена либеральной буржуазией в союзе с некоторой частью крестьянства. *Римская республика 1849 г., лишившая папу светской власти* и выделившая таких вождей, как Гарибальди и Мадзини, была раздавлена французскими войсками, посланными президентом Луи Бонапартом. В Венеции революция была подавлена австрийцами.

В Англии революции 1848 г. нашли свой отклик в связи с последним подъемом *чартизма*. Чартизм как революционно-политическое движение английского рабочего класса возник в первой половине XIX в. в условиях завершения промышленной революции особенно в условиях кризисов. Невероятно тяжелое материальное положение и условия труда толкали рабочих на борьбу против капиталистических форм производства. Поэтому в начале главной формой протеста было движение луддитов, которое происходило в первом десятилетии

XIX в. под лозунгом разрушения машин. Промышленный кризис 1836–1837 гг. не только обострил противоречия материального характера, но явился выражением политического самосознания рабочего класса, консолидированного крупным машинным производством.

Лондонская ассоциация рабочих выступила с проектом петиции, затем переработанным в Народную хартию (Народный чартер, откуда и название самого движения). В петиции содержались требования демократизации английской парламентской системы: всеобщее избирательное право, равное представительство, тайное голосование, жалование депутатам, ежегодные перевыборы парламента.

Для реализации этой петиции требовалось политическое давление на власть предрержащих, но в вопросе о формах этого давления не было единства (выделились правое и левое крыло движения). Одна часть ратовала за мирную пропаганду, образуя фракцию моральной силы. Другая часть ратовала за применение физической силы, не исключая возможности вооруженного восстания. В феврале 1839 г. открылся Национальный конвент чартистов, где сразу же выступили эти противоречия. Тогда вначале взяло верх левое крыло, но затем оно было разгромлено. Правительство произвело аресты наиболее видных вождей, что окончательно дезорганизовало движение на первом этапе. Однако уже через несколько лет затяжной промышленный кризис, безработица и нужда объективно революционизировали рабочее движение. Тогда чартистское движение оформилось в политическую партию и чартизм выступил как крупная политическая сила.

Новый политический подъем не снял прежних разногласий, а еще более усилил их. Одна группа продолжала настаивать на «нравственном воспитании» рабочих с акцентом на проповедь «христианского чартизма». Другая часть призывала начать «священный месяц» (воздержание от всех работ и потребления спиртных напитков). Но эта акция не удалась вследствие начавшегося голода и репрессий против руководителей движения, что вызвало разочарование рабочих в революционных методах борьбы. Тем более, что в 1843–1846 г. наступил промышленный подъем, что способствовало оживлению кооперативного движения (реализация лозунга «назад на землю» и с организацией сельскохозяйственных кооперативов). Новая ситуация способствовала отходу рабочих от политической борьбы. В этом же направлении действовал и ряд фабричных законов, изданных парламентом (билль о 10-часовом рабочем дне, запрещение подземных работ для женщин и малолетних и др.).

Новое оживление чартизма началось в 1847 г. в связи с промышленным кризисом. Известие о Февральской революции 1848 г. дало толчок политическому движению. Заседавший в Лондоне конвент решил подать петицию, покрытую миллионом подписей, что должно было закончиться грандиозным митингом в апреле. Его не удалось осуществить вследствие мер, предпринятых правительством, когда Лондон был превращен в вооруженный лагерь.

Франция в конце XIX в. вновь потрясла мировое сообщество восстанием Парижской коммуны, когда рабочие впервые в истории захватили власть и удерживали ее в течении 72 дней.

1. Предпосылки Коммуны. Ее возникновению предшествовали события, которые являлись как бы эхом революционных войн и наполеоновский войн, которые сотрясали Европу в течение всего XIX в., включая противостояние европейских государств (Австрии, а затем Пруссии) сначала революционной, потом имперской Франции.

Неудачная для Франции война с Пруссией (и другими государствами Германии) началась в июле 1870 г. с объявления ее Францией. Но режим Второй империи не выдержал военного испытания. После ряда поражений 100-тысячная французская армия во главе с Наполеоном III сдалась в плен при Седане. Война стала поводом к революционному перевороту в сентябре того же года, заменившему империю Наполеона III республикой (Третья республика).

Избранное в феврале Национальное собрание оказалось крайне революционным и на две трети монархическим, что привело его к резкому столкновению со всеми республиканско-демократическими и социалистическими элементами страны. Обстановка обострилась репрессивной политикой правительства против левых элементов Парижа. Немецкие войска в то же время продолжали продвижение в глубь страны и в середине ноября окружили Париж. В январе 1871 г. Париж пал, а в ноябре французское Национальное собрание заключило предварительный договор о мире (французским уполномоченным был Тьер, немецким – Бисмарк). Франция обязалась уплатить пятимиллиардную контрибуцию и уступила Эльзас-Лотарингию Германской империи, провозглашенной в Версале 18 января 1871 г. Прусским королем стал Вильгельм I.

Окончание военных действий позволило правительству Франции перейти в наступление против пролетарских предместий Парижа. Все это делало революционный взрыв неизбежным. Восстание началось в 18 марта при попытке правительства, возглавляемого Тьером, обезоружить рабочие массы, отобрать у них пушки, принадлежащие национальной гвардии. Правительство с войсками и высшим чиновничеством бежало в Версаль.

2. Коммуна. Власть в Париже перешла в руки Центрального комитета национальной гвардии, в котором преобладали пролетарские элементы. Власть организовала выборы в городской совет Парижа – Коммуну, чего массы добивались еще во время осады Парижа. Выборы на основе всеобщей подачи голосов состоялись 26 марта. Социальный состав Коммуны был пестрым. В дальнейшем процесс размежевания привел к образованию двух враждующих фракций: якобинско-бланкистского «большинства» и пруданистско-бакунинского «меньшинства». «Большинство» склонялось к диктатуре и террору, копируя внешние формы якобинской диктатуры и «якобинского террора». «Меньшинство» (в составе которого находилась и

большая часть членов Первого Интернационала), не хотела сходить с почвы формальной демократии и легальности.

В своей практической деятельности политика Коммуны отличалась более чем уважительным отношением к частной собственности. Она проявила «священное благоговение» к богатствам Французского банка, в котором находилось до 3 млрд ценностей, из коих Коммуна с превеликим трудом получила 16 млн. Если не считать передачи в руки рабочих ассоциаций брошенных хозяевами предприятий (на основе последующего выкупа) и единичных случаев введения рабочего контроля над производством, то никаких революционных действий в социально-экономической сфере не было предпринято⁴⁶. Но в области отношения к религии и создания новой формы государственности эти новшества заявили о себе развитием системы советов и отделением Церкви от государства и школы от церкви.

3. Падение Коммуны. Версальское правительство прибегло к помощи Пруссии. В разгроме Парижской Коммуны сыграли большую роль несколько десятков тысяч французских солдат, выпущенных Бисмарком из плена. Из 72 дней существования парижской Коммуны 57 дней прошли в ожесточенных боях под стенами и на улицах Парижа. 28 мая версальцы овладели последними баррикадами. Избиение коммунаров было организовано Тьером и генералом Галифе, отличившимися палаческой жестокостью: 30 тыс. убитых и раненых, 40 тыс. бежавших от суда и осужденных на тюремное заключение и ссылку.

Великая французская революция с ее лозунгами «Свобода, равенство, братство» – народное верховенство, все революционные события первой половины XIX в. а также политический опыт Парижской коммуны оказали большое воздействие на философские и исторические знания, которые базировались не только на тех их завоеваниях, которые сформировались в век Просвещения. Они включали в себя также и попытки обобщения практического опыта классовой борьбы в условиях глубоких экономических кризисов, сотрясавших экономику Западной Европы.

Век Просвещения передал эстафету веку XIX, который как бы подводит итог всем религиозно-философским исканиям предыдущего века, создавая законченные философско-социологические теории. В первой половине XIX в. сложилась идеалистическая философия истории Г. Гегеля. В этот период родились философско-социологические концепции исторического социализма (пре-

⁴⁶ Был предпринят ряд мер для облегчения материального положения наемных работников: запрещение произвольных штрафов и вычетов из заработной платы, установление минимума зарплаты рабочим на казенных подрядках, отсрочка погашения квартирных недоимок и т.д.

жде всего А. Сен-Симона) о роли классовой борьбы в истории, которая была воспринята французскими либеральными историками эпохи Реставрации (О. Тьерри, Ф. Минье, Ф. Гизо).

Век XIX дал и Марксу теорию исторического материализма, а в целом развитие истории второй половины XIX в. происходило под сильным воздействием позитивизма О. Конта и Г. Спенсера, с усилением внимания к экономической и социальной истории, отказом от умозрительных построений в пользу накопления, тщательной проверки и описания исторических фактов⁴⁷.

Однако конец XIX – начало XX вв. ознаменовалось крахом позитивистского подхода к историческому процессу, пересмотром теоретико-методологических основ истории как науки. Это проявилось в отказе от признания прогрессивного характера общественного развития, единства мирового исторического процесса, объективного характера самого исторического знания. Усилилась тенденция к сближению истории с литературой, искусством, а не с точными науками (что было характерно для позитивизма).

8.3. Рождение идеологий, социальных религий и масонства – результат религиозно-духовных и социально-экономических потрясений трех столетий

Мыслители эпохи Просвещения, отрицающие значение церкви в организации общественной жизни людей, неограниченную королевскую власть, подвергая критике вековые феодальные и церковные предрассудки и связанные с ними привилегии, выступали за необходимость *отделения Церкви от государства и веротерпимость*. Дополненное проповедью свободы личности, основанной на «естественном праве», не допускающей правовых ограничений

⁴⁷ Этот процесс особенно ярко проявился в Германии, где сформировалась школа неокантианства (В. Виндельбант, Г. Риккерт), получили распространение взгляды М. Вебера, а также ряда ученых, выступавших против общих закономерностей истории (Г. фон Белов, Ф. Мейнеке). В Италии на смену позитивистским школам приходит неогегельянская «этико-политическая» концепция истории Б. Кроче.

В конце XIX – начале XX в. на смену либеральному и демократическому подходам к историческому процессу приходят консервативные: правобуржуазные – во Франции, пангерманские – в Германии, шовинистические в Италии, экспансионистские – в США.

В этот период развивается чрезвычайно влиятельная марксистская школа, которая была представлена такими именами, как Ф. Меринг, А. Бабель, П. Лафарг, Г. Плеханов, Э. Бернштейн, В. Ленин.

свободы личности, и незыблемостью частной собственности, оно стояло у истоков образования идеологий, пришедших на смену религиозным началам мировосприятия.

Место христианства как теистической религии (в католическом или протестантском его варианте) занимает идеология как распространенная «общественная психика», которая в своей основе определяет государственный строй, характер нравов и настроений, состояние умов и другие мировоззренческие константы общества. В идеологиях основной акцент делается на рациональных началах человеческой личности.

Понятие «идеология» для обозначения духовной жизни общества ввел французский философ Э.Б. Кондильяк в работе «Элементы идеологии». Он обращался к рациональной стороне человеческой личности, стремился именно в сознании найти основы этики, морали, политики, логическое и психологическое объяснение. «Великие люди, – писал Энгельс, – которые во Франции просвещали головы для приближающейся революции, выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов...они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный строй – все должно было быть подвергнуто самой беспощадной критике: все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилom всего существующего... Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками, и все прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые взошло солнце разума, отвергающее суеверие, несправедливость, привилегии. Равенство, вытекающее из самой природы человека, стало и неотъемлемым его правом»⁴⁸.

Понятие идеологии встретило двойственное и ироническое отношение, связанное с тем, что вряд ли можно объяснить мир человека и общества, исходя из складывающихся о нем идей. Вначале Наполеон I называл идеологами людей, выражающих неосуществимые или не заслуживающие осуществления взгляды. Для своих конкретных целей политики стали использовать объяснение истории (уже свершившихся событий или текущих событий) в контексте выяснения их причин, исходя из социально-экономических интересов (а это уже явно выраженная материальная кон-

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 16–17.

станта). Но это означало создание некой «мнимой реальности», которая выдавалась за действительность. Претензии на познавательные функции идеологии подверглись обоснованной критике К. Марксом и Ф. Энгельсом в работе «Немецкая идеология».

Тем не менее, с эпохи Просвещения именно идеологии прочно входят как в духовную, так и в политическую жизнь обществ разных государств Западной Европы. Они привели к образованию крупных политических течений, образующих те или иные идеологии, институционально оформленные в политические партии. При этом сразу же возникают как бы два течения в этих идеологиях: одно, условно говоря, левое, целиком исповедующее все догматы эпохи Просвещения о свободе личности, а другое, пытающееся сохранить многие старые абсолютистские традиции, опираясь на новое место Церкви в кардинально изменившемся мире. И это размежевание выявилось сразу же. Начальным формам наиболее влиятельных течений либерализма (западноевропейских, русских и американских просветителей) противостояли консервативные идеологии. Одной из наиболее ранних считают традиционализм – религиозно-монархическое охранительное течение, представленное Ж. Бюссе в его работе «Политика, выведенная из Священного Писания». Полагают, что именно он положил начало классическому консерватизму, возникшему в Англии в XVIII в. в качестве ответа на идеологию просвещения, либерализма Французской революции.

В развитии идеологий в материальном плане большую роль сыграла печать⁴⁹. Развитие грамотности и регулярной почты в связи с ростом крупных городских центров с начала XVII в. способствовало появлению настоящих газет – сначала еженедельных в начале этого столетия, а затем ежедневных к его концу в Германии, Англии, Франции. Журналы (сначала ученые) возникли лишь во второй половине XVII в. Они сыграли большую роль в век Просвещения, оказав влияние даже на «оформление» быта буржуазии. Именно печать стала формировать общественное

⁴⁹ Периодическая печать приравнивалась главным образом к ярмаркам. Обычно периодики посвящались каким-либо сенсационным событиям, вымышленным, если не было истинных, и носили ярмарочно-кричащие названия («чудесные», «странные», «радостные», «горестные» и т.п. новости).

Первые печатные периодики являлись по новизне сообщений для широкого читателя «газетами» и в те времена крайне скудной информации были в сущности альманахами. В Германии, например, ими были ежегодники и полугодники.

мнение, общественную идеологию. Поэтому правительства с самого начала стремились подчинить себе это мощное орудие создания общественной идеологии путем цензуры, инспирирования и подкупа⁵⁰.

В рамках идеологий появляются *социальные религии как духовный суррогат мировосприятия*, полностью оторванного от инобытия и базирующегося только на осмысливании практики исторической жизни человечества. Но что такое религия⁵¹ и по-

⁵⁰ Людовик XIII и Фридрих II «сотрудничали» в газетах. Ян Собеский выступал военным корреспондентом и не скупился на их подкуп. Ряд изданий субсидировался правительством. В революционные эпохи печать становится острым орудием политической борьбы. В эпоху Великой английской революции Стюарты отбивались от жала печати розгами, пытками и казнями. Первый отчет о заседании английского парламента был дан в форме газеты. Но тогда уже ставшая у власти буржуазия и обуржуазившаяся знать стала охранять свои государственные дела от широкой гласности, и многие радикальные издатели того времени платили за это жестокими карами. Борьба за гласность парламентских отчетов длилась десятилетиями. Жестокие законы о «пасквилях» были не в состоянии сдержать напора радикальной прессы и широкого читателя. В то же время примененное в Англии (1814 г.) скоропечатание повысило тиражи до громадных размеров, удешевило производство, ускорило подачу свежего материала, привлекло читателей. Печать становится фабричной промышленностью, работающей на громадный рынок сбыта. Особую роль сыграла печать во время Великой французской революции.

⁵¹ Даже в современной литературе существуют различия и весьма нечеткое определение понятия «религия». Вот некоторые примеры. «Религия, читаем в философской энциклопедии, – мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение, определяемое верой в существование Бога, божества, чувство связанности, зависимости и долженствования по отношению к тайной силе, дающей опору и достойной поклонения» (См.: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 391).

Другое определение: «Религия – мировоззрение и поведение отдельного индивида, группы, общности, которое определяется верой в существование сверхъестественного» (См.: Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 639). В первом случае из понятия религии выпадают все разнообразные атеистические религии, во втором случае понятие религии дается в столь общей формулировке, что в него попадают многие необъяснимые для человека явления материального мира. Один из крупных исследователей основополагающих начал веры Уильям Джеймс в фундаментальном труде «Многобразии религиозного опыта» пишет: «Верой можно назвать веру в нечто, к чему относятся с сомнением, но как к теоретически возможному. Испытанием веры становится воля к действию; можно сказать, что вера есть готовность к действию для достижения благоприятного результата в том, что в начале казалось нам недостоверным» (Цит. по: Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 267).

чему идеологическое мировосприятие, основанное на Разуме превращается в социальную религию? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к человеческой психике, учитывая, что разум не охватывает целиком существа человека, так как большая часть его «самости» относится к чувственной ипостаси.

Представляется, что наиболее точное определение сущности, связанное именно с психологией человека и его коллективистской формой бытия, дается таким известным авторитетом в области психологии вообще и социальной психологии в частности, как Э. Фромм. «Под “религией” я понимаю, – пишет Фромм, – любую систему взглядов и действий, которой придерживается какая-то группа людей, и которая дает индивиду *систему ориентации и объект поклонения*»⁵².

Именно коллективистская природа человека (при всех разговорах о свободе его как индивида) предполагает наличие такой «системы ориентации и объекта поклонения». Это определяется духовной интенцией, исходящей из глубин психофизического естества человека. Традиционные религии дают такой внешний объект ориентации. Именно здесь рождается первое чувство коллективизма, единения с другими людьми, живущими в данном обществе. Заметим, что даже самая иррациональная ориентация, если она разделяется большим числом людей, дает человеку чувство единения с другими, создавая одновременно ощущения безопасности и стабильности. Элемент индивидуального сознания здесь вторичен. И не случайно, что любая, пусть даже иррациональная доктрина, получившая широкое распространение в обществе, ведет за собой массы, которые скорее поверят в нее, чем согласятся на то, чтобы чувствовать себя отлученными или изолированными от общества. Наличие в какой-либо доктрине элементов деспотизма не может изменить этого положения. Опять-таки здесь срабатывает социальная природа человека. Хотя этим актом подчинения он утрачивает свою независимость как индивид, но одновременно обретает чувство защищенности благодаря внушающей страх и благоговение силе, частью которой он как бы становится. Для того чтобы та или иная идеология стала социальной религией, она должна, во-первых, затронуть большие слои населения; во-вторых, быть «оформлена» искусством, чтобы она обращалась не только к Разуму, но и к чувству людей.

⁵² Фромм Э. Указ. соч. С. 236.

Мироощущение и эмоционально-стимулирующее отношение человека к миру, сформированное идеалами эпохи Просвещения, по силе воздействия на духовную жизнь общества можно все же сравнить с религией.

Альфред Вебер рассматривал «Декларацию прав и гражданина» как явление религиозно-социального содержания. «Эта социальная религия, – пишет он, – занимает место трансцендентальной религии, являясь идеальной и одновременно имея социальную структуру, она формирует в невиданных масштабах практически-динамические преобразующие силы современного человеческого бытия, которых теперь нет ни у одной из трансцендентальной религии (за исключением ислама)». До Вебера о религиозном значении Великой французской революции писал такой крупный французский историк и политической деятель начала XIX в., как А.В. Токвиль. Его либерально-консервативные взгляды оказали впоследствии большое влияние на западную общественную мысль в вопросах выявления негативных сторон буржуазного эгалитаризма: усиления власти государства, рождения индивидуализма, который замыкает человека в рамках частной жизни и создает тем самым благоприятную почву для деспотизма.

Главной вехой в практическом «обезрелигиозивании» духовной жизни и возникновении социальных религий можно считать «Декларацию прав человека и гражданина» – программный документ Великой французской революции, принятый Учредительным собранием 26 августа 1789 г.

Впервые ею были провозглашены основные принципы гражданского общества – народный суверенитет и естественные неотъемлемые права человека: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы» (1 статья). «Цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковы свобода, собственность и сопротивление угнетению» (2 статья). В Декларации заявлялось, что «закон есть выражение общей воли», что «все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его образовании», все граждане равны перед законом, и поэтому им «открыт в равной мере доступ ко всем общественным должностям и службам» (6 статья). Декларация утверждала свободу личности, свободу совести, слова и печати (7, 9, 10 и 11 статьи Конституции). Устанавливалось равномерное распределение налогов между всеми гражданами (13 и 14 статьи). Последняя (17 статья) объявила, что «собственность есть право неприкосновенное и священное».

В 1793 г. была принята новая «Декларация прав человека и гражданина», одобренная Национальным конвентом вместе с новой Конституцией. К перечню свобод, ранее провозглашенных, эта декларация добавила право петиций, право собраний, свободу религиозных культов, обязанность общества предоставлять работу неимущим, обеспечивать средства существования для нетрудоспособных, заботиться о просвещении граждан.

А. Вебер, говоря о новых ценностях в жизни людей, провозглашенных этими декларациями, подчеркивал, что они стали восприниматься больше эмоционально-иррационально, нежели сознательно, рационально. И тем самым они как бы заменили религиозное чувство, которое живет в каждом человеке.

В формировании религиозного начала в социальной психологии широких масс на основании идеологий, родившихся из «Декларации прав человека и гражданина» большую роль сыграла печать. Революция резко повысила число немногих до того французских периодических изданий до 250 с резкой дифференциацией политических кредо, отражающих борьбу разных политических сил, от реалистов до крайних социалистов. Произошло бурное развитие брошюрной и газетной литературы различных направлений. Редакции многих газет стали политическими клубами с бурными и страстными дискуссиями, где все больший авторитет завоевывал Марат с его «Другом народа», что постепенно создало ему положение трибуна революции. Дух революционного народа питался тогда и боевым гимном («Марсельезой») Руже де Лилия, политическим красноречием Мирабо, Дантона, Робеспьера и др., публицистикой К. Демулена, Марата и др.

Большую роль в духовном подъеме народа, его пассионарности играло введение революционных культов, революционных праздников и революционного календаря.

Революционные культы должны были вытеснить религиозные. С осени 1793 г. многие комиссары Конвента начинают запрещать и ограничивать отправление богослужения. В то же время Конвент декретирует введение революционного календаря. На местах отдельные коммуны выносят постановления о полной дехристианизации. В Париже и некоторых других коммунах торжественно был установлен культ Разума, получивший широкое распространение. Он знаменовал собой переход от борьбы с католицизмом к борьбе с религией как таковой. Но этот культ не прижился, так как Робеспьер и его сторонники отрицали атеизм. В этот период появляется декрет о культе Верховного существа. В период Термидора культ Верховного существа был предан забвению. В эпоху Директории возник

культ «теофилантропов» — вера в Высшее божество и служение ему «добрыми делами». Этот культ имел большое влияние на возникшее позднее *франкмасонство*, но сам по себе не получил широкого распространения.

Великая французская революция создала революционные праздники, которые были приурочены к определенным датам. Первым революционным праздником стал «День федерации» (14 июля 1790 г.). В период Конвента праздновали также годовщину казни короля (21 января), падения Жиронды (31 мая), падения монархии (10 августа) и провозглашения Республики (22 ноября). Во времена империи все праздники, кроме первого, исчезают. Одним из революционных праздников, которым была уготована долгая жизнь, являлась посадка *деревьев свободы*, возродившаяся при поздних революциях во Франции, Германии и Италии. Эти праздники сопровождалась торжественными процессиями, музыкой и пением, народными увеселениями.

Постановлениями Конвента (от 25 октября и 24 ноября 1793 г.) во Франции была сделана попытка введения революционного календаря, чтобы порвать с церковными традициями. По революционному календарю летоисчисление велось с первого дня Республики с 22 ноября 1792 г. Год делился на 12 месяцев (по 30 дней), получивших название по признакам соответствующего сезона. Во время Термидора революционный календарь соблюдался слабее. После наполеоновского Конкордата с церковью Революционный календарь был отменен и с 1 января 1806 г. было восстановлено христианское летоисчисление.

Если эпоха Просвещения и последовавшая за ней Великая французская революция породили социальные религии, исповедуемые широкими массами населения, то та же эпоха породила идеологии несколько иной направленности и получившей распространение у элитарных слоев общества. В этот период возникает франкмасонство, в более распространенной терминологии масонство, религиозно-философское общество, членов которого называли вольными каменщиками. Проблема масонства в ее конкретике выходит за рамки нашего исследования и может быть освещена здесь только в контексте изменения общего духовного европейского климата, т.е. идеологической революции, истоки и сущность которой нами рассматривались выше. Именно тогда, среди некоторой элитарной части буржуазно-аристократических кругов возникает мировосприятие, далеко отстоящее от религиозных постулатов и католической, и протестантских церквей. Такое религиозно-философское направление отрицало национальную и религиозную исключительность, проповедуя идеальное братство людей, объединенных едиными моральными взглядами и стрем-

лением к взаимопомощи для «возведения символического храма добродетели»⁵³.

Это мировосприятие в организационном отношении нашло свое выражение в создании тайных обществ⁵⁴ с мистическими обрядами. Возникнув в Англии, оно потом раскололось на две большие ветви. Одна из них в англосаксонских и германских странах, где они не только сохранили, но и приобрели большую мистическую окраску в среде аристократически-интеллектуальных слоев общества. В Германии (Баварии) в 70-х годах XVIII в. возникло тайное общество иллюминатов (лат. – просветленных) по сути своей масонского характера. Свою цель иллюминаты видели в распространении нравственных начал и просвещения, поскольку лишь «посвященным» открывалась тайная цель – замена христианства деизмом. Внешние черты организации иллюминатов были заимствованы частью у иезуитов (подчинение младших старшим, взаимный надзор, испытание для новых членов), частью у масонов (открытие тайной цели общества только священным). Иллюминаты охотно принимали в свою среду высокопоставленных лиц из среды высшей аристократии, чтобы влиять на государственное управление. Иллюминаты подвергались преследованию и закрытию в середине 80-х годов XVIII в. Считалось, что эта организация сошла с исторической арены. Однако, как покажет история, она пустила глубокие корни в США среди высшей финансовой олигархии этого общества уже в XIX–XX вв.

⁵³ В этом плане некоторого понимания сущности масонства большой интерес представляет изданная на русском языке книга: *Мэнли П. Холл* Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1992.

⁵⁴ Франкмасоны заимствовали организационные формы у средневековых ремесленных цехов. Подобно последним масоны различали у себя три степени: мастеров, подмастерьев и учеников. Франкмасоны делились на ряд местных общин – лож, объединявшихся вокруг центральной ложи в Лондоне во главе с великим мастером. Прием в братство был ограничен. Желающие попасть в братство подвергались определенной проверке, чтобы оградить организацию от проникновения нежелательных элементов. Принципы и задачи франкмасонов были систематизированы в уставе 1723 г. Они возникли в начале XVIII в. в Англии, а затем и в других европейских странах, в России в двухтомнике «Масонство в его прошлом и настоящем» – репринт с издания 1915 г. (под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова), который является наиболее добросовестным изданием о масонстве, собраны статьи и исследования: И.М. Хераскова: «Происхождение масонства и его развитие в Англии в XVIII и XIX вв.», А.М. Васютинского «Французское масонство в XVIII веке», В.Н. Перцева «Немецкое масонство в XVIII веке», а также других отечественных авторов о знаменитых масонах в их обществах вне Европы.

Все явления, связанные с кризисом духовной жизни Западной цивилизации, основанной на господстве католически-протестантской ветви христианства, необходимо дополнить еще одной тенденцией. Она связана не только с возрастанием роли социально-экономического (мирского фактора) в идеологиях Нового времени, основанного на идее Прогресса и земного благоденствия вместо Царства Небесного. Она вынесла на поверхность общественной жизни и в его рамках еще одну тенденцию – социально-экономического равенства. Она диаметрально-противоположно трактовалась в корне изменившейся структурой общества в условиях промышленной революции, когда отношения между народившейся буржуазией и наемным трудом (рабочим классом) приобрели явно выраженный конфликтный характер.

Эта тема в современной социологической литературе выпала из поля зрения, где основной акцент делается на «социальном партнерстве» и где введение в анализ марксистской литературы считается чуть ли не показателем ретроградности социолога. Между тем именно этот конфликт был в течение всего XIX и начала XX вв. теми «дрожжами», которые вызывали все революционные потрясения. Он широко освещен в марксистской литературе и поэтому нет необходимости на нем останавливаться подробно. Однако все же необходимо обратить внимание на характеристику XIX в. в целом по сравнению с XVIII в. Если XVIII в. был назван веком Просвещения, то XIX в. с полным основанием можно назвать веком Революций, происходивших под знаменем социальной справедливости. Историческая фактология тому свидетельство.

Глава 9

РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ И ДЕНЬГИ В УСЛОВИЯХ ДУХОВНОГО КРИЗИСА ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (XV–XIX вв.)

9.1. Европейцы в «броске» на материальные и людские ресурсы планеты: военизированный характер международной торговли, колониальные империи и разрушение миров-экономик стран не-Запада

9.1.1. Начальный этап в формировании торгово-денежного механизма европейских государств и его духовно-идеологические предпосылки

Auri sacra fames – «проклятая жажда золота».

Вергилий

Выделение конца XV – начала XVI вв. – рубежного этапа в развитии рыночных отношений и денег как некоего единства, которое мы назвали торгово-денежным военизированным механизмом, было связано с рядом исторических факторов, сложившихся в Западной Европе к тому времени в религиозно-духовном отношении, находящемся под властью Римско-католической Церкви.

Первый фактор был связан с самоутверждением человеческой личности в ее материальной ипостаси, что выступало как стремление европейцев к предметам роскоши. Начиная с XIII в., эта материальная доминанта трансформировала всю психологию «западного мира», пребывавшую в полудреме со времен падения Рима. Она проявилась в том, что историки назвали жаждой золота, или жаждой пряностей. Привозимые из Индии и с Молуккских островов пряности – перец, гвоздика, корица, имбирь, мускатный орех – стали любимой приправой к пище в богатых домах, и за крупицу пряностей платили большие деньги. Парфюмерные изделия из Аравии и Индии, золотые изделия восточных ювелиров, индийские и китайские шелковые, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, аравийский ладан и т.д. – все это входило в ментальность феодального дворянства того времени. Потребность в деньгах, являвшихся всеобщим средством обмена, резко выросла.

В таких условиях страсть к обогащению, или, по словам Маркса, «всеобщая жажда денег», охватила в Европе и дворян, и духовенство, и горожан. «До какой степени, – пишет Энгельс, – в конце XV века деньги подточили и разъели изнутри феодальную систему, ясно видно по той жажде золота, которая в эту эпоху овладела Западной Европой; золото искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; золото – вот чего первым делом требовал белый, как только вступал на вновь открытый берег»¹.

Второй фактор был связан с изменением социально-экономических условий западного общества, обусловленным тесными рамками его возникновения на крохотном участке Евразии.

С окончанием Реконквисты (в Португалии она окончилась в середине XIII в., а в Испании – в конце XV в.) масса мелкопоместных дворян – идальго, для которых война с маврами была единственным занятием, остались без дела. Эти дворяне презирали все виды деятельности, кроме войны, и, когда вследствие развития товарно-денежных отношений увеличилась их нужда в деньгах, многие из них оказались в долгу у городских ростовщиков.

Богатые горожане Португалии и Испании охотно давали деньги на морские экспедиции, которые сулили им обладание важнейшими торговыми путями, быстрое обогащение и господствующее положение в европейской торговле. Католическое духовенство освящало религиозным знаменем кровавые дела конкистадоров, так как оно приобретало в результате новую паству за счет новообращенных в католичество племен и народов, а также увеличивало свои земельные владения и доходы. В открытии новых путей была заинтересована и королевская власть, так как в овладении торговыми путями и колониями она видела выход из денежных затруднений. За подчинение громадных пространств земли конкистадоры получали от короля широкие привилегии и нередко право почти самостоятельного управления покоренными землями.

Религиозная доминанта католичества в формировании ментальности человека этого общества, где стерты все границы между добром и злом, в области техники сопровождалась постоянными

¹ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. М., 1953. С. 155.

поисками новшеств и их утилитарного приложения, использованием самых кровавых форм в достижении этих целей. Именно из среды небогатых португальских и испанских дворян вышли в XV–XVI вв. смелые мореплаватели, жестокие завоеватели-конкистадоры, уничтожившие государства ацтеков и инков, алчные колониальные чиновники. «Они шли с крестом в руках и с ненасытной жаждой золота в сердце», – пишет об испанских конкистадорах один из их современников. Героями того времени становятся вожди добровольных испанских и португальских военных отрядов, часто весьма небольших, завоевавших Среднюю Америку и значительную часть Южной Америки – конкистадоры. Они состояли преимущественно из разорившихся испанских и португальских мелких дворян, а также солдат-наемников из обезземленного крестьянства. Деятельность конкистадоров начинается с начала XVI в. вслед за открытием Америки. Самыми выдающимися конкистадорами были Кортес, завоеватель Мексики и Писарро, завоеватель Перу. Конкистадоры, получив от короля самые широкие полномочия в управлении покоренными землями, подвергли туземное население массовому истреблению и, осев на новых землях, положили начало плантационному рабству при помощи черных рабов, вывозившихся из Африки. Конкистадоры перенесли на латиноамериканскую почву порядки самой метрополии, проложив путь к сокровищам Нового Света, торговому капиталу Испании и Португалии.

Угасание религиозно-духовных стимулов реконквисты и Крестовых походов трансформировалось в стимулы заокеанских плаваний и преодоления океанских просторов. Для государств Запада, «зажатых на своем тесном “мысе” Евразии, возымелась потребность в остальном мире, потребность выйти за пределы своего дома»², – писал Ф. Бродель. Однако месторазвитие этого общества – край Евразийского континента – не создавало условий для его развития на суше, так как к Востоку от Западной Европы она была занята другими народами. Оставались только водные просторы, которые окружали этот массив со всех сторон. Отсюда следовало их развитие. Большинство историков убеждены, что совершенствование мореплавания у европейцев восходит к той же поре, когда страсти и нужды принудили их предпринимать долгие путешествия.

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 1. Структура повседневности: Возможное и невозможное. М., 1986. С. 439–440.

вия по беспредельному океану. Обращаясь в прошлое, указывается на то, что у европейских мореплавателей были замечательные открытия новых земель, но они не были востребованы своим временем. Речь идет об ирландских мореходах, за несколько веков до Колумба в 690 г. открывших Фарерские острова; об ирландских монахах, к 795 г. высадившихся в Исландии, которую в 860 г. повторно откроют викинги; о недавно обнаруженной поразительной карте 1440 г., показывающей позади Гренландии («Винланд») побережье Американского континента. «Америка, открытая викингами, была утрачена сразу же по открытии, потому что Европа в ней еще не нуждалась».

«Победа в океанском мореплавании, бывшая колоссальной победой, колоссальной новацией, создала всемирную систему связей», – пишет Бродель³. Плавание в открытом океане он рассматривает как подвиг Запада: «Покорение открытого океана дало Европе всеобщее превосходство на столетия. На сей раз техника – дальние плавания – создала “ассиметрию” во всемирном масштабе, создала привилегированное положение». Бродель категорически отвергает рассмотрение этого вопроса в рамках технических его решений, которые защищают многие историки (речь идет об особом устройстве каравеллы, которая имела не только парусное оснащение, но и навесной руль, позволявший ей заходить в прибрежные воды). «Накопление практических открытий, свидетельствовавших о *сознательной воле к овладению миром*, возросший интерес ко всему, что представляет *источник энергии*, дали Европе задолго до окончательного успеха *ее подлинный облик* и предпосылки *ее превосходства* (выделено нами – И.М.)»⁴. Покорителями водной стихии – океанских просторов стали *европейцы*. Не сразу, хотя имели большой опыт в этом деле в прошлом в освоении околоевропейских морей.

И дальше он утверждает, что эти Великие географические открытия были бы невозможны «без давления *капиталистических городов* Запада ... Они оказались движущей силой, без которой техника осталась бы бессильной». Развивая свою мысль, пишет следующее: «Это не значит утверждать, будто именно деньги, капитал создали океанское мореплавание. Напротив, в то время Китай и мусульманские страны были обществами богатыми, имевшими то, что мы сегодня назвали бы колониями. Рядом с ними Запад был еще пролетарием».

³ Там же. С. 440

⁴ Там же.

Китай с XI в. имел достаточно сильный флот. Не случайно китайцы в начале XII в. (при Южных Суннах) изгнали арабские суда с морских путей в Южно-Китайском море. Уже с XIV в. Китай располагал судами, не имевшими себе равных для своего времени. Это были большие четырехпалубные джонки, разделенные на водонепроницаемые отсеки, оснащенные четырьмя–шестью мачтами, которые несли 12 больших парусов, имевших компас. Они обслуживались командой в тысячу человек. В начале XV в. китайские эскадры (под командованием великого евнуха Чжэн Хэ) осуществили пять блистательных экспедиций: на Индонезию; Цейлон; Суматру, а также в Индию, в Аравию и на Эфиопское побережье. Необходимость решения своих внутренних территориальных дел, связанных с защитой сухопутных границ от кочевников, не позволила Китаю последовательно развить в дальнейшем морскую экспансию. Хотя после освобождения Китая от монгольской зависимости во время правления династии Мин китайский флот дал достойный отпор исламу. Тогда китайские джонки добрались до Цейлона (Ланки), Ормуза и даже до африканского Берега Зинджей, где они, если и не вытеснили, но значительно потеснили мусульманскую торговлю. Этот процесс был приостановлен около 1430 г.

Историки называют еще один важный фактор, который оказывал влияние на характер судоходства в Китае, не стимулируя дальние океанские плавания. Этот фактор был связан с расположением их морских пространств. Моря, окаймляющие побережье Китая, имеют сходство со Средиземным морем. Это сходство находит свое выражение в наличии множества островов, которые разбросаны по всем морям. Китайские мореплаватели всегда в отдалении видели сушу. И поэтому утверждалось, что китайцы боятся моря, как люди не привычные к тому, чтобы «предаваться». Это слово, по поэтическому выражению французов, означало отдать себя в руки неизвестному, которое было связано с плаванием в безбрежных океанских просторах. Китайцы же, по мнению некоторых миссионеров, хорошие прибрежные лоцманы, но плохие моряки в открытом море. Они стараются не уходить из пределов видимости земли.

Исламский мир проявлял большой интерес к освоению морских просторов. Мусульманские мореходы позволили исламу доминировать в Старом Свете вплоть до XV в. Они интересовались географией морских просторов и реализовывали на практике те виды морских путешествий, которые отвечали их интересам (военным или торгово-рыночным). Арабские географы (например, ал-Масуди, X в. н.э.), утверждая единство водных просторов морей, полагали, что возможно обойти Африканский континент морем. Есть сведения о том, что около 1420 г. один арабский корабль прошел в открытом океане 2 тыс. миль по «Морю мрака» (так арабы называли Атлантический океан) за 40 дней и возвратились обратно

за 70 дней. По мнению историков, арабские мореходы не пустились в странствование по водам Атлантики потому, что у них не возникала «надобность» в этих путешествиях. Дело в том, что золотом, слоновой костью и невольниками мусульманские города и купцы уже давно завладели на Занзибарском берегу в излучине Сахары. Очень рано в морях Леванта появляются турецкие пираты, а завоевания Османов на суше мало-помалу окружали море, заранее обеспечивая себе над ним господство. Взятие Константинополя в 1453 г., прозвучавшее как удар грома, поставило турок как бы в сердце морских путей, в городе, созданном, чтобы повелевать морем. Христианский город стал турецкой столицей, а затем и «двигателем» навязанной султаном морской политики.

Ислам в лице турецкой империи Османов в Средиземном море был теперь серьезной силой и на суше, и на море. Тогда на арену выступила Западная цивилизация, обеспечивая себе право на океанских просторах мира. Оно завершилось победой Западной цивилизации над океанскими просторами, что привело к ее господству в последние несколько столетий и в политической жизни мира, и в его экономике (колониализм, монетаризм, финансовая империя и т.д.).

9.1.2. Торгово-денежный механизм европейских государств в разграблении древних цивилизаций Америки и проникновении в мир-экономики стран Евразии

В овладении и присвоении европейцами мировых ресурсов существовала определенная последовательность. Развернутое наступление на такие древние цивилизации Евразии, как Индия, Китай, Иран, не могло быть начато без предварительного ограбления народов Африки и Америки, которые в дополнение к военной силе дали европейцам мощное торговое и денежное оружие. Говоря о первоначальных формах ограбления народов этих континентов в конце XV – первой половине XVI вв., не следует думать, что оно прекратилось в дальнейшем. Конечно же, нет. Но вместе с тем надо точно представлять себе, что в экспансии против древних цивилизаций Южной и Центральной Америки были «опробованы» не только военные навыки европейцев, но и их мощное торгово-денежное оружие.

Африка стала тем континентом, на который обратили свой взор европейцы в поисках золота. Но до них туда проникли воины ислама, завоевав Северную Африку. Вероятно, к началу XI в.

относится проникновение ислама в Судан. Вместе с исламом в Судане распространилась письменность, возникли школы, города средневекового Судана стали центрами культуры. Эти города были одновременно и торговыми центрами Западного Судана, откуда шли золото и слоновая кость. Вплоть до открытия Америки Западный Судан оставался главным поставщиком золота в страны Средиземноморья.

В XV в. страны Южной Европы вели торговлю со странами Северной Африки, главным образом с Египтом и богатыми и культурными государствами Магриба – Марокко, Алжиром и Тунисом. Города побережья Северной Африки торговали с племенами внутренних областей Судана и Тропической Африки, у которых выменивались слоновая кость и рабы. По караванным путям через Сахару золото, рабы и другие товары из Западного Судана и с Гвинейского побережья доставлялись в города Магриба и попадали в руки европейцев.

Первые более или менее достоверные сведения о народах тропической Африки были получены в Европе от арабских купцов и географов в VIII–IX вв. Именно арабы позволили представить в общих чертах историю стран Западного Судана – государств Гана, Сонгаи, а позднее Мали. Что касается Южной Нигерии, где в прошлом существовала весьма развитая культура йоруба, то ее историю обычно описывают, в основном, по местным преданиям. Завоевав страны Северной Африки, арабы через местных жителей, ведших торговлю с народами Юга, вскоре узнали, что там имеются сказочные страны, изобилующие золотом⁵.

Золото было одной из причин, побуждавших португальцев энергично действовать в Африке. В организации экспедиций пор-

⁵ Рассказывали, что в Гане золото растет, как морковь, и его собирают на восходе солнца, что почва этих стран содержит золото. Арабские хроники повествовали о том, что в XI в. столица государства Гана состояла из двух частей. В одной из них жили мусульмане. Там было 12 мечетей со своими имамами, муэдзинами и проповедниками. Царь жил в особом квартале, обнесенном стеной. Дома были каменные. Царь Ганы мог выставить войско в 200 тыс. человек, 40 тыс. из которых были лучники. «Царь имеет право получать один золотой динар с каждого груженного солью осла, входящего в его страну, – пишет в XI в. арабский хронист Аль-Бакри. За каждую ношу меди ему платят пять миткалей, за каждую ношу товаров – 10 миткалей... Все куски золота, найденного в рудниках государства, принадлежат царю; он разрешает народу только промывку золотого песка, иначе золото стало бы столь обильно, что почти не имело бы цены» (см.: Всемирная история. В 10 т. М., 1958. Т. IV. С. 43).

тугальцев в первой половине XV в. вдоль западного побережья Африки принял участие португальский принц Энрико, более известный в истории под именем Генриха Мореплавателя. Уже в 1433 г. они появились в устье Сенегала, района густозаселенного и богатого золотым песком, слоновой костью и пряностями. Здесь они образуют небольшую факторию для торговли с глубинными районами Африки. Принц Генрих Мореплаватель, возражая на словах против работорговли, на деле всячески поощрял ее. Уже в 1441 г. в Португалию пришел из Африки первый караван судов с золотом и рабами. В дальнейшем в Западную Африку стали регулярно отправляться корабли Генриха Мореплавателя для ловли невольников и приобретения золотого песка, слоновой кости и пряностей, вымененных у негров за безделушки.

Португальцы широко использовали опыт арабских мореплавателей Северной Африки, усовершенствовали карты и навигационные приборы. Ознакомились они и с научными достижениями еврейских ученых и купцов острова Мальорки, хорошо знавших оазисы Сахары, через которые шла торговля золотом между Суданом и Европой. Португальские короли, не желая тратить на дорогостоящие экспедиции в Африку, ввели в практику сдачи на откуп права торговли в Африке лиссабонским купцам, которые в течение десятилетий были неограниченными владыками Африканского побережья. В 1484 г. португальцы проникли в государство Бенин, для регулярной торговли. С этой целью они основали в устье Нигера факторию. Торговля с Бенином быстро развивалась. Португальцы вывозили из Африки главным образом золото, перец и рабов. Слоновая кость, сахар, пальмовое масло, воск не имели для них большого значения. Золото вывозилось ими из Сао Иорге да Мина на Золотом Береге, который поэтому и получил такое название. С XV в. стала развиваться торговля рабами, которая приобрела особое значение в XVI–XV вв., когда рабов сначала вывозили в Вест-Индию, затем в Южную Америку, а потом во Флориду и Луизиану.

Непосредственное знакомство европейских мореплавателей со странами южнее Сахары относится к середине XV в. Тропическая Африка не представила европейцам тех благоприятных условий, которые дали ацтекская и инкская империи индийской Америке. И дело не только в тропических болезнях, не стали преградой также немногочисленные племена и слабые государства побережья океана. Была более серьезная причина: внутренняя часть Африки

(вроде государств Мономотапы или Конго) была как бы защищена мощью континента и прибрежным поясом обществ, малых и плохо организованных в политическом смысле. Европейцы (в первую очередь португальцы) проникают в глубь континента при помощи торговли. Причем нужные им товары (золотой песок, рабов, слоновую кость) они приобретали за безделушки, стеклянные бусы, яркие ткани, небольшое количество вина, за флягу рома, за медные браслеты – маниллы. В 1582 г. португальцы платили неграм Конго «старым железом», гвоздями, что те ценили выше золотых монет. Черная Африка была более глубоко поработана этим процессом, чем это утверждали историки в недавнем прошлом. Европа пустила свои корни в самое сердце континента, далеко за пределы своих прибрежных позиций, островов, перевалочных пунктов, пришвартованных и гниющих на месте судов или обычных пунктов работорговли. Эти португальские форты, затем голландские, английские или французские, которые так дорого было содержать, служили от нападения негров и против наскоков европейских конкурентов.

«Треугольная торговля» – этим словосочетанием называют специфику африканской торговли. «Мы знаем завершение работорговли: Средний переход (the Middle Passage), переход через Атлантику, всегда бывший ужасным для рабов, набитых в тесном пространстве (трюмах). Однако плавание это было лишь одним из элементов в системе “треугольной торговли”, которой занимался любой корабль, снимавшийся с якоря у африканского берега, будь этот корабль португальский, голландский, английский или французский. Какой-нибудь английский корабль пойдет продать своих рабов на Ямайку, возвратится в Англию с сахаром, кофе, индиго, хлопком, потом снова отправится в Африку... При выходе из Ливерпуля или из Нанта на борту находились одни и те же товары: ткани и еще раз ткани, включая хлопчатые индийские и полосатую тафту, медная утварь, оловянные блюда и горшки, железные слитки, ножи с ножнами, шляпы, стеклянный товар, искусственный хрусталь, порох, пистолеты, торговые мушкеты, наконец, водка»⁶.

Америка. Весной 1492 г. испанцы взяли Гренаду – последний оплот мавров на Пиренейском полуострове, а 3 августа того же года из испанского порта Палос в далекое плавание через океан

⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. В 3 т. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 452.

отправились три каравеллы Христофора Колумба с целью открыть западный путь в Индию и Восточную Азию. Открытие Америки можно рассматривать как знаковое событие истории, так как в 1492 г. по древнему библейскому календарю исполнялось ровно семь тысяч лет от сотворения мира.

Во время своих экспедиций Колумб проявил себя не только страстным искателем новых земель, но и человеком, стремившимся к обогащению. В дневнике первого путешествия он писал: «Я делаю все возможное, чтобы попасть туда, где мне удастся найти золото и пряности... Золото, – пишет он с Ямайки, – это совершенство. Золото создает сокровища, и тот, кто владеет им, может совершать все, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай». Чтобы повысить доходность открытых им островов, на которых, как вскоре обнаружилось, золота и пряностей было не так уж много, он предлагает вывозить оттуда в Испанию рабов: «... И пусть, – пишет он испанским королям, – даже умирают рабы в пути, все же не всем им грозит такая участь»⁷. Эти слова Колумба отражали мировосприятие и других покорителей Новых земель – Фернандо Магеллана, Эрнандо Кортеса, Франсиско Писарро и др. Именно Кортесу, высадившемуся на мексиканском побережье, удалось захватить столицу ацтеков город Теночтитлан (современный Мехико) и обнаружить во дворце его правителя Монтекумы богатейший клад из золотых вещей и драгоценных камней. При осаде и штурме столицы ацтеков Теночтитлана погибло 240 тыс. человек из 300-тысячного города, хотя победители овладели 600 килограммами золота⁸. Все золотые вещи были перелиты в квадратные слитки и разделены между участниками похода, причем большая часть досталась Кортесу, королю и наместнику Кубы. После завоевания Мексики испанские конкистадоры направили все свое внимание на юг, на горные районы Южной Америки, богатые золотом и серебром.

В 30-х годах XVI в., предприняв завоевание «золотого царства» инков в Перу, Писарро занял столицу государства – Куско, где испанцы разграбили сокровища богатого храма Солнца, а в Потоси (Боливия) захватили богатейшие серебряные рудники. При завоевании государства инков Писарро взял за их владыку Атауальпу выкуп 5,5 тонн золота и 11,8 тонн серебра (несмотря на это тот был казнен). При взятии столицы инков Куско испанцы

⁷ Всемирная история. Т. IV. С. 93.

⁸ *Quiring H.* Op cit. S. 206.

захватили 1,1 тонны золота и 15 тонн серебра⁹. Успех конкистадоров основывался в значительной мере на громадном военно-техническом превосходстве европейцев, в частности на применении огнестрельного оружия, неизвестного американским индейцам.

Нет надобности дальше углубляться в методы погони европейцев за золотом в Новом Свете, следует остановиться на других формах товарно-денежного оружия. Европейцы успешно разрушали примитивные денежные системы, которые обслуживали местные рынки в Африке и Америке путем наводнения и изготовления «фальшивых монет». Так, португальцы в середине XVII в. завладели местами добычи тех особых раковин – *зимбо*, которые в течение столетий использовались населением Конго в качестве денег, что привело к их громадному обесценению. «Национальная единица» индейцев Северной Америки *вампума* (маленькие цилиндрики белого и голубого цвета, выточенные из раковин и наназанные как бусы) была уничтожена тем, что европейские мастерские стали изготавливать фальшивые вампумы из стекляруса.

В процессе первоначального накопления капитала, или присвоения ресурсов других народов и цивилизаций, Запад использовал и торговлю «королевскими товарами», приносящими огромные прибыли. Магеллан и Элькано совершили кругосветное плавание в трудных и драматических условиях. Но Франческа Карлетти и Джемелли Карери – первый с 1590 г., а второй с 1693 г. – объехали вокруг земного шара с мешком золотых и серебряных монет и с тюками отборных товаров возвратились домой.

Но кроме Америки европейцев манил богатый и загадочный мир сказочной Индии и Восточной Евразии в целом. Там издавна существовало три огромных мира-экономики: во-первых, мир-экономика ислама, который охватывал территории, прилегающие к Красному морю и Персидскому заливу, контролирующую цепь пустынь, пронизывающих массив Азиатского континента от Аравии до Китая; во-вторых, индийский мир-экономика, который простирали свое влияние на весь Индийский океан как к западу, так и к востоку от мыса Коморин; в-третьих, китайский мир-экономика, одновременно сухопутный (он вырисовывался до самого сердца Азии) и морской (он господствовал над окраинными морями Тихого океана и над странами, которые те омывают). Но европейцам не под силу было сразу включиться в эти миры, которые

⁹ Ibid. S. 219–220.

им приходилось открывать, несмотря на сенсационные сообщения некоторых западных путешественников о тех баснословных богатствах, которые они таят. Эти миры-экономики оказывались здесь за пределами возможности их освоения. Ближневосточные базы, которые христиане в эпоху крестовых походов попытались захватить, доставляли контингенты, смехотворные в сравнении с числом и размерами обществ и территорий Востока.

Проникновение в страны Востока требовало от европейцев многих новых средств для достижения этих целей. И они были ими найдены. Их можно четко перечислить.

1. *Военный корабль* как средство давления на евразийские цивилизации использовался достаточно успешно уже с XV в. Колониальная эра не могла бы начаться без военного корабля Запада, удобного в обращении, способного идти против ветра, оснащенного многочисленными парусами, вооруженного пушками. Хотя военная техника (в частности, артиллерия) не могла тогда еще поколебать границы крупных культурных комплексов: ислам остался там же, где он и был, Дальний Восток не был глубоко затронут, а Плесси, который послужил началом закабаления Индии, это уже конец XVIII в. (1757 г.).

2. *Торговая фактория и оккупированная территория.* Внедрение в чужеродную во всех отношениях для европейцев цивилизацию и чужой мир-экономику было невозможно без такой организационной формы внедрения, как овладение (зачастую на коммерческих началах) торговой территорией. Они представляли собой точки, пункты, крохотные площади. Например, Макао перед Кантоном был размером с деревню, располагался на крохотном острове (три на два лье), Бомбей с трудом размещал свою гавань, свою верфь, свои казармы и дома. «Фактории» были по сути дела всего лишь укрепленными домами, даже складами, где европеец жил в большем заточении, чем индийцы самых замкнутых каст. Европеец старался обосновываться в пределах досягаемости производящих зон и рынков, на перекрестках дорог. Добиться от местных властей этой небольшой территории было нелегко, она не давалась даром. Кроме того, здесь присутствовало и силовое давление, которое дополняли военные корабли.

И здесь уже фактория представляла не просто используемый на определенных условиях участок земли, а оккупированную территорию. Европейцам было выгодно привлекать торгово-промышленное население в свои укрепленные территории. Они га-

рантировали переселенцам безопасность имущества и жизни, но обременяя их до поры до времени тяжелыми налогами и повинностями.

3. *Образование западных купеческих колоний*, если они занимали «привилегированное» положение в данном городе, в данной стране. Иностранец купец сам по себе свидетельствовал о более низком положении этого города или страны по отношению к экономике, представителем или эмиссаром которой был такой купец. Например, уже в XVI в. в Могольскую империю проникают европейские торговые компании, которые во второй половине XVII в. прочно укрепились в Индии и начали приобретать не только торговое, но и значительное политическое влияние, положив тем самым начало ее колониальному порабощению.

4. *Использование интернационального и местного населения*. Европейцы использовали накопившиеся веками коммерческие способности местных дельцов, используя их опыт и знание местных условий в организованных ими факториях. Местные же «деловые люди» заключали сделки и торговые договора, конечно, в интересах Лондона или Амстердама, но не забывая о своей выгоде в этих операциях.

Используя все эти средства, европейцы к концу XVII в. создали сеть своих укрепленных баз не только на территории Индии, но и во многих других местах региона и основательно закрепились там к началу XVIII в. При этом торговля сопровождалась военно-политической деятельностью: военными действиями против турецких мореплавателей и торговли, подавлением восстаний на оккупированных территориях, полицейскими и карательными экспедициями.

9.1.3. Военизированные торговые компании в наступлении на миры-экономики Востока

Начиная с XVI в. и укрепившись ко второй половине XVII в., большую роль в наступлении на миры-экономики стран Востока начинают играть европейские торговые компании. Европейские купцы действовали, объединяясь в крупные монопольные объединения – голландскую, английскую и французскую Ост-Индские компании. Военизированные Ост-Индские торговые компании Голландии, Франции и Англии представляли собой очень действенное рыночное оружие в борьбе за заморские территории. Английская Ост-Индская компания была учреждена в 1600 г.,

а Нидерландская Ост-Индская компания в 1602 г. Компании эти наделялись исключительными правами. Им предоставлялось право иметь армию и флот и сооружать порты, заключать договоры с местными властями от имени своего правительства, иметь свой суд и даже чеканить монету.

Колониальная торговля этих организаций с местным населением всегда носила военно-грабительский характер. Туземные жители обязаны были доставлять продукты этим компаниям по продиктованным им ценам и в определенном количестве. К этому прибавлялось и открытое пиратство на море для захвата кораблей других государств, а также нападение на туземное население в колониях. Объектами колониальной торговли были драгоценные металлы и камни, предметы роскоши, пряности и люди-рабы.

Великим Ост-Индским компаниям «приходилось справляться не только со своими “колониальными” проблемами. Они боролись с государством, – пишет Бродель, – которое их создавало и поддерживало. Они были государством в государстве и вне него. Они воевали с акционерами, создавая капитализм, порвавший с купеческими привычками. Им приходилось заниматься капиталом акционеров (которые требовали дивидендов...), капиталом владельцев краткосрочных обязательств (английских *bonds*), оборотным капиталом (следовательно, звонкой монетой) и вдобавок поддержанием основного капитала – кораблей, портов, крепостей... Им требовалось издалека держать под надзором несколько зарубежных рынков, согласовывать их с возможностями и выгодами национального рынка, т.е. с торговыми сделками в Лондоне, Амстердаме или в других местах...»¹⁰.

Сначала Ост-Индские европейские торговые компании были просто посредниками в международной торговле между Западом и Востоком. Но затем произошло вторжение Ост-Индских европейских компаний во внешнюю торговлю, которая испокон веков велась между мирами-экономиками самих евразийских цивилизаций, не разрушая тем не менее внутренних рынков этих структур. Торговали всем.

«Здесь все перемешивалось, все встречалось: предметы роскоши и заурядные товары, шелк, пряности, перец, золото, серебро, драгоценные камни, жемчуг, опиум, кофе, рис, индиго, хлопок, селитра, тиковое дерево (для судостроения), персидские лошади, цейлонские

¹⁰ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 509.

слоны, железо, сталь, медь, олово, феерические ткани для сильных мира сего и грубые холсты для крестьян островов или для негров Мономотапы... Дополнявшая друг друга продукция притягивалась, компенсировала одна другую; в дальнейших морях такая продукция вдохновляла непрестанные кругообороты, аналогичные кругооборотам морей европейских»¹¹.

Ост-Индские европейские торговые компании постепенно расширяли ареал внедрения в «эту торговлю, используя преимущества своих кораблей, вторгаясь в экономические зоны, издавна закрепленные негоциантами евразийских миров, извлекая из этой транзитной торговли громадные прибыли. Эти торговые перевозки между разными экономическими зонами Евразии, зачастую очень друг от друга отдаленными, французы называли торговлей из Индии в Индию (*commerce d'Indy en Indu*), англичане – местной торговлей (*country trade*), голландцы – внутренней торговлей (*inlands handle*)». В этом каботаже на дальние расстояния внешняя торговля не выходила за рамки этих трех описываемых больших миров-экономик Евразии. Ост-Индские торговые компании широко внедряли туда спекулятивные операции, покупая товары в одних регионах и перепродавая их в других.

«Например, тонкие пряности хорошо продавались не только в Европе; Индия их потребляла в два раза больше. На Дальнем Востоке они были обменной монетой, ключом ко многим рынкам, как пшеница или махты из стран Балтийского бассейна были ими в Европе. Имелось много других видов товаров для обмена. Голландцы покупали огромные количества индийского текстиля любого качества в Бенгали. На Суматре они его обменивают на перец, на золото, на камфару. В Сиаме они продавали те же индийские ткани, пряности, перец, кораллы. Оттуда они вывозили олово, которое будут продавать вплоть до Европы, олени кожи, которые ценились в Японии, а также слонов, на которых был спрос в Бенгали. Бенгалия в свою очередь поставляла европейским купцам шелк, рис, много селитры, сахар с разных рынков-производителей, которые они перепродавали в других регионах этих миров-экономик»¹².

Между Ост-Индскими компаниями европейских государств шла ожесточенная война.

«С того момента, как голландцы достигли Индийского океана и Индонезии, они старались восстановить, а впоследствии сохранить к собственной выгоде монополию на перец и пряности, борясь против

¹¹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 502.

¹² Там же. С. 506.

постепенно вытесняемой португальской торговли, а вскоре – против конкуренции английской и затем – французской или датской. Они пытались также удержать в своих руках снабжение Китая, Японии, Бенгалии, Персии, и им удалось компенсировать подъемом своей торговли с Азией то, чего им не удалось достичь в Европе... По-видимому, как позволяют предположить продажи Голландской Ост-Индской компании с 1715 по 1732 г., был достигнут предел... С первого места, которое перец занимал в торговле Компании в Амстердаме еще в 1648–1650 гг. (33% общего оборота), он в 1778–1780 гг. перешел на четвертое (11%) вслед за текстилем (шелк и хлопок – 32,66%), “тонкими” пряностями (24,43%), чаем и кофе (22,92%)¹³.

Все торговые войны между европейскими Ост-Индскими компаниями разрушали традиционный мир-экономику стран Евразии. Таким образом, еще до английской колонизации Индии внешняя торговля, осуществляемая Ост-Индскими компаниями Западной Европы, серьезно затронула страны восточной Евразии, хотя на первый взгляд кажется, что торговые представительства и конторы, едва-едва внедрившиеся в огромное пространство этих структур, не оказывали существенного влияния на их миры-экономики. Казалось, что это влияние было поверхностным. Ведь в экономическом смысле оно касалось только экспортной торговли, стало быть, меньшей части производства. Но это далеко не так. Подспудным образом здесь вновь *возникал спор между внутренним рынком и внешними обменами*. С этого времени начался процесс, которому суждено было еще до конца XVIII в. выдать на милость английской монополии 85–90% внешней торговли Индии. Но об этом подробнее ниже, а здесь необходимо обратить внимание еще на одну сторону деятельности Ост-Индских торговых компаний.

Речь идет об организации *монопольной среды* для производства монопольных товаров, пользующихся особым спросом на европейских и азиатских рынках, главным образом пряностей. Между самими европейскими компаниями шла жестокая конкурентная борьба за обладание теми или иными территориями, на которых производились товары монопольного характера. В Европу Западную и Восточную – в Россию чай пришел разными путями. В страны Западной Европы он попал через Ост-Индскую компанию, где европейцы познакомились с этим экзотическим напитком (Европа очень долго не могла овладеть выращиванием этого растения.

¹³ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 242.

На Яве первые чайные кусты будут посажены только в 1827 г., а на Цейлоне – после 1877 г.) Потребление кофе в Европе могло увеличиться только потому, что Европа организовала его производство, исключив монопольную зависимость от кофейных плантаций в окрестностях Мохи (Мокки) в Аравии и использовав для его производства свои колониальные владения¹⁴.

Это достигалось за счет авторитарной политики принуждения и надзора за производством различных видов пряностей, но в целом этот процесс осуществлялся одним и тем же путем. Необходимо было замкнуть производство на ограниченной территории, «прочно ее удерживать, сохранить за собой рынок, препятствовать разведению аналогичных культур в других местах. Так, Банда стал островами мускатного ореха и его кожуры, Ланка (Цейлон) – островом корицы. Амон стал исключительно островом гвоздичного дерева. В то же время гвоздичные деревья, росшие на других островах Молуккского архипелага, систематически вырубались, главным образом – ценою выплаты денежных средств местному правителю». В целом организованная здесь монокультура делала эти острова *полностью зависимыми* от регулярного импорта продовольствия и текстильных изделий.

Однако в данном случае речь идет о подчинении торговым компаниям европейцев небольших миров этого региона. Но ведь европейцам удалось повергнуть к своим ногам не небольшие миры, а такого колоса, как древняя Индия. Как это случилось? Обратимся к фактологии процесса.

9.1.4. Гибель колосса: от мощного мира-экономики Индии к колониальной структуре Британии (XVII–XIX вв.)

Историческая ретроспектива показывает путь, каким образом Ост-Индские компании европейских государств вторгались в Индию. Прибытие Васко де Гамы в Каликут 27 мая 1498 г. можно считать началом вторжения европейцев в незнакомый, но богатый мир. В 1503 г. экспедиция Альбукерке кладет начало *португальским* завоеваниям в Индии. Португалия назначает в свои индийские владения вице-королей и устанавливает монополию торговли с Индией. Португальцы сохранили свои укрепленные

¹⁴ С начала XVIII в. кофейные деревья стали сажать на Яве, на Мартинике, на Ямайке, на Сан-Доминго. В первой трети того же столетия начинается импорт кофе в Европу.

базы и в дальнейшем на Малабарском побережье Индии владели Гоа с прилегающей территорией и городами Диу и Даман. Португальские завоевания совпадают с вторжением в брахманистско-буддийскую Индию ислама и образованием государства Великого Могола, что на несколько веков вперед образovalo глубокую трещину в духовном мире этой структуры, чем впоследствии умело воспользуются европейцы¹⁵.

В первой половине XVII в., когда португальцев вытесняют из индийской торговли голландцы, последние основывают *Голландскую Ост-Индскую* компанию и фактории: Чинсура в Бенгалии и Негапатан на Коромандельском побережье Индии. *Англичане* вытесняют и тех, и других. *Английская Ост-Индская компания* обосновывается на побережье Индии (в 1609 г. образуют факторию в Сурате; в 1639 г. на Коромандельском побережье в Мадрасе; в 1663 г. в Бенгалии создают свой укрепленный город Калькутту и переносят свою факторию из Сурата в Бомбей).

Перед европейцами встал тогда в XVI–начале XVII в. очень мощный мир-экономика царства Великого Могола с развитыми товаро-денежными отношениями, но основанными на других социально-экономических отношениях, не похожих на их западные аналоги. Они касались трех фундаментальных вопросов: земельной собственности, деревенской общины и роли централизованной власти в организации экономических отношений в целом и товарно-денежных отношений в частности.

Собственность. Важной чертой начальной истории Могольской империи было *существование государственной собственности* на землю. Все завоеванные земли попадали в государственный фонд – халисэ (арабское слово, означающее землю «чистую», «свободную»). Налог с таких земель собирался специальными правительственными чиновниками и пересылался в финансовое ведомство. В дальнейшем большая часть земель была роздана в военные пожалования – джагиры (крупные, но условные земельные пожалования) землевладельцам-джагирдам, которые получали право взимания с этих владений земельной ренты-налога. Некоторая часть земель оставалась

¹⁵ В конце XIV в. Индия подвергается нашествию Тамерлана (Тимура), а в начале XVI в. (1527 г.) бывший правитель Ферганы, изгнанный из Средней Азии кочевниками узбеками, Бабур, потомок Тимура, образует новое государство Моголистан на территории Северной Индии и Юга Центральной и Средней Азии. Поэтому и государство выходца из Средней Азии получило название «Могольского» или (по европейской историографии) «Государством Великого Могола». В дальнейшем (при Акбаре и его приемниках) власть Моголов распространилась на большую часть Индии.

во владении прежних правителей, ставших теперь вассалами-заминдарами (местные князья и предводители племен). Они были обязаны уплачивать центральной власти определенную ежегодную дань и по требованию государя выходить в поход со своим ополчением. Заминдары могли передавать свои земли по наследству с согласия падишаха. Правительство Могольской державы устанавливало размер и способ взимания земельного налога на всех землях (в XVI столетии земельный налог составлял 1/3 валового урожая).

Подчеркнем, что в будущем важной тенденцией в период упадка Могольской империи (середина-конец XVII – начало XVIII вв.) являлась смена государственно-феодальной собственности на землю частной собственностью крупной земельной знати джагирдаров. Экономическая политика падишахской власти тогда была направлена на то, чтобы, с одной стороны, не допускать превращения условных владений в наследственные. С другой стороны, чтобы джагирдары, условные владения которых охватывали иногда целые районы и даже области, не приобрели прочного влияния в пределах отведенных им территорий и не вступили в слишком тесные связи с местной светской или духовной знатью (заминдарами, раджами, верхушкой брахманского жречества). Поэтому джагиры жаловались не сплошным массивом, а чересполосно.

Централизованная власть в экономическом развитии. Ислам изменил экономику северной части Индии¹⁶. В сельском хозяйстве произошло увеличение посевов более трудоемких культур, предназначенных на продажу (индиго и сахарного тростника). В этом же направлении развивались домашние промыслы крестьянства и в первую очередь производство хлопчатобумажных тканей, которыми издавна славилась Индия.

¹⁶ Влияние централизованной власти на развитие экономики было важной чертой развития рыночных отношений и до исламского владычества. Во времена Делийского султаната (предшественника империи Великих Моголов – первая половина XIV в.) происходило создание на огромной территории, которой владел султан, денежной экономики, предполагавшей и включавшей в себя рынки, а через рынки эксплуатацию, но также и стимулирование деревенской экономики. Доходы государства настолько тесно были связаны с успехом земледелия, что султан Мухаммед Туглук (1325–1351) приказывал копать колодцы, предлагал крестьянам деньги и семена и через администрацию обязывал их выбирать более продуктивные культуры, такие как сахарный тростник. В актив Делийского султаната, а потом Могольской империи следует занести создание в провинциях и округах разветвленной администрации, которая обеспечивала взимание налогов и повинностей, а равным образом имела своей задачей развивать земледелие, т.е. подлежащую обложению массу, развивать орошение, способствовать распространению самых выгодных культур, предназначенных для экспорта. Деятельность эта, порой подкреплявшаяся государственными субсидиями и информативными поездками, зачастую была эффективной.

Индийское земледелие для своего времени (середина XVII в.) находилось на высоком уровне по севообороту, применению разнообразных удобрений, выращиванию не только зерновых, но и таких трудоемких культур, как рис, хлопок, табак, индиго. С орошаемых земель крестьянин снимал два, а в некоторых случаях и три урожая в год. *«По своей продуктивности, разнообразию культур, широкому применению удобрений, довольно сложному севообороту, наличию широкого клина орошаемых земель земледелие в Индии стояло на более высоком уровне, чем в большинстве европейских стран, где господствовало трехполье, а возделываемые растения ограничивались несколькими видами зерновых»*¹⁷.

Империя Великих Моголов долгое время будет способствовать подъему экономики страны, сопровождаемому развитием торгового капитала и денежного хозяйства, внешней и внутренней торговли. Торговля расширяла связи между отдельными районами, создавала некоторую экономическую базу для существования огромной империи, составленной из народностей, говорящих на разных языках, разделенных кастовыми и религиозными различиями.

Деревенская община играла громадную роль в формировании особенностей экономики и рыночных отношений всех евразийских цивилизаций. Может быть, особенно ярко эта специфика выявилась в Индии, где «крестьянин не был рабом, не был он и крепостным, но не приходится спорить, что статус его был зависимым. В обмен на свои привилегии и на индивидуальную собственность на поля, обрабатывавшиеся ими самими с помощью семейной рабочей силы, они были солидарно ответственны перед государством за уплату податей со всей деревни. Доля дохода крестьянина, взимаемая государством, владельцем джагира и прочими получателями, достигала от трети до половины, а в плодородных зонах – даже еще больше»¹⁸. Деревня в Индии была самодостаточна: активная община была способна в случае необходимости переместиться целиком, чтобы избежать той или иной опасности или слишком тяжелого угнетения. Она платила городу общую дань, но «прибегала» к нему лишь в поисках заработка.

По словам Маркса, индийские общины «покоятся на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочившемся разделении труда, которое при основании каждой новой общины дает готовый план и схему производства»¹⁹. К XVI в. в некоторых сельских общинах сохранялась еще коллективная обработка полей, хотя в подавляющем большинстве общин пахотные поля были уже поделены между общинниками. Выгоны и пустоши, которые не подлежали обложению налогом, находились в коллективном владении и пользовании всей общины, которая распоряжалась ими по своему усмотрению. Деревню удерживали изнутри ее собственная иерархия и кастовая система.

¹⁷ Всемирная история. Т. IV. С. 266.

¹⁸ Широков Г.К. Восток: Панорама Новейшего времени. М., 2003. С. 17.

¹⁹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 364.

Товарное производство вторгалось в индийскую деревню. И не только потому, что крестьянин вынужден был приобретать некоторые товары (соль, специи), производство которых было в Индии узко локализовано и каждая община не могла обладать всеми природными ресурсами, необходимыми для воспроизводства. Не эти факторы были определяющими для включения общины в торговые обороты страны.

Главным было то обстоятельство, что ряд технических культур деревенская община выращивала для *общеиндийского рынка*. А это стимулировалось внеэкономическими методами принуждения. Начиная с XIV в., существовала организация административного принуждения, которое со ступеньки на ступеньку, от провинции к округу, доходило до деревень и удерживало их под контролем. Деревни удерживались в руках властей провинций и округов джагирдарами, которые получили их от Великого Могола. Джагирдары часть повинностей с поместий отдавали сборщикам податей. С деревни взимали часть урожая заминдары, обладавшие также наследственными правами на земли; кушцы, ростовщики и менялы, которые скупали, перевозили, продавали урожай. Они же превращали подати и повинности в деньги, которые могли быть использованы на общеиндийском рынке в любых целях. *С конца XVI в. имперские власти переводят продуктовую ренту-налог в денежную форму, при этом норма налога с технических культур была в полтора–два раза выше, чем с зерновых.*

Введение денежной ренты – налога уже к середине XVII в. серьезно подрывало хозяйственную замкнутость индийской общины. В традиционные формы разделения труда внутри общины включаются денежные отношения. Вместо обычной доли урожая ремесленники стали получать от общинников денежную плату за выполненные работы или продукты своего труда.

С конца XVI в. в связи с введением денежной формы ренты-налога возросла система *откупов земельного налога*. Росло и ростовщичество, которое разоряло не только крестьянство, но и самих джагиров. В результате многие джагирдары превращались в номинальных владельцев своих джагиров, в то время как их действительными хозяевами становился ростовщик, присваивавший себе львиную долю доходов²⁰. Разорение джагирдара приводило со временем к

²⁰ Тенденция к безграничному повышению ренты-налога в XVII в. позволяла джагирдарам превращать полученный от крестьян продукт в деньги. Это была операция, которая осуществлялась не самим землевладельцем, а представителями торгово-ростовщического капитала. Потребность джагирдаров в деньгах постоянно росла потому, что основные расходы они производили в денежной форме: деньгами оплачивались наемные войска, содержащиеся ими для службы шаху. Деньги были нужны им для покупки предметов роскоши, для оплаты многочисленных слуг и прочей челяди. Только подношением золота, западных новинок, драгоценных камней и т.п. покупалась милость шаха и его фаворитов. «Эти огромные подарки мало чем отличаются

тому, что он оказывался не в состоянии содержать себя на надлежащем социальном уровне, связанном со всеми атрибутами восточной роскоши, а также положенные контингенты наемных войск²¹. Вся военная организация Моголов стала приходить в упадок. Одновременно усилились сепаратистские тенденции в среде самих джигирдаров, стремившихся превратить свои джагиры в наследственные владения, добиться налогового иммунитета и полностью подчинить себе местный налоговый аппарат.

При всех этих особенностях и противоречиях в развитии рыночных и денежных отношений Индия была самодостаточным миром-экономикой. Ее общую характеристику дает Бродель: «В середине XVIII в. Индия жила успешно; она обладала традиционным земледелием, здоровой и высокопроизводительной промышленностью старого типа, исключительно эффективной (вплоть до 1810 г. индийская сталь была даже лучше английской, уступая лишь шведской стали); она была вся охвачена давно уже функционировавшей рыночной экономикой; располагала многочисленными деловыми и торговыми кругами. Кроме того, ее торговое могущество и промышленное было связано с международной торговлей на дальние расстояния, так как ее окаймляло более крупное экономическое пространство, чем она сама. Но над

от покупки должностей. Здесь и лежит причина того разорения, которое мы наблюдаем кругом: ибо наместник, купивший должность, стремится срочно вернуть себе те суммы, которые он занял под 20–30% годовых», — писал в середине XVII в. европейский врач Ф. Берне, состоявший при дворе одного из могольских вельмож. Действительно, джагирдар, как правило, занимал деньги у индийских ростовщиков под будущие доходы или назначал заимодавца своим агентом (векилем) в джагир, где тот непосредственно присваивал значительную часть ренты-налога. В столице Моголов существовала своеобразная биржа, где негласно совершались сделки по приобретению должностей и джагиров, причем богатейшие ростовщики образовывали особые товарищества и группы с целью авансирования займов соискателям должностей и джагиров в счет их будущих доходов.

²¹ Роскошь, в которой жила военизированная властвующая элита, порождала воображение европейцев. Они владели собственными ремесленными мастерскими, кархананами — мануфактурами, утонченные изделия которых предназначались для их исключительного пользования. (В их услужении были громадные свиты слуг и рабов.) Многие из омера скапливали баснословные сокровища в золотых монетах и драгоценных камнях. Естественно, что этот образ жизни военизированной властвующей элиты давил на индийскую экономику, так как эта аристократия жила либо на жалование, непосредственно выплачиваемое императорской казной, либо за счет крестьянских повинностей, взимаемых с земель, которые жаловались им императором в качестве джагиров « для поддержания их титулов ».

этим пространством она не господствовала. Историки отмечают ее пассивность по отношению к окружающему миру, от которого зависела самая оживленная часть ее рыночных отношений. А ведь именно извне, посредством захвата путей местной торговли Индия мало-помалу была свергнута с престола, доведена до бедности английскими колонизаторами»²².

Английское завоевание Индии и превращение ее в английскую колонию затянулось почти на столетие. Английской Ост-Индской компании пришлось выдержать при этом упорную борьбу с Французской Ост-Индской компанией. (Центром деятельности Французской Ост-Индской компании были фактории в Декане и Бенгалии, основанные ею еще в конце XVII в.). В XVIII в. активную политику территориальных захватов в Индии начала Французская Ост-Индская компания, опередив на этом поприще англичан. И здесь Ост-Индская компания выступила сразу же в роли военной организации, приступив к организации колониального завоевания Индии руками индийцев за счет субсидиарных договоров и создания «субсидиарных» войск²³. Почему возникла сама возможность возникновения «субсидиарных» войск?

Здесь надо «высветить» проблему, которая в западной литературе освещается вот этим тезисом: «Индия была завоевана англичанами руками самих индусов». Это так и не так. Так, учитывая компрадорскую роль значительной части индийских ростовщиков и торговцев²⁴. Не так, поскольку в понятие «индусы» включается и коренное население Индии – около 85%, исповедующее те

²² Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 354.

²³ Генерал-губернатор французских владений в Индии Дюпле (1742–1754 гг.) первым приступил к формированию частей из наемных солдат-индийцев, так называемых сипаев. Сипаи стали одним из основных орудий колониального завоевания Индии руками индийцев за счет субсидиарных договоров и создания «субсидиарных» войск.

²⁴ Есть красноречивые свидетельства самих англичан по этому вопросу. Один из них (Болтс) пишет следующее: «Баньян (торговец-компрадор) является лицом, через которое английские джентльмены ведут свои дела. Он служит проводником, главным секретарем, главным брокером, кредитором, казначеем, а также хранителем коммерческих тайн...С тех пор, как англичане приобрели в Бенгалии решающее влияние, многие выходцы из лучших индийских семей пошли к ним в услужение как доверенные лица. Они даже платят английским джентльменам некоторую сумму денег за свою службу, однако в действительности за то влияние, которое они приобретают, а также за возможность заниматься торговлей, которую иначе они не могли бы вести и которую они зачастую ведут беспощинно». (Всемирная история. М., 1958. Т. V. С. 288).

или иные ветви индуизма (брахманизм или буддизм), и то население, которое пришло в качестве завоевателей, со своей религией-исламом (около 15%). Эта встреча была далеко не дружественной, несмотря на то, что шах Акбар (1556–1605 гг.) предпринял попытку мирного внедрения в духовную жизнь своего царства индуизма и ислама. Тем не менее именно ислам, будучи религией господ, получал, естественно, все почести. Европейцы, видя бесчисленные мечети в Северной и Центральной Индии, долгое время рассматривали ислам как общую для всей Индии религию, а индуизм – религию купцов и крестьян – как своего рода идолопоклонство, находящееся на пути к уничтожению, подобно язычеству в Европе до христианства. Это было неверное понимание действительности – брахманизм не уходил из души народа, учитывая, что он являлся духовной опорой противостояния господству военизированной исламской знати царства Великого Могола²⁵. Эти на-

²⁵ Надо иметь в виду в данной связи военизированный характер империи Великих Моголов (середина XVI в.), основу которой составляла армия, сконцентрированная в сердце империи. Армия состояла из представителей исламской знати. Они назывались мансабдары или омера, их численность была примерно в 8 тыс. человек. Именно они в соответствии со своим титулом набирали десятки, сотни, тысячи наемников. Характерно, что общая численность армии была огромной, не сравнимой с европейскими масштабами. Она находилась в Дели и всегда была наготове. Ее военный потенциал образовывали: почти 200 тыс. всадников и 40 тыс. фузилеров (стрелков) или артиллеристов. К этому надо добавить многочисленные гарнизоны, рассеянные по всей империи и усиленные на границах. С учетом этих подразделений считается, что численность армии достигала миллиона человек. Не было ни одного маленького местечка, где бы не находилось, по меньшей мере, двух всадников и четырех пехотинцев, в обязанности которых входило поддержание порядка и наблюдение за настроением населения (шпионаж). С учетом этих подразделений, считается, что численность армии достигала миллиона человек. Это позволяло стягивать военным обручем всю империю.

Армия формировала правительство, так как высшие должности в империи доставались прежде всего военным. Армия образовывала внутренний рынок, главным образом за счет спроса на предметы роскоши. Именно она была также главным потребителем европейских товаров, в частности европейских сукон. Они импортировались не для платья знати (жаркий климат не требовал такой одежды), а для попон и седел – конских, слоновьих и верблюжьих, которые украшались выпуклой золотой и серебряной вышивкой. Эти сукна использовались также для покрытия паланкинов, для ружейных чехлов ради предохранения их от сырости или для парадных обрядов пехотинцам при парадных смотрах. Парадные смотры были любимым зрелищем этой индийской элиты. Для этих представлений ввозили из Персии или Аравии в большом числе породистых лошадей по баснословным ценам. При дворе перед нача-

строения у населения, исповедующего индуизм, усилились к концу XVII в.

В 60-х годах XVII в. шахский престол оказывается во власти фанатичного мусульманина, гонителя «неверных» Аурангзеба, который удерживал престол в течение пятидесяти лет. С его именем связано разжигание пламени религиозной вражды между мусульманскими правителями и большинством населения Индии, 2/3 которого исповедовали индуизм. Уже в начале 1679 г. Аурангзеб ввел для индийцев- немусульман подушную подать. В результате этого примерно на одну треть увеличилась и без того огромная тяжесть налогового обложения индусского крестьянства, составлявшего около 75% всего сельского населения. Увеличение доходов казны и крупных джагирдаров достигалось также конфискацией обширных земель и имущества индусских храмов, конфискацией земель индусской знати и, наконец, устранением из их государственного аппарата феодального сепаратизма. Отсюда междоусобные войны, разрыв экономических связей между отдельными областями.

Аурангзеб также пытался спасти от разорения крупных джагирдаров, неоднократно освобождая их от уплаты долгов ростовщикам. Поскольку богатеющими ростовщиками были главным образом представители индусских торгово- ростовческих каст, это мероприятие также облекалось в форму борьбы против «неверных» индусов. Наконец, Аурангзеб искал выход из внутренних затруднений путем завоевания новых земель. Он предпринял ряд длительных и на первых порах успешных походов с целью окончательного подчинения Декана и Южной Индии. Походы на юг должны были обогатить шахскую казну и дать в руки шаха новые обширные массивы земель для раздачи их в джагиры могольской знати. Однако эти войны в конечном счете только разорили шахскую казну, обнаружили военную слабость могольской державы и ускорили ее гибель. Во время правления Аурангзеба постоянно происходят выступления против власти Моголов, которые расшатывали эту империю (восстания маратхов, афганцев, раджпутских раджей, сикхов, джатов, маратхов).

В 1707 г. после смерти Аурангзеба победителем из междоусобной войны вышел один из его сыновей, царствовавший очень непродолжительный отрезок времени (около пяти лет) под именем Бахадуршаха. Он на время купил поддержку крупных мусульманских землевладельцев, раздав им остатки сокровищ, накопленных в лучшие времена Моголов, и представив им джагиры на землях шахского домена. Результатом этого был рост могущества крупных землевладельцев за счет умаления доходов и власти шаха.

лом великих церемоний, открытых «для великих и малых», одним из развлечений императора было проведение «перед его взором некоторого числа красивейших лошадей из его конюшен», за ним следовало «несколько слонов... коих туловище хорошо помыто и весьма чисто... выкрашенных в черный цвет, за исключением двух больших полос красной краски, украшенных расшитыми покрывалами и серебреными колокольцами».

Крестьянское восстание 1710–1715 гг. в Пенджабе, руководимое тайной организацией сигхов, ускорило распад державы Великого Могола. Бахадур-шах был последним могольским падишахом, который не только царствовал, но и управлял.

Его приемники были лишь марионетками в руках крупной землевладельческой знати, которые распоряжались делийским престолом по своему усмотрению. Местные феодалы самовольно захватывали власть над городами и областями, получая задним числом утверждение делийского правительства. Налоговый аппарат Моголов развалился. Преобладающей стала система краткосрочного откупа, сущность которого сводилась к тому, что с крестьян брали столько, сколько удавалось из них выжать. В роли откупщиков выступали обычно ростовщики, по большей части индусы. Во многих провинциях Индии они добились превращения своих откупов в наследственные. В Бенгалии эти наследственные откупщики, известные под названием раджей-заминдаров, стали во второй четверти XVIII в. ведущей прослойкой класса землевладельцев. Это было новым шагом в сторону образования *крупной частной собственности на землю*. Откупщики-заминдары в отличие от прежних джагирдаров не несли перед государством обязательств отбывать военную службу, вместе с тем они выплачивали в казну в качестве поземельного налога значительно меньше, нежели сами взимали со своих крестьян. Таким образом, поземельный налог больше не совпадал с рентой.

В первой половине XVIII в. продолжался распад державы Великих Моголов. Территориально она сократилась до размеров североиндийского государства, включающего области : Дели, Агра, Сирхинд, Кашмир, Пенджаб и Синд; Великому Моголу принадлежала также юго-восточная часть Афганистана, Пешавар и Кабул. Слабо защищенная Северо-Западная Индия подверглась в 1738–1739 гг. нашествию иранского шаха Надира, который вторгся в Пенджаб и занял Дели. Сам Великий Могол и его вельможи сдались на милость Надира и открыли ему ворота столицы. Самоотверженная попытка горожан Дели оказать сопротивление была подавлена. Надир учинил над жителями столицы кровавую расправу, разграбил Дели и наложил руку на сокровища Великого Могола и его вельмож. Общая ценность добычи, захваченной в Индии иранскими завоевателями, составляла примерно около 700 млн рупий. Присоединив к Ирану земли к западу от реки Инд (Синд, Пешевар, Кабул), Надир-шах оставил Индию. Державе Великого Могола приходил конец. Маркс следующим образом характеризовал его. «Верховная власть Великого Могола была свергнута его наместниками. Могущество наместников было сломано

маратхами²⁶. Могущество маратхов было сломлено афганцами²⁷. И пока все воевали против всех, нагрянул британец и сумел покорить их всех»²⁸.

Непрерывные междоусобные войны князей восточного Декана открывали широкие возможности для вмешательства европейцев. В так называемых субсидиарных договорах французы нашли удобную форму подчинения индийских княжеств. Французская Ост-Индская компания принимала на себя «защиту» того или иного княжества и посылала на территорию своего союзника вспомогательное «субсидиарное войско» из европейских и сипайских частей. Правитель данного княжества содержал это войско за свой счет («субсидировал» его), обязывался вести внешние сношения по указанию компании и подчинялся контролю назначенного ею резидента. Впоследствии англичане переняли и развили эти приемы колониальной политики своих французских соперников.

²⁶ Страна маратхов – Махараштра территориально занимала срединную часть Индии. Она имела большое торговое и стратегическое значение, так как господствовала над важнейшими путями из Индостана в Декан, а из Декана к портам Малабарского побережья. С начала XVII в. начались восстания против власти Моголов. Они по своей общей направленности носили освободительный характер. Основной силой восстания были полноправные крестьяне-общинники, привычные к военной службе, крепко державшиеся за свои земельные права и в то же время тяжело придавленные налоговым гнетом. Возглавила восстание светская и духовная знать, привилегии которой были ущемлены исламскими завоевателями и джагирدارами. В 70-х годах XVII в. образуется Махараштра как самостоятельное государство, точнее Маратхская конфедерация в составе четырех маратхских княжеств. Они постоянно воевали с Моголами и другими военными силами (включая афганцев), которые в то время находились в оппозиции не только к моголам, но и друг к другу. В результате завоеваний Маратхская конфедерация превратилась в обширный конгломерат различных индийских племен и народов. Покоренных и удерживаемых в повиновении военной силой, маратхские завоевания не привели к уничтожению раздробленности Индии, а воспроизвели эту раздробленность в форме разделения государства на отдельные, фактически самостоятельные, княжества и владения.

²⁷ К северо-востоку от Дели большой силой уже в начале XVIII в. стали военные переселенцы с афганских гор. Афганцы сначала появились здесь в качестве наемных солдат, затем они образовали слой мелких и средних землевладельцев, эксплуатирующих крестьян-индусов и в то же время сохранивших свои племенные связи и деления. Опираясь на военную силу своих соплеменников, афганец Дауд-хан, а затем его наследники изгнали из этой провинции джагирдаров и превратили эту власть в свое независимое владение.

²⁸ *Маркс К.* Будущие результаты британского владычества в Индии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 9. С. 224.

В 1744 г. начались открытые военные действия между англичанами и французами (а, точнее, Французской и Английской Ост-Индскими компаниями), где постепенно перевес склонялся в сторону англичан. Исход дальнейшей борьбы за Индию решила Семилетняя война 1756–1763 гг. *«События Семилетней войны, – писал Маркс, – превратили Ост-Индскую компанию из торговой державы в военную и территориальную. Именно тогда было положено основание нынешней Британской империи на Востоке»*²⁹. Захват англичанами Бенгалии после битвы при Плесси (1757 г.) окончательно укрепил позиции Англии в Индии. Англичане выиграли битву при Плесси, которая решила судьбу Индии в целом, организовав заговор против набоба Бенгалии Сурадж-уд-Доуле, боровшегося против Ост-Индской компании³⁰.

Так что в XVIII в. империя Великих Моголов вступила в пору своего разложения. Здесь было много внешних проявлений, которые свидетельствовали об этом упадке, начиная со смерти Аурангзеба (1707 г.), захвата и чудовищного разграбления персами Дели (1739 г.), победы англичан при Плесси (1757 г.) и т.д. *Но глубинная причина, о которой говорят ряд историков, состоит в другом – в религиозно-духовных факторах, в попытке Великих Моголов заставить жить вместе две религии, две цивилизации – мусульманскую и индуистскую.* Мусульманская цивилизация с ее институтами, характерным урбанизмом и памятниками, которым подражал даже Декан, внешне являла зрелище довольно редкого успеха. Но успех этот закончился, и Индия раскололась надвое. Кстати, такое четвертование открыло путь английскому завоеванию. Об этом с полной ясностью сказал (25 марта 1788 г.) Исаак Титсинг, голландец, долгое время представлявший Ост-Индскую

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 152.

³⁰ Участниками заговора были командующий бенгальскими войсками Мир Джафар, банкир Омичанд, банкиры братья Сетхи, раджа Нанд Кумар и некоторые другие представители знати и торгово-ростовщической верхушки. Миру Джафару был обещан престол бенгальских набобов. В обмен на английскую помощь Мир Джафар заранее подписал кабальный договор с Ост-Индской компанией. Главным посредником между английскими войсками в Калькутте и заговорщиками выступал Омичанд. За свои услуги англичанам он выговорил себе 5% будущей добычи. Но Клайв (командующий английскими войсками) обманул Омичанда. Накануне этой битвы братья Сетхи предложили Клайву крупный заем. «Рупии индийского банкира помогли шпаге английского полковника свергнуть мусульманскую власть в Бенгалии», – писал впоследствии один английский автор.

компанию в Бенгалии: единственным непреодолимым для англичан препятствием был бы союз мусульман и маратхских князей; «английская политика и ныне постоянно направлена на то, чтобы устранить этот союз»³¹.

Военным и экономическим ослаблением государства Моголов и происходившей в нем внутренней борьбой воспользовались британцы. После восстания сипаев в 1857 г. англичане уничтожили номинальную империю Великих Моголов. *В 1858 г. власть над Индией перешла от упраздненной Ост-Индской компании к английскому правительству.* Генерал-губернаторы Индии стали вице-королями Индии. *В 1876 г. английская королева Виктория была провозглашена императрицей Индии.*

Новые порядки установлены были англичанами прежде всего в Бенгалии. В первую очередь англичане расправились со своими конкурентами. Введение многочисленных внутренних таможен, монополизация англичанами внутрибенгальской торговли, прямое ограбление местных купцов – все это дезорганизовало торговлю и привело к массовому разорению *среднего слоя* индуистского купечества. Только тогда, когда британское господство в Бенгалии было полностью обеспечено, индуистские дельцы Калькутты были грубо устранены из самых прибыльных сфер деятельности (банки, внешняя торговля) и оказались вынуждены избрать другие сферы деятельности – землю, ростовщичество, взимание налогов или даже (около 1793 г.) покупку «большой части обязательств (obligations) Британской Ост-Индской компании.

В 1762 г. Клайв и другие высшие служащие Ост-Индской компании образовали общества для монопольной торговли солью, бетелем (листья местного растения, употребляемые для жевания) и табаком в Бенгалии, Бихаре и Ориссе. Заминдары и непосредственные производители были обязаны сдавать соль по принудительно низкой цене – 75 рупий за 100 маундов (около 1200 кг), а продажная цена за соль была установлена в 450 рупий. Прибыли общества только за два года достигли 673 тыс. фунтов стерлингов³². Служащий Ост-Индской компании доносил в 1762 г. в Калькутту: «Джентльмены присылают сюда своего гомастха (агента) вести торговлю. Этот агент насильно заставляет жителей покупать его товары либо продавать свои. В случае отказа немедленно

³¹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 532.

³² Всемирная история. Т. V. С. 287.

следует порка или тюрьма. Агенты компании платят за собираемые товары гроши либо не платят вовсе»³³.

Десятки тысяч бенгальских ремесленников были насильственно прикреплены к факториям Ост-Индской компании, куда они были обязаны сдавать свою продукцию по расценкам на 50% ниже рыночных, но чаще всего им вообще ничего не платили. Уклонявшихся подвергали пыткам, избиениям или сажали в тюрьму. Кроме того, монополизация внешней торговли, введение запретительных пошлин на ввоз в метрополию ряда индийских товаров (текстиль, сахар и пр.) почти отрезали индийских производителей от мирового рынка, что крайне неблагоприятно отразилось на сложившихся центрах кустарного производства. Другой удар по ремеслу, выделившемуся из сельской общины, нанесла ликвидация дворов феодальных правителей и их армий. Но наибольшее значение имела конкуренция фабричных товаров, первоначально импортных, а затем местных.

В 1765 г. Клайв, вторично назначенный губернатором Бенгалии, за небольшую плату получил от номинального «шаха Дели» (Великого Могола), не имевшего к этому времени реальной власти не только над Бенгалией, но и в самом Дели, грамоту, *утверждавшую Ост-Индскую компанию в качестве «дивана», т.е. финансовой администрации Бенгалии*. Она получила правомочия собирать налоги, содержать постоянное войско и осуществлять юрисдикцию по гражданским делам. Этот документ должен был придать видимость законности грабительскому захвату Бенгалии англичанами³⁴.

Захватив фактическую власть в стране и используя существующий фискальный аппарат, Ост-Индская компания максимально увеличила ренту-налог, стремясь укрепить государственную собственность на землю, не считаясь ни с наследственно-владельческими правами крестьянства, ни с правами заминдаров. Ост-Индская компания, которая с 1765 г. открыто взяла в свои руки финансово-налоговое управление в Бенгалии, отдавала сбор

³³ Там же.

³⁴ В руках наваба оставалась юрисдикция по уголовным делам. Эта новая система, известная под названием «двойственного управления» (через компанию и наваба) имела ряд преимуществ для англичан. В случае внешнеполитических осложнений фактические хозяева – представители администрации компании – могли использовать власть как ширму. При этом фактическая и неограниченная деспотическая власть оставалась в руках компании.

ренты-налога на краткосрочный откуп³⁵. В качестве откупщиков выступали заминдары, крупные местные торговцы и ростовщики, а равно и английские служащие компании, обычно действовавшие через подставных лиц из числа своих агентов-баньянов. «Откупщики, не будучи уверены в том, что они сохраняют свои полномочия более года, не производили никаких улучшений в предоставленных им владениях. Их прибыль должна была быть реализована немедленно, чтобы удовлетворить алчность тех, кто стоял над ними. Они отбирали все до последнего фартинга у несчастных крестьян», — писал английский автор в своих заметках, относящихся к 1772 г.³⁶

При сборе налогов применялись изощренные пытки, жертвами которых были женщины и дети. На глазах родителей малолетних детей оставляли под палящими лучами солнца, лишали воды и пищи. «Детей засекали до смерти в присутствии родителей. Отца связывали вместе с сыном лицом к лицу и подвергали порке так, что удар, если не приходился на отца, то падал на сына. Крестьяне забрасывали поля. Они бы сбежали все до одного, если бы не отряды солдат на дорогах, которые хватили этих несчастных», — говорилось в речи одного из парламентариев в палате общин о деятельности администрации Ост-Индской компании в палате общин³⁷.

Налоговый грабёж англичан вызвал массовое разорение крестьян и даже многих заминдаров. Ограбление населения, крупные закупки риса для армии и спекуляция служащих Ост-Индской компании вызвали в Бенгалии страшный голод, от которого в 1769–1770 гг. погибло около *трети населения страны*. «Несмотря на гибель по меньшей мере одной трети населения и вытекающее отсюда сокращение обрабатываемых площадей, чистый доход (Ост-Индской компании) от земельного налога в 1771 г. даже превысил доход 1768 г.», — писал тогдашний губернатор Бенгалии Гастингс³⁸. Эта «аграрная» политика колонизаторов привела к массовому разорению крестьянства и упадку сельского хозяйства.

³⁵ С 1772 г. компания приступила к созданию собственного налогового аппарата и установила вместо одногодичного пятилетний срок для откупщиков.

³⁶ Всемирная история. М., 1958. Т. V. С. 289.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

Впоследствии все эти методы, которые нашли свою первую проверку в Бенгалии, были распространены на другие провинции. В индийских княжествах, формально сохранивших самостоятельное управление, но связанных «субсидиарными договорами» и превращенных в вассалов Ост-Индской компании, значимую роль в обнищании населения играли тяжелая дань, наложенная на князей, непосильные поборы на содержание «субсидиарного войска» и навязывание князьям кабальных займов. Заимодавцами выступали как сама Ост-Индская компания, так и ее служащие.

Успехи, достигнутые в Бенгалии, толкали Ост-Индскую компанию на новые захваты. Она пыталась навязать маратхам своего ставленника, но они оказались серьезными противниками и нанесли англичанам серьезное поражение. Одновременно началась борьба с султаном еще одного индийского княжества – Майсура. Эта борьба приняла затяжной характер, длившийся более пятнадцати лет. Англичане не могли собрать все свои силы, так как они были брошены на борьбу против восставших североамериканских колоний, осложнившуюся войной с Францией, Испанией и Голландией. Эта борьба в итоге закончилась мирным договором англичан с маратхами и Майсуром в 1784г. Таким образом, Англия упрочила свое положение в Индии в то самое время, когда ей пришлось примириться с утратой североамериканских колоний.

Колониальная система, обескровившая Индию уже в XVIII в., получила в XIX в. свое дальнейшее развитие, тормозя развитие национальной промышленности, подрывая ремесло и разоряя купечество³⁹. Сельское хозяйство вынуждено было приспособляться к потребностям внешнего рынка. В первой половине XIX в. усилилось налоговое бремя в связи с введением новых земельно-налоговых систем (постоянного и временного заминдари, райятвари и махалвари). При этом ставка поземельного налога (ренды-налога) предполагала изъятие около половины урожая крестьянина на всей территории страны, не делая скидку в обложении даже в случае неурожая. В результате у крестьян изымали не только прибавочный продукт, но и часть необходимого продукта.

Отсюда постоянный рост ростовщического кредита. На протяжении всего XIX в. шло нарастание ростовщической задолженности, а также разорение и обезземеливание крестьянства. Рен-

³⁹ Рой М.Н. Новая Индия, 1923; Датт Р.П. Вопросы индийской революции. М.-Л., 1927.

та и процент к концу XIX – началу XX вв. превратились в основное орудие эксплуатации крестьянства. Причем в Индии не было строгого соответствия между ростом ренты и ростовщического процента. Традиционные рентополучатели в Индии расходовали значительную часть получаемого продукта на личное потребление, содержание многочисленной челяди, кормление брахманов. Поэтому на рынок поступала только часть собранной ренты. Кроме того, помимо личного потребления, этот продукт использовался и для выдачи займов в натуральной форме.

В первый период английского колониализма отмечалось усиление связи налоговой кабалы с ростом товарного обращения. Затем положение изменилось. Метрополию интересовала специализация Индии на выращивании технических культур, которые должны были стать сырьем для английской промышленности. Первоначально речь шла об опиумном маке, индиго, затем – о хлопке, джуте, сахарном тростнике. По мере втягивания Индии в мировое капиталистическое хозяйство все большее влияние на ремесленников⁴⁰ и крестьян стала оказывать конъюнктура. Но крестьянское хозяйство Индии с его рутинной техникой производства и отсутствием информации о конъюнктуре рынка оказалось мало приспособленными к производству на мировой рынок. Кризисы перепроизводства, спекулятивные операции торгового и крупного промышленного капитала, колебания цен периодически приводили к резким падениям цен, которые вызывали массовое разорение товаропроизводителей. «Даже в конце колониального периода, по нашей оценке, 55–60% всей сельскохозяйственной продукции, поступавшей на рынок, вовлекалось в товарно-денежные отношения под воздействием внеэкономического принуждения»⁴¹.

⁴⁰ В Индии велика была доля ремесленного населения, главным образом неквалифицированных работников, трудившихся одновременно и на внутреннее потребление, и на экспорт. Причем старинная система каст развивалась в Индии в начале XVII в. одновременно с разделением труда. К этому времени различали больше ста различных ремесел, которые перемещались, как и в Европе, в поисках хорошо оплачиваемой работы. К середине XVII в. городской ремесленник в условиях развития денежных отношений, в основном работавший на удовлетворение нужд правящих верхов и экспорт, постепенно превращается в мелкого товаропроизводителя. В результате этого массы ремесленников, прежде всего ткачей, попадали в зависимость от торговцев, закабалавших их денежными авансами и расплачивавшихся с ними по ценам, значительно ниже рыночных. Эта система в дальнейшем была широко использована европейцами.

⁴¹ Широков Г.К. Указ. соч. С. 20.

Впоследствии это привело к натурализации экономики сельского хозяйства⁴².

Индия в течение очень длительного времени оставалась одной из немногих стран, не прибегавших к таможенному протекционизму. В результате даже максимальный уровень внутренних цен оказывался ниже номинальной стоимости, что вызвало прямое разорение значительной части ремесел, имевших товарный характер. Подчеркнем, если в предыдущую эпоху эксплуатация Индии строилась на прямом захвате ее богатств, а также на форсированном вывозе хлопчатобумажных изделий, то с середины XIX в. начинается процесс превращения Индии из страны экспортирующей в страну импортирующую, т.е. превращения ее в монопольный рынок своих товаров, который разрушил экономические основы этой самобытной цивилизации. Причем такой же механизм был характерен не только для колониальной Индии, но и для формально независимых древних цивилизаций Евразии – Ирана, Индии.

* * *

Нами был рассмотрен торгово-денежный механизм разрушения европейцами рыночных структур колониальных стран. А как же складывались рыночные отношения и денежные системы в странах-метрополиях? Попытаемся проанализировать этот вопрос, обратившись к рассмотрению особой рыночной структуры, которая образовалась в Европе в Новое время к национальным рынкам и возникшим на их основе денежным системам.

⁴² «По некоторым расчетам, в Индии в сельском хозяйстве на натуральной основе в 50-х годах производилось 85–95% удобрений, 89,2% скота и 66% семенного фонда. На натуральной основе воспроизводилась и значительная часть амортизовавшихся орудий труда крестьян и ремесленников, а также производственных построек и сооружений. Наконец, около 38% накоплений в Индии осуществлялось в форме вложений в “непосредственные физические активы”, т.е. производилось в натуральной форме. В целом в Индии на рубеже 40–50-х годов XX в. около трети валового продукта общества воспроизводилось на натуральной основе» (Там же. С. 15).

9.1.5. Колониальные империи в образовании долгосрочных глобальных социально-экономических и геополитических противоречий человечества

Вопрос о характере развития рыночных связей и денежных отношений в третьем метаисторическом цикле Западной цивилизации не может быть проанализирован без учета колониального фактора в развитии этой цивилизационной структуры. Напомним, что колонизация как особый вид интеграции человечества всегда представляет собой двуединый процесс освоения тех или иных пространств планеты и интегрирующих начал в его этнической составляющей⁴³. Однако такая интеграция в различные периоды исторической эволюции человечества приобретала разные формы, которые, как правило, включали в себя военно-насильственные методы. Наиболее жесткими из них были имперские структуры, существовавшие в Древнем мире, которые тогда еще не выходили за рамки континентов, так как океанские просторы были этому объективной преградой.

Положение изменилось в Новое время, когда Западная цивилизация наинула свои сети на все другие не-Западные цивилизации и народы. В реализации этой потребности, начиная с эпохи Великих географических открытий, Запад использовал, с одной стороны, деньги и технику городов-государств и военную поддержку абсолютистских монархий, а с другой, – свой особый социально-психологический климат, фаустовскую духовную основу этого общества, формируемую всеми ветвями западного христианства (католичеством, протестантством).

⁴³ Если протянуть мысленно ниточку от древних цивилизаций к первым векам того периода, который назван Новой эрой и еще до образования Западной цивилизации на западной оконечности Евразии, которая будет названа Западной Европой, то можно проследить длительный путь антагонистической интеграции человечества, где колонизация составляла важный элемент этого процесса.

Развитие колонизации в древности началось в XI–X вв. до н.э. с финикийской колонизации, в сферу влияния которой входило все Средиземное море. Финикийские колонии основываются на Севере Африки, на Юго-Западе Европы, в частности – у входа в Атлантический океан. Самой могущественной торговой колонией финикийцев был Карфаген. Мощное колонизационное движение создает Греция. До VIII в. греческая колонизация направлялась на восток и носила преимущественно земледельческий характер. Острова Эгейского моря и западного побережья Малой Азии покрываются греческими колониями.

Этот бросок на людские и материальные ресурсы мира возглавили абсолютистские монархии Испании и Португалии, опирающиеся на католичество с его иезуитским орденом, создавшие в начале XV в. колониальные империи. Испанцами после открытия Америки в 1492 г. была порабощена Центральная и значительная часть Южной Америки. Португальцы, открыв морской путь в Индию, закрепились на Западном и Восточном побережьях Африки, на Западном побережье Индии захватили в Юго-Восточной Азии Молуккские острова, в Новом Свете – Бразилию. Уже в начале XVII в. в борьбу за заморские территории вступают протестантские Нидерланды.

К середине XVII в. Нидерланды, достигнув пика своего экономического могущества, овладевают большинством португальских колоний, где главной была Индонезия⁴⁴. Особый период в образовании колониальной системы относят к концу XVIII в. и началу XIX в. Тогда Англия включается в борьбу за морское могущество и торговые пути, ведущие в заморские территории, сначала против Испании, а затем против Голландии и Франции. Морская мощь и, стало быть, контроль за океанским пространством, сделали Англию лидером в этом имперском состязании. Именно Великобритания вместе со своей национальной валютой – фунтом стерлингов надолго завоевывает место главной имперской державы в рыночных и денежных отношениях мирового сообщества (об этом подробнее в следующем параграфе).

Подытоживая фактологию формирования колониального раздела мира за последние 500 лет Новой эры, можно констатировать, что именно тогда *возник особый исторический феномен – западная колонизация.*

Мир тогда раскололся на две части – метрополии и колонии, все ресурсы которых (материальные и людские) стали развиваться в интересах государств Западной цивилизации. Именно эти пять столетий второго тысячелетия Новой эры, определили на будущее антагонистический характер мирового общественного разделения труда, международного рынка и торговли, предполагающий постоянный *неэквивалентный обмен и перераспределение ресур-*

⁴⁴ Индонезия представляла собой территориальное образование, расположенное в одном географическом секторе, с едиными хозяйственными и географическими условиями. Отдаленность от метрополии, недостаточное овладение путями сообщения и недостаточные экспортные возможности Голландии в области капиталов впоследствии стали ареной борьбы английского, японского и американского капиталов.

сов колоний в пользу государств Запада. Кроме того, поскольку образование колониальной структуры мира было связано с противостоянием крупных государств внутри самой Западной цивилизации, этот процесс явился катализатором развития самых антагонистических форм потребностей человечества – *военного потенциала человечества, т.е. его самоуничтожения*, что нашло свое выражение и в двух мировых войнах XX в. и атомно-водородного апокалипсиса XXI в.

Хотя между государствами Западной цивилизации шла ожесточенная борьба за колонии, их объединяло объективное обстоятельство – Западная цивилизация в целом *противопоставила* себя всем другим цивилизационным, культурным и этническим структурам мира. Это отличие можно проследить по двум основным константам западной колонизации: отношение к народам, к которым пришли европейцы, и отношение к территориям (в более широком смысле к Природе), которые они стали «покорять», опираясь не столько на идеологию эпохи Просвещения, сколько на протестантские заветы раннего капитализма.

Главное отличие западной колонизации от всех других форм, которые существовали в прошлом, состояло в отношении к людям, обитавшим на этих землях, как недочеловекам (в середине XX в. эта же идеология будет в широких масштабах использована в идеологии и практике нацизма). Об ужасах западного колониализма по отношению к народам всех других цивилизаций в конкретно-историческом плане, не говоря уже о литературных свидетельствах, написано множество работ. В них показано, что население этих территорий рассматривалось только как резерв мобильной рабочей силы, привлекаемой путем ее мобилизации на работы как на родине (в рудниках и на плантациях), так и в метрополии или в других колониальных владениях.

Обратим внимание только на некоторые статистические цифры, свидетельствующие о подрыве европейцами *генетического* потенциала коренных народов их заморских владений.

Ф. Бродель пишет: «...Абсолютно достоверно... что с европейским завоеванием Америка переживает колоссальный биологический крах, быть может, и не уменьшивший число жителей в 10 раз, но, несомненно, огромный и несопоставимый с Черной смертью и сопровождаемыми ее катастрофами в страшном XIV в.⁴⁵ В английские колонии в Америке и Вест-Индии за столетие с

⁴⁵ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 47.

1680 г. по 1780 г. было перевезено 2,5 млн рабов»⁴⁶. В общей сложности африканские народы в результате этого ограбления понесли страшную потерю, примерно 100 млн человек были обращены в рабство – констатирует известный английский социолог Ф. Холличер⁴⁷. Добавим в этой связи. За период 1493–1520 гг. в Вест-Индии, главным образом на Гаити, было добыто 22 тонны золота... Мы не ошибемся сказав, что эти двадцать с лишним тонн стоили 2 млн человеческих жизней. «Удельная жизнеемкость» золота составляла 100 тыс. человек на одну тонну, три жизни за унцию⁴⁸, – отмечает в своей работе один из серьезных отечественных экономистов-«денежников» А. Аникин. Затем были применены и другие формы порабощения. «Виноградная водка, ром и aqua ardiente (водка из сахарного тростника) были отравленным подарком Европы американским цивилизациям... По-видимому, такая цивилизация, как сложившаяся на мексиканских плато, утратив свои древние структуры и запреты, без удержу предалась соблазну, который с 1600 г. произвел в ней немыслимые опустошения. Вспомним, что пульке (водка из сока агавы. – И.М.) смогла давать государству в Новой Испании половину того, что давали ему серебряные рудники! Речь идет о сознательной политике новых господ, так как помимо ожидаемой (финансовой) выгоды, нет де лучшего средства создать у них новую потребность, которая их жестко принудит признать вынужденную от нас зависимость», – говорил вице-король Мексики в 1786 г. Испано-португальская Америка, которая позднее станет называться Латинской Америкой (примерно 19 млн жителей), ежегодно доставляла Европе вчетверо или впятеро больше дохода, чем Индия с сотней миллионов жителей.

Это отношение европейцев можно расценить как *западный геноцид ко всем неевропейским народам, попавшим в колониальную зависимость*.

Геноцидный характер по отношению к большинству колониальных народов не-Запада происходил на фоне образования более чем благоприятного развития для многообразной этнической составляющей европейских народов – испанцев, португальцев, англичан и др. Европейцы захватывали для своего проживания те территории планеты, которые в природно-климатическом отно-

⁴⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. В 3 т. Т. 2. Игры общества. М., 1988. С. 265.

⁴⁷ Холличер Ф. Человек в научной картине мира. М., 1971. С. 107.

⁴⁸ Аникин А.В. Желтый дьявол. М., 1978. С. 94.

шении отвечали их физической ипостаси. Сначала туда интегрировали социально-опасных граждан, не отвечающих жестким законодательным нормам или официальным религиозным установлениям европейских государств. Поэтому говорили, что Австралия была заселена каторжниками, а Северная Америка стала пристанищем в начале XVII в. крайне агрессивных сект христианства – пуритан, мормонов и др. И тем не менее все этнические ветви европейцев сохранялись, а другие народы уничтожались.

Колонизируемые пространства и природные ресурсы стран не-Запада сразу же стали «хозяйственными территориями» и были поставлены на службу монетарным устремлением европейцев, создав плантационное рабство. Крупные капиталы, которые были созданы в Северной и Средней Италии на основе развития транзитной торговли и международного ростовщичества, во Франции при помощи налоговой и откупной систем, использовались для развития плантационной экономики, которая стала мощным фундаментом в образовании материального благоденствия крупных колониальных держав и возникновения новой дочерней структуры Западной цивилизации, которая появилась в истории под именем Соединенных Штатов Америки. «Среди всего этого опыта нас интересуют, – пишет Бродель, рассматривая истоки будущего экономического развития Нового Света, – одни только плантации... Деньги, кредит, торговля, обмены привязывали их к восточному побережью океана. Все управлялось на расстоянии, а именно из Севильи, Кадиса, Бордо, Нанта, Руана, Амстердама, Бристоля, Ливерпуля, Лондона»⁴⁹. Еще до промышленной революции именно колонии обеспечивали рынок сбыта для возникающих мануфактур, а монопольное обладание этими рынками обеспечивало усиленное накопление капитала. Уже тогда сокровища, добытые за пределами Европы посредством грабежа, порабощения туземцев, притекали в метрополию и тут же превращались в капитал.

Плантационное рабство сразу же стало сочетаться с эксплуатацией ее естественных ресурсов (источник сырья и тропических культур). Затем началось и развитие добывающей промышленности (серебра, алмазов, цветных металлов, нефти и т.д.), что было связано с промышленной революцией, начавшейся в Англии в конце XVIII в. С развитием крупной промышленности в европейских странах возросло значение колоний как поставщиков сырья и рынков сбыта продукции капиталистических предпри-

⁴⁹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 259.

ятий. Началась эра строительства железных дорог. Затем туда стали постепенно переводить некоторые трудоемкие процессы, не требующие особой квалификации, а также экологически грязные производства. Возникли также производства обрабатывающей промышленности, не конкурирующие с промышленностью метрополий, что сочеталось с плантационным рабством (Вест-Индские колонии Англии, Голландии, Франции). К началу XX в. в экваториальных африканских колониях Франции и Италии господствовала еще самая примитивная эксплуатация рабочей силы на плантациях белых земледельцев и на общественных работах (строительство железных дорог, шоссе и т.п.).

В процессе расчленения экономики мира на экономику метрополий и зависимых от них колониальных владений формируется особый механизм *международной торговли*. Этот механизм окончательно сформировался уже к концу XVIII в. и связан с утверждением Англии как главенствующей колониальной державы, опирающейся на дивиденды от промышленной революции и завоевания Индии. Его главные черты состоят в углублении неэквивалентных форм экспортно-импортных отношений между метрополиями и их заморскими колониальными владениями, с одной стороны. С другой стороны, они состоят в формировании «ущербной» структуры экономики колониальных стран, которая не обеспечивала даже минимальных потребностей ее населения в продовольствии, попадая тем самым в зависимость от метрополий.

Экономическая политика западных стран в области международной торговли заключалась в стимулировании производителей этих стран не в работе на экспорт в рамках ранее сложившегося в их мирах-экономиках разделения труда и внутренних рыночных отношений, а в работе на те рынки, которые выгодны самим посредникам – европейским коммерсантам.

Этот особый механизм международной торговли включал в себя следующие элементы:

- организацию монопольной среды на товары, пользующиеся повышенным спросом на мировых рынках;
- использование драгоценных металлов в конкурентной борьбе за сохранение монопольного положения;
- поддержание «ножниц» цен на предметы колониального экспорта, которые всегда характеризовались тенденцией к снижению при устойчивой тенденции к росту цен на предметы импорта;

- разрушение экономики обществ, следствием которого была гибель тех отраслей хозяйства, которые обслуживали первоочередные нужды широких слоев населения этих обществ;

- постоянное изъятие части национального дохода, создаваемого в зависимых странах, в пользу европейских государств в форме прибылей, дивидендов, процентов на вложенный капитал, налогового бремени (колониальная дань) и доходов от внешней торговли.

В результате пассивное сальдо внешней торговли колониальных стран было хроническим явлением, закрепляя со второй половины XVIII в. экономическое неравенство, где ужасающее положение многих регионов планеты, попавших в беспощадные тиски европейского колониализма, обеспечило благоденствие ряда государств Западной Европы. Среди них в течение почти полутора столетий на первом месте была Великобритания, в имперской короне которой главное место занимала Индия.

Разграбление этой древнейшей цивилизации Евразии и ее эксплуатация в течение нескольких веков с помощью торгово-денежного механизма, поддерживаемого военно-политическими методами, стали, может быть, самым типичным явлением, с помощью которого возникли благоденствие и могущество Британской империи. В этом рыночном механизме, используемом западными странами по отношению к своим колониальным владениям, особую роль играли торговые компании как особые военизированные структуры. Именно их деятельность на примере Индии дает наглядное представление о способах, при помощи которых разрушались экономики колонизируемых стран, обрекая их на политическое и экономическое небытие.

9.2. Рыночные связи и деньги Западной Европы на базе колониализма: национальные рынки, закрытые денежные системы, золотой стандарт, фунт стерлингов в качестве мировых денег (XV–XIX вв.)

9.2.6. Внутренние рынки территориальных государств Западной Европы: политические предпосылки, материальные основы, сущность, капитализм

Третий метаисторический цикл Западной цивилизации породил новую пространственную форму рыночных отношений – *национальные рынки* централизованных государств Западной Европы, которые выделились из ее миров-экономик и на опре-

деленном этапе ее развития. Хотя в литературе термин «национальный рынок» употребляется как само собой разумеющееся понятие, четкости в раскрытии его сущности по сути дела нет. «По-видимому, ничто не кажется более само собой разумеющимся (я имею в виду для историка, потому что выражение это отсутствует в различных экономических словарях), чем классическое понимание национального рынка. Так обозначают достигнутую экономическую связность, сплоченность некоего политического пространства, когда это пространство обладает известным охватом, прежде всего в границах того, что мы называем территориальным государством и что в прошлом охотнее именовали национальным государством», – пишет Ф. Бродель⁵⁰.

Интерес к изучению национальных рынков разных цивилизаций не подлежит сомнению. Но они требуют исследования прежде как особая историческая форма рыночных отношений в контексте других пространственных форм. «Национальные рынки строились *внутри* экономической системы, более обширной, чем они, а точнее – в *противововес* этой системе, коей были миры-экономики», – подчеркивал Бродель. Уяснение сущности национальных рынков как экономической категории требует рассмотрения трех основных вопросов: политических и материальных предпосылок, а также капиталистической их формы.

Политические предпосылки. В течение длительного времени в Европе шла борьба между централизованной властью, возглавлявшей территориальное государство, и богатыми городами, которые она пыталась подчинить своим интересам. Итальянские города противились политическому объединению полуострова, о котором мечтал Макиавелли; Нидерланды не собирались интегрироваться в испанскую империю Филиппа II, и их сопротивление приняло форму восстания по религиозным мотивам. Военной силой достигалась интеграция Европы. «Таким образом без лишних слов действовали Габсбурги и Святой Престол, немецкие князья и Медичи или французские короли. И за исключением Нидерландов и Англии, города были приведены к покорности»⁵¹. Термин «территориальное государство», в контексте образования внутренних рынков, не принят в нашей литературе и введен Броделем. Этот термин имеет большую смысловую нагрузку, так как характеризует качественно иной этап в развитии простран-

⁵⁰ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 150.

⁵¹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 552.

ственного ареала рыночно-денежных отношений по сравнению с мирами-экономиками. В развитии последних большую роль играли города-государства, которые были предтечей территориальных государств. Отличие и своеобразие Европы в этом плане состояло в том, что государства как важнейшие политические структуры современности, построенные на территориальном принципе, складывались медленно и выростали с помощью городов. Эта форма взаимосвязи государства и городов была характерна только для Запада. В других цивилизациях города были в подчинении у государства.

Однако влияние богатых бывших городов-государств надолго сохранится в мощных территориальных государствах. Характерно, что даже придя в упадок как община, город продолжал занимать почетное место и управлять всем, действительно или, хотя бы, по видимости служа государю. «Впоследствии город объединится с государством, победившим города. Причем централизованная власть этих государств унаследует большинство социально-экономических учреждений и идеологических норм»⁵² (об этом подробнее в следующем параграфе). Но тем не менее централизованное государство рождает особый политический климат на подвластной ему территории, который «навязывает» определенные «правила игры» рыночным отношениям.

Ход исторического процесса был таков: сначала осуществлялся захват территории военными методами, затем происходило формирование централизованного государства, объединяющего группу народов, и более мелких политических структур⁵³. «Ничего нет удивительного, что у начала внутреннего рынка непременно стояла централизующая политическая воля: фискальная или

⁵² Там же.

⁵³ Политические границы в этих процессах играли более важную роль, нежели религиозно-языковые, которые иногда назывались этническими территориями. В рамках территории, обособленной государственными границами, формируется вся политическая и экономическая система, включая население с определенным его правосознанием. Именно политические границы формировали современные нации, становясь пространственным ареалом для группы народов, на ней проживающих, формируя различные виды интеграционных процессов, с ней связанных, включая внутренние рынки (см. подробнее *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации и судьба России: Опыт метаисторического исследования. В 4 ч. Ч. II. Русский космизм в контексте противоречий мирового развития, обусловленных господством Западной цивилизации. М., 2001. С. 441).

административная, или военная, или меркантилистская, отвечающая интересам государства», – писал Бродель⁵⁴. Внутренний рынок, особенно вначале, вышел из предшествующего политического, т.е. государственного пространства. Вместе с тем Бродель справедливо подчеркивает, что даже в «XVIII в. государство было далеко от того, чтобы заполнить собой все социальное пространство, оно не обладало той “дьявольской” силой проникновения, какую приписывали ему в наши дни, у него не было средств для этого»⁵⁵. Соответствие между национальными политическими и экономическими структурами устанавливалось постепенно и медленно.

В том типе государств Европы, в котором складывались тогда национальные (внутренние) рынки, власть принадлежала купечеству и торговому капиталу. Его роль сводилась к помощи, с одной стороны, создавать широкий рынок для промышленности, с другой, – способствовать накоплению денежных средств, которые могли бы впоследствии использоваться в качестве капитала, т.е. для создания крупных предприятий. Лишь с развитием промышленного капитализма производство для обмена становится господствующим явлением. И в этом отношении лидировала Англия. Но государи тоже были заинтересованы в развитии товарно-денежных отношений. Дело в том, что территориальные государства не только создавались военным путем, но могли нормально существовать лишь опираясь на административно-полицейский аппарат, не говоря уже о необходимости содержания армий. Военное противостояние европейских централизованных государств друг другу было постоянным фактором. Все эти потребности государств требовали значительных средств бюджета, образующихся главным образом за счет налоговых поступлений, которые могли дать торгово-ремесленные предприятия. Поэтому власть предрешающие освобождали хозяйственное пространство от внутренних таможен и дорожных пошлин. Но устранение таможенных барьеров само по себе не могло решить проблему. Корни ее заключались в другом, в том, что материальной основой территориальных государств была земледельческая экономика. При населении, на 90% состоящем из сельских жителей, вклад деревни в фискальную сферу был малозначителен. Денежная экономика в целом не сформировалась окончательно во всех странах Западной

⁵⁴ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 291.

⁵⁵ Там же. С. 44–45.

Европы ни в XVI, ни в XVII вв., ни даже в XVIII в. Она, проникая лишь в определенные области и в отдельные секторы экономики, затрудняла функционирование других. Большинству населения такая экономика была еще непривычна тем, что она несла с собой резкие колебания цен на товары первой необходимости, непонятные взаимоотношения, в которых человек больше не узнавал ни себя, ни свои привычки, ни свои традиционные ценности. «Ужасная нищета сельского населения Франции при Людовике XIV, — писал Маркс, — была вызвана не только высотой налогов, но и превращением их из натуральных в денежные налоги»⁵⁶.

На эту мысль Маркса следует обратить особое внимание. Речь идет о том, что денежные потребности государства в определенных экономических условиях, могут *обгонять* рост общественного разделения труда и эффективность труда производителей. Такое противоречие разрешается внедрением в эту сферу методов *внеэкономического* принуждения. В этом случае в товарный обмен попадало то, что должно было составлять неотъемлемую часть насущных потребностей производителя. И поэтому разрыв между сферами производства и обращения (связанными между собой преимущественно внеэкономическим принуждением) препятствовал нормальному ходу воспроизводства в тех или иных государствах. А в итоге этот симбиоз приводил к углублению социально-экономических противоречий в рамках каждого отдельного общества или отношений. История социальных катаклизмов дает тому наглядное подтверждение, в частности время, предшествующее Великой французской революции. Поэтому властям требовалась особая экономическая политика, направленная на коммерциализацию земледельческого и ремесленного производства. Задолго до меркантилистской эпохи «государи уже вмешивались в сферу экономики, пытались принуждать, направлять, запрещать, облегчать, заполнять брешь, открывать зону сбыта... Они старались развивать те закономерности, которые могли бы послужить ее существованию и его политическому честолюбию»⁵⁷. В государствах Нового времени постоянно росли налоги, денежные выплаты наемникам, жалование должностным лицам. Под воздействием внутренних и внешних факторов в территориальных государствах произошла важнейшая для начала промышленной революции трансформация, *нарастание многообразного*

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 152.

⁵⁷ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 327–328.

внутреннего спроса, способного ускорить производство в различных секторах, открыть пути промышленной революции»⁵⁸.

К этим политическим факторам добавились *материальные предпосылки*, стимулирующие образование внутренних рынков. Они пришли в виде промышленной революции. Промышленная революция – это период в экономической истории Западной Европы, характеризующийся переворотом в технико-технологической основе экономики – производительных силах общества, создавшим крупную промышленность, которая вытеснила мануфактуру. Эта проблема настолько широко и многогранно рассмотрена в экономической литературе, что в рамках данной работы представляется целесообразным только схематически очертить ее содержание и контуры. Она началась в Англии в конце XVIII в. Еще в конце XVII в. Англия была аграрной страной, в сельском хозяйстве было занято 4/5 населения страны, в конце XVIII в. произошел промышленный переворот.

Среди факторов, которые способствовали промышленным переворотам, незаметно происходившим в течение всего предыдущего столетия, выделяются такие факторы, как ослабление цехов, усиление торгового капитала, рост массового кустарного производства и его работа на экспорт. Но один важный фактор часто оставался в тени – изменения в энергетическом базисе, которые предшествовали промышленной революции. Анализируя энергетический потенциал Европы середины XVIII в., Бродель приводит такие данные:

«Без риска ошибиться мы можем расположить по убывающей важности источники энергии, бывшие в распоряжении Европы: прежде всего тягловая сила домашних животных 14 млн лошадей, 24 млн быков; считая каждое животное за 1/4 лошадиной силы, в общем 10 млн лошадиных сил. Затем дрова, эквивалентные, возможно, 4 или 5 млн лошадиных сил. Далее, водяные колеса – между 1,5 млн и 3 млн лошадиных сил. Затем сами люди – 50 млн работников, т.е. 900 лошадиных сил. И, наконец, парус – самое большее 233 тыс. лошадиных сил без учета военного флота. Нам далеко до цифр современного энергетического баланса. И не в этом интерес таких несовершенных подсчетов (мы еще не считали ни ветряные мельницы, ни речные суда, ни древесный, ни даже каменный уголь)⁵⁹».

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Хотя уголь добывали в Европе с XI–XII вв. в мелкозалегающих пластах не только в Англии, но и в районе Льежа, Саара и в других мелких угольных бассейнах, уголь тогда использовался очень мало для отопления домов и тоже в тех незначительных пределах, которые оставил древесный уголь в кузнечных горнах, в волочильном производстве, известковых печах.

В самом деле, важно то, что *тягловые животные и дрова, бесспорно занимают первые места* (ветряные двигатели, менее многочисленные, чем водяные колеса, могли составлять лишь одну треть или одну четверть мощности покоренной воды)⁶⁰.

Англия первой попыталась изменить энергетический потенциал за счет введения угля в промышленное производство. Поэтому считают, что еще в 1600 г. с ньюкаслского бассейна в Англии началась *революция каменного угля*. Она позволила использовать это топливо в ряде крупнотоннажных производств: при получении соли из морской воды, выпаривавшейся подогревом; листового стекла, кирпича, черепицы; при рафинировании сахара, не говоря уже о хлебопекарных печах, пивоварнях и огромных масштабах угольного отопления домов. Но наиболее полное использование энергетических возможностей угля стало реальным только после промышленного переворота. Его начало относят обычно к 1769 г., так как с этого времени последовал целый ряд изобретений новых машин, которые привели к замене ручного труда машинным производством. Техника была преобразована в основных отраслях промышленности – текстильной (хлопчатобумажной, шерстяной, льняной). Была изобретена прядильная машина Аркрайтом, Харгривсом, Кромптоном. Механический ткацкий станок был изобретен Картрайтом. Древесный уголь на металлургических заводах был заменен минеральным топливом (каменным углем). Для новых машин необходима была новая промышленная сила, и Джемсом Уаттом была изобретена паровая машина. Новая техника вызвала коренные изменения в организации промышленности. Прежнее ремесло, кустарная промышленность и мануфактура заменяются фабрикой. Промышленный переворот подвел под формирующиеся национальные рынки государств Западной Европы прочный материальный базис, учитывая саморазвитие внутреннего рынка за счет производства средств для средств производства (марксистско-ленинские разработки этой проблемы).

Исходя из политических и материальных предпосылок можно выделить характерные черты *национального рынка* как особой пространственной формы рыночных связей Нового времени, с выделением в них двух сторон: рыночных связей (товарного и денежного обращения) в границах отдельных государств и внешнего (международного) их взаимодействия с рыночными связями

⁶⁰ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 396.

(товарным и денежным обращением) других государств. К этим особым чертам можно отнести:

во-первых, их формирование и связь с *политической волей* государства и интересами нации, т.е. государственности Нового времени. А в ней всегда присутствовал геополитический фактор, необходимость обеспечения политической стабильности общества и согласования социально-экономических интересов, даже если государственная власть опирается на один господствующий класс. Внутренние рынки Западной Европы, отражая интересы государств, определяли характер спроса на мировом рынке, т.е. специализацию производства рыночных связей не только в колониальных и полуколониальных структурах не-Запада, но и во многих европейских странах. По окраинам Европы образуются множество таких структур. «Феодальная Сицилия в XVIII в., Сардиния в любую эпоху; турецкие Балканы; Мекленбург, Польша, Литва, обширные регионы, из которых выкачивался продукт к выгоде рынков Запада, осужденных на то, чтобы сообразовывать свое производство не столько с местными нуждами, сколько со спросом внешних рынков... такими же были и принадлежащие Венеции левантийские острова, где внешний спрос на изюм и на ликерные вина, потреблявшиеся вплоть до Англии, навязал с XV в. всепоглощающую монокультуру, разрушительную для местного равновесия»⁶¹;

во-вторых, их структуру, связанную разноуровневым экономическим развитием отдельных регионов этого территориального государства, которые находят свое выражение в наличии разных хозяйственных укладов. Последние образуются под влиянием разных форм собственности – индивидуальной, кооперативной, капиталистической или разными их сочетаниями и вариациями, зависящими от цивилизационных особенностей той или иной страны, включая и архаичные их формы. Причем только их симбиоз дает устойчивость внутреннему рынку в социальном аспекте, так как отражает интересы всех групп хозяйствующих субъектов данной страны. Превалирующая форма уклада обычно дает название рыночным отношениям, существующим в данной стране. Различные уклады связывают сложившуюся систему социально-экономических потребностей с характерными именно для данной цивилизации формами товарно-денежных отношений в их внутренней связи и с политической структурой.

⁶¹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 34.

Для стран Запада *капиталистический уклад* является преваляющим, и поэтому рыночные отношения отождествляются с капиталистическими, их рассматривают как синонимы. Более того, как высшую форму рыночных отношений. Общепринятой точкой зрения является положение о том, что развитие рыночных отношений в любой стране должно привести к капиталистической форме рынка. В разработке теории рынка до сих пор господствует методологический принцип Гегеля, который гласит, что существует механизм снятия низших форм высшими. Применительно к нашему вопросу это означает, что капиталистическая собственность как бы поглощает все другие формы собственности. Основной довод в пользу этой точки зрения состоит в том, что в конкурентной борьбе крупные капиталы вытесняют мелкие. Стягивание рассеянных мелких капиталов в сравнительно немногие руки частных предпринимателей способствует образованию капиталистического рынка в рамках любой страны. Эту постановку широко пропагандировали В.И. Ленин и его сторонники⁶².

Однако более детальный анализ этого явления приводит к совершенно другим выводам, о чем имел смелость заявить Ф. Бродель. Бродель четко различает капиталистические и некапиталистические рыночные отношения, которые в большинстве цивилизаций были преобладающей формой удовлетворения насущных материальных потребностей. Некапиталистические рыночные отношения, если к ним присовокупить семейное производство, даже в индустриальных странах, по расчетам ученого, составляют около 30–40% экономики.

Что касается вопроса капитализма в связи с рыночными отношениями, то эта проблема трактуется Броделем настолько нетрадиционно, что ломает сложившиеся стереотипы о капитализме как о наиболее развитой форме рыночных отношений. Скорее здесь можно говорить о ней как об особой структуре, паразитирующей на рыночных отношениях и в этом смысле являющейся ее антагонистом. Этой точки зрения придерживаются другие известные экономисты: «Капиталистическое рыночное хозяйство зарождается в процессе искажения (“мутации”) самих рыночных отношений... Поэтому капитализм и рыночная экономика — это

⁶² Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Соч. Т. III, 2 изд., М.-Л., 1930; Он же. Сисмонди и наше отечественные сисмондисты. Соч. М.-П., 1924; Герценштейн. Теория капиталистического рынка. М., 1928. Идеи этих авторов в советское время повторяются в бесчисленном количестве работ.

далеко не одно и то же»⁶³. Более того, капитализм точнее трактовать не как высшую форму действия рыночных отношений, а как «особый социальный уклад» рыночной экономики. Р.Л. Хайлбронер пишет: «Действительно, несомненная важность рыночного механизма заслоняет собой тот факт, что социальным укладом является именно капитализм, а не сам по себе рыночный механизм»⁶⁴.

По Броделю, капитализм – это структура длительной временной протяженности. Бродель подчеркивает, что эта форма экономических отношений обрисовывается на заре большой истории, развивается и упрочняется на протяжении столетий. Его истоки (в прошлом) коренятся в крупном капитале космополитического характера, связанного с международной торговлей. «На мой взгляд, капитализм, – пишет Ф. Бродель, – это старое приключение: когда началась промышленная революция, он имел за собой обширное прошлое, состоящее из опытов, не всегда бывших только торговыми. Настолько, что в Англии первых лет XIX в. капитал предстал в различных своих классических формах, которые еще были живы: капитала сельскохозяйственного, который еще в 1830 г. один составлял только половину английского национального достояния; капитала промышленного, который увеличивался очень медленно, а затем очень стремительно, капитала торгового, весьма давнего, *относительно* менее важного, но распространившегося в масштабе всего мира и создавшего колониализм, которому вскоре придется искать название и оправдание; наконец, если совмещать банковское дело и финансы, капитала финансового, не дождавшегося для своего существования мирового пространства лондонского Сити. Большие масштабы частной собственности – крупный капитал формирует иные закономерности экономики, нежели обычные рыночные связи.

Главной привилегией капитала ныне, как и в прошлом, остается свобода выбора, свобода, которая зависит одновременно от его господствующего социального положения, от веса его капиталов, от его способности делать займы, от его информационной сети и в меньшей степени от тех связей, которые создают между членами могущественного меньшинства, как бы оно ни было разделено игрой конкуренции, ряд правил и форм соучастия. Поле деятельности капитализма, вне сомнения, намного расширилось, поскольку для него все секторы экономики хороши, особенно же широко он проник в производство. Но в конце концов, так же, как

⁶³ Рязанов В.Т. Экономическое развитие России XIX–XX вв. М., 1998. С. 781.

⁶⁴ Хайлбронер Р.Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 52.

в прошлом, капитализм не охватывает всю торговую экономику, он и сегодня оставляет за пределами своего охвата значительные объемы деловой активности: он их представляет рыночной экономике, которая «крутится» сама по себе, инициативе мелких предприятий, упорству ремесленников и рабочих, смекалке простых людей.

Капитализм «окопался» в имеющихся у него заповедных зонах: крупной спекуляции (биржевой и недвижимостью), крупных банках, крупном промышленном производстве (которому его вес и его организация оставляют немалую свободу в установлении цен), международной торговле; когда придется, но только в особых случаях, в сельскохозяйственном производстве и даже на транспорте, например в виде судоходных компаний. Благодаря использованию «флагов любезности», они ускользают от всякого налогообложения и позволили сколотить иные фантастические состояния. «А коль скоро капитализм может выбирать, он способен в любой момент сменить курс: в этом секрет его живучести»⁶⁵.

Чрезвычайно важны общие выводы из разработок Броделя как крупнейшего специалиста по истории экономики, которые можно сформулировать следующим образом:

во-первых, необходимо четко различать капиталистические и некапиталистические рыночные отношения, которые в большинстве цивилизаций были преобладающей формой удовлетворения насущных материальных потребностей. Капитализм способствует формированию не насущных, а излишних материальных потребностей (роскоши) и военных нужд;

во-вторых, капитализм в значительной мере противостоит механизму рыночных отношений с содержащимися в нем элементами состязательности (конкуренции), так как пользуется, как правило, поддержкой государства, международными связями, создавая стратегию экономического развития. Он не столько способствует удовлетворению материальных потребностей общества, сколько, преследуя цели максимального извлечения прибылей, помещает свои средства в сферу спекулятивных отношений, «постоянно и самым естественным образом с чистой совестью обходит правила рыночной экономики», — делает вывод ученый;

в-третьих, капитализм, вследствие его «умения говорить на языке всемирного обмена», способствовал тому, что он играл боль-

⁶⁵ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 65.

шую роль в развитии форм и функций денег как мировых денег, т.е. валютных отношений;

в-четвертых, капитализм следует рассматривать как верхний этаж рыночной экономики, который обуславливает наличие особых функций в экономическом развитии страны и мира. Он располагает космополитическими возможностями «создавать стратегию развития и средствами ее изменять» не только в каждом данном государстве, но и в мировом масштабе.

По сути дела, капитализм сделал современный мировой порядок. Прямой обмен и некапиталистические рыночные отношения – это рынок товаров и услуг. Для капитализма рынок – это рынок факторов производства (капитала, рабочей силы), которые создают необходимые экономические институты (независимые предприятия, торговые фирмы, банки, биржи, финансовые и страховые компании), правовой режим. Капитализм, используя достижения науки и техники, придал мировому развитию антагонистические формы, при которых конкурентные отношения порождают войны, по масштабам подобные геологическим катаклизмам. Бродель дает довольно объективную характеристику капитализма, хотя в его высказывании звучит невысказанный подтекст, что это то зло, от которого избавиться нельзя. «Именно капитализм стал источником и признаком “великого материального прогресса и всех самых тяжелых форм эксплуатации человека человеком”. И не только по причине присвоения “прибавочной стоимости”, труда людей. Но также и благодаря той диспропорции в силах и положении, которая ведет к тому, что как в национальном масштабе, так и масштабе всего мира, всегда имелись, в зависимости от обстоятельств, то ли место, которое можно занять, то ли сектор, более выгодный для эксплуатации, нежели другие», – пишет он⁶⁶.

* * *

В рамках и на базе национальных рынков государств Западной Европы возникают закрытые денежные системы как особая форма организации денежно-кредитных и финансовых отношений. Они отражают как особенности внутренних рынков, так и международные рыночные связи, включая мировой оборот драгоценных металлов.

⁶⁶ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 597.

9.2.7. «Закрытые» денежно-кредитные системы европейских государств; формы денег и знаков денег, ими порожденные. Лидерство Нидерландов и столичных городов

История развития денежных отношений, как показал весь предыдущий анализ, выявила их неразрывную связь с теми или иными формами развития рыночных связей. Напомним, что уже миры-экономики цивилизаций создали денежные системы как обособленные и самодостаточные структуры государств, способные обеспечить функционирование миров-экономик на базе субординации и использования различных форм металлов в соответствии с их ценностью по отношению к золоту или серебру (см. параграф 4.2). Национальные рынки привели к особой форме денежных систем, которые получили название *закрытых* денежных систем. Они породили многие формы денег и денежных знаков, которые ранее экономическая история не знала. Первые замкнутые кредитно-денежные системы европейских государств возникли на определенном историческом рубеже: начало – в период господства Нидерландов, укрепление – во время до и после Наполеоновских войн, включая мировое господство Британской империи.

Денежное обращение закрытых денежных систем стало включать в себя всю массу денег и знаков денег (орудий обращения), выпущенных монетным двором, казначейством и банками. Денежное обращение обслуживалось полноценной (золотой или серебряной) монетой, банкнотами и бумажными деньгами. Закрытые денежные системы, возникшие в европейских государствах, характеризовались совокупностью принципов и отношений, увязывающих между собой различные формы денег этой страны в их взаимосвязи с валютными отношениями других стран. Тогда возникло несколько денежных систем. Первая система – параллельных валют, при которых два или несколько металлов являлись самостоятельными мерами стоимости. Между стоимостями этих металлов закон не устанавливал никакого обязательного соотношения. Соотношение это стихийно устанавливалось на рынке. При каждой сделке обуславливалось, какими деньгами будет уплачено, и в зависимости от металла устанавливалась цена.

Вторая система – биметаллическая, при которой в качестве меры стоимости принимались два металла: серебро и золото, между которыми законом устанавливалось постоянное соотношение. Обычно это соотношение было равно 1:15. Обычно даже в условиях

формального биметаллизма фактически мерой стоимости служили не оба металла, а лишь один из них – тот, стоимость которого в данный момент изменялась меньше.

Третья система – монометаллическая, при которой за основание денежной системы принимается один металл – золото или серебро.

В рамках всех этих систем возникли многочисленные формы денег, которых раньше не было в экономической истории или они не существовали в качестве единого целого, где выделились три их главные формы – монетарная, кредитная и казначейская и производные от них знаки денег.

Монетарная форма денег была основой всех закрытых денежных систем европейских государств. Более конкретно их виды будут рассмотрены ниже, а здесь отметим только социальную стратификацию металлов, т.е. медных, серебряных и золотых монет. *Золото* обслуживало нужды государей, аристократии, крупных купцов. То золото, что чеканилось на монетных дворах Европы, поступало из Венгрии, с Альп, из далеких промывален Судана, а затем из первых колониальных владений в Америке. Именно золотыми монетами пользовались государи при осуществлении своих замыслов. Так, Карл VIII повелел чеканить золотые монеты накануне похода в Италию. Франциск I и Карл V именно золотом оплачивали свои войны.

Медь (биллон) или «черные» деньги были в ходу у простонародья и бедняков, а крупные торговые центры боялись медной монеты «как чумы», хотя Португалия ее охотно скупала, «но только для того, чтобы по своему обыкновению вывезти за мыс Доброй Надежды, в Индию». Роль меди обычно была незначительной, так как мелкая монета имела цену без точного соответствия ее металлу, т.е. носила во многом «бумажный» характер. И не случайно, что первоначальные инфляционные скачки во всей Европе, особенно в экономически нездоровых странах, были связаны именно с наплывом медной валюты (в Германии, в Испании вплоть до 1680 г.).

И все же не золоту, и не меди отводилась первая роль в обслуживании рыночных связей европейских государств Западной Европы, а именно *серебру*. Нужды среднего сословия и, прежде всего, подавляющей массы купцов удовлетворялись *серебряной монетой*. Поэтому большинство национальных денежных единиц европейских стран того времени были основаны на серебре.

Состояние экономики в разных государствах Европы, учитывая, что ее территория была разделена между Оттоманской империей, Испанской империей, а также Францией Людовика XIII и Ришелье, оценивалось по тому, какой металл доминировал в обращении: если медь или биллон, то экономика государства была в упадке. В Испании в начале и середине XVIII в. большинство сделок осуществлялось с помощью биллонной монеты. И это при том, что именно Испания была хозяйкой серебра из своих колоний Нового Света. Однако оно «утекало» из страны в кошелек иностранных наций в оплату в обмен за поставляемые в страну предметы роскоши, в частности из Индии. В Неаполе наблюдалась та же картина – превалирование меди в обращении при тезаврации (переходе в состояние сокровищ) золота и утечки серебра. В то же время во Франции биллонная монета служила лишь вспомогательным средством, а основную роль играло серебро. Англия в этот же период признавала серебряную монету как более употребительную, но в последней трети XVIII в. серебро заняло вспомогательную роль, уступив место золоту.

В закрытых денежных системах оживают все формы *кредитных денег*, известных и странам ислама и итальянским городам-государствам еще в IX–X вв.: вексель, платежное распоряжение, заемное письмо, банковский билет. Расширяется вексельное обращение. Вексель по своей природе отнюдь не являющийся орудием обращения, а представляющий собой кредитный документ, начинает циркулировать на рынке в качестве орудия обращения. В процессе обращения векселей происходит взаимное перекрещивание и погашение долгов, представляемых этими векселями.

«Именно следуя этой традиции такие специалисты в области кредита, как генуэзцы XVI в., сообразили превратить так называемые безансонские ярмарки, где оплачивались векселя со всей Европы, в подлинные центры *клиринговых расчетов* еще до того, как появилось само это слово... В завершение не было ничего, кроме нескольких горсточек эю, “золотых в золоте”, т.е. реальных денег»⁶⁷. В дальнейшем все большее развитие вексельного обращения в экономиках европейских государств потребовало правовых норм регулирования. В Гааге поэтому в 1912 г. был принят международный вексельный устав, правила которого были при-

⁶⁷ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 476–477.

няты почти всеми государствами⁶⁸. Вексельное обращение внедрилось в международный оборот, который целиком обслуживается векселями (девизами). Реальные деньги (золото) выступали здесь в качестве платежного средства для погашения тех долгов, которые остались непокрытыми после взаимного перекрещивания и погашения счетов в процессе вексельного обращения. Для того чтобы обеспечить векселями возможность нормального обращения в международном обороте, банками и государствами проводится целая система мероприятий по регулированию вексельного курса, а также определяется девизная политика.

В этот период возникает особый банковский билет – *банкнота*. Она почти спонтанно родилась из коммерческой практики. Ее появление в конторах банка Англии датируют 1694 г. или в кассах Стокгольмского банка в 1661 г. Прототипом банковских билетов были платежные ордера, которые появились в Англии значительно раньше. Суть их состояла в том, что золотых дел мастер принимал на хранение золото в обмен на векселя. (К такому кредиту прибегал и сам Кромвель.) Подобные кредитные инструменты были известны и банкам в Венеции еще с XV в., имевшим свои билеты, которые могли обмениваться и оплачиваться. *Банковские билеты – это беспроцентные долговые обязательства банка, выпускаемые в круглых суммах, служащие в обороте орудием обращения и заменяющие металлические деньги.* Наиболее существенным признаком банковских билетов являлось то, что они выпускаются в порядке активных операций банков. Во время их появления разменность на драгоценные металлы была одним из важных признаков отличия банкнот от бумажных денег. Правом выпуска банкнот пользовались сначала немногие так называемые эмиссионные банки, а затем возникла тенденция к передаче этого права только одному центральному эмиссионному банку. Нововведением Банка Англии было то, что к функциям банка – хранению средств и их переводу со счета на счет – он добавил роль настоящего, сознательно организованного эмиссионного банка, способного предложить *обширный кредит в билетах, фактическая стоимость которых намного превосходит реальные денежные запасы банка.* Тем самым увеличивалось количество платежных средств и стимулировался рост торговли. Ло писал, что этим

⁶⁸ Вексельное право – это совокупность норм, регулирующих выдачу и хождение векселей, формы и способы платежей по ним, ответственность участвующих в вексельном обращении лиц. Вексельное право отличается особой строгостью и формализмом своих предписаний.

нововведением банк совершил величайшее благодеяние для торговли и для государства, так как он «увеличил количество монеты. Быстрый рост банковской активности сопровождался особыми процессами, связанными с тем, что банковская элита замкнулась в себе и отошла от активной торговли, обнаружив тенденцию превратиться в общество кредиторов-рантье, где источником дохода становится *процент* как особая форма денежного дохода (модернизированная форма ростовщичества).

Кредитные платежные средства, выступая как настоящие деньги, порождали целую *систему вторичных* денежных инструментов. Интенсивный рост производства во всех европейских государствах, требующих больших капиталов, привел к образованию акционерных обществ. Они породили особую форму денежных знаков – *акцию* – ценную бумагу, выпускаемую акционерной компанией в целях увеличения долгосрочного капитала, дающую своим владельцам определенный денежный доход в форме *дивидендов*. Эмиссионная деятельность банков и акционерных обществ способствовала появлению кроме акций еще многих видов ценных бумаг – облигаций, закладных листов и т.д. Они получили название фиктивного капитала, величина которого определяется на основании капитализации дохода, приносимого этими ценными бумагами. *Фондовые рынки* создавали целую систему ценных бумаг, т.е. вторичных денежных инструментов, с разной мерой ценности и, соответственно, *ликвидности*. Возникают фондовые биржи – институциональная форма рынка ценных бумаг. До середины XIX в. фондовая биржа служила главным образом для обращения иностранных векселей и размещения государственных займов, затем ее функции расширились и она стала организованным рынком для продажи акций.

Наличие государственных потребностей по мере формирования территориальных государств Нового времени и развития рыночных отношений потребовало соответствующих денежных институтов их организации, которая нашла свое выражение в становлении *государственной финансовой системы*⁶⁹. Общий

⁶⁹ Финансы – это совокупность доходов государства по извлечению денежных средств и распределению их между отдельными расходными статьями бюджета. Доходы могут извлекаться как путем налогов и поборов, куда входит и эмиссионный налог, так и путем получения дохода от государственного имущества. Возникает финансовая наука, т.е. учение, о госбюджете, государственных расходах, проблемах кассового устройства (порядок приема, хранения и выдачи государственных средств) и проблемах государственного контроля.

финансовый потенциал государства слагался из двух компонентов: заемных и бюджетных средств.

Большое распространение получают в этот период кредитные формы удовлетворения государственных потребностей. К ним надо отнести выпуск государственных займов и появление такой ценной бумаги, как *облигация* государственного займа. На этой же основе возник важный денежный институт – *рента*, с помощью которой государи «в десяти случаев против одного» будут расплачиваться с деловыми людьми *en juro* государственными ценными бумагами, которые давали право на получение рентных доходов.

Бюджет – главная форма в удовлетворении потребностей государства. Корни этого финансового инструмента шли от периодического составления росписей государственных доходов и расходов. Бюджет – старое нормандское слово (*bougette*, может быть, от лат. *bulga*), что значило кожаный мешок. В таком мешке (или портфеле) в старину в английском парламенте переносились акты, касающиеся государственной росписи. Документы, подобные предварительным росписям, существовали в Англии и Франции с XVII в. Каждое государство, исходя из своих потребностей, формировало свои правила в отношении образования различных видов доходов и расходов, которые в совокупности образовывали специфику *финансовой системы* данного государства. Постепенно те или иные потребности государства (учитывая параллельное развитие статистики и денежных отношений) стали находить свое приблизительное числовое выражение, связанное с определенными периодами времени, являясь основанием *для создания бюджетной формы организации денежных средств*.

Финансовые потребности государств привели к широкому распространению *бумажных (казначейских) денег*. Бумажные деньги являются денежными знаками, выпускаемыми *государственным казначейством*, а не кредитными учреждениями, и обязательными к приему по всем платежам. Особенности казначейских бумажных денег является то, что они порывают какую-либо связь с товарами, стоимостью, т.е. всеми теми качествами, которые большую часть истории выполняли драгоценные металлы. Кредитные деньги могли обращаться потому, что имели стоимость, *бумажные же деньги (казначейские) «награждаются стоимостью» политической властью*. Бумажные деньги выпускаются государством как дополнительный рычаг в организации товарно-денежного обращения, а также покрытия бюджетного

дефицита. Бумажные деньги характеризуются следующими обязательными признаками: во-первых, они выпускаются (прямо или косвенно) государственным казначейством, а не кредитными учреждениями, во-вторых, обязательны к приему по всем платежам, в-третьих, реальными стоимостями обеспечивается не каждый бумажный знак в отдельности, а вся масса выпущенных бумажных денег, и при том обеспечивается не полностью.

В рамках закрытых кредитно-денежных систем национальная денежная единица приобретает особую ипостась, выступая как национальная валюта⁷⁰. Валюта (от итал. *valuta*, от лат. *valeo* – стою) – термин, употребляемый в международных расчетах для обозначения денежной единицы страны и ее типа (золотого, серебряного, бумажного), а также кредитные средства обращения и платежа, выраженные в иностранных денежных единицах – векселя, чеки, используемые в международных расчетах. Категория валюты служит как бы связующим звеном между внутренней экономикой (денежно-кредитной системой) и внешними экономическими отношениями, которые обслуживает национальная валюта (денежная единица). В первом случае речь идет о деньгах с присущими им функциями, во втором – о системе взаимодействия с мировым рынком, другими национальными экономиками, т.е. с формами экономических связей в рамках международного разделения труда⁷¹.

В закрытых денежно-кредитных системах национальная денежная единица была связана, с одной стороны, со стоимостью производимых в данной стране товаров и услуг (ВВП), а с другой, – со стоимостью благородных металлов. Через масштаб цен осу-

⁷⁰ Валюта как термин политической экономии в учении о деньгах употребляется в смысле: 1) денежной единицы, лежащей в основе денежной системы данной страны (валютная монета – рубль, франк, марка); 2) совокупности всех денег данной страны (английская, французская); 3) характера денежной системы и основной денежной единицы (золотая, серебряная, бумажная и др.). В вексельном обороте валютой векселя называется сумма, обозначенная в векселе. В биржевом обороте акций и фондов валютой называют стоимость этих бумаг в отношении к их номинальной нарицательной в силу многих обстоятельств, к числу которых принадлежат: кредитоспособность страны; солидность золотого обеспечения валюты; размеры эмиссии.

⁷¹ Поскольку национальная денежная единица всегда выступает в ипостаси валюты, большое значение приобретает вопрос о соотношении в рамках каждой страны внутренней торговли и внешней торговли, внутренних цен и внешних цен, покупательной силы валюты данной страны внутри страны и ее покупательной силы за границей.

ществлялось сравнение денежных единиц (валюты) разных стран⁷². И поэтому в закрытых денежно-кредитных системах, основанных на разделенных банковских резервах, равенство в «ценах» внутренних и международных денежных единиц (валютах) было практически полным. По мере расширения мирового рынка и военно-политических амбиций западных государств по овладению ресурсами мира в конце XX в. возникают «открытые» денежно-кредитные системы. В них паритет покупательной способности станет основой сравнительной ценности денежных единиц разных стран. Уяснение сущности этого явления возможно только в контексте особенности глобализма как антагонистической формы интеграции мирового сообщества с использованием доллара в качестве мировых денег (об этом подробнее в других разделах книги).

Здесь необходимо вернуться к некоторым особенностям возникновения и функционирования этих денежно-кредитных систем. Закрытые денежно-кредитные системы государств Западной Европы складывались не одновременно. На первых этапах их формирования лидером оказались Нидерланды с последующим их влиянием на мощные имперские и государственные структуры Европы. Начало золотого века Нидерландов совпало с освобождением страны от испанского владычества в 1579 г. В течение каких-нибудь двух-трех десятков лет Голландия превратилась в крупнейшую морскую державу, в мирового банкира, влиятельного участника мировой политики. В те годы голландский флот насчитывал более 15 тыс. судов, общий тоннаж которых составлял 900 тыс. тонн – намного больше, чем у Британии, главного конкурента и соперницы. Маленькая Голландия всегда славилась своими мореходами. Конечно, по мощи она отставала от Англии и Испании – ведущих мировых держав, но по активности в некоторых случаях их превосходила. Военные и торговые корабли маленького европейского государства бороздили все широты мирового океана. Однако ее золотой век продлился гораздо менее ста лет, и уже к середине XVII в. Англия стала решительно вытеснять свою соперницу и на суше, и на море. Денежной визитной кар-

⁷² В закрытых денежно-кредитных системах большую роль начинает играть валютная политика, которая «защищает» национальную денежную единицу от валют других стран. Возникла проблема валютного курса, т.е. цены одной валюты, выраженной в единицах другой, с выделением впоследствии двух его основных форм фиксированных и плавающих курсов.

точкой Нидерландов стала монета *гульден*. История монеты гульден началась еще со времени знаменитой монеты – *флорина*. (Кстати, и сегодня флорин является вторым официальным названием гульдена).

Прежде чем гульден стал визитной карточкой Нидерландов, он долгое время был монетой, широко используемой многими европейскими государствами. Слово «гульден» (*gulde*) происходит от немецкого «золотой» (*golden*), по отношению к монетам из драгоценного металла такое название было более чем оправданным. Первоначально гульден чеканились по образцу золотого флорина. Соответствие с флорентийской монетой действительно долгое время сохранялось, установилась одинаковая система, широко распространены были итальянские, венгерские и рейнские гульден, и до конца XV в. В Германии гульден, иногда его называли *реал*, сохранял свою ценность. Столько же содержал французский *ливр*. В Германии гульден активно чеканились с середины XIV в. до конца XV в. В те времена широкое распространение получили *рейнские гульден* (*Rheinische Gulden*). Но непрекращающиеся войны заставили местных правителей идти на уменьшение золотого содержания в монетах. И к концу XV в. в обращении появились серебряные гульден, а золотая монета стала называться *гольденгульденом*. В дальнейшем сфера обращения гульденов постоянно сокращалась, а их место заняли другие золотые и серебряные монеты. Гульден немецкого производства также проникали на восточноевропейские рынки. Однако местные монетные дворы их не чеканили. Исключением была Пруссия, где чеканились немецкие монеты с небольшими изменениями. Позднее со всех этих территорий гульден исчезли.

Став национальной денежной единицей Нидерландов, гульден на какое-то время завоевал престол мировой валюты. *Голландский гульден* (как и поздний германский) был серебряным. Чеканили его вплоть до XVII в., к тому времени название «гульден» закрепилось за всеми монетами королевства. Серебряный гульден чеканился в разных номиналах, но оформлялся почти всегда одинаково. (Лишь в 1876 г. Нидерланды ввели у себя золотую валюту, а серебряный гульден стал разменной валютой). Гульден долгое время был по сути дела мировой валютой, что связано с колониальной экспансией Голландии, так как ее колонии были разбросаны по всему миру: Южная Америка и острова Карибского моря, Восточная Африка и Западная Индия, Индонезийский архипелаг и материковый Китай. И, естественно, на своих новых территориях голландцы использовали привычные гульден. Для некоторых из них гульден стал впоследствии основной денежной единицей. Например, до середины XX в. гульден имели

хождение в Новой Гвинее, на Антильских островах и на острове Ява. До сих пор они находятся в обращении в Суринаме – бывшей южноамериканской колонии Нидерландов.

Гульден в тандеме с крупными денежно-кредитными центрами Нидерландов – сначала Антверпеном, а потом Амстердамом – определяли деловой климат Европы того времени.

Антверпен⁷³ до XVI в. был главным товарным и денежным рынком Европы. Он первым уравнивал иностранных купцов в правилах с местными, что способствовало его процветанию. Формирование полноценного денежного рынка начнется после того, когда завершится синтезирование векселей, платежей и кредита, осуществится эмиссия денег (особенно в Лионе, Генуе, на кастильских ярмарках), усилится поток «американского белого металла» через Севилью. Тогда антверпенские купцы будут более чем деловыми партнерами с самыми могущественными монархами того времени. В этом отношении интересны их взаимоотношения с Испанией первой половины XVI в. Испания Карла V для освоения полупустых пространств Южной Америки – аудиенций административно-судебных округов в испанских владениях в Америке «нужны были лес, брусья, смола, суда, пшеница и рожь Балтийского бассейна. Ей требовались промышленные изделия, холсты, легкие сукна, скобяной товар Нидерландов, Германии, Англии, Франции... Взамен Испания отправляла в Антверпен шерсть... соль, квасцы, вино, сушеные фрукты, растительное масло плюс заморские продукты вроде кошенили, американского красильного дерева, сахара Канарских островов. Но этого было недостаточно, чтобы сбалансировать обмен, и Испания уравнивала свой баланс *отправками серебряных монет и слитков, зачастую перечеканивавшихся на антверпенском Монетном дворе*»⁷⁴.

Поскольку тогда Габсбурги в лице Карла V были одновременно властителями Испании, Нидерландов Священной Римской империи германской нации, их роль в организации денежных отношений в европейской экономике середины XVI в. была высока.

⁷³ Город Антверпен известен с VII в., один из важнейших мировых портов в незамерзающей морской гавани устья реки Шельды.

⁷⁴ В XIII в. на месте Амстердама была рыбацья деревня, но уже к началу войны за нидерландскую независимость к Амстердаму перешла богатая торговля Антверпена. Амстердам в качестве денежно-кредитного и финансового центра Европы XVII–XVIII в. возник как приемник Антверпена.

Карл V не только был вынужден производить платежи по всей Европе, но также регулировать соотношение валют. Это и заставило его (1537 г.) повысить курс золота к серебру с 1 : 10, 11 до 1 : 60, 61. Располагая такими властными полномочиями в финансовой сфере, сам император был «привязан» к аугсбургским купцам-заимодавцам, подлинной столицей которых оставался Антверпен.

С 70-х годов XVI в. экономическое значение Антверпена ослабевает, его место занимает Амстердам, который продолжает быть важным торговым и денежным центром в течение XVII и XVIII вв. Поэтому именно *Амстердам будет представлять займы мощным государствам Европы*. Об этом говорят масштабы и размещение голландских капиталов в 1782 г. Миллиард флоринов, накопленных Амстердамом, был размещен следующим образом: внешние займы государства 335 млн флоринов, в том числе Англии – 280 млн, Франции – 25 млн, прочим – 30 млн, колониальный займы – 140 млн, внутренние займы (провинциям, компаниям, адмиралтействам) – 425 млн, вексельная торговля – 50 млн; золото, серебро, драгоценности – 50 млн флоринов.

В функционировании закрытых денежно-кредитных систем государств Западной Европы большую роль играли *столичные города*. Они были как бы «выставкой» этих мощных государств. Богатство государства все еще будет богатством этих городов: Португалия сводилась к Лиссабону, Нидерланды – к Амстердаму, первенство Англии – это первенство Лондона. «Такие города означали огромные затраты; их экономика удерживалась в равновесии за счет внешних связей, за их роскошь должны были платить другие... Так обстояло дело со всеми столицами, со всеми городами, где сиял свет цивилизации и расцвели ее излишества, излишества вкуса и досуга»⁷⁵. Выделялись два типа столичных городов: один олицетворял экономическую мощь в силу сосредоточения там драгоценных металлов, накопленных в основном в тот период, когда образовались первые западные колониальные империи в XV–XVI вв., другой тип был олицетворением роскошного образа жизни.

Если говорить о первом типе, то из всех столичных городов Западной Европы – Венеции, Мадрида, Антверпена, Генуи, Амстердама, Лондона – только два последних располагали арсеналом всего необходимого для экономического доминирования.

⁷⁵ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 380.

«В лице Амстердама и Лондона города-миры обладали арсеналом экономического могущества, они подчинили себе все: от контроля за мореплаванием до торговой и промышленной экспансии и полного спектра всех форм кредита»⁷⁶.

Другой тип европейских столиц империй Западной Европы являлся олицетворением роскошного образа жизни элитарных кругов Запада.

«Города представляли собой образец глубокой неуравновешенности, асимметричного развития, нерациональных и непроизводительных вложений в национальном масштабе. Были ли повинны в том роскошь, аппетиты этих огромных паразитов? ... Не предвещают ли эти города – чудовища Запада появления препятствий развитию, аналогичных тем, что существовали в Римской империи, сводившейся к Риму, к этому мертвому грузу...? На самом деле многонаселенные и отчасти паразитические города не образовывались сами собой. Они были такими, какими им позволяли быть, какими заставляли их быть общество, экономика политика. Они служили мерой, шкалой отсчета. Если в городах настойчиво *распространялась роскошь, то это потому, что так были устроены общество, экономика, культурные и политические порядки...*».

При этом внутри европейского мира-экономики доминирующие центры денежного могущества не являлись таковыми в области культуры. «В XIII, XIV, XV вв. отнюдь не Венеция и не Генуя, царицы торговли, диктовали свои законы цивилизации Запада. Тон задавала Флоренция: она создала, положила начало Возрождению; одновременно она навязала свой диалект – тосканский – итальянской литературе... В XVII в. восторжествовал Амстердам, но центром барокко, которое захлестнуло Европу, был на сей раз Рим, в крайнем случае – Мадрид. В XVIII в. не в большей степени получил культурное преобладание и Лондон... Лондон, находившийся в центре мира, невзирая на блеск собственной культуры, множил уступки Франции и заимствования у нее в этой сфере... Англия, вознесенная своим прогрессом, не подорвала интеллектуальное господство... Парижа, и вся Европа до самой Москвы способствовала тому, чтобы французский стал языком аристократических кругов и средством выражения европейской мысли. Точно так же в конце XIX – начале XX вв. Франция, которая во

⁷⁶ Там же. С. 256.

многим плелась в хвосте у Европы экономической, была бесспорным центром литературы и живописи Запада. Музыкальное первенство Италии, а затем Германии, отмечалось в эпохи, когда ни Италия, ни Германия не доминировали в Европе экономически. И даже еще и сегодня громадный экономический рынок Соединенных Штатов не поставил их во главу литературного и художественного мира»⁷⁷.

* * *

Рассматривая вопрос о сущности закрытых денежно-кредитных систем, необходимо иметь в виду самый главный фактор – его основу, которая заключается в наличии определенного количества драгоценных металлов – золота или серебра для их эффективного функционирования. А для этого европейские государства использовали всю свою военную мощь и монетарное оружие путем колониального вливания в денежные системы Европы драгоценных металлов, несмотря на их многовековую «утечку».

9.2.8. Динамика движения драгоценных металлов Европы в контексте их мирового оборота. Основные виды золотых и серебряных монет

Закрытые денежно-кредитные системы западной Европы породили многообразные формы металлических и кредитных денег, тем не менее эти системы были ориентированы на *максимальное накопление золота и серебра*. Нет нужды доказывать, что уже в XVI – начале XVII вв. европейские монархи проводили политику меркантилизма (см. параграф 1.1), ее сердцевиной ее была международная торговля, основанная на поощрении экспорта и препятствовании импорту с целью накопления в стране драгоценных металлов (прежде всего золота). Не случайно при изгнании «неверных» (мавров, евреев) из страны католические властители Испании и Португалии запрещали им брать с собой золото и даже вспарывали гонимым животы в поисках драгоценного металла. Но такие репрессивные меры не могли быть преградой в общей тенденции, которая была характерна для динамики движения драгоценных металлов европейских государств, где до середины XIX в. их отток преобладал над притоком. И поэтому эта тенден-

⁷⁷ Там же.

ция требует особого анализа в контексте мирового оборота денежных металлов и их связи с особыми социально-экономическими особенностями Западной цивилизации, которые обуславливали «вымывание» драгоценных металлов из денежного оборота.

Накопление драгоценных металлов как основы эффективного функционирования закрытых европейских денежно-кредитных систем было связано с мировым денежным оборотом. Он обуславливал движение драгоценных металлов на огромных расстояниях, которое определялось характером международной торговли (в XV в. деньги Италии, Египта и Дальнего Востока образовывали сообщающиеся друг с другом системы) по отношению к накоплению драгоценных металлов в Европе. Оборот регулировался двумя противоположными процессами: один способствовал «приливу» драгоценных металлов, другой – их «отливу». И это при том, что подавляющая масса драгоценных металлов находилась у неевропейских цивилизаций. В период, предшествующий тому времени, когда международным денежным оборотом стала управлять Западная цивилизация, большое влияние на мировой оборот драгоценных металлов оказывали Индия, Иран, Китай. С этой реальностью Европа не могла не считаться.

Индия занимала особое место в обороте драгоценных металлов в XVI–XVII вв. Денежная экономика Индии истари была связана с накоплением драгоценных металлов. Не случайно ее называли кладовой золота и серебра. Исторический парадокс состоял в том, что хотя золотые и серебряные монеты андская цивилизация знала за нескольких веков до нашей эры, сама Индия практически не производила ни золота, ни серебра, ни меди. Экономисты, исследовавшие международные потоки в конце XVII в. между Западом, исламским миром и Индией, отмечали, что все предметы роскоши, которые были нужны Европе, а также кофе, без которого не могут обойтись арабы, персы и турки, могли быть приобретены в Индии только за золото и серебро. Отсюда некий путешественник делает вывод, что все золото и серебро, что обращается в мире, в конечном счете устремляется к Моголу как к своему центру... только за наличные деньги и можно купить у индийцев товары, которые хочешь везти в Европу.

Поэтому денежная система Индии очень тесно была связана с наличием (притоком или убытием) драгоценного металла из других стран. И в этом смысле можно выделить два этапа в образовании ее сокровищ. Первый – когда Индия обеспечивалась

драгоценными металлом азиатско-африканского происхождения – золотом из Китая, Суматры, японским и персидским серебром, а также венецианским золотом и серебром. К этому добавлялось небольшое количество меди, приходившей с Запада по Красному морю, а также обилие псевдоденег (каури из Бенгалии, горький миндаль из Ирана). Второй этап связан с поступлением из Европы американского серебра, португальского золота из Африки, испанского золота из Америки; массового ввоза меди из Португалии, который весь поглощала могольская Индия до той поры, когда и в Лиссабоне медь стала редкостью, что отразилось в начале XVII в. на выпуске медной монеты в Индии, и серебро стало играть большую роль в сделках.

Забегая несколько вперед, отметим, что именно эта мировая кладовая драгоценных металлов сыграет важную роль в укреплении британской денежной системы и возведении фунта стерлингов в ранг самой устойчивой валюты конца XVIII–XIX вв.

Трудно переоценить влияние на мировую денежную систему XVI – начала XVIII в. и денежных систем исламского мира. Ислам в средние века столетиями был господином от Атлантики до Тихого океана. За исключением Византии, никакая другая цивилизация не могла соперничать с его денежным оружием – золотой и серебряной монетой – динарами и дирхемами, которые служили его могуществу. Это была старинно-традиционная денежная система, остававшаяся замкнутой в своих традициях. Весь этот геополитический и экономический потенциал обусловил громадную роль в международной торговле того времени денежной системы и монет Османской империи, которая с XV в. принадлежала к зоне золота (на базе африканского желтого металла и египетской монеты). Не случайно Стамбул был по сути дела международным «валютным центром», если использовать современную терминологию. «В XVIII в. в этой огромной столице преискуранты фиксировали в национальных валютах цены товаров и таможенные операции на Амстердам, Ливорно, Марсель, Венецию, Вену... В обращении были золотые монеты – султанины, именовавшиеся еще фондук, или фондучки (*fonduc, fonducchi*): целая монета, половина и четверть ее; серебряные монеты – турецкие пиастры, так называемые груш или круш (*grouch*); разменными монетами служили пара (*para*) и аспре (*aspre*). Султанит стоил 5 пиастров, пиастр – 40 пара, пара – 3 аспре; самой мелкой реальной моне-

той (серебряной и медной) в обращении был менкир (*menkir*), или гедуки (*gieduki*), стоивший четверть аспре»⁷⁸.

К XVII в. монопольное право торговли Османской империи в пределах исламского мира разрушает Иран, что было связано с его ранее сложившимся торгово-производственным потенциалом и особым местоположением как активного перекрестка торговых путей. В Иране еще в XVII в. вся иностранная монета (венецианский золотой цехин, голландский талер, австрийский талер, турецкий султантин, испанские пистоли), ввозимая купцами в Персию, должна была отправляться на монетный двор и перечеканиваться в *ларины*, при этом купцы теряли на стоимости самой чеканки, но выигрывали на том, что ларин в то время вплоть до 1620 г. по сути дела был на Дальнем Востоке международной валютой. Но на протяжении XVII в. *ларин* все больше утрачивал такое преимущество в пользу *реала*. Это связано с созданием мощной персидской империи Надир-шахом и его громадной казной, пополненной золотом и другими драгоценностями после завоевания Индии.

На Дальнем Востоке кладовой серебра был Китай. Ожившая при Минах товарно-денежная экономика резко увеличила спрос на серебро из Новой Испании, откуда ее привозили манильские галеоны (через Тихий океан в Манилу). Привезенные реалы китайцы обменивали на любые товары. Но говорить о том, как пишут некоторые историки, что Китай наводнен «белым металлом», что он представляет собой «всасывающий насос» для серебра, идущего со всего света, не совсем верно, так как Китай – большая страна, в которой жизненный уровень населения был очень невысоким. Верно, однако, то, что шла небывалая, колоссальная тезаврация со стороны императорского казначейства, а также накопление сокровищ богачами и чиновниками империи. Но эта не была тезаврация в полном смысле, так как правительство использовало эту вроде бы неподвижную массу серебра для воздействия на цены. Поскольку основой денежной системы страны был серебряно-медный биметаллизм, цены зависели от курса серебра по отношению к медной монете. А эту пропорцию устанавливало правительство, обеспечивая тем самым себе контроль над денежной системой во всей империи.

Все запасы драгоценных металлов, накопившихся в древних цивилизациях, долгое время были европейцам недоступны.

⁷⁸ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 478.

«Европа не имела возможности перестроить такую организованную денежную систему всего мира по своему вкусу. Ей приходилось играть по местным правилам повсюду, где она желала утвердиться»⁷⁹. Тогда основной целью их было проникновение в миры-экономики этих обществ, используя военно-торговое и монетарное оружие (см. параграфы 9.1–4). И для реализации этих целей они использовали те же драгоценные металлы, которыми Европа располагала. Это было серебро, которое добывалось в Чехии и Германии. Причем во второй половине XV в. резко возросла добыча серебра в Саксонии, Богемии, Тироле, Венгрии, Зальцбурге. Начиная с XIII в. в Европе появилось и золото, когда главным районом добычи стала Тропическая Африка (Гана в XV в. носила название Золотой Берег), а затем и американское золото, добытое разграблением древних цивилизаций Нового Света. «Такая любопытная константа предопределяла для Запада кровотечение в виде драгоценных металлов, уходивших на Восток, в чем некоторые хотят видеть слабость Европы к выгоде Азии и в чем я усматриваю, – писал Бродель, – средство, какое использовали европейцы в Азии, как и в других местах, и даже в Европе, чтобы открыть себе особенно доходный рынок».

Поэтому еще в XV в. происходил отлив металлических денег из европейских стран на Восток, тем более, что тогда появились новые обстоятельства, способствующие баснословному повышению цен на восточные товары.

Дело в том, что распад Могольской державы имел своим результатом прекращение караванной торговли Европы с Китаем и Индией через Среднюю Азию и Моголию, а падение Константинополя и турецкие завоевания в Передней Азии и на Балканском полуострове в XV в. почти полностью закрыли торговый путь на Восток через Малую Азию и Сирию. Третий путь на Восток – через Красное море – был монополией египетских султанов, которые в XV в. стали взимать со всех провозимых этим путем товаров чрезвычайно высокие пошлины.

Серебром и золотом необходимо было расплачиваться за поставляемые из Индии и Китая перец, пряности, благовония, жемчуг, шелк, а также меха, кожи из Восточной Европы, включая Московскую Русь, которые организовывали экспорт этих товаров только на серебряные монеты европейских государств. Именно в Азию направлялись потоки металлов в виде испанских монет в

⁷⁹ Там же.

восемь реалов, «твердых пиастров», американского белого металла с перуанского побережья, серебряных талеров, динаров и др.

Другим постоянно действующим источником изъятия драгоценных металлов из денежного оборота была их тезаврация. Она была связана с той страстью, которая жила среди состоятельных сословий Европы еще в Средние века к изделиям из драгоценных металлов (часы, табакерки, эфесы шпаг, рукоятки тростей, столовые и чайные приборы были из драгоценных металлов). Несколько позднее эта страсть была дополнена новой капиталистической страстью к накоплению чеканной монеты. Во времена Филиппа II гранды завещали своим наследникам не только бесчисленные золотые и серебряные изделия, но и сундуки монет из этих металлов. В некоторых государствах Запада тезаврированные запасы металла превышали его количество, находящееся в обращении. В целом же для начала XVI в. соотношение между тезаврированным драгоценным металлом и находящейся в обращении чеканной монетой было в пропорции 3:4. В XVIII в. в некоторых странах это соотношение доходило до уровня 4:1, при общем увеличении общей массы этих металлов в XVI по XVIII вв.

Другая тенденция, характеризующая динамику движения драгоценных металлов Западной Европы, целиком связана с колониальным вливанием их в экономику и денежные системы метрополий. Именно тогда, когда на западноевропейские рынки хлынули потоки награбленного в Новом Свете дешевого золота и серебра, в Европе наступила эпоха накопления денежного капитала. «Американское золото и серебро дало толчок развитию промышленности и земледелия, т.е. способствовало расширению производства товаров... Приток золота и серебра из американских колоний намного превысил по своей интенсивности как рост производства, так и повышение цен. За два столетия запас золота и серебра умножился примерно в 15 раз. В то время как цены выросли всего в 2–3 раза. Если цены выросли в 2–3 раза, а денежная масса в 15 раз, это означает, что стоимость денежных накоплений как составная часть вещественного богатства выросла как минимум в 5 раз»⁸⁰.

До открытия золота в Калифорнии и в Австралии (до середины XIX в.) Южная и Центральная Америка оставалась главным золотодобывающим районом мира. По некоторым расчетам, в XVI в.

⁸⁰ Гогохия Д.Ш. Назначение денег. М., 2003. С. 37.

Америка дала свыше трети, а в XVII в. половину мировой добычи этого драгоценного металла.

Серебро Нового Света укрепляет денежные системы Англии и Франции. В середине XVI в., когда Англия фунтом стерлингов создает основу устойчивости своей денежной системы, именно приток американского белого металла спас это начинание. «Тот же фактор, обусловленный американским серебром, обеспечил во Франции успех стабилизации в 1577 г. терского ливра, французской расчетной монеты, бывшей в свою очередь привязанной к золоту: один золотой экю был тогда объявлен равным трем ливрам, а именно в экю будет вестись счетоводство»⁸¹. В XVIII в. захваченное англичанами накопленное столетиями золотосеребряное богатство Индии сыграло громадную роль в укреплении фунта стерлингов и его возведении в последующие годы (до доллара) на роль мировой валюты. По официальным данным, только расхищение государственной казны Бенгалии в период 1757–1765 гг. принесло англичанам 5260 тыс. фунтов стерлингов⁸².

Накопление драгоценных металлов европейских государств дало возможность увеличить чеканку полноценных золотой и серебряной монет.

Основные виды монет. В рамках закрытых систем возникли различные формы металлических денег, разных в разных государствах и меняющихся на протяжении не только веков, но и коротких промежутков времени. Конкретное их описание относится скорее к области нумизматики, т.е. выходит за рамки этой работы. Однако некоторые виды монет, оставивших большой след в истории, оказавших особенно большое влияние и на современные формы денег, нами будут рассмотрены.

Золото в Средиземноморье и Южной Европе было в сравнительном изобилии, и поэтому Флоренция и Генуя начали чеканить первую золотую монету. И тем не менее с XIII по XV вв. в Западной Европе золотая монета не получила распространения в обслуживании рыночных связей, хотя она знала такие золотые монеты, как флорин, дукат, гульден, дублон и т.д. Положение изменилось к XVI в. Золотые монеты получили широкое распространение. История золотого флорина (гульдена), превратившегося в серебряный гульден Нидерландов, соседствовала с несколько иным процессом, который касался фунта стерлингов.

⁸¹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 365.

⁸² Всемирная история. Т. V. С. 286–287.

Золотая монета в один фунт стерлингов была отчеканена в 1489 г., однако широкое развитие чеканка золотой монеты получила в XVI в. «Золотое пенни» по весу составляло два серебряных пенни. Тогда фунты также назывались золотыми *соверенами* благодаря изображению на аверсе короля, т.е. соверена всех поданных. На аверсе изображался Генрих VII, сидящий на троне, на реверсе – герб Англии. Соверены весили 15,47 граммов и выполнялись из золота 994 пробы. Номинал их был куда менее ценен, чем фактическая сущность. Естественно, выпуск монет такого рода породил инфляцию, в 1564 г. королевой Елизаветой была проведена первая реформа ценообразования, старые монеты были изъяты из обращения.

Период образования территориальных государств монархического толка нашел свое отражение в появлении особых монет под названием «крона», на которых чеканилось изображение царствующей особы. Оно происходит от слова «корона». На разных языках написание этого слова выглядит по-разному, но звучит похоже: в Англии это – crown, в Дании – corona, а в Австрии – krone. Золотые и серебряные кроны начали чеканиться во Франции. Позднее они получили широкое распространение в Англии. Первая золотая корона «*крона с розой*» здесь была выпущена в 1526 г. при Генрихе VIII. Впоследствии английские монархи не упускали возможности изменить оформление и вес монеты по своему вкусу, изменяя даже название (при Иакове I) появилась британская корона, но с новым названием эта монета прожила недолго, уступив место *гинее*.

Люддор (т.е. «золотой Людовик») возник в 1640 г. при Людовике XIII, а при последующих Людовиках менял свое металлическое содержание и пробу. В Испании возник *дублон*. Дублон также известен под названием «двойной эскудо» и «*пистоль*», был главной испанской золотой монетой XVI–XVII вв. и содержал 6,2 грамма золота.

Талер – очень распространенная денежная единица в мировых рыночных связях того времени – был серебряной монетой различного достоинства, чеканившейся с XVI в. в различных странах Западной Европы. Он содержал от 38,7 грамма серебра. Название «талер» происходит от названия богемского городка Санкт-Иоахимсталя, на месте которого в начале XIV в. были открыты крупные залежи серебра. Вскоре там заработала шахта, продукцию которой императоры Священной Римской империи употребили для чеканки монеты в одну унцию серебра, полу-

чившей название иоахмсталер, быстро ставшей просто талером. Талер просуществовал в качестве платежного средства в германских землях вплоть до 1873 г., т.е. периода, когда местные раздробленные княжества объединились в единое государство и талер был заменен *маркой*. Но талер все эти столетия не только был германской национальной единицей, он вошел в денежные системы других европейских государств: в Испании его называли *далеро*, в скандинавских странах – *далер*, в Московии он превратился в «*ефимок*».

Еще одна разновидность кроны долгое время чеканилась в Дании под названием «датская корона». Начало чеканки этой монеты было положено Христианом IV в 1618 г. Новые серебряные монеты завоевали такую популярность среди населения, что поначалу обменивались на полтора старых талера. При этом талер содержал 38,7 грамма серебра, а в новой кроне содержалось его лишь 32,5 грамма. После прекращения чеканки талера кроны стали основными монетами на территории Дании и Норвегии.

Серебряные монеты были основными в обслуживании рыночных отношений. Не случайно ежегодная мировая добыча серебра по стоимости превышала добычу золота вплоть до 30-х годов XIX в. Серебро с XIII по XVI вв. (до 1550 г. добывалось в Чехии, Германии, а затем в Новом Свете) считалось «надежной ценностью». Затем серебро стало резко обесцениваться. Начиная с 1550 г. и по 1680 г. наступил избыток серебра, что было связано с удешевлением его производства. (Американские серебряные рудники стали использовать новую технологию – амальгирование). Поэтому США, Германия и другие страны прекратили свободную чеканку серебряных монет. Эта акция породила, с одной стороны, сильную и неослабевавшую долгое время инфляцию, а с другой, – рост спроса на золото по сравнению с серебром. Однако после 1680 г., когда появились первые партии бразильского золота, чаша весов опять качнулась в сторону серебра. Один из жителей Парижа записал в 1723 г. в своем дневнике: « В торговле встречаешь только золото; дошло до того, что...разменять луидор (на серебряные деньги) стоит до 20 су...С другой же стороны, луидоры взвешивают... и это большая помеха. Приходится иметь в кармане маленький безмен»⁸³. К концу XVIII в. выявились противоречивость и непрочность биметаллизма как денежной системы, которая была связана также с рядом других факторов (резкое

⁸³ Бродель Ф. Указ. соч. С. 492.

возрастание торгового оборота), все отчетливее выявляли преимущество золота как денежного материала по сравнению с серебром, «хотя серебро будет обороняться долго. При таких адвокатах, как Джон Локк, для которого эталон серебра был неоспоримо самым удобным, всего лучше приспособленным к жизни обменов»⁸⁴. В итоге все же произошел переход к золотому монометаллизму, получившему в капиталистическом мире широкое распространение в конце XIX в. Серебро было демонетизировано и начало обесцениваться. Это стало одной из причин, побудивших многие страны ускорить переход к золотому монометаллизму.

* * *

Многообразные формы денег, а точнее знаков денег, с обслуживающими их институтами (акционерными обществами, фондовыми биржами, банками), отрываются от производства и реальных рыночных связей, порождая финансовые кризисы, заканчивающиеся социальными потрясениями. Их конкретные формы требуют более подробного анализа, включая природу инфляции как постоянного негативного спутника всех денежных отношений последних столетий.

9.2.9. Первые финансовые потрясения: разрушительные последствия акционерного ажиотажа и неограниченной казначейской эмиссии бумажных денег. Инфляция

Развитие денежной системы Запада нельзя понять без уяснения характера тех противоречий, которые она с собой несла и которые неоднократно потрясали экономическую жизнь многих государств. Речь идет о финансовых кризисах. Они, как покажет дальнейший анализ, прямо связаны с первыми попытками замены денег их суррогатами. В данном аспекте можно выделить два неудачных начинания: первое обусловлено использованием механизма акционирования и акций и общественной психологии к быстрому обогащению, возникшей в результате вторжения рыночной стихии в сознание широких слоев населения; второе — использованием бумажных денег в целях решения государством острых финансовых и социально-экономических проблем.

Первый финансовый «эксперимент» относится к началу XVIII в. и связан с именем шотландца Джона Ло и кризисом, воз-

⁸⁴ Там же. Т. 3. С. 368.

никшим во Франции при семилетнем Людовике XV, регентом которого был Филипп Орлеанский. Регент отважился на такой неизвестный ранее эксперимент под давлением крайне тяжелых обстоятельств. После смерти короля Людовика XIV финансы Франции находились в кризисном состоянии. В бюджете не хватало денег по огромному государственному долгу, не говоря уже о возможности погашения самого этого долга. Для того чтобы как-то решить эти финансовые проблемы, Филипп произвел перечеканку монет (своеобразную девальвацию). Золотые и серебряные монеты изымались государством и взамен выпускались монеты того же названия, но с содержанием драгоценного металла на 20% меньше прежнего. Эта мера не решила проблемы, и финансовые трудности нарастали. Тогда регент вспомнил о шотландце Джоне Ло, который убедительно доказывал, что причиной экономического застоя и плохой собираемости налогов является *недостаток денег*. Он предложил дополнить обращение золотых и серебряных монет *бумажными деньгами – банкнотами особого банка*, который должен находиться под патронатом королевской власти. Именно они должны были оживить хозяйство и дать доход казне.

Королевский банк был создан с уставным капиталом в 6 млн ливров (серебряный ливр был основной денежной единицей Франции). Капитал был собран путем выпуска ограниченного числа акций банка, оплачиваемых частично звонкой монетой, частично долговыми обязательствами государства. Банкноты, которые стал выпускать банк, были признаны законным платежным средством и дополнили денежное обращение. Первые результаты этого эксперимента были положительными – умирающая торговля подняла голову, налоги стали поступать регулярно, восстановилось доверие к государству и его обязательствам.

Тогда Ло выдвинул второй знаменитый проект. Он предложил создать акционерную компанию и предоставить ей монопольное право на торговлю французскими землями в нижнем течении реки Миссисипи, которые считали сказочно богатыми золотом (по имени короля Людовика XV – Луи эти земли получили название Луизианы). Такая компания, названная Миссисипской, была создана в августе 1717 г. Ей разрешено было выпустить 200 тыс. акций по 500 ливров каждая. Вскоре были даны также привилегии в торговле с обеими Индиями – (Вест-Индией – ныне землями Карибского бассейна) и Ост-Индией (теперешней Индией и соседними с ней территориями). Она была переименована в Компанию Индий, хотя ее деятельность ограничивалась фактически землями на Миссисипи. Однако новое название подчеркивало ее мощь и универсальный характер.

Далее начинается четырехлетний период, который характеризовался фантастическим спросом на акции этой компании всех слоев

населения; эпидемия быстрого обогащения стала национальной болезнью. В основе этого спроса лежали несколько факторов. Первый был связан с проведением операции (возможно первой в истории) срочной сделки с акциями.

Суть срочной сделки с акциями состояла в том, что Ло предложил желающим купить акции по 500 ливров (в то время, когда они продавались по 250 ливров) с оплатой через шесть месяцев, независимо от того, сколько они будут стоить на рынке. Через шесть месяцев курс акций достиг 5000 ливров. Таким образом Ло выигрывал на каждой акции по 4500 ливров.

Второй фактор опирался на обещание учредителей фантастических дивидендов по акциям. Третий был основан на полном *дове-рии* населения к тому, что акции будут постоянно расти в цене. В результате всех этих факторов курс 500-ливровой акции поднялся до 10–15 тыс., а затем и 20 тыс. ливров.

К первой половине 1720 г. эмиссия банкнот вышла за пределы мыслимого, и поэтому в стройной системе Ло появились трещины, которые были связаны с тем, что у населения пошатнулось доверие к бумажным деньгам и их суррогатам (акциям). Все началось с того, что один из членов королевской семьи – принц де Конде отправил в Королевский банк груз банкнот и попробовал обменять их на металлическую монету. И хотя принцу Орлеанскому удалось уговорить своего родственника отказаться от своего требования, многие другие владельцы акций предъявили подобные требования к банку. Акции Компании Индий стали стремительно падать, хотя до полного их обесценения было еще далеко.

Правительство приняло ряд «неэкономических мер», а точнее мер карательного характера. Они заключались в следующем: с одной стороны, ограничивался размен банкнот на металл, с другой – вводились ограничения на владение монетами на сумму, превышающую 500 ливров под угрозой конфискации имущества. Запрещено было также покупать ювелирные изделия и драгоценные камни. Началась эпидемия расправ – арестов, конфискаций, обысков.

Кроме того, правительство произвело слияние банка и Компаний Индий в одно учреждение, уменьшило (вдвое) ценность банкнот в металле и, наконец, произвело полное аннулирование банкнот без всякой компенсации.

Это означало банкротство всей системы, так как 1 ноября 1720 г. они перестали быть законным платежным средством. Все последствия этого финансового эксперимента были возложены на Ло. Ему пришлось бежать из Франции, его собственность была конфискована, после чего его видели в разных странах Европы, где он предлагал свои услуги. (Есть сведения, что он встречался с Петром I, у которого его проекты вызвали интерес.)

Кризис системы Ло оказал большое влияние на экономику XVIII в. Травма, полученная при крушении миссисипской аферы и всей системы Ло, замедлила развитие банковского дела и рост

промышленности и на многие годы создала у французов невротический, даже параноидальный синдром в отношении банков, пишет автор одной самых серьезных книг по истории финансовых потрясений Чарльз Киндлебергер⁸⁵.

Закончившаяся крахом в 1720 г. денежная афера Джона Лово Франции как бы передала эстафету *Англии*, где в 1720–1721 гг. была попытка осуществить подобные финансовые операции. Она получила название «мыльных пузырей» и была основана на манипуляциях с вторичными инструментами денежной системы *Англии*: облигациями государственного долга и акциями компании Южных морей⁸⁶.

Суть этих манипуляций состояла в следующем. Компания Южных морей, основанная группой богатых купцов и банкиров, была крупным кредитором государства. И поэтому политика государства была тесно связана с интересами компании. Парламентским актом этой Компании было предоставлено монопольное право торговли с богатыми землями Южной и Центральной Америки, принадлежащими Испании, где важную статью бизнеса составляла работорговля.

В 1720 г. Компания предложила обменять весь государственный долг на свои акции по рыночному соотношению курсов ценных бумаг. Поскольку 100-фунтовая акция стоила 125–130 фунтов, а акции облигаций оценивались по номиналу (100 фунтов), это была очень выгодная сделка для учредителей компании. В то же время держателей облигаций соблазняла перспектива дальнейшего роста курса акций и связанных с этим выгод. Государству (казне) компания обязывалось произвести крупный платеж наличными, который впоследствии мог бы быть использован для выкупа облигаций у их держателей. Средства для этого платежа предлагалось получить путем дополнительно выпуска акций компании.

После распространения слухов о том, что согласие на принятие закона об обмене ценных бумаг гарантировано парламентом, акции компании взмыли вверх. Эти слухи так же как и сведения о фантастических размерах дивидендов, которые будут выплачиваться по акциям компании, распространялись журналистами, оплачиваемыми правлением компании и крупными акционерами. Через 5 дней после

⁸⁵ *Kindleberger C.P. Manias, Panics, and Crashes. A History of Financial Crisis. N.Y., 1989. P. 9.*

⁸⁶ Любопытно, что в событиях, связанных с «мыльными пузырями», принимал участие великий ученый Исаак Ньютон – управляющий королевским Монетным двором. В начале биржевой лихорадки он сказал: «Я могу рассчитать движение небесных светил, но не степень безумия толпы». И тем не менее он был вовлечен в это безумие. И в итоге краха этой авантюры потерял 20 тыс. фунтов стерлингов.

вступления в силу закона была объявлена подписка на новую эмиссию акций по 300 фунтов за акцию, затем был выпуск уже по 400 фунтов, потом – по 900 и даже 1000 фунтов.

Успех акций Компании Южных морей породил лихорадку создания акционерных обществ. В этот процесс включились как элита высшего общества, так и прагматичные дельцы из всех слоев населения. Учредители компаний на деле не думали о реальных инвестициях. Они стремились только добиться высокого курса акций и снять большой «навар» в виде возросших дивидендов. После этого компании лопались как мыльные пузыри, унося с собой деньги акционеров. За короткое время были созданы сотни таких акционерных обществ. Но не они явились причиной денежного кризиса, а именно Компания Южных морей, курс акций которой достиг рубежа в 1000 фунтов стерлингов за одну акцию.

В этих условиях достаточно было небольшого толчка, чтобы обрушилось все акционерное здание компании. Такой толчок дал слух о том, что председатель правления компании и другие директора продают принадлежащие им акции. После этого курс акций заметно снизился. Заметим, что Английский банк не вмешивался в дела компании, опасаясь за свой престиж. Однако под напором общественности банк согласился открыть подписку под 5% -ные облигации на сумму 3 млрд фунтов и предоставить эти деньги в ссуду Компании Южных морей на один год. Но это не спасло Компанию.

Акции Компании Южных морей продолжали стремительно падать и потянули за собой векселя многих частных банков, так как падение курса этих акций сделало невозможным погашение долгов банков. Это означало не просто обесценение одной компании, но кредитный кризис, который ударил по экономике всей страны. Началось публичное расследование, наказание мошенников и взяточников.

В итоге опыт «мыльных пузырей» и Компании Южных морей в Англии способствовал постепенной *выработке законодательства и моральных норм обращения с деньгами, которые можно доверять банкирам и учредителям акционерных компаний.*

Рассматриваемые два неудачных опыта попытки замены реальных денег их суррогатами важно осмыслить еще в одном отношении – выявления общественной психологии широких масс, которая становится важным фактором экономической жизни в целом. А эта общественная психология могла возникнуть в условиях включения сознания населения в хаос рыночного механизма, приближающегося по своему характеру к игре в рулетку, в которую втянуты большие массы людей как акционеров тех или иных компаний. Дело в том, что денежные отношения в условиях возникновения акционерных обществ как бы отрываются от экономики, развиваясь по каким-то своим правилам финансовой акробатики, где всей экономике с трудом удавалось к ней при-

соединиться, если она вообще не оказывалась за этой эволюцией следовать. Возникшие акционерные общества и обслуживающие их банковские структуры всегда связаны большими массами чужих денег, возникших в результате продажи акций многим слоям населения.

Акционерные общества действуют в условиях принципиальной неопределенности. Она всегда является сопутствующим элементом рыночной экономики. Чтобы получить прибыль, часть которой достается вкладчикам в виде процентов и акционерам в виде дивидендов, они принимают на себя риски. Без риска нет прибыли, гласит один из фундаментальных принципов бизнеса. Но промышленники и банкиры, даже если они совершенно честные люди, могут ошибаться, оценивая эффективность тех или иных экономических начинаний, не говоря уже о том, что они стремятся использовать чужие деньги для личного обогащения. Появилась практика использования банками заемного капитала (кредита), получаемого под фиксированный процент. Оно получило название *леверидж*, что означает принцип рычага, так как мощь короткого капитала (собственного капитала) увеличивается благодаря длинному плечу (заемному капиталу). В этих условиях резко увеличивается рост спекулятивных сделок.

Спекуляция – это неотъемлемый элемент механизма функционирования денежной экономики. Она состоит в покупке любых активов (земли, товаров, ценных бумаг, иностранной валюты) на рынке в надежде на *изменение цены актива*. Одни спекулянты покупают с расчетом на повышение, а другие продают, предвидя понижение цен. Некоторые экономисты считают, что спекуляция выполняет полезную функцию, выявляя реальный спрос, стабилизируя рынок. При этом в *повышательной фазе делового цикла*, когда растут производство, торговля и доходы, большинство участников рынка покупает, и мало кто продает. Возникает явление, которое получило название *бума*. В этот период цены товаров отрываются от уровня затрат, курсы акций теряют связь с фактическими и разумно ожидаемыми прибылями предприятий.

Масштабы и социальное значение спекуляций возрастают, когда в них вовлекаются широкие массы населения. Психология людей иррациональна, они полагаются не на трезвый анализ рынка, а на поведение толпы, слухи, интуицию. Спекуляции увеличивают экономические риски, которые теперь несут тысячи людей, доверивших свои деньги банкам и компаниям.

Феномен массовой психологии становится важнейшим элементом экономики и финансов. При симптомах неблагополучия в делах компании акционеры начинают сбрасывать акции, что

может привести к биржевому краху и финансовому кризису, так как банкротство одной компании тянет за собой в пропасть другие, а закрытие одного банка ведет к банковской панике и обрекает на банкротство другие банки. В дальнейшем возникает цепь финансовых потрясений: девальвация национальных денежных единиц, инфляция, биржевой крах⁸⁷.

Второй негативный исторический «эксперимент», был порожден Великой французской революцией, основывался на безграничной эмиссии бумажных денег, связанной с заменой денег их суррогатами, и на использовании *бумажных денег* во время революции.

Тогда революционные события смели старую денежную систему, вызвав к жизни небывалую эмиссию бумажных денег, получивших название «ассигнатов», а впоследствии «территориальных мандатов» или просто «мандатов»⁸⁸. Их история делится на три периода в соответствии с ходом самой французской революции. Первый период – от штурма Бастилии (начало революции, июль 1789) до свержения монархии (1792 г.). Второй период – от первых трех революций до крушения якобинской диктатуры и термидорианского переворота (июль 1794 г.) Третий период – от термидорианского переворота до ликвидации бумажно-денежного обращения в 1797–1798 гг. при режиме Директории.

Первые ассигнаты появились в конце 1789 г. и представляли собой не столько бумажные деньги, сколько особые ценные бумаги с отрывным 5%-ным купоном (раз в год можно было предъявить купон казначейству для получения процентов). Эти ценные бумаги имели обеспечение в виде государственного земельного фонда (неликвидного государственного имущества), который формировался в результате национализации королевских и церковных земель. Связь ассигнатов с земельным обеспечением скоро стала чистой формальностью. Они утратили черты государственных облигаций и стали простым средством обращения. Началась простая эмиссия этих денежных знаков, хотя предельная сумма эмиссии устанавливалась специальными декретами парламента (он последовательно стал называться Учредительным собранием, Законодательным собранием и, наконец, Наци-

⁸⁷ По этому вопросу существует литература. Из работ последнего времени: см. *Kindleberger C.P. Manias, Panics, and Crashes. A History of Financial Crisis*; *Аникин А. История финансовых потрясений. От Джона Ло до Сергея Кириенко. М., 2000.*

⁸⁸ В 1789 г. правительством были выпущены в обращение ассигнаты, вскоре превратившиеся в бумажные деньги. В 1793 г. королевские ассигнаты, не обменные своевременно на республиканские, были аннулированы.

ональным Конвентом). Было выпущено за этот период около 2 млрд ливров (сумма, примерно равная объему золотых и серебряных монет, которые в это время уже целиком ушли из обращения). Купюры ассигнатов выпускались достоинством в 10000, 1000, 300, 200, 100, 50, 5, 1 ливр.

Дороговизна предметов первой необходимости уже в 1792 г. стала основным фактором, определяющим характер социально-экономической ситуации и политической борьбы. В 1789–1792 гг. рост цен в среднем отставал от увеличения денежной массы. Этого было немного, если не учитывать, что оплата труда тогда практически не повышалась.

Во время второго этапа революции, который включал в себя казнь короля, переход власти к радикальным революционерам и их свержение (правительство Робеспьера) было выпущено уже более 6 млрд ливров, в 2–2,5 раза больше потребной для обращения массы денег.

Тем не менее считают, что в период якобинской диктатуры инфляция целиком не вышла из-под контроля. Обесценение ассигнатов по отношению к металлу достигло к 1793 г. 50%, таким же было их обесценение по отношению к иностранным валютам. При этом были установлены draconовские меры, запрещающие заключение сделок в металле или отказ от приема ассигнатов по любым видам платежей. Вместе с тем нарушение экономических, транспортных и иных связей мешало проникновению в провинцию печатаемых ассигнатов, особенно мелких купюр. Поэтому в большом количестве стали печататься фальшивые деньги, а также денежные знаки, выпускаемые местными властями без санкции центрального правительства («билеты доверия», «боны патриотической взаимопомощи»; существовала также негосударственная чеканка медной монеты).

В этот период усугубляются продовольственные трудности, которые послужили толчком к началу революции. Начавшаяся война с внутренними и внешними врагами усиливала лишения. Народ выходил на площади и требовал хлеба. Центральная власть, отражая эти настроения, стремилась подчинить торговлю, принимая ряд декретов по установлению розничных цен и наказанию нарушителей.

29 сентября 1793 г. Конвент, целиком контролируемый якобинцами, принимает закон о максимуме, который вводит контроль государства над товарами и ценами (он просуществовал более года). Потребительские товары подразделяются на 39 разрядов и по каждой рубрике устанавливаются предельные розничные цены. Это делалось при полном безразличии к тому, что эмиссия денег продолжалась, а их обесценение увеличивалось.

Третий этап связан с возникновением термидорианского режима в июле 1794 г. Сохраняя внешний облик революционного порядка, он привел к власти новую буржуазию, разбогатевшую на военных поставках. Этот режим сотрясали то мятежи простого народа, то восстания роялистов.

В этот период цены растут быстрее, чем денежная масса. Денежная масса к марту 1796 г. превысила их объем 1789 г. в 16–17 раз, а уровень (индекс) товарных цен был примерно в 390 раз выше⁸⁹. Разрыв между темпами роста денежной массы и ростом цен объясняется следующими факторами: во-первых, скоростью обращения денег, так как увеличение скорости обращения дополняло эмиссию в качестве фактора роста цен; во-вторых, ростом цен на импортные товары вследствие войны и блокады, которые изолировали Францию от общих каналов торговли; в-третьих, разрухой, неурожаями, припрятыванием продовольствия, что гнало цены вверх независимо от денежной массы.

Термидорианское правительство отменило преследование за использование в сделках металлических денег. Их «цена» стала следовать за ростом цен. К марту 1796 г. металлические деньги подорожали по сравнению с ассигнатами в 360 раз. Многократное изменение цен изменило соотношение в купюрной эмиссии. К 1796 г. центральное место в обращении заняла купюра в 5000 ливров, что составляло 35% всей денежной массы. Все это привело к тому, что на повестку дня встал вопрос «об умерщвлении» денежной системы, рожденной революцией, учитывая, что эмиссионный налог⁹⁰ сравнялся с затратами на печатание денег. Ликвидация ассигнатов была проведена правительством Директории, сменившей термидорианский режим. На Вандомской площади были сожжены все приспособления для печатания ассигнатов и оставшиеся в кассе около 1 млрд ливров. Однако без бумажных денег и новое правительство не могло обойтись и вскоре выпустило территориальные мандаты, установив их эмиссию в 2,4 млрд ливров. Мандаты были разменяны не на металлические деньги, а на землю. И несмотря на это, примерно за год они обесценились примерно в 40–50 раз.

Территориальные мандаты оказали большое воздействие на социально-экономическую жизнь Франции в дальнейшем, так

⁸⁹ Аникин А. История финансовых потрясений. С. 66.

⁹⁰ Эмиссионным налогом называется доход, который получает государство от печатания бумажных денег.

как это привело к появлению сотен тысяч мелких и средних собственников, т.е. изменилась классовая структура общества. Вместе с тем длительная инфляция поставила на повестку дня вопрос о полном отказе от бумажных денег. Опыт использования бумажных денег во время Великой французской революции показал не только их ограниченные возможности, но и необходимость стабилизации денежной системы страны на основе монометаллизма. Решение этого вопроса потребовало длительного времени. Он был разрешен Наполеоном Бонапартом, который в 1803 г. ввел денежную систему, основанную на *золотом франке* и просуществовавшую до Первой мировой войны.

Характерно, что в дальнейшем именно в условиях золотого монометаллизма (о его сущности подробнее в следующем параграфе), и накопления драгоценных металлов в крупных эмиссионных банках, подчиненных государству, бумажные деньги широко использовались в закрытых кредитно-денежных системах⁹¹. Поэтому этот вопрос требует более обстоятельного анализа в двух аспектах: теоретическом (как должно было быть) и в фактологическом (казначейская эмиссия и инфляция).

К теории вопроса. С момента возникновения бумажных денег считалось, что они являются не настоящими деньгами, а лишь представителями золота в обращении. Они замещают золото только в качестве средств обращения, но отнюдь не во всех денежных функциях.

⁹¹ Бумажные деньги проложили себе дорогу в условиях золотого стандарта во всех европейских государствах. В Австрии первый законодательный акт о введении бумажных денег был издан в 1762 г. После наполеоновских войн эмиссия достигла значительных размеров, и курс бумажных денег значительно понизился. В 1848 г. размен бумажных денег был приостановлен. В 1849–1854 гг. количество бумажных денег удвоилось. Денежная реформа 1892 г., заключающаяся в введении золотой системы, фактически была проведена таким образом, что вместо прежних бумажных денег все каналы обращения были заполнены банкнотами.

В Англии бумажные деньги впервые появились в эпоху наполеоновских войн. В 1797 г. размен банкнот был прекращен, и они превратились в неразменные бумажные деньги. Количество неразменных банкнот в 1797–1815 г. утроилось и курс их понизился на 25–30%. Размен был восстановлен только в 1824 г.

В Германии бумажные деньги появились впервые в 1806 г. Во Франции в 1718 г. был открыт частный банк, имевший право выпуска разменных банковских билетов. Спустя два года, в результате чрезвычайной эмиссии, размен был прекращен.

Возможность замены полноценных средств обращения бумажными объясняется тем, что всякого держателя средств обращения интересует в них не их стоимость, но их способность обмениваться на нужные товары в определенной пропорции. Покупательная способность каждого бумажного знака зависит от того, какое количество реальных денег этот знак замещает в обращении. Покупательная способность бумажных денег зависит, с одной стороны, от суммы товарных цен, выраженных в золоте, и с другой стороны, от количества бумажных денег и скорости их обращения. При одном и том же количестве бумажных денег и при одной и той же скорости их обращения понижение суммы товарных цен приводит к тому, что часть находящаяся в обращении товарных денег оказывается излишней. Если этот излишек бумажных денег не будет немедленно изъят из обращения, покупательная способность бумажных денег упадет. Тот же результат получится, если при неизменной сумме товарных цен будет увеличено количество находящаяся в обращении бумажных денег или возрастет скорость их обращения.

В целях поддержания покупательной способности бумажных знаков на одном и том же уровне, соответствующем их номиналу, государство должно иметь в своем распоряжении некоторый золотой резерв, предназначенный для размена излишков бумажных денег на золото. Как только вследствие понижения суммы товарных цен или вследствие чрезмерного выпуска бумажных денег в обращении образуется излишек бумажных денег, последние устремляются в казначейство, где и обмениваются на золото, и количество бумажных денег в обращении возвращается к норме.

Как бы ни колебалась сумма товарных цен, она (при нормальных условиях) ниже определенного уровня, который называется минимумом товарного обращения. То количество средств обращения, которые обслуживает минимум товарного обращения, никогда не может оказаться излишним. Поэтому часть бумажных денег, соответствующая этому минимуму, может выпускаться без всякого реального обеспечения. Только дополнительные выпуски бумажных денег могут оказаться излишними и потому требуют обеспечения золотом.

Эмиссия (выпуск) бумажных денег приносит государству вполне реальный доход. Выпуская не имеющие никакой стоимости бумажные деньги в пределах минимума товарного обращения, государство извлекает из национального продукта вполне реальные стоимости. Таким образом, эмиссия бумажных денег превращается в своеобразный скрытый налог на население (эмиссионный доход).

При выпуске бумажных денег сверх минимума товарного обращения государство так же, как в первом случае, извлекает реальные стоимости. Однако в случае, если выпущенная часть бумажных денег окажется излишней, государству придется выкупить ее и вернуть населению изъятые у него реальные стоимости. Эмиссия бумажных денег сверх минимума товарного обращения в условиях стабильности (устойчивости) бумажного знака превращается в беспроцентный заем, получаемый государством от населения.

Историческая практика выпуска бумажных денег. Обычно правительства прибегают к помощи бумажно-денежной эмиссии, когда расходная часть бюджета превышает доходную и тогда возникает необходимость изыскать дополнительные финансовые средства.

В этих затруднительных обстоятельствах правительство часто выпускает больше бумажных знаков, чем обращение способно поглотить, не имея при этом достаточных золотых резервов для изъятия излишков бумажно-денежного обращения. В результате происходит переполнение обращения бумажными деньгами, обмен бумажных денег на золото приостанавливается и покупательная способность денег падает. Первые выпуски избыточных бумажных денег лишь очень незначительно сказываются на их покупательной способности, так как население по инерции продолжает накапливать значительную часть эмиссии. В дальнейшем же, по мере падения покупательной способности бумажных денег, доверие к ним падает, и население, прекращая накопление бумажных денег, выбрасывает в обращение также и ранее накопленные средства. Таким образом, в сферу обращения переходят все большие и большие массы бумажных денег, хранившиеся до сих пор населением, и падение покупательной способности начинает обгонять рост эмиссии, т.е. возникает инфляция.

Нередко к инфляции приводит и снижение суммы товарных цен за пределы минимума товарного обращения (следствие – разрушение материального производства). Такое происходит в случае войны, революции, значительных стихийных бедствий. Эта ситуация требует изъятия из обращения не только той части бумажно-денежной массы, которая была полностью обеспечена золотом, но и некоторого количества бумажных знаков, входивших до сих пор в минимум и потому золотом не обеспеченных.

Инфляция разрывает кредитные связи. Никто не соглашается отдать деньги в кредит, не зная, во что превратится отданная сумма по истечении срока сделки. Далее нарушается нормальный ход накопления. Накоплять падающие в цене бумажные знаки можно только по недоразумению, а золото исчезает из обращения уже в начале периода инфляции. Сильно нарушается также и нормальное обращение товаров. Скопление в руках населения громадных масс бумажных денег вызывает несоизмеримый спрос на все товары. Цены на товары растут. Недостаток товаров обостряется тем более, что товары начинают выполнять функцию меры стоимости. При значительном развитии инфляции во все возрастающей мере развивается прямой обмен товара на товар без посредства денег, рынок дезорганизуется окончательно. Больше всего от инфляции страдают лица наемного труда (рабочие и служащие), получающие заработную плату в бумажных знаках. Повышение заработной платы не поспевает за ростом дороговизны, но, кроме того, наемному работнику приходится получать заработную плату один раз в неделю, в две недели или даже в месяц, расходует он ее ежедневно. За период, отделяющий момент получения от момента расходования денег, покупательная способность бумажных знаков

успевают упасть. Страдают также крестьяне, держатели всякого рода кредитных обязательств, лица, живущие на ренту. Наоборот, торговая и промышленная буржуазия может не только проиграть от инфляции, но даже использовать ее в своих интересах.

Система падающих бумажных знаков препятствует нормальному развитию экономики любого государства. Рано или поздно государство должно приостановить инфляционный процесс. Экономическая история породила несколько методов борьбы с инфляцией: метод дефляции, девальвации, аннуляции. Способ дефляции заключается в том, что правительство добивается постепенного равновесия между своими доходами и расходами. Оно накапливает (часто при помощи займов) большой золотой запас и приступает к выкупу излишних бумажных знаков, повышая их покупательную способность до номинала. Способ этот применяется в тех случаях, когда инфляция не успела еще достигнуть катастрофических размеров. Политика дефляции приводит к падению цен и повышению реальной заработной платы, а потому встречает острое сопротивление со стороны промышленной буржуазии, особенно той ее части, которая заинтересована в экспорте.

Способ девальвации заключается в том, что правительство, сбавив бюджет, прекращает выпуск бумажных денег. Если при этом сокращение суммы товарных цен прекратилось, это приводит к сокращению бумажного знака, т.е. к приостановлению его падения. Тогда объявляется снижение номинала бумажных денег или старые деньги обмениваются на новые твердые в соответствующих пропорциях (4 старых денежных единицы на 1 новую). Девальвация представляет собой частичное государственное банкротство, так государство открыто признает за собой неспособность расплатиться по обязательствам.

Под аннуляцией бумажных денег понимается полное их упразднение. Следует различать стихийную аннуляцию — когда падение бумажных знаков приводит к полному отказу населения принимать их. В этом случае бумажные знаки аннулируются сами собой. История свидетельствует и об организованной аннуляции, когда государство, подготовив почву для создания устойчивой денежной системы, объявляет все выпущенные ранее бумажные деньги недействительными и выпускает в обращение новые деньги. В этом случае мы имеем полное банкротство государства.

* * *

Сегодня финансовые потрясения снова заставляют вернуться к монетарным основам национальных денежных единиц (валют), из которых или на базе которых сформировались относительно стабильные денежные системы ведущих стран мира. В их рамках возник период «европейского просперити» с лидерством Британской империи, золотого стандарта и фунта стерлингов.

9.2.10. «Европейское просперити» под лидерством Британии:
эра золотого стандарта и фунта стерлингов,
первые мировые кризисы, империализм

Привязку монетных систем Запада к стоимости золота Ф. Бродель рассматривает как крупный шаг в стабилизации всего денежного обращения Европы, так как она предотвращала девальвацию расчетной монеты, которая «регулярно стимулировала подъем цен»⁹². Однако для того чтобы был введен золотомонетный стандарт, необходимо накопление определенных масс золота. Горнодобывающая промышленность, быстро утвердившаяся в странах Южной и Средней Америки с большими запасами серебра и золота (в Мексике, Перу, Бразилии), принадлежащих в то время Португалии и Испании, позволила им на некоторое время опередить своих европейских соперников в борьбе за овладение драгоценными металлами. Запасов золота было недостаточно на базе тех количеств этого металла, которые там добывались. Дело в том, что испанцам и португальцам не посчастливилось открыть сколь-нибудь значительные залежи рудного золота, а разработки россыпей не могли дать устойчивой и длительной добычи его. Правда, в конце XVII в. на первое место по добыче золота выдвинулась Бразилия, что позволило Португалии, владевшей тогда Бразилией, стать первой страной, которая официально ввела золотую денежную систему, отказавшись от серебра.

Введение золотого монометаллизма в качестве основы денежно-кредитной системы могла позволить себе только Британская империя. Около пяти столетий несколько конкурирующих государств Западной Европы делили между собой территории и пространства планеты. Испанию и Португалию в этом военном противостоянии вытесняет Голландия. К началу X–IX в. Голландия уступает первенство Англии, так как в это время начался спад мировой экономики, который Бродель относит к 1809–1810 гг. Это нашло свое выражение в кризисе последних лет наполеоновского режима; революции 1810 г. в Мексике, закрывшей для Европы приток белого металла, что нарушило экономический порядок во всем мире, от Китая до обеих Америк.

Победу одерживает экономически мощная Британская империя, опирающаяся на выгоды промышленной революции и англиканскую Церковь. Британская империя сложилась в период

⁹² Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 497.

между 1713– и 1813–1815 гг. После закончившейся войны за Испанское наследство Англия строит свою колониальную державу в упорной борьбе с Голландией, Португалией и Францией, а в первые десятилетия XX столетия – с Германией. Борьба с Испанией, тяжесть которой падает на вторую половину XVI в., заканчивается в последней трети XVII в. Борьба с Голландией происходит преимущественно в XVII в. В результате ряда войн Англия завоевала первенство на море, создавав предпосылки для захвата заморских стран как основу своего экономического могущества. При всей многообразности его проявления в исторической литературе выделяют следующие:

- непрерывно растущий внутренний спрос с привлечением изделий других стран (дорогостоящего импорта, выражаясь современным языком);
- высокий средний уровень дохода на душу населения ее жителей, в котором она уступала лишь маленькой богатейшей Голландии;
- колоссальный объем ее торговли и организация расширяющегося британского рынка;
- сформировавшаяся денежно-кредитная и финансовая структура, основанная на фунте стерлингов и банковской системе.

Промышленная революция превратила Англию в конце XVIII в. в «мастерскую мира», Лондон – в крупнейший центр мировой торговли, фунт стерлингов в международную валюту, банкиров Сити – в международных банкиров. Именно тогда английское величие породило громадный государственный долг как источник развития экономики нации, хотя выдающиеся экономисты того времени, в частности Дэвид Юм, считали государственный долг признаком слабости нации, утверждая, что «либо нация уничтожит государственный кредит, либо государственный кредит уничтожит нацию». Но история отвергла эти пророчества, а в последние десятилетия XVIII в. Пит Младший заявил в палате общин, что на государственном долге «покоится мощь и даже независимость этой нации». Этот государственный деятель оказался провидцем. Именно колоссальный государственный долг питает экономическую мощь современной супердержавы США, которая может использовать этот неисчерпаемый резерв своего развития потому, что доллар стал выполнять функцию мировых денег.

В тот период именно фунт стерлингов выступал в этом качестве, в качестве устойчивой золотой монеты, хотя на протяжении нескольких веков в Англии господствовал биметаллизм, где

наряду с серебрянной монетой с середины XIV в. в обращении появляются золотые монеты – соверены (15,47 граммов золота 994 пробы). С 1694 г. в Англии стали выпускаться банкноты, обмениваемые на золото, хотя эмитентом выступал частный банк. И это не случайно, так как золотой запас Британии был пополнен теми вливаниями, которые были связаны с разграблением колониальной Индии, включая и накопленные тысячелетиями ее сокровища кладовой мира.

В 1816 г. Англия не только фактически (1798 г.), но и юридически перешла к золотому монометаллизму. Денежной единицей здесь служит фунт стерлингов (соверен) – 7,4 грамма золота. Денежная эмиссия и хранение золотого запаса Великобритании сосредоточиваются в Английском банке, который, оставаясь частным банком, получил таким образом прерогативы государственно-го. В самом Банке Англии произошло разделение на два независимых департамента – банковский и эмиссионный. Пассив баланса эмиссионного департамента состоял из одной статьи – выпуска банкнот. В активе были золото и государственные обязательства. Эмиссия сверх золотого покрытия обеспечивалась государственным долгом. Другими словами, осуществлялась монетизация не частных, а государственных обязательств. Золотое обеспечение было отменено в 1914 г., а принцип монетизации государственного долга остался.

Введение золотого стандарта не означало, что деньгами были исключительно золотые монеты. Как раз наоборот, их доля в денежной массе сокращалась, а возрастала доля банковских денег – банкнот и текущих счетов в банках. Однако банковские деньги разменивались на золото по номиналу, что обеспечивалось золотым запасом центрального банка. Поэтому сначала в Англии, а затем в других странах были приняты законы, которые устанавливали обязательные нормы покрытия банкнот золотыми запасами и умеренного «подпитывания» товарно-денежного оборота казначейскими (бумажными) деньгами⁹³. Золотомонетная система предполагала свободную чеканку полноценных золотых монет для любого владельца, реальную циркуляцию золотых монет во внутреннем денежном обращении, неограниченный обмен денежных заменителей, включая бумажные деньги, на металл по

⁹³ Инфляционные бумажные деньги были оттеснены на периферию мира или использовались в таких особых случаях, как Гражданская война 1891–1865 гг. в США.

твердым паритета́м при беспрепятственном вывозе золота за границу и ввозе его в страну. Таким образом, обеспечивалась максимально возможная свобода выбора и действия владельцев денег при операциях на внутреннем рынке и за рубежом, включая автоматический и эквивалентный обмен национальных денежных единиц друг на друга. При золотом стандарте валютный курс, т.е. цена денежной единицы одной страны, выраженная в денежных единицах другой страны, определялась золотым паритетом, т.е. золотым содержанием денежных единиц при транспортировке ее в другую страну и обмене на необходимую национальную денежную единицу. В условиях золотого стандарта *золото было и национальными деньгами и валютой, включая денежные резервные активы государств*. Функции банков состояли в выпуске банкнот, способных в любой момент быть обмененными на золото по желанию их держателей.

В этот период повышается роль эмиссионных банков, которые пользуются правом выпуска банковских билетов (банкнот)⁹⁴. Эмиссионные банки являлись главными хранилищами золотых и валютных резервов страны. Таким правом первоначально пользовались многие банки, но к концу XIX – началу XX вв. выпуск банкнот в большинстве стран сосредоточивается в одном руководящем банке. В некоторых странах наряду с эмиссионными банками правом эмиссии пользовалось и ограниченное число других банков. Удельный вес их эмиссии в денежном обращении стран был незначителен. Эмиссионные банки устанавливали высоту учетного процента, оказывая в случае нужды поддержку коммерческим банкам, и вообще регулировали денежную систему страны. Поэтому эмиссионный банк получает название «банк банков». Хотя некоторые эмиссионные банки занимались также обычными, преимущественно краткосрочными коммерческими, операциями, но эти операции все больше отступали на задний план по сравнению с регулирующей ролью эмиссионных банков. В ряде стран (Швеция, Япония) эмиссионные банки возникли как государственные учреждения, в некоторых странах они были формально самостоятельными предприятиями – полугосударственными, но действующими под непосредственным контролем государства (Рейхсбанк в Германии, Французский банк).

⁹⁴ Разменные банкноты выпускались в ограниченном количестве и обеспечивались разменным фондом металлических денег. Неразменные банкноты фактически обеспечивались размерами вексельного кредитного обращения. Размеры и формы обеспечения в разных странах была неодинаковыми.

Европейские страны (Германия, Франция, Италия, Бельгия, скандинавские государства) перестроили свое денежно-валютное хозяйство на золотую основу в 70-х годах XIX столетия (в России в это время был установлен серебромонетный стандарт). Накануне Первой мировой войны насчитывалось 44 страны и территории, где обращающиеся банкноты беспрепятственно разменивались на золото, и 15 стран, где такой размен гарантировался на другие денежные единицы, свободно размениваемые на металл. Существенной спецификой обладала в XIX в. лишь денежная система США, где по закону 1863 г. в качестве обеспечения эмиссии использовались облигации федерального правительства или правительства штатов (см. параграф 10.4).

Золотой стандарт, утвердившийся в главных капиталистических странах, обеспечивал устойчивость денежного обращения, свободу переливов капиталов между странами и международных платежей, неограниченный обмен национальных валют и движение валютных курсов в пределах «золотых точек», осуществление многосторонних расчетов. Золотые точки – это главный элемент механизма рыночного регулирования валютных курсов в условиях золотого стандарта. *Золотыми точками называют пределы отклонения рыночного курса валюты от золотого паритета (узаконенного содержания золота в национальной денежной единице).* Механизм золотых точек имел важное значение не только и не столько для отдельных сделок, сколько для урегулирования сальдо балансов платежей между странами, в результате чего происходило перемещение золота из страны в страну и перераспределение его между странами. При «золотом стандарте» потоки золота представляли собой рыночный корректирующий механизм в международных экономических отношениях, позволяющий ликвидировать дефициты и излишки платежных балансов. Когда курс экспортной валюты страны падал до нижней «золотой точки», т.е. до такого значения курса, при котором становилось выгодно расплачиваться золотом, а не иностранными валютами, происходил отток золота из страны. В самой первой постановке, которая прозвучала у Д. Юма, утечка золота из страны с дефицитом платежного баланса просто уменьшала в ней количество денег. Это, в свою очередь, вызывало в стране снижение общего уровня цен по сравнению с ценами в других странах. Такие изменения относительных уровней цен делали экспорт из стран более конкурентоспособным за границей, а импорт – менее

конкурентоспособным внутри страны, что влекло за собой благоприятное изменение торгового баланса и улучшение платежного баланса страны. В теоретической постановке этот процесс должен был продолжаться до тех пор, пока платежный баланс вновь не достигнет равновесия.

Золотые валюты не исключали колебания цен в ходе экономических и финансовых кризисов, несопоставимых, однако, с их масштабами при бумажно-денежном обращении, не опирающемся на размен банкнот на золото. При этом взаимные колебания валют, определявшиеся их золотым содержанием, даже при кризисах оставались почти неизменными, составляя 1–2%. Девальтации национальных денежных единиц не были тогда средством экономической политики, так как колебания валютных курсов были главным механизмом, управляющим международным движением золота. При относительно низком курсе национальной валюты становилось выгодным вывозить золото из страны. При высоком курсе – ввозить.

По сути дела единственным орудием воздействия центрального банка на денежную систему страны была учетная ставка, т.е. процент, под который он кредитовал коммерческие банки. Этот кредит предоставлялся главным образом путем учета и переучета векселей, что означало покупку центральным банком долговых обязательств до истечения их срока с соответствующей скидкой с номинала (дисконт). Путем повышения учетной ставки центральный банк защищал свой золотой запас. При высоких процентных ставках коммерческим банкам и предпринимателям было невыгодно получать ссуды и обменивать на золото, банкноты и деньги, находящиеся на банковских счетах. Кроме того, высокие процентные ставки могли привлечь капитал из-за границы, а вместе с ним и приток золота. Но вместе с тем высокие процентные ставки могли негативно сказаться на предпринимательском климате внутри страны. При низких учетных ставках предприниматели еще могли как-то «выкрутиться» из сложного финансового положения в кризисной обстановке, а при высоких ставках они лишались такой спасительной ниточки, что приводило к их банкротству. Следствием этого было уменьшение капиталовложений, падение спроса на товары производственного назначения и рабочую силу, рост безработицы и всех сопутствующих ей явлений.

В целом же приток золота в денежные системы европейских государств и переход многих государств к золотому стандарту

сопровождались бурным экономическим ростом. Лидировала Великобритания. Фунт стерлингов играл главенствующую роль в международных экономических связях, а Лондон издавна считался главным финансовым центром мира. При этом фунт стерлингов в международных расчетах стал называться стерлингом, чтобы отличить эту денежную единицу от валют других государств, использовавших фунт как основу своих денежных систем. Многие государства держали свои валютные резервы в английских банках и государственных ценных бумагах. Курс стерлингов отличается большой устойчивостью, он занимал лидирующую позицию в мировой экономике в XVIII и XIX вв. Накануне Первой мировой войны около 80% всей мировой торговли осуществлялось в английской валюте. К фунту стерлингов были привязаны валюты стран Британской империи, которая охватывала огромные территории на всех континентах мира, образовав стерлинговую зону. В то время большинство стран, широко участвовавших в международной торговле, имели крупные стерлинговые резервы в качестве международных валютных резервов.

В эру господства фунта стерлингов как мировых денег и накопления в европейских странах золотых резервов (вторая половина XIX в.) происходят кардинальные изменения в платежных балансах закрытых экономик европейских государств. Они нашли свое выражение в изменении тысячелетней отрицательной динамики, связанной с отливом драгоценных металлов из Европы. Платежные балансы европейских государств становятся *положительными*. Рост доходов от владения акциями, государственными и другими ценными бумагами привел к росту в европейских государствах слоя людей, живущих доходами с этих бумаг и не имеющих отношения к производству, так называемых рантье. Совершенствуется денежный механизм, который связан с поддержанием «ножниц» цен на предметы колониального экспорта и импорта, постоянным изъятием части национального дохода, создаваемого в зависимых странах, в пользу европейских государств в форме прибылей, дивидендов, процентов на вложенный капитал, налогового бремени (колониальная дань) и доходов от внешней торговли. На этой основе создаются *государства-рантье* (Англия, Франция).

Интенсивное включение ссудного капитала в качестве опосредующего звена в интеграции мировой экономики началось с середины XIX в. до Первой мировой войны. По всему миру строятся

железные дороги, пришла эра пароходов, в Западной Европе и Северной Америке образуются крупные предприятия, акционерные общества, складываются банковские системы. Мировая торговля начинает объединять страны и континенты⁹⁵. В основе перемен лежали многочисленные факторы, связанные, с одной стороны, с улучшением средств связи: распространением телеграфа, железных дорог, резким снижением транспортных издержек в сочетании с беспрецедентной массовой миграцией. С другой стороны, с быстрым развитием финансовых рынков, распространением золотого стандарта в период консолидации Британской империи и ускоряющегося развития лондонских финансовых рынков.

Эра «европейского процветания» уже в этот период породила первый в истории мировой финансовый и экономический кризис 1857–1858 гг. Он начался в США и сильно ударил по Франции и Германии, но более всего поразила Великобританию (в Европе его соотносят с окончанием Крымской войны в 1856 г. и обусловленной этим изменением экономической ситуацией). Началу кризиса предшествовали бум и разгар спекуляций.

Объектами спекуляций были: в США – акции железнодорожных компаний и раздаваемые государством земельные участки, в Великобритании – железные дороги и зерно; в странах континента – опять-таки железные дороги и акции предприятий тяжелой промышленности. Расширение денежной массы, которая требовалась для разгона спекуляции, обеспечивалось: в США – притоком золота и ростом межбанковских операций; в Великобритании – слиянием банков и межбанковскими операциями; на континенте – операциями банка «Кредитмобилье» и новых германских банков. Однако кризис, достигший пика на рубеже 1857–1858 гг., к лету этого года был преодолен без особых социальных потрясений благодаря притоку ликвидных средств, которые помогли сначала ослабить, а затем изжить кризис. Эти ликвидные средства образовались: в США благодаря поступлению капитала из Великобритании; в Великобритании – благодаря временной отмене банковского акта 1844 г., жестко ограничивающего эмиссию банкнот Банком Англии; в Германии – путем дополнительного поступления серебра. По традиции считается,

⁹⁵ Миграция капиталов происходила в нескольких формах: предпринимательской деятельности, т.е. создания индивидуальных предприятий (промышленного, торгового, кредитного и т.д.), путем внешних займов (государственных или коммунальных) или кредитования предприятий данной страны иностранными банками путем размещения на иностранных рынках этих предприятий.

что развязка кризиса наступила в Гамбурге, когда прибыл «серебряный поезд», доставивший серебро, предоставленное в кредит Австрией. Оно помогло расширить неплатежи.

Этот кризис вплоть до Великой депрессии 1930 г. как бы сам расчистил себе дорогу для подъема экономики, устранив слабые банки и предприятия и дав дорогу более сильным. «Благополучно пережив кризис 1857–1858 гг., капитализм вступил в эру нового интенсивного роста...Этот рост имел много черт сходства с описанным выше, но в итоге к переломному 1914 г. мир выглядел совсем иным, чем полвека назад»⁹⁶. Кризисы XX столетия будут иметь другую природу, а на мировую арену выходит бумажная валюта, при которой роль всеобщего эквивалента начинают играть не золото, а неразменные на золото банкноты и бумажные деньги, которые как бы являются знаками золота, замещающими их в функциях средства обращения и средства платежа. В этой среде и рождается доллар США как мировые деньги. Но они появились уже в рамках четвертого метаисторического цикла Западной цивилизации, где лидирующую роль стали играть Североамериканские Штаты Америки с «воинствующим монетаризмом» как их социальной религией и долларовым механизмом реализации (вторая половина XIX в. – 70-е годы XX в., что будет предметом анализа в других разделах этого исследования).

А здесь необходимо остановится на тех новых чертах, которые приобрели денежные и рыночные отношения к концу XIX столетия. Этот период содержательно освещен в марксистско-ленинской социологии, которая сейчас «не в моде» у либеральных обществоведов. В марксизме он назван империализмом. Это «капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами», – писал В.И. Ленин. Определение, по нашему мнению, точно отражает эту стадию развития экономики Западной цивилизации и поэтому нет оснований от нее отказываться. Начало эпохи империализма относится к 70-м годам XIX в., но особенно отчетливо ее черты выявляются к концу 90-х годов, когда произошли Англо-бурская и Испано-американская войны.

⁹⁶ Аникин А. История финансовых потрясений. С. 92.

Основными чертами экономики эпохи империализма являются развитие крупного производства, небывалая концентрация и централизация капитала и образование монополистических организаций, которые подчиняют себе целые отрасли производства. Эти организации могут принимать форму картелей, синдикатов и трестов, ставящих себе целью устранение конкуренции и повышение цен⁹⁷.

Эти монополистические организации приобретают еще больший размах благодаря новой роли, которую начинает играть банковский капитал. Банки из посредников между рынком свободного капитала и производства превращаются в могущественные организации и начинают подчинять себе промышленность. Банковский капитал срачивается с промышленным, образуя новое явление, получившее название *финансового капитала*. «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью – вот история возникновения финансового капитала, содержание этого понятия» (Ленин). Наряду с этим идет укрепление самого банковского капитала. Из большого количества мелких банков путем слияния вырастает небольшое кучка гигантских банков, располагающих колоссальной сетью отделений и сотнями миллионов вложенных капиталов. Связь банковского капитала с промышленным выражается в том, что банки берут на себя финансирование и основание промышленных предприятий и выступают в качестве владельцев акций и акционерных обществ. Они получают право посылать своих представителей в правление и контрольные органы крупнейших промышленных предприятий. Создается персональное объединение крупнейших банков и монополистической промыш-

⁹⁷ Большого развития картели достигли в Германии, где они начинают возникать еще в 70-х годах, а к концу 90-х захватывают целый ряд отраслей промышленности. Существование синдиката, как правило, влечет за собой вмешательство в производственную деятельность отдельных предприятий и представляет переходную форму к полному слиянию нескольких предприятий в производственном и коммерческом отношениях. В этом случае возникает трест. Особенно нужно отметить так называемую вертикальную комбинацию, объединяющую добычу сырья, производство полуфабрикатов и готовых продуктов. Монополистические организации принимают все меры, чтобы устранить конкурентов и заставить их либо прекратить производство, либо войти в общую организацию. Для этого картели и тресты снижают цены с целью вытеснить противника, оказывают давление на поставщиков сырья, вступают в соглашения с владельцами железных дорог.

ленности. Таким образом, создается могущественная *финансовая олигархия*, которая держит в своих руках экономическую жизнь страны и решает ее политические судьбы.

Другой чертой экономики империализма является растущее значение вывоза капиталов. В предшествующую эпоху на первом месте стоял вывоз товаров. Но уже и тогда ссудный капитал играл значительную роль в образовании колониальных предприятий и концессий, а также в железнодорожном строительстве. В этот период вывоз капитала осуществляется в форме *финансового капитала*. Он направлялся туда, где наблюдались высокие темпы роста населения и высокие коэффициенты иммиграции, опиравшейся на обеспеченность природными ресурсами. История колониального расширения Британской империи распадается на периоды: господства торгового капитала, приблизительно до 1813–1815 гг.; промышленного капитала – до 1870–1871 гг.; финансового капитала в последующие годы XIX в. и все последующие годы XX столетия.

В целом в период с 1870 по 1913 гг. наблюдались не имевшие раньше прецедентов в истории уровни международных потоков капитала. Эти потоки зачастую имели долгосрочный характер и финансировали основные инфраструктурные проекты во многих больших и пользующихся доверием странах-заемщиках. Движущей силой этих потоков было желание инвесторов в индустриальных странах вкладывать средства в страны с потенциально высокими темпами экономического роста, и не было примеров потоков капитала в обратном направлении. Крупнейшим экспортером капитала были Великобритания (50% всего оттока капитала), Германия, Нидерланды и Франция, которые имели положительное сальдо счета текущих операций. Основными импортерами с 1870 по 1913 гг. были Аргентина, Австралия, Канада и Соединенные Штаты, которые имели длительные дефициты счета текущих операций. Австралия, Аргентина, Канада и США были получателями потоков британского капитала. Капитал из Франции и Германии направлялся, в основном, в Россию, Турцию и другие европейские страны.

Начиная с 70-х годов учащаются и увеличиваются захваты колониальных владений. В течение нескольких десятилетий вся Африка была разделена между капиталистическими державами. С 1870 по 1902 гг. Англия приобрела новых владений с 88 млн населения. Франция за этот время создала колониальную импе-

рию в Африке, завоевала Индокитай. Уже к концу XIX в. не осталось не колонизированных пространств планеты⁹⁸. Дальнейшие захваты означали передел уже захваченного, и это приводит к невероятному обострению противоречий между капиталистическими державами и их борьбе, что выражается в колоссальном росте сухопутных и морских вооружений. Эпоха империализма становится эпохой непрерывных конфликтов между капиталистическими государствами. Неизбежным конфликтом стала война 1914–1915 гг.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что марксисты правы: 90-е годы XIX столетия – новый этап в развитии рыночных связей и денежных отношений государств Западной цивилизации, органически включающий в себя геополитический фактор и военное противостояние империалистических держав друг другу. Однако выводы о том, что этот этап должен был означать гибель капитализма, преждевремен и неверен. Как показало последующее столетие, именно в рамках Западной цивилизации капитализм обрел свое второе дыхание на базе своей дочерней структуры – Соединенных Штатов Америки, которые стали лидером ее четвертого многовекового цикла развития.

⁹⁸ Англия к концу XIX в. увеличила свои колониальные владения на 10 млн кв. км за счет Африки: Золотой Берег, остров Соко트라, Трансвааль, Египет и Египетский Судан, часть Сомали, Бечуаналенд, Занзибар, Ньяса, Уганда, Ашанти, Северная и Южная Нигерия, Кения. В других частях земного шара – острова Фиджи и Тонга, Кипр, Малакка, северная часть острова Борнео и др. Франция за тот же период приобрела 10 млн кв. км преимущественно в Африке: Тунис, Мадагаскар, ряд областей в Западной и Экваториальной Африке: Сенегал, Французскую Гвинею, Берег Слоновой Кости, Дагомею, Верхний Сенегал и Нигер, Габон, Убанги-Шари, территории, прилегающие к озеру Чад и др., Марокко (протекторат); в Индокитае: Тонкин, Кохинхин, Аннам, Камбоджа, Лаос. США захватывают Гавайские острова, Порто Рико и Филиппинские острова, Гуам, а также финансовый контроль в Либерии (Африка). Бельгия аннексирует Конго, приобретая территорию в 2,05 млн кв. км. Италия укрепляется на Красном море (Абиссиния, Массова) и захватывает у Турции Триполитанию и Киренаику. Япония захватывает у Китая остров Формозу, а в 1910 г. окончательно присоединяет Корею к своим владениям. Германия, выступив на путь колониальных завоеваний только в 80-х годах XIX в., за короткий срок успевает приобрести в Африке, Азии и Австралии территорию около 3 млн кв. км Того, Камерун, Германскую Восточную Африку, Германскую Юго-Западную Африку, восточную половину острова Новая Гвинея и острова Каролинские, Маршалские и Марианские.

Глава 10

НАЧАЛО ЧЕТВЕРТОГО МНОГОВЕКОВОГО ЦИКЛА ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: США – МОДЕРНИЗИРОВАННЫЙ ВАРИАНТ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА. ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ, ДОЛЛАР КАК МОНЕТАРНОЕ ОРУЖИЕ (XIX – 70-е годы XX вв.)

10.1. «Американская идея» в контексте «воинствующего монетаризма» как социальной религии и власти олигархического капитала США

10.1.1. Религиозная доминанта в столетиях становления США: от протестантизма к воинствующему монетаризму

Соединенные штаты Америки возникли как дочерняя структура Европы в рамках Западной цивилизации. И вместе с тем в идеологическом и социально-экономическом отношении она приобрела многие черты, которые отличали ее от прародительницы. Поэтому США следует рассматривать как модернизированный вариант Западной цивилизации, как бы переработавший все социально-экономическое и религиозное наследие альма-матер и в XX в. заявивший о себе как о лидере Западного мира с претензией на мировое господство. Его особенности обусловлены и месторазвитием, и социумом, который возник на этой территории с его религиозно-духовными устоями.

Месторазвитие. Вопрос о возникновении Соединенных Штатов Америки как дочерней структуры Западной цивилизации необходимо связывать с теми общими антагонистическими тенденциями в развитии мирового сообщества, которые были начаты европейцами еще в XV в. и нашли свое выражение в создании первых колониальных империй (см. параграфы 7.2, 3, 4). «Завоевание Нового Света – это была также экспансия европейской цивилизации во всех ее формах, поддерживавшая и гарантировавшая экспансию колониальную», – подчеркивал Ф. Бродель¹.

Организаторами колонизации выступили торговые компании или аристократы, получавшие от короны наследственные права

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 60.

на заселяемые земли в непосредственном подчинении назначаемым правительством губернаторам. Колонизация нынешней территории США началась с атлантического побережья в середине XVI в. (в Европе – это время кровопролитнейших религиозных войн). Ее начали англичане и голландцы. В 1587 г. была основана первая английская колония в будущей Виргинии. В 1620 г. «отцы-пилигримы» – броунисты (радикальное течение в пуританстве) основали колонию Плимут в Массачусетсе. Затем в историю колонизации вторгается колония на острове Манхаттан Новый Амстердам, которую в 1626 г. голландцы купили за бесценку у алгонкинского племени охотников и рыболов ваингов в устье реки Гудзон. В 1664 г. колония была завоевана англичанами и была названа Нью-Йорком. Власть в Нью-Йорке в последующее десятилетие попеременно переходила от англичан к голландцам, но затем Вестминстерский мир (1674 г.) окончательно утвердил за Англией эти голландские колонии.

В целом область между Атлантическим океаном и рекой Миссисипи была колонизирована уже к середине XVIII в., но до второй половины XIX в. колонизация почти не распространялась к Западу от Миссисипи, за исключением южного берега ее. Западные границы заселения к этому времени совпадали примерно с границей лесной восточной зоны США. На остальной территории вплоть до Тихого океана число колонистов не достигало и 200 тыс. человек. За период 1840–1920 гг. центр населенности передвинулся в США от Востока к Западу на расстояние около 600 км. На начало 30-х годов XX в. на всей площади между Великими озерами, рекой Миссисипи, Атлантическим океаном и Мексиканским заливом, составляющей немногим более 1/4 (29%) территории США, жило почти 3/4 (71%) всего населения. Однако даже на этой наиболее благоприятной по природным условиям территории плотность населения далеко не достигает средней плотности населения западных стран: она в 2 раза ниже плотности населения во Франции и Польше (74 и 76%, соответственно) и приближается к плотности населения северо-восточных районов Европейской части бывшего СССР (31 человек на 1 кв. км). Что же касается всей остальной территории США, превышающей почти на 1 млн кв. км Европейскую часть бывшего СССР, то плотность населения ее (6,3 человек на 1 кв. км) надо сравнивать с сибирскими областями или странами Южной Америки и Африки.

Процесс колонизации северо-американских территорий европейцами одновременно дает возможность понять особенности

социума, который возник на этом пространстве, и по этическому составу и по своей ментальности отличающегося от европейского. Он возник на обширных территориях Североамериканского континента, «освобожденных» от коренных жителей. Этот социум образовывался иммигрантами разных национальностей, разной культуры, которые в силу ряда причин порвали со своим европейским прошлым. Массовый систематический и закономерный характер иммиграция принимает лишь в условиях совершенствования средств сообщения. Добровольная иммиграция за сто лет 1820–1928 гг. дала около 40% населения. Больше всего было выходцев из Центральной и Восточной Европы, главным образом из Германии, далее из Великобритании, Ирландии и Скандинавских стран и Южной Европы (главным образом, Италии). За полтора столетия население США выросло в 30 раз (с 3,93 млн человек в 1790 г. (первая перепись) до 120,0 млн человек в 1928 г.). Даже к началу XX в. около 50% населения составляли граждане, родившиеся за пределами США. «Если Европа отягощена своим прошлым и историей, то Америка, свободна от всего этого... Сознание американцев вряд ли отягощено знанием исторических деталей... Можно определить такой тип сознания, как *внеисторический*. Это когда через людей проходит не прямая, связывающая воедино прошлое, настоящее и будущее, а луч, начало которого переносится каждый раз в новый день»².

Если рассматривать иммиграционные потоки переселенцев с точки зрения стимулов, которые их привели в Новый Свет, то можно подразделить их на две группы, каждая из которых отрицала или религиозные, или социально-экономические и правовые условия жизни в Старом Свете. Главные причины эмиграции из Европы в Америку – земельный голод, аграрная перенаселенность, безработица, разница в уровне жизни, национальный и политический гнет, ущемление национальных меньшинств, среди которых значительную часть составляло еврейское население. И все же в большинстве своем иммиграционные потоки формировались за счет тех страт населения, которые именно крайняя нужда заставляла бросать землю своих предков и отправляться за океан, в неизвестность, за лучшей долей прежде всего в *материальном плане*. Опора на собственные силы в борьбе за свое благополучие была главным принципом самоутверждения иммигрантов. Причем переселенцы сразу же были включены в международные

² Чекалина А.П. Темнее всего перед рассветом. М., 1999. С. 527–528.

денежные связи, образуя хозяйственные анклав, ориентирующиеся на мировой рынок. Бродель, выделяя особую роль плантационного рабства в быстром экономическом развитии Нового Света, подчеркивал его связь с интенсивно развивающимися денежными системами Западной Европы: «Деньги, кредит, торговля, обмены привязывали их к восточному побережью океана. Все управлялось на расстоянии, а именно из Севильи, Кадиса, Бордо, Нанта, Руана, Амстердама, Бристоля, Ливерпуля, Лондона»³.

Хозяйственная самодеятельность населения заантлатических колоний европейских государств приводила к развитию его политической самостоятельности. Еще в первой половине XVII в. многие колонии добились права избирать представительные собрания, созыв которых постепенно сделался общим правилом, и представители центральной власти – губернаторы – стали в зависимость от колонистов. Стюартами была сделана попытка направить промышленное развитие ряда отраслей производства в интересах английского капитала, принудив их к торговле исключительно с Англией, и установить ряд налогов и пошлин односторонними постановлениями английского парламента, в котором колонисты не были представлены. Они были отвергнуты и привели к объединению колоний.

Конгресс делегатов английских северо-американских колоний, заседавший преимущественно в Филадельфии (1774–1781 гг.), *объявил независимость восставших северо-американских колоний от Англии 4 июля 1776 г.*⁴ (В 1781 г. Континентальный конгресс обратился в конгресс Конфедерации.) Первым президентом новой республики стал Джордж Вашингтон, вождь армии Штатов во время борьбы за независимость. «Светоч Великой демократии» США изначально организован согласно идеям Джефферсона. Эта форма государственности, которая нашла свое отражение в Конституции США, принятой 17 ноября 1787 г., родилась в обществе, где властные формы управления не могли основываться на идее суверенитета нации, так как здесь не было государственно-образующей нации в силу иммиграционного ее состава, дис-

³ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 259.

⁴ В подготовке Конгресса и его документов громадную роль играл Вениамин Франклин, а Джордж Вашингтон был главнокомандующим силами северо-американских колонистов в войне за независимость (1775–1783 гг.) против Англии и первым президентом Соединенных Штатов (1789–1797 гг.)

криминации индейцев и бесправного положения негров⁵. Борьба с индейцами тянулась свыше двух с половиной столетий и привела к постепенному их вытеснению на Запад до берегов Тихого океана или в специально отведенные для них территории – резервации. Индейцы были большей частью варварски истреблены, тем более, что они не выдерживали тяжелых условий рабского труда. Что касается негров, то расизм и расовая сегрегация приобрела самые кровавые формы. Это и суды Линча, и правовая дискриминация части населения США. Действительно, состав населения, но не социума США, образовывался за счет негритянского этнического компонента, попавшего на этот континент из Африки в качестве рабов. В середине XIX в. негры составляли около 16% населения США, сосредоточены они были на Юге, где в некоторых штатах их было около половины населения. К началу XX в. их доля сократилась до 10% в связи с большим притоком европейцев. Но они стали важными составными частями американского социума даже не после отмены рабства и многочисленных попыток их уравнивания с белым населением в XIX в.⁶, а только в середине XX в.⁷

В рамках этого социума рождается *религиозно-духовная доминанта*, отличная от той, на которой создавался европейский вариант Западной цивилизации. Напомним, что там столетиями этот климат определялся католичеством и Римской Церковью. Здесь эту роль на себя взяли различные ветви *протестантизма*. Первые колонии в Северной Америке как Штаты (State–Staate) – это государства, созданные протестантами, которые не призна-

⁵ По этой Конституции в стране правят Парламент и Президент. Страна разбита на штаты, т.е. государства. Первоначально штатов было 13, а к XX в. их стало 48 за счет образования у индейцев и мексиканцев новых территорий, на которых образовались новые штаты.

⁶ Конституция США с 1791 по 1920 гг. была дополнена 19 новыми статьями, из которых главные – 13-е изменение от 18.XII.1825 гг. об отмене рабства, 15-е от 30.III.1870 г. об отмене рабства, 15-е от 30.III.1870 г. об уравнивании «цветных» в правах с белыми и 19-е 26.VIII.1920 г. о предоставлении избирательных прав женщинам.

⁷ Негроидная составляющая этого социума на первых этапах колонизации не могла принимать участие в формировании религиозно-духовного климата и в силу своего бесправного бытия, и в силу того, что они не принесли с собой из Африки некое сформированное религиозное верование, так как они попадали в сети работорговли из разных племен с их примитивными верованиями, не синтезированными еще в какую-то более или менее стройную религиозную доктрину.

вали идеи англиканства и были поставлены перед дилеммой: быть казненными или бежать. Численность англичан, вынужденных бежать или сосланных за океан, по разным данным, колебалась от 100 до 300 тыс. человек.

13 разных протестантских конфессий создали каждая свое государство-штат, так было образовано будущее ядро США. В США во время революции было провозглашено отделение церкви от государства, вместе с тем во многих штатах долго преследовался атеизм, оказывалось покровительство преимущественно протестантским вероисповеданиям. И хотя каждая ветвь иммиграционного потока в своей бытовой жизни сохраняла веру своих предков, было то общее, что их объединяло. Это была борьба за *материальное благополучие*, которого им так не хватало на родине. Новый Свет предложил им протестантскую хозяйственную этику, уже сложившуюся в этой части мира, суть которой состояла в замене града Божия на Земной Град Прогресса и материального благополучия. Напомним, что еще М. Вебер подчеркивал роль протестантства как религиозного стимула раннего капитализма. «Западный капитализм вступил на арену истории со своим глубинным обоснованием. Религиозное творчество Европы, вызвавшее необходимость Реформации, породило особый тип мирской аскезы (ограничения личных потребностей для развития производства), непосредственно связанной с рыночно-денежным механизмом.

Жесткий разделительный принцип преломился в общественной этике: с одной стороны, успешные, трудолюбивые те, кто активно и плодотворно внедрил себя в производство и источники добычи материальных благ (как бы предопределенные “к спасению”), с другой, – те, кто оказались слабы, неудачливы, неповоротливы, значит, недостойны – и для них милосердствовать, жалеть их (предопределенных “к гибели”), растравлять сердце по поводу социальной несправедливости и неравенства»⁸.

Заметим, что к этому времени изменяется духовная атмосфера европейского Запада, человек становится свободным от мучительного чувства своей греховности, которое его явно тяготило, обращая внимание на свое материальное бытие – *здесь и сейчас, а не в загробном мире*. Это материальное толкование религиозных канонов западного христианства пустило наиболее глубокие корни среди разнообразных сект в Англии. Радикальное сек-

⁸ Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. М., 1994. С. 354.

тантство, с которым боролся английский абсолютизм, сыграло громадную роль на первоначальных этапах колонизации⁹.

Нельзя не выделить большую роль в деле колонизации квакеров – религиозной секты, возникшей в XVII в. в Англии и называющей себя «обществом друзей». Отказ платить церковную десятину, отрицание насилия и войны вызвали в эпоху реставрации Стюартов репрессии против квакеров, что привело к массовой эмиграции населения, исповедующего эти постулаты, в Северную Америку. Квакеры отвергали официальную церковную организацию, духовенство и внешнюю обрядность, проповедовали воздержанный образ жизни. Молитвенные дома квакеров лишены каких бы то ни было украшений. Устройство их общин демократично: верующие выбирают из своей среды должностных лиц. Характерно, что в течение XVIII в. воздержанный образ жизни квакеров был одним из главных факторов накопления денежных средств для развития производства. Не случайно из их среды вышли ряд банкиров. Один из видных их представителей банкир Вильям Пенн получил даже наследственные владетельные права на колонию, по его имени названную Пенсильванией, где была допущена ради привлечения населения широкая религиозная веротерпимость.

Кровавые начала фаустовского мировосприятия в Западной цивилизации, где изначально были сняты границы между Добром и Злом, в Новом Свете получили свое дальнейшее развитие. Причем, если в европейской ауре они были связаны с включением в ментальность населения языческих религиозно-этических норм, то здесь они были связаны с протестантским мировосприятием. Именно наиболее радикальные протестантские секты самыми жестокими способами «очистили» Северную Америку от коренных жителей для создания модели подлинного Запада¹⁰.

Протестантская доминанта первых переселенцев Нового Света стояла у истоков образования новой социальной религии этого общества – *воинствующего монетаризма*. Выявление этой реалии в жизни мирового общества XXI в., предполагает обращение к религиозно-духовным нормам Западной цивилизации в евро-

⁹ Диссентеры – последователи сект, отделившихся от государственной Церкви в Англии (просвитериане, баптисты, квакеры и др.), которые актом 1662 г. были лишены прав государственной службы; полноправие диссентеров было установлено лишь в 1828 г.

¹⁰ В романах Майна Рида, Фенимора Купера, Коннан Дойла, не говоря уже о голливудских версиях завоевания Америки, героизируется этот период, где подчеркиваются «цивилизационная миссия» англичан и французов, их благородство в борьбе против «краснокожих» и их варварских обычаев и нравов.

пейском ее варианте и ее трансформации в североамериканском. Что выработала тысячелетняя духовная жизнь Западной цивилизации в ее европейском прошлом и ее фаустовском начале в третьем метаисторическом цикле? Во-первых, акцент на самоутверждение человеческой личности и мобилизацию ее волевых качеств без оглядки на те силы Инобытия, которые за ней стояли – Добра или Зла. Во-вторых, возникновение социальных религий (идеологических теорий, с ними соседствующих или их заменяющих), которые возвели гражданскую и экономическую свободу в ранг высших ценностей в эволюции человечества, связав ее с индивидуализмом и частной собственностью, оттеснив теистические церкви на второй план (см. параграф 4.2).

Обе эти стороны европейского духовного наследия не только полностью прижились, но и получили дальнейшее развитие в Новом Свете с опорой на протестантизм. Современные реалии говорят о том, что рыночные связи и денежные отношения проникли в те сферы человеческого бытия, которые ранее были ему не подвластны (материальные и нематериальные), включая духовные интенции человека. И поэтому его можно рассматривать как социальную религию. Это особое явление общественной жизни в условиях глобализма отмечают многие социологии и философы. «Монетаризм – больше, чем одно из экономических течений. Он является, может быть, самой агрессивной доктриной, требующей пересмотра самых основ человеческой культуры»¹¹, – пишет один из современных отечественных социологов В. Панарин. А эта общественная психология могла возникнуть в условиях включения сознания населения в хаос рыночного механизма. Психология людей становится иррациональной, и не случайно феномен массовой психологии становится важнейшим элементом экономики и финансов. «Рыночные фундаменталисты, – утверждает финансовый магнат Дж. Сорос, – трансформировали аксиоматическую, нейтральную по отношению к человеческим ценностям, теорию в идеологию, которая оказывала и продолжает оказывать мощное и опасное воздействие на поведение людей в политике, бизнесе, обществе»¹². Немецкий философ Г. Зиммель в работе «Философия денег», изданной в конце 90-х годов прошлого столетия, показывая глубокую внедренность денежных отношений в безличные отношения западного общества, делает вывод о полной монетари-

¹¹ Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2000. С. 166.

¹² Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999. С. 48.

зации сознания современного человека. Поэтому *стоимостные отношения, связанные с наделием любого явления современного общества товарным статусом с рыночной ценой и переведенные из экономики в социологию без каких-либо моральных и религиозных корректив, можно назвать монетаризмом*. А учитывая агрессивный характер этого явления в наступлении на все неэкономические сферы деятельности человека, не говоря уже о том, что в нем органически задействован военный фактор, можно добавить прилагательное – «воинствующий». «Воинствующий монетаризм» как социальная религия выступает в качестве тайной силы, формирующей идеологию, образ жизни и вообще весь внутренний мир человека (его трудно назвать даже духовным, так как его источник имеет самые материальные корни).

Характерно, что социальная религия обрела у духовных наставников этого общества даже библейское оформление, не только в далеком протестантском прошлом, но и в наше время. Среди религиозных деятелей, проповедующих эти взгляды, необходимо выделить имя Ларри Беркетта, широко известного в Соединенных Штатах христианского писателя, автора книг, общий тираж которых насчитывает два миллиона экземпляров. Он – основатель и президент организации Christian Financial Concepts, Inc., которая консультирует по финансовым вопросам, проводит семинары по всему миру, а также ведет радиопередачи, которые можно услышать во всех уголках света. Мировоззрение Ларри Беркетта наиболее полно отражены его книге «Ваши финансы во времена перемен. Слово Божье о финансах»¹³. В прессе отмечается особое место этой работы среди множества книг подобной тематики: «Впервые с позиций христианства подробно анализируются этические нормы не бизнеса вообще, а самой его основы – финансов», – отмечается в предисловии к русскому изданию этой работы.

Не ставя себе задачу какого-либо комментирования самой книги и аннотации к ней, следует отметить, насколько эти постановки отличаются от отношения к деньгам идеологов раннего христианства (см. параграф 5.5), теологов Римской католической Церкви (см. параграф 7.1), где финансовым отношениям отводится очень скромная роль в жизни христианина. Конечно, книга Беркетта целиком в духе протестантского мировосприятия, но в каком-то

¹³ *Беркетт Ларри. Ваши финансы во времена перемен. Слово Божье о финансах.* СПб., 1999.

удивительно утилитарном преломлении. Об этом говорит даже заглавие разделов: «Божья мудрость в денежных вопросах. Как Бог работает через финансы: 1. Господь использует деньги для укрепления нашей веры в него... 2. Господь будет использовать деньги, чтобы укрепить наше доверие к Нему... 3. Господь будет использовать деньги, чтобы проявить свою любовь... 4. Господь будет использовать деньги, чтобы показать свою власть над миром. 5. Господь будет использовать деньги, чтобы объединить христиан через общие благословения... 6. Господь использует деньги для того, чтобы дать направление в жизни... 7. Господь может использовать деньги, чтобы ответить на нужды других...»¹⁴.

Все эти постулаты подкрепляются цитатами из соответствующих разделов Библии, в основном Ветхого Завета¹⁵.

10.1.2. «Американская идея»: стратегия государственного развития США в свете доктрины Монро и Нового курса Рузвельта, их социальные аспекты

В начале 20-х годов XIX столетия, когда от Испании отпали ее колонии в Южной Америке, эти обстоятельства могли послужить поводом к вмешательству европейских держав в американские дела. Тогда президент Монро сформулировал первую *«американскую идею»*. Вкратце сущность этой доктрины впоследствии формулировали как «Америка для американцев». Она выразила стремление молодого североамериканского государства обеспечить независимое развитие США, которому могло угрожать колониальное господство европейских держав над частью Нового Света¹⁶. Она впервые была провозглашена президентом США Монро в его послании к конгрессу в 1823 г. В своей первой формулировке

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Эта часть книги названа финансовой симфонией и охватывает следующие разделы Библии: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, Иисус Навин, Судей, Руфь, 1. Царств, 2. Царств, 3. Царств, 4. Царств, 1. Паралипоменон, 2. Паралипоменон, Езда, Неемия, Есфирь, Иов, Псалтирь, Притчи, Екклесиаст, Песнь песней, Исаия, Иеремия, Иоанна, Деяния Иакова, 1. Петра, 2. Петра, 1. Иоанна, 3. Иоанна, Иуды, Римлянам, 1. Коринфлянам, Галатам, Ефесянам, Филиппийцам, Колосеянам, Фессалоникийцам, 1. Тимофею, 2. Тимофею, Титу, Евреям.

¹⁶ Попытки Англии в период борьбы с Наполеоном помешать торговле их Европой вынудили правительство США в 1812–1814 г. вступить с Англией в войну, которая закончилась без решительной победы одной из сторон.

эта концепция гласила, что Америка не должна впредь служить колонизационной территорией для какой бы то ни было европейской державы. Эта доктрина тогда была направлена против Испании и Португалии, стремившихся восстановить свою власть в Перу (Испания) и Бразилии (Португалия), а также против России, владевшей Аляской. Главными выводами из доктрины Монро являлись следующие положения: во-первых, весь американский континент имеет общие интересы; во-вторых, эти интересы сталкиваются с интересами европейских стран. Отсюда для внешней политики США вытекал ряд стратегических решений, обуславливающих заинтересованность во всех делах американского континента. В тот период США полностью доминировали на американском континенте, последовательно расширяя свои территории за счет сопредельных государств. В войне 1846–1848 гг. с Мексикой США отняли у последней ряд территорий на Юге и Юго-Западе, из которых Калифорния получила особое развитие в связи с последовавшими вскоре открытиями в ней золота.

Но доктрина Монро не исключала политику империалистических захватов с использованием в основном военных методов. В конце XIX в. США все активнее включаются в борьбу за колониальные владения, тем более, что именно в этот период происходил интенсивный процесс раздела пространства планеты между европейскими государствами, но пока еще в тех регионах мира, которые непосредственно прилегали к Старому Свету.

Тогда осуществляется захват Гавайских островов, подготовлявшийся с 1892 г. и окончательно произошедший в 1898 г. утверждением аннексии со стороны президента Мак Кинли. В 1898 г. США объявили войну Испании, чтобы захватить остров Кубу, куда были вложены большие американские капиталы. Поражение Испании имело последствием уступку ею США Филиппинских островов и Порто-Рико, Гуама, а также финансовый контроль в Либерии (Африка).

В конце XIX в. начинается проникновение США на *азиатский* континент, где она затем столкнется с империалистической Японией во Второй мировой войне. Но уже в этот период США заявят о себе в качестве серьезного соперника европейских государств провозглашением принципа международной политики «открытых дверей» (предтечей идеологии глобализма). Суть этой политической доктрины состояла в требовании обеспечения равенства и свободного экономического соревнования всех государств на территории других стран, независимо от воли той страны, на территории которой она применялась. Эта практика международных отношений впервые была применена США в 1889 г. в отношении Китая, который

стремился обеспечить интересы Америки в торговле и промышленности. Тогда США выделил Китай как зону своего влияния и своих интересов¹⁷.

В начале XX в. влияние США на мировые экономические и геополитические процессы растет в геометрической прогрессии, лавинообразно.

После долгой подготовки и нескольких попыток мирным путем завладеть территорией Панамы (соглашение с Англией и французскими концессионерами, попытки арендовать район канала), Теодор Рузвельт в 1903 г. «организовал» революцию на Панамском перешейке и от правительства отделившейся Панамы получил концессию. В Русско-японской войне президент Т. Рузвельт принял на себя роль посредника при заключении мира, обеспечив США рост влияния в Китае, где американцы начали захват позиций при подавлении боксерского восстания. Проникновение американских капиталов в соседние страны под флагом панамериканизма и доктрины Монро открыто поддерживалось и ознаменовалось рядом вмешательств и непрерывных захватов, завершившихся частью в эпоху Первой мировой войны (Санто-Доминго, Гаити, Никарагуа, Гондурас).

Первая мировая война сразу же принесла большие геополитические и экономические дивиденды США. *Посредничество* в урегулировании мировых конфликтов, провоцируемых империалистической политикой государств Западной Европы, явилось как бы *переходным этапом* в реализации американской идеи, *от доктрины Монро к Новому курсу Рузвельта*. И идею мирного посредничества реализовали в государственной политике в течение почти двадцати первых лет XX столетия.

Доктрина Монро оказывала непосредственное влияние на политику, определяя первоначальный нейтралитет США по отношению к европейским катаклизмам, нашедшим свое выражение в Первой мировой войне, начавшейся в 1914 г. Он объяснялся неопределенностью в обеспечении интересов американского капитала в отношении Германии и Англии. С одной стороны, вызывал беспокойство угрожающе быстрый рост Германии, с другой, сказывались англо-американские противоречия, ярким проявлением которых был спор о «свободе морей». Второй причиной нейтралитета являлась военная

¹⁷ Договор девяти держав в Вашингтоне (1922 г.) закрепил выдвинутое США особое толкование этой доктрины, включающее указание на обеспечение суверенитета и территориальной неприкосновенности Китая. Однако фактическое положение дел противоречило этим решениям и по существу являлось приспосаблиением политики держав, главным образом США, к усложнившимся политическим реалиям Китая.

и политическая неподготовленность США: малочисленность сухопутной армии, невысокий технический уровень торгового и военного флотов. Традиции воздержания от всяких «запутывающих соглашений» во внешней политике отвечали этой стратегической доктрине. Требовалось время, чтобы сломать эту традицию. Помог сломить ее крупный американский капитал, значительно окрепший к этому времени (см. следующий параграф). После того как английскому флоту удалось перерезать морские пути и обеспечить сообщение между США и Англией, были созданы предпосылки для одностороннего развития внешней торговли. А это обстоятельство означало военные заказы союзников. Создалась кровная заинтересованность магнатов финансового капитала, фабрикантов амуниции и химических продуктов, владельцев судостроительных верфей, банкиров в победе их должников. Широким массам необходимо было поднести идею о необходимости вмешательства в кровавую бойню под демократической оболочкой мирного посредничества. Этим и объясняется оказанная значительной частью буржуазии поддержка кандидата от демократической партии Вильсона на президентских выборах 1916 г. Объявление Германией в начале 1917 г. неограниченной подводной войны и раскрытие ее тайного предложения Мексике об общих действиях против США послужили добавочными аргументами сторонникам войны. 6 апреля Вильсон формально объявил войну Германии¹⁸. Война дала толчок огромному расширению производственного аппарата США. Поставки для армии США и ее союзников потребовали расширения старых фабрик и заводов, быстрой постройки новых предприятий и расширения производства сельскохозяйственной продукции. Вопреки тому, что американская армия с давних пор строилась по принципу добровольчества, был проведен закон о принудительной мобилизации. Всякие попытки агитации против рекрутского набора и войны пресекались в корне. Через полгода численность военных сил поднялась уже до 1 млн человек, а к моменту перемирия она составила 3,7 млн человек, из которых 2 млн человек – на европейском театре военных действий.

Военный крах Германии был ускорен вмешательством США. Вильсон, представлявший США при подписании Версальского мирного договора и в роли миротворца бывший главным идеологом идеи Лиги Наций, представив в ней реальные преимущества Англии и

¹⁸ Первая мировая война закончилась 11 ноября 1918 г. поражением Германии и ее союзников. Оно было закреплено в выработанных на Парижской мирной конференции (1910–1920) мирных договорах. По условиям Версальского мирного договора 1919 г. Германия возвращала ряд территорий в Европе, ее колонии были разделены между державами-победительницам, на нее была возложена выплата репатриаций, она должна была произвести сокращение численности армии. В самой Германии в это время произошло свержение монархии, республиканское правительство сталкивалось с громадными не только политическими, но и экономическими трудностями, нашедшими свое концентрированное выражение в развале денежной системы страны.

Франции, не отражал уже возросшие амбиции правящего класса США. И поэтому американский Сенат отказался признать подписанный Вильсоном Версальский договор, что положило конец политической карьере Вильсона.

Посредничество в европейских делах постепенно вырастает в формы непрекрытого политического диктата. Многие акции США были направлены на то, чтобы вырвать у Англии роль верховного судьи в международных делах (пакт Келлога в противопоставлении уставу Лиги Наций). США оказывает серьезное давление на Англию: в военном отношении (уравнивание флота США с Англией в отношении линейных кораблей), во внешней политике (аннулирование ее отношений с Японией). Попытка Англии заключить антиамериканское военно-морское соглашение с Францией (1928 г.) вызвала военные угрозы со стороны США.

В послевоенные годы (особенно в 1924–1929 гг.) США активно вмешиваются в проблему репарационных платежей с Германией, создавая условия для восстановления промышленности. (План Дауса и план Юнга – подробнее см. следующий параграф).

В целом, «американская идея», определявшаяся «доктриной Монро», дополненная миссиями посредничества и трансформированная конкретными историческими событиями, благоприятными для США, привела в конце XIX – начале XX вв. к процветанию страны. Американская промышленность в 1925 г. производила столько же, сколько промышленность Англии, Франции и Германии вместе взятых. К 1929 г. США стали первой промышленной державой и финансовым центром мира, а американские капиталовложения за границей по сравнению с довоенным уровнем увеличились в 5 раз. В ноябре 1928 г. Герберт Гувер при вступлении на пост президента США заявил: «Мы, американцы, подошли близко к окончательной победе над бедностью, больше, чем какая-либо другая страна... Мир вступает в эпоху промышленного процветания»¹⁹.

Но история распорядилась иначе. Именно в период его президентства 24 октября 1929 г. начался первый в истории мировой экономической кризис. О его сущности, характере течения и последствиях, подробнее сказано в следующем параграфе. Здесь отметим только, что вначале правительство Гувера сочло возмож-

¹⁹ Всемирная история. В 10 т. Т. IX. С. 482.

ным рассматривать кризис как явление «финансово-технического характера» и «что... экономика страны находится на здоровой основе общего процветания». В таком же духе высказались тогда многие крупные финансисты и государственные деятели. При этом Гувер сделал заявление, что он покончит «с кризисом в 60 дней» и обеспечит «вечное процветание». Однако кризис продолжал набирать обороты своей разрушительной силы. Падение промышленного производства от высшей предкризисной точки (осень 1929 г.) в ноябре 1932 г. составило 56% – больше, чем в любой из крупных стран, затронутых кризисом. Экспорт в долларовом выражении сократился на 80%. Доля безработных увеличилась на 80%. Сотни тысяч фермерских хозяйств, неспособных погасить ссуды, сгонялись с земли и становились безработными и бездомными. По всей стране возникали мертвые города, где все предприятия были закрыты. Росло недовольство широких масс, что нашло свое отражение на выборах в конгресс в ноябре 1930 г.

В 1932 г. состоялись очередные выборы. Республиканцы вновь выдвинули Гувера, но избиратели отдали свои голоса кандидату от демократов – Ф.Д. Рузвельту²⁰, который одержал убедительную победу над республиканцами в 1932 г. и фактически приступил к обязанностям президента в марте 1933 г. Рузвельт победил Гувера с большим перевесом голосов. Во время предвыборной компании Рузвельт осуждал политику «грубого индивидуализма» республиканского правительства Гувера, обещал ввести социальное страхование, расширить объем общественных работ для нейтрализации безработицы.

К концу 1933 г. срочные меры Рузвельта стали постепенно складываться в систему реформ, которые *получили название Нового курса*, проводившегося более или менее последовательно вплоть до Второй мировой войны. В проведении реформ Рузвельт и его администрация руководствовались здоровым прагматизмом, учитывая при этом настроение масс, которое требовало ограничения власти олигархов и крупного капитала.

В целом последующее десятилетие можно назвать эпохой Франклина Делано Рузвельта. Начиная с 1933 г., он 4 раза избирался на этот пост. *Рузвельт не только сломал вековую тра-*

²⁰ Франклин Делано Рузвельт начал свою политическую карьеру в 1910 г. Тогда он был выбран в сенат Штата Нью-Йорк. В 1913–1920 гг. он являлся помощником морского министра в правительстве 1925–1930 гг. штата Нью-Йорк.

дицию, но создал со своей командой новую национальную идею Америки, которая жива до сих пор. Идея эта состояла в том, чтобы вывести страну на международную арену и создать всеми средствами (экономическими, политическими, военными, дипломатическими) повышенный спрос на национальную валюту США – доллар, сделав его международной резервной валютой, мировыми деньгами. Новый курс, который в итоге вывел доллар на роль мировой резервной валюты, складывался из системы мер по преодолению кризиса. Его содержание нами будет рассмотрено достаточно обстоятельно ниже.

Новый курс Рузвельта обычно рассматривают в рамках преодоления мирового кризиса 1929–1933 гг. Это не совсем верная точка зрения по следующим причинам. Во-первых, 1933 г. – это достаточно условная дата в преодолении кризиса, поскольку все последующее десятилетие можно рассматривать как последствия не только Первой мировой войны, но и мирового кризиса тех лет. Во-вторых завоевание долларом статуса мировых денег было бы невозможным без учета тех геополитических и экономических дивидендов, которые получали США после окончания Второй мировой войны. И поэтому политику Рузвельта во Второй мировой войне необходимо рассматривать тоже как важный этап в формировании Нового курса. В этой связи представляется необходимым рассмотреть внешнеэкономическую политику Рузвельта именно под этим углом зрения, оставляя в стороне общеизвестную фактологию участия США во Второй мировой войне. Этот аспект предполагает выделение двух этапов в отношении администрации Рузвельта к агрессии Германии и началу войны на европейском континенте.

Первый этап – самое начало войны (1939–1940 гг.) Можно считать, что только «азиатские интересы» и нападение японцев на Перл-Харбор «затянуло» США в пучину этого кровавого хаоса XX в. Что касается отношения к противостоянию на европейском континенте, то отношение было более, чем прагматическое, по принципу : пусть воют, нас это не касается. После начала Второй мировой войны 1 сентября 1939 г. (нападение Германии на Польшу), выступая по радио 3 сентября 1939 г., Рузвельт подчеркнул: «Соединенные Штаты Америки останутся нейтральными. Я не поощаю усилий, чтобы наша страна осталась вне войны». 5 сентября Соединенные Штаты объявили нейтралитет. В Конгрессе и в Сенате было влиятельное крыло «изоляционистов», которые счи-

тали, что в интересах страны в данный период важен нейтралитет с тем, чтобы вступить в войну в тот момент, когда все воюющие страны достаточно обескровят друг друга. Но нейтралитет США означал автоматическое наложение эмбарго на вывоз вооружений и военных материалов во все воюющие страны и поэтому под влиянием интересов крупного капитала эта политика корректируется (об этом подробнее в следующем параграфе). 4 ноября 1939 г. закон о нейтралитете был отменен.

Второй этап – 1940–1945 гг. Здесь надо выделить роль государства в создании военного потенциала США. Молниеносный разгром Франции и появление германских войск на широкой полосе Атлантического побережья привели правительство США в смятение и заставили принять экстренные меры к укреплению военного потенциала страны.

В мае 1940 г. Рузвельт поставил задачу увеличения численности самолетов. Тогда же, изучив предложения Э. Ферми, дал указание приступить к разработке атомной бомбы. 16 сентября впервые в истории страны США вступил в действие закон о всеобщей воинской повинности в мирное время, обусловивший призыв на военную службу 900 тыс. человек в год. Несмотря на то, что с давних пор американская армия строилась на принципах добровольности, всякие попытки агитации против рекрутского набора пресекались. К лету 1945 г. мощности американской промышленности по сравнению с 1938 г. увеличились на 40%, значительно выросло сельское хозяйство. Скачкообразно росли государственные расходы, которые в 1939 г. составляли 1,4 млрд долларов²¹. Они составили 315,2 млрд долларов из них 167 млрд долларов – расходы на военные нужды. В 1943 г. экономика США достигла максимальных размеров: военное производство США в 1943 г. в 1,5 раза превзошло производство «держав Оси».

Рузвельт принимает бескомпромиссную политику в отношении нацистской Германии. После нападения ее на СССР занимает более чем дружественную политику в отношении Советского Союза. Были включены сюда непосредственные контакты со Сталиным (через Гарри Гопкинса). Отстаивая одновременно интересы США и нейтрализуя тем самым неизменно проводимую политику Черчилля в желании сохранить британское влияние на территориях, освобождаемых от гитлеровских войск, Рузвельт играл позитивную роль в организации конструктивного диалога между Сталиным и Черчиллем (на Тегеранской и Ялтинской конференциях)

²¹ Всемирная история. В 10 т. Т. X. М., 1962. С. 482.

в ходе войны (характер материальной помощи СССР, время и место открытия «второго фронта»), а также послевоенного мира в Европе и Азии. Смерть Рузвельта прервала этот позитивный диалог. На очередных президентских выборах, состоявшихся в 1944 г., демократическая партия в четвертый раз выдвинула Рузвельта на пост президента. Рузвельт победил своего соперника от республиканцев с небольшим отрывом (25, 6 млн голосов против 22 млн голосов республиканского кандидата Т. Дьюна).

20 января 1945 г. Ф.Д. Рузвельт вступил четвертый раз на пост президента США, но 12 апреля того же года он скоропостижно скончался. Преемник Рузвельта на посту президента Г. Трумэн был политиком иного склада, принадлежавшим к консервативному крылу Демократической партии. Национальные интересы США он понимал как установление американского господства над миром, но это уже другой период в развитии Америки.

Завершая разговор об основах Нового курса Рузвельта, обратим внимание на социальную направленность его политики в смысле снятия социально-экономических противоречий. Последовательная реализация идей Рузвельта привела к парадоксальной ситуации, когда Америка сумела поддерживать собственное высокое потребление всего производимого в мире за счет долговых обязательств и массивной манипуляции фондовыми рынками с планомерным захватом контроля над финансовыми системами других стран мира. Еще раз подчеркнем, что именно администрация Рузвельта создала особый *механизм канализации социально-экономических противоречий и возможность переносить внутренние американские кризисы «наружу», а затем снимать их совсем за счет дальнейшей долларовой экспансии*, используя при этом специфику экономического развития страны в прошлом. Это особое явление объясняется тем, что возникшая среди населения общественно-психологическая аура, направленная на обеспечение материального благосостояния, возникла на основе протестантизма и она подпитывалась экономической направленностью рабочих за свои права. Она была связана с особой ролью олигархического капитала и социальными функциями государства. Взаимодействие этих двух властных структур (экономической и политической), о которых речь пойдет ниже, позволили нейтрализовать социальное недовольство, опираясь на кредитно-денежный механизм, сформировав к началу XXI в. и идеологию глобализма, и «кредитную модель» жизни широких масс.

Надо иметь в виду, что протестантское мировосприятие, как уже отмечалось, пустившее глубокие корни в США, было трансформировано под влиянием некоторых социальных течений, которые принесли с собой иммигранты, главным образом в сторону включения в него *идей социальной справедливости*. Все эти социалистические течения носили не политический, а экономический характер, основываясь на использовании кредитно-денежного механизма для развития творческой активности непосредственных производителей.

В сельском хозяйстве, в условиях обилия вновь осваиваемых девственных земель, эти течения получили свою реализацию в попытках воплощения в жизнь принципов европейского утопического социализма. Еще в первой половине XIX в. здесь обособиваются общины *икарийцев*, *фурьеристов* и др. в большинстве случаев недолговечные, основанные на идеях кооперативного социализма.

В промышленности рабочие-эмигранты также становятся распространителями идей социализма. Первый Интернационал приобрел в США (особенно среди эмигрантов) немало сторонников и с фактическим распадом его в Европе в 1872 г. перенесен был в США его Генеральный совет, сохранивший свои полномочия до Филадельфийской конференции 1876 г., когда он объявил себя распущенным. Практические аспекты распространения идей социализма в связи с быстрыми темпами развития промышленного производства, объединение большого числа рабочих на предприятиях, рост цен и недостаток рабочих рук усилили борьбу рабочих за заработную плату, привели к формированию мощных профсоюзов. Местные профсоюзы начинают объединяться в национальном масштабе. К 1872 г. относится возникновение организации Рыцарей труда (к 1873 г., когда разразился большой экономический кризис, число членов союзов доходило до 300 тыс.). Рабочее движение получило более широкий размах в последние десятилетия XIX в. В 1866–1887 гг. неквалифицированные рабочие провели ряд стачек, а квалифицированные рабочие создали в 1881 г. Американскую федерацию труда.

Политическое массовое движение приняло форму так называемого *гринбекизма*, возникшего к концу 60-х годов. Он представлял собой движение за валютную реформу и за дешевый кредит мелким производителям. Движение это вышло из фермерской среды, распространившись затем на рабочий класс, в котором гринбекизм связывался с идеей производственной кооперации. Кризис 1873 г. сильно разорил мелкую буржуазию, особенно сказался на рабочем классе. В 1877 г. безработица дошла до 3 млн человек. В этом же году из-за сокращения заработной платы разразились огромные стачки, выливающиеся в сражения (знаменитая стачка на Пенсильванской железной дороге).

Конец XIX – начало XX века – это период обостренной борьбы рабочих за свои права и создание мощных профсоюзов. В отличие от примерно таких же процессов в Европе (см. параграф 6.5), эти движения не выдвигали *политических* требований. Характерно, что даже в период кризисных потрясений 30-х годов все движения были как бы *замкнуты* на экономические проблемы. И в этот период власть имущие предлагают неимущим и прежде всего рабочему классу Америки не просто идею «классового мира», но и систему мер по сглаживанию этих противоречий.

Классовое сотрудничество – идеологическое кредо Американской федерации труда. Она предполагала активное участие рабочих и служащих в разработке планов рационализации производства. Реформистские профсоюзные лидеры действовали единым фронтом с магнатами капитала. Утверждалась идея возможности мирного перехода компаний в руки созданных «компанейских обществ» для создания «народного капитализма». Доказывалось, что путем приобретения акций рабочие могут выкупить все отрасли производства. Основывались так называемые рабочие банки. К 1925 г. существовало 36 таких банков с капиталом 126 млн долларов. На президентских выборах 1924 г. от республиканской партии был выдвинут Кальвин Кулидж, от демократов Джон Денис, от коммунистов Уильям Форстер и от организованной незадолго так называемой Конференции для прогрессивных политических деятелей – сенатор Роберт Лафоллет. В его предвыборной программе содержались требования о национализации железных дорог и гидроэлектростанций, ограничении деятельности крупных монополий, улучшении положения рабочих и фермеров, которые рассматривались как противники крупного капитала. Лафоллета поддержали Американская федерация труда, профсоюзы железнодорожников, социалистическая партия и рабоче-фермерская партия, организованная по инициативе коммунистической партии и левой профсоюзной организации. На выборах Лафоллет получил 5 млн голосов, Девис – 8,4, Куллидж – 15,7.

Вот эти идеи социализации, естественно, не в таких радикальных формах, а в системе мер использования административного ресурса государства для предотвращения недовольства широких масс в критических ситуациях – важная сторона Нового курса Рузвельта.

В самый разгар мирового кризиса в 30-е годы усилия правительства направлялись на уменьшение безработицы. Специальные государственные организации (в частности, Администрация осуществления работ) предоставляли гранты (дотации) и ссуды местным властям или фирмам на финансирование работ, либо сами нанимали работников на бюджетные деньги. Было создано много объектов инфраструк-

туры – автомобильных дорог, мостов, строились школы, больницы, оказывалась помощь театрам, оркестрам, писателям.

В этот период создается также Национальная администрация восстановления, которой предстояло разрешать конфликты между предпринимателями каждой отрасли и работниками. Был принят закон, касающийся сельского хозяйства. В сельском хозяйстве было занято тогда более четверти трудоспособного населения. Закон предусматривал систему добровольного сотрудничества фермеров с государством в ограничении избыточного производства, вызывающего падение цен и фермерских доходов, а также в рациональном использовании земли и природных ресурсов.

В военные годы социальный фактор был под контролем правительства.

И это при том, что в целом население США, отделенное от центра военных действий океанами, не испытывало значительных материальных трудностей (карточная система возникала периодически, возникла и нехватка некоторых потребительских товаров, а также «черный рынок». Во время войны, хотя стоимость жизни возросла на 24%, в апреле 1943 г. исполнительным приказом Президента были практически заморожены все цены. В то же время было запрещено повышение зарплат, а рабочим менять место работы. Мобилизация в армию, увеличение занятости привели почти к полной ликвидации безработицы. Основная масса населения во время войны жила лучше, чем когда бы то ни было. Не случайно во время войны (1944 г.) в рядах коммунистического движения была распространена идея о необходимости классового мира, ссылаясь на Тегеранскую Декларацию о сотрудничестве СССР, США и Англии.

Однако, по мере приближения конца войны росла озабоченность правительства Рузвельта послевоенным устройством. В Америке еще были живы тревоги, связанные с кризисом 30-х годов и их громадной безработицей. Не случайно такой опытный политик, как Рузвельт, в своем послании Конгрессу еще в январе 1944 г. предложил принять «Экономический билль о правах», имевший в виду обеспечение полной занятости после войны. В преддверии массовой демобилизации правительство постаралось создать привилегированное положение для бывших военнослужащих. 22 июля 1944 г. вступил в силу «Солдатский билль о правах». Закон предусматривал различные льготы для демобилизованных, в том числе стипендии для обучения в колледжах, кредиты для покупки дома или заведения собственного дела, пособия по безработице и т.д.

И в то же время в военные годы спрос на потребительские товары, особенно длительного пользования, не удовлетворялся полностью, поэтому у населения возникли большие денежные сбережения. «Отложенный спрос» оценивался в 29 млрд долларов. Именно он привел к послевоенному буму.

Трансформация созданного Рузвельтом механизма обеспечения процветания Америки за счет всего остального мира и созданного им долларового механизма в условиях «холодной войны» приобрела иные формы, которые были непосредственно связаны с взаимоотношением с Советским Союзом. Можно только сказать, что в этот период сформировалась более агрессивная направленность курса, озвученного еще в 1940 г. во время очных выборов. Тогда кандидат от Республиканской партии Уилки, юрист банковского дома Морганов, выступал под лозунгом: «Америка выше всего!». Этот лозунг требует специального рассмотрения. А проблему «американской идеи» в рамках и доктрины Монро и Нового курса Рузвельта следует дополнить участием в их реализации очень важной политической и экономической силы – финансового капитала США.

10.1.3. Власть немногих: олигархический капитал США, его идеология и практика реализации «американских идей» в исторических реалиях конца XIX – начала XX вв.

В каждой религиозной доктрине, созданной духовной жизнью человечества за тысячелетия развития, всегда есть ее глубинное ядро и в творческом, и в организационном отношении. В теистических религиях – это церкви с теми или иными иерархами. В католичестве – это папство, которое было связано с феодальной аристократией; в протестантстве – это канонизированные создатели тех или иных его ветвей с опорой на среднюю и мелкую буржуазию, которая стояла в центре всех европейских революций.

В США развитие капиталистических форм приобрело несколько иной характер, обусловило особую роль крупного финансового капитала в экономической, государственной и общественной жизни страны. Для Р. Гильфердинга именно XX в. с его избытием акционерных обществ и колоссальной концентрацией денег во всех их формах сделает будто бы возможным появление и главенство финансового капитала в той троице, где промышленный капитализм будет якобы Богом-Отцом, торговый капитализм, весьма второстепенный, – Богом-Сыном, а денежный капитализм – Святым Духом. Но появляется олигархический капитал, который синтезирует это триединство. Его возникновение обусловлено рядом конкретных исторических факторов тем более, что в Америке слабо чувствовались старые сословные предрассудки. Власть метрополии над их экономическим развитием была отвергнута.

Поэтому факторы, способствующие образованию финансовой олигархии, нами здесь рассматриваются только с точки зрения выделения тех особых условий развития крупного капитала, которые были характерны для Америки, учитывая, что над ним (капиталом) не было феодально-крепостнического прошлого.

Можно выделить несколько этапов в превращении капитанов финансовой стихии в олигархов. Первый этап – это быстрое возникновение больших состояний, связанное с мировой торговлей на основе хозяйственной колонизации девственных территорий. В США капиталистические отношения в экономике сразу же стали преобладающими в сочетании с плантационным рабством. Они, с одной стороны, достаточно быстро привели к образованию больших состояний, тем более, что они сразу же стали «работать» на мировой рынок. Эти закономерности были характерны и для двух основных колоний при существенном отличии хозяйственной специализации и социально-экономических отношений в каждой из них. *Северная* промышленная группа колоний (Новая Англия) с земледельческим, ремесленным, торговым и охотничьим населением развивалась без рабовладения. *Южная* (Виргиния и соседние части побережья) группа колоний, специализировалась на возделывании риса, табака, хлопка и других субтропических культур с большим применением труда негров-рабов, расширявшегося по мере роста колониально-плантаторского хозяйства²². Поражение южных штатов в Гражданской войне Севера и Юга расчистило путь бурному капиталистическому развитию США. Введение покровительственных пошлин освободило американскую промышленность от конкуренции и зависимости от Великобритании. В этот период получает развитие *средняя* (западная), самая молодая группа колоний, начавшая осваиваться лишь во второй поло-

²² Экономическая и политическая борьба между Севером и Югом обострилась настолько, что привела в 1861–1865 г. к Гражданской войне в США, закончившейся победой Севера с Линкольном во главе. В политической жизни США с самого начала существования союза происходила борьба двух партий – одна из них «федералисты», другая «антифедералисты» – за большую самостоятельность отдельных штатов. Опорой первой партии сделался главным образом промышленный Север, второй – плантаторский Юг. В XIX в. названия их изменились: федералисты приняли название «вигов», а с середины 50-х годов – «республиканцев», «антифедералисты» – «демократов». Республиканцы выступали защитниками выгодного для промышленности протекционизма и противниками рабства, препятствовавшего расширению рынка свободных рабочих рук (среди них сильно было течение аболиционистов), демократы – сторонниками свободной торговли и сохранения рабства с распределением его даже на вновь присоединяемые территории.

вине XIX в. Из старых промышленных районов (Новая Англия и Средние Атлантические штаты) промышленность распространилась на Запад, особенно в район Великих озер, где стали разрабатываться железо, уголь и нефть и быстро выросло капиталистическое земледелие. Приобретаемые путем захвата или колонизации свободных пространств земли быстро осваивались благодаря широко разраставшейся сети путей сообщения и развитию средств транспорта (пароходства по Миссисипи, проведения железных дорог, в 1869 г. была закончена первая трансокеанская дорога).

Второй этап – это использование достижений промышленной революции после победы Севера над Югом, в конце которого происходят интенсивные процессы концентрации и централизации капитала.

Конец 70-х годов XIX в. характеризовался бурным промышленным развитием, сопровождаемым образованием громадных состояний и тестированием крупного капитала, которое явилось одним из этапов возникновения финансового капитала. Наряду с гигантским нефтяным трестом Стандарт Ойл К, созданным в 1879 г., в 1887 г. образовался сахарный трест; железные дороги объединились в руках немногих компаний, стали возникать крупные банки. Главной сферой деятельности тогдашних финансовых магнатов Джона Рокфеллера, Корнелиуса и Уильяма Вандербильтов, Эдварда Гарримана, Эндрю Карнеги были железные дороги. Ими занимался и знаменитый Дом Морганов, который был Центром финансового могущества, а его олицетворением – хозяин этого «дома» Джон Пирпонт Морган. Для Дома Моргана было характерно не столько финансирование нового строительства, сколько контроль над железнодорожными компаниями, крупными промышленными компаниями, крупными промышленными банками, образованием финансовой империи. Оно завершилось созданием в 1890 г. Американского стального треста «Юнайтед стэтс стил корпорейшен». Эта была монополия в буквальном смысле слова, так как контролировала весь металлургический цикл – от добычи руды до сбыта готовой продукции²³. «Стандарт Ойл»

²³ Американский стальной трест включал в себя 1250 металлургических предприятий (доменных печей, сталелитейных, прокатных, трубопрокатных и др.), 99 угольных копий, 123 железных рудника в США, марганцовые рудники в Бразилии и нефтеносные участки; 34 океанских, 100 морских и 493 речных пароходов, 20 железнодорожных линий общей протяженностью в 6000 км. На предприятиях треста в 1928 г. было занято 222 тыс. рабочих. Трест контролировал свыше трети всей американской продукции чугуна и стали. Его основной капитал составлял 1250 млн долларов.

(Standard Oil) – нефтяная группа, контролируемая Рокфеллером. Начало ее образования было положено в 1870 г., когда Рокфеллер, объединив несколько нефтеперегонных предприятий, основал эту компанию с капиталом 1 млн долларов. Затем путем хитроумных комбинаций с железнодорожными тарифами, скупки и сооружений главным образом нефтеперегонных заводов, нефтетранспорта и нефтехранилищ «Стандарт Ойл» сосредоточила в своих руках 90% производства нефтепродуктов США и 94% нефтепроводов. Почти монопольное положение на рынке при сильно растущем спросе на нефть дало возможность «Стандарт Ойл» получать огромные прибыли: дивиденды доходили почти до 50%, а фактическая прибыль была намного больше.

Власть финансовых магнатов тогда была открытой и полной. Беспочвенное вторжение трестов в общественную жизнь вызвало волну социальных протестов, в результате чего был принят ряд законодательных актов. Но ни антитрестовское законодательство, ни партнерские отношения с аппаратом государственной власти, менеджерами всех уровней, а также общий стратегический курс развития страны не пошатнули пьедестала могущества этих гигантов. Яркий пример тому «Стандарт Ойл».

В 1911 г. к «Стандарт Ойл» были применены антитрестовские законы, и он распался на 33 формально независимых общества. Фактически, однако, все эти общества (наиболее крупные из них: «Стандарт Ойл» в Нью Джерси, «Стандарт Ойл» в Нью Йорке, «Стандарт Ойл» в Индиане, из которых каждое контролирует десятки предприятий), теснейшим образом связаны между собой и проводили общую политику, диктуемую Рокфеллером. «Стандарт Ойл» в начале 20-х годов XX в. занимала первое место среди крупных нефтяных трестов, контролируя 26% мировой добычи и 50% перегонки нефти. Помимо сотен производственных предприятий «Стандарт Ойл» имела также разветвленную торговую сеть, охватывающую весь земной шар²⁴.

Третий этап можно считать уже рождением собственно олигархической формы организации крупного капитала, которая одновременно овладевает всеми средствами управления общественной жизнью страны. Возникает особая структура самых богатых финансовых магнатов, которую называют финансовой олигархией («власть немногих» в переводе с греческого), учитывая их влия-

²⁴ Главными конкурентами «Стандарт Ойл» на мировом рынке в начале XX в. являлся англо-голландский трест «Роял Датч Шелл» и «Англо-Першен». Конкуренция между этими гигантами оказывала огромное влияние на международную политику.

ние на экономическую, политическую и социальную жизнь страны и мира. В марксизме этот особый процесс организационной консолидации крупного капитала был назван «личной унией». По данным 1913 г., Морган один контролировал капитал в 22,2 млрд долларов, а вместе с Рокфеллером – 39,7 млрд или 36% всего национального богатства США. В этом механизме главное место отводится средствам массовой информации, включая киноиндустрию и фабрику грез «Голливуд», которые использовались для формирования общественного мнения в отношении прошлого и будущего Америки²⁵.

Еще в 1947 г. экономист Ландсбергис ввел термин «сверхбогачи» – для обозначения мультимиллионеров и миллиардеров, реально управляющих страной. Он же ввел понятие «60 правящих семей Америки», которые сами или через выдвинутых ими в Конгресс и Сенат ставленников, управляли бы государством. В рамках этих сверхбогатых людей некоторые политики выделяют особую группу их лидеров. Здесь нельзя не упомянуть о каком-то из вариантов масонства, являющегося, по мнению ряда серьезных политологов, основой мировоззрения этой высшей страты монополистического капитала США, которую называют «Орденом». О нем повествуют труды американского экономиста и политолога Энтони Саттона. Он автор более двадцати работ, в которых анализировались особенности мирового развития в контексте скрытых причин военных и революционных катаклизмов XX в., связанных именно с этим «Орденом». Эти работы условно

²⁵ Т. Веблен в книге «Теория праздного класса» (1899) дал негативные оценки последствий неконтролируемого роста крупных компаний. Веблен признавал, что крупные компании могут быть полезным инструментом для организации производства, но при этом считал, что управляющие больших компаний манипулируют ими таким образом, что процветание деловых кругов не соответствует процветанию общества. Он развенчивал их образ жизни и его влияние на общество, подчеркивая «демонстрационное потребление» и «демонстрационную праздность».

Д. Гэлбрейт в книгах «Общество изобилия» (1958) и «Новое индустриальное общество» (1967), утверждал, что большие компании стремятся с помощью рекламы создать спрос на новые продукты перед началом их производства (пересмотренная последовательность по отношению к общепринятому мнению экономистов, предполагающих, что вначале потребители проявляют свои потребности, а затем ресурсы размещаются для удовлетворения этих потребностей). Отдавая должное роли крупных компаний в организации производства, утверждал, что большие компании должны не разрушаться, а контролироваться государством для предотвращения их злоупотреблений своей монопольной властью и для увеличения уравновешивающей силы потребителей и мелкого бизнеса.

можно разделить на несколько циклов. В первом цикле название трудов говорит об их содержании: «Алмазная связь», «Золото против бумаги», «Энергии и организованный кризис», «Войны и революции». В каждом из разделов Саттон сумел выделить влияние этих могущественных олигархов на ход исторических процессов.

В крупном финансовом капитале США Саттон выделяет в качестве особого «Ордена» фирму «Гаранти Траст компани», которая была основана в 1864 г. в Нью-Йорке. Первоначальный капитал для «Гарантии Траст» поступил от семей Уитни, унаследовавших два состояния компании «Стандарт Ойл» Рокфеллеров, Гарриманов и Вандербильдов.

На протяжении следующих ста лет банковская фирма быстро расширилась, поглощая другие банки и тресты, в 1910 г. она слилась с «Мортон Траст Компани», в 1912 г. – с «Стандарт Траст Компани», а в 1929 г. – с Национальным Торговым банком». Дж. П. Морган эффективно контролировал «Гаранти Траст» с 1912 г. К 1954 г. «Гаранти Траст» стала наиболее важным подконтрольным банком финансовой империи Дж. П. Моргана. Слившиеся фирмы стали известны, как «Морган Гаранти Компани».

Морган происходит из очень богатой семьи. Его отец Эдвард Гарриман начал работать в 14 лет, имея небольшое образование, женившись на Мери Аверелл, дочери нью-йоркского банкира, купил место на фондовой бирже Нью-Йорка. Гарриман-старший приобрел известность в связи со своей сомнительной финансовой деятельностью в компании «Кун, Леб и К». Заработал на этой финансовой сделке сомнительного правового характера более 80 млн долларов, за что был привлечен к уголовной ответственности, но сумел ее избежать.

Эта олигархическая структура постепенно расширяла сферы своего влияния в институтах власти, в Белом доме, в средствах массовой информации, в политических и общественных организациях, в судебных органах и в Церкви. Она стала создавать собственные фонды и мозговые центры, свои исследовательские, консультативные и властные структуры. Главная их цель – всеместная защита собственных интересов, контроль над властью и предупредительные меры во избежание любой опасности для их благополучия и процветания.

Четвертый этап – укрепление экономической и политической мощи финансовой олигархии США в результате Первой мировой войны. В этом отношении обращает на себя внимание инцидент, связанный с отставкой лидера демократов Вильсона и появлением на политической арене Гординга – выразителя интересов крупного капитала. Прочный союз с ним был заключен приглашением на пост министра финансов Эндрю Меллона – деятельного члена

республиканской партии, директора ряда предприятий тяжелой промышленной индустрии, а затем финансирующих их банков, основателя огромных сталелитейных заводов. Меллон был одним из фактических инициаторов плана Дауса и считался тогда пятым по богатству человеком в мире. (На посту министра финансов он оставался в президентство и Кулиджа, и Гувера.) Другие члены правительства также были связаны с различными трестами и финансовыми группировками²⁶. Основным лозунгом внутренней политики Гардинга была «нормализация», что фактически означало упрочнение возросших в результате войны монополистических трестов и империй отдельных миллиардеров, создание для их деятельности «нормальной» благоприятной обстановки.

В 20-е годы (при президенте Гардинге) рядом законодательных постановлений политика правительства стимулировала концентрацию капитала. Проводится снижение налогов на крупные прибыли. Совет федеральных резервных банков щедро финансирует крупных биржевых дельцов, чем создавалась повышательная горячка на бирже, приведшая к биржевым кризисам в марте 1926 и августе 1927 г., учитывая, что в то время сельское хозяйство не выходило из хронического кризиса перепроизводства.

На президентских выборах 1924 г. президентом стал кандидат от республиканской партии Калвин Кулидж. Его президентство совпало с промышленным подъемом. Кулидж выступил с лозунгом: «Дело Америки – бизнес». Этот лозунг выражал сущность экономического развития США в 1924–1929 гг. В ноябре 1928 г. в третий раз подряд на президентских выборах победу одерживает республиканская партия. Президентом стал один из крупных магнатов, миллионер, ставленник Морганов Герберт Гувер. В области внутренней политики режим Гувера характеризовался дальнейшим сращиванием государственного аппарата с финансовым капиталом²⁷.

²⁶ Другие члены правительства (Фолл, Дэнби, Доггерти) были ближайшим образом связаны с различными трестами и финансовыми группировками. Процесс о сдаче в концессию миллионерам Синклеру и Догени государственного нефтяного источника Типот-Дом разоблачили далеко не чистоплотные действия Гардинга и его кабинета, что не помешало им выйти сухими из воды.

²⁷ Одновременно с целью удержания фермерских голов Гувер вынужден был подписать закон о «сбыте сельскохозяйственной продукции», предусматривающий создание фермерского совета с фондом 500 млн долларов для скупки излишков продукции и повышения цен. Убыточная деятельность фермерского совета привела к повышению налогов и росту дороговизны.

Послевоенные годы (особенно 1924–1929) свидетельствуют об усиливающемся вывозе капитала, включая вложения частных инвесторов в европейскую экономику. США активно вмешиваются в проблему репарационных платежей с Германией разработкой плана Дауэса. В августе 1924 г. на Лондонской конференции план Дауса был принят. Это план изыскания возможностей получения из Германии репарационных платежей по Версальскому мирному договору. Свое название он получил по имени представителя американской финансовой группы Чарльза Дауэса, представителя основной межгосударственной комиссии экспертов, созданной по решению репарационной комиссии в ноябре 1923 г. Основная цель плана Дауэса – предоставление кредитов германскому правительству для выплаты репараций и создания условий для восстановления промышленности, которые способствовали росту монополистических объединений в Германии²⁸.

План Дауэса не определял ни общей суммы германских платежей, ни число лет платежей, а только размер, источники, контроль над этими источниками и способы перевода за границу (трансферта) репарационных сумм, уплаченных в германских марках. Необходимой предпосылкой репарационных платежей признается стабилизация валюты. Поэтому германский Рейхсбанк реорганизуется, производится эмиссия новых банкнот с нормальным золотым покрытием, банковские ссуды правительству ограничиваются определенными размерами, а банк освобождается от правительственной зависимости. В этих целях создается наблюдательный совет, состоящий наполовину из иностранцев, и во главе банка ставится иностранный комиссар. Чтобы обеспечить банку необходимый золотой запас, ему предоставляется заграничный заем в размере 200 млн долларов (заем Дауэса).

План Дауэса вступил в силу в 1924 г. и действовал на протяжении 5 лет до ноября 1929 г. В 1929 г. была создана комиссия «окончательного урегулирования репарационного вопроса, его председателем был делегат США О.Д. Юнг. Переход от плана Дауэса к плану Юнга

Под предлогом защиты фермерских интересов и уравнения сельского хозяйства с промышленностью республиканское большинство конгресса при поддержке группы демократов проводит новый таможенный закон (1.V.1930), который является самым протекционистским в истории США, повышавшим ставки до 41% стоимости импорта. Эта политика одновременно затруднила американский экспорт, вызвав заградительные пошлины в странах, потреблявших товары США.

²⁸ Крупнейшие химические предприятия объединяются в химический трест «ИГ Фарбениндустри», в 1926 г. путем объединения ряда металлургических концернов был создан трест «Ферайнигте штальверке», который сыграл немалую роль в приходе Гитлера к власти.

был необходим державам-победительницам для урегулирования всех возможностей мобилизации германских репарационных обязательств и определения периода, в течение которого должны быть выплачены эти обязательства. Все контрольные и финансовые органы, предусмотренные планом Дауэса, были отменены. Вместо них создается Банк международных расчетов с капиталом в 100 млн долларов и с долговыми обязательствами Франции (500 млн марок) и Германии (100–400 млн марок). Дирекция банка образуется из директоров крупных эмиссионных банков, банк является международным сверхбанком. Этот сверхбанк взимает репарационные платежи, выплачивает их по назначению, предоставляет Германии валютные кредиты в случае трансферта и т.п. затруднений. Кроме того, банк финансирует натуральные платежи Германии, содействуя мировой торговле, кредитует остальные страны, и стремится к предотвращению колебания валют. В процессе обсуждения плана Юнга выявились противоречия между позициями представителей США и Англии. Отсюда сопротивление Англии расширению функций репарационного банка за пределы расчетных операций по репарационным платежам, опасаясь усиления банковского капитала США.

Пятый этап – это время роста экономического могущества всех олигархических структур в рамках более чем десятилетнего правления демократической партии, возглавляемой Рузвельтом с его основной идеей, связанной с *разрешением внутренних противоречий за счет других стран*. Уже после Первой мировой войны крупный финансово-банковский капитал США, используя свое положение мирового кредитора, начал наступление на монополии Англии и Германии в таких важных сферах промышленного сырья как каучук, олово, марганец, а также нефть. В последующие десятилетия эта борьба обострилась, поэтому развязывание Второй мировой войны было выгодно крупнейшим промышленникам и финансистам США, которые сознательно подталкивали европейские державы к военным столкновениям, зная, что это принесет им громадные геополитические и экономические дивиденды.

Исследование Энтони Саттона «Как Орден организует войны и революции» обобщает данные всех предыдущих книг и дает ответ на ключевые вопросы современности, говоря о стратегии и тактике «организованного конфликта» или «уловляемого конфликта», издавна известных политикам как римский принцип *divide et imperia* («разделяй и властвуй»), в XX в. приведших к самым кровавым войнам во всей истории человечества.

Энтони Саттон на основе тщательного изучения секретных документов и частных свидетельств приходит к сенсационному выводу: будучи связанными с германскими монополиями («ИГ Фарбениндустри», «Герман Геринг», «Круп», «Мессершмит» и др.), а через

последних со всей финансовой олигархией США, международные банки сыграли ключевую роль не только в продвижении Гитлера к креслу рейхсканцлера и президента Германии, но и в обеспечении военной машины.

Вторая мировая война еще больше способствовала росту мощи финансовых олигархов. Можно считать, что не без их давления был отменен закон о нейтралитете (ноябрь 1939 г.), который предоставил воюющим государствам права приобретать в США за наличный расчет вооружение, военные материалы. В этом были заинтересованы магнаты военной промышленности, что сулило им громадные прибыли. Не случайно 11 марта 1941 г. в Сенате, а затем в Конгрессе был принят «закон о передаче вооружений взаимно или в аренду (Lend-lease – ленд-лиз)». Согласно закону, США брали на себя обязательства оказания помощи тому государству, оборона которого была «жизненно важна для обороны США». Государства-получатели со своей стороны обязывали предоставлять США необходимые материалы и по завершении военных действий вернуть оставшееся. Расчеты золотом входили в эти договорные отношения. Поставки и услуги по ленд-лизу с марта 1941 г. по сентябрь 1945 г. составили 46,3 млрд долларов, из них 30,3 – Англии (причем Англия за эти поставки израсходовала весь свой золотой запас и была вынуждена сделать большой заем у банков США – в 15 млрд долларов), 10,8 – СССР. Золотом расплачивался и СССР за поставки по ленд-лизу.

Во время войны финансовые империи Моргана, Рокфеллера, Куна, Ламонта, компании «Дженерал электрик», «Стандарт ойл», «Форд», «Лейб энд компании», банки «Чейз Манхаттан», «Нэшнл Сити» неизмеримо увеличили свое экономическое и политическое могущество. И это было связано с политикой государства. Достаточно сказать, что крупные монополии, составлявшие 2% от общего количества компаний в довоенные годы, во время войны получили 30% государственных заказов, среди них такие гиганты, как Дженерал моторс, Дженерал электрик, Форд и др. На предприятиях этих компаний было занято 62% рабочих (до войны 49%). Ежегодные прибыли этих компаний возросли до 8,7 млрд долларов против 3,4 млрд долларов в 1936–1939 гг.²⁹

Можно с уверенностью сказать, что именно финансовая олигархия США играла первую скрипку в конце войны и в послевоенном климате мира, определяя отношение и к побежденной Гер-

²⁹ БСЭ. Т. 10. С. 434.

мании и к странам-победительницам, и к СССР. В конце войны, когда выяснилось, что разгром Германии неизбежен, а Советская Армия могла бы контролировать чуть ли не всю Европу, в США влиятельные силы стали активно пропагандировать идею сепаратного мира с Германией. В выступлениях Тафта, Гувера, Вандерберга и, особенно, Булитла содержались призывы к сепаратному миру с Германией и к войне с СССР, хотя просоветские настроения в США были значительны, что привело к принятию печально известного закона Тафта-Хартли и послевоенной антикоммунистической истерии с преследованием всех более или менее радикально настроенных деятелей культуры и науки.

После Второй мировой войны Россия стала единственной великой державой на континенте, что явилось уникальным событием в Новейшей истории. В отношении с СССР считалось необходимым порвать с политикой сотрудничества, заменив ее политикой «твердого курса»³⁰. Но эта проблема в данном контексте нами рассматриваться не будет. Она требует более глубокого анализа и перенесена в следующую книгу. А здесь обратим внимание на Западный мир.

Обескровленная Европа (включая побежденную Германию и Италию, и страны-победительницы – Англию и Францию), нуждалась в помощи богатой союзницы. И помощь к ней пришла в форме плана Маршалла, да и вообще активного вторжения финансового капитала США на европейский континент. Уже в конце XIX – начале XX вв. по масштабам власти и влиянию на общественно-политическую жизнь страны магнаты капитала США превосходили европейских, а после войны их влияние усилилось. Тем более, что многие их германские коллеги, были объявлены военными преступниками, например Шахт. При этом надо иметь в виду, что во всех послевоенных международных организациях финансовые олигархи США занимали доминирующее место, используя «программы помощи» и доллар для укрепления своих позиций в мировом сообществе. А это означало, что нынешние

³⁰ 23 апреля 1945 г. Трумэн заявил об этом в Белом Доме, когда военный министр Э. Стивенсон впервые заявил о создании атомной бомбы, что вызвало восторг у президента. Эта позиция нашла свою поддержку у Черчилля. Одной из форм давления на СССР стал шантаж атомной бомбой, о чем сообщили Сталину на Потсдамской конференции, которая работала с перерывами с 17 по 25 июля и с 28 по 2 августа. (Перерыв был вызван выборами в Англии, на которых консервативная партия потерпела поражение и премьер-министром стал К. Этли).

гегемонистские позиции США в глобализируемом мире конца XX – начала XXI в. завоеваны, прежде всего, послевоенными «программами помощи», которые создали основу для более активного включения денежно-кредитного оружия США в мировую экономику и ее валютно-финансовую систему. Причем здесь громадную роль сыграла специфика фондового рынка США, его связь с олигархическим финансово-банковским капиталом, резко мультиплицируя величину финансовых активов, позволяла создавать ресурс, необходимый для проведения активной внешней политики. После Второй мировой войны США именно через фондовый рынок стали осуществлять долгосрочные вложения капиталов в промышленность, торговлю и другие отрасли стран, разоренных войной. Поэтому значительная часть активов мировых финансовых институтов большинства стран мира была сосредоточена в ценных бумагах, напрямую связанных с уровнем цен на фондовом рынке Америки и использованием доллара в качестве мировых денег.

Возросшая экономическая мощь финансовой олигархии США в мировой экономике привела к соответствующему их влиянию на мировую политику. Их быстрый рост и продвижение в высших коридорах власти, в том числе в государственном совете по международным связям, привели к формированию транснациональных структур: Трехсторонней комиссии, Бильдербергского клуба, Атлантического совета и прочих, где представители крупного американского капитала заняли почетное место.

Создание нового мирового порядка рыночных отношений, замкнутых целиком на обслуживание интересов США с использованием национальной валюты – доллара в качестве мировых денег и политики глобализации, это практический аспект социальной религии воинствующего монетаризма. Эти вопросы будут предметом дальнейшего анализа. Отметим только, что все президентства и правительства США в течение всех послевоенных десятилетий как никогда ранее выступали союзниками финансовых гигантов. В этот период финансовая олигархия США использует всю мощь и разнообразие государственной помощи для всемерной поддержки на внутреннем и внешнем рынках. Им помогают и напрямую – через банки, налоги, гарантии, подряды, финансовый протекционизм и т.д. и косвенно – через приватизацию в десятках вариантов и иные формы стимулирования, особенно в период глобализма и глобализации (последняя треть XX в. – современный период). Но все эти процессы требуют тщательного анализа.

Вопросы, затронутые в этом разделе, требуют их конкретизации в плане выявления особой роли доллара в реализации мирового могущества финансовой олигархии США и «американских идей» в исторических реалиях конца XIX – начала XX вв.

10.2. Путь доллара США к пьедесталу мировых денег

10.2.4. Доллар США и особенности денежно-кредитной системы США: от бумажных инфляционных денег к золотой основе и ее сохранению в кризисных катаклизмах начала XX в.

Формирование денежно-кредитной системы и доллара США – национальной денежной единицы североамериканского Запада, как и во всех других исторических процессах, шло по линии преемственности и отторжения от породившей ее европейской альма матер. В Северной Америке, так же как в Европе, в конце XVII – начале XVIII в. после обретения государственной независимости, сформировалась закрытая денежно-кредитная система со всеми формами и институтами, которые были присущи и европейским структурам. Но были и серьезные отличия. Они были связаны с громадной ролью и доминированием фондового рынка, который фактически был основным регулятором экономического развития страны, а продаваемые на фондовом рынке ценные бумаги явились основой активов практически всех финансовых институтов государства, а также и показателем экономического здоровья государства.

Фондовый рынок США как финансовый институт торговли ценными бумагами, включал в себя в то время не столько операции с государственными облигациями и займами, но в гораздо большей мере – акции частных компаний и корпораций. Главенствующую роль играли не отдельные биржевики и маклерские конторы, а *банковские монополии и магнаты финансового капитала*, через которые размещались акции, облигации и другие ценные бумаги. Именно в США родилась Федеральная резервная система (ФРС)³¹ – специфически американская форма организации банковской системы, которая отвергла идею единого централизован-

³¹ Финансовый кризис 1907 г. сделал актуальным вопрос о реорганизации банковской системы и о центральном банке страны. Эта проблема решалась в течение шести лет. Только в 1913 г. Вудро Вильсон подписал закон, прошедший через обе палаты Конгресса о создании ФРС.

ного банка в пользу сложившейся структуры из 12 региональных резервных банков и правления в Вашингтоне. *ФРС выполняет в специфических условиях США функции центрального банка.*

Интересы местных банковских группировок и регионализм штатов сыграли свою роль в выделении этой специфически американской формы организации банковской системы. Причем в последующем централизация возрастала, а независимость региональных банков на практике уменьшалась. На основе компромисса была решена и проблема отношения государства и ФРС. С одной стороны, была провозглашена ее независимость от правительства; коммерческие банки, являющиеся членами системы, стали формально собственниками (акционерами) резервных банков. С другой, – государство стало гарантом выпускаемых ФРС банкнот, оно также назначает членов правления. Председателя правления назначает президент с согласия сената на длительное время без права повторного назначения.

Доллар США как национальная единица Северной Америки, занявшая в XX в. пьедестал мировых денег, проделал путь, отличный от европейских денег. Если те шли от золотой основы к бумажной, то доллар проделал обратный путь.

Название американской валюты «доллар США», дальним предком которого был немецкий *талер*, родилось в Англии, где англичане начали называть долларом свои *полкроны*. А затем доллар вместе с отцами-пилигримами обрел новую родину в Новом свете. Однако в Америке еще раньше стали ходить испанские монеты – серебряные реалы и золотые дублоны, которые в простонаречии называли даледо. Реал стоил одну восьмую английского фунта стерлингов, во времена он стал называться «песо». Попав в североамериканские колонии англичан, колонисты окрестили серебряные монеты испанским долларом. Пока шли боевые действия, вожди Американской революции ввели в обращение бумажные банкноты, привязав их курс к испанскому реалу.

Первая однодоллоровая банкнота была выпущена на территории США еще в годы британского владычества в 1762 г.

Однако детство доллара США как национальной денежной единицы государства было связано с его рождением в качестве бумажных денег, точнее временных казначейских билетов, не имевших надежного обеспечения и связи с драгоценными металлами. Это было обусловлено использованием печатного станка американцами в британских колониях Северной Америки, которые восстали против метрополий и вели с ними длительную войну

(1775–1783 гг.) Итогом победы в этой войне стало создание Соединенных Штатов Америки, но в денежной сфере породило первую грандиозную инфляцию, по масштабам приближающуюся к инфляции времен Великой французской революции, возникшей на десятилетие позже. Мировая общественность одобряла эти действия американцев, потому что это было оправдано великой целью – завоеванием свободы. Декабрист Николай Тургенев дал такую формулировку этим процессам: «Свобода для них была дороже кредита».

Биография доллара США уходит своими корнями в бумажные деньги отдельных штатов. В начале XVII в. (1631 г.) американский экономист Э. Геллетин предложил выпуск бумажных денег, официально названных «обращающиеся законные деньги провинции». Его предложение сначала было реализовано в законодательстве штата Нью-Йорк. С 1690 г. эмиссию банкнот и бумажных денег начали проводить банки других штатов. В дальнейшем эмиссия бумажных денег повторялась несколько раз, вследствие чего курс их пал. К 1781 г. бумажные деньги обесценились больше, чем в 40 раз. В 1787 г. в конституцию США был включен пункт, запрещавший прибегать к выпуску бумажных денег для покрытия государственных долгов. Гражданская война между Северными и Южными штатами снова привела к усилению эмиссии.

После победы, 6 июня 1785 г. Континентальный конгресс Соединенных штатов принял решение о том, что отныне единственной национальной валютой будет доллар американский. Это предложение внес Бенджамин Франклин. Спустя семь лет в Филадельфии был открыт первый американский монетный двор, где начали чеканить золотые 10-долларовые и 5-долларовые национальные деньги, а также серебряные доллары, полудоллары, а также более мелкую монету. В 1792 г. золотое содержание доллара составляло 1,6 грамма чистого золота или 24 грамма чистого серебра. Прочная монетарная основа денежной системы США сложилась после открытия калифорнийских месторождений, которые выдвинули США на первое место в мировой золотодобыче в XIX в. и сохранили его почти до конца столетия, уступая лишь иногда это место Австралии, на территории которой в середине XIX в. началась интенсивная добыча золота. Основой денежной системы США стал золотой монометаллизм: золотые монеты составляли по стоимости около пятой части всей наличной денежной массы (без учета счетов в банке). Такая же доля приходилась на золотые сертификаты, т.е. свидетельства казначейства на хранящееся там золото. Еще одну пятую состав-

ляли серебряные монеты и сертификаты. Остаток приходился на казначейские билеты, сохранившиеся в обращении со времен Гражданской войны, но теперь вполне равноправные с золотом, и банкноты крупных коммерческих банков, поскольку в стране не было центрального банка и выпускаемых им общенациональных банкнот.

Заложенная в тот период золотая основа доллара была важным шагом в укреплении всей денежной системы Америки. Это важный, но первый шаг, так как нужно было сохранить золотую основу в сложных кризисных ситуациях XX в. Как это удалось совершить властям США? Необходимо обратиться к исследованию конкретного исторического материала, который показывает систему мер, предпринимаемых властью предрержащими в сложных кризисных ситуациях для защиты доллара.

Бурное экономическое развитие США в начале XX в. было прервано финансовым кризисом, который потребовал существенных изменений в денежной и финансово-кредитной системе США. Он грянул осенью 1907 г. и оставался самым острым вплоть до событий 1929 г. Он потряс фондовый рынок и кредитно-банковскую систему. Тогда произошло:

- обвальное падение курсов акций. Индекс Доу-Джонса, который был мерилон деловой активности, упал за предшествующие десять месяцев 1907 г. по промышленным акциям на 40%, по железнодорожным – на 33%;

- взмыли вверх процентные ставки по кредиту. Ставки по онкольным ссудам, т.е. ссудам до востребования, которые играют большую роль в финансировании биржевых операций с ценными бумагами, доходили в разгар паники до 100–150 % годовых;

- наступил банковский кризис. Провинциальные банки стали в массовом порядке изымать наличными свои депозиты у больших банков Нью-Йорка. Одновременно они подвергались натиску вкладчиков. Толпы очередей у дверей банков, прекращение выдачи наличными, бегство банковских менеджеров, объявление ряда банков о своем банкротстве – обычные явления того времени;

- нарушилась нормальная система расчетов между фирмами посредством банковских чеков, проходящих через клиринговые (расчетные) палаты;

- разразился собственно денежный кризис, т.е. кризис денежного обращения, нарушивший сложившуюся структуру денежной системы.

Когда разразилась паника, возникла погоня за наличными, сначала за любыми формами наличных денег, а затем преимуще-

ственно за золотом. Министерство финансов (казначейство) своими силами попыталось погасить панику, депонируя в банки известную сумму наличных денег золотом, чтобы помочь им выйти из критических трудностей и своими ссудами поддержать рынок. Но эти меры не ослабили панику. В этой обстановке правительство обратилось к *Моргану*. Морган предоставил группе банков кредит в сумме 25 млн долларов под 10% годовых, что тогда было льготной ставкой. Дом Морганов заявил, что досрочно выплатит проценты и дивиденды фирмам, чьи платежи проходят через его банк. Кроме того, просочились сведения, что старый Морган-старший просил (по сути дела это означало приказ) крупным «медведям» (биржевым спекулянтам, продающим акции в расчете на их понижение) на время воздержаться от продаж. В целом, паника пошла на убыль, и в декабре 1907 г. положение в банках, на бирже и на денежном рынке нормализовалось.

Финансовый кризис 1907 г. сделал актуальным вопрос о реорганизации банковской и образовании Федеральной резервной системы. В формирующейся денежной структуре *золотой стандарт* был полностью сохранен. Банкноты подлежали покрытию не менее чем на 40% золотым запасом ФРС, вместе с тем они должны были эмитироваться только под обеспечение коммерческими векселями. Получалось как бы тройное обеспечение: государственные гарантии, золотой запас и реальные потребности обращения. Ранее обращавшиеся деньги постепенно заменялись федеральными резервными банкнотами.

Поддержание устойчивости коммерческих банков решалось путем введения обязательных резервов, которые банки должны были держать только в резервных банках. ФРС получила также право контроля над коммерческими банками. Установлено было, что для национальных банков, имеющих лицензию (чартер) федеральных властей, членство в ФРС обязательно, а для банков, имеющих лицензию штатов, добровольно. В итоге ФРС, заменив старые расчетные палаты, стала единым расчетным центром всей банковской системы, а тем самым и всей экономики США. При нехватке ликвидных средств коммерческие банки могли под обеспечение надежными векселями получить поддержку от правления системы, тем самым создание ФРС решало проблему «кредитора в последней инстанции».

Реальное развитие этой денежной системы привело к тому, что главным орудием стали не частные векселя, а казначейские – краткосрочные обязательства государства. В последующем (включая современный период) банкнотам и другим пассивам ФРС

стали противостоять в активах главным образом *государственные ценные бумаги*. Это, как полагают некоторые экономисты, обеспечивает эластичность денежного обращения, но вместе с тем создает и возможность эмиссии, которая потенциально может иметь инфляционный характер. Такое положение сложилось только во время Второй мировой войны.

Постепенно на ФРС легла сложная задача макроэкономического регулирования и ослабления глубоких экономических кризисов, которые в США называют *депрессиями*, менее глубоких спадов, называемых *рецессиями*. Для этого ФРС использует три главных инструмента воздействия на банки, а через них и на экономику страны:

первый – традиционный – процентные ставки по кредитам ФРС коммерческим банкам. Низкие ставки стимулируют деловую активность, высокие – действуют в обратном направлении;

второй – снижение норм обязательных резервов, что увеличивает тем самым ликвидные средства коммерческих банков, которые они могут использовать для расширения ссуд реальному сектору;

третий – наиболее оперативный – операции на открытом рынке, связанные с выгодным предложением коммерческим банкам государственных ценных бумаг, что связано с увеличением у них ликвидных средств.

После преодоления кризиса и его последствий в США начался экономический бум во второй половине 20-х годов. Его характеризуют как период «просперити», процветания, когда росло производство, повышались доходы, безработица уменьшалась. При этом и самые важные события происходили на *рынке ценных бумаг*. Курс акций непрерывно рос: в январе 1929 г. он был в три раза выше, чем в 1923–1924 гг. Рост курса акций в значительной мере стимулировался:

во-первых, торговлей ценными бумагами с маржой, т.е. разницей, долей. Как известно, понятие «маржа» в торговле ценными бумагами означает ту долю, которую должен оплачивать покупатель ценных бумаг наличными, получая под основную массу кредит. Маржа на пике бума 20-х годов понижалась до 10%; это означало, что 90% стоимости ценных бумаг клиент получал в кредит;

во-вторых, быстрым ростом инвестиционных трастов (компаний), функции которых заключались в том, что они собирали деньги мелких инвесторов путем выпуска собственных акций, а собранные деньги вкладывали в тщательно подобранный портфель акций первоклассных фирм («голубых фишек»). Управление

инвестиционными компаниями оказалось золотым дном для учредителей, в него включились предприниматели разного калибра, от знаменитого банкирского Дома Моргана до ловких жуликов. Злоупотребление в инвестиционных компаниях не только обогащало узкий круг финансистов, но и подрывало стабильность всего рынка ценных бумаг. В предкризисные годы на рынках капитала отмечался недостаток солидных акций, спрос на них превышал предложение.

На протяжении 1927–1929 гг. постоянно раздавались голоса о неизбежности краха. Но на них мало кто обращал внимание. Однако день 24 октября 1929 г., вошедший в историю как «черный четверг», заставил осознать миллионы людей наступление кризиса.

Тогда курсы акций стали стремительно падать, и к 12 час. дня продажа акций приобрела характер паники, многие акции нельзя было продать ни по какой цене. Паника распространилась на другие биржи и на внебиржевой рынок. Некоторые провинциальные банки просто закрылись. Взоры биржевиков и банкиров обратились к Моргану. Он собрал глав пяти крупнейших банков, имевших большие денежные ресурсы и занимавшихся сделками с ценными бумагами. Банкиры сложили достаточно большую сумму денег (их оценка колебалась между 200 и 240 млн долларов) и попытались погасить панику, выступив покупателями акций. Но это не остановило кризис. Курсы акций продолжали ползти вниз; общий индекс акций упал почти вдвое. Началось снижение цен на рынках сырья и продовольствия.

Возник *банковский кризис*, охвативший всю банковскую систему.

В начале 20-х годов в США насчитывалось около 30 тыс. банков. Среди них были десятки крупных банков, сравнимых по размерам с банками-монополистами Германии и Великобритании, а также тысячи мелких банков, круг деятельности которых ограничивался небольшим городом и примыкающей сельской территорией. После октября 1929 г. банковские банкротства стали эпидемией. Всего за 1930–1933 г. «закрыли свои двери» около 9 тыс. банков. Множество попало в тиски между сокращением их активов и истребованием вкладов. В активах большое место занимали ценные бумаги и ссуды под залог ценных бумаг. В условиях кризиса эти бумаги обесценились в несколько раз, а многие утратили всякую ценность. Большая доля ссуд под заклад фермерской и городской недвижимости оказалась невозвратной, а заклад безнадежно обесценился. Решающий удар банкам в 1931–1933 гг. нанесло обесценение их облигационного портфеля, как пишут крупнейшие авторитеты в этой области

Милтон Фридмен (нобелевский лауреат) и его соавтор Анна Шварц в книге «Денежная история США». Напряжение нарастало, и в первые месяцы 1933 г. это вылилось во всеобщий банковский кризис, который привел к параличу всей банковской системы.

Правительство не было готово к масштабам и характеру кризиса. Оно мыслило категориями экономики XVIII–XIX вв., когда проповедовалась политика невмешательства государства в экономику (*laissez-faire*), и считалось, что экономика сама справится со своими бедами. Любые антикризисные меры требовали бюджетных денег, но вековые традиции требовали поддержания «здоровых финансов» бездефицитного или малодефицитного бюджета. Экономический кризис снизил налоговые поступления и правительство в этой ситуации опасалось увеличивать расходы.

В марте 1933 г. фактически приступил к обязанностям президента Ф.Д. Рузвельт, который предложил систему краткосрочных и долгосрочных мер по преодолению этой катастрофы. Используя чрезвычайные полномочия, предоставленные президенту по закону, принятому во время Первой мировой войны, он начинает нетрадиционные меры по оздоровлению экономики. Первые шаги касались восстановления банковской системы. Рузвельт закрывает сначала на три дня все банки страны, а затем продлевает этот срок и поручает ФРС рассмотреть финансовое положение каждого отдельного банка. Одновременно он выступает по радио и в прессе, разъясняя смысл своих действий. В результате паника пошла на убыль. Через 10 дней открылись примерно две трети банков, остальным предстояла процедура банкротства или поглощения более здоровыми банками, готовыми принять на себя их обязательства вместе с активами. Одновременно подготавливается и пропускается через Конгресс Банковский акт 1933 г. Этот закон теперь является фундаментом работы банков США, его главные положения направлены на укрепление стабильности банковской системы. Коммерческим банкам запрещалось заниматься операциями с акциями, поскольку такие операции ставили под угрозу сохранность средств вкладчиков. Это означало отделение коммерческих банков от инвестиционных. Последние могли осуществлять эмиссию акций для промышленных корпораций и торговать ими, но не могли теперь принимать вклады.

ФРС получала новые права контроля над банками, которым было запрещено выплачивать проценты по текущим счетам, а для размера процентов по срочным вкладам ФРС устанавливала лимиты. Большое значение имело еще одно нововведение: создание

Федеральной корпорации страхования депозитов и общенациональной защиты вкладчиков. Банки были обязаны отчислять определенную долю вкладов в особый страховой фонд, управляемый этим агентством. В случае банкротства банка вкладчикам выплачивалось возмещение до установленного законом предела. В дальнейшем были приняты десятки законов, направленных против сомнительных компаний, эксплуатирующих доверие публики; устанавливалась строгая ответственность фирм, выпускающих на рынок свои ценные бумаги, за полноту и достоверность информации о их состоянии и делах.

Далее эти срочные меры были развернуты в систему законодательства с созданием на федеральном уровне Комиссии по ценным бумагам и биржам, которая и поныне играет важную роль в контроле над эмиссией и рынком ценных бумаг. Проводя эти меры, Рузвельт преодолевал упорное сопротивление олигархов и их людей в конгрессе. Не забыт был и социальный аспект в преодолении кризисных явлений. К концу 1933 г., как уже говорилось, срочные меры стали постепенно складываться в систему реформ, которые получили название Нового курса, проводившегося более или менее последовательно вплоть до Второй мировой войны. «В рамках этой системы логичным стали отказ от золотого стандарта и создание более гибкой системы денежного обращения. Первые шаги в этом направлении сделаны немедленно после вступления Рузвельта в должность президента. *В итоге целой цепи мероприятий было осуществлено следующее: золото изъято из обращения и весь золотой запас сосредоточен в руках государства.* В 1934 г. США национализировали все свое монетарное золото и передали Казначейству. Золотой запас США хранился в форме стандартных слитков в 400 тройских унций (12,440 кг). Впрочем, для коммерческих операций могли использоваться слитки различного уровня, в том числе и до 1 кг (для производства ювелирных изделий). После национализации до весны 1968 г. частные лица могли купить золото только в казначействе по цене 35 долларов за тройскую унцию лишь для производственных нужд и создания произведений искусства.

Хотя возможность обмена банкнот и средств на счетах в банках для граждан и коммерческих структур на золото была отменена³², она была сохранена для иностранных центральных банков,

³² Запрет на частное владение золотом гражданам США был отменен в самом начале 1975 г. При этом закон разрешал банкам заниматься операциями с золотом, имеющим форму в виде золотых монет или слитков. Монеты

хранящих в долларах свои валютные резервы, путем постепенно повышения официальной цены золота в долларах осуществлена девальвация доллара. Все это прежде всего диктовалось необходимостью поддерживать конкурентоспособность американских товаров, поскольку курсы других валют во главе с фунтом стерлингов к этому времени значительно понизились, что давало этим странам конкурентные преимущества. Официальная цена золота, соответствующая новому золотому содержанию доллара, была закреплена на уровне 35 долларов за одну тройскую унцию (31,1035 грамма) чистого золота, что на четыре десятилетия стало важнейшей константой мировой валютной системы и было заложено в основу паритетов, фиксируемых Международным валютным фондом»³³.

Новый курс потребовал больших расходов из бюджета. С 1933 г. расходы федерального бюджета увеличились в 2,2 раза. Доходы далеко отставали от этого роста, и дефицит покрывался большими внутренними займами. Это пугало не только консерваторов, привыкших считать, что дефицитный бюджет и рост долга – путь к гибели государства. Сомнения были и у сторонников нового президента. Но Рузвельт и его команда были уверены, что восстановление экономики оправдывает их финансовую политику.

Обобщая опыт Нового курса, современные экономисты пишут, что Рузвельт на практике интуитивно нащупывал важнейшие положения экономической теории: в условиях массовой безработицы и недоиспользования мощностей *дефицитное финансирование* не только допустимо, но и необходимо для преодоления депрессии и застоя. Нужно только соблюдать разумный предел и следить за разумным расходованием денег. Дефляционный потенциал в экономике (недоиспользование рабочей силы и других ресурсов, понижательная тенденция цен) был настолько велик, что можно было увеличивать денежную массу, не рискуя вызвать инфляцию.

В дальнейшем в определенных международных условиях, сложившихся после Второй мировой войны, США стали использовать для своего экономического развития *не только бюджетный дефицит и внутренний долг, но и дефицит внешней торговли*

могли чеканиться только на государственном Монетном дворе или специально уполномоченными на это предприятиями, а в виде слитков выпускались только золото и серебро. Платина и другие ценные металлы в виде слитков не обращались.

³³ Аникин А. История финансовых потрясений. М., 2000. С. 190–191.

и платежного баланса и, конечно же, свою национальную валюту доллар. И это при том, что еще в конце XIX и начале XX вв. доллар не считался мировой валютой. Не случайно русский рубль оценивался преимущественно относительно франка, германской марки и фунта стерлингов. (Например, на облигациях русского займа 1909 г. указана их стоимость в перечисленных денежных знаках, включая голландский гульден, но доллар среди них не значился.) Однако благоприятные для США геополитические факторы, связанные с мировыми войнами XX столетия, обусловившими кризис валютно-финансовых систем крупных европейских государств, возвел доллар на пьедестал мировых денег. В этом восхождении можно выделить два основных этапа, каждый из которых связан с «дивидендами», полученными США в результате Первой и Второй мировых войн.

10.2.5. Доллар на фоне ослабления основных европейских валют (фунта стерлингов и марки) в 20–40-е годы XX в.

После Первой мировой войны американский доллар еще не имел в мире господствующих позиций, но уже был самой устойчивой из валют крупных стран. США сохранили золотой стандарт и довоенный золотой паритет своей валюты, но тем не менее, английский фунт стерлингов в те времена еще мог конкурировать с долларом. Конкуренцию фунту стерлингов и доллару составляла тогда германская золотая марка³⁴. Она тоже была устойчивой валютой, хотя на четверть «дешевле» доллара (4,2 марки за доллар)³⁵.

Путь доллара к мировому денежному Олимпу занял несколько десятилетий XX в., в течение которых он должен был пошатнуть позиции фунта стерлингов как мировых денег, принять участие в восстановлении денежной системы побежденной Германии, так как без этого нельзя было восстановить ее экономику, а стало быть, решить проблему репарационных платежей. Необходимо

³⁴ Золотой монометаллизм был введен в Германии в 1878 г., что было связано: во-первых, с необходимостью для немецких участников внешнеэкономических связей иметь устойчивое платежное средство в условиях преобладания англичан в мировой торговле; во-вторых, со значительным притоком золота в Германию, в частности после выплаты Францией контрибуции после войны 1870–1871 гг.

³⁵ Хотя во Франции перед Первой мировой войной и существовало золотое обращение, но французский франк не мог соперничать с валютами, имеющими законодательно закрепленное золотое обеспечение.

было также «взять в свои руки» судьбу золота, что позволило, как покажет дальнейший анализ, накопить большие массы этого «желтого дьявола» как прочной основы для своей денежно-кредитной системы. Конкретная историческая обстановка, сложившаяся в Европе после Первой мировой войны создавала благоприятные возможности для реализации этих целей.

Во время Первой мировой войны во всех воевавших государствах (кроме США) банкноты были использованы для финансирования войны и поэтому превратились в государственные бумажные деньги. В этих условиях некий общественный институт должен был взять на себя определение количества денег в экономике. Государство превращалось в необходимого и обязательного участника экономических процессов. Поэтому европейские государства перешли от золотого обращения к бумажно-денежному. Для стабилизации денежно-кредитных систем европейским государствам потребовались десятилетия. К началу 30-х годов банкнотное обращение было вновь восстановлено, но в трансформированном виде. Особенности послевоенной банковской политики являлись: во-первых, фактическая неразменность банковских билетов на золото; во-вторых, то, что в качестве дополнительного обеспечения допускаются не только золото, но и иностранная валюта и девизы, т.е. иностранные векселя. Однако в конце 30-х годов короткое финансовое благополучие всех государств, нормализовавших свои валютно-денежные системы, было прервано мировым экономическим кризисом. Биржевой крах США в октябре 1929 г. поверг не только Америку, но и весь капиталистический мир в глубокий экономический кризис³⁶.

Поэтому анализ состояния и фунта стерлингов, и марки необходимо рассматривать исходя из двух рубежных дат: последствий Первой мировой войны и мирового кризиса конца 30-х годов.

Начать следует с *фунта стерлингов* как главной валюты, обслуживающей мировые рыночные связи. Первая мировая война вызвала серьезное расстройство денежного обращения страны. После прекращения размена банкнот на золото (август 1914 г.) правительство стало использовать эмиссию бумажных денег для покрытия своих военных расходов. Сумма денежных знаков

³⁶ Причем, если начало этого кризиса обозначается явственно, то конец его достаточно размыт. Поэтому обычно считают, что депрессия закончилась в 1933 г., но многие полагают, что все 30-е годы можно считать временем выхода из Великой депрессии, которая закончилась во время Второй мировой войны, а точнее, в послевоенные годы.

в обращении в 1913–1918 гг. возросла с 35 до 399 млн фунтов стерлингов; в 1920 г. она достигла 555 млн фунтов стерлингов³⁷. В сочетании с экономическими трудностями, вызванными перестройкой производства на военные рельсы, это привело к развитию инфляции. Товарные цены за семь лет возросли почти в три раза. С целью стабилизации фунта стерлингов правительство в 1920 г. взяло курс на дефляцию, проводя политику «дорогих денег». Это делалось в интересах финансовой олигархии, которая получала большие доходы от капиталовложений за границей, была заинтересована в высокой покупательной способности фунта стерлингов. Дефляция способствовала, с одной стороны, снижению цен в то время как в Германии и Франции бушевала инфляция, а с другой стороны, – обострению экономического кризиса 1920–1921 гг., росту безработицы, снижению заработной платы трудящихся. До мировой войны банки Англии играли руководящую роль на мировом денежном рынке, здесь устанавливались курсы валют, заключались крупнейшие кредитные операции. После Первой мировой войны наряду с фунтом стерлингов мерил курс различных валют сделался доллар США. Тем не менее, благодаря удобному географическому положению на мировых путях, устойчивости валюты и установившимся традициям, Англия сохранила роль главного финансового посредника в мировых торговых расчетах. К 30-м годам XX в. из общих оборотов мировой торговли на долю Британской империи приходилось около трети: 40% экспортной торговли пшеницей, 50% – рисом, 70% – чаем, 60% – какао, 70% – шерстью, 37% – хлопком, 100% – джутом, 55% – каучуком.

В период 1925–1928 гг. в Англии проводилась денежная реформа. Начало реформы относится к апрелю 1925 г., когда Англия восстановила размен банкнот на золото по довоенному паритету в виде золотослиткового стандарта, предпринятый в обстановке затянувшейся экономической депрессии³⁸. Это было попыткой восстановить международный престиж фунта стерлингов, который с апреля 1919 г. был на положении «плавающей валюты». Завышенный курс английской валюты снизил конкурентоспособность экспортных отраслей производства, обострив пробле-

³⁷ Денежное обращение и кредит капиталистических стран. М., 1977 г. С. 284.

³⁸ При золото-слитковом стандарте размену на золото подлежали лишь очень крупные суммы бумажных денег. При золотодевизном стандарте бумажные деньги оставались неразменными, но их конвертируемость в другие валюты обеспечивалась по курсу, устанавливаемому валютными властями.

му платежного баланса. Для поддержания курса фунта стерлингов Банк Англии проводил политику привлечения иностранных капиталов с помощью высокой учетной ставки, что противоречило интересам промышленных капиталистов, нуждающихся в «дешевых» деньгах. В 1928 г. денежная реформа завершилась принятием закона о предоставлении Банку Англии права на фидуциарную эмиссию банкнот (т.е. обеспечения не золотом, а правительственными обязательствами) в размере 260 млн фунтов стерлингов, а по согласованию с казначейством – и сверх этой суммы.

Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. ослабил позиции Англии на внешних рынках и вызвал массовый отлив капиталов из страны. 21 сентября 1931 г. размен фунтов стерлингов на золотые слитки был прекращен и была проведена девальвация. Денежная система утратила связь с золотом, а эмиссия бумажных денег стала полностью фидуциарной. Банк Англии перестал поддерживать курс фунта стерлингов, и он был фактически девальвирован. Золотой запас Англии был передан в распоряжение Уравнительного валютного фонда, созданного при Казначействе в 1932 г. для регулирования курса фунта стерлингов. Англия активно включилась в валютную войну с США и Японией, используя в качестве борьбы за внешние рынки понижение курса фунта стерлингов³⁹.

Крушение фунта стерлингов вызвало волну девальваций во многих странах, нанесло новый удар по мировой торговле, усилило общую неустойчивость мировых валютно-финансовых отношений. В Британской империи до 30-х годов существовала единая система денежного обращения (кроме Индии и Канады). Однако вынужденный отход Великобритании от золотого стандарта и финансовые затруднения Австралии повлекли за собой нарушения этого единства денежной системы. Большая группа стран, заинтересованная в сохранении торгово-экономических отношений с Англией, стремилась поддерживать неизменным курс своих валют к фунту стерлингов, использовать его в качестве валюты международных расчетов и, соответственно, накапливать фунты стерлингов в качестве официального резервного средства. Эта группировка, возникшая в 1931 г., получила название стерлингового блока.

Одним из главных условий нормализации послевоенной экономики Западной Европы являлись восстановление устойчивости

³⁹ Денежное обращение и кредит капиталистических стран. М., 1977 г. С. 284.

валюты и укрепление кредитно-денежной системы. Самым слабым местом была Германия и в экономическом, и в политическом отношении. Германия, как и все воюющие страны, в самом начале войны отменила разменность банкнот на золото, финансирование военных нужд осуществлялось, кроме налогов, государственными займами у населения. Использовалась и прямая эмиссия денег Рейхсбанком под обязательства правительства, в результате чего денежная масса превысила довоенные цифры примерно в 3 раза, а цены выросли примерно в 2 раза. Этот разрыв был связан с карточной системой распределения продуктов с искусственно заниженными ценами. Однако уже в 1919 г. рост цен стал обгонять эмиссию денег. И далее в течение почти четырех лет происходил рост цен и обесценение марки в совершенно невиданных до того масштабах при росте курса доллара как основной твердой валюты.

По сравнению с 1919 г., в 1922 г. масса бумажных денег (марок) выросла более чем в 7 раз, цены повысились в 40 раз, а курс доллара – в 75 раз; к июню 1923 г.; денежная масса увеличилась в 90 раз, цены в 180 раз, курс доллара в 230 раз; к концу 1923 г. денежная масса выросла в 132 тыс. раз, уровень цен – в 854 тыс. раз, курс доллара – почти в 400 тыс. раз. Сумма банкнот Рейхсбанка на конец 1923 г. достигла 500 квинтиллионов марок (5, умноженное на 10 в двадцатой степени). «Между тем реальная ценность этой чудовищной массы сжалась до совсем незначительной величины – 150 млн золотых марок. Для сравнения отметим, что довоенное обращение монет и банкнот составляло 7 млрд марок. В конце ноября доллар стоил 5 трлн марок»⁴⁰. Цены товаров поражали воображение. Буханка ржаного хлеба, стоившая до войны 0,29 марок, на пике инфляции продавалась за 430 млрд марок; килограмм сливочного масла подорожал с 2,7 марки до 6 трлн; пара ботинок могла теперь стоить более 30 трлн и т.д. Поскольку рост цен далеко обгонял печатание денег, их постоянно не хватало.

«Внедрение доллара в сферу денежного обращения Германии и его использование как средства сохранения ценностей приняло в 1922–1923 гг. большие масштабы. На последнем витке инфляционной спирали реальная покупательная сила обращающихся и припрятанных долларов (и фунтов стерлингов) была в несколько раз больше, чем покупательная сила обесценившихся марок. По грубым оценкам, сумма находившейся в Германии иностранной валюты достигала в этот период 1,5–2,0 млрд золотых марок. С чем это сравнить? Скажем, когда в конце 1923 г. произошла ста-

⁴⁰ Аникин А. Указ. соч. С. 118.

билизация, для эмиссии новых полноценных (так называемых рентных) марок был установлен их лимит в 2,4 млрд»⁴¹.

В конце 1923 г. при посредстве долларового вливания (заем Дауэса в 200 млн долларов), начался процесс стабилизации денежного обращения Германии. Он был осуществлен путем создания новой марки с использованием идеи, которая была реализована во времена французской инфляции 1790 г. Тогда ее преодолели путем обеспечения национальной единицы (ливра), на базе которой возник франк, ипотекой на земельную собственность и недвижимость. В Германии эта новая валюта получила название *рентной марки*, а ее эмиссией занимался Рентный банк. В персональном плане этот процесс связывают с банкиром Ялмаром Шахтом. В ноябре 1923 г. он получил портфель комиссара по валютным делам, а в декабре стал президентом Рейхсбанка. Реальным обеспечением рентной марки служило жесткое ограничение эмиссии, которое Шахт проводил неукоснительно, не уступая ни давлению правительства, остро нуждавшемуся в деньгах, ни представителям крупного бизнеса, требующим кредитов. Рейхсбанк, имевший право выпуска банкнот, должен был иметь обеспечение не менее 40% золотом, причем последние не могли превышать 25% всего покрытия. При меньшем покрытии банкноты оплачивались специальным налогом. Для рентной марки был установлен твердый курс 4,2 марки за доллар (довоенный паритет марки), она свободно обменивалась по соотношению 1 рентная марка за 1 трлн (по тогдашнему немецкому счету – 1 блн) инфляционных марок. Новая валюта первоначально была неразменной на золото, но Шахт преследовал именно эти цели.

Реформа быстро дала положительные результаты: цены в рентных марках были устойчивы, процентные ставки вернулись к нормальному уровню, деньги стали поступать на банковские счета. Подъем начался в 1926 г. и был значительным. Большую роль в этом играли ограничение репарационных платежей с согласия стран Антанты и значительный приток иностранного капитала, перекрывавший репарации. В 1926 г. Германия вступила в Лигу наций. Следствием всех этих новых процессов был интенсивный, но кратковременный подъем экономики Германии во второй половине 20-х годов, ставшей первой в Европе по экономическому потенциалу. Но к 1930 г. он уже закончился, так как выявились многие нездоровые черты, главным образом связанные с *зависи-*

⁴¹ Там же. С. 124.

мостью от иностранного капитала. Дело в том, что иностранных инвесторов привлекала высокая учетная ставка центрального банка Германии, которая составляла 7,2% годовых против 4,1% в США, 4,8% в Великобритании, 5,1% во Франции⁴². По оценкам, на июнь 1930 г. 38% депозитов германских банков принадлежало иностранцам. Германские фирмы были должны английским и иностранным банкам большие суммы по банковским акцептам (векселям, принятым к оплате банками). Нормализация валютно-денежной системы в Германии оздоровила эту сферу и в других странах. В январе 1924 г. стабилизация валюты была проведена в Англии, в 1925 г. во Франции и в 1927 г. в Италии. В период с 1924 по 1928 гг. около 20 стран провели денежные реформы, но ни одно государство не смогло восстановить золотой стандарт.

В итоге короткое финансовое благополучие Германии и всех государств, нормализовавших свои валютно-денежные системы, было прервано мировым кризисом. «Кризис... охватил все без исключения капиталистические страны: индустриальные и аграрные, империалистические государства и колонии, производство средств производства и средств потребления, производство жизненных припасов и сырья, внутреннюю и внешнюю торговлю, биржу и кредит»⁴³. С 1929 по 1932 гг. мировое промышленное производство снизилось примерно на 40%, мировая торговля упала более чем на 60%, численность безработных исчислялась десятками миллионов человек. Курсы акций упали в США более чем в 4 раза, в Германии почти в 3 раза. Десятки стран прекратили платежи по своим внешним долгам, осуществив в той или иной форме дефолт»⁴⁴.

В Америке этот кризис принято называть Великой депрессией. Начало кризиса датируется 24 октября 1929 г., к концу этого же года обрушился громадный фондовый рынок США, что означало катастрофу невиданных масштабов (развитие кризиса в США было рассмотрено ранее). Под влиянием этой катастрофы падали курсы акций в Лондоне, Париже, Берлине. Банковский кризис отразился на денежных системах многих стран, так как крупные банки США являлись держателями портфелей государственных и иных облигаций стран Латинской Америки и Азии и в этот период прекратили выплаты процентов и погашение этих выпусков. Под

⁴² Трахтенберг И.А. Денежные кризисы (1831–1938). М., 1963. С. 557.

⁴³ Варга Е.С. Экономические кризисы. М., 1974. С. 124.

⁴⁴ Там же.

их прямым или косвенным воздействием продолжалось падение производства, сжатие торговли, рост безработицы.

С лета 1931 г. мировой кризис вступил во вторую фазу, когда финансовые факторы стали играть ведущую роль.

Он начался в Австрии с банкротства крупнейшего банка «Кредитанштальт», затем последовало банкротство германского «Данатбанка», который 11 июля 1931 г. прекратил выдачу вкладов. После чего начался натиск вкладчиков на все банки и сберегательные кассы Германии. На другой день все кредитные учреждения страны закрылись по чрезвычайному распоряжению правительства – событие, случившееся впервые в истории страны. Вкладчики, изъясываясь деньгами из банков, или складывали деньги в домашнюю кубышку, или стремились обменять их на иностранную валюту, или вывозили деньги за рубеж. Начался процесс «бегства» капиталов. Поэтому в стране возник недостаток наличных денег, погоня за ними, что ухудшало и без того низкий сбыт товаров, усиливало затоваривание торговли и промышленности. В 1932 г. падение производства и рост безработицы усилились. Никто не мог сказать, когда кризис достигнет дна. На этом этапе сам центр мирового кризиса переместился в Германию. Летом 1931 г. правительство столкнулось не только с банковским, но и с валютным кризисом. Под воздействием бегства капиталов золотовалютные резервы Рейхсбанка быстро сокращались. Процент покрытия банкнотной эмиссии золотом упал ниже 40% (границы, установленной законом). Правительство предприняло ряд мер против утечки национального капитала, а центральные банки западных стран согласились сотрудничать с целью всемерного ограничения изъятия иностранных капиталов из Германии. В известной степени эти меры восстановили доверие к кредитной системе страны. Однако экономическое положение в Германии оставалось тяжелым. *Все это способствовало приходу нацистов к власти, так как в широких массах населения рождалась уверенность в том, что в их бедах повинны банки («банки нас обирают») и банкиры, среди которых было много евреев.*

Все десятилетия (30–40-е годы) XX столетия были связаны с попытками западных государств восстановить золотой стандарт в урезанных формах в виде золотослиткового и золотодевизного стандарта, которые окончились провалом, так как к концу 1936 г. весь капиталистический мир охватила инфляция. В течение всего этого периода (особенно 1934–1939 г.) страны избегали накопления больших количеств иностранной валюты. Как только она оказывалась в их распоряжении, они тут же старались обратить ее в золото, покупая его за границей, а когда требовалась иностранная валюта, они приобретали ее, продавая за границу золото. Не случайно, что во время мирового экономического кризиса,

когда большинство отраслей страдало от кризиса, золотодобывающие компании наращивали добычу и богатели.

Явно выраженной тенденцией этого периода явилась всеобщая погоня за золотом, которую США использовали для укрепления доллара. Конкретно это выразалось: во-первых, в девальвации доллара в 1934 г., что означало резкое снижение его золотого содержания и, следовательно, повышение цены золота; во-вторых, во введении «политической» цены золота. Во время мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. была установлена низкая цена на золото: 35 долларов за 1 тройскую унцию (установленное законом 1900 г. золотое содержание доллара равнялось 0,048 унции или 1,505 грамма). Искусственно заниженная цена золота облегчила США скупку золота в других странах. Не случайно, что к 1949 г. США владели более 70% официальных запасов золота. Вторая мировая война создала новые благоприятные условия для укрепления доллара и обретения им функций мировой валюты.

*10.2.6. Доллар на вершине денежного Олимпа:
распад стерлинговой зоны, образование
Международного валютного фонда
и конец эры золотого стандарта
(40–70-е годы XX в.)*

После окончания Второй мировой войны доллар США начал быстро завоевывать позиции мировых денег и международной резервной валюты, поставив тем самым *Соединенные Штаты Америки во главу Западной цивилизации*. Вторая мировая война, была благодетельной для США и в геополитическом и в экономическом отношении (территория страны, не тронутая военными действиями, многократно выросший экономический потенциал, увеличившиеся золотые запасы, сохранившийся человеческий потенциал)⁴⁵.

В то же время положение всех стран как побежденных (Германия, Италия и др.), так же как стран, подвергшихся оккупации (Франция и др.), и даже Великобритании было крайне тяжелым. Произошло хроническое расстройство платежных балансов всех

⁴⁵ Вторая мировая война и ее последствия приводят к распаду колониальной системы старого образца, внося существенные коррективы в расстановку геополитических сил на мировой арене, но этот вопрос будет рассматриваться позднее в контексте всех геополитических и политических реалий второй половины XX и начала XXI вв.

стран мира, усиление неравномерности распределения золотовалютных резервов, девальвация валют многих стран. Производство потребительских товаров упало, население жило на голодном пайке. Инфляция, начавшаяся во время войны, в ряде случаев усилилась в послевоенные годы. В Великобритании с 1937 по 1946 гг. индекс оптовых цен возрос на 60%, во Франции – в восемь раз, в Италии – в восемь раз. Характерной чертой послевоенных лет был *долларовый голод*, т.е. *дефицит* платежных балансов почти всех развитых и большинства развивающихся стран с США и странами долларовой зоны. Из войны США вышли с укрепившейся экономикой и мощным экспортным потенциалом, в то время как другим странам не хватало товаров для продажи в Америку. По данным платежного баланса США, их активное сальдо по текущим операциям (торговля, транспорт, страхование и т.п.) составляло в 1946 г. 7,8, в 1947 г. –11,6 млрд долларов. Для стран Европы этот период характеризуется дефицитом внешних расчетов. В 1947 г. они вывезли из США товаров на 6,1 млрд долларов, а ввезли лишь на 1 млрд долларов.

Утверждение доллара в функции мировых денег происходило на фоне падения престижа фунта стерлингов, который долгое время не хотел уступать это место молодому американскому агрессору. Борьба длилась более четверти века: за этот период его курс к доллару США снизился с 4,03 доллара до 1,70 доллара к концу 1976 г. Анализ всех перипетий этого противостояния требует анализа, так как он сказался на принципах организации международной финансово-кредитной системы в целом, когда Англия вынуждена была принять «правила игры», навязываемые мировому сообществу США.

Судьбу фунта стерлингов в его соперничестве с долларом нельзя рассматривать вне связи его как международной валюты стерлингового блока. Как уже ранее отмечалось, возникший в 1931 г. стерлинговый блок продолжал существование во время и после Второй мировой войны. С началом Второй мировой войны многие участники этого блока ввели единообразную систему валютного контроля, который ограничивал валютный оборот с третьими странами, но сохранял относительную свободу в операциях между собой. Под давлением Англии они согласились участвовать в централизованном пуле иностранных валют и золота, сдавая в него всю или часть валютной выручки от операций с третьими странами. В новой форме стерлинговый блок стал называться «стерлинговой зоной 2».

С начала 60-х годов стерлинговая зона вступила в стадию упадка, который выражался не в формальном выходе из зоны отдельных стран, а в подрыве ее основных устоев. Прежде всего доля взаимной торговли стран стерлинговой зоны в их общем пороговом балансе снизилась. Платежный баланс, связанный с ростом цен на сырье в период Корейской войны, вновь вызвал кризис. В дальнейшем такие «стерлинговые кризисы» повторяются: в 1955, в 1958 г., в 1960–1961 гг., в 1964–1965 гг. В ноябре 1967 г. проведена новая девальвация на 14,3%; золотое содержание английского фунта стерлингов уменьшилось до 2, 13 грамма, а долларовой паритет с 49% в 1950 г. до 30% в 1970 г. и до 20–21 % в 1973 г. В этих условиях объем расчетов, осуществляемых в фунтах стерлингов, резко сократился, что повлекло за собой массовый отход стран стерлинговой зоны от «стерлингового стандарта». В 1975 г. официальную связь с английским фунтом стерлингов сохранили пять стран (Бангладеш, Гамбия, Ирландия, Сьерра-Леоне и Сейшельские острова).

Соответствующие изменения произошли в валютных резервах периферийных стран стерлинговой зоны: фунт стерлингов стал для них второстепенной резервной валютой. Наконец, кризис стерлинговой зоны проявился в распаде единой системы валютных ограничений. В июне 1972 г. был введен «плавающий курс», который не поддерживался Банком Англии, а определялся исключительно по результатам торгов на международном валютном рынке и одновременно Англия распространила ограничения, касающиеся экспорта капитала в третьи страны, на страны стерлинговой зоны. В ноябре 1976 г. ее правительство запретило английским банкам кредитовать торговлю периферийных стран-членов зоны между собой в фунтах стерлингов. В связи с этим в 1976 г. стоимость одного фунта упала ниже двух долларов, а в 1977 г. был достигнут исторический минимум в 1,72 доллара за один фунт. За пределами стерлинговой зоны международная роль английской валюты также уменьшалась. В послевоенные годы около 1/2 мирового товарооборота капиталистических стран осуществлялась в фунтах стерлингов, в начале 60-х годов – менее 1/3, в 70-х – около 8%. Удельный вес стерлинговых авуаров в мировых золотовалютных резервах снизился с 205 в послевоенный период до 10% к 1962 г. и до 2% к концу 1976 г. *Их самостоятельное значение как международного резерва было почти полностью утрачено после того, как в январе 1977 г. ведущие капиталистические страны по просьбе Англии предоставили ей кредит*

в 3 млрд долларов для постепенного выкупа стерлинглинговых обязательств у их держателей.

На фоне утраты Англией и фунтом стерлингов – ее визитной валютной карточкой – лидерства в мировой торговле и международных денежно-кредитных отношениях особенно ярко выделяется деятельность США, которые, опираясь на свою политическую и экономическую мощь, были заняты планами обеспечения своего господства в этой сфере.

Еще во время войны США стали играть важную роль в планах послевоенной реконструкции международных валютно-финансовых отношений. В рамках Организации Объединенных Наций на Международной валютно-финансовой конференции в июле 1944 г., когда еще не закончилась война, в тихом курортном городке Бреттон-Вудсе (США, штат Нью-Гемпшир) собралась международная конференция, в которой участвовали 44 страны, включая СССР. Там был согласован устав Международного валютного фонда – первой в истории всемирной валютно-финансовой организации. Задача МВФ состояла в установлении международного сотрудничества в области валютных отношений и введения обратимости валют.

У колыбели Международного валютного фонда стояли два человека: английский экономист Джон М. Кейнс и заместитель секретаря казначейства (министра финансов) США Гарри Д. Уайт. За Кейнсом была известность ученого-новатора в области экономической политики и финансов: за Уайтом – экономическая мощь и финансовые ресурсы Америки. В личном плане оба были людьми резкими, не способными идти на компромиссы, не считавшимися ни с самолюбием других, ни с возможными неприятностями для себя. Между проектами Кейнса и Уайта при множестве частных расхождений была главное. Кейнс считал, что страны, попавшие в тиски финансового кризиса, могли сравнительно свободно пользоваться в борьбе с ними валютными ресурсами МВФ. Уайт хотел, чтобы в данном случае эти выплаты были обставлены многими ограничениями, справедливо предвидя, что источником ресурсов в конечном счете будут США. Кейнс отрицательно отнесся к идее создания международного золотого стандарта. Он мотивировал это тем, что к тому времени основной запас золота сконцентрировали США. «Было бы безответственным шагом при современных условиях нашу свободу торговли представить на усмотрение Федеральной резервной системе США».

Почтительно выслушав доклад Кейнса, конференция проголосовала за американский проект. После этого статьи соглашения

(устав) МВФ пересматривался всего два раза, но главные цели организации и средства их достижения не стали новыми. Впоследствии была разработана довольно сложная система предоставления МВФ кредитной помощи странам, размеры которой определяются квотой на основе удельного веса страны в мировой экономике.

Международный валютный фонд (МВФ) фактически стал работать с марта 1947 г. Золото по-прежнему являлось ключевым элементом системы, с его «официальной» ценой на уровне 35 долларов США за тройскую унцию. Эта цена впоследствии была официально принята странами-членами Международного валютного фонда. Золото использовалось как счетная единица в системе фиксированных валютных курсов МВФ при определении номинальной стоимости валют стран-членов, и эти страны должны были вносить одну четверть своей квоты в МВФ золотом.

Создатели нового валютного порядка хотели сохранить преимущество традиционного золотого стандарта, избавившись от его недостатков, связанных с обращением золота не как монет и разменом всех иных видов денег на золото. Должны были быть восстановлены другие достоинства золотого стандарта. Это касалось твердых соотношений между валютами, их свободной конвертируемости (обратимости), свободы движения капиталов и товаров через границы. Большое значение придавалось роли золотого стандарта в так называемой политике дефляции. Ее суть заключается в том, что если страна живет не по средствам, она теряет золото и вынуждена будет уменьшать государственные расходы, ограничивать банковский кредит, повышать конкурентность товаров и привлекательность рынка для иностранных инвесторов. А дефляция означает рост безработицы, замедление темпов экономического роста.

Инициаторы создания МВФ полагали, что эта организация будет как бы «международным полицейским», следящим за соблюдением согласованных правил и обладающим некоторыми правами принуждения и наказания. Причем в первые годы существования Фонда речь шла главным образом о валютной политике. Страны-члены обязались свести дело к отмене валютных ограничений по текущим операциям, т.е. восстановить свободную конвертируемость своих валют. Они обязаны были ввести твердые паритеты валют, выраженные в весовых количествах чистого золота в соответствии с весовым количеством и установленным золотым содержанием американской валюты. *Доллар был приравнен к золоту, поскольку центральные банки и валютные органы других стран могли свободно обменивать доллары на золото по твердому*

соотношению, предъявив доллары американскому казначейству. Страны не должны были допускать на своей территории валютные операции по курсам, сколь-нибудь значительно отличающимся от паритетов, которые рассматривались как официальные курсы (осталось право отклонять курсы в пределах 10%). Если страны не могли и не хотели этого делать, они должны были докладывать Фонду о причинах этого положения.

В этих условиях американский доллар более чем когда-либо стал осью всей мировой валютной системы, а курс каждой валюты к доллару – важнейшим показателем «здоровья» или «нездоровья» национальной денежной системы. Неудивительно, что первая массовая девальвация капиталистических валют, произошедшая в 1949 г. одновременно в 37 странах, была сделана под нажимом США. *Особенность девальвации 1949 г. состояла в том, что было произведено не прямое снижение золотого содержания валют, а снижение их курса по отношению к американскому доллару.* Курсы валют стран по отношению к американскому доллару снизились на 12–30%. Тогда курс фунта стерлингов установился на уровне 2,80 доллара за фунт, французского франка – 350 франков за доллар, лиры – 625 лир за доллар. Такое снижение курсов валют европейских стран было выгодно монополиям США, так как усилило покупательную способность доллара в Европе и дало возможность приобретать за бесценок товары, предприятия и целые отрасли. Кроме того, девальвация 1949 г. увеличивала задолженность европейских стран США. Всего за 1949–1971 гг. в капиталистических государствах было осуществлено более 400 девальваций (в некоторых странах по несколько раз). Осуществляемая, как правило, практика снижения курса национальной валюты в отношении американского доллара вела к росту цен на товары, импортируемые из стран, входящих в зону доллара, т.е. к общему повышению цен и снижению уровня жизни населения.

Правительство США в этот период проводит долговременную политику «изоляции» национальных денежных систем от его золотой основы. Дело в том, что с начала Второй мировой войны и затем в течение трех десятилетий цена золота должна была повышаться, поскольку эти годы были неблагоприятными для золотодобычи. Основная причина – нужды войны (мобилизация), вызвавшие сокращение добычи в США, Канаде и даже Южной Африке. Кроме того, под влиянием инфляции произошел рост издержек на производство золота. Между тем официальная цена золота в долларах, закрепленная в 1934 г., оставалась неизменной до 1971 г. Новая эра началась в 1968 г., когда свободная рыночная цена золота получила возможность отклоняться от твердой официальной цены. Отклонялась она

только вверх. До 1972 г. отличия были сравнительно невелики. Затем под влиянием инфляции, всеобщего повышения цен на сырье и обострившегося валютного кризиса свободная цена золота стремительно поднялась при снижении добычи металла (обычная закономерность монополистического производства), которая стабилизировалась на уровне 950–1000 тонн.

После Второй мировой войны, когда цены всех товаров резко возросли, продавать золото правительству США по 35 долларов за тройскую унцию стало невыгодно, и все, кто мог, стали уклоняться от этого, предпочитая продавать его неофициально по более высокой цене. Возник свободный рынок золота со своими ценами, которые постоянно колебались, как цены многих других товаров. Тем не менее, в первые десятилетия после Второй мировой войны правительства США и их союзники считали еще нужным поддерживать фикцию твердой официальной цены золота, т.е. стабильности золотого содержания доллара, мнимого равенства между долларом и золотом. С этой целью в 1962 г. был сформирован так называемый Золотой пул – объединение, в которое входили США и семь стран Западной Европы. Цель пула – поддерживать цену золота на уровне официальной. Тогда наиболее активные участники «Золотого пула» – Бельгия, ФРГ, Италия, Нидерланды, Швейцария, Великобритания и США договорились о двухуровневой цене на золото. Драгоценный металл для немонетарных нужд стало можно покупать через свободные рынки (Лондон и Цюрих).

Способ достижения цели – регулирование рынка путем продажи и покупки золота на Лондонском рынке, где сосредоточены операции с этим металлом. Если свободная цена понижалась, участники пула – центральные банки скупали излишки золота и распределяли его между собой по определенной, заранее согласованной формуле. Если свободная цена повышалась, продавали золото, распределяя затраты по той же формуле. США несли половину этих затрат, а после того, как летом 1967 г. Франция вышла из пула, их доля стала еще больше в марте 1968 г. При этом существовала практика конверсии (обмена) долларов в золото центральным банком капиталистических стран. И не случайно тогда *золото еще не потеряло окончательно функцию мировых денег*, так как подавляющая часть международных расчетов осуществлялась посредством банковских переводов, без участия наличных денег. Золото же оставалось главным средством *окончательного урегулирования* взаимных денежных требований и обязательств,

а размеры его запасов – важным показателем устойчивости капиталистических валют и экономического потенциала отдельных стран. Эта система начала разваливаться в 1967–1968 гг.

Однако быстрое развитие экономик западноевропейских государств и Японии, активное вовлечение в международные экономические отношения все большего числа государств, нереальность официальной цены на золото, рост экспортно-импортных связей, а также увеличение масштабов международного перемещения ценных бумаг привели к тому, что проблема международной ликвидности к 70-м годам резко обострилась. Характерно, что в 1970 г. официальные золотые резервы капиталистических стран соответствовали только 14% совокупного импорта, т.е. находились на уровне 1961 г., хотя международный платежный оборот за истекший период увеличился в два раза. К этому надо добавить резкое увеличение эмиссии ценных бумаг на фондовых рынках. Как средство разрешения этих противоречий следует рассматривать введение в действие с 1 января 1970 г. плана выпуска суррогатов мировых денег в виде так называемых специальных прав заимствования (СДР), которые не имели собственной стоимости. За их масштаб было принято золотое содержание доллара США. Соответственно 1 единица СДР была приравнена к 0,888671 грамма золота. Несмотря на введение СДР, через несколько лет всеобщее распространение получили плавающие валютные курсы. В декабре 1971 г. произошла *девальвация доллара* (ключевой валюты международной финансово-кредитной системы) на 7,89%, что повлекло за собой девальвацию валют большинства стран-членов МВФ (при этом валюты ФРГ, Бельгии, Нидерландов и Японии были девальвированы). Официальная цена золота повысилась с 35 до 38 долларов за тройскую унцию.

После этого началась паника и спекулятивная горячка: крупные и не очень крупные капиталисты начали в массовом порядке скупать золото, рассчитывая, что его официальная цена в долларах будет повышена. «Золотой пул» выбрасывал на рынок все новые сотни тонн золота, но спрос был ненасытен. Частные спекулянты хотели иметь золото в натуре, а не в виде квитанций нью-йоркского банка. США отреагировали на ситуацию, защитив свои золотые запасы. В августе 1971 г. президент США Никсон объявил о временном прекращении конверсии (обмена) долларов в золото центральным банкам капиталистических стран. *Этим закончилась эра золотого стандарта* и фактически произошел «... и полный демонтаж Бреттон-Вудской системы, которые при-

вели к возникновению промежуточного состояния мировых финансов, когда доллар сам по себе функционировал в течение 30 лет как номинал, обеспечивая супервыгодное экономическое положение Соединенных Штатов»⁴⁶.

* * *

Но уход золота из мировой валютной системы (может быть и временный) одновременно породил глобализм как новую форму использования монетарного и военного оружия в интересах США. Глобализм как «американская идея» конца XX в. сформировался в рамках «воинствующего монетаризма» во главе с олигархическим финансовым капиталом и кредитным механизмом их власти в присвоении природных и людских ресурсов всего мира. Составным элементом его являлась борьба за новейшие технологии и обладание источниками энергии, с широким использованием доллара как бумажных денег, учитывая эмиссионную его природу, оторванную с 70-х годов XX в. от золота. Глобализация позволила США абсорбировать сбережения остального мира и потреблять больше, чем производить. Но природа глобализации требует более углубленного исследования в отдельной работе. А этот исторический экскурс в природу развития рыночных связей и денежных отношений целесообразно закончить развернутым заключением, показав роль монетарного механизма Запада в разрушении цивилизационной структуры мирового сообщества и формировании противоречий апоколептического характера.

⁴⁶ Распад мировой долларовой системы: Ближайшие перспективы. М., 2001. С. 6.

КОРОТКО О ГЛАВНОМ:
монетарный механизм Запада
в разрушении цивилизационной структуры мирового
сообщества и формировании противоречий
апокалиптического характера

«Если мы признаем, что деньги как таковые являются только единственным средством благосостояния, то и будет тем самым воздвигаться пресловутый золотой телец, против которого написаны многие отличные страницы мировой литературы. Каким ограниченным и поистине бедным представилось бы человечество, возымевшее уважение лишь к деньгам во всей их мишурной случайной ценности... Эволюция требует действительных ценностей...», – писал еще в начале 30-х годов такой большой ученый и духовный авторитет как Н.К. Рерих¹. И тем не менее, история свидетельствует о том, что в результате шеститысячелетней цивилизационной биографии человечества именно деньги в долларовом обличе стали рассматриваться как высшее достижение эволюции человечества. Возглавило это торжество денег западное общество, разрушая при этом все духовное многообразие цивилизаций, возникших в прошлом. Весь предыдущий анализ позволяет достаточно наглядно обосновать этот нелицеприятный вывод в отношении Западной цивилизации. Попробуем в кратких тезисах еще раз подкрепить это положение, рассматривая западное общество в контексте цивилизационной эволюции мировой истории. Напомним, что духовная эволюция многих народов бесчисленного множества поколений на всех континентах планеты выделила примерно 20–30 цивилизационных структур, которые к моменту ее появления прошли свой путь в истории и канули в небытие².

¹ Рерих Н.К. Врата в будущее // Русская старина. 1992. № 2. С. 153.

² Вопрос о цивилизационной структуре мировой истории до сих пор находится в стадии разработки и уточнения. Данилевский, начавший разработку этой проблемы, выделял 10 цивилизаций, Шпенглер – 8–9, Тойнби сначала выделял 21 цивилизацию, сократил их число до 13, а в конце работы количество расцветших цивилизаций увеличил до 27, не считая неразвившиеся и застывшие их виды.

И все же обычно выделяются немногим более десяти цивилизаций, особых религиозно-духовных миров, стоящих у истоков современных цивилизаций, проживших тысячелетия и ушедших в небытие: в Африке – Древнеегипетская (около 3,5 тыс. лет), Эфиопская, Суданская; в Европе – Шумеро-аккадская, включая Вавилонскую (2,5 тыс. лет), Мinoйская (Эгейская) (1,5 тыс. лет); в Азии – Древнекитайская (1,8 тыс. лет); Индская (1,5 тыс. лет), Древнетибетская, Промогольская; в Новом свете Древняя мезоамериканская (1 тыс. лет), Древняя Перуанская (3 тыс. лет), Индейская; в Австралии – Древнеавстралийская.

Они породили цепь сынородственных структур, которые, передавая духовную эстафету, нашли свое выражение уже в тех обществах, которые представлены в мировом сообществе начала III тысячелетия Новой эры.

Современный мир расчленен примерно на семь цивилизаций. Это цивилизации: Западная, Русская, Арабская, Иранская, Индийская, Китайская, Японская³.

Западная цивилизация возникает в конце первого тысячелетия Новой эры, хронологически в одном и том же ряду (временной диапазон два–три столетия) с Русской цивилизацией (иногда ее называют православной). Западная цивилизация возникла в период глубокого надлома и ухода в небытие Итальянской цивилизации, государственность которой в период своего расцвета была представлена Римской империей. Итальянская цивилизация, в свою очередь, образовалась на базе ряда сынородственных опосредующих структур. Они также имели за плечами столетия существования и своими корнями уходили в Древнеегипетскую, Шумеро-аккадскую и Эгейскую древние цивилизации.

Религиозно-духовной основой Западной цивилизации стала одна из ветвей христианства – католичество, пришедшее на земли германских языческих племен. Этот симбиоз породил метаисторическую константу Западной цивилизации, которая впоследствии будет названа *фаустовским* мировосприятием, с его волевыми началами и размытыми границами между Добром и Злом. Религиозное творчество многих поколений европейцев (включая протестантизм и социальные идеологии) всегда несло в себе это фаустовское начало. Западная цивилизация как структура длительной протяженности со своей метаисторической идеей существует более полутора тысячи лет. В ней можно выделить четыре многовековых цикла развития, которые отличаются друг от друга разной трактовкой христианской догматики в католической и протестантской Церкви, особым взаимоотношением религиозно-духовных институтов с государственными структурами,

³ С. Хантингтон выделяет не семь, а восемь цивилизаций: 1) Западную, 2) Славяно-православную (вместо русской), 3) Конфуцианскую (Китайскую), 4) Японскую, 5) Исламскую, 6) Индуистскую, 7) Латиноамериканскую, 8) Африканскую. Последняя имеет самобытные корни в эфиопской и суданской культурах, которые Тойнби характеризует как неразвившиеся цивилизации, а культуры Северной Африки скорее можно отнести к исламским цивилизациям. Что касается Латиноамериканской цивилизации, то ее следует рассматривать как романский вариант Западной цивилизации, хотя возникла на территории древних мезоамериканских и перуанских цивилизаций и сынородственных им цивилизационных структур (майяно-тольтекской, ацтекской, инкской и др.), которые были уничтожены европейцами.

Приблизительная численность существующих цивилизаций связана с тем, что некоторые исследователи по-разному относятся к определению самобытности культурных анклавов человечества, сложившихся в результате дифференциации отдельных конфессиональных ветвей в рамках трех мировых религий, а также «уснувших» и теперь оживших религий, вновь вышедших на мировую арену.

территориальным ареалом самой Западной цивилизации, которая к началу третьего тысячелетия заняла громадные пространства на всех континентах планеты. Однако именно фаустовские начала ее метаисторической идеи во всех циклах с использованием военно-силовых и рыночно-денежных отношений оказывали разрушительное действие на все другие цивилизационные структуры человечества.

Начиная с XI в., на базе союза светской власти и Святого Престола на европейском Западе возникла идея всемирной теократии, которая нашла свое выражение в крестовых походах как начальном этапе наступления европейцев на материальные и людские ресурсы других цивилизаций. А дальше *auri sacra fames* – «проклятая жажда золота», трансформировавшись в западный колониализм, набросила сети на материальные и людские ресурсы планеты всего мира, используя для этих целей военное и монетарное оружие. Хотя между государствами Западной цивилизации шла ожесточенная борьба за колонии, было то общее, что их объединяло. Этим общим было то объективное обстоятельство, что Западная цивилизация в целом *противопоставила* себя всем другим цивилизационным, культурным и этническим структурам мира. Мир тогда раскололся на две части – метрополии и колонии, все ресурсы которых (материальные и людские) стали развиваться в интересах государств Западной цивилизации. Именно эти пять столетий второго тысячелетия Новой эры определили на будущее антагонистический характер мирового общественного разделения труда, международного рынка и торговли, предполагающий постоянный *неэквивалентный обмен и перераспределение ресурсов колоний в пользу государств Запада*.

По отношению к народам *не-Запада* это нашло свое выражение: *во-первых*, в подрыве его генетического потенциала. Обратим внимание только на некоторые статистические цифры, свидетельствующие о подрыве европейцами *генетического* потенциала коренных народов их заморских владений. Затем были применены другие формы порабощения. Ф. Бродель пишет: «...Абсолютно достоверно... что с европейским завоеванием Америка переживает колоссальный биологический крах, быть может, и не уменьшивший число жителей в 10 раз, но, несомненно, огромный и несопоставимый с Черной смертью и сопровождаемыми ее катастрофами в страшном XIV в.⁴ «В английские колонии в Америке и Вест-Индии за столетие с 1680 по 1780 гг. было перевезено 2,5 млн рабов⁵. В общей сложности африканские народы

⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М., 1986. С. 47.

⁵ Холичер Ф. Человек в научной картине мира. М., 1971. С. 107.

в результате этого ограбления понесли страшную потерю, примерно 100 млн человек были обращены в рабство», – констатирует один из известных английских социологов Ф. Холичер⁶;

во-вторых, в формировании «ущербной» структуры экономики колониальных стран, которая не обеспечивала даже минимальных потребностей ее населения в продовольствии, попадавшего тем самым в зависимость от метрополий. Яркий пример тому Индия: «В середине XVIII в. Индия жила успешно; она обладала традиционным земледелием, здоровой и высокопроизводительной промышленностью старого типа, исключительно эффективной (вплоть до 1810 г. индийская сталь была даже лучше английской, уступая лишь шведской стали); она была вся охвачена давно уже функционировавшей рыночной экономикой; располагала многочисленными деловыми и торговыми кругами»⁷, – пишет Бродель. Ограбление населения, крупные закупки риса для армии и спекуляция служащих Ост-Индской компании вызвали в Бенгалии страшный голод, от которого в 1769–1770 гг. погибло около трети населения страны.

Колониальная система, обескровившая Индию уже в XVIII в., получила в XIX в. свое дальнейшее развитие, тормозя развитие национальной промышленности, подрывая ремесло и разоряя купечество⁸. Сельское хозяйство вынуждено было приспособляться к потребностям внешнего рынка. При этом ставка поземельного налога (ренды-налога) предполагала изъятие около половины урожая крестьянина на всей территории страны, не делая скидку в обложении даже в случае неурожая;

в-третьих, в разрушении духовного наследия народов. В этот период были уничтожены в Африке – Эфиопская, Суданская культуры; в Новом Свете – Индейская; все ветви, производные от мезоамериканской (майяно-тольтекско-ацтекской) цивилизации – Миссисипской, Северо-Андской доколумбовой (на территории Колумбии и Эквадора); Южно-Андской доколумбовой (в северном Чили и Северо-западной Аргентине); в Австралии – Древнеавстралийской.

Что касается *Западной цивилизации*, то в это же время происходит:

1. *Сохранение генетического* потенциала европейцев. Геноцидный характер по отношению к большинству колониальных народов не-Запада происходил на фоне образования более чем благоприятного развития для многообразной этнической составляющей европейских

⁶ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 265.

⁷ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 346.

⁸ Рой М.Н. Новая Индия. М.-Петроград, 1923; Дамт Р.П. Вопросы индийской революции. М.-Л., 1927.

народов – испанцев, португальцев, англичан и др. Европейцы захватывали для своего проживания те территории планеты, которые в природно-климатическом отношении отвечали их физической испос-таси. Сначала туда интегрировали социально-опасных граждан, не отвечающих жестким законодательным нормам или официальным религиозным установлениям европейских государств. Поэтому гово-рили, что Австралия была заселена каторжниками, а Северная Аме-рика стала пристанищем в начале XVII в. крайне агрессивных сект христианства – пуритан, мормонов и др. И тем не менее все этничес-кие ветви европейцев сохранялись, а другие народы уничтожались.

2. *Повышение материального богатства народов этой цивили-зации в целом.* Колонизируемые пространства и природные ресурсы сразу же стали «хозяйственными территориями» и были поставлены на службу монетарным устремлениям европейцев. Крупные капита-лы, которые были созданы в Северной и Средней Италии на основе развития транзитной торговли и международного ростовщичества, во Франции при помощи налоговой и откупной систем использовались для развития плантационной экономики, которая явилась мощным фундаментом в образовании материального благоденствия крупных колониальных держав и возникновения новой дочерней структу-ры Западной цивилизации, которая появится в истории под именем Соединенных Штатов Америки.

В геополитическом отношении колониальная система таи-ла в себе глубокие противоречия и в отношении самих государств Запада.

Около пяти столетий несколько конкурирующих между собой государств Западной Европы делили между собой территории и про-странства планеты. Испанцами после открытия Америки в 1492 г. была порабощена Центральная и значительная часть Южной Аме-рики. Португальцы, открыв морской путь в Индию, закрепились на Западном и Восточном побережьях Африки, на Западном побережье Индии, захватили в Юго-Восточной Азии Молуккские острова, в Но-вом Свете Бразилию. Уже в начале XVII в. в борьбу за заморские тер-ритории вступают протестантские Нидерланды, которые вытесняют и Испанию и Португалию. К середине XVII в. Нидерланды, достигнув пика своего экономического могущества, овладевают большинством португальских колоний, где главной была Индонезия.

В конце XVIII – начале XIX в. Англия включается в борьбу за морское могущество и торговые пути, ведущие в заморские террито-рии, сначала против Испании, а затем против Голландии и Франции. Опираясь на свою морскую мощь и, стало быть, на контроль за оке-анским пространством, лидером в этом имперском состязании стано-

вится Англия. Именно Великобритания вместе со своей национальной валютой – фунтом стерлингов завоевывает на столетие место главной имперской державы в рыночных и денежных отношениях мирового сообщества.

В конце XIX – начале XX вв. начинается *борьба за колониальный передел мира*, куда включается и Германия, что приводит международное сообщество к *Первой мировой войне*, в которую втягиваются большинство государств Европы, Азии и Африки за исключением Американского континента.

После Первой мировой войны происходит перезагрузка в военном и экономическом противостоянии государств Запада. На арене появляется его дочерняя Североамериканская структура – Соединенные Штаты Америки. Она соотносится с европейской ее матерью примерно так же, как в тысячелетнем прошлом Ассирийская ветвь Шумеро-аккадской цивилизации с основным Вавилонским стволом.

США приходят в мировое сообщество XX в. с идеей воинствующего монетаризма, где экономическое и военное превосходство сочетается с долларовым кредитно-денежным механизмом перераспределения ресурсов всех других цивилизаций в США.

Европейское духовное наследие не только полностью прижилось, но и получило дальнейшее развитие в Новом Свете, что было обусловлено иммиграционным составом населения, которое возникло на обширных территориях Североамериканского континента, «освобожденных» от коренных жителей. (Даже к началу XX в. 40% населения составляли граждане, родившиеся за пределами США). Фаустовские начала протестантских сект, первыми обосновавшихся в Северной Америке, пустили здесь глубокие корни. Они сформировали здесь по сути дела новую социальную религию – *воинствующий монетаризм*, ту тайную силу, образ жизни и вообще весь внутренний мир человека этого общества, провозгласив «американскую идею» как особый путь развития Западной цивилизации. Она была озвучена президентом США Монро в его послании Конгрессу в 1823 г., получив название «доктрины Монро». В целом, «американская идея», определявшаяся «доктриной Монро», дополненная миссиями посредничества и трансформированная конкретными историческими событиями, благоприятными для США, привела в конце XIX – начале XX вв. к процветанию страны. В ноябре 1928 г. Герберт Гувер при вступлении на пост президента заявил: «Мы, американцы, подошли близко к окончательной победе над бедностью больше, чем какая-либо другая страна... Мир вступает в эпоху промышленного процветания». Но история распорядилась иначе. Именно в период его

президентства 24 октября 1929 г. начался первый в истории мировой экономической кризис. Преодоление кризиса как и последующее десятилетие были связаны с именем Франклина Делано Рузвельта. Начиная с 1933 г., он четыре раза избирался на этот пост. *Рузвельт не только сломал вековую традицию, но создал со своей командой новую национальную идею Америки, которая жива до сих пор. Идея эта состояла в том, чтобы вывести страну на международную арену и создать всеми средствами (экономическими, политическими, военными, дипломатическими) повышенный спрос на национальную валюту США – доллар, сделав его международной резервной валютой, мировыми деньгами.*

Эта «американская идея» модернизировала по сути дела «старый колониализм», предложив новый рыночно-денежный механизм, при котором все ресурсы мира должны работать на интересы США. Заметим, что этот «неоколониализм» трансформировал основную идею европейского капитализма «*Laissez faier!*», породив олигархический капитал США с его идеологией и особыми монополистическими формами конкурентной борьбы. Национальная валюта США тоже проделала путь, отличный от европейских: если первые шли от золотого стандарта к инфляционным деньгам, то доллар, наоборот, шел от инфляционных денег к золотой основе.

Вторая мировая война была благодатной для США и в геополитическом, и в экономическом отношении (территория страны, не тронутая военными действиями, многократно выросший экономический потенциал, увеличившиеся золотые запасы, сохранившийся человеческий потенциал)⁹. После окончания Второй мировой войны доллар США начал быстро завоевывать позиции мировых денег и международной резервной валюты, поставив тем самым *Соединенные Штаты Америки во главу Западной цивилизации.*

США еще во время войны стали играть важную роль в планах послевоенной реконструкции международных валютно-финансовых отношений. В рамках Организации Объединенных Наций в июле 1944 г., когда еще не закончилась война, в тихом курортном городке Бреттон-Вудсе (США, штат Нью-Гемпшир) собралась Международная валютно-финансовая конференция, в которой участвовали 44 страны, включая СССР. Там был согласован устав Международного валютного фонда – первой в истории всемирной валютно-финансовой организации. Задача МВФ состояла в установлении международного сотрудничества в области валютных отношений. Тогда доллар был

⁹ Вторая мировая война и ее последствия привели к распаду колониальной системы старого образца, внеся существенные коррективы в расстановку геополитических сил на мировой арене.

приравнен к золоту, поскольку центральные банки и валютные органы других стран могли свободно обменивать доллары на золото по твердому соотношению, предъявив доллары американскому казначейству. В этих условиях американский доллар более чем когда-либо стал осью всей мировой валютной системы, а курс каждой валюты к доллару – важнейшим показателем «здоровья» или «нездоровья» национальной денежной системы.

Америка для укрепления доллара использовала все экономические и политические рычаги, чтобы свергнуть золото с пьедестала мировых денег, введя «политическую» цену золота¹⁰. Искусственно заниженная цена золота облегчила США скупку золота в других странах. В 1949 г. США владели более 70% официальных запасов золота. Тогда золото еще не потеряло окончательно функцию мировых денег, так как подавляющая часть международных расчетов осуществлялась посредством банковских переводов, без участия наличных денег. Золото же оставалось главным средством окончательного урегулирования взаимных денежных требований и обязательств, а размеры его запасов – важным показателем устойчивости капиталистических валют и экономического потенциала отдельных стран.

Эта система развалилась в 1967–1968 гг. Во всех странах, включая США и Великобританию, усилилась инфляция. Рост экспортно-импортных связей, а также увеличение масштабов международного перемещения ценных бумаг привели к тому, что проблема международной ликвидности к 70-м годам резко обострилась. Быстрое развитие экономик западноевропейских государств и Японии, активное вовлечение в международные экономические отношения все большего числа государств, нереальность официальной цены на золото, наводнение международного платежного оборота долларами США в силу хронического дефицита американского платежного баланса привели к международной валютной кризису.

Не случайно МВФ с 1 января 1970 г. вводит в действие план выпуска суррогатов мировых денег в виде так называемых *специальных прав заимствования (СДР)*, которые не имели собственной стоимости. Первоначально за их масштаб было принято золотое содержание доллара США (соответственно 1 единица СДР была приравнена к 0,888671 грамма золота). В декабре 1971 г. произошла девальвация

¹⁰ Установленное законом 1900 г. золотое содержание доллара равнялось 0,048 унции или 1,505 грамма. Во время мирового экономического кризиса 1929–1933 г. была установлена низкая цена на золото: 35 долларов за 1 тройскую унцию.

доллара (ключевой валюты международной финансово-кредитной системы), что повлекло за собой девальвацию валют большинства стран-членов МВФ, хотя валюты ФРГ, Бельгии, Нидерландов и Японии были ревальвированы. Официальная цена золота повысилась с 35 до 38 долларов за тройскую унцию. После этого началась паника и спекулятивная горячка: крупные и не очень крупные капиталисты начали в массовом порядке скупать золото, рассчитывая, что его официальная цена в долларах будет повышена. «Золотой пул» выбрасывал на рынок все новые сотни тонн золота, но спрос был ненасытен. Частные спекулянты хотели иметь золото в натуре, а не в виде квитанций нью-йоркского банка. США отреагировали на ситуацию, защищая доллар. *В августе 1971 г. президент США Никсон объявил центральным банкам капиталистических стран о временном прекращении конверсии (обмена) долларов в золото.*

Этим закончилась эра золотого стандарта и международной валютной системы, базирующейся на принципах Бреттон-Вудса, которая обеспечивала финансовый диктат США и неэквивалентный обмен, основанный на фактической американской монополии на золото. Но уход золота из мировой валютной системы (может быть, и временный) одновременно породил глобализм как новую форму использования монетарного и военного оружия в интересах США.

Глобализм как «американская идея» конца XX в. сформировался в рамках «воинствующего монетаризма» во главе с олигархическим финансовым капиталом и кредитным механизмом их власти в присвоении природных и людских ресурсов всего мира, составными элементами которого являлась борьба за новейшие технологии и обладание источниками энергии с широким использованием доллара как бумажных денег, учитывая эмиссионную его природу, оторванную с 70-х годов XX в. от золота.

Найденная еще при Рузвельте и затем укрепившаяся схема решения базовых экономических противоречий США за счет превращения доллара в мировую расчетную единицу и сброса инфляционной массы в третьи страны действовала на протяжении всего XX в. Глобализация позволила абсорбировать США сбережения остального мира и потреблять больше, чем производить. Экономические стратеги США длительное время строили свою политику на циничном геополитическом расчете. Замкнув на себе основную часть мировых торговых и финансовых потоков, привлеченных в США высоким курсом доллара и процентными ставками, Вашингтон превратил дефицит своего торгового и платежного баланса в форму страхования от кризиса, а остальной мир в заложников.

Однако начало третьего тысячелетия говорит о том, что пятисотлетнее господство Западной цивилизации, несмотря на монетарную и военную мощь ее современного агрессивного представителя – США, подходит к концу. Об этом свидетельствует мировой кризис, которому не видно конца, катализатором которого стали США, течение которого развенчивает самые глубинные основы глобализма с его кредитно-денежным механизмом и главенствующей ролью доллара. Об этом свидетельствует появление на политической арене как бы восставших из исторического небытия государств не-Запада (стран БРИК), имеющих древние цивилизационные корни и превратившихся из объектов в активных субъектов мировой политики XXI в. Эти государства, играя по правилам механизма глобализации, предложенным западными странами в последние десятилетия, используя свои особые потенции (цивилизационные, культурно-демографические, природные) начали «обыгрывать» Запад, не соглашаясь на роль пассивных игроков мировой истории в третьем тысячелетии. И в этом смысле они открывают эру не формального, а фактического преодоления колониализма. Темы Китая, Индии не сходят с повестки дня всех Международных форумов. Массовое протестное движение народов против идеологического и экономического засилья Запада – это очевидная реальность начала III тысячелетия. Оно усилилось после окончания «холодной войны» и было связано с утверждением США как сверхдержавы и проводимой ими всеми средствами политикой вестернизации мирового сообщества. Именно эти факторы не только актуализировали, но и перевели в практическую плоскость вопрос об изменении экономического миропорядка, сформировавшегося более пяти веков тому назад и связанного с политикой колониализма, позволившего использовать европейским, а затем американским Западом в своих интересах, ресурсы всего остального мира.

Большинство авторитетных политологов и социологов Запада и Востока, при разных взглядах на будущее человечества, убеждены в необходимости перемен в мировом сообществе. Конкретные формы этого будущего мироустройства в рамках традиционной социологии даются в очень расплывчатой форме, может быть, с выделением цивилизационного многообразия человечества. А вот астрологи дают более определенную картину будущего землян, опираясь на метаисторическую природу третьего тысячелетия как рубежной даты в ее эволюции, которая связана с космическим миропорядком, т.е. эрой Водолея. Подчеркнем, что их видение будущего отвечает общей методологии этой работы, в которой временные параметры эволюции человечества связываются с теми импульсами, которые род людской получает от Космогонических циклов (напомним, что предыдущие

два тысячелетия, когда образовались все мировые религии, в том числе христианство, оно возникло в эру Рыб¹¹).

«После переизбрания президента Обамы, – пишет известный астролог П. Глоба, – произойдут глобальные перемены. Соединенные Штаты сильно пострадают, они будут вынуждены отказаться от своей доктрины контроля над миром. Дай бог, если смогут контролировать ситуацию на американском континенте, да и то не на всем. В США начнется затяжной и тяжелый кризис. Доллар станет внутренней валютой... Чрезвычайно усилятся позиции Китая... Двадцать первый век – век стихийных бедствий и природных катастроф. В ближайшие двести лет Земле грозят бесконечные водные катаклизмы. Многие прибрежные страны будут подвергаться постоянным атакам гигантских цунами, спровоцированных извержениями подводных вулканов»¹².

Похоже, что астролог прав, указывая на космические прогнозы в судьбе человечества. Уже сейчас Высшие силы мироздания шлют грозные предупреждения роду людскому. Цунами в Японском море, торнадо в Америке, техногенные катастрофы, горящие леса в России, разлив нефти в Мексиканском заливе и т.д. Они обращены к человечеству как единому целому и говорят о необходимости его консолидации не на материалистски-монетарной, а на духовной основе (любви, братства, взаимопонимания). Эти начала есть во всех религиях прошлого, если не брать экстремистские их варианты. Но, пожалуй, больше всего она представлена в русском мессианстве, русской Вселенской идее, включая ее советский период, несмотря на то, что он дискредитирован сталинским тоталитаризмом. Она не снята и с повестки дня истории III тысячелетия и поэтому разговор о ней пойдет в следующей книге в рамках религиозно-духовных основ Русской цивилизации, противостоящей в своем развитии Западной, своей ровесницы по тысячелетним временным параметрам развития.

¹¹ Эпоха Водолея должна сменить эпоху Рыб, которую большинство астрологов связывают с христианством (во времена раннего христианства рыба считалась символом Христа, а само слово «рыба» (греч. *ichthios*) можно образовывать из первых букв греческих слов Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель). Эпохе Рыб предшествовала эпоха Овна – первого знака Зодиака.

¹² Глоба П. Караван историй М., 2012. С. 163.

Научное издание

Ирина Владимировна
Можайскова

**РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ
И ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В МНОГОВЕКОВЫХ ЦИКЛАХ
ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

РЕТРОСПЕКТИВА

В ДВУХ КНИГАХ

КНИГА ПЕРВАЯ

**РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ
И ДЕНЬГИ В МНОГОВЕКОВЫХ ЦИКЛАХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ИХ РАЗВИТИЕ
В ЗАПАДНОМ ОБЩЕСТВЕ**

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 15.05.2013
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура SchoolBookC
Усл. печ. л. 36,5. Тираж 1000 экз.
Тип. зак. № 35206 (Д).

Издательство АНО «Экономическая летопись».
109652, Москва, ул. Новомарьянская, д. 12/12, корп. 1.

Отпечатано в филиале «Смоленский полиграфический комбинат»
ОАО «Издательство «Высшая школа».
214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.
Тел.: +7(4812) 31-11-96. Факс: +7(4812) 31-31-70
E-mail: spk@smolpk.ru <http://www.smolpk.ru>